А. ПИРЕНН

НИДЕРЛАНДСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

H. PIRENNE

HISTOIRE DE BELGIQUE

tt. III—IV

BRUXELLES

А. ПИРЕНН

НИДЕРЛАНДСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ПЕРЕВОД
Ф. А. КОГАН-БЕРНШТЕЙН

РЕДАКЦИЯ И ВВОДНАЯ СТАТЬЯ
Е. А. КОСМИНСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—1937

9 (4)
П 33

Работа Пиренна по Истории нидерландской революции входит в тт. III и IV его многотомной истории Бельгии. В работе содержится большой фактический материал по политической истории, истории религиозной борьбы и по культурной истории Бельгии в XVI — XVII вв. Ясное и простое изложение делает книгу доступной для широкого круга читателей, в помощь которому даются вводная статья проф. Е. А. Косминского о Пиренне и толковый словарь.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
99	25 сверху	Прин	Принц
192	17 снизу	и	в
525	3 сверху	философии	философией
525	15 „	Но и у	Но как и у
572	2 „	А. Косминский	Е. А. Косминский

ВВЕДЕНИЕ

Анри Пиренн — историк Бельгии

До сих пор наши историки часто сосредоточивали все внимание на истории немногих народов, которые играли важнейшую роль в истории позднейшей Европы и упускали из виду историю других народов, оказавших, однако, крупнейшее влияние на европейскую историю в прошлом. Сплошь и рядом преподавание истории сводится к истории Франции, Англии и Германии. Италия выступает спорадически с большими пробелами, Испания появляется только в эпоху великих открытий и ранних колониальных захватов, скандинавские страны — и то краем — только во время реформации и тридцатилетней войны. Нидерланды мелькают в виде Брюгге и Антверпена, потом — в эпоху Нидерландской революции, причем почти все внимание сосредоточивается на северных провинциях, на Голландии. Южные Нидерланды и испанская Бельгия остаются неосвещенными. С таким положением пора покончить. Ряд самых коренных проблем средневековой истории выступит перед нами в новом свете, если мы к их изучению привлечем материал по истории тех стран, которые до сих пор нами пренебрежительно обходились. Необычайно обогащается содержание феодализма, если его изучают не только в английском, французском, немецком, но и в скандинавском, итальянском, западно-славянском вариантах. Необычайно обогащается история городов введением в нее истории Фландрии. Бургундское герцогство и его судьбы должны занять в истории средневековой Европы место, соответствующее той роли, которую оно сыграло в свое время в ее истории. Переводом важнейшей части «Истории Бельгии» Пиренна мы хотим обратить внимание наших студентов, преподавателей и всех, интересующихся историей, на ту большую роль, которую Нидерланды сыграли в истории Европы. Мы начинаем с самого драматического момента в истории Нидерландов — с революции XVI в

* * *

Анри Пиренн (1862—1935) — бесспорно крупнейший из историков современной буржуазной Европы, один из последних классиков буржуазной исторической науки.

Он родился в семье фабриканта в Вервье — одном из самых важных центров шерстяной мануфактуры и торговли Бельгии. Университетский курс Пиренн прошел в Льеже, а в 1886 г., 23-х лет, он получил кафедру в Генте и занимал ее 44 года.

Пиренн прошел хорошую историческую школу. Его учителями в Льежском университете были Готфрид Курт и Поль Фредерик. Готфрид Курт, историк франков, автор жизнеописания Хлодвига, замечательный знаток источников, привил Пиренну вкус к проблемам источниковедения, к вспомогательным историческим дисциплинам, приучил к точной технике исторического исследования. Фредерик, специалист по истории Бельгии в эпоху Бургундского герцогства и перехода к испанскому владычеству, историк инквизиции в Нидерландах, неутомимый издатель текстов, также оказал немалое влияние на молодого историка. Еще важнее были влияния, исходившие от немецких и французских ученых. Пиренн работал в больших германских университетах и в Париже. В Берлине он учился у известного историка-экономиста Густава Шмоллера, лучшие работы которого посвящены городскому ремеслу средневековья. В Париже больше всего дал ему Жири, также много работавший по истории средневековых городов, крупный авторитет в области вспомогательных дисциплин. От своих учителей Пиренн приобрел превосходное знание источников, точные приемы их критики, вкус к экономической истории средневековья и особенно к истории городов. В эту сторону толкали его и впечатления окружающей бельгийской действительности и прошлое Бельгии — классической страны городского развития.

Преподавательская деятельность Пиренна не ограничивалась Гентом. Он преподавал в Париже, в Дижоне, где имел возможность наблюдать много следов бургундской культуры, в Монпелье, в Алжире. В Бельгии Пиренн был признанным главой исторической науки. Он стоял во главе ряда научных учреждений Бельгии. Он был председателем комиссии по изданию Национального биографического словаря, председателем комитета Бельгийского исторического института в Риме, секретарем королевской исторической комиссии. Под его редакцией проходило печатание текстов и монографий по истории Бельгии. Он был одним из главных инициаторов и организаторов международных начинаний в области изучения истории. Под его председательством прошел в Брюсселе

в 1923 г. V международный конгресс историков, первый после войны.

Научные работы Пиренна создали ему широкую известность. Он был членом французского института, членом 13 академий, имел 16 почетных ученых степеней. Не только достоинства его научных исследований создали ему мировое имя. Он был блестящим популяризатором, умевшим каждую свою работу облечь в живую и интересную форму. Ему в высокой степени присуща та яркость, ясность и прозрачность стиля, которая отличает истинных мастеров. Пиренн принадлежит к числу тех немногих мастеров, которые всегда увлекательны и интересны, о чем бы они ни писали. Как несравненный лектор и оратор он увлекал своих учеников, зажигал в них энтузиазм, пробуждал в них призвание. Он создал в Бельгии школу историков социальных отношений. Можно сказать, что почти все историки современной Бельгии — ученики Пиренна.

Поражает исключительно широкий размах исторической работы Пиренна. Список его трудов, составленный в Льеже в 1926 г. по случаю сорокалетия его профессорской деятельности, заключает свыше 300 больших и мелких работ. С тех пор прошло еще 9 лет творческой работы. Но Пиренн не может быть причислен к довольно распространенному и среди историков типу ученого графомана, одержимого страстью к писанию, непрерывно разводящего водой небольшой запас идей и знаний. Все, что он пишет, ново, веско, содержательно, основано на зрелом исследовании и размышлении. Пиренн прежде всего медиевист. Но у него есть работы, посвященные и современной истории. Среди тем его ранних работ мы находим и архивоведение, и палеографию, и дипломатику, и латинскую филологию средневековья, и историческую географию. Его привлекает критическое издание текстов. Но уже рано сказывается интерес к истории средневековых городов. В 1889 г. вышла его работа «Histoire de la constitution de la ville de Dinant au moyen âge», положившая начало ряду ценнейших исследований по городской истории, составляющих его главный вклад в науку. Мировой известностью пользуются такие его книги, как «Les anciennes democraties des Pays-Bas» (Старинные демократии Нидерландов), 1910, и «Les villes au moyen âge» (Средневековые города), 1927. Но главным своим трудом, делом своей жизни Пиренн считал свою «Историю Бельгии», первый том которой появился в 1900 г., а последний, седьмой, в 1932 г. Этот труд был подготовлен множеством этюдов и специальных исследований по истории Фландрии, Генегау, Льежа, Гента, по истории отдельных эпох, особенно Бургундской, по истории ре-

волюции XVI в., по истории Бельгии в эпоху Великой буржуазной революции во Франции, по истории революции 1830 г. Можно сказать, что вместе с подготовительными работами «История Бельгии» заполнила большую часть ученой жизни Пиренна.

Работы Пиренна выделяются глубоким знанием источников, точностью документации, необычайно широким охватом тем и материала. Его отличает тонкое чувство конкретного факта; он большой мастер исторического портрета, исторической живописи. Люди и события оживают под его пером. В своей исторической работе Пиренн большое место отводил частному, индивидуальному, личностям, историческим событиям.

Но наряду со специальными конкретными исследованиями в трудах Пиренна большую роль играют также смелые гипотезы, широкие построения, иногда бросающие новый своеобразный свет на темные и трудные вопросы, но почти всегда парадоксальные, лишенные надлежащей теоретической основы. Именно здесь сказались отрицательные результаты эмпиризма Пиренна. Он разделяет здесь участь большинства буржуазных историков.

Его критики отмечают, что он не принадлежал к какой-нибудь определенной исторической школе; он многому учился у разных школ и в основном остался плюралистом и эклектиком. В своих трудах он считал необходимым подробно выяснять социальный и экономический строй изучаемого им общества. Лучшие его страницы посвящены социально-экономическим проблемам. Но и здесь в нем говорило чутье талантливого историка-реалиста, а не правильное историческое мировоззрение. Его ученик Гансгоф, думается, верно определил те основания, которые заставляли Пиренна выдвигать на первое место социально-экономические факторы. По мнению Пиренна, социально-экономические явления отличаются сравнительной простотой и притом допускают статистическую обработку, исключающую субъективные моменты; наконец, это — коллективные, массовые явления. Индивидуальные влияния сведены здесь к минимуму, и поэтому здесь более, чем в других отделах истории, возможно научное изучение. Далее, социально-экономические явления имеют интернациональный характер; по сравнению с политическими событиями они поднимаются над национальной ограниченностью. Наконец, социально-экономическая история облегчает понимание прошлого с всемирноисторической точки зрения. На этом Пиренн особенно настаивал в последние годы своей деятельности.

«Экономизм» Пиренна таким образом весьма далек не только от марксизма, но и от экономического материализма. Его экономизм вырастает на чисто идеалистической основе современной буржуазной социологии. Именно отсюда указанный эклектизм Пиренна. Отсюда, несмотря на неизменную оригинальность и индивидуальность его отдельных исторических концепций, несмотря на непосредственные конкретные расхождения с такими теоретиками современной антимарксистской историографии, как Зомбарт или Допш, Пиренн в конечном счете нередко сближается с ними в своих принципиальных установках.

Своеобразная психологическая транспонировка социально-экономических отношений в конечном счете сближает его с Зомбартом. В этом плане лежит его определение капитализма признаками индивидуальной предприимчивости, кредита, спекуляции. Крайний психологизм вообще характерен для всей методологии Пиренна. В этом отношении особенно характерны исторические параллели, к которым так охотно прибегает Пиренн и в которых внешне-психологический облик механически отрывается от исторического, социального содержания. Так сентябрьские события 1792 г. сопоставляются с Варфоломеевской ночью, герцог Альба — с Робеспьером и т. д.

Точно так же, как будто разойдясь с Допшем в вопросе о капитализме, поскольку он противопоставляет натуральное хозяйство средневековья хозяйству капиталистическому, Пиренн в дальнейшем переходит на позиции довольно близкие к допшианству. «Капитализм много древнее, чем принято думать, — пишет он. — Разница между средними веками и нашим временем лежит в количестве, а не в качестве, разница в интенсивности, а не в природе».

Читателю Пиренна необходимо об этом помнить и подходить к его работам с определенной критичностью.

**
*

В центре экономических исследований Пиренна стоят — поставленные во взаимную связь — проблемы начала средних веков, происхождения городов и этапов развития капитализма.

Одним из самых дискуссионных вопросов в современной буржуазной исторической науке является вопрос о смене античности средневековьем. Едва ли есть надобность напоминать читателю о целой лавине теорий, выставленных здесь буржуазной наукой. Основным вопросом все же остается старый, поставленный еще «романистами» и «германистами», —

имеем ли мы здесь катастрофу, революцию, переворот, или же мирное перерастание античного мира в средневековый?

Пиренн занял в этом вопросе своеобразную позицию. Он признает неразрывную связь той эпохи, которую обозначает как раннее средневековье, с античным миром. Он отмечает как основную черту античной истории ее средиземноморский характер. Эта характерная черта еще усилилась, когда столица империи из континентального Рима была перенесена в приморский Константинополь. Общий упадок культуры, начавшийся с III в., не нарушил средиземноморской торговли. Не нарушило средиземноморского характера европейской истории и нашествие германцев. Они стремятся к Средиземному морю, и оно остается центром германо-римского европейского мира. Пиренн отрицает возвращение в эту эпоху к натуральному хозяйству, падение торговли и городов.

Ислам и арабские завоевания начинают новую страницу в истории. Арабы завладевают Средиземным морем и оттесняют от него европейцев. Цивилизация Европы принимает континентальный характер. Торговля замирает, замыкается в местных рамках. Вся экономическая жизнь перестраивается на натурально-хозяйственных основах. IX век и особенно конец его — эпоха наибольшего упадка торговли. XI век — эпоха нового подъема, прежде всего проявляющаяся в росте городов. Таким образом начало средневековья следует связывать с завоеваниями арабов.

Едва ли надо говорить о том, что эта теория Пиренна совершенно неверна. Она теоретически порочна, совершенно игнорируя глубочайшие перемены, происшедшие в жизни Европы в IV—V вв. Торговля ставится ею в центр экономической истории. И при этом аргументы в пользу сохранения средиземноморского характера европейской культуры в меровингскую эпоху явно недостаточны. Арабы не столько отрезали Европу от Средиземного моря, сколько связали ее с восточными рынками. Теория Пиренна получила поддержку со стороны некоторых ученых, в том числе от Фердинанда Лота, но в общем не встретила сочувствия, несмотря на энергичную и красноречивую защиту ее Пиренном на V и VI конгрессах историков [1].

Если характеристика меровингской эпохи у Пиренна возбуждает много сомнений, то гораздо вернее охарактеризована им эпоха каролингов. Здесь он резко расходится с Доп-

[1] Скоро должна выйти книга Пиренна по этому вопросу, оставленная им в рукописи. Проблеме начала средневековья он посвятил ряд статей и две первые главы в его знаменитых «Городах средневековья».

шем и его школой, настаивая на натурально-хозяйственном характере всей экономической жизни этой эпохи.

«Раннее средневековье, — по его словам, — вовсе не знает силы капитала». Особенно ярко натурально-хозяйственные порядки выступают в каролингском поместье. Города в это время не играют никакой роли. Торговые пункты по морским берегам, как Марсель, Руан, Кентовик, имеют мало общего с городами — это пристани и места зимовки судов.

Эпоха экономического подъема начинается с XI в. Это — век возникновения городов. Среди многочисленных в буржуазной науке теорий о происхождении городов теория Пиренна занимает особое место. Происхождения городов надо искать не в местных рынках, не в торговых селах, не в замках, не в римских городах. Первые городские поселения были колониями купцов и ремесленников (port, faubourg) вокруг более ранних укрепленных пунктов — замков или епископских резиденций. Это два разных типа поселения, с разным населением, и их слияние не завершается до XIII в. В предисловии к другой книге Пиренна. «Фландрские города», будут даны более подробный анализ его теории происхождения городов и ее критика. Здесь надо отметить, что эта теория выведена им из изучения истории нидерландских, главным образом, фландрских городов. Попытка применить ее например к истории английских городов, сделанная Карлом Стивенсоном, оказалась неудачной.

Теория Пиренна выгодно отличается от большинства буржуазных теорий о происхождении городов тем, что она ставит вопрос не на формально юридическую почву, а стремится разрешить его на основе общих социально-экономических перемен XI в. Основы отделения города от деревни он видит не в чисто правовых признаках, а в том, что городское население жило главным образом торговлей и промышленностью, а не сельским хозяйством. До конца XII в. количество городов в Западной Европе незначительно. Это преимущественно торговые, а не индустриальные города. Торговля предметами индустрии долго базируется главным образом на деревенской промышленности.

К концепции о происхождении и развитии городов у Пиренна тесно примыкает его своеобразная теория ступенчатого развития капитализма. Надо сказать, что подобно большинству буржуазных историков Пиренн не проводит достаточно ясного различия между торговым и промышленным капиталом и часто говорит о «капитализме» там, где имеется налицо лишь более или менее крупный размах торговых операций.

Раннее развитие «капитализма» связано у Пиренна с ранним развитием средневековых городов. Городское население в Европе — пришлое. Это — торговцы; mercatores значит то же, что burgenses. Откуда они пришли? — Из деревень. Что они принесли с собой? — Только физическую силу, силу воли, ум и расчет. Это — деклассированные элементы деревни: безземельные, бродяги, грабители. Откуда их богатства? Удача, предприимчивость, прямой грабеж, а также большие различия в ценах в разных местах Европы дают возможность быстрого обогащения. Но купец мало живет в городе, и живет там главным образом зимой. Купец этого времени — главным образом странствующий купец; гильдии, ганзы — это организации для странствующей торговли. Здесь имеет место не медленное накопление, а стремительное обогащение. Таким образом первые «капиталисты» вышли из среды деклассированных элементов, искавших в торговле обогащения, соединявших ее с грабежом и вкладывавших в нее только свой ум, энергию и отсутствие нравственных стеснений. В истории городов и торговли до XIII в. Пиренн видит эпоху «свободной капиталистической экспансии».

Добытые таким путем богатства вкладываются не только в торговлю, но и в ростовщичество, в откуп пошлин и т.д., но особенно в приобретение земли, главным образом в городах. Так с начала XIII в. образуется патрициат — viri hereditarii, divites, maiores. — В противность Зомбарту Пиренн полагает, что не аккумуляция городской земельной ренты создает капитал, а что последний предшествует этой аккумуляции. Пиренн не колеблется назвать капиталистами фламандских и брабантских импортеров шерсти и торговцев сукном, продающих сотни кусков, венецианских, генуэзских и пизанских судовладельцев, торгующих с Левантом, лангобардских и флорентийских банкиров. Помещая капитал в приобретенные земли, потомки первоначальных купцов постепенно покидают торговлю и превращаются в рантье. Они роднятся с феодальной знатью и начинают жить, как рыцари.

Новый этап в развитии «капитализма» начинается в XIII в. XIII век — эпоха создания индустриальных городов. Сельские ремесленники массами устремляются в города. Растет множество новых городов. Большинство из них — мелкие города местного значения; большие города Италии и Фландрии работают на экспорт, на европейский рынок. К первым вполне применима бюхеровская характеристика городского хозяйства; но во вторых развиваются «капиталистические» порядки. Здесь Пиренн опять имеет в виду прежде всего торговый капитал. Торговля широко развивается и вместе с тем конкуренция между городами приводит к ее ограничениям. Там,

где ремесленные цехи берут власть, муниципальные статуты ограничивают независимость купца даже в чисто коммерческих делах. Церковь нападает на его прибыль своим учением о справедливой цене. В то же время купец, ранее занимавшийся торговлей любыми товарами, начинает специализироваться на определенной отрасли торговли. Теперь на место прежнего патрициата, превратившегося в класс рантье, нарождается новое поколение купцов — «капиталистов». И у них основой обогащения являются ум и расчет. Но теперь эти свойства обращаются главным образом на обход муниципальных и церковных ограничений. В то же время новые капиталисты начинают эксплоатировать мелкое ремесленное производство, закабаляя его путем кредита. Маклерство, ростовщичество в крупном масштабе являются наряду с торговлей источником обогащения новых «капиталистов». Откуда же берется этот класс новых «капиталистов», сменяющих прежний патрициат? Это по большей части торговые агенты, преуспевшие ремесленники, чиновники, преуспевшие на службе у князей. Всюду новые «капиталисты» вступают в непосредственную связь с княжеской властью.

Но с конца XV в. начинается опять новый этап.

Выдвинувшийся на место патрициата класс «капиталистов» — купцов и финансистов — начинает приходить в упадок. Рост колониальных открытий, создание больших монархий — все это изменяет характер торговли. С этим связаны Возрождение с его духом индивидуализма, большие войны, вызывающие спекуляцию, революция цен. Государство подчиняет себе город. Появляются новые отрасли промышленности, стоящие вне городского контроля. Создаются новые промышленные центры в деревне. Индивидуализм, свобода конкуренции — вот основы нового экономического строя. Быстро создаются новые крупные состояния. «Капиталист» средневековья уступает место новым людям. Опасаясь рисковать своим накопленным богатством, многие из старых «капиталистов» обращаются к административной карьере, покупают должности, делаются членами судебных палат, составляют «noblesse de robe», роднятся со знатью. Новые «капиталисты», — это опять-таки «parvenus»; таковы Жак Кер, и Фуггеры, и Фрескобальди, и много других. Выдвинутый эпохой Возрождения принцип экономической свободы не удерживается. Его скоро сменяет протекционизм и меркантилизм, система правительственной регламентации.

Промышленный переворот в Англии, машинное производство опять отодвигает купцов старой меркантилистической складки. Они превращаются в рантье, в держателей бумаг, скупают земли, переходят в ряды аристократии. Подни-

маются зато новые люди, предприимчивые характеры, «self made men». Как в эпоху Возрождения, они верят только в свободу и индивидуальную предприимчивость. Торжествует принцип «laissez faire, laissez passer». Но и здесь рост пролетариата вызывает государственное вмешательство, ограничения экономической свободы, социальное законодательство.

Таким образом Пиренн выдвигает теорию четырех эпох, сменявших друг друга в развитии европейского «капитализма». Развитие «капитализма» представляется ему в виде отдельных импульсов, отстранявших старое поколение и ставивших на его место новое. «Капиталисты», поднявшиеся из «низов», начинают каждую новую стадию как прогрессивный класс, но потом делаются консерваторами, сливаются со знатью. Точно так же сменяют друг друга эпохи экономической свободы и экономического регулирования.

Нет никакого сомнения в том, что построения Пиренна навеяны судьбами современного капитализма, и в своей модернизации и схематизации исторического прошлого они, как указано, так или иначе смыкаются с ходячими в буржузной историографии схемами Зомбарта и Допша. Смена поколений «капиталистов» дана в типичном и для Пиренна психологическом плане. Уже было сказано, как расплывчато понимает Пиренн самый термин — капитализм, как стираются в его изображении исторические грани социально-экономических формаций.

Но, касаясь спора старой, «бюхеровской», концепции с теориями «новой» школы, утверждающей исконность капитализма в Европе и его непрерывное развитие, начиная с раннего средневековья и глубже, со времени античности. — Пиренн решительно говорит о натурально-хозяйственном характере каролингской эпохи, о каролингском поместье, как классическом примере натурально-хозяйственной организации. Он утверждает, что до XII в. не может быть и речи о прибыли, о коммерческом характере поместья. Хозяйство ставит себе чисто потребительские цели. И для дальнейшего развития в основном верна теория ограниченных размеров торговли и городского рынка в частности. Пиренн отказывается признать преобладающее влияние капитализма в экономике XII—XV вв. С другой стороны, выступая против теории Бюхера и Зомбарта, он настаивает на наличии «торгового капитализма» (le capitalisme commercial) уже в XII в. По его мнению, немецкие ученые пропагандировали теорию мелкого городского рынка, потому что их отечество отставало в экономическом развитии от других стран Европы, в частности от Италии и Фландрии. Это наблюдение не совсем верно, по-

тому что именно немецкие ученые выступили потом застрельщиками «новой» школы. Если от изучения мелких немецких городов перейти к таким, как Флоренция, Венеция, Генуя и даже Гент, Брюссель, Ипр, Дуэ или Турнэ, то здесь не может быть речи о замкнутом «городском хозяйстве» в стиле Бюхера. Здесь, согласно Пиренну, можно говорить не только о купеческом капитале, но с XIV в. и о развитии капитализма в области промышленности. Впрочем Пиренн считает Италию и Фландрию исключением в Европе.

**
*

Главной работой Пиренна, главным делом его жизни была семитомная «Histoire de Belgique». Его статьи и отдельные исследования представляли главным образом подготовку к этому огромному труду. Пиренн был принципиальным противником «всеобщих историй», написанных коллективно, хотя впоследствии ему не раз приходилось принимать участие в такого рода коллективных работах. Он был одним из немногих ученых, которым по плечу было единоличное выполнение такой огромной работы. Первый том «Истории Бельгии» вышел в 1900 г. Он доведен до начала XIV в.

В первом томе Пиренн выступает в первую очередь как историк-экономист, как мастер истории социальных отношений и политического развития. Со второго тома разворачивается пестрое полотно событий и лиц. Здесь Пиренн пробует себя на новом поприще — как исторический портретист, как увлекательный рассказчик. Второй том доведен до смерти Карла Смелого и вышел в 1902 г. Третий том, доведенный до прибытия в Нидерланды герцога Альбы, вышел в 1907 г. В 1911 г. вышел четвертый том, доведенный до Мюнстерского мира 1648 г. После долгого перерыва, вызванного войной, в 1921 г. вышел пятый том, доведенный до 1792 г., шестой том посвящен периоду 1792—1830 гг. и седьмой 1830—1914 гг. Издание завершилось в 1932 г.

«История Бельгии» представляет монументальное произведение по массе изученного материала, ширине охвата, разнообразию тем. Все стороны национальной жизни от экономики до искусства охвачены здесь в живой картине мастером, в совершенстве овладевшим своим предметом. В этой сложной и многотемной работе есть основная ведущая тема. Такой темой является постепенное создание бельгийской нации. Бельгийская нация представляет некоторые своеобразные особенности; у бельгийской нации отсутствует общность языка. Бельгия со времен франкского завоевания была и поныне остается двуязычной. И территория ее складывается

исторически очень сложно, долго не представляя ни географического, ни политического единства.

«Бельгия — и в этом оригинальность и красота ее истории — является продуктом воли ее граждан», — так заявляет Пиренн. «У нас есть родина не потому, что ее нам дала природа, а потому, что мы так захотели». (Histoire de Belgique, т. V, стр. XI, XII.) Уже из этих цитат видно, как далек Пиренн со своей наивно-волюнтаристической формулой от марксистской проблемы этногенеза и исторического формирования нации и национальных государств.

Основная схема истории Бельгии по Пиренну следующая.

Пиренн со всей присущей ему страстностью протестует против распространенного представления о том, что бельгийской нации, как исторического единства, не существует, что Бельгия есть искусственное создание дипломатии и что ее прошлое не заходит далее 1830 г. Если начинать историю Бельгии с трактата, то не с Лондонского трактата 1830 г., а с Верденского трактата 843 г. Впрочем, он возводит начало ее истории даже к временам германского завоевания римской Галлии. Специфическое положение Бельгии между Францией и Германией, между романской и германской культурой, между французскими и германскими влияниями сделали из нее своего рода «микрокосм Европы», «лотарингскую нацию». Но Верденский договор не всю Бельгию отдал Лотарю. Земли к западу от Шельды перешли к Карлу Лысому и связаны с Францией. Земли к востоку от Шельды с конца IX в. связаны с Германией. По Шельде прошла граница между Германией и Францией. Между народами, жившими в бассейне Мааса и Шельды, между потомками латинизированных галло- и германо-римлян — валлонами — с одной стороны, и потомками салических и рипуарских франков — с другой, никогда не было национальной вражды, хотя и не было национального и расового смешения. Линия от Дюнкирхена до Маастрихта представляет непрерывную и устойчивую границу между валлонскими и фламандскими областями. Обе нации мирно жили рядом. Что же объединило их? Пиренн отмечает, что политические границы, делившие Бельгию пополам, никогда не совпадали с лингвистическими. Последние идут, как правило, с запада на восток, первые — с севера на юг. Так было при разделении Австразии и Нейстрии, при разделах по Верденскому и Мерсенскому договорам. Даже феодальные владения в Нидерландах обычно двуязычны. Фландрия имеет большой романский привесок в Аррасе, Лилле, Дуэ. Двуязычен Брабант, Льеж. И церковные территориальные деления (епископства) не обращали внимания на лингвистическую границу. Наоборот, религия была

здесь фактором объединения: христианизация франков объединила их с римлянами. В свою очередь римляне восприняли право франков. Кутюмы романских частей Нидерландов — германского происхождения и связаны с Салической правдой. Таким образом помимо политических и лингвистических границ здесь складывается общая культура (или «цивилизация» — Пиренн предпочитает этот термин), представляющая слияние германских и романских элементов, но в то же время имеющая свое своеобразие. Пиренн считает характерным для этой цивилизации синкретизм двух великих «рас», открытый для всех новых идей и влияний. От Эльбы до Пиренеев всякое новое явление в области мысли, искусства, религии находит в Нидерландах живой отклик и отражение.

Но решающим моментом все же был момент экономический. Пиренн отмечает необычайно выгодное географическое положение Нидерландов. Это — место встречи судов из двух морей Европы — Средиземного и Балтийского — и естественное складочное место для товаров, идущих с континента в Англию. Здесь с древнейших пор развивается шерстяная промышленность: уже в римскую эпоху пользуются известностью сукна моринов и менапиев, с V в. фризы продолжают эту традицию. С XI в. общее оживление торговли и промышленности в Европе особенно ярко сказывается в Бельгии. Ее реки покрываются купеческими ладьями, всюду возникают пристани, торговые пункты, склады — portus. Это — начало развития нидерландских городов. С XII в. Бельгия делается тем, чем она осталась и до сих пор, — страной городов.

Особые условия создали в Бельгии почву для необычайного расцвета городской жизни. В то время как в остальной Европе город обычно обслуживает лишь ограниченный рынок, произведения нидерландской шерстяной промышленности вывозились на все европейские рынки. Сырье для нее доставляла Англия. Нидерландские суконщики добиваются монопольного положения в производстве лучших сортов сукна. Еще до XIII в. они находят сбыт на Востоке. Результатом этого является быстрый рост промышленного населения, огромный спрос на рабочие руки, на ткачей, валяльщиков, красильщиков, стригалей. Пряденье дает работу тысячами женщин и детей. Все это вызывает огромную иммиграцию из деревень, образование в городах больших предместий, заселенных ремесленным людом, и наконец, к XIII в. образование «почти современного пролетариата». На этой почве разгорается крайне обостренная социальная борьба в XIII—XV вв.

Сначала во главе городского управления становится олигархия крупных купцов и городских землевладельцев, патрициат. Необычайно активный, энергичный и практичный, он отличается эгоизмом, исключительной привязанностью к своим привилегиям, чувством касты, безжалостным отношением к простому народу. Патрициям принадлежала власть в городах, над ними не было никакого контроля, они назначали налоги и определяли заработную плату.

С первых же годов XIII в. возникают волнения среди ремесленников. Начинается ряд стачек, сначала в Дуэ, потом и в других фламандских городах. Возникают тайные споры, заговоры против городских властей. Патрициат отвечает на это мерами террора. Изгнание, смертная казнь должны карать за забастовки. Рабочим воспрещается иметь оружие. Воспрещается собираться на улице более, чем трем людям. На забастовки отвечают локаутами. Городские власти отдельных городов договариваются между собою не принимать к себе лиц, изгнанных из одного из этих городов.

Социальная борьба осложняется борьбой политической. В борьбу патрициев и ремесленных цехов вмешиваются князья. В Льеже, Генегау, Фландрии они более или менее решительно берут сторону цехов. Их толкает на это вражда к патрициату. Они хотят использовать социальную борьбу, чтобы подчинить себе города. Но на союз фландрских графов с ремесленниками городской патрициат отвечает союзом с французскими королями. Опираясь на французских королей, патрициат усилил эксплоатацию ремесленников; французские короли стали в глазах народа покровителями ненавистного режима эксплоатации. Французская оккупация при Филиппе IV была эпохой усиления городских олигархий. В результате разразились страшные восстания. Всюду цехи восстают против патрициата и французов. Всюду, кроме Гента, торжествует «демократия». Цеховыми восстаниями пользуются графы фландрские, которые ведут городские «демократии» к победе над французами. Борьбу фламандских ремесленников с французским рыцарством Пиренн сравнивает с борьбой французских санкюлотов с австрийцами. «Демократии» бились не только за свою страну, но и за свой политический идеал. Битва при Куртрэ принесла фламандским ремесленникам не только победу над французами, но и над патрициатом. В то же время это начало независимости Бельгии, которой угрожала политика французских королей. «Фламандский пролетариат», по словам Пиренна, спас независимость Фландрии. Несомненно, эта модернизация имеет ввиду поднять в современном бельгийском пролетариате патрио-

тические чувства по отношению к своему буржуазному отечеству.

Пиренн с любовью описывает городские цеховые демократии. Но и он принужден подчеркнуть, что это демократий особого рода, привилегированные, проникнутые духом кастовой исключительности. Эта «демократия» не устраняла резкого классового деления на «капиталистов» и «рабочих».

Рост городов и особенно городских демократий, торговое и промышленное развитие, рост городской культуры создают почву для экономического и культурного объединения Нидерландов. Этот процесс завершается их политическим объединением. Между городами заключаются договоры, торговые трактаты, монетные соглашения. Так объединяются эти отдельные герцогства и графства, управляемые разными государями, говорящие на разных языках. Начало политического объединения относится уже к XIII в. К середине XV в. окончательно создается новое государство между Германией и Францией — герцогство Бургундское. В деле создания национального государства герцоги Бургундские в известном смысле продолжали дело победителей при Куртрэ. Правда, у них не было национального идеала, они хлопотали лишь об интересах своего дома, но их заслуги перед историей Бельгии огромны. Бургундский дом мог объединить Нидерланды, потому что страны по обоим берегам Шельды, несмотря на двуязычие, представляли одну страну в смысле экономической солидарности и духовной культуры. История Нидерландов как государства восходит к Бургундскому герцогству, но история нидерландского народа начинается много раньше.

В начале XVI в. власть попадает в руки сильнейшего государя Европы Карла V. В то же время Нидерланды делаются коммерческим центром Европы. Антверпен приобретает в европейской торговле значение, какого до этого времени не имел ни один город. Нидерланды стали международным рынком «terre commune à toutes les nations».

В то же время промышленность Нидерландов стала перестраиваться на новой, более широкой, национальной базе, преодолевая партикуляризм привилегированных городов. Антверпен делается ее главным рынком. Местные рынки пустеют, ряд городов приходит в упадок. Развитие новой индустрии происходит в деревне. Расцвет ее относится к тридцатым годам XVI в. Развивается свободная от цеховых стеснений новая шерстяная промышленность, металлургия, добыча угля. В деревне начинает развиваться промышленный пролетариат. Но и в городе возникают новые отрасли промышленности на капиталистической основе. Пролетариат бес-

правен и угнетен. Временами он заявляет о себе волнениями, вызываемыми нуждой, особенно же ростом цен. Но эти волнения без труда подавляются. В третьем томе «Истории Бельгии» Пиренн дает классическое изображение роста новой шерстяной промышленности, перехода ее в деревню, потери вследствие этого городами их руководящей роли, что ведет к укреплению системы провинций (штатов).

К проблеме Нидерландской революции Пиренн подходит главным образом с точки зрения создания бельгийской нации. Больше всего его интересует вопрос, каким образом создавшаяся в бургундскую эпоху нидерландская нация распалась на две — голландскую на севере и бельгийскую на юге.

Бельгийская нация отделилась, по его мнению, от голландской потому, что южные Нидерланды остались под властью Испании и католичества, в то время как северные стали протестантскими и добились независимости. Надо сказать, что то сравнение, которое здесь приходится делать Пиренну, далеко не лестно для национальной гордости бельгийцев. Освободившаяся от испанского владычества протестантская Голландия переживает эпоху небывалого экономического расцвета и принимает все меры к тому, чтобы подорвать хозяйство испанской Бельгии. В то же время испанский деспотизм встречает в Бельгии пассивное повиновение. Политическая жизнь замирает. Испанские короли интересуются только поступлением налогов. Начинается общий упадок культуры. Руководство духовной жизнью в южных Нидерландах переходит в руки церкви, которая сама скоро впадает в состояние маразма. Для католических Нидерландов наступает пора долгого упадка. Их испанские, а потом австрийские государи пренебрегают их интересами и втягивают их во все европейские войны. Их разоряет Голландия, расчленяет Франция, отобравшая Артуа и часть Фландрии.

Но все же Пиренн старается показать, что Бельгия сохранила «независимость». Нельзя говорить об иностранном владычестве в Бельгии до ее аннексии Французской республикой. Как испанские, так и австрийские Габсбурги — государи Бельгии — прямые наследники бургундских герцогов. Они владеют страной в силу законного права, которого никто у них не оспаривает. Но они пренебрегают интересами страны, не считаются с интересами населения, разрушают национальное сознание. Опять торжествует партикуляризм, опять падает сознание общего отечества.

Огромное значение для Бельгии имел факт французского завоевания (1794), которое Пиренн по его результатам сравнивает с римским завоеванием. Бельгия централизирована и

унифицирована. Она резко отличается от прежних австрийских Нидерландов и Льежской области с их почти суверенными провинциями с пестротой привилегий, учреждений и кутюмов.

Создание Нидерландского королевства из Бельгии и Голландии (1815) как бы возродило Бургундское государство. Но к XIX в. между обеими странами уже не было ничего общего. Их разделяли и религия и исторические судьбы. Богатство Голландии выросло на бедности Бельгии. Бельгийская революция 1830 г. разорвала это искусственное объединение и тем завершила создание бельгийской нации.

Последний — седьмой — том «Истории Бельгии» посвящен изображению экономического и культурного расцвета бельгийской нации после 1830 г. Пиренн сам соглашается, что он несколько приукрасил этот период, дал его «en beau». Он обходит темные и позорные пятна в истории бельгийской буржуазии, как например страшную эксплоатацию населения бельгийского Конго. Он подробно останавливается на борьбе партий — либералов, католиков и социалистов, стараясь занять объективную позицию. В основном его симпатии на стороне либеральной идеологии. Либеральная партия кажется ему партией ума и образованности. Но он считает ее недемократической, цензовой, которая неизбежно должна уступить место демократии. Он отрицательно относится к идеям, которые он обозначает как «экономический либерализм» — к идеям «закона спроса и предложения», фритреда, манчестерства. Он иронизирует над попытками смягчить социальное зло путем частной благотворительности, религиозного патроната и «просветительных мероприятий». Носителями новой демократии для Пиренна являются католическая и социалистическая партии, поставленные им рядом. Последнюю Пиренн одобряет за ее умеренность и оппортунизм, за ее сопротивление коммунистическим идеям.

Пиренну прекрасно известна печальная роль, сыгранная католичеством в истории его народа. Но он находит слова симпатии и для современной католической партии, как партии «демократической»; с симпатией он перечисляет заслуги католичества и в прошлом...

С либерализмом Пиренн сочетает монархизм и легитимизм. Для него не только идеализируемые им бургундские герцоги, не только Карл V, но и Филипп II, и последующие испанские и австрийские Габсбурги — законные государи Бельгии. Леопольд II для него не «коронованный купец», не бесчеловечный эксплоататор черных рабов, а благодетельный монарх. «Никогда не было государя, посвятившего себя благу своего народа с большим пониманием, преданностью и па-

триотизмом», «Эра демократии и эра... Леопольда начались одновременно». С энтузиазмом говорит он об общении короля Альберта с народом...

При всех своих огромных, исключительных знаниях, большом историческом чутье, несомненном демократизме, широкой гуманности и космополитизме Пиренн все же оставался бельгийским буржуа и не в силах был вырваться из своего ограниченного круга.

***

Историю Нидерландской революции Пиренн берет в том же плане истории бельгийской нации. Собственно говоря, почти можно сказать, что у Пиренна отсутствует самая тема: он дает не «Нидерландскую революцию», а «Нидерландскую революцию в бельгийских провинциях». В его изложении отсутствует история северных провинций, которые были главным центром революционной борьбы, потому что для него это уже история Голландии, не имеющая прямого отношения к истории Бельгии.

Вместе с тем для Пиренна по сути дела не существует самой проблемы Нидерландской революции, как революции буржуазной. Характерно даже внешнее построение изложения: тема Нидерландской революции не выделена в отдельный том, а входит частично в III том, частично в IV том; подразделение на главы также дается не по внутреннему ходу борьбы, а сообразно смене правителей бельгийских провинций.

Пиренн выясняет ряд причин, вызвавших революционное движение в Нидерландах. Он указывает на экономическую причину — эксплоатацию Нидерландов Испанией, на политическую — стремление Нидерландов (особенно нидерландской знати) к восстановлению «бургундских вольностей», ущемленных политикой испанского абсолютизма, не говоря уже о множестве второстепенных обстоятельств, вплоть до «психологических» мотивов — бестактной и неискренней политики Филиппа II, неспособной Маргариты Пармской и т. д. Но главным стержнем революции является для Пиренна религиозный вопрос.

Нидерландская революция протекала в сложной исторической обстановке. Самая передовая по капиталистическому развитию страна Европы, Нидерланды, была политически подчинена одной из самых феодально отсталых стран — Испании. Борьба против феодализма здесь неизбежно сливалась с национально-освободительной войной против Испании. В условиях той эпохи социальное и национальное движение

в Нидерландах так же, как и потом в Англии, приняло резко выраженную религиозную окраску, как борьба кальвинизма и анабаптизма против господствующей католической церкви. В глазах буржуазных историков политическая и религиозная борьба заслонили социальную, как мы видим это и в историографии английской революции, которая даже для передовых английских историков все еще остается в первую очередь «пуританской». Поэтому борьба между Нидерландами и Испанией, борьба между протестантами и католиками, изучена гораздо лучше, чем классовая борьба в самих Нидерландах.

И у Пиренна социальная сторона Нидерландской революции заслонена политической и особенно религиозной. При этом, хорошо понимая социальную сущность анабаптизма, Пиренн не выясняет классового характера кальвинизма. Он видит в нем лишь религиозную и политическую сторону. Кальвинизм обращается, в изображении Пиренна, ко всем классам и особый успех имеет у «промышленного пролетариата». Классовый характер кальвинизма как религии буржуазии остается невыясненным, невыясненным остается и общий характер движения, как буржуазной революции. Пиренн не уклоняется от аналогий между Нидерландской революцией и Великой буржуазной революцией во Франции, но как раз эти аналогии показывают, как далек он от понимания их действительного содержания и исторического родства. Он сравнивает — и не однажды — герцога Альбу с... Робеспьером, испанский террор в Нидерландах с террором французской революции, казнь Эгмонта и Горна с казнью Людовика XVI. Гезов он сравнивает с вандейцами, резню гезов с сентябрьскими казнями во Франции. Другими словами, он считает возможным проводить аналогию между революционным террором и жестокостями феодальной контрреволюции. И здесь и там он видит жажду человекоубийства под давлением долго сдерживаемой ненависти. Стоя на позициях расплывчатой буржуазной «гуманности», Пиренн допускает грубые исторические ошибки, сближая факты, совершенно противоположные по своей исторической сущности.

Религиозный момент выдвинут у Пиренна на первый план не случайно. Он служит развитию основной его темы истории образования бельгийской нации. Религиозная борьба провела резкую границу в самих Нидерландах, границу между католическим югом и протестантским севером. Бельгия осталась верной католичеству. Социальная борьба у Пиренна покрывается борьбой религиозной. Восстания плебейства в бельгийских городах рассматриваются как захват власти кальвинистским меньшинством, опирающимся на «разнуз-

данную толпу», преследующим католичество и стремящимся восстановить городской партикуляризм. Но это ведет в последнем счете к восстановлению испанского владычества в Бельгии и к торжеству католицизма.

Мы уже отмечали выше католицизм и легитимизм Пиренна как непосредственное продолжение его национализма. Эти положения широко отражены и в настоящем томе, где автор всячески спешит «воздать должное» личным качествам и соблюсти «справедливость» по отношению и к Филиппу II, и к Гранвелле, и к герцогу Альбе и к «эрцгерцогской чете».

Однако Пиренн широко воспроизводит конкретный материал, и факты говорят за себя под его мастерским пером, делающим его книгу доступной для широкого круга читателей.

**
*

В заключение два слова об оформлении книги. Она обнимает последние главы III тома и IV том, кончая Мюнстерским миром. В нашей книге дана внутри этих книг единая последовательная нумерация глав, соответственно расходящаяся с нумерацией подлинника.

Иллюстрации к книге заимствованы из специального альбома старинных гравюр, выпущенного Пиренном в качестве приложения к его «Истории Бельгии».

Е. Косминский.

НАЧАЛО ВОССТАНИЯ ПРОТИВ ФИЛИППА II

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ФИЛИПП II В НИДЕРЛАНДАХ (1555—1559)

При восшествии на престол Филипп II получил, как известно, лишь часть наследства своего отца. Дом Габсбургов разделился на две ветви: одна в лице Фердинанда имела своим местопребыванием Вену, другая в лице Филиппа — Мадрид. Титулы императора и католического короля, объединенные во время предшествующего царствования в одном лице, принадлежали теперь двум различным монархам, и это внезапное изменение европейского равновесия получило немедленное отражение в истории Нидерландов [1].

Бургундские провинции, включенные в обширные владения Карла V, однако не растворились в них, а сохранили почти в полной неприкосновенности свою внутреннюю автономию. Благодаря частому посещению Карлом V Брюсселя во время постоянных его путешествий, к которым его вынуждало положение подвластных ему земель, они не переставали видеть в нем своего национального государя. Филипп же — хотел ли он того или нет — мог быть в их глазах только чужеземцем. Если бы его воспитание и характер даже не отдалили его от его бургундских подданных, то он уже в силу политической необходимости вынужден был подчинить их Испании. Разумеется, он никогда не любил бельгийцев, свободомыслие которых в политическом отношении и веротерпимость в религиозных вопросах находились в резком противоречии с его абсолютизмом и непримиримым католицизмом. Кроме того его постоянное отсутствие, начиная с 1559 г., сильно настроило их против него. Наконец, его посредствен-

[1] Совершенно правильное освещение важности этого вопроса является большой заслугой Госсара. *Gossart*, L'Etablissement du régime espagnol dans les Pays-Bas, Bruxelles, 1905, p. XI etc.

ный ум, его колебания, его неискоренимая медлительность, его склонность к бумажной волоките, маленьким хитростям и маленьким интригам мешали ему своевременно принимать необходимые меры или делали его действия очень неискусными. Но по существу все это играло лишь очень второстепенную роль в жестоком кризисе, разразившемся во время его царствования. Сводить этот кризис к восстанию, которое якобы было вызвано деспотизмом государя, с одной стороны, и честолюбием некоторых крупных знатных вельмож — с другой, значило бы не понять ни сущности, ни значения его. Корни его лежали глубже, и ни одна человеческая воля не могла справиться с обстоятельствами, его вызвавшими.

В действительности за антагонизмом между Филиппом II и Вильгельмом Оранским скрывалось другое принципиальное противоречие — между Испанским и Бургундским государствами, совершенно отличными друг от друга по обычаям, традициям, идеям и интересам. И как бы ни было велико личное значение обоих этих людей в возникновении этого конфликта, но оно отступает на задний план перед двумя крупными коллективными силами, представителями которых они были.

Если бы Филипп II даже не был тем человеком, каким он был на самом деле, он все равно не мог бы поддержать равновесие между Испанией и Нидерландами. Будучи чисто испанским государем, он неизбежно должен был жертвовать интересами Нидерландов ради Испании, и следовательно должен был обращаться с ними не как с особым государством, а как с «владением», предназначенным служить опорным пунктом и операционной базой для испанского государства на севере Европы, и соответственно пытаться лишить их автономии и независимости. Но именно поэтому катастрофа становилась неизбежной, ибо объединенные общностью интересов и единой политической организацией 17 провинций не могли допустить своего порабощения. Преобразованные в государство Филиппом Добрым, Нидерланды были достаточно сильны, чтобы противостоять напору Филлипа II, тем более, что сам Карл V еще крепче сплотил их, подготовив их таким образом помимо своего желания к борьбе со своим сыном.

С первых же дней нового царствования началась борьба между Бургундским государством и Испанией. Когда к этому присоединился вопрос о кальвинизме, это привело лишь к переходу борьбы в новую и решительную фазу. Но схватка между враждующими сторонами началась еще до этого, и в течение довольно продолжительного периода борьба носила скорее национальный характер, чем религиозный.

I

Карл V уже с давних пор подготовил все, чтобы обеспечить своему сыну обладание Нидерландами. Аугсбургский религиозный мир, Прагматическая санкция и наконец признание Филиппа провинциями в 1549 г. заранее устранили все трудности, которые могли произойти в решительный момент в Германской империи или в самом Бургундском государстве. Словом, никогда еще вступление на престол не происходило при более нормальных и более мирных обстоятельствах, чем это было при восшествии на престол нового испанского короля. Ничего подобного не было со времени смерти Карла Смелого. Мария Бургундская, Филипп Красивый и Карл V принимали бразды правления либо в разгар политического кризиса, либо призывались к власти еще детьми вследствие неожиданной смерти предшественника и должны были мириться с долгими годами регентства, прежде чем приступить к самостоятельному управлению государством. В данном случае 28-летний король получил власть из рук своего отца перед лицом генеральных штатов, в обстановке всеобщей преданности монарху.

В момент, когда он принял государственную власть, политическое положение было настолько прочным, что лучшего нельзя было и пожелать. Восельское перемирие положило конец войне с Францией. Никаких опасностей нельзя было ожидать со стороны Германской империи, где царствовал дядя нового государя, Фердинанд Австрийский. Что касается Англии, дружба которой была особенно необходима Нидерландам, так как они поддерживали с ней очень оживленные экономические отношения, то брак Филиппа с Марией Тюдор гарантировал со стороны Англии полнейшую безопасность. К этому надо прибавить еще, что Гельдерн и Льежский край, столько времени беспокоившие Бургундское государство, теперь содействовали увеличению его мощи, поскольку первый был аннексирован и стал составной частью его, а второй согласился на признание над собой протектората, который при епископе Георге Австрийском перешел в полное подчинение брюссельскому двору.

Таким образом — и притом впервые за столетие — государь при вступлении на престол не должен был думать ни о защите Нидерландов от внешних врагов, ни о борьбе внутри страны с мятежниками или с какими-нибудь претендентами. Объединение 17 провинций было завершено; все территории крепко держались друг за друга, составляя одно сплоченное целое. Все они признавали теперь власть одного и того же государя, все они приняли ради него один и тот

КАРЛ V
(гравюра Бегама)

же закон о порядке престолонаследия. Все они были в одинаковых политических отношениях с Германией и Францией. Все они подчинялись одним и тем же общим указам и правительственным советам и наконец все они считали себя отныне отдельными, но неделимыми членами бургундского наследия.

Сначала могло показаться, что новому государю нетрудно будет добиться мира и согласия, ибо на первых порах своего царствования Филипп II пытался ничего не менять в системе управления, установленной его отцом.

Карл V и Мария Венгерская, отправившиеся в Испанию лишь 15 сентября 1556 г., присутствовали при начале царствования Филиппа и, разумеется, помешали ему своим присутствием предаться тем новшествам, которыми почти всегда ознаменовывается вступление на престол нового государя. Кроме того самый влиятельный из императорских министров,

Гранвелла, остался при сыне своего повелителя, помогал ему своими советами и разъяснял ему, насколько важно не задеть общественного мнения при этой первой встрече короля со своими подданными. Поэтому Филипп тщательно избегал вносить какие бы то ни было изменения в привилегии провинций [1]. Он не сместил ни одного чиновника. И хотя он включил в состав государственного совета иностранца Гранвеллу, но зато он позаботился о включении в него также молодых вельмож, указанных ему его отцом: принца Оранского, графа Эгмонта, маркграфа Берга, графа Бусси, сира Глажона и Амонского штатгальтера, Симона Ренара. Не произошло никаких изменений и в официальной организации борьбы с ересью: Филипп ограничился опубликованием вновь (20 августа 1556 г.) «плаката» от 25 сентября 1550 г. [2]. И, наконец, он избрал на место Марии Венгерской приемлемого для высшей знати принца, прекрасного военачальника, щедрого и блестящего, высокое происхождение и характер которого являлись залогом того, что он не станет политическим орудием в руках монарха. Это был герцог Эммануил Филибер Савойский, назначенный через два дня после отречения Карла V, 27 октября 1555 г., генеральным штатгальтером Нидерландов [3].

Однако все эти проявления высочайшей милости были встречены с плохо скрываемой холодностью. Они не снискали новому государю доверия его подданных. Ему явно не доверяли, и не без оснований. Действительно, иногда «то, как дают, дороже того, что̀ дают». Филипп же явно давал против воли. Все его поведение находилось в резком противоречии с выставлявшимися им намерениями. Замкнувшись от всех в брюссельском дворце, исключительно среди испанского окружения, он настолько мало общался с вельможами, недавно призванными в государственный совет, что уже в ноябре у них сложилось убеждение, что их включили в него «только для формы» [4]. Хотя Филипп и ограничился лишь подтверждением ранее изданных «плакатов» против еретиков, однако было очевидно, что он не потерпит в дальнейшем той снисходительности, с которой они до сих пор применялись:

---

[1] *E. Poullet*, Histoire de la joyeuse entrée de Brabant, Bruxelles, 1862, p. 336.

[2] «Placcaeten van Brabant», B. I, S. 45.

[3] *Gachard*, Le duc Emmanuel Philibert de Savoie, gouverneur général des Pays-Bas, «Études et Notices», t. III, Bruxelles 1890, p. 9. Назначение Филибера было продиктовано соображениями чисто внешней политики: его избрали потому, что он был врагом Франции.

[4] *Gachard*, Des anciennes assemblées nationales de la Belgique, «Revue de Bruxelles», décembre 1839, p. 30.

28 ноября 1555 г. он возобновил и усилил инструкции для инквизиторов, а 30 сентября 1556 г. приказал судебным советам беспощадно применять указ от 20 августа, начать преследование слишком снисходительных чиновников, отбирать имущества у лиц, эмигрировавших по религиозным причинам, строго следить за странствующими ораторами и певцами и, наконец, тайно казнить осужденных, «которые считают делом чести подвергнуться публичной казни, так как благодаря своему упорству им еще лучше удается привлечь простых людей к своим проклятым сектам и лжеучениям» [1]. За несколько недель до того (20 августа 1556 г.) он разрешил иезуитскому ордену обосноваться в Бельгии, хотя председатель тайного совета Виглиус предупредил его, что мера эта будет враждебно встречена в провинциях [2]. Кроме того он не сумел привлечь на свою сторону герцога Савойского, который вскоре сблизился с бельгийской знатью, крайне недовольной, в свою очередь, презрительным высокомерием короля и его отвращением к ней, чего король не умел скрыть. И, наконец, несомненно, в Нидерланды проникли слухи о плане, который Филипп в это время обсуждал со своими ближайшими советниками относительно превращения Нидерландов в отдельное королевство, но не для того, чтобы обеспечить им независимость (о чем в свое время уже поднимался вопрос), а, наоборот, чтобы подчинить их чисто монархическому строю [3]. Всего этого достаточно было, чтобы распространилось убеждение, будто король в глубине души осуждает проводимые им официально мероприятия. Чувствовалось, что он играет роль, и играет ее против воли, не вносит в нее искренности и сочувствия, которые могли бы привлечь к нему сердца. Но главной причиной недоверия была ненависть, которую испанцы внушали всем слоям населения.

Если уже в 1549 г. надменная сдержанность и высокомерие сопровождавших Филиппа в Нидерланды придворных шокировали местную аристократию, то стало еще хуже, когда Карл V в 1553 г. призвал на север для участия в войне против Франции целые полки испанской пехоты. Эта невыносимо наглая военщина вела себя в провинциях, как в завоеванной стране. Ее оскорбительное поведение усугублялось еще озлоблением, оставленным в Испании корыстолюбивыми действи-

---

[1] «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 2-ème série, t. XI, 1859, p. 234.

[2] *A. Cauchie*, Notes sur quelques sources manuscrites de l'Histoire belge à Rome, ibid 5-ème série, t. II, 1892, p. 160.

[3] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. II, p. 143. Ср. *Gossart*, Projets d'érection des Pays-Bas en royaume sous Philippe II, «Bulletin de l'Académie royale de Belgique», Classe des lettres, 1900, p. 558 etc.

ями бельгийцев в 1517 г. Все это вскоре породило в Нидерландах национальную ненависть против испанцев, усиливавшуюся с каждым годом. Чем больше приходилось бояться этих иностранцев, тем больше их ненавидели. Особенно резко выраженную антипатию к военщине питали фламандцы, занимавшиеся почти исключительно промышленным и земледельческим трудом. Они ненавидели от всей души этих солдат, гордившихся тем, что они только солдаты. Вместе с ними в Нидерландах появился новый тип воина. Это не были уже наемники, нанимавшиеся для одного похода — вроде известных до этого времени швейцарцев или ландскнехтов — и сражавшиеся за деньги как за Францию, так и за императора: испанцы представляли народную армию, храбрую и в то же время надменную, гордившуюся своим презрением ко всему, за исключением своего государя.

Отсюда был только один шаг до того, чтобы жители Нидерландов стали считать этих воинов самыми опасными врагами политических свобод. И они сделали этот шаг тем легче, что вскоре с досадой и завистью было отмечено, с каким уважением обращаются с кастильскими солдатами их военачальники, министры и даже сам король. К антипатии, обусловленной различием обычаев, вскоре таким образом присоединились еще взаимные подозрения и недоверие. Бельгийцы упрекали испанцев не только в наглости и лени, но также в тайном заговоре против национальных учреждений страны. Между тем испанцы, с своей стороны, умышленно и упорно избегали всякого соприкосновения с народом, который они осуждали за его неприличную с точки зрения умеренных южан склонность выпить, за его миролюбивый нрав и независимое поведение; они рисовали себе его как сборище еретиков и врагов короля [1].

Эта вражда, ясно сказавшаяся уже к концу царствования Карла, должна была явиться источником очень больших трудностей для его преемника. Уже в 1552 г. английские дипломаты писали, что принцу Филиппу нелегко будет утвердиться в Нидерландах, так как испанцы являются здесь предметом ненависти и страха [2]. И действительно, новый государь не был человеком, способным смягчить положение. Он не только сам разделял все предрассудки и предубеждения своих соотечественников, но совершенно не обладал кроме того гибкостью и ловкостью, которые позволили бы ему скрыть это. Любовь, уважение и преданность испанцев королю еще более

[1] *Morel Fatio*, Études sur l'Espagne, p. 239 etc.; *Gossart*, L'Etablissement du régime espagnol dans les Pays-Bas, p. 12 etc.

[2] *Gossart*, L'Etablissement du régime..., p. 192.

усилили подозрительность бельгийцев, и в то же время — в силу этого контраста — они окончательно отдалили его от бельгийцев. В то время как король делился своими планами только с Гранвеллой, Рюи Гомесом, Бернардино Мендозой и Дон Хуаном Манриком, вельможи из государственного совета уже 18 ноября 1555 г. потребовали, чтобы все дела, касающиеся провинций, поступали на их рассмотрение[1].

II

Таким образом через три недели после отречения Карла V первые признаки неизбежного конфликта были уже налицо. Если они и не повлекли за собой немедленного разрыва, то причиной этого были политические события, заставившие Филиппа II очень бережно обращаться со своими бургундскими подданными. Действительно, уже очень скоро стало ясно, что Восельское перемирие долго не продержится. Генрих II с помощью папы открыто готовился к новой войне. Для успешного ее ведения неизбежно должны были потребоваться большие денежные жертвы со стороны провинций. Между тем их финансовое положение внушало сильнейшие опасения. Огромные расходы, вызванные последними войнами Карла V, обрушились на страну огромным бременем налогов и займов. Переходящий долг, доходивший в 1554 г. до 285 982 ливров, достиг в 1555 г. — 424 765 ливров, а в 1556 г. — 1 357 287 ливров[2]. Были заложены государственные имущества, пришлось использовать кредит городов и провинциальных штатов. В июле 1556 г. долг фландрских штатов составлял около 3 млн. ливров «и примерно таковы же были долги остальных штатов»[3]. К этому же времени текущие ассигнования были израсходованы уже примерно в размере 400 тыс. флоринов. В ноябре герцог Савойский оценивал суммы, взятые правительством под проценты, в 3 909 тыс. флоринов и, несмотря на это, были должны еще 300 тыс. флоринов коннице, 601 380 флоринов распущенным пехотным полкам, 766 240 флоринов милицейским отрядам, 620 300 флоринов пограничным гарнизонам, не считая 721 200 флоринов, необходимых для содержания этих гарнизонов, 208 тыс. для крепостных работ и 36 800 флоринов на артиллерию[4].

От антверпенских банкиров, средства которых были исчер-

[1] *Gachard*, Anciennes assemblées nationales..., p. 30.
[2] *Ehrenberg*, Das Zeitalter der Fugger, Bd. II, S. 66.
[3] «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 2-ème série, t. VIII, 1856, p. 120; «Registre de Van der Goes», t. IV, p. 133.
[4] «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 2-ème série, t. VIII, p. 129.

паны и кредит поколеблен, нельзя было требовать новых сумм для покрытия подобного дефицита и для ведения войны. Оставался только один способ: созвать генеральные штаты, изложить им, какая опасность угрожает стране, и попросить их о помощи. 1 марта 1556 г. генеральные штаты были созваны в Брюсселе, а 12 марта правительство внесло предложение о взимании 1% с доходов по недвижимым имуществам и 2% от продажи товаров.

Не было никаких шансов, что предложения эти будут приняты. Предстоящий разрыв Восельского перемирия вызвал в Нидерландах скорее недовольство, чем страх. Они отлично знали, что Франция была озлоблена не против них, а против Испании, и им казалось недопустимым нести «основное бремя» войны, которая их не касалась. То, чего не решались сказать при Карле V, теперь заявляли во всеуслышание. Жалобы становились тем настойчивее и смелее, что генеральные штаты чувствовали поддержку государственного совета и нового генерального штаттальтера, которые действительно были заодно с генеральными штатами и дошли до того, что заявили королю, что «нелепо» на одну из стран его величества обрушивать бремя войны и налогов, в то время как другая ничего этого не чувствовала бы[1]. В ноябре они решили по общему уговору подать в отставку, если Испания не возьмет на себя доли военных расходов[2]. При этих условиях нечего было рассчитывать сговориться с генеральными штатами. Они единодушно отвергли требования государя. Их старое недоверие к косвенным налогам, которые так легко превратить в постоянные налоги, еще более усилило их сопротивление. От них можно было добиться только одобрения субсидий со стороны каждой провинции в отдельности, и, за отсутствием лучшего, Филипп вынужден был согласиться на это[3].

Военная кампания, начавшаяся в первых числах января 1557 г. на границах Артуа, приняла оборот, весьма неблагоприятный для Франции. Несмотря на все разговоры, Филипп все же распорядился о присылке из Испании значительных денежных сумм. Он добился кроме того помощи со стороны Англии, которая 7 июня объявила войну Генриху II. Огромная армия, командование которой принял 15 июля Филибер Савойский, насчитывала до 56 тыс. человек. В ней находились бок о бок испанские терции («tercios»), английские полки, немецкие и валлонские наемники, нидерландские ми-

[1] «Bulletin de la Commission royale d'Histoire» etc., p. 128.
[2] *Ibid.*, p. 132.
[3] «Registre de Van der Goes», t. IV, p. 245 etc., p. 290.

лицейские отряды под предводительством знатнейших вельмож страны — принца Оранского, графа Эгмонта, барона Берлемона, герцога Арсхота и т. д. После флангового движения на Шампань армия неожиданно повернула на Сен-Кантен, слабо защищенный старыми стенами и располагавший недостаточным гарнизоном. Колиньи все же удалось войти в крепость с некоторыми подкреплениями, и на помощь ему тотчас же двинулся коннетабль Монморанси. Но он неправильно рассчитал свои действия, и 10 августа его войска, атакованные с тыла обходным движением герцога Савойского, в полном беспорядке бросились в бегство и были разбиты наголову неприятельской конницей. Только небольшие крепости преграждали теперь дорогу на Париж. После Сен-Кантена был взят и предан огню Нуайон, затем армия достигла уже Шони, так что население Парижа, опасаясь осады, начало прятать свое имущество или покидало город. Но тут неожиданно пришлось остановиться, так как нехватило денег и за отсутствием их нельзя было ни продвигаться дальше вперед, ни нанести удар вновь организованной французской армии, двинувшейся на защиту столицы. В ноябре Филибер распустил армию, большую часть которой направил в Люксембург, так как в других нидерландских провинциях свирепствовала чума; король тем временем лихорадочно занялся восстановлением своих финансов[1].

Финансовое положение еще никогда не было таким критическим. С июня Испания вынуждена была признать свое банкротство. Ранее она гарантировала свои долги коронными землями, но теперь отказалась от этих обязательств и заменила их государственной 5-процентной рентой[2]. В таком бедственном положении обращение к генеральным штатам становилось неизбежным. Они были созваны в Валансьене (август 1557 г.), откуда они вскоре перебрались в Брюссель. Здесь они заседали, за исключением нескольких кратковременных перерывов, вплоть до мая 1558 г. В обращении о созыве их не скрывалось, в каком отчаянном положении было правительство. Открыто заявлялось о том, что государственная казна пуста, что невозможно платить жалованье войскам и что вскоре придется приостановить выплату жалованья судебным чиновникам. Правительство умоляло провинции найти выход. Оно предлагало им в целях ускорения решения предо-

---

[1] *E. Marcks,* Gaspard von Coligny, sein Leben und das Frankreich seiner Zeit, Bd. I, Stuttgart 1892, S. 103 ff.; *Lavisse-Lemonnier,* Histoire de France, t. V, part. 2, Paris 1904, p. 169 etc.; *Rachfahl,* Wilhelm von Oranien und der Niederländische Aufstand, Bd. I, S. 221 ff.

[2] *Ehrenberg,* Das Zeitalter der Fugger, Bd. II, S. 154.

ставить их делегатам право решать за них и сговориться непосредственно с королевскими уполномоченными[1].

Это обращение дало провинциям преимущество перед королем, и они не преминули им воспользоваться. Прежде всего они отказались предоставить неограниченные полномочия своим представителям. Затем, едва успев собраться, представители потребовали отчета о состоянии финансов. Оно было действительно ужасно. Государственные имущества, приносившие в 1551 г. 327 960 ливров дохода, теперь давали ежегодный дефицит в 18 857 ливров. Кроме того было взято в долг под проценты 5 270 380 ливров, а весь долг составлял сумму в 9 380 550 ливров. Было ясно, что король в отчаянном положении. Его представитель в генеральных штатах Антуан Лален, граф Гогстратен, видел единственный выход в возврате к косвенным налогам, что тщетно испрашивали в 1556 г., или в банкротстве, которое снижало бы до 5%, уплачиваемые государственным кредиторам суммы.

Несмотря на свое финансовое истощение, провинции не отказались однако взять на себя новые жертвы. Но, чувствуя себя хозяевами положения, они, возглавляемые провинцией Брабантом, решили продиктовать свои условия[2]. Прежде чем обязаться платить, они предъявили, так сказать, список имевшихся жалоб и потребовали гарантий. 26 ноября и 17 декабря 1557 г. герцогу Савойскому были представлены объемистые тетради с представлениями[3]. Наряду с жалобами на злоупотребления сборщиков налогов, на произвольные увеличения процентов и т. д., в них излагались чрезвычайно смелые предложения, явно продиктованные заботой о сохранении во что бы то ни стало национальной независимости по отношению к Испании. Так например, исходя из того, что «несение военной службы иностранцами всегда было источником гибели всех королевств и провинций», штаты требовали, чтобы впредь две трети армии состояли из местного населения, чтобы

---

[1] *Gachard,* Des anciennes assemblées nationales..., p. 10. Об этих заседаниях генеральных штатов см. «Registre de Van der Goes», t. V, p. 201 etc., а также отчет, напечатанный в «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 3-ème série, t. VIII, 1866, p. 297 etc. Некоторые дополнительные сведения я заимствовал в рукописи № 327 собрания грамот и рукописей брюссельского королевского архива. Г. Рахфаль, занимавшийся также этим документом, напечатал на основании его текст брабантского проекта, касающегося девятилетней субсидии (*Rachfahl,* Wilhelm von Oranien etc., p. 633). Ср. также (Ibid., p. 637) инструкцию, составленную для Антона ван Стралена, извлеченную из гентского городского архива.

[2] Гранвелла правильно предчувствовал, что должно было произойти, и потому настойчиво советовал королю не созывать генеральных штатов. *Gossart,* L'Etablissement du régime..., p. 36.

[3] *Rachfahl,* Wilhelm von Oranien, B. I, S. 556 ff.

охрана крепостей и пограничных городов была доверена рыцарям ордена Золотого руна или представителям местной знати, и наконец, чтобы Испания, Сицилия, Милан и Неаполь участвовали — каждый сообразно своему значению — в военных расходах, «принимая во внимание, что поводом к войне большей частью являются возникающие из-за них споры». Затем, идя дальше, Брабант не останавливался перед тем, чтобы протестовать против уплаты долгов, сделанных королем, указывая на то, что они не имели никакого отношения к стране и что генеральные штаты никогда не давали на них согласия. Только одна провинция, именно Голландия, подняла религиозный вопрос, требуя, чтобы полномочия инквизиторов были ограничены в соответствии с каноническим правом.

Несмотря на негодование, которое Филипп II должен был испытать при чтении этих требований, он дал благожелательный ответ, впрочем ни к чему его не обязывавший. Наконец он добился того, что в мае 1558 г. ему была ассигнована единовременная сумма в 1 200 тыс. ливров и сверх того ежегодная субсидия в 800 тыс. артуаских ливров в течение 9 лет, из коих однако 500 тыс. ливров предназначались для уплаты процентов и амортизации капитала в 2 400 тыс. флоринов, который был ему предоставлен немедленно. Это было значительно меньше того, что он хотел, и кроме того он должен был согласиться, чтобы генеральным штатам предоставлено было право взимания одобренных денежных сумм и распоряжения ими, чтобы их представители могли присутствовать на смотрах войск и чтобы они производили уплату жалованья армии. 14 мая один из бургомистров Антверпена, Антон ван Стрален, был назначен генеральным комиссаром и суперинтендантом по оплате жалованья войскам.

Между тем пока еще шли заседания генеральных штатов, возобновились военные действия. 8 января 1558 г. герцог де Гиз захватил Кале, а затем в другом конце Нидерландов — Тионвиль. Ответом на эти успехи явилась блестящая победа испанской армии при Гравелинге 13 июля, когда граф Эгмонт нанес поражение маршалу де Терм. Но нужда в деньгах стала в это время еще более настоятельной, чем когда бы то ни было, и 19 августа Филипп II вновь созвал генеральные штаты в Аррасе. Хотя он и заявил, что приказал прислать из других своих владений свыше 12 млн. флоринов и что текущие расходы достигали 600 тыс. флоринов в месяц, но штаты ни за что не соглашались утвердить одно- и двухпроцентный налоги, на которых король попрежнему настаивал, и дело закончилось тем, что Филиппу предоставлены были только субсидии, впрочем довольно значительные [1].

[1] *Gachard,* Des anciennes assemblées...., p. 21 etc.

К счастью дело шло к миру. Заключенное 17 октября 1558 г. перемирие закончилось 3 апреля следующего года Като-Камбрезийским миром. Обезопасив себя теперь со стороны Франции, Филипп мог наконец подумать о переезде в Испанию. Однако, прежде чем привести этот план в исполнение, необходимо было распустить войска и окончательно урегулировать вопрос об управлении Нидерландами. Но всего этого нельзя было сделать без денег, а их-то как раз сейчас недоставало больше, чем когда-либо. Новая субсидия в 956 тыс. флоринов, одобренная провинциальными штатами весной, была тотчас же истрачена, и королевские советники совершенно не знали, что теперь предпринять. Гранвелла в отчаянии писал, что он готов был бы добывать золото из самых глубин земли; однако он умолял короля лучше примириться с чем угодно, но не обращаться еще раз к генеральным штатам[1]. Но как бы опасно ни было новое обращение к стране, другого выхода не было: 15 июня 1559 г. генеральные штаты были в четвертый раз созваны в Брюсселе. С настойчивостью, которая казалась тем более подозрительной, чем яснее она обнаруживалась, их просили согласиться на введение косвенного налога, на этот раз на соль, и на ассигнование части из одобренной в прошлом году 9-летней субсидии на содержание постоянной армии в 3 тыс. чел. конницы. Несколько дней спустя, в то время как провинции еще совещались по поводу этих предложений, их делегаты неожиданно получили приказ собраться 31 июля в Генте.

Дело в том, что Филипп окончательно наметил срок своего отъезда и хотел, по примеру своего отца, торжественно проститься со своими подданными. Сообщение, прочитанное по его повелению в заседании 7 августа, начиналось с заявления, что его присутствие совершенно необходимо в Испании, и он вынужден, к великому сожалению, покинуть теперь же «своих добрых нидерландских подданных, с которыми он хотел бы жить до конца своих дней, если бы только это было возможно». Далее, он обещал вернуться через короткое время и выражал надежду, что в его отсутствие будут приняты необходимые меры, чтобы обеспечить роспуск иностранных войск, на что он истратил уже несколько миллионов дукатов, полученных им с других его владений. Он охотно назначил бы, заявлял он, штатгальтером своего сына Дон Карлоса вместо герцога Филибера, который, получив опять по Като-Камбрезийскому миру Савойю, собирался покинуть Нидерланды. Но «некоторые очень веские причины и соображения» помешали осуществлению этого плана, и потому он остано-

[1] *Gachard,* Correspondance de Philippe II, t. I, p. 182.

вил свой выбор на своей родной сестре, герцогине Пармской, зная ее «любовь и исключительную привязанность, которую она всегда питала к «здешней» стране, в которой она родилась и выросла и языки которой она хорошо знает». Поэтому он предоставил ей «такие же полномочия и власть, какими пользовалась покойная вдовствующая королева Венгерская»[1]. В заключение он настойчиво советовал оберегать единство католической церкви и строго следить за выполнением королевских эдиктов, направленных против сект, так как «помимо вреда для божьего дела, как показывает опыт прошлого, перемена религии всегда сопровождается изменением государственного строя, и часто бедняки, бездельники и бродяги пользуются этим как предлогом, чтобы завладеть имуществом богатых» [2]. Этот манифест, все выражения которого были по-видимому тщательно взвешены, можно считать первым примером той лицемерной политики, которую Филипп II так часто применял впоследствии. Неверно было как обещание вернуться в ближайшее время в Нидерланды, так, далее, и то, что он хотел назначить своего сына штатгальтером провинций, так, наконец и то, что он предоставил Маргарите Пармской такие же права, какие в свое время предоставил Карл V Марии Венгерской. Что касается его уверений в любви к своим бургундским подданным и испытываемых им якобы сожалений в связи с тем, что он вынужден их оставить, то цену им давно знали, и они не произвели ни на кого ни малейшего впечатления.

Это ясно было видно из ответа генеральных штатов. Составленный в почтительных выражениях, он однако свидетельствовал о явно выраженном недоверии к королю, и под смиренными выражениями его были плохо скрыты угрожающие настроения. В нем высказывалась просьба, «чтобы границы и крепости охранялись местным населением, а не чужеземцами», чтобы была распущена или использована в другом месте иностранная жандармерия, от которой «оскорбления и порабощение» дольше терпеть невозможно, и наконец, чтобы государственные дела решались «в согласии и по совету с представителями местной знати, как это делалось во все времена благороднейшими предками вашего величества». В противном случае, гласил ответ, в будущем «весьма вероятны некоторые осложнения», и он заранее возлагал ответственность за них на короля [3].

Нельзя было яснее выразить на официальном языке требования, чтобы Испания отказалась от всякого вмешательства

[1] Мария Венгерская умерла 18 октября 1558 г. в Испании.
[2] *Gachard*, Documents inédits, t. I, p. 313.
[3] *Ibid.*, p. 323.

в дела Бургундского государства. Не только подчеркивали необходимость национального правительства, ссылаясь на пример Карла V, но, требуя увода «иностранных» войск, имели в виду именно испанцев. В самом деле, Филипп II оставил в Нидерландах 3 тыс. чел. испанской пехоты и предполагал оставить их здесь на все время своего отсутствия как для охраны границ, так и для поддержки, в случае необходимости, новой правительницы. Он надеялся сделать этих испанцев более приемлемыми для нидерландского населения, поставив их под командование двух наиболее влиятельных и популярных вельмож страны — принца Оранского и графа Эгмонта. Но штаты видели в этих войсках только преторианскую гвардию, угрожающую свободам и независимости страны. Вражда, которую испанские войска внушали нидерландцам, была так велика, что принц Оранский, не желая себя компрометировать, отказался принять командование над этими войсками и уступил в конце концов лишь вследствие настоянний короля. Филипп II очевидно придавал очень большое значение тому, чтобы преданные ему испанцы остались в Нидерландах. Он отдавал себе отчет в том, что, отзывая их, он очищал поле для оппозиции, стремления которой ему отлично были известны на основании требований генеральных штатов. Но как можно было начинать борьбу, когда он вот-вот готовился уехать? И он сдался, несмотря на все свое возмущение. В довольно сухом ответе, стиль которого очень резко отличался от сердечных излияний сообщения, прочитанного несколькими днями раньше в генеральных штатах, он прежде всего уверял генеральные штаты в том, что они «роковым образом и вразрез с истиной» приписывали ему намерения, которых у него совершенно нет. Далее, он оправдывал те насилия испанцев, в которых их упрекали, заявляя, что насилия эти неизбежны, «к какой бы нации ни принадлежали наемные войска». Впрочем он утверждал, что он никогда и не думал оставить их навсегда в Нидерландах, и в заключение, не скрывая однако явного недовольства этим, обещал отозвать их через три или четыре месяца [1].

Если король решил так быстро уступить, то лишь потому, что он знал, что недовольные опираются на знать, на разрыв с которой он не мог итти. Напротив, чтобы привлечь на свою сторону знать, он только что доверил ей верховное управление страной. Действительно, он сохранил в государственном совете, организованном при правительнице, принца Оранского, графа Эгмонта и сира Глажона; он разделил между самыми влиятельными вельможами страны все штаттальтерские посты

[1] *Gachard,* Documents inédits, t. I, p. 326.

в провинциях [1]. А вместо того чтобы выказать ему благодарность или по крайней мере почтительность, на которую он рассчитывал, высшая аристократия не стеснялась противодействовать его планам. Он был этим сильнейшим образом раздосадован и выразил это несколько дней спустя в очень резких выражениях принцу Оранскому [2].

Но если Филипп и вынужден был из-за поставленных ему страной требований пожертвовать значительной частью своих политических планов, то он по крайней мере получил то удовлетворение, что до отъезда из Бельгии принял определенные меры для решения вопроса, который, по его мнению, был важнее всего, а именно религиозного вопроса. Уже в июле на капитуле ордена Золотого руна он поразил собравшихся, потребовав от них обещания следить за подавлением преступлений против веры, напомнив им, что согласно статутам ордена членам его вменяется в обязанность ежедневное посещение церковной службы [3]. 8 августа, — как раз в тот день, когда он получил представление генеральных штатов, — он разослал епископам циркуляр, устанавливавший во всех деталях их обязанности и, точно это было пастырское послание, предписывавший им пользоваться для религиозного воспитания катехизисом, употребляемым в императорских землях, предварительно устранив его длинноты и многословие и переведя его в таком переработанном виде на французский и фламандский языки [4].

В тот же день большой мехельнский совет и провинциальные судебные советы получили приказ применять со всей беспощадностью «плакаты» против сектантов, строго наказывать не только анабаптистов, но также лютеран и сакраментариев, в полной уверенности, что, как бы суровы ни были установленные для еретиков наказания, они полностью отвечают воле короля, и, наконец не ограничиваться одним преследованием сектантов, но и наказывать через городские управления всех тех, кто не соблюдает праздников и постов или неаккуратно посещает церковные службы [5]. Планы короля шли гораздо дальше этих наставлений. Он твердо решил полностью изменить церковную организацию страны. Он получил как раз к этому времени согласие папы на создание

---

[1] *Marx,* Studien zur Geschichte des Niederländischen Aufstandes, S. 18 ff.

[2] Согласно письму, написанному принцем Оранским в 1576 г., король будто бы сказал ему, что «если бы штаты не чувствовали за собой поддержки, они не осмелились бы разговаривать таким тоном». *Gachard,* Correspondance de Guillaume le Taciturne, t. III, Bruxelles 1851, p. 147.

[3] *Gossart,* L'Etablissement du régime..., p. 51.

[4] «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 3-ème série, t. IX, 1867, p. 300.

[5] *Gachard,* Documents inédits, t. I, p. 332.

14 новых епископств и университета в Дуэ; последние мероприятия перед его отъездом состояли в проведении этих столь роковых для будущего реформ[1].

25 августа 1559 г. Филипп выехал из Флиссингена. Он был последним государем, имевшим до новейших времен своим местопребыванием бургундские провинции[2]. С тех пор ни испанские короли, ни австрийские императоры больше сюда не показывались. Вплоть до конца XVIII в. Бургундское государство, предоставленное штатгальтерам, управлялось сначала из Мадрида, а затем из Вены и рассматривалось под конец преемниками прежних государей как чужеземное владение; титул его они носили и герб его они помещали на своем гербовом щите, но судьбой его они интересовались исключительно по соображениям международной политики и в силу различных династических комбинаций. Разумеется, это постоянное отсутствие государя, — пример, которому следовали преемники Филиппа, — сыграло свою роль в развитии революции, первые признаки которой были уже налицо с самого начала его царствования. Однако мы полагаем, что всего сказанного нами ранее достаточно, чтобы показать, что не оно было причиной восстания и что потрясение это было неизбежным.

Новое правительство, начавшее свою деятельность при самых благоприятных обстоятельствах, уже меньше чем через 4 года создало непреодолимое недоверие между королем и подданными. Филиппу суждено было видеть, что все его начинания встречались либо со скрытым недоброжелательством, либо с решительным протестом. Положение становилось особенно трудным потому, что он вполне чистосердечно считал себя невинной жертвой умышленной враждебности, своего рода заговора против его личности. Совершенно не разбираясь ни в характере, ни в нуждах, ни в чаяниях своих нидерландских подданных, он воображал, что сделал им огромнейшие уступки, оставив им их старые учреждения, существовавшие при его отце. Хотя и неумело, однако он пытался снискать себе симпатии своих подданных и даже пошел по этому пути так далеко, как только мог король Испании. Но он не понимал — да и не в состоянии был понять, — что Нидерланды требовали полнейшей независимости. Требование увода испанских войск казалось ему явным доказательством их нелойяльности и отказа в повиновении. И хотя он и согласился на это на словах, но втайне твердо решил не исполнять своего обещания. Он уехал, обуре-

[1] *Gachard,* Correspondance de Philippe II, t. I, p. 185.

[2] Если не считать Альберта и Изабеллу, которых вряд ли можно рассматривать, как государей.

ваемый злобой и беспокойством, питая полнейшее недоверие к государственному совету, провинциальным штатгальтерам и нидерландской знати. Он рассчитывал лишь на Маргариту и на Гранвеллу, которого он оставил при ней в качестве ее ближайшего советника. Будущее — с полным основанием — рисовалось ему в самых мрачных красках, тем более, что последовавшая незадолго перед тем смерть Марии Тюдор (17 ноября 1558 г.) не только лишила его поддержки Англии — державы, которая в его отсутствие могла сдержать Нидерланды, но привела также к переходу власти в руки еретической королевы, которая, как он предвидел, должна была стать одним из самых грозных его противников.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МАРГАРИТА ПАРМСКАЯ И ГРАНВЕЛЛА. НОВЫЕ ЕПИСКОПСТВА

I

Во время осады Турнэ в 1521 г. (с 22 октября по 11 декабря) ставка Карла V находилась в Оденарде. Здесь он пленился Жанной ван дер Гейнст, дочерью ткача ковров из соседней деревни Нюкерке[1]. Несколько месяцев спустя она произвела на свет дочь, которую назвали Маргаритой, в честь правительницы страны Маргариты Австрийской. Эта «побочная дочь императора» была отдана на попечение императорского дворецкого Андрэ Дуврэна и воспитывалась в Брюсселе в его домс. Сначала Маргарита Австрийская, а затем Мария Венгерская тщательно следили за ее воспитанием. В счетах финансового ведомства фигурируют покупки ими кукол, игрушек и ценных тканей для этой неожиданной племянницы. Торжественно отмечена в 1531 г. стоимость подарков, преподнесенных маленькой Маргаритой своей матери, которая, выйдя замуж за чиновника брабантской счетной палаты, родила дочку, крестной матерью которой стала Маргарита. Благодаря этим счетам нам известно также, сколько потрачено было правительницами на обучение Маргариты музыке и танцам и сколько получал капеллан св. Гудулы Жан Бовалэ, начавший ее обучать чтению и письму[2].

Но уже через очень короткий срок маленькой брабантке предстояло оказаться в совершенно новой роли. 23 июня 1529 г., за шесть дней до заключения Барселонского договора, восстановившего мир между Климентом VII и Карлом V, она была помолвлена с племянником папы Але-

---

[1] *G. Crutzen*, L'origine maternelle et la naissance de Marguerite de Parme, «Travaux du cours pratique d'histoire nationale de P. Fredericq», t. I, p. 1 etc.

[2] «Inventaire des archives départementales du Nord», t. V, p. 23, 31.

МАРГАРИТА ПАРМСКАЯ
(картина А. Моро)

ксандром Медичи и 4 года спустя отправлена в Италию[1]. В обстановке роскоши и распутства, которую являли в то время итальянские дворы, у Маргариты должны были быстро потускнеть воспоминания детства, проведенного в тихом доме Дувреэна. Прожив некоторое время в Неаполе, она 29 февраля 1536 г. вышла замуж за Александра Медичи. Во Флоренции она была свидетельницей того, как он беспутными празднествами пытался снискать себе симпатии простого народа, окружал себя наемными убийцами и шпионами, приказывая бить палками дворян и присваивал себе имущества изгнан-

[1] *A. de Reumont*, Margherita d'Austria, duchessa di Parma, «Archivio storico italiano», 4-ème série, t. VI, 1880, p. 15 etc.; *Rachfahl*, Margaretha von Parma, Statthalterin der Niederlande, München—Leipzig 1898, S. 1 ff.

ников. Он был убит 6 января 1537 г., и Маргарита овдовела, пробыв в браке меньше года. Но ей недолго суждено было пользоваться свободой. 4 ноября 1538 г. она, по приказу своего отца, была выдана замуж за Октавио Фарнезе, внука папы Павла III. Этому новому мужу ее было всего 14 лет, и она была так возмущена этим неравным браком, к которому она была вынуждена политическими соображениями Карла V, что долгое время отказывалась от исполнения супружеских обязанностей. В конце концов она подчинилась своей участи, и в 1545 г. произвела на свет двойню, 2 мальчиков, из которых выжил только один, прославившийся впоследствии Александр Фарнезе.

В том же году Павел III отдал своему сыну Пьетро Луиджи Фарнезе, отцу Октавио, города Парму и Пьяченцу. Это были миланские территории, которые Юлий II присоединил в 1512 г. к папским владениям, и его преемники упорно стремились удержать их за собой, несмотря на протесты Карла V. Поэтому последний поспешил воспользоваться убийством Пьетро Луиджи в 1547 г. и занял своими войсками Пьяченцу. Его категорический отказ вернуть Пьяченцу заставил Октавио Фарнезе пойти в 1561 г. на союз с Францией. Он примирился с Габсбургами лишь при вступлении на престол Филиппа II, который, чтобы оторвать его от Павла IV, тогдашнего врага Испании, признал его в 1556 г. властителем Пармы, Пьяченцы и Новары, но с условием, чтобы он оплачивал испанских солдат, которые, именем католического короля, будут нести гарнизонную службу в крепостях этих двух последних городов. Это было таким образом лишь половинчатым удовлетворением, но за отсутствием лучшего герцог согласился на него, не отказавшись однако от надежды вернуть себе когда-нибудь полностью свое бывшее владение.

Маргарита несомненно беседовала по этому поводу с Филиппом, которого она навестила в марте 1557 г. в Англии, и поездка Октавио в Брюссель в 1559 г. безусловно также была с этим связана. Впрочем, ни она, ни он ничего не добились. Но возможно, что вопрос о Пьяченце сыграл известную роль в решении Филиппа назначить Маргариту правительницей Нидерландов. Он несомненно рассчитывал на то, что надежда получить когда-нибудь назад этот город должна будет побудить ее беспрекословно подчиняться его воле [1], так как прежде всего он озабочен был тем, чтобы оставить в Брюсселе послушного исполнителя своих планов. Уступить

[1] *Rachfahl,* Margaretha von Parma..., S. 119 ff. Автор с большой убедительностью подчеркивает, какое важное значение имел вопрос о Пьяченце во взаимоотношениях Маргариты и Филиппа II.

желаниям императора Фердинанда, добивавшегося штатгальтерского поста где-нибудь в Бургундии для одного из своих сыновей, значило бы во вред Испании снова укрепить очень слабые узы, все еще связывавшие Германию с Нидерландами. Нечего было также и думать о назначении правительницей герцогини Христины Лотарингской, как того желали представители высшей нидерландской знати. Действительно, помимо того, что эта принцесса, дочери которой как раз тогда было сделано предложение принцем Оранским, несомненно подпала бы под влияние высшей нидерландской аристократии, ее притязания на Скандинавское королевство в качестве наследницы свергнутого с престола датского короля Христиана II могли во всякое время вызвать опасные осложнения, — не говоря уже, наконец, о франкофильской ориентации ее сына герцога Карла Лотарингского. В пользу назначения Маргариты говорило, напротив, все. Король не только имел полнейшую власть над ней, но ее нидерландское происхождение и кровь Карла V, струившаяся в ее жилах, казалось, должны были снискать ей расположение провинций.

Но последним пришлось увидеть в своей новой правительнице не бельгийку, а итальянку. Она так основательно забыла уроки своего детства, что даже разучилась писать по-французски, зато она по крайней мере бегло говорила на этом языке. И этого было достаточно, чтобы Филипп II заявил генеральным штатам, что она знает «языки страны», хотя она совершенно не знала фламандского. На портрете Челло, относящемся по всей вероятности ко времени назначения ее правительницей [1], она изображена здоровой и крепкой, довольно красивой женщиной, с рыжими волосами и светлым цветом лица, напоминающим о ее фламандском происхождении. Взгляд ее лишен ума, если не мягкости, и весь ее внешний облик свидетельствует об известной грубости и вульгарности, плохо вяжущимися с элегантностью ее костюма. По той манере, с какой герцогиня держит в своих крепких руках удила лошади, видно, что она была лихой наездницей, пока ей позволяли это все учащавшиеся припадки подагры, которыми она страдала, как и ее отец, и которые ее сравнительно рано состарили. Впрочем, как и большинство членов ее рода, она обладала огромной работоспособностью и смело взялась за государственные дела. Но она

[1] В Брюссельском королевском музее (старинные портреты, № 411); см. другой портрет ее в «Jahrbuch der Kunsthistorischen Sammlungen des allerhöchsten Kaiserhauses», Bd. XVII, Wien 1896, S. 266, на котором она изображена в более молодом возрасте. В Венском императорском музее имеется еще другой портрет герцогини в зрелом возрасте работы Антонио Моро.

не обнаружила ни энергии ни политических способностей своих обеих великих предшественниц — Маргариты Австрийской и Марии Венгерской — и не проявила также на службе у короля той безграничной преданности, которой проникнуты были они обе в силу своего габсбургского династического чувства.

Роль, отведенная ей Филиппом, строго ограничивала ее независимость. И хотя в грамотах о ее назначении ей предоставлялось управление Нидерландами «совершенно на тех же основаниях, как если бы мы делали и могли бы это делать своей собственной персоной сами», но одновременно в секретных инструкциях ей было приказано во всех важнейших вопросах советоваться с Гранвеллой, председателем тайного совета Виглиусом и главой финансового ведомства Берлемоном [1].

Из этих трех лиц, которые были приставлены к ней в качестве «консульты» [2], два последних были лишь хорошими чиновниками, и только один Гранвелла должен был быть ее политическим руководителем. Пользуясь полнейшим доверием короля — как за услуги, оказанные династии, так и за свою, вполне заслуженную, репутацию очень искусного политика, — Гранвелла являлся представителем короля при правительнице. Он был не министром Маргариты, а министром Филиппа II, который через него контролировал все действия брюссельского правительства. Он вел оживленную переписку с Мадридом через голову герцогини, одобряя или критикуя «ее высочество» и внушая Филиппу, какие меры надо заставить ее принять. В действительности подлинным правителем Нидерландов был Гранвелла. Правительница же находилась здесь лишь для формы, чтобы скрыть от жителей страны непосредственное вмешательство Испании; она пользовалась лишь видимостью власти. Совершенно так же, как и в деле подавления ереси, с первого взгляда казалось, что ничего не изменилось в политической организации страны. Подобно тому, как Филипп не изменил указов своего отца, направленных против протестантов, точно так же он официально не лишил Маргариту той власти, которой пользовалась Мария Венгерская. Но в обоих случаях секретные пред-

[1] *Gachard,* Correspondance de Philippe II, t. I, p. 465, 469.

[2] Характер «консульты» (consulta) прекрасно соответствовал осторожной и хитрой политике Филиппа в этот период. Он не решался открыто изменить систему управления, но в то же время старался придать механизму его другое направление. *Внешне* государственная организация оставалась такой же, какой она была до этого, *в действительности же* Филипп пытался испанизировать ее. Точно так же Филипп действовал и в отношении указов Карла V о ереси: сохраняя букву этих законов, он стремился изменить их смысл.

писания ослабляли значение официально применяемых мер. И подобно тому как инструкции короля судебным советам [1] значительно усиливали строгость указов против еретиков, точно так же на основании его секретных предписаний Маргарита Пармская подчинена была Гранвелле. Таким образом здесь опять-таки налицо была та политика притворства и утаиваний, которая тайком отнимала то, что публично обещала, и, не решаясь итти наперекор общественному мнению, пыталась обмануть его мнимыми уступками; в результате всего этого она сеяла во всех сердцах неискоренимое недоверие и вызывала обвинения в неискренности даже тогда, когда она была искренней.

Характерным образчиком применения этой системы было то, что всемогущий Гранвелла не получил никакого особого поста. Официально он был только членом государственного совета. Родившемуся 20 августа 1517 г. в Орнане, во Франш-Контэ, Гранвелле исполнилось в это время 42 года — возраст полной духовной зрелости. Благодаря влиянию своего отца, знаменитого министра при Карле V, он был назначен в 1538 г. аррасским епископом. Его отец воспитал его для службы дому Габсбургов. В 1550 г. он занял место отца в тайном совете при императоре и после отречения последнего сохранил тот же пост при Филиппе II. Если его и нельзя было назвать гениальным человеком, то все же надо во всяком случае признать, что никто в XVI в. не знал лучше его пружин европейской дипломатии и не умел искуснее его маневрировать. Это был вполне законченный тип тех министров эпохи абсолютизма, которые смешивают понятия государя и государства, интересы государя и интересы его подданных, достояние государя и достояние народа, личное величие государя и национальное величие. Это усугублялось еще тем, что Гранвелла как уроженец Франш-Контэ был одинаково чужд как Испании, так и Италии и Нидерландам. Он всегда интересовался монархией лишь постольку, поскольку это касалось личности самого монарха. В Брюсселе, точно так же как позднее в Неаполе или в Мадриде, он не питал ни малейшего расположения к народу, среди которого он жил. Его подлинной родиной был двор, и его преданность государю заменяла ему патриотизм [2]. Этим объясняется и та ненависть,

---

[1] См. выше, стр. 42 — 43.

[2] В 1567 г. он писал: «Я довольствуюсь тем, что живу с моим повелителем в добрых отношениях. Я настолько же не фламандец, как и не итальянец: я космополит, и мой символ веры состоит в том, чтобы заботиться о преуспеянии моих собственных дел и заниматься делами моего повелителя и народа в той мере, в какой это требуется, но не более». *Gossart*, L'Établissement du régime..., p. 40.

ГРАНВЕЛЛА
(картина А. Моро)

которую он вызвал к себе во всех 17 провинциях, и то презрительное равнодушие, с которым он относился к ней. Своей непопулярностью он обязан был лишь своей ревностной службе королю, и он совершенно искренне мог считать себя жертвой долга. Действительно, по природе своей он не был ни фанатиком [1], ни насильником, ни злодеем, и вопреки наветам, распространявшимся его врагами, не подлежит никакому сомнению, что он не подстрекал Филиппа II к его суровым мероприятиям и не хотел ни вводить в Нидерландах

[1] В 1558 г. он, несмотря на настояния папы, был против официального осуждения сочинений Эразма. *Gossart*, Un livre d'Erasme réprouvé par l'université de Louvain, «Bulletin de l'Académie royale de Belgique», Classe de lettres, 1902, p. 438.

испанскую инквизицию, ни приводить нидерландцев к повиновению силой [1]. В частной жизни это был придворный прелат, т. е. любезный и тонко образованный светский человек, с непринужденными манерами, галантные похождения которого не раз служили темой скандальной хроники. В Неаполе в 1573 г., т. е. когда ему было около 60 лет, Гранвелла соперничал еще с Дон Жуаном, добиваясь благосклонности одной модной красавицы [2]. Великолепная вилла, которую он приказал выстроить себе в окрестностях Брюсселя, в Фонтенэ, и которая долгое время считалась одной из главных достопримечательностей Нидерландов, красноречиво свидетельствовала о его художественном вкусе и пристрастии к роскоши [3]. Достаточно просмотреть его переписку, чтобы убедиться, что в разгар самых спешных дел или в самые критические минуты он не упускал случая приобрести какие-нибудь греческие рукописи и медали. Но отличаясь ненасытной жаждой к высоким чинам и прирожденным властолюбием, он был верным слугой абсолютизма как из принципа, так и из корыстных побуждений и личной склонности. С первого же момента он не мог скрыть своей неприязни к нидерландским вольностям и особенно к привилегиям той высшей знати, которая не стеснялась в выражениях по адресу короля, а его самого считала обыкновенным выскочкой.

Оба помощника Гранвеллы в «консульте» играли лишь роль простых статистов. Первый из них, фрисландец Виглиус, родившийся в 1507 г., принадлежал к тому кругу гуманистов, которые, достигнув зрелости как раз в период «плакатов» против ереси, не осмелились открыто признать себя сторонниками взглядов Эразма Роттердамского и предпочли уйти в науку. Как и многие другие, он сначала путешествовал за границей, читал лекции по праву в Бурже и в Падуе и открыл и опубликовал в Венеции сделанную Феофилом обработку юстиниановых «Институций». Его слава стяжала ему внимание императора Карла V и Марии Венгерской, назначивших его в 1541 г. членом нидерландского тайного совета, председателем которого он стал в 1549 г. Это был отнюдь не государственный деятель, а прекрасный юрист, опытный в делах, очень знающий и методичный и как хороший знаток и

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. CLXIX. Впоследствии, в разгаре борьбы, он действительно подстрекал короля к насильственным мероприятиям. Он был одним из тех, которые советовали Филиппу назначить цену за голову принца Оранского.

[2] *Gachard*, Études sur don Juan d'Autriche, «Bulletin de l'Académie royale de Belgique», 2-ème série, t. XXVII, 1869, p. 547.

[3] *Marx*, Studien zur Geschichte des Niederländischen Aufstandes, S. 469.

сторонник римского права искренне убежденный в законности абсолютной власти. Впрочем, у него была слабость к деньгам [1], теплым местечкам и синекурам как для себя, так и для своих племянников, но при всем том он был в общем честным и добродушным человеком, сохранившим со времен своей молодости некоторый запас религиозной веротерпимости, которая навлекла на него впоследствии со стороны испанцев подозрения в ереси.

Столь же алчный, как и он, глава финансового ведомства Карл Берлемон, барон Гиержский, Первезский и Боренский, зато лишен был всяких политических талантов. Но осыпанный милостями Карла V и назначенный Филиппом II рыцарем ордена Золотого руна, он тесно связал свои интересы с интересами короля, а бо́льшего от него и не требовалось.

Три остальных члена государственного совета составляли по отношению к Гранвелле и его двум приспешникам антимонархическую оппозицию, или — что было в царствование Филиппа одним и тем же — национальную и антииспанскую оппозицию. Одним из этих трех членов был сир Филипп Ставело Глажон — второразрядная личность, запутавшийся в долгах и вынужденный бежать из Нидерландов в 1563 г., чтобы спастись от преследований своих кредиторов. По сравнению с двумя другими своими соратниками он был простым статистом, так что в свете его ничтожества они еще больше выделялись.

Родившийся в 1522 г. в замке Ла Гамед в Генегау граф Ламораль Эгмонт, которому исполнилось в это время 37 лет, был самым блестящим и самым популярным представителем высшей нидерландской аристократии. Его род, разбогатевший при бургундских герцогах, принадлежал к самой старинной голландской знати и гордился своим происхождением от легендарных королей Фрисландии [2]. Его дед Иоанн III был в течение 32 лет штатгальтером Голландии и Зеландии; его дядя Филипп, его отец Иоанн IV, его брат Карл погибли на службе императора — два первых в Италии, а третий в Карфагене, при возвращении из похода на Алжир. Он искони пользовался неизменным расположением Карла V и платил ему за это безграничной преданностью. В 1541 г. он вместе с своим братом принимал участие в походе в Африку, сражался в 1542 г. против Ван Россема, участвовал в 1543 г. во взятии Дюрена, в кампании 1552 г. и в осаде Меца. Рыцарь ордена Золотого руна и камергер императора, он был в

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 350.

[2] Chronique des seigneurs et comtes d'Egmont, «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 2-ème série, t. IX, 1857, p. 13 etc.

1554 г. членом делегации, которой поручено было просить для Филиппа II руки Марии Тюдор, и именно он сочетался с королевой браком per procurationem — в качестве заместителя испанского инфанта. Спустя 3 года его блестящая смелость сыграла немалую роль при победе у Сен-Кантена; под его началом была одержана в 1558 г. победа при Гравелине. Эта блестящая служебная карьера сочеталась с исключительным общественным положением, благодаря которому он не знал себе равных. Он владел в Голландии огромными польдерами; ему же принадлежали во Фландрии княжество Гавер и индустриальный город Армантьер. Когда он в 1544 г. женился на Сабине, дочери рейнского пфальцграфа Иоанна, Карл V и его брат Фердинанд придали его свадьбе особый блеск своим присутствием. Филипп II назначил его в 1559 г. штатгальтером Фландрии и Артуа. В дополнение ко всему этому он обладал всеми качествами, необходимыми для популярности; он был прямодушен, откровенен, щедр и великодушен и, несмотря на то, что у него было 13 детей, вел свой дом на такую широкую ногу, что совершенно затмил самых богатых вельмож страны. Жизнерадостный, гордый своей славой и симпатиями, которые он снискал себе среди окружающих, он откровенно и наивно выставлял напоказ свое тщеславие и свое честолюбие [1]. Он самонадеянно считал, что оказал королю достаточно услуг, чтобы занимать первое место в его совете. Это не был ни дипломат, ни политик, а импульсивный, находящийся всецело во власти минуты человек, неспособный к действиям, требующим зрелого размышления; словом, это был человек незаменимый, чтобы поднять и увлечь за собой массы, но неспособный руководить ими, отступавший в решительный момент перед ответственностью, которую он не решался взять на себя.

Разительной противоположностью его был принц Оранский. Хотя он совершенно не обладал привлекательными качествами графа Эгмонта, зато он во много раз превосходил его силой ума и характера. Игра случая привела в Нидерланды этого человека, которому суждено было сыграть здесь столь решающую роль [2]. Старший сын графа Вильгельма I Нассау-Диленбургского, которому предстояло вступить в управление немецкими владениями своего рода, он был ребенком всего 11 лет, когда внезапная смерть его кузена Рене

[1] Гранвелла называл его «amigo de humo» («любителем фимиама»). *Weiss*, Papiers d'Etat de Granvelle, t. VII, p. 135.

[2] О семье Вильгельма, его детстве, его воспитании, его действиях и поступках в Нидерландах до начала царствования Филиппа II см. прекрасное изложение: *Rachfahl*, Wilhelm von Oranien und der Niederländische Aufstand, Bd. I, II.

Нассауского неожиданно изменила всю предстоявшую ему жизненную карьеру. Этот Рене принадлежал к той ветви Нассауского дома, которой благодаря женитьбе графа Энгельберта I (умер в 1443 г.) на богатой наследнице рода Поланенов (1403) достались обширные брабантские сеньериальные владения Бреда и Гертрейденберг (в Голландии). Иоанн IV, сын Энгельберта (умер в 1475 г.), играл значительную роль при бургундском дворе. Его старший сын граф Энгельберт II отличился своей преданностью Карлу Смелому и Максимилиану. Филипп Красивый, уезжая в 1501 г. в Испанию, назначил его правителем бургундских провинций. Он умер в 1504 г., не оставив потомства и наметив своим наследником своего племянника и воспитанника Генриха, который вскоре приобрел исключительное влияние при дворе. Генрих Нассауский, «граф Нансо» французских военных песен, был одним из наставников Карла V, а впоследствии одним из лучших его полководцев. Он женился сначала на Франсуазе Савойской, затем на Клодине Шалонской, принцессе Оранской и, наконец, по сватовству императора — на донне Менсии Мендоза, маркизе Зенетт. Его сын от второй жены, Рене, сделался в 1530 г., по завещанию своего дяди с материнской стороны Филибера Шалонского, принцем Оранским, а после смерти своего отца, в 1538 г., — самым крупным нидерландским вельможей. Он был штатгальтером Голландии, Зеландии, Утрехта, Фрисландии и Гельдерна и в 1544 г. был смертельно ранен при осаде Сен-Дизье. Так как у него не было детей, то он завещал свои обширные владения и свой титул принца Оранского своему юному кузену Вильгельму как ближайшему родственнику мужского пола.

Но Карл V не мог допустить этого семейного соглашения, не поставив некоторых условий, так как Вильгельм был лютеранином. В то время как его дядя сражался за императора, его отец примерно в 1530 г. принял протестантскую веру, примкнул к шмалькальденскому союзу и воспитал своих детей в новой вере. Впрочем, желая обеспечить своему сыну только что доставшееся ему блестящее наследство, он легко согласился отправить его к брюссельскому двору, предоставив воспитать его там в духе католической веры. Здесь наставником мальчика был младший брат Гранвеллы, и Вильгельм вскоре усвоил обычаи, язык и взгляды высшей бургундской знати. Его брак в 18 лет с Анной Бюрен, дочерью знаменитого полководца Карла V, окончательно сроднил его с Нидерландами и безусловно снискал ему особое расположение старого императора. Последний предоставил ему в 1553 г., во время войны с Францией, ответственный военный пост и в день своего отречения от престола появился перед гене-

ральными штатами, опираясь на руку все того же Вильгельма Оранского.

К моменту начала царствования Филиппа II Вильгельму, родившемуся 24 апреля 1533 г., было всего 22 года, и ничего в нем не предвещало его гениальности. Его жизнь до этого времени ничем не отличалась от жизни других представителей высшей знати, его современников. Подобно им он участвовал в походах и подобно им развлекался в мирное время тем, что без счета тратил деньги, щедро устраивая для своих друзей и своих офицеров бесконечные пирушки, на которых он проявлял себя таким мастером выпить, как и его дяди [1]. Его огромное богатство обеспечивало ему, несмотря на его молодость, влияние, с которым могло конкурировать только влияние графа Эгмонта. Помимо Бреды и Гертрейденберга он владел еще огромными территориями в Люксембурге, не считая княжества Оранского. Его доходы, исчислявшиеся минимумом в 150 тыс. флоринов, делали его самым богатым нидерландским вельможей [2], но в нем особенно ценили то, что он нисколько не чванился этим. Он был прост, любезен и радушен со всеми. От него нельзя было никогда услышать гневного или грубого слова, даже по отношению к его слугам. Вместе с тем он обладал широкими познаниями и говорил на 7 языках, не считая французского, ставшего ввиду его пребывания при бургундском дворе его обычным разговорным языком [3]. Наконец, несмотря на непонятное прозвище «Молчаливый», полученное им впоследствии, он обладал природным красноречием [4]. Но самыми характерными его чертами были острота ума и упорство воли. Уже издавна при

---

[1] Луиджи д'Аррагона, посетивший в 1517 г. Брюссель, упоминает как об одной из достопримечательностей города об огромной кровати, стоявшей в главной зале нассауского дворца для мертвецки пьяных собутыльников («Reise von Luigi d'Aragona», ed. Pastor, S. 65). Вильгельм Оранский в течение всей своей жизни питал слабость к застольным излишествам, которые, впрочем, ему позволяло его крепкое здоровье. *Gachard*, Correspondance de Guillaume le Taciturne, t. VI, p. LXVI.

[2] *Gachard*, Correspondance de Guillaume le Taciturne, t. VI, p. 249 и Correspondance de Philippe II, t. II, p. 115. В 1557 г. Бадоэро оценивал доходы принца в 80 тыс. скуди (*Alberi*, Relazioni, 1-ère série, t. III, p. 298). В этих документах речь идет только о доходах принца Оранского в Нидерландах. Рахфаль (*Rachfahl*, Wilhelm von Oranien, S. 210) исчисляет общую сумму его доходов в 200 тыс. ливров. Эгмонт, самый богатый после него из нидерландских вельмож, если не считать герцога Арсхота, который стал играть политическую роль значительно позже, имел годовой доход в 62 тыс. флоринов, Берг — в 50 тыс., Кулембург — в 31 тыс., Гогстратен — в 16 тыс., Горн и Бредероде — в 8 тыс. *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. II, p. 115.

[3] Все собственноручные черновики его писем написаны по-французски.

[4] *Gachard*, Correspondance de Guillaume le Taciturne, t. II, p. III.

брюссельском дворе вошло в поговорку: «Умен, как принц Оранский, и решителен, как граф Эгмонт»[1]. Если он был медлителен в принятии решения, то, однажды приняв его, он был уже непоколебим. Позднее он писал о себе: «С тех пор как господь наградил меня моим малым разумением, я всегда старался не обращать никакого внимания ни на слова, ни на угрозы при исполнении дела, которое я мог делать с совершенно спокойной совестью»[2]. Воображение и чувство, казалось, не играли у него никакой роли, и этот склад его ума прекрасно сочетался с индиферентизмом в религиозных вопросах. Он был такой же католик, как затем лютеранин, а еще позднее кальвинист, без энтузиазма и без глубокой убежденности. На самом деле это был государственный деятель, смотревший на религиозные вопросы скорее под углом зрения политика, чем верующего. Если в 1561 г. он запретил исповедание протестантской веры в своем княжестве Оранском, то сделал это лишь для того, чтобы не допустить «нарушения общественного спокойствия», а отнюдь не потому, что считал это — как хотел бы того Гранвелла — «оскорблением небесного и земного величества»[3]. Несомненно в глубине души он издавна мечтал для Нидерландов о таком же «религиозном мире», который установлен был в Германии. Если вообще присмотреться ближе, то нетрудно убедиться, что позиция принца в религиозном вопросе вытекала из его политической позиции. Знатный вельможа, он не склонен был отказываться от привилегий, которыми он пользовался по своему происхождению. Больше чем кто-либо, он гордо требовал свободы говорить и действовать без стеснений, так как он был не только, как другие нидерландские вельможи, рыцарем ордена Золотого руна и провинциальным штатгальтером, но был отпрыском княжеского рода, желавшим сохранить по отношению к Филиппу II такую же независимость, какой пользовались его родственники в Германии по отношению к императору[4]. И хотя он стал с головы до ног бургунд-

---

[1] Gachard Correspondance de Guillaume le Taciturne, t. II, p. III.

[2] *Groen van Prinsterer*, Archives de la maison d'Orange t. V, Leyde 1838, p. 245.

[3] *Gachard*, Correspondance de Guillaume le Taciturne, t. II, p. 16—22; *P. J. Blok*, De Godsdienst van Willem van Oranje, «Verspreide studien», Groningen, 1903, S. 126 ff.; *Marx*, Studien..., S. 274. Я еще вернусь в дальнейшем к этому вопросу. По-моему, Вильгельм, так же как и большинство вельмож его времени, был сначала приверженцем взглядов Эразма Роттердамского и Кассандера.

[4] Он писал в 1560 г. правительнице, желавшей, чтобы он попросил у короля разрешения вступить в брак, что «вассалы этой страны вольны в своих браках и что не приличествует налагать на них подобную обязанность». *Gachard*, Correspondance de Marguerite de Parme, t. I, Bruxelles 1867, p. 160.

цем, но граф Нассауский не исчез в нем бесследно. Он не желал признать себя простым вассалом испанского короля и никогда не склонял головы перед тем абсолютизмом, утвердить который призван был Гранвелла. Благодаря своему иностранному происхождению он занял среди высшей аристократии исключительное положение, которое в сочетании с его богатством и его талантами привело к тому, что вокруг него вскоре объединились рассеянные до того представители оппозиции. Не было никого, кто бы лучше способен был руководить ею или лучше умел создавать все новые препятствия для своего противника, все время скрывая от него свою игру с такой ловкостью и с таким макиавеллизмом, по сравнению с которыми двоедушие Филиппа производило лишь впечатление грубой и наивной тактики.

Если граф Эгмонт и принц Оранский с самого же начала стали пользоваться исключительным влиянием в государственном совете, то этим они обязаны были поддержке со стороны значительной части дворянства. К тому времени, когда они начали играть роль, почти все старые слуги Карла V сошли со сцены. Ни один из новых вельмож не знал лично Шьевра и Маргариты Австрийской. Даже самые старые из них были еще детьми в то время, когда Карл выступал в роли бургундского государя; ни один из них не был свидетелем его блестящих побед в Германии и в Италии; ни один из них не помнил лет, предшествовавших внезапному взрыву реформации и борьбе с ересью. Они знали только оборотную сторону этого долгого и славного царствования — неудачные войны с протестантами и не приведшие ни к чему войны с Францией. Они увидели государя уже состарившегося, окруженного министрами-иностранцами, душившего провинции налогами, расшатавшего кредит Антверпена, наводнившего страну немецкими и испанскими войсками, преследовавшего протестантов. Они не могли в нем найти никаких следов того национального государя, который так дорог был их отцам.

Вступление на престол Филиппа II окончательно поколебало их преданность царствующему дому. Они не чувствовали себя больше сподвижниками и «дружинниками» (antrustiones) государя. Они остались верными ему в силу наследственной лойяльности, но у них не было и следа того душевного тепла и того энтузиазма, который вдохновлял когда-то Максимилиана Бюрена или Генриха Нассауского. Зато они стали тем бо́льшими бургундскими патриотами. Разрыв, происшедший между ними и государем, вынуждал их рас-

считывать, так сказать, на самих себя, искать опоры в своей родной стране, на своей подлинной родине [1], без независимости которой было немыслимо дальнейшее сохранение ими своего привилегированного положения. Словом, они стали патриотами в силу своих классовых интересов и своего аристократического сознания. Чтобы защитить от короля свои прерогативы, свою власть в качестве штатгальтеров, свои привилегии в качестве рыцарей ордена Золотого руна, они отождествили свои интересы с интересами страны. Разумеется, среди них было немало интриганов, честолюбцев и смутьянов, но у большинства из них, как это всегда бывает во время кризиса, личные интересы в конце концов претворялись в политическую программу, более или менее подчиняясь ей.

Совершенно иначе обстояло бы дело, если бы они были ревностными католиками, которые жертвовали бы всем ради сохранения «истинной веры» и из религиозных соображений мирились бы с испанским абсолютизмом, который они отвергали по традиции и из самолюбия. В действительности они в большинстве, хотя и были очень далеки от ереси, но обнаруживали исключительную холодность по отношению к церкви. Почти все они были воспитаны гуманистами [2] и получили поэтому чисто внешнее и поверхностное религиозное воспитание [3]. Самые образованные из них читали Эразма и Кассандера, этого апостола примирения между различными христианскими вероучениями, и все они, как образованные, так и необразованные, жадно проглатывали сочинения Рабле [4]. Кроме того распущенность их нравов немало содействовала ослаблению их интереса к религии, но в противоположность французскому дворянству они очень мало зани-

---

[1] Интересно отметить, что слово «родина» стало очень часто употребляться, начиная с 1555 г., в среде оппозиции для обозначения Нидерландов, без различия провинций. Это, разумеется, отчасти было связано с подражанием древним, но явно свидетельствовало также о резко выраженной национально-бургундской тенденции в политическом движении.

[2] Дворянство было гораздо более образованным, чем это принято думать. Многие молодые дворяне учились в «Коллеже трех языков» (*Nève*, Collège des Trois Langues, p. 325). Гвичардини указывает, что среди дворянства было немало гуманистов (Description des Pays-Bas., p. 93), и упоминает о том, что граф Гогстратен имел в своем дворце «прекрасную библиотеку» (Ibid., p. 205). Филолог Барланд был наставником маркграфа Берга. Касембродт, секретарь Эгмонта, был гуманистом и поэтом, и т. д.

[3] Гр. ван Принстерер (*Groen van Prinsterer* Archives..., t. II, Leyde 1885, p. 266) совершенно правильно отметил, что религиозное сознание было у них менее развито, чем политическое.

[4] Pirenne, Histoire de Belgique, t. III, p. 315.

мались галантными похождениями[1]. Любовь не играла почти никакой роли при брюссельском дворе: проводившие здесь свое время представители высшего дворянства были бравыми военными, которым нечего было делать и которые поэтому целыми днями играли в мяч, а ночи свои проводили в попойках или, вернее, оргиях[2]. Бредероде и даже Оранский пили так, что им нередко грозила смерть от пьянства.

Этими пиршествами, на которых эти «знатные господа» собирали вокруг себя обширную свиту из бедных дворян, управляющих их имений, и офицеров из своих милицейских отрядов, поддерживался контакт между высшим и низшим дворянством. Оно-то распространяло по городу слухи о разговорах, которые вельможи вели между собой за столом, об их критических замечаниях, их жалобах, их шутках по адресу правительницы, Гранвеллы или Виглиуса. Благодаря им узнавали о бурных спорах, происходивших в стенах государственного совета; знали, что самые именитые люди страны — принц Оранский, граф Эгмонт, граф Гогстратен, маркграф Берг, сир Монтиньи и сир Бредероде — подозревают правительство в тайном заговоре против независимости бургундских провинций, что они требуют созыва генеральных штатов, что они открыто выступают в роли защитников «родины» от происков испанцев. Благодаря этому их популярность все росла по мере усиления недовольства масс, искусно разжигаемого их пропагандой. Правда, не у всех представителей высшей знати их оппозиционность проявлялась с одинаковой силой. Так, графы Аремберг и Мегем и в особенности граф Мансфельд, который был чужд Нидерландам по своему происхождению и ревностный католицизм которого был прямой противоположностью религиозной индиферентности большинства нидерландских вельмож, обнаруживали гораздо бо́льшую сдержанность, чем друзья принца Оранского и графа Эгмонта. Но во всяком случае они предоставляли последним свободу действий и ничего не имели против того, что те подкапываются под авторитет Гранвеллы.

Бесконечные оттяжки с уводом испанских войск необычайно облегчили недовольным их работу. Действительно, это с самого же начала дало им удобный повод для жалоб на правительство и явилось прекрасным агитационным сред-

---

[1] Я намеренно употребляю выражение «галантные похождения», а не «разврат». Как известно, некоторые из них вели крайне безнравственный образ жизни, так например Бредероде, которого его враги обвиняли даже в кровосмешении.

[2] *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. I, p. 331.

ством. Напрасно Гранвелла и правительница предупреждали короля о растущем возбуждении умов; напрасно они заходили даже так далеко, что пророчили неизбежность восстания, — Филипп колебался, как всегда. Он великолепно понимал, что наличие преданных ему солдат лучше всего обеспечивает ему повиновение бургундских провинций и является самой прочной опорой его власти. Но как мог он, зная о вспышках ненависти против этих чужеземцев, продолжать дальше упорствовать и не выполнять обещания, торжественно данного им в прошлом году генеральным штатам? Поэтому он вынужден был в конце концов — хоть и против воли — уступить и отдать столь запоздалый приказ об уводе войск. 10 января 1561 г. испанцы покинули Нидерланды.

Но посеянное ими недовольство не исчезло: оно лишь направилось теперь на другой объект. Вопросу о новых епископствах суждено было вызвать еще более серьезный конфликт.

Идея изменить организацию епископств в Нидерландах принадлежала отнюдь не Филиппу II. Эта организация, существовавшая почти в нетронутом виде с франкских времен, представляла ряд давно сознававшихся всеми неудобств. Шесть епископств — в Льеже, Турнэ, Камбрэ, Аррасе, Теруане и Утрехте — не только совершенно не соответствовали политическим округам и не только зависели от двух чужеземных архиепископств — Кельнского и Реймского, — но кроме того почти все они были столь велики и столь населены, что церковное управление сильно страдало от этого. Уже в средние века то тут, то там раздавались требования о создании лучшей организации. Так например, фламандцы во время войны с французским королем Филиппом Красивым пытались получить разрешение папы на возведение Фландрии в особое епископство, независимое от тогдашнего французского города Турнэ [1]. Начиная с XIII в. брабантские герцоги тоже делали неоднократные попытки изъять свою территорию из-под духовной юрисдикции льежского епископа [2]. Бургундские герцоги, находившиеся в непрерывной войне с льежцами, никогда не думали отказываться от этих планов. За них особенно взялись Карл Смелый, а затем Максимилиан, добившийся у папы разрешения на создание новых

---

[1] *Kervyn de Lettenhove*, Recherches sur la part que l'ordre de Citeaux et le comte de Flandre prirent à la lutte de Boniface VIII et de Philippe le Bel, «Mémoires de l'Académie royale de Belgique», t. XXVIII, 1853, p. 91.

[2] «Histoire de Belgique», t. I, 2-ème éd., p. 209. В 1334 г. Иоанн III тщетно пытался получить разрешение на создание специального епископства для Брабанта. «Gesta episcoporum Leodiensium», t. II, Liège 1613, p. 410.

епископств в Мастрихте, Намюре, и Лувене[1]. Еще позже, в 1524 г., Маргарита Австрийская советовала Карлу V в целях ослабления светского влияния епископств раздробить старые диоцезы[2]. Итак, как видим, эти планы продиктованы были исключительно политическими соображениями. Они были вызваны не интересами церкви, а интересами народа или интересами короля.

Разумеется, Филиппу II, когда он добивался у папы радикального изменения существовавшего в Нидерландах деления на округа, также не чужда была мысль об интересах государства; но все же, в отличие от своих предшественников, он в первую голову имел в виду религиозные нужды. Он хотел путем увеличения числа епископств и уменьшения вверенной каждому из них территории предоставить им возможность лучше воздействовать на верующих, дать им возможность лучше следить за строгим соблюдением католической веры и помочь ему таким образом в его походе на протестантизм.

На основании буллы, полученной им 12 мая 1559 г.[3] от Павла IV, наряду с прежними епископствами учреждалось 14 новых: в Намюре, Сент-Омере, Мехельне, Антверпене, Генте, Брюгге, Ипре, Буа-ле-Дюке, Рурмонде, Гарлеме, Девентере, Левардене, Гронингене и Миддельбурге. Вместо 6 епископств для 3-милионного населения теперь было 18[4], каждое из которых охватывало в среднем 160 тыс. жителей. Новые округа были по возможности приспособлены к границам отдельных провинций и к границе национальных языков страны. Кроме того они подчинены были трем архиепископ-

---

[1] *Гашар* (*Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. XCV, p. 376) упоминает о такого рода проекте при Карле Смелом. О планах Максимилиана см. «Histoire de Belgique», t. III, p. 151. В 1505 г. Сенбавонский аббат Рафаэль Меркатель пытался добиться разрешения папы на возведение своего аббатства в особое епископство. *Berlière*, Les évêques auxiliaires de Cambrai et de Tournai, Bruges 1905, p. 142.

[2] *Fredericq*, Corpus Inquisitionis, t. IV, Gand, 1900, p. 279; *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. XCIII etc.; *De Hoop-Scheffer*, Geschiedenis der Kerkhervorming, S. 210; *Marx*, Studien..., S. 55. В 1553 г. все четыре «члена» Фландрии просили императора о создании епископства в Ипре. *Gachard*, Notices sur les Archives de Gand, p. 65; *J. Laenen*, Notes sur l'organisation ecclésiastique du Brabant à l'époque de l'érection des nouveaux évêchés, «Annales de l'Académie d'archéologie de Belgique», 5-ème série, t. IV, 1904, p. 67 etc.

[3] *Miraeus*, Opera diplomatica, t. I, Louvain 1723, p. 472.

[4] Можно было ожидать, что будет 20 епископств, так как имелось 6 прежних, к которым прибавилось 14 новых. Но начиная с 1553 г. Теруанское епископство, переведенное в Булонь, утратило свою юрисдикцию над Нидерландами, а, начиная с 1559 г., Льежское епископство также утратило ту юрисдикцию, которой оно раньше пользовалось в отношении части Брабанта, Намюрской провинции, Генегау, Люксембурга и Лимбурга.

ствам, учрежденным в Камбрэ, Утрехте и Мехельне, причем последнему из них предоставлена была вся полнота духовной власти над всей нидерландской церковью, так что, избавившись теперь от вмешательства Реймса и Кельна, Нидерланды отныне стали представлять собой церковное единство, подобно тому как они составляли уже раньше единство политическое. Впрочем вся новая церковная организация должна была зависеть только от короля. Последний, по соглашению с папой, должен был назначать епископов, содержать их за свой счет, пока им не будут предоставлены постоянные доходы, и, наконец, должен был намечать кандидатов в епископы из среды докторов или лиценциатов теологии, не считаясь с их происхождением. Реорганизованная таким образом нидерландская церковь чрезвычайно напоминала (если отвлечься от различия во времени и в обстановке) церковную организацию, навязанную в X в. Оттоном I Лотарингскому герцогству. Как тут, так и там епископы являлись креатурами государя и послушными орудиями его воли. Само собою напрашивается сравнение между Гранвеллой, провозглашенным в 1561 г. архиепископом мехельнским, и Бруно, возведенным германским императором в 953 г. одновременно в сан архиепископа кельнского и в звание герцога Лотарингского.

Этого сравнения достаточно, чтобы понять, какой всеобщий взрыв негодования и какой поток жалоб тотчас же вызвала эта реформа. Разумеется, нельзя было отрицать, что с религиозной точки зрения она была превосходна. Но, с другой стороны, она нарушала интересы очень многих и в особенности чересчур усиливала королевскую власть, для того чтобы ее согласились спокойно принять. Ее встретили так же враждебно, как в конце XVIII в. встретили судебную реформу Иосифа II. Непримиримый католицизм испанского монарха вызвал такую же бурю негодования, как и «просвещенный деспотизм» австрийского монарха. В планах Филиппа видели новые козни против свобод нидерландских провинций, вопиющее нарушение их привилегий. Дворянство было возмущено необходимостью отдать теологам низкого происхождения епископские должности, которые оно в течение долгого времени замещало представителями из собственной среды. Еще более возмущены были монахи тех монастырей, которые, согласно королевскому плану, должны были служить источником «епископских доходов» для новых прелатов. Действительно, чтобы обеспечить новые епископства доходами и одновременно облегчить свою собственную казну, Филипп получил от папы разрешение на передачу епископствам известного числа аббатств. Кроме того он видел в этой

мере, идея которой внушена была ему Гранвеллой, огромную политическую выгоду. Отныне в провинциальных штатах должны были заседать уже не аббаты, на которых он не имел никакого влияния, а назначенные им и преданные ему епископы, которые могли составить здесь монархическую партию. Таким образом церковная реформа в конечном итоге способствовала усилению королевской власти, так как она вносила раскол в собрания штатов, обнаружившие за последние годы столь двусмысленное отношение к короне. Этого было достаточно, чтобы довести возбуждение умов до крайних пределов. Дворянство и городское население стали на сторону аббатов, интересы которых теперь совпадали с их собственными. В Брабанте оппозицию возглавили настоятели крупных монастырей, столь упорно защищавшие свои привилегии от централизаторских тенденций правительства [1] уже при Карле V; создалось парадоксальное положение, при котором само духовенство боролось против церковной реформы. «Аббаты так глупы, — писал Гранвелла в момент дурного расположения духа, — что неистовствуют, как буйволы» [2].

Но народ встретил новые епископства враждебно не только из страха, что благодаря им провинциальные штаты начнут подпадать под влияние короля, а главным образом потому, что опасались, как бы они не явились шагом на пути к введению в Нидерландах испанской инквизиции. Уже одно это название внушало всем мистический страх. Отлично было известно, что брюггский епископ Петр Курций, ипрский епископ Мартин Ритовий, буа-ле-дюкский епископ Француса Сонний, гентский епископ Вильгельм Линдан, а также гаарлемский и миддельбургский епископы до своего назначения на эти должности исполняли в бургундских провинциях обязанности инквизиторов. Кроме того известно было также, что «брат» Лоренцо да Виллавиченцо и «контадор» Алонзо дель Канто переслали в Мадрид обширный список подозрительных лиц и донесли королю о слишком снисходительном отношении брюссельского правительства к ереси [3]. Не достаточно ли было этого для оправдания внушенных всем подозрений? Напрасно Маргарита и Гранвелла заявляли, что король невиновен в приписываемых ему планах: никто им не верил. Да к тому же разве могли они в его оправдание официально заявить, что он считал инквизицию в Нидерландах более беспощадной, чем испанская инквизиция? [4]

---

[1] Histoire de Belgique, t. III, p. 186.
[2] *Weiss*, Papiers d'État de Granvelle, t. VII, p. 206.
[3] *Marx*, Studien..., S. 221.
[4] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 207.

II

Возмущение, вызванное Филиппом, всей своей тяжестью обрушилось на Гранвеллу. Не решались прямо нападать на монарха, который, несмотря на свою все растущую непопулярность, был, однако, защищен еще своим правом законного государя. Зато представлялся слишком благоприятный случай избавиться от всемогущего министра, и этого случая нельзя было упустить. Его недавнее возведение в кардинальское достоинство (26 февраля 1561 г.), подчеркнувшее доверие к нему со стороны государя, еще сильнее разожгло ненависть, которую к нему питали и без того. Вельможи из государственного совета, соблюдавшие до сих пор приличие, решили, что настал момент открыто порвать с ним и объединиться в своих действиях с народом. 23 июля 1561 г. граф Эгмонт и принц Оранский послали королю свои заявления об отставке, мотивируя свой уход из государственного совета тем, что они не хотят больше нести ответственность за вызванные кардиналом события, которым они к тому же не могли оказать никакого противодействия, так как все государственные дела большой важности решаются без их ведома[1]. После того как оба вождя высшей знати открыто перешли таким образом на сторону оппозиционной партии, последняя стала считать все дозволенным ей. На Гранвеллу обрушился невероятный поток оскорблений. Градом посыпались листовки на французском и фламандском языках, клеймившие этого «красного дьявола», эту «презренную гадину», этого «красного дракона», эту «испанскую свинью», эту «папскую каналью». Их ярость была тем сильнее, что им не удавалось вывести Гранвеллу из себя, и он отвечал лишь презрительным молчанием.

Неумелая политика Филиппа II еще ухудшала положение. Гораздо более озабоченный быстрыми успехами кальвинизма во Франции, чем волнением, царившим в Нидерландах, он решил предложить свою помощь Екатерине Медичи. В октябре 1561 г. он приказал Маргарите Пармской двинуть войска во Францию. Трудно было выбрать более неудачный момент для действий. Хотя Гранвелла отлично понимал, какими опасностями чревата была в такое тревожное для Нидерландов время религиозная война, вспыхнувшая во Франции, однако он, не колеблясь, стал убеждать короля отка-

[1] Gachard, Correspondance de Philippe II, t. 1, p. 195. О мотивах личного характера, значения которых не следует однако преувеличивать, побудивших Эгмонта и принца Оранского порвать с Гранвеллой, см. *Marx*, Studien..., S. 148; *Rachfahl*, Margaretha von Parma, S. 96.

заться от своего плана. Что касается правительницы, то она умоляла его подумать о продолжающемся истощении провинций. И наконец, главное было в том, что принц Оранский заявил перед советом, что нельзя двинуть отрядов милиции без согласия генеральных штатов [1].

Филипп уступил, но нетрудно себе представить, какое раздражение он должен был испытать при этом. Нидерланды не только не довольствовались больше противодействием его монархической политике, они теперь прямо мешали ему играть роль защитника «истинной веры», роль, которой он дорожил больше всего. Этого было достаточно, чтобы бургундские провинции были заподозрены в Мадриде если не в союзе с гугенотами, то по крайней мере в тайном сочувствии им.

Между тем оппозиция становилась с каждым днем все сильнее и смелее. Поддерживаемая почти открыто вельможами из государственного совета, она стала теперь еще более опасной, перейдя под руководство Брабанта. Последний был богаче и влиятельнее всех остальных провинций не только потому, что здесь находились экономическая столица страны Антверпен и ее политическая столица Брюссель, но также потому, что большинство вождей высшей знати — принц Оранский, Гогстратен, Берг — заседали в брабантских провинциальных штатах [2]. Брабант, примерно как Париж во Франции, стал теперь руководить общественным мнением и начал играть доминирующую роль в политической жизни, подобно тому, как он уже раньше добился ведущей роли в хозяйственной и художественной жизни страны. Воодушевленный единодушием своих соседей, Брабант вскоре объединил их разрозненное сопротивление в одно сплоченное национально-оппозиционное движение.

Гранвелла отлично видел это. «Сопротивление новым епископствам, — писал он, — оказывают в стране брабантские штаты» [3]. И так как он не мог привести их в повиновение силой, то он пытался по крайней мере подорвать их влияние, стараясь посеять рознь между дворянством и провинциями и советуя королю противопоставить Антверпену конкуренцию Гентского порта, только что соединенного с мо-

---

[1] *Kervyn de Lettenhove*, Les Huguenots et les Gueux, t. I, Bruges 1883, p. 164.

[2] Таким образом брабантские провинциальные штаты приобрели национальное значение. Это становится особенно ясным, если принять во внимание, что в 1565 г. граф Эгмонт купил сеньерию Газбек, чтобы иметь возможность заседать в них. *Gachard*, Notices sur les Archives de Gand, p. 47.

[3] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 199, 203. В феврале 1562 г. брабантские провинциальные штаты послали депутацию в Мадрид с протестом против создания епископств. *Weiss*, Papiers d'Etat, t. VI, Paris 1846, p. 503.

рем Тернейзенским каналом. «Ведь совершенно безразлично, — заявлял он, — какой город будет извлекать выгоду из торговли, лишь бы она не пропадала для страны» [1]. Но все эти мероприятия, продиктованные растерянностью, были ни к чему. Брабантские штаты с каждым днем становились все решительнее. Они требовали назначения принца Оранского правителем (ruwaert) Брабанта; они запросили мнение парижского юриста Дюмулена, «известного еретика», относительно законности учреждения новых епископств; они послали в Мадрид и в Рим делегации для изложения королю и папе своих жалоб. С своей стороны, государственный совет, в котором недавно вернувшийся из Испании граф Горн занял теперь место рядом с Эгмонтом и принцем Оранским, решил направить к Филиппу барона Монтиньи, чтобы сообщить ему об опасностях создавшегося положения. Созванное Маргаритой Пармской собрание рыцарей ордена Золотого руна добилось от нее, несмотря на возражения Гранвеллы и Виглиуса, разрешения на созыв генеральных штатов. Впрочем, их заседание, состоявшееся в Брюсселе 29 июня 1562 г., прошло совершенно спокойно, и они мирно разошлись, утвердив требовавшуюся субсидию.

Но это собрание свидетельствовало об ослаблении влияния Гранвеллы при правительнице, и это обстоятельство не могло не воодушевить его врагов. Лига, созданная против Гранвеллы несколькими вельможами в конце 1561 г. — быть может, по примеру, данному в апреле во Франции Монморанси, Гизом и Сент-Андре, — оставила теперь всякую сдержанность. Она обращалась с министром короля, как с отъявленым врагом; распространяла слухи, что Гранвелла советовал королю приказать отрубить полдюжину голов [2] и явиться с вооруженной силой для усмирения страны. Вожди лиги, писала Маргарита, «выражаются так, что возникает сомнение, является ли еще ваше величество повелителем этого государства» [3].

Но их поведение пугало ее еще больше, чем их речи. Действительно, с некоторых пор они явно искали сближения с Германией [4]. Они теперь вдруг вспомнили, что «Бургундский округ» являлся в свое время составной частью герман-

---

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 201.

[2] Ibid., p. 207. Филипп II, заявляя правительнице, что Гранвелла не предлагал ему ничего подобного, заметил в то же время, что «пожалуй недурно было бы прибегнуть к этому средству».

[3] Ibid., p. 215.

[4] *Kervyn de Lettenhove*, Les Huguenots et les Gueux, t. I, p. 156; *Marx*, Studien...., S. 271.

ской империи, находился под ее покровительством, и не было никаких сомнений, что ссылка на этот сюзеренитет, так неизменно игнорировавшийся со времени царствования Филиппа Доброго, была направлена против испанского государя. Брак принца Оранского (25 августа 1561 г.) с лютеранкой Анной Саксонской, состоявшийся, несмотря на явное неодобрение короля, может считаться первым проявлением этого нового поведения высшей знати. Правда, принц Оранский сдержал — по крайней мере для вида — свое обещание воспитать свою жену в католическом духе, однако он не упускал с тех пор случая все более открыто подчеркивать, что он является вассалом императора и немецким князем. Он тесно связался со своими родственниками по ту сторону Рейна, которые все были протестантами; он поселил в своем дворце и в своем замке в Бреде массу дворян-лютеран и в 1562 г., несмотря на резкие упреки правительницы, отправился во Франкфурт на Майне, чтобы присутствовать на коронации нового императора Римской империи, Максимилиана II. Нетрудно было предвидеть, какими опасностями или по крайней мере тяжелыми последствиями чревато было на севере для испанской монархии его поведение. Берлемон с полным основанием был в ужасе от этого и заявил Маргарите, что «у принца какой-то важный план на уме и что дело идет о каком-то замысле против короля» [1].

В то время как высшее дворянство под руководством принца Оранского пыталось привлечь на свою сторону Германскую империю, народ, в свою очередь, жадно следил за событиями во Франции, где резня в Васси (2 марта 1562 г.) вызвала первую религиозную войну. «Здесь, — писал Гранвелла, — говорят только о событиях во Франции и притом в выражениях, не оставляющих сомнений, что здесь многие ничего не имели бы против того, чтобы дела приняли дурной оборот; и если бы это случилось во Франции, то то же самое вскоре произошло бы и здесь» [2]. Множество гугенотов искало себе прибежища в провинциях. Как и во время Французской революции, страна была наводнена эмигрантами, против которых правительство не решалось принять никаких мер и которые поддерживали в больших городах, в особенности в Турнэ, Валансьене и в Антверпене, очень опасное брожение [3]. В конце 1562 г. положение стало столь серьезным, что кардинал заявлял о безнадежности положения, если вельможи

---

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 225.
[2] Ibid., p. 230.
[3] *Weiss*, Papiers d'État..., t. VII, p. 33; *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 218.

возьмутся за оружие, «ибо если кто-нибудь из них сделает это, то только один бог может помешать тому, чтобы эта страна не последовала примеру Франции» [1]. К счастью, они еще не помышляли о революции и продолжали питать надежды на вмешательство Германской империи.

Таково было положение дел к моменту возвращения Монтиньи из Испании. Тех, кто еще надеялся, что он привезет распоряжение об отставке Гранвеллы, постигло горькое разочарование. Вместо того чтобы отозвать кардинала, король, наоборот, оказывал ему больше доверия, чем когда-либо: он пытался сломить предубеждение дворян против своего министра, заявлял, что Гранвелла совершенно невиновен в создании новых епископств, и заверял, наконец, что совершенно и не поднималось вопроса о введении в Нидерландах испанской инквизиции. Таким образом все усилия последних месяцев были потрачены бесцельно. Филипп остался непоколебимым. Но при тогдашнем положении дел его упорство могло лишь усилить активность недовольных. Дворянская лига составляла новые планы. Монтиньи примкнул к ней со времени своего возвращения, сделавшись вскоре одним из самых рьяных ее членов.

Тем временем правительница стала постепенно склоняться перед этим несокрушимым сопротивлением. Она дошла до того, что поставила перед собой вопрос о том, разумно ли сохранять министра, одно лишь присутствие которого делало невозможным управление страной. Чем резче вельможи подчеркивали свою ненависть к Гранвелле, тем больше уважения и преданности они выказывали Маргарите. Поэтому она льстила себя надеждой, что сумеет умиротворить их, как только король предоставит ей право действовать самостоятельно и освободит ее от унизительного контроля, которому он ее подчинил. Кроме того искусные интриги настроили ее против кардинала. Ее секретарь Армантерос и в особенности Симон Ренар, открытый враг Гранвеллы, внушили ей мысль, что Гранвелла втайне пытается вредить ей в Мадриде [2]. Так как отказ Филиппа II предоставить Пьяченцу дому Фарнезе придавал этим обвинениям некоторое правдоподобие, то в конце концов Маргарита дошла до того, что тоже стала желать отозвания своего советника как из честолюбивых стремлений играть политическую роль, так и

---

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 230.

[2] Маркс (*Marx*, Studien..., S. 442 ff.) очень тонко проанализировал мотивы, толкнувшие Маргариту к этой перемене фронта. О любопытной фигуре Симона Ренара см. там же, стр. 316 и сл.

из личных интересов[1]. С января 1563 г. она давала понять, что готова согласиться на его заявления о желании выйти в отставку, которые ему иногда случалось делать[2].

Эти настроения правительницы внушили дворянам смелость для нового удара. 11 марта принц Оранский, Эгмонт и Горн направили королю настоящий обвинительный акт против Гранвеллы. Кардинал, заявлялось в нем, стал такой ненавистной фигурой в провинциях, что его пребывание здесь больше нетерпимо; убеждение, что решение «всех важнейших дел» зависит от него, настолько укоренилось в умах, что «нечего надеяться на искоренение его, пока он находится здесь». Что касается их самих, то они твердо решили впредь не заседать больше вместе с ним в государственном совете[3].

Этот ультиматум был отправлен Филиппу тремя подписавшими его не только от их имени, но и от имени почти всего высшего дворянства. За исключением Аремберга и Берлемона, он был одобрен всеми рыцарями ордена Золотого руна и всеми провинциальными штатгальтерами. Ультиматум ясно указывал на это, ссылаясь на «настроения стольких здешних высокочтимых людей». Впрочем, нетрудно было понять, что он требовал гораздо бо́льшего, чем отозвание ненавистного министра. Он содержал в действительности целую политическую программу. Обвиняя Гранвеллу в том, что он присвоил себе решение «всех важнейших дел», ультиматум тем самым осуждал монархическое испанское управление во имя национально-бургундского.

Филипп II не в состоянии был понять этого. И хотя он возмущен был наглостью вельмож, но приписывал их поведение лишь оскорбленному самолюбию, обманутому честолюбию и личным интригам. Он полагал, что действовал очень искусно, когда тянул со всеми этими делами и, как всегда, прибегал к мелким политиканским ухищрениям. Он воображал, что имеет дело лишь с интриганами и что достаточно посеять взаимное недоверие среди вождей, чтобы положить конец движению. Он тянул до 6 июня, затем ответил, что он намерен вскоре лично приехать в Нидерланды, а пока ему приятно будет видеть одного из вельмож и узнать, в чем обвиняют Гранвеллу. Ибо, заявлял он, «...я не считаю, что вы сообщили какую-нибудь особую причину, которая могла бы заставить меня притти к убеждению, что я должен произ-

---

[1] Заслугой Рахфаля (*Rachfahl*, Margaretha von Parma, S. 117 ff.) является то, что он с исчерпывающей ясностью показал значение вопроса о Пьяченце для позиции Маргариты. Но он все же, пожалуй, впал в некоторые преувеличения.

[2] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 236.

[3] *Gachard*, Correspondance de Guillaume le Taciturne, t. II, p. 35.

вести указываемые вами изменения»[1]. Одновременно, чтобы оторвать графа Эгмонта от принца Оранского, он обратился к Эгмонту с письмом, в котором писал, что он охотнее всего хотел бы вести переговоры с ним.

Но как ни польщено было честолюбие графа этим проявлением королевской милости, он был слишком тесно связан с дворянской лигой, чтобы решиться пойти на разрыв с ней. После совещания с двумя другими вельможами, подписавшими послание от 11 марта, он покорно поблагодарил короля за его благоволение, заявив, что счастлив будет приложиться к его руке, но что он не может приехать в Испанию «по делу о кардинале»[2]. А через несколько дней эти трое вельмож обнародовали два новых письма, адресованных Филиппу II и правительнице[3]. В первом из них они заявляли, что их отказ заседать в государственном совете рядом с Гранвеллой остается в силе, во втором они объясняли, что важнейшей причиной этого их отказа является недавно полученный из Мадрида официальный приказ не созывать генеральных штатов, которые одни только, по их глубочайшему внутреннему убеждению, в состоянии изыскать «средства, чтобы покончить со всеми этими бедствиями». Эта декларация не оставляла никаких сомнений относительно образа мыслей вельмож. Нельзя было яснее указать, что дело шло для них не о личном, а о принципиальном вопросе, и лучше очертить конфликт между абсолютистским и автономным правительством. Гранвелла тотчас же понял это, обвинив своих врагов в том, что «они хотят превратить страну в своего рода республику, в которой король может делать только то, что им угодно»[4].

Теперь кризис разразился со всей силой. Поощряемые стачкой членов государственного совета брабантские штаты прекратили уплату денежных субсидий, а провинциальные штатгальтеры открыто обнаружили свое недовольство правительством. Между тем их поддержка была в этот момент нужнее, чем когда бы то ни было, так как на почве кальвинизма стали возникать беспорядки в Нижней Фландрии, в Турнэ, Валансьене. Как можно было с ними справиться, если представители власти отказывались действовать? Кроме того, чем можно было помочь в разгар всеобщего недовольства расстройству финансов и покрыть дефицит, ежегодно увеличивавшийся на 600 тыс. флоринов?[5] При этих обстоятельствах

[1] *Gachard*, Correspondance de Guillaume le Taciturne, t. II, p. 41.
[2] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. II, p. 258.
[3] *Gachard*, Correspondance de Guillaume le Taciturne, t. II, p. 42, 48.
[4] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 261; ср. p. 217, 257.
[5] Ibid., p. 266.

даже Гранвелла стал, наконец, приходить в отчаяние. Подавленный заботами, опасаясь даже за свою жизнь, он внезапно состарился и поседел [1]. Он видел теперь единственное спасение в приезде короля. Но он отлично знал, что король не приедет, и не хуже его знала это и Маргарита. Поэтому она решила предложить последнее средство. В августе 1563 г. Арментерос отправился в Мадрид с поручением просить Филиппа II об отозвании кардинала.

Между тем положение все обострялось. Принц Оранский, Эгмонт, Горн, Берг собирались на таинственные совещания. Когда в декабре герцогиня созвала в Брюсселе представителей генеральных штатов, Гранвелла не решился остаться в городе и выехал под благовидным предлогом объезда своей епархии [2]. Зато дворяне в своих столичных дворцах наперебой задавали пиры, тратились без счета и влезали в долги, «чтобы сохранить влияние на народ» [3]. Во время карнавала на маскараде у сира Гроббендонка они неожиданно решили ввести для своей лиги черную форму, усеянную красными шутовскими колпаками. Вскоре на улицах Брюсселя на каждом шагу стала встречаться эта странная форма — предшественница формы гезов, — и народ, разумеется, не преминул установить сходство между этими шутовскими колпаками и шапкой кардинала [4].

Что касается Филиппа II, то он принимал на этот раз решение медленнее, чем когда-либо, не зная, к чему склониться: к своему ли желанию наказать виновных или к осторожности, диктовавшейся обстоятельствами. Герцог Альба, пришедший в такую ярость от последнего письма нидерландских вельмож, что «его высказывания, если бы он не овладел собой, могли бы показаться словами буйно помешанного», посоветовал королю сделать вид, что он не заметил оскорбления, до тех пор «пока можно будет отрубить головы всем, кто этого заслуживает» [5]. Филипп в конце концов остановился на этом решении. В тиши своего кабинета он тщательно разрабатывал теперь постановку настоящей политической коме-

---

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 268.
[2] Ibid., p. 274.
[3] Ibid., p. 275.
[4] О значении этой формы было немало споров. См. интересные подробности, сообщаемые Марксом (*Marx*, Studien..., S. 467 ff.). Но вопрос, по-моему, довольно прост. Вельможи ввели общую форму с целью иметь отличительный знак для своей лиги, а выбор, по примеру немецких князей, очень простой ткани черного цвета объясняется их тесными отношениями с Германией. Что касается шутовских колпаков, то они не имеют никакого отношения к Гранвелле: введение их объясняется тем, что дело происходило во время карнавала.
[5] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. 1, p. 272.

дии. Решившись уступить, он хотел по крайней мере соблюсти приличия. Поэтому он приказал составить для Маргариты гласные инструкции, порицавшие поведение вельмож и приказывавшие им вернуться на свои места в государственном совете до тех пор, пока он не примет решения по поводу их жалоб на Гранвеллу. Одновременно он собственноручно писал Гранвелле, что разрешает ему отлучиться «в Бургундию на несколько дней, чтобы навестить свою престарелую мать», и ставил герцогиню в известность об этой уловке, благодаря которой спасены будут «авторитет короля и репутация кардинала» (22 января 1564 г.) [1].

В конце февраля Армантерос привез все эти предписания в Брюссель. Не могло быть никаких сомнений, каков будет исход этой комедии. Несмотря на королевский приказ, вельможи наотрез отказались вернуться в государственный совет. А правительница боялась — или делала вид, что боится, — чтобы в городе, «пестревшем новыми одеяниями», не вспыхнуло восстание [2].

Хотя Филипп, сожалевший теперь уже о своем первом решении, приказал ей через несколько дней после приезда Армантероса придумать, как сохранить Гранвеллу на его посту; и хотя Гранвелла, озлобленный тем, что его приносят в жертву оппозиции, не сообщил еще никому о намерениях короля, Маргарита, не колеблясь, попросила его уехать из Нидерландов. Побежденный министр вынужден был сыграть свою роль до конца. Он торжественно попросил у «ее высочества» разрешить ему проводить своего только что прибывшего в Нидерланды брата Шантонэ [3] в Бургундию, куда его призывали дела и семейные обстоятельства. Это разрешение было ему дано для вида на два или три месяца, в связи с чем Гранвелла позаботился пустить слух, что он в ближайшее время вернется. 13 марта он покинул Брюссель, в который ему никогда не суждено было вернуться.

---

[1] Gachard, Correspondance de Philippe II, t. I p. 285. Подробности событий см. в исчерпывающем изложении *Marx*, Studien..., S. 463 ff.

[2] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 295.

[3] Он только что был послан в качестве испанского посла из Парижа в Вену и направлялся через Брюссель к месту своего нового назначения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КАЛЬВИНИСТЫ И ГЁЗЫ

I

В первое время оппозиция Филиппа II в Нидерландах, как мы видели, стояла исключительно на национальной платформе. Она была совершенно чужда религиозному вопросу. Как бы равнодушны ни были вожди оппозиции к вопросам веры, все они без исключения исповедывали католическую религию. Даже Оранский, несмотря на свои подозрительные родственные связи, не давал повода сомневаться в своей ортодоксальности. Лютеране и анабаптисты нигде не поддерживали недовольных и не принимали никакого участия в борьбе. Их сдержанность особенно резко бросалась в глаза на фоне всеобщего возбуждения, охватившего всю страну. Католический король натолкнулся с самого же начала на сопротивление именно своих католических подданных и не встретил в первое время своего царствования никакого сопротивления со стороны еретиков.

Но так обстояло дело лишь на первом этапе борьбы. Появление на сцену кальвинизма совершенно изменило всю картину и привело к возникновению наряду с национальной оппозицией религиозной оппозиции, которая, подчинив себе вскоре первую, увлекла ее за собой и втянула ее в открытое восстание. Кальвинизм был проникнут совершенно иным духом, чем все остальные протестантские исповедания[1]. В то время как лютеране воздерживались от всякой политической деятельности, а анабаптисты, отказавшись от своих апокалиптических мечтаний, старались лишь избегать какого бы то ни было соприкосновения с осуждаемым ими обществом, отгородившись своими общинами от всего остального мира, кальвинисты, наоборот, стремились преобразовать государ-

[1] *K. Rieker*, Staat und Kirche nach lutherischer reformierter, moderner Anschauung, «Historische Vierteljahrschrift» Bd. I, 1898, S. 370 ff.

ство, подчинив его божественному закону, т. е. подчинив его своей церкви. Подобно своему главному врагу — католицизму — кальвинизм тоже имел законченную церковную организацию. В отличие от Лютера, поглощенного лишь заботой о проповедывании и предоставившего все остальное светской власти, Кальвин понял огромное значение церковной дисциплины. Синодальное устройство, которое он придал своей церкви, обеспечивало ее независимость от светской власти. Но эта независимость была лишь отправным пунктом, лишь минимумом, которым довольствовались за неимением лучшего. Его идеалом было подчинение светской власти духовной; его конечной целью было теократическое государство, на подобие созданного им в Женеве. Победа должна была быть за евангелием, хотя бы и вопреки воле государя, который был лишь тираном, если он противился слову божию.

В результате кальвинизм вскоре приобрел революционный характер. Так было во Франции с гугенотами, так же было и в Нидерландах с гезами. Да иначе и не могло быть, особенно если принять во внимание, что кальвинисты смотрели на бога скорее, как на строгого повелителя, чем на благостного отца, и, в силу своего религиозного радикализма, видели в прежних церковных порядках лишь отвратительное идолопоклонство.

К этому присоединилось, наконец, и то, что кальвинистский догмат об абсолютном предопределении в силу странной непоследовательности обязывал своих приверженцев к действию. Вместо того чтобы впасть в квиетизм, они полностью посвятили себя воле божией и торжеству своей церкви. Окруженные со всех сторон неверными, они пытались, отдавая все свои силы борьбе за свою веру, доказать самим себе, что они действительно являются избранниками Христа[1]. Поэтому они подчинялись самой суровой дисциплине и их всегда напряженная воля не знала никаких препятствий. Христианское милосердие утратило у них всю свою благость и нежность; их религия повиновалась разуму, а не сердцу. Ни одно из христианских вероучений не было таким холодным, сухим и столь мало притягательным. Но, с другой стороны, ни одно из них не обнаружило такого прозелитизма и не оказало в течение столь короткого времени подобного

---

[1] *E. Marcks*, Gaspar von Coligny, sein Leben und das Frankreich seiner Zeit, Bd. I, Stuttgart 1892, S. 293. Нижеследующее место из интересного памфлета валансьенских кальвинистов от 1562 г. (*Ch. Paillard*, Histoire des troubles réligieux de Valenciennes, t. II, Bruxelles 1874, p. 161) полностью подтверждает нашу точку зрения: «Во имя Христа и ради него мы готовы страдать и оставаться верными ему, ибо иначе, если мы откажемся от истинной веры, мы не войдем в царствие небесное».

политического влияния. Где бы кальвинизм ни появлялся, он повсюду вступал в борьбу. И он не только оборонялся, но и наступал, не обращая внимания на численность и силу своих врагов. Лютеранскому смирению он противопоставил восстание; во всех странах, где он внедрялся, он открывал эру религиозных войн.

В последние годы царствования Карла V кальвинизм проник в Нидерланды.

Первоначально он проник сюда незаметно. В течение довольно долгого времени кальвинистов путали с лютеранами и анабаптистами, и вплоть до издания указа от 28 апреля 1550 г. среди еретиков, сочинения которых запрещены были под страхом смерти, нельзя было встретить имени Кальвина[1]. Но уже задолго до этого сочинение Кальвина «Наставление в христианской вере» благодаря деятельной пропаганде получило широкое распространение в Генегау, области Турнэ и окрестностях Лилля[2]. Действительно, именно через эти пограничные с Францией валлонские области, связанные с ней общностью языка, кальвинизм проник в Бельгию, подобно тому как лютеранство в свое время проникло сюда через северные провинции, так что в великой религиозной драме XVI в. обе нидерландские народности последовательно сыграли каждая свою роль.

Кальвинизм очень скоро оттеснил на задний план все остальные протестантские исповедания. Ни лютеране, ни сакраментарии не имели такого прочного церковного устройства, как он. За отсутствием независимой организации их общины не в состоянии были противостоять государству. Лютеранство побеждало только в тех странах, в которых государи тоже становились его последователями. Но перед лицом монарха, являвшегося поборником католицизма, его шансы на победу были ничтожны, и мы действительно видели, что примерно с 1540 г. лютеранская пропаганда в провинциях совершенно прекратилась. Хотя приверженцы его и сохранили свою веру, но они перестали вербовать новообращенных; их общины распались, и их германские единоверцы не в состоянии были помочь им.

Кальвинизм же, наоборот, с самого начала был прекрасно вооружен для внедрения в страну и для ведения борьбы. В лице своих «пасторов» кальвинизм располагал целой армией миссионеров. Получив выучку в Страсбурге, Лозанне,

---

[1] Однако «Наставление в христианской вере» встречается уже в индексе 1546. «Placcaeten van Vlaenderen», Bd. I. S. 148.

[2] *Rachfahl*, Wilhelm von Oranien und der Niederländische Aufstand, Bd. I, S. 409 ff.

Женеве, они представляли собой подлинное духовное сословие, и это духовное сословие было столь же деятельным и образованным, сколь католическое духовенство, в противоположность ему, было в массе своей невежественным и бездеятельным [1]. Так как кальвинистские пасторы были снабжены подробными инструкциями и действовали согласованно, поддерживая тесные взаимоотношения друг с другом, то они производили впечатление дисциплинированных агентов огромного религиозного предприятия. Переодетые и под чужими именами, они проникали в города и каждый вечер проповедовали при закрытых дверях в какой-нибудь харчевне, в дальнем углу двора или в каком-нибудь глухом месте пригорода. Иногда они делали свое дело и за трапезой в дружественном доме, пытаясь обратить своих сотрапезников путем назидательных бесед и раздачи им соответствующих книг и церковных песен [2]. Еще до 1543 г. они навербовали таким образом — в особенности в окрестностях Лилля и Турнэ — многочисленных последователей во всех слоях общества, но особенно в народе, и эти «рассеянные братья» находились в оживленных сношениях со Страсбургом и с Женевой [3].

В 1544 г. верующие из Турнэ направили двух посланцев в Страсбург с просьбой прислать им пастора. Буцер прислал им Петера Брюлли, который уже через год был арестован и казнен. Он был повидимому первым мучеником кальвинизма в Нидерландах. Но к этому времени кальвинизм получил уже достаточно широкое распространение в валлонских провинциях и мог породить здесь новых апостолов. Таким был Гвидо Брей, родом из Монса, один из самых активных пропагандистов кальвинистского учения, автор «Вероисповедания нидерландских церквей». В 1556 г. ему удалось создать в Лилле общину, которая имела своих дьяконов и свою собственную кассу, существовавшую на взносы своих членов [4].

Впрочем к этому времени кальвинизм стал внедряться в северные провинции. Со времени своего разрыва с Римом Англия сделалась для него великолепной операционной базой. С конца царствования Генриха VIII она стала приста-

---

[1] Ван Варневик (*M. van Vaernewijck*, Van die beroerlicke tijden in Ghendt, éd. F. van der Haeghen, t. I, Ghendt 1872, p. 48, 54) блестяще отметил эту противоположность.

[2] Я заимствую эти подробности у Рейсса (*R. Reuss*, Pierre Brully, Strassbourg, 1879, p. 52 etc.); *Ch. Paillard*, Le procès de Pierre Brully, Paris 1878, p. 13 etc.; *L. A. van Langeraad*, Guido de Bray, zijnleven en werken, Zierikzee 1874, p. 16 etc.

[3] «J. Calvini opera», éd. G. Baum, Ed. Cunitz, Ed. Reuss, t. XI, Braunschweig 1873, p. 683.

[4] *L. A. van Langeraad*, Guido de Bray..., p. 17 etc.

нищем для французских и бельгийских протестантов. На этой благодатной почве, в этом «убежище» тотчас же возникли кальвинистские общины [1], из недр которых вышли «проповедники», с жаром отдавшиеся делу обращения Нидерландов в новую веру. Оживленная торговля между обоими берегами Северного моря очень облегчила работу «проповедников». Благодаря ей они находились в непрерывных сношениях с нидерландскими «верующими», руководили ими и поддерживали в них дух бодрости. Изгнанные во время царствования Марии Тюдор, они в еще большем числе вернулись в Англию с восшествием на престол Елизаветы, которая открыто взяла их под свою защиту. Скорее из экономических соображений, чем из религиозных, новая королева разрешила валлонским и фламандским протестантам обосноваться в Лондоне, Сандвиче, Колчестере и Норвиче, где они насадили свою промышленность. Одновременно города эти стали центрами кальвинистской пропаганды. Благодаря постоянным сношениям между этими эмигрантами и их отечеством кальвинизму вскоре удалось пустить глубокие корни на всем нидерландском побережье, подобно тому, как он упрочился уже в валлонских областях вокруг Турнэ, Лилля и Валансьена. Таким образом он с двух сторон достиг, наконец, Антверпена, в котором неизбежно перекрещивались все движения, волновавшие страну, и в который, в силу торговых связей, устремлялись все в бо́льшем числе французские гугеноты. Поэтому этот большой город стал для кальвинизма — как в свое время для лютеранства — превосходным центром. Через Антверпен все кальвинистские общины страны, фламандские и валлонские, были связаны друг с другом и подчинялись единому общему руководству. Организация новой церкви очень рано начала здесь действовать открыто. Женщины-кальвинистки приезжали в Антверпен рожать, чтобы иметь возможность крестить своих детей «по обрядам еретиков» [2].

Эти успехи кальвинизма нетрудно объяснить, если принять во внимание, в каком положении были религиозные дела в Нидерландах. Давно уже дезорганизованным и лишенным пасторов лютеранам и в голову не могло прийти помешать успехам кальвинизма. Более многочисленные, чем лютеране, анабаптисты в течение некоторого времени пытались оказывать сопротивление, но Гвидо Брей решительно сломил его [3], и в конце концов анабаптисты не могли устоять перед

[1] См. Pirenne, Histoire de Belgique, t. III, p. 355.
[2] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 327.
[3] См. Pirenne, Histoire de Belgique, t. III, p. 348, n. 2.

методическим прозелитизмом и более высокой организацией кальвинистов. Что касается католиков, т. е. подавляющего большинства, то они оставались равнодушными и безучастными перед лицом новой опасности, угрожавшей их религии. Религиозный пыл явно почти совершенно исчез у них; они оставались верными церкви по традиции, по привычке, из консерватизма, но число готовых защищать католическую веру было крайне незначительно среди них. Во всех слоях населения наблюдались очень тревожные симптомы. Образованные люди большей частью подчеркивали свое равнодушие к религиозным спорам; они были против преследований и подобно Кассандеру, сочинения которого получили широкое распространение в их кругу, были сторонниками свободного и веротерпимого христианства, в котором могли сойтись и объединиться приверженцы различных исповеданий [1]. Некоторые более легкомысленные люди издевались над религиозными обрядами и обнаруживали скептицизм вольнодумцев. Так, например, Монтиньи заявил, что «он пресыщен обеднями» [2], и открыто ел мясо в постные дни. В 1564 г. льежский епископ Жерар Гросбекский констатировал, что «испорченность мыслей и нравов зашла так далеко, что захватила даже значительную часть зрелых людей всех сословий и состояний» [3]. Аналогичные жалобы слышались со всех сторон. Гранвелла, правительница, епископы — все были напуганы упадком католической религии. Создание новых епископств, имевшее как раз целью помочь от этого зла, наоборот, усилило, а не уменьшило его в силу вызванного им недовольства и посеянного им недоверия. Иезуиты попытались проникнуть в Нидерланды, но общественное мнение было явно враждебно настроено по отношению к ним, так что в течение долгого времени они, несмотря на все свои усилия, не могли добиться влияния на умы. Виглиус отсоветовал Филиппу II открыть им доступ на Нидерланды [4], и даже в Льеже, куда ересь проникла лишь в очень незначительных

---

[1] *J. Hansen*, Rheinische Akten zur Geschichte des Jesuitenordens, Bonn 1896, S. 349. В 1561 г. Кассандер опубликовал свое сочинение «De Officio pii ac publicae tranquillitatis vere amantissimi viri, in hoc religionis dissidio», *De Schrevel*, Histoire du séminaire de Bruges, t. I, Bruges 1883, p. 387 etc.

[2] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 268.

[3] *L. Lahaye*, Cartulaire de la commune de Dinant, t. IV, Namur 1891, p. 38; ср. *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. II, p. 413.

[4] См. выше, стр. 33.

размерах, епископ не решался «ввиду плохих времен» предложить штатам мероприятия в пользу иезуитов[1].

При этих условиях кальвинистские проповедники со своим пылом и энергией должны были добиться быстрых успехов. Страстная логика «Наставления в христианской вере» должна была оказать влияние на всех тех, в ком ослабела католическая религия. Ясное и убедительное изложение этой книги немало содействовало успеху ее среди дворян и горожан, которые издавна знали французский язык. Лютера они могли читать лишь в переводе, читая же Кальвина в оригинале, они чувствовали себя ближе к нему и легче поддавались его влиянию. Кроме того их недовольство привилегиями и господствующим положением католического духовенства, в особенности их ненависть к инквизиции, пробудили во многих из них интерес к учению, резко осуждавшему организацию католической церкви. Наконец, к этому же приводило и недовольство, вызванное католическим королем: переход на сторону кальвинизма означал своего рода протест против правительства.

Все это в достаточной мере объясняет, почему с самого же начала правления Маргариты Пармской кальвинизм проник в высшие слои общества. Сыновья знатных семей, которые, по сохранившемуся старинному обычаю, ездили для завершения образования во Францию, отправлялись теперь в Женеву. Основанная здесь реформатором академия, к светилам которой принадлежал знаменитый Теодор Беза, влекла их к себе так же неотразимо, как в свое время лекции гуманистов привлекали их отцов. Примерно около 1560 г. многие молодые дворяне — оба брата Марникса, Карл и Людвиг, Буазо, Люмэ и др. — были уже сторонниками нового учения и распространяли его в кругу своих друзей и родных. Но еще более широкое распространение новые идеи получили среди купцов и предпринимателей, столь многочисленных в

[1] *L. Lahaye*, Cartulaire de la commune de Dinant, t. IV, p. 64. Тем не менее иезуиты имели уже некоторые успехи в Нидерландах. Некоторым из них удалось обосноваться в 1542 г. в Лувене (*Hansen*, Jesuitenakten, S. 48), и в 1547 г. они имели здесь свое постоянное местопребывание (Ibid., S. 74). В 1540 г. у них была здесь своя иезуитская школа, и примерно в это же время шел вопрос о передаче им одного из четырех воспитательных домов (pédagogies) университета (Ibid., S. 358). Другая иезуитская школа процветала с 1563 г. в Турнэ (Ibid., S. 460). В Брюгге им покровительствовал епископ Реми Дрие (*De Schrevel*, Remi Drieux, évêque de Bruges, «Annales de la société d'Émulation», t. XLVI, 1900, p. 329). Аналогичным образом вели себя льежские епископы Роберт Бергский, Георг Австрийский и Жерар Гросбекский. Гранвелла также явно благоволил к ним. Об их первых шагах в Нидерландах см. вообще *Delplace*, L'Établissement de la Compagnie de Jésus dans les Pays-Bas, Bruxelles 1887, а также *E. Gothein*, Ignatius von Loyola und die Gegenreformation, Halle 1895, S. 753 ff.

Антверпене, в приморских городах и в промышленных районах. Эти «нувориши» легко отказывались от католической традиции не только как выскочки, но и под влиянием капиталистического духа, и религиозный радикализм Кальвина был для них лишним основанием присоединяться к его учению. Оно нигде не встретило лучшего приема, чем среди тех, «которые разбогатели от своих доходов и торговых сделок и потому только и мечтали, что о новшествах» [1]. Привлечение этих людей было для кальвинизма тем ценнее, чем значительнее было их влияние. Так например они без всяких колебаний навязывали свою веру своим многочисленным служащим. Во всех торговых городах они давали работу или подаяние «лишь тем, кто ходил на проповеди»; они «наступили народу ногой на горло» [2], и нет ничего удивительного, что бедные рабочие, вынужденные выбирать между голодной смертью и переходом хотя бы для видимости в другую религию, ни одной минуты не колебались.

Описанные нами выше социальные перемены подготовили благоприятную почву для кальвинистской пропаганды. Образование класса капиталистов и класса пролетариев, разумеется, очень содействовало поразительным успехам кальвинизма. Чтобы убедиться в этом, достаточно указать на то, что очаги распространения его находились как раз в тех областях, где господствовала крупная промышленность. Своих первых и наиболее многочисленных приверженцев кальвинисты навербовали именно в Турнэ, Валансьене, Лилле, Гондсхоте и Арментьере, в районе Оденарда, в приморских городах Голландии и Зеландии и, наконец, в самом центре экономической жизни Нидерландов — в Антверпене. Несмотря на различие языка, кальвинизм как у валлонского, так и у фламандского населения следовал тотчас же за введением капиталистической организации. Чем глубже проникала она в обществе, тем шире распространялось новое учение. Чисто аграрный и изолированный от окружающего экономического движения Люксембург не был затронут его влиянием. Очень слабо задеты были им также кузнецы и углекопы Намюрского графства и Льежского края, т. е. коренное население их, отделенное своим образом жизни от своих соседей. Даже в больших городах Фландрии, Брабанта, Генегау и Артуа кальвинизм лишь в слабой степени проник в среду мелкой буржуазии, состоявшей из лавочников и ремесленников и сохранившей традиции цехового строя. Но он побеждал повсюду, где наемные рабочие жили только своей заработной

[1] *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. II, p. 456.
[2] Ibid, t. I, p. 506, t. II, p. 102.

платой, повсюду где их бедственное положение толкало их на борьбу с существующим строем. Не только работодатели толкнули пролетариат в объятия капитализма: скорее он бросился в них сам вследствие своего недовольства, своего мятежного духа, в надежде улучшить свое положение. Словом, промышленные рабочие в эпоху Возрождения примкнули к кальвинизму по тем же причинам, по которым они впоследствии, в век пара, перешли на сторону социализма. Разумеется, религиозным проповедникам удалось завоевать много душ, обратить массу людей, отошедших уже от католической церкви, через анабаптизм; но для многих других — безработных, бродяг, темных личностей — новая религия была лишь предлогом для выступлений, для искания приключений, для переворотов или для получения милостыни [1]. Чем больше расширялся и усиливался поток кальвинизма, тем больше подозрительных элементов он увлекал за собой, так что его сила росла за счет его чистоты.

Немногого лишь недоставало, чтобы восстание гугенотов во Франции перебросилось тотчас же и в Нидерланды. Во всяком случае оно сразу же усилило активность и решительность кальвинистских пропагандистов. Воодушевленные примером своих единоверцев, они стали выступать теперь открыто. Из Англии и Франции прибывали новые пасторы, чтобы взять в свои руки руководство движением. В Нижней Фландрии, а также в районе Турнэ и Валансьена проповеди велись теперь совершенно открыто. Эмиссары гугенотов разъезжали по стране; седанские кальвинистские типографии наводнили страну пафлетами, книгами религиозного содержания, сборниками церковных песнопений. В августе 1560 г. Маргарита Пармская ожидала, что восстание вот-вот разразится, и Гранвелла писал королю, что религия гибнет во всей стране и только чудом можно объяснить то, что Нидерланды до сих пор еще не последовали примеру Франции [2].

Тщетно Филипп II советовал ему прибегнуть к строгости: невозможно было арестовать сотни подозрительных лиц и уничтожить все население страны. Кроме того всеобщее недовольство правительством заставляло считаться с общественным мнением. Маргарита должна была ограничиться тем, чтобы действовать так, «как позволяли положение страны и состояние умов» [3]. Она пыталась ободрить усердствующие городские вла-

---

[1] В 1562 г. прево Валансьена заявил, что если бы заведующие раздачей «городского подаяния» захотели, то большинство нищих стало бы евангелистами. *Paillard*, Histoire des troubles réligieux de Valenciennes, t. II, p. 488.

[2] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 191.

[3] *Gachard*, Correspondance de Marguerite de Parme, t. I, p. 459.

сти, возобновила указ против театральных зрелищ, но не решилась пойти дальше [1]. В 1561 г. подавление ереси натолкнулось повсюду на открытое сопротивление. В Антверпене не арестовывали больше ни одного кальвиниста [2]. В Нижней Фландрии приезд инквизитора Тительмана послужил поводом к беспорядкам; угрожающей толпой сотни людей следовали за ним по пятам, подвергали его публичному поруганию, и ненависть народа к нему была так сильна, что владельцы гостиниц из страха перед народом отказывались впустить его [3]. В Мессине толпа взяла приступом тюрьму, в которой заключено было несколько еретиков. Ввиду всего этого «сельские власти» были терроризированы, и от них ничего нельзя было ждать. В июле 1561 г. фландрский совет констатировал, что в округе замка Белель «число подозрительных, состоящих большей частью из бедных, невежественных людей, не умеющих ни читать, ни писать, так велико, что ничего нельзя будет добиться без большого кровопролития и без полного разорения вышеназванного района» [4].

Еще хуже обстояло дело в Армантьере и в районе Гондсхота, в Нюкерке, Кеммеле, Витсхате, Драноутре, Ренингельсте, Стенверке. Говорили о происшедших в некоторых местах разграблениях церквей. В ноябре какая-то шайка ворвалась в якобинский монастырь около Брюгге, ранила двух монахов и забрала деньги [5]. Узнав о событиях, происходивших в Нидерландах, многие эмигранты вернулись из Англии; они разжигали народные страсти «и как бедные, гонимые, частью приговоренные к изгнанию люди как бы спешили отдаться на волю случая» [6]. Анонимное заявление, адресованное городскому управлению Гондсхота якобы от имени 2 тыс. протестантов, провозглашало право на восстание против власти, не повинующейся слову божию. В этом заявлении впервые очень искусно применен был аргумент, который кальвинисты потом часто повторяли. Требуя веротерпимости, они ссылались на интересы города, промышленность которого должна будет погибнуть из-за поведения инквизиторов [7]. Другие воззвания были лишь грубыми подделками, целью которых было взволновать невежественные и легковерные массы. Та-

---

[1] *Gachard*, Correspondance de Marguerite de Parme, t. I, p. 138.
[2] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 252.
[3] *V. Gaillard*, Archives du Conseil de Flandre, Gand 1856, p. 225, 227. Ср. материалы, собранные Куссемакером (*E. Coussemaker*, Troubles réligieux du XVI siècle dans la Flandre maritime, Bruges 1877).
[4] *Gaillard*, op. cit., p. 217, 218.
[5] Ibid., p. 239.
[6] Ibid., p. 285.
[7] *Gaillard*, Archives du Conseil de Flandre, p. 286.

ково было например письмо «курфюрста Фредерика Наугсбургского (sic) и мессира Жерара ван Севенберга», угрожавшее истребить огнем и мечом всех тех, кто преследует «их бедных собратьев» [1].

Возбуждение, царившее в промышленных районах Фландрии, охватило также рабочих Турнэ и Валансьена. В Валансьене оно поддерживалось «чужеземцами — французами и др., приезжавшими сюда для производства шерстяных тканей («sayettes» и «demyes-ostades»), часть их, впрочем, состояла из «эмигрировавших по религиозным причинам» [2]. В октябре 1561 г. неизвестные люди стали собираться по ночам на улицах, распевать псалмы Маро и, останавливаясь у дверей домов католических священников, осыпали их оскорблениями. Можно было сколько угодно усиливать охрану, запрещать сдавать магазины и комнаты иностранцам, которые не предъявят свидетельства об исповедании католической веры, заставлять владельцев гостиниц представлять ежедневно городским управлениям списки своих постояльцев, угрожать снести дома, где происходили «тайные собрания» [3], но брожение умов, на время заглохшее, в феврале 1562 г. приняло еще более широкие размеры. Тяжелое положение промышленности в течение зимы еще более усилило опасность. Множество безработных было заодно с протестантами, и, чтобы избежать восстания, городские управления вынуждены были использовать их для починки крепостных стен, с тем чтобы дать им «средства к существованию» [4]. Между тем число грозных признаков все росло. В письмах, подбрасывавшихся в ратушу, заявлялось, что сторонники нового учения обязаны положить конец «идолопоклонству», чтобы заслужить себе царствие небесное [5]. Власти не решались казнить двух уже давно приговоренных кальвинистов. Когда же они наконец 27 апреля 1562 г. решились на это, то толпа устремилась к кострам, разбросала вязанки хвороста, поспешила освободить из заключения обоих «недосожженных» и, распевая псалмы, торжественной процессией повела их на проповедь [6]. На этот раз скандал был слишком громким. Правитель города маркграф Берг, который до сих пор всегда отсутствовал, чтобы не быть вынужденным прибегать к наказаниям, перестал сопротивляться увещеваниям правительницы. Он поспешил в Валансьен, куда к нему прибыло 500 сол-

[1] *Gaillard*, Archives du Conseil de Flandre, p. 286.
[2] *Paillard*, Histoire des troubles réligieux de Valenciennes, t. II, p. 47.
[3] Ibid., p. 67.
[4] Ibid., p. 103.
[5] Ibid., p. 161.
[6] Ibid., p. 193 etc.

дат, взятых из соседних гарнизонов. Впрочем, он не встретил в городе никакого сопротивления. Протестанты не в состоянии были выступить против вооруженной силы; они рассеялись или попрятались. Те из них, кого удалось поймать, смело шли навстречу смерти, распевая псалмы «до последнего издыхания». Когда Филипп II узнал об этом «очень дурном примере», он поспешил посоветовать Маргарите впредь затыкать приговоренным рот «кляпом или чем-нибудь другим», наподобие того, что ему довелось видеть в Англии при Марии Тюдор [1].

Вне всякого сомнения перипетии борьбы между гугенотами и двором во Франции оказали влияние на беспорядки в Валансьене. Выпущенное 8 апреля воззвание принца Конде несомненно послужило поводом к волнениям «недосожженных», и если порядок был вскоре восстановлен, то это объясняется главным образом тем, что дела протестантов во Франции приняли летом дурной оборот. Впрочем спокойствие это было мнимым. Несмотря на бегство пасторов, значительная часть городского населения продолжала упорно не посещать церковную службу. Так например во время рождества прево писал в Брюссель, что католические проповеди привлекают очень мало народа и что среди присутствующих нет почти никого из «знатных людей города» [2].

Убийство герцога Гиза в Орлеане (18 февраля 1563 г.), усилив шансы гугенотов, тотчас же получило отклик в Валансьене. В начале мая в пригородах возобновились кальвинистские проповеди. Теперь больше уже не заботились, как раньше, о том, чтобы являться переодетыми с фальшивыми бородами и масками на лице: «верующие» смело устремлялись сюда с открытым лицом и с оружием в руках [3]. «Они процессией выходят из города», и гора Анзен сплошь покрыта толпой их [4]. Рабочие бросают работу; они заявляют, что «ни король, ни граф, ни городские и судебные власти не смогут удержать их от посещения их религиозных собраний». Но они обещали сохранять порядок, «если только им дадут жить, пользуясь свободой совести». Берг заявлял, что это «подлинные слова гугенотов» [5] и с полным основанием приписывал обнаруживавшуюся приверженцами нового учения энергию и решительность сношениям между ними и

---

[1] *Paillard*, Histoire des troubles réligieux de Valenciennes, t. II, p. 440.
[2] Ibid., p. 474.
[3] Ibid., p. 246.
[4] Ibid., p. 259.
[5] Ibid., p. 261 etc.

Колиньи [1]. В Турнэ происходило то же, что и Валансьене. Здесь кальвинисты тоже смело и открыто признавались в своей вере, толпами посещали проповеди своих пасторов и требовали права свободного исповедания своей веры [2].

Этот кризис несомненно вскоре перешел бы в открытое восстание, если бы религиозная война во Франции продолжалась еще некоторое время. Но успокоение, наступившее во Франции после издания Амбуазского эдикта 19 марта 1563 г., лишило нидерландских кальвинистов всякой надежды на победу. Чтобы заставить их взять оружие в руки, высшему дворянству, находившемуся в это время в разгаре борьбы с Гранвеллой, достаточно было проявить интерес к их делу. Но оно об этом и не подумало. Оно явно было против кровопролития и с тайным удовлетворением следило за все возраставшими на почве религиозного вопроса затруднениями правительства. Но оно твердо решило не вступать ни в какие соглашения с еретиками. При этих обстоятельствах достаточно было послать войска, чтобы восстановить спокойствие в Валансьене (май — июнь 1563 г.). Турнэ и Нижняя Фландрия тоже вскоре приведены были к повиновению. Пасторы и наиболее скомпрометировавшие себя «верующие» снова должны были эмигрировать. Они отправились в Германию, Францию и Англию, где с нетерпением ждали часа возмездия. И он действительно не заставил себя ждать: после отъезда Гранвеллы события приняли такой оборот, который скоро привел к объединению политической и религиозной оппозиции.

II

Маргарита Пармская так же мало, как Гранвелла, понимала глубокие причины царствовавшего в Нидерландах недовольства и оппозиции дворянства. Она воображала, что причиной всего была непопулярность кардинала и что, как только его не станет, тотчас же воцарится спокойствие. Она думала, что дело было в человеке там, где в действительности решался принципиальный вопрос. Она не обладала достаточным политическим чутьем, чтобы понять, что борьба с Гранвеллой велась не как с частным лицом, а как с министром испанского короля. Теперь, когда его больше не было, она тешила себя надеждой успокоить умы и доказать Филиппу II,

[1] *Paillard*, Histoire des troubles réligieux de Valenciennes, t. II, p. 276. По словам Пайяра, Колиньи послал в Валансьен и в Турнэ «новых проповедников». О сношениях, существовавших между нидерландскими кальвинистами и гугенотами, см. *Kervyn de Lettenhove*, Les Huguenots et les Gueux, t. I, p. 170.

[2] *Hocquet*, Tournai et le Tournaisis au XVI siècle, p. 93 etc.

что у нее достаточно талантов, чтобы самой управлять страной. «Слава богу, — писала она ему 12 июня 1564 г., — дела приняли такой оборот, что позволяют мне заверить вас, что здесь вскоре нечего будет опасаться, по крайней мере если не будет никакого толчка извне» [1]. Обманутая изъявлениями преданности со стороны вельмож и их возвращением в государственный совет, она совершенно не догадывалась, что они тотчас же захотят подчинить ее своему влиянию и играть при ней во имя интересов страны ту же роль, которую до этого Гранвелла играл в интересах короля. Она была обманута внешними впечатлениями. Важнейшая ее ошибка заключалась в том, что она полагала, будто оппозиция сложит оружие как раз тогда, когда оппозиционеры возгордились тем, что заставили короля капитулировать и отозвать своего министра. Но даже помимо всего этого, как могла Маргарита избавиться от опеки вельмож? Разве она не стала в последнее время на их сторону против кардинала? И разве разрыв с ними не был бы для нее равносилен признанию свой вины и самому суровому осуждению себя? По своей собственной вине она была теперь их пленницей. Соображения личного самолюбия, не позволявшие ей признаться себе в этом, скрывали от нее истинное положение вещей.

Однако всякому непредубежденному человеку было ясно, что отныне подлинными хозяевами страны стали вельможи. Поддерживаемые брабантскими штатами и почти всеми провинциальными штаттальтерами, принц Оранский, Эгмонт и Горн торопились скорее провести в жизнь программу оппозиции. С «консультой» было покончено; вместо нее все решалось теперь в государственном совете, в котором впавшие в немилость Виглиус и Берлемон стали беспомощными свидетелями победы своих врагов. «Здесь создаются, — писал Виглиус, — новая республика и государственный совет, которому принадлежит верховное руководство всеми делами. Я не понимаю, как это совместимо с властью и достоинством ее

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 303. По поводу всего нижеследующего ср. великолепное изложение Рахфаля (*Rachfahl*, Margaretha von Parma, S. 136 ff.), который однако, на мой взгляд, не вполне правильно оценивает поведение вельмож, считая, что они намеревались разрушить государство и заменить его возвратом к прежним феодальным отношениям (стр. 138). Они были не против Бургундского государства, а против испанского влияния, господствовавшего за последние годы в управлении страной. Они пытались предотвратить на будущее время эту опасность, расширив полномочия государственного совета, в котором они заседали. Но они отнюдь не жертвовали ради этого *единством* государства. Наоборот, они скорее укрепляли его, сообразуясь всегда с общественным мнением *всех* провинций. Но зато совершенно верно, что ход государственной машины был заторможен введенными ими новшествами, имевшими целью заменить влияние правительницы их собственным влиянием.

высочества правительницы и не свяжет ли это даже ваше величество»[1]. Эти опасения не были преувеличены. Вельможи действительно явно пытались сделать государственный совет, находившийся целиком в руках высшего дворянства, центральным звеном всей системы управления. Они добивались не только увеличения числа членов его, но требовали также подчинения ему тайного совета и совета финансов, которые со времени создания их Карлом V подчинены были исключительно правительнице. К чему же при такой системе управления сводилась власть государя? И не было ли очевидно, что подлинным государем отныне должно было стать дворянство, которое народ считал представителем национальной независимости? Слово «республика», постоянно упоминавшееся в это время в писаниях Виглиуса и Гранвеллы, вполне соответствовало целям оппозиции. Она бесспорно добивалась превращения Бургундского государства в аристократическую республику.

Итак, национальная политика взяла верх над политикой монархической. Но это произошло ценой расстройства аппарата управления. Разрушая устои верховной власти, бурное движение разрушало и самый принцип порядка. Вмешательство вельмож во все отрасли управления привело к анархии. Только при их посредничестве можно было теперь чего-нибудь добиться; должности предоставлялись теперь только их сторонникам, им же оказывались и все милости. В провинциях штатгальтеры присвоили себе полнейшую почти феодальную независимость. При дворе Армантеросу предоставлено было безнаказанно грабить государственную казну, чтобы заручиться его поддержкой у правительницы. Если дело шло о том, чтобы пристроить какого-нибудь своего ставленника или о том, чтобы угодить какому-нибудь приятелю, вельможи не останавливались теперь даже перед нарушением привилегий, соблюдения которых они в свое время так настойчиво добивались[2]. Впрочем, преследуя свои выгоды, дворянство заботилось в то же время о том, чтобы не утратить связи с народом. Оно отлично знало, что сила его в общественном мнении и что оно может направлять его, лишь повинуясь ему. В связи с этим оно продолжало требовать созыва генеральных штатов, так что Гранвелла с раздражением обвинял его в повиновении «злому животному, именуемому народ»[3].

---

[1] *Groen van Prinsterer*, Archives..., t. I, p. 377. Об изменениях, которые вельможи хотели ввести в государственном совете, см. замечания Берти у Гашара (*Gachard*, Correspondance de Guillaume le Taciturne, t. VI, p. 387).

[2] *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. I, p. 273; *Diegerick*, Inventaire des archives d'Ypres, t. VI, p. 189.

[3] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 290.

Отношение вельмож к религиозному вопросу, вновь необычайно обострившемуся в связи с кальвинистскими беспорядками, было заранее предопределено. Разве могли они допустить, чтобы тысячи несчастных подпадали под ужасные указы Карла V? Их личная веротерпимость, забота о процветании страны, соображения популярности, которой они пользовались, — все это заставляло их склоняться к снисходительности. Они отнюдь не разделяли взглядов Филиппа, что для торжества католической церкви надо пожертвовать национальным богатством [1]. Они ясно отдавали себе отчет в том, что продолжение строгостей приведет к гибели провинций. Они с тревогой следили за переселением подозрительных лиц в соседние страны, в особенности в Англию, где они насадили ряд отраслей промышленности. В январе 1566 г. советник Асонлевиль оценивал число бежавших в Лондон, Сандвич и окрестности этих городов более чем в 30 тыс. чел. [2]. Известно было также, что Елизавета как раз в это время предоставила для поселения этим полезным эмигрантам «другой большой морской и ненаселенный город — Норвич», чтобы они насадили там производство «сукон, шерстяных тканей, ковров и т. д.» [3]. Таким образом эмиграция кальвинистов, которая была особенно сильна в промышленных районах, разоряя Нидерланды, одновременно обогащала Англию. Эта опасность была тем более велика, что Елизавета с самого же начала своего царствования решительно вернулась к меркантильной политике Генриха VII и Генриха VIII и всеми силами старалась поощрить развитие и без того интенсивной экономической жизни своей страны. Она завидовала торговому процветанию бургундских провинций и не скрывала своей враждебности к ним. Так например она допускала нарушение своими подданными условий «Magnus Intercursus»; облагала

---

[1] *Weiss*, Papiers d'État, t. VII, p. 50; t. VIII, p. 96. Все согласны были в том, что нельзя наказывать смертью преступления против религии. И действительно, с начала 1563 г. подавление ереси приняло более мягкие формы. Вместо смерти трибуналы приговаривали обвиняемых к денежным штрафам и публичному покаянию. См. решения по этому поводу, вынесенные ипрскими эшевенами с 1559 по 1567 г. *Diegerick*, Documents du XVI siècle t. II, Bruges 1875, p. 153 etc. С 1559 г. по январь 1563 г. из 16 приговоров было 11 смертных, зато с января по июль 1563 г. встречается лишь 1 смертный приговор из 24. В дальнейшем, вплоть до 1566 г., смертные приговоры совсем прекращаются, за исключением одного в 1566 г.

[2] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 392.

[3] *W. J. C.-Moens*, The Walloons and their church at Norwich, Limington 1887—1888, p. 18. В одном любопытном документе, под названием «Brief discours envoyé au roi Philippe nostre sire etc.», без даты, относящемся примерно к 1566 г. (собрание рукописей Брюссельской королевской библиотеки, собрание ван Гюльтема, 17 510—17 525), имеются очень интересные подробности о гибельных последствиях этой эмиграции.

пошлинами ввозимые товары и смотрела сквозь пальцы на дерзкий разбой, который английские моряки безнаказанно позволяли себе в Северном море.

Дело дошло до того, что брюссельское правительство в 1563 г. решилось пойти на разрыв. Правительница запретила ввоз британских товаров, и в ответ на это Елизавета закрыла английские порты для нидерландских судов, угрожая перевести складочное место английских сукон из Антверпена в Эмден [1]. Вопреки советам Гранвеллы Филипп, опасаясь, что может разразиться война, к которой он не был готов, приказал вступить в переговоры. В результате в 1564 г. торговые сношения были возобновлены между обеими странами якобы на основе «Intercursus», в действительности же в соответствии с требованиями англичан. С этого времени английская конкуренция стала еще более гибельной для Нидерландов. И если хотели предотвратить катастрофу, то пора было положить конец эмиграции в Англию, усиливавшей с каждым днем позиции и без того уже очень опасного противника.

Единственным средством для достижения этой цели было однако уничтожение или по крайней мере смягчение «плакатов» против еретиков. Даже самые ревностные католики осуждали их необычайную суровость. Все устали от казней; «во всей стране было не больше 20 человек, желавших сохранения инквизиции» [2] Даже Виглиус в глубине души склонен был к снисходительности, и Гранвелла дружески журил его за то, что он добивается религиозного мира, наподобие существующего в Германии, или такого строя, при котором еретики «могли бы жить как христиане под властью турок, которые не преследуют ни одной религии так свирепо, как мы преследуем своих единоверцев за некоторые уклонения в толковании священного писания» [3]. Если уж так думал один из самых преданных слуг короля, то нетрудно догадаться, каковы должны были быть настроения вельмож из государственного совета и их друзей из дворянской среды. Хотя никто из них и не помышлял о союзе с каль-

---

[1] *H. Brughmans*, Engeland en de Nederlanden in de eerste jaren van Elizabeths regeering, Groningen 1892, S. 47 ff; *Te Lintum*, De Merchant Adventurers in de Nederlanden, den Haag 1905, p. 26 etc.; *K. Kaser*, Handelspolitische Kämpfe zwischen England und den Niederlanden 1563—1566, Stuttgart 1892.

[2] Таково было мнение убежденного католика, итальянского инженера ди Марчи, сопровождавшего Маргариту Пармскую в Нидерланды. См. письмо, опубликованное А. Коши в «Analectes pour servir à l'histoire ecclésiastique de la Belgique», t. XXIII, 1892, p. 26.

[3] *Groen van Prinsterer*, Archives..., t. I, p. 286; ср. *Piot*, Correspondance de Granvelle, t. VIII, Bruxelles 1890, p. 167.

вишистами, но они решительно осуждали всякие суровые преследования. Во время последних беспорядков ни Эгмонт во Фландрии, ни маркграф Берг в Валансьене не хотели взять на себя ответственность за репрессии. Они были того мнения, что всякое кровопролитие лишь усиливает зло, и убеждение это разделялось подавляющим большинством их соотечественников. Такой ревностный католик, как итальянский инженер ди Марчи, констатировал во время своего пребывания у Маргариты Пармской, что народ «хочет, чтобы им управляли мягко и благожелательно, а не страхом и жестокостью» [1].

Только один король был против осуществления всеобщих желаний. Но следовало ли продолжать покорно склонять голову? Разве с отъездом Гранвеллы нидерландское правительство не освободилось от испанского влияния? Можно ли было предполагать, что Филипп, уступивший в первый раз оппозиции, в дальнейшем окажется непоколебимым? Разве не настало время не только добиться отмены указов против еретиков, но и одобрить политическую программу вельмож, т. е. реорганизацию государственного совета и созыв генеральных штатов? Все эти вопросы обсуждались на одном заседании совета, где высказаны были столь крайние взгляды, что с напуганным Виглиусом по возвращении домой сделался удар [2]. Несколько дней спустя граф Эгмонт покинул Брюссель, уполномоченный своими коллегами просить короля «о важных и новых мерах» в области как политических реформ, так и религиозных дел [3].

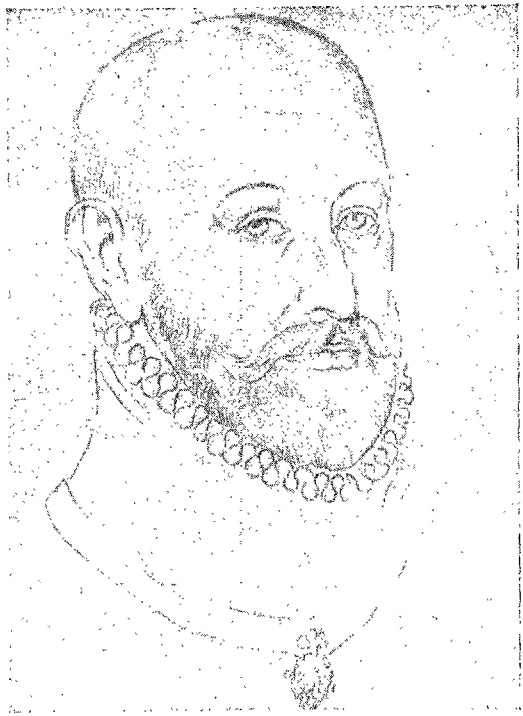
В феврале 1565 г граф Эгмонт прибыл в Мадрид. При дворе было решено пустить в ход все, чтобы переманить его на сторону короля. Его пребывание в Мадриде было сплошным триумфом для его тщеславия. Ему оказан был «такой прием как его величеством, так и всеми остальными вельможами и рыцарями двора, он был осыпан столькими милостями и так обласкан, как ни один вельможа и вассал, каким бы знатным он ни был» [4]. При ослепительном солнечном блеске чудесной испанской весны он осматривал работы по сооружению Эскуриала, к строительству которого как раз тогда было приступлено в благодарность св. Лаврентию за победу при Сен-Кантене, в которой граф Эгмонт принял столь славное участие. Ошеломленный благоволением короля и ослепленный оказывавшимися ему почестями, он мог говорить только как царедворец, забыл о полученных им инструкциях

[1] Цитированное выше письмо (с. 90, прим. 2).

[2] *Van der Haer*, De initiis tumultuum Belgicorum, Douai 1587, p. 187

[3] *Hopperus*, Mémoires..., p. 266 у *A. Wauters* Mémoires de Viglius et d'Hopperus sur le commencement des troubles des Pays-Bas, Bruxelles 1858.

[4] Ibid., p. 267.



Граф ЛАМОРАЛЬ ЭГМОНТ
(старинный рисунок)

и с наивным самодовольством обманывал короля и самого себя относительно настроений вельмож и настроений в стране. 30 апреля он вернулся в Брюссель «самым довольным человеком на свете», заявляя, что стоило ему только показаться в Мадрид, как дело было выиграно [1].

Но ему вскоре пришлось расстаться с этой позой победителя. Когда привезенные им с собою письма были трезво исследованы и очищены от шелухи содержавшихся в них комплиментов по его адресу, то было установлено, что они не заключали ни малейших уступок. Хотя король прислал некоторую сумму денег, чтобы поправить финансовые дела, но одновременно он откладывал на неопределенное время реформу государственного совета, а по религиозному вопросу заявлял, что предпочитает скорее пожертвовать сотней тысяч жизней, чем уступить в этом пункте. Он соглашался только на то, чтобы правительница совместно с членами государ-

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 349, 352.

ственного совета, двумя или тремя епископами и несколькими теологами обсудила, как наставить народ на путь истины, создать хорошие школы и более решительно наказать еретиков [1].

Это заседание состоялось 1 июня. Присутствовавшие на нем вельможи, члены государственного совета, отказались высказать свое мнение, «так как король не просил их об этом» [2]. Остальные же члены государственного совета высказались за оставление в силе «плакатов» против ересиков, но указали при этом на желательность их смягчения.

Ответом на решения этого совещания явились знаменитые письма Филиппа II, написанные в лесу Сеговии 17 и 20 октября 1565 г. [3]. Он выражал в них свое неудовольствие правительнице по поводу всего того, что говорилось в Нидерландах об инквизиции. Это учреждение, заявлял он, сейчас более чем когда-либо необходимо, и он не потерпит принижения его значения. Точно так же нет никаких оснований вносить какие бы то ни было изменения в существующие указы против ереси. В крайнем случае можно было бы подумать, не следует ли совершать казни над сектантами втайне. Наконец, Маргарите строжайше запрещено было созывать генеральные штаты, «пока не улажены будут религиозные дела». Король назначал в государственный совет герцога Арсхота, решительного противника вельмож и личного врага принца Оранского. «Поверьте, — говорилось в заключении письма от 17 октября, — то, что я вам здесь отвечаю, больше всего соответствует благу религии и моих окраинных стран, которые в противном случае ничего не стоят. Это единственный путь сохранить их в мире, спокойствии и законном порядке».

Маргарита Пармская была сражена этими необычайными посланиями. Значит, Филипп совершенно не понимал, как обстоят дела. Ни посылка графа Эгмонта, ни ее сообщения о положении дел, которые она за последнее время так часто посылала в Мадрид, ни даже советы епископов, рекомендовавших умеренность, — ничто не могло сломить его упорство. Неужели можно было в самом деле решиться в разгар всеобщего возбуждения на строгое выполнение тех самых указов, «которых не осмеливались применять даже в те времена, когда Гранвелла находился еще в Нидерландах» [4]. Виглиус был в ужасе от политического ослепления короля и погова-

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 347; ср. *Hopperus*, op. cit., p. 268.
[2] *Hopperus*, op. cit., p. 276.
[3] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. CXXIX et 374.
[4] Ibid., p. 384.

ривал о своем уходе от дел. Даже сама правительница, снедаемая беспокойством при виде нависшей катастрофы, подумывала об оставлении своего поста. «Ее высочество герцогиня Пармская, — писал 9 декабря Морильон, — теперь, присутствуя на заседаниях государственного совета, не сидит больше за иглой, а, подпирая голову левой рукой, отмечает себе все, что говорится; несколько дней назад она заявила, что лучше было бы ей удалиться в свои края, так как все понимается (королем) неправильно» [1]. Что касается высшей знати, то она дала теперь волю своему негодованию. Граф Горн «метал громы и молнии» [2]. Берг говорил, «как человек, доведенный до отчаяния» [3]. Еще в большей ярости был отдавшийся своему буйному нраву граф Эгмонт, обвинявший короля в том, что он обманул его. «Он говорит теперь больше всех и другие выталкивают его теперь вперед, чтобы говорить вещи, которых они сами не решались бы сказать» [4]. Только один принц Оранский оставался сдержанным посреди этого всеобщего взрыва негодования, и эта сдержанность будущего «Вильгельма Молчаливого» была страшнее всех яростных деклямаций его друзей.

Но наибольшие опасения внушало поведение народа. Уже в декабре 1566 г. страна наводнена была «книжонками, памфлетами и листовками самого возмутительного содержания, направленными против королевской власти и против королевских министров». В них сообщалось, что Филипп «хочет ввести в Нидерландах испанскую инквизицию и что если захотят теперь применить «плакаты» против еретиков, то произойдет ужасное кровопролитие, которого нельзя будет вынести; но пусть попробуют, и тогда видно будет, кто сильнее» [5]. Объявленные незадолго перед тем в Нидерландах решения Тридентского собора тоже использовались против правительства: говорили, что даже духовенство настроено противоправительственно. В Намюре, т. е. в центре самой католической провинции, собравшиеся явочным порядком провинциальные штаты послали делегацию к правительнице с заявлением, что они никогда не согласятся на введение испанской инквизиции [6]. Листовки смело тробовали свободы вероисповедания для протестантов, заявляя, что «эта свобода столь же необходима для их совести, как пища для со-

---

[1] *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. I, p. 42.
[2] Ibid., p. 63.
[3] Ibid., p. 87.
[4] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 391.
[5] *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. I, p. 72.
[6] Ibid., p. 175.

хранения их жизней»[1]. Тяжелое положение промышленности, вызванное в значительной мере эмиграцией рабочих и еще более усложненное необычайной дороговизной, характерной для 1566 г., довели народное недовольство до последних пределов. Цена на хлеб удвоилась[2], так что бедняки умирали с голоду. В доведенных до крайней нужды народных массах циркулировали слухи о спекуляции хлебом, аналогичные слухам, распространявшимся в XVIII в. накануне французской революции[3]. Ворота домов, в которых проживали торговцы хлебом, метились кровью. «Да помилует нас бог от восстания, — писал Гранвелле 5 декабря 1565 г. секретарь Бав, — если только народ поднимется, то боюсь, что и религиозные дела не останутся в стороне»[4].

И действительно, ко всем событиям явно стали примешиваться религиозные дела. Упорные требования короля выполнения указов против еретиков, хотя бы ценою тысяч жизней и экономического разорения провинций, привели к тому, что национальный вопрос стал смешиваться с религиозным. До этого времени кальвинисты действовали, не согласовывая своих действий с вождями политической оппозиции. Но при данных тяжких обстоятельствах всем людям, отдававшим себе отчет в положении вещей, неизбежно должна была притти в голову мысль о союзе между католическим большинством и протестантским меньшинством; угроза нависла над верой одних и благосостоянием других.

Эта мысль уже некоторое время занимала принца Оранского. Исключительно тонкий политик, лишенный всякого религиозного фанатизма, он нашел в примирительном христианстве Кассандера[5] — в этом своеобразном переводе идей Эразма Роттердамского на теологический язык — учение, которое наиболее соответствовало его внутренним склонностям. Хотя он продолжал признавать себя в Брюсселе католиком, называя себя втайне в письмах своих в Германию лютеранином, тем не менее в действительности он не был ни тем, ни другим. По своему личному убеждению, а также как государственный деятель он был сторонником веротерпимо-

---

[1] «Brief discours...» см. выше, с. 89, прим. 3.

[2] С 1565 до 1566 г. цена на «hoet» (около $1^3/_4$ гектолитра) пшеницы поднялась с 6 до 12 ливров. *Van Houtte*, Documents pour servir à l'histoire des prix de 1381 à 1794, Bruxelles 1902.

[3] *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. I, p. 115; *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 370, 382.

[4] *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. I, p. 27.

[5] Ibid., p. 55.

сти [1]. Его подозревали даже в том будто он мечтает о «своего рода полукатолической, полулютеранской религии, которую он сам себе выдумал, чтобы удовлетворить и тех и других» [2]. Под влиянием происходившего в стране брожения и угрожавших ей опасностей он все больше укреплялся в своем убеждении, что только объявление религиозного мира наподобие установленного в Германии сможет восстановить спокойствие в Нидерландах [3]. В связи с этим он поддерживал самые тесные отношения со своими зарейнскими родичами и князьями. Его ловкий и энергичный брат Людовик Нассауский, ревностный протестант, всеми силами старался помочь ему и вел тайные переговоры, привлекавшие в Бреду множество подозрительных эмиссаров. В марте 1566 г. дела зашли так далеко, что Вильгельм Гессенский убеждал принца Оранского сбросить маску и обратиться к имперскому сейму с просьбой распространить религиозный мир, «Religions — friede», так же и на Нидерланды [4].

Но религиозный мир был введен лишь для лютеран, а они уже давно составляли в провинциях совершенно незначительное меньшинство. Реформационное движение ориентировалось теперь не на Германию, а на Женеву. Планы Оранского грозили остаться мертвым делом, если к ним не присоединятся кальвинисты, и задача следовательно заключалась в том, чтобы привлечь их на свою сторону. Принц Оранский надеялся сначала, что ему это удастся без особого труда. Он по себе судил о других и, конечно, полагал, что какие-то несчастные теологические споры не смогут помешать объединению двух больших протестантских исповеданий. Начиная с 1563 г. он принимал более или менее непосредственное участие в попытках соглашения между ними; он завязал сношения с гугенотами и даже повидимому имел свидание с Гвидо Бреем [5].

Вопреки его ожиданию, он наткнулся на упорное сопротивление со стороны кальвинистов. Они были столь же нетерпимы по отношению к Лютеру, как и по отношению к Риму, и надменно заявили, что «они предпочтут умереть, чем сде-

---

[1] О его веротерпимости в религиозном вопросе см. *J. P. Scholte*, Bijdrage tot de kennis van de godsdienstige verdraagzamheid van prins Willem I, «Nederlandsch Archief voor kerkgeschiedenis», t. IV, 1905, p. 26 etc.

[2] *Gachard*, Correspondance de Guillaume le Taciturne, t. II, p. IV.

[3] В 1562 г. брабантские провинциальные штаты, по его инициативе, выступили с пожеланием в этом духе. *Metsius*, Mémoires sur les troubles y *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. IV, Bruxelles 1861, p. 740.

[4] *Groen van Prinsterer*, Archives..., t. II. p. 72.

[5] *L. A. van Langeraad*, Guido de Bray... p. 58.

латься лютеранами»[1] В июле 1566 г. принц Оранский вынужден был признать, что «если им разрешат открыто присоединиться к аугсбургскому исповеданию, то они не удовольствуются этим»[2]. Это равносильно было крушению всех его надежд на вмешательство лютеранских князей в дела «бургундского округа»: принц Оранский видел, что он одинок на том пути, на который он вступил. Но он обладал достаточной гибкостью, чтобы не упорствовать в проведении неосуществимых в данный момент планов. К тому же ход событий вскоре поставил его перед совершенно изменившимся положением.

Религиозные узы между Германией и нидерландскими провинциями расторгались теперь точно так же, как в свое время расторгнуты были политические узы между ними; в то же время влияние Франции под давлением кальвинизма усилилось так, как этого давно уже не было. Объединенные общностью религии нидерландские протестанты ощущали свою солидарность с протестантами Франции. Дело гугенотов было их собственным делом, и со времени возникновения религиозной войны во Франции они не переставали с напряженным вниманием следить за всеми ее перипетиями.

Нетрудно было заметить, что беспорядки в Валансьене, Турнэ и Нижней Фландрии происходили под непосредственным воздействием успехов и неудач принца Кондэ и Колиньи. Разве например исповедание веры нидерландских протестантских церквей не было рабски списано Гвидо Бреем с исповедания французских церквей?[3] И кроме того разве значительная часть рассеянных по нидерландским провинциям пасторов не происходила из Франции или по крайней мере не была в основном воспитана в чисто французской среде в Женеве? Поэтому было ясно, что как только в лагере пасторов и консисторий сформируется готовая к действию религиозная партия, она позаимствует свою программу у гугенотов и будет вдохновляться их примером.

Не позднее 1565 г. эта партия была уже на пути к созданию. Первыми приверженцами ее были представители мелкого дворянства и крупной буржуазии, и они вербовались — по крайней мере вначале — главным образом из валлонских областей, находившихся благодаря их языку и географическому положению в тесных взаимоотношениях с Францией. Большинство их были молодые дворяне, которые, усвжая по тогдашнему обычаю для завершения своего обра-

[1] *Gachard*, Correspondance de Guillaume le Taciturne, t. II, p. CLIII.
[2] *Groen van Prinsterer*, Archives..., t. II, p. 153.
[3] *L. A. van Langeraad*, Guido de Bray..., p. 92.

зования за границу, направлялись в Женевскую академию и возвращались оттуда новообращенными. Среди вождей их был происходивший из Пикардии Николай Гам, принятый благодаря Карлу V в брабантское подданство и ставший герольдмейстером ордена Золотого руна, сир Эмери, дворянин из Генегау, бывший наставником в доме принца Эпинуа, секретарь графа Эгмонта Кассенбродт, гуманист и в часы досуга поэт. Юрист из Турнэ Жиль ле Клерк, высоко образованный латинист и крупный философ, был одним из их главарей. Но всех их превосходили своим умом, познаниями, страстной убежденностью, способностями и энергией два брата Марникса, Жан и Филипп; ни один из них еще не достиг 30 лет. Неустанная пропаганда обоих братьев среди небогатых дворян, стремившихся устроиться при дворе, находившихся в близких отношениях с крупными вельможами и часто не имевших никаких других источников существования, кроме незначительного наследства, небольшого оклада или жалованья в качестве офицеров милиции, вскоре дала свои плоды. В начале 1566 г. Морильон писал Гранвелле, что «они заразили многих дворян» [1].

Но число «нидерландских гугенотов» было слишком незначительно, чтобы они решились действовать и в особенности взяться за оружие. Если они хотели добиться успеха, они должны были, используя недовольство, вызванное недавней неудачей миссии графа Эгмонта, привлечь на свою сторону основную массу оппозиции. Несмотря на свое меньшинство, они должны были увлечь за собой большинство населения и, несмотря на свой кальвинизм, навязать католикам свою линию поведения и умело заставить их работать в интересах кальвинистов. Их план, намеченный в июле 1565 г. на конспиративных совещаниях в Спа, куда они съехались под предлогом лечения на водах, был уточнен в ноябре в Брюсселе в доме сира Гама, в присутствии французского пастора Юниуса. Было решено объединить дворянство всей страны в «дворянское общество» и придать этому объединению форму «компромисса», т. е. союза, аналогичного союзу гугенотов [2]. Текст соглашения, который должен был быть предложен всем сторонникам этого союза, был очень искусно написан Жилем ле Клерком. Он тщательно избегал всяких выражений, которые могли бы задеть католиков. Поэтому речь шла лишь о том, чтобы торжественно поклясться всеми силами бороться против введения инквизиции, избегая всего того,

[1] *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. I, p. 232.

[2] Гранвелла действительно отмечает, что образцом им служили гугеноты. *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. I, p. 213.

что «могло бы быть истолковано во вред достоинству бога и короля». Участники «компромисса» обещали друг другу соблюдать всю жизнь эту клятву и помогать друг другу «подобно братьям и преданным, держащимся друг за друга, соратникам» [1].

Вслед за этим эмиссары тотчас же рассеялись по всей стране. Успех их превзошел все ожидания. В несколько недель было собрано несколько сот подписей. Присоединялись даже аббаты и каноники [2]. Особенно многочисленен был приток дворян, служивших в милиции, так что благодаря этому преобладанию военного элемента «дворянское общество» было похоже почти на *пронунциаменто* бургундской армии.

Оставалось только найти вождя, и это было очень нелегко. В самом деле, ни один из инициаторов «компромисса» не был достаточно богат и не пользовался достаточным авторитетом, чтобы играть в Нидерландах роль Колиньи. Между тем дело шло именно о такой роли, ибо, несмотря на свою внешнюю умеренность, кальвинисты явно готовились к восстанию. Им сразу же пришла в голову мысль о принце Оранском, и все было пущено в ход, чтобы добиться его согласия. Но игра была слишком рискованная, и он колебался. «Он еще не пришел к убеждению, — писал 27 февраля Гам, — что надо прибегнуть к оружию, а без этого нельзя осуществить наш план» [3]. Прин Оранский пожалуй решился бы на это, если бы ему удалось привлечь на сторону союза представителей высшей знати. Он попытался это сделать, но безуспешно. Как ни возмущен был граф Эгмонт королем, однако он совершенно не желал выступить в роли мятежника, а без участия столь популярного человека шансы восстания на успех были невелики. Поэтому необходимо было, по крайней мере в данный момент, ограничиться более скромными и менее опасными планами. Принц Оранский посоветовал торжественно обратиться к правительнице с петицией против «плакатов», и за неимением лучшего это предложение было принято. Можно было рассчитывать на моральную поддержку большинства представителей высшей знати. Некоторые из них, например сир Бредероде, граф Куленбург, Людовик Нассауский, граф Гогстратен, открыто признавали себя покровителями членов союза. Только граф Мансфельд не одобрял «соглашения».

---

[1] «Supplément à l'histoire des guerres civiles de Flandre du père F. Strada», t. II, Amsterdam 1729, p. 299.

[2] *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. I, p. 308.

[3] *Groen van Prinsterer*, Archives..., t. II, p. 35.

Таково же было отношение к нему со стороны Маргариты Пармской. Но что она могла поделать? Она не могла прибегнуть к силе, так как именно вооруженная сила, т. е. офицеры милиции, поддерживала движение. Кроме того 27 марта представители совместного заседания членов государственного совета, тайного совета и рыцарей ордена Золотого руна, вместо того чтобы обсудить поведение петиционеров, обратились к ней с просьбой добиться для них от короля «всеобщей амнистии», прося ее подобно им об отмене инквизиции и смягчении «плакатов» против еретиков. Ввиду подобных настроений в стране Маргарите оставалось только смириться. Было ясно, что вся страна сочувствовала дворянам, заключившим «компромисс», и что отказ принять их пожалуй вызвал бы всеобщее восстание. 5 апреля они передали свою петицию. Делегацию, передавшую ее правительнице, до самых дверей дворца сопровождала кавалькада из 200—300 всадников, прибывших несколько дней назад из валлонских и фламандских провинций.

Ответ Маргариты был продиктован этой демонстрацией силы. Она обещала послать к королю делегацию для изложения ему требований петиционеров и «смягчить» пока указы против еретиков. И хотя она была смущена появлением демонстрантов, у нее все же хватило твердости отказаться одобрить их поведение, как они того добивались.

Вечером подписавшие «компромисс» устроили банкет во дворце Кулембурга. Большинство их остригли себе «по-турецки» бороды и надели на себя такие же нищенские котомки с мисками, какие носили бродившие по стране нищие и оборванцы (gueux). Что означали эти странные эмблемы, которые должны были — как в свое время форма недовольных Гранвеллой вельмож — служить отличительным признаком членов союза? Явилось ли толчком к принятию этого символа бранное слово, произнесенное в это утро графом Берлемоном? Не более ли вероятно, что, переодеваясь нищими, дворяне намекали на то, что королевская политика вскоре приведет страну к гибели? Никто не может дать точного ответа на этот вопрос. Во всяком случае именно в этот вечер впервые раздался клич: «Да здравствует гёз!», в течение стольких лет потом повторявшийся в нидерландских провинциях [1].

Все недовольные приветствовали гёзов. Медали их из золота, серебра, меди и олова, украшенные бургундским огнивом — старым национальным символом — и двумя руками, протянутыми с двух сторон для рукопожатия в знак союза,

[1] *Gachard*, Études et notices historiques, t. I, p. 130.

получили широкое распространение во всех слоях общества. Шапки украшались изображениями мисок, эти украшения встречались также на упряжи лошадей; даже дамы носили их в виде серег. Но этот первый взрыв энтузиазма вскоре улегся. Дело в том, что далеко не все, кричавшие «да здравствует гёз!», имели одни и те же цели. Одни из них были «политическими», другие — «религиозными гёзами». Первые, сплошь католики, добивались только политических реформ; вторые, ревностные кальвинисты, прежде всего стремились к свободе богослужения и к борьбе с «римским идолопоклонством». Так как последние очень скоро получили перевес, то союзу, заключенному благодаря всеобщему возбуждению умов между столь различными элементами, суждено было просуществовать очень недолго.

III

В то время как Маргарита Пармская подготовляла с помощью тайного совета «смягчение» указов против еретиков, в то время как делегаты ее — барон Монтиньи и маркграф Берг, — скрепя сердце, собирались ехать в Испанию, в стране происходили необычайные события.

Успех гёзов, принятие их петиции, обещания правительницы вызвали у кальвинистов уверенность, что свобода богослужения уже допущена или по крайней мере будет предоставлена в будущем. 20 апреля было сфабриковано и распространено по всей стране якобы воззвание рыцарей ордена Золотого руна, в котором заявлялось, что «городские управления и инквизиторы не будут больше ни арестовывать, ни конфисковывать имуществ, ни изгонять из страны по вероисповедным причинам»[1]. Убежденные в безнаказанности, кальвинисты сбросили теперь маску.

Многие тайно перешедшие в новую веру католические священники «с церковной кафедры отрекались от католических догматов, которые они раньше проповедовали, заявляя, что они не могли до сих пор ни проповедовать, ни говорить, а теперь молят у бога прощения за то, что под давлением принуждения вводили в заблуждение и обманывали народ»[2]. Их примеру последовали все те, кто был обращен проводившейся за последние годы неустанной пропагандой. Они теперь открыто заявляли об этом. Оказалось, что они были очень многочисленны в Фрисландии, Гельдерне и даже в Льежской области, т. е. в провинциях, которые еще 3 года назад оставались совершенно незатронутыми кальвинист-

[1] *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. I, p. 217.
[2] Ibid., t. II, p. 17.

ской пропагандой [1]. В мае в некоторых сельских приходах Фландрии священники констатировали, что сотни верующих не являлись к причастию [2]. Кальвинистов нельзя было встретить только в Намюрской провинции, Люксембурге и в аграрных районах Генегау и Артуа. Они сотнями прибывали из Англии в Антверпен, Лилль, Турнэ, Валансьен, озлобленные изгнанием, разоренные конфискацией их имуществ и одушевленные жаждой мести; на кораблях и повозках они приводили попутчиков в ужас своими резкими речами и распевавшимися ими песнями [3].

Между тем Маргарита обещала только смягчить указы против ереси и никогда не собиралась предоставить свободу протестантского богослужения. Составленный тайным советом и предложенный на усмотрение провинциальных штатов проект «смягчения» не допускал исповедания другой веры, кроме католической. Он ограничивался тем, что оставлял в покое еретиков, «поскольку они будут воздерживаться от нарушения спокойствия», т. е. предоставлял им возможность жить так, как жили при Карле V представители высшей знати и иностранные купцы. Впрочем, эта веротерпимость в отношении кальвинистов, как бы ограничена она ни была, полностью соответствовала желаниям большинства народа [4]. Эгмонт открыто одобрил проект; и провинциальные штаты, за исключением некоторых оговорок, склонны были принять его. Правительница, разумеется, не могла итти дальше этого. Она и так считала, что превысила свои полномочия. Разве некоторые из ее советников не осуждали ее за слабость, и разве король не писал ей, что никогда не уступит еретикам? [5]

---

[1] Кальвинизм проник в Льежскую область с севера и в 1566 г. завоевал себе много сторонников во фламандских частях ее. В частности Гасселт примкнул к повстанческому движению, разразившемуся в Нидерландах. *Lenoir*, Histoire de la Réformation dans l'ancien Pays de Liège, Bruxelles 1861; *Daris*, Histoire du diocèse et de la principauté de Liège pendant le XVI siècle, Liège 1884, p. 272 etc.; ср. *A. Paquay*, La répression des troubles calvinistes à Hasselt par Gérard de Groesbeek, «L'ancien pays de Looz», t. VI, 1902, p. 35 etc.; *J. Hansen*, Jesuitenakten, S. 526; *Gachard*, Analectes..., p. 174 etc., 265 etc.

[2] *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. I, p. 253.

[3] Ibid., p. 231.

[4] Небольшое меньшинство, состоявшее из ревностных католиков, считало эту веротерпимость чрезмерной. *Poullet*, op. cit., t. I, p. 341. Зато все остальные были явными сторонниками ее.

[5] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 415. Одновременно он посылал ей и другие письма, которые предназначались для предания их широкой гласности и с помощью которых он пытался обмануть общественное мнение относительно своих планов, сообщая о своем предстоящем приезде в Нидерланды и обещая тогда проверить, целесообразно ли изменение указов против еретиков: «ибо одному богу известно, что я ничего так не избегаю, как кровопролития». «Supplément à Strada», t. II, p. 349.

Но кальвинисты с презрением отвергли эту уступку, которая казалась чрезмерной Филиппу II. Они полагали, что настал час добиться наконец торжества истинной веры. Чувствуя за собой поддержку значительной части дворянства и видя критическое положение правительства, они поддались порыву своих пасторов и не отступали теперь перед мыслью о восстании. Они смело противопоставили силе силу и выступили против правительницы. Никто не повиновался распоряжению от 27 апреля, приказывавшему вернувшимся эмигрантам тотчас же покинуть страну.

Оппозиция перешла теперь с национальной платформы на религиозную. «Религиозные гёзы» получили перевес над «политическими гёзами». Во главе движения стояло теперь уже не дворянство, а консистории, и движение направлялось уже не против испанского абсолютизма, а против «римского идолопоклонства». В связи в этим множество католиков, подписавших «соглашение» дворян, «полагая, что оно направлено было против инквизиции и за сохранение нидерландских привилегий», стали отходить от союза с гёзами, считая, что «они идут гораздо дальше того, что они давали им раньше понять, желая заманить их» [1].

И действительно, начиная с июня 1566 г. кальвинистская часть дворянства не скрывала больше своей игры. Она явно добивалась торжества новой веры. В Артуа и на юге Фландрии в районе Бетюна, Мервиля, Ла Горг и в промышленном районе Армантьера рассеяны были пасторы, поддерживаемые дворянами — Эскердагом, Лангастром и д'Оленом. Консистории, скрывавшиеся под названиями, заимствованными у «камер риторики», называвшие себя в Армантьере «Бутон», в Лилле «Роза», в Антверпене «Виноградник», в Валансьене «Орел», в Генте «Меч» [2], находились в оживленных сношениях друг с другом и с иностранными консисториями, посылали друг другу проповедников и получали их из Женевы, Франции и Англии. Дом принца Оранского в Брюсселе был переполнен подобными проповедниками, к которым «очень благоволил» Людовик Нассауский и против которых правительство не решалось ничего предпринять. Антверпен до такой степени наводнен был кальвинистами, что 30 мая Гранвелла писал королю, что их здесь больше, чем в Женеве [3]. Все ждали восстания, резни духовенства, разграбления церквей. 13 июня антверпенские каль-

[1] *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. I, p. 306; ср. ibid., p. 358. Зато множество простых людей носило теперь значки гёзов. Ibid., p. 307.

[2] *Kervyn de Lettenhove*, Les Huguenots et les Gueux, t. I, p. 324.

[3] *Poullet*, op. cit., p. 288; ср. *Gachard*, Correspondance de Guillaume le Taciturne, t. II, p. 384.

винисты пытались совершить богослужение в соборе как раз в то время, когда по улицам города проходила торжественная процессия со святыми дарами. К этому времени кальвинистские проповеди говорились также и в Нижней Фландрии, и из этого очага, где религиозные страсти усугублялись недовольством и нищетой рабочих масс, пожар распространялся все дальше и дальше. Он захватил Турнэ, Валансьен, Оденард, Гент и в конце июня распространился по всей Фландрии.

Примеру Фландрии тотчас же последовали другие провинции. В середине июня проповеди велись в Геле, сеньерии графа ван ден Берга, вблизи Буа-ле-Дюка и в районе Маастрихта; затем движение захватило также Голландию, где первая проповедь состоялась 14 июля в окрестностях Горна. Даже в Брюсселе обнаружены были тайные сборища кальвинистов благодаря «некоторым ревнивым женам, отправлявшимся вслед за своими мужьями, которые вставали в 3 часа утра и уходили туда» [1].

Перепуганные власти бездействовали. «Правосудие дремлет», — заявлял Морильон [2]. Тщетно Маргарита Пармская 3 июля запретила кальвинистские проповеди под угрозой самых тяжелых наказаний для участников и виселицы для проповедников: эта мера лишь увеличила число участников и возбудила смелость пасторов. Созывавшиеся кальвинистами собрания напоминали теперь военный лагерь. Люди стекались на них сотнями, вооруженные пиками или пистолетами; мужчины окружали кольцом женщин, стоявших возле пастора, восседавшего на груде одежды или взбиравшегося на лестницу ветряной мельницы. Во время проповеди на близлежащих полях, в разбитых на скорую руку палатках продавались кальвинистские брошюры, тут же неподалеку вынимались втулки из бочек с пивом и готовилась трапеза для присутствующих. Вечером все возвращались в город, распевая псалмы и с возгласами «да здравствует гёз!». Слушателями этих проповедей были теперь уже не только бедняки, среди них встречались также адвокаты, богатые горожане, дамы «с золотыми цепочками». Никому теперь уже не приходило в голову, как когда-то, маскироваться или переодеваться при посещении кальвинистских проповедей: о них публично возвещалось по всей стране, и были специальные лодки для перевозки отправлявшихся на них [3].

[1] *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. I, p. 326.

[2] Ibid., p. 326.

[3] Я заимствую различные подробности этой картины из живописного рассказа ван Варневика (*van Vaernewijck*, Beroerlicke tijden, passim). Во французском переводе этих мемуаров, сделанных ван Дизом (Гент, 1905—

Смелость кальвинистов росла с каждым днем. 23 июля в Генте они заявили эшевенам протест против «плакатов», запрещавших проповеди, «так как мы обязаны прежде всего повиноваться повелениям бога, а не повелениям людей»[1]. 1 августа к председателю фландрского совета явились в сопровождении толпы верующих пасторы с просьбой предоставить им одну из городских церквей, так как в связи с приближением зимы придется вскоре прекратить собрания в поле.

Эта смелость объяснялась лишь смятением, царившим в лагере правительства. Если бы правительство не было в такой панике, оно поняло бы, что как бы внушительно ни было число приверженцев кальвинистов, они все же составляли по сравнению с основной массой католического населения ничтожное меньшинство. Но благодаря их активности и решительности у всех получалось другое впечатление, и правительница была ими терроризирована. Она не решилась применить силу, чтобы быстро разогнать пасторов и руководителей консисторий. Боясь развязать религиозную войну наподобие французской, она не желала опереться на недавно возникшую в среде высшего дворянства чисто католическую партию, представителями которой были Мансфельд, Арсхот, Берлемон, Аремберг, Мегем и Нуаркарм. Хотя она потеряла всякое доверие к принцу Оранскому, графу Эгмонту и графу Горну, однако не решалась порвать с ними. Она рассчитывала на их популярность в народе, надеясь восстановить спокойствие без кровопролития. 13 июля она направила именно принца Оранского в Антверпен, где кальвинисты как будто приготовились к восстанию, а несколько дней спустя она поручила опять-таки принцу Оранскому и графу Эгмонту договориться с дворянами, участниками «компромисса», созывавшими на 14 июля новое собрание на территории льежского епископства в Сен-Троне.

Хотя никто не сомневался в том, что вожди «соглашения» были заодно с кальвинистами и хотя многие сторонники соглашения из-за этого отошли от него, все же на их призыв откликнулось значительное число «политических гёзов» католиков. Дело в том, что вся страна знала, каковы были намерения короля. В этой стране, где все сейчас же становилось известным[2], знали, какое негодование вызвали в

1906 гг.), имеется множество очень интересных иллюстраций, сделанных по гравюрам и рисункам того времени. Ср. также *D. Jacobs*, Het wonderjaar te Gent, «De Tijdspiegel», 1906.

[1] *Gachard*, Notices sur les Archives de Gand, p. 114.

[2] Представители знати организовали тайную разведку, стоившую им очень дорого. Зато они знали все, что король писал правительнице и что она отвечала ему. *Gachard*, Voyages des souverains des Pays-Bas, t. II, Bruxelles 1874, p. XVI.

Мадриде последние события. Говорили о предстоящем якобы прибытии Филиппа во главе целой армии; известно было, что граф Мегем занят был вербовкой войск в Германии. Всем тем, кто не хотел снова подпасть под испанское иго, казалось, что настал момент сплотиться воедино, хотя бы ценой соглашения с еретиками. Впрочем, официально, в полном согласии с принцем Оранским и графом Эгмонтом, члены союза заявляли, что они верны королю, враждебно настроены против всяких религиозных новшеств и только твердо решили помогать друг другу и защищать своих родных и друзей в случае, если они подвергнутся нападению.

Но это была лишь одна часть принятых участниками «компромисса» решений и притом самая маловажная. В действительности проповедники вступили в сношения с вождями «компромисса» и предложили им союз. Принять предложение кальвинистов означало, разумеется, объединиться с еретиками, и тем не менее католики решились на это. Они знали, что у кальвинистов, поддерживаемых многими богатыми купцами, было то, чего нехватало дворянству, — деньги. Кальвинисты обещали 50 тыс. флоринов, т. е. сумму, дававшую союзу возможность навербовать наемников и противопоставить силе силу. Отказать кальвинистам в просимой защите взамен предлагавшейся ими денежной помощи значило обречь себя на полнейшее бессилие и итти навстречу неминуемой гибели. Да и почему было отталкивать их, если они изъявили готовность мирно покинуть страну, в случае если король и генеральные штаты запретят им открыто исповедывать свою веру? Это заявление рассеяло последние сомнения католиков: все, за очень немногими исключениями, одобрили союз. Это был настоящий «картель» между двумя партиями, устремившимися друг к другу в силу необходимости, временное соглашение, при котором «религиозные гёзы» увлекли за собой «политических гёзов», и национально-бургундская оппозиция оказалась на поводу у кальвинистов. Оранский и Эгмонт, несмотря на все свое нерасположение к кальвинизму, не только не пытались помешать этому соглашению, но, наоборот, одобрили его заключение.

В то время как Людовик Нассауский на предоставленные кальвинистами средства спешно вербовал в Германии наемников на условиях половинного жалованья (Wartgeld), в Нидерландах готовились к подаче новой петиции. 12 членов союза передали ее правительнице 30 июля. Эта петиция требовала разрешения поставить подписавших соглашение до предстоящего созыва генеральных штатов под защиту рыцарей ордена Золотого руна и специально принца Оранского, графа Эгмонта и графа Горна. Это было равносильно требо-

ванию, чтобы правительство капитулировало перед кальвинистами. Маргарита Пармская хотела выиграть время и потому отложила свой ответ до окончания созванного ею на 28 августа собрания рыцарей Золотого руна [1].

IV

Но если консисториям удалось захватить в свои руки руководство дворянами, заключившими «компромисс», зато они вскоре увидели себя окруженными фанатичными слушателями проповедей. Гремя против идолопоклонства, против духовенства, против тирании дурных государей, противящихся слову божию, кальвинистские проповедники будили в своих слушателях революционные чувства. Устремлявшиеся на их собрания массы, состоявшие бóльшей частью из рабочих и бедняков, почерпали здесь ненависть к церкви и к государству. Они слишком недавно и вообще слишком поверхностно были обращены в новое вероучение, чтобы понимать его строгую мораль. Из проповедей до них особенно доходили пламенные филиппики против современного Вавилона, держащегося легковерием народа, позорящего имя божие и являющегося бременем для человечества. Бездействие правительства, поведение части дворянства, щеголявшего теперь своими кальвинистскими убеждениями, и наконец, наущения полурелигиозных, полуполитических агитаторов вскоре довели решимость кальвинистов до последних пределов [2]. Они считали все дозволенным, и им приписывали самые ужасные замыслы. Вельможи-католики опасались за свою жизнь. Мегем писал 9 августа правительнице, что он не решается приехать в Брюссель, «ибо меня со всех сторон предупреждают, что они хотят меня убить, и пример моего дедушки (Гемберкур) служит мне достаточным предупреждением, чтобы не полагаться на милосердие этого взбесившегося народа» [3]. По улицам Брюсселя распространялись грубые листовки, называвшие Маргариту Пармскую незаконнорожденной и распутницей [4]. В июне Морильон приготовился к самому худшему и для укрепления духа перечитывал Катилину Саллюстия [5]. Множество купцов покидало

---

[1] Несмотря на краткость, работа Рахфаля (*Rachfahl*, Margaretha von Parma, S. 192 ff.) по-моему, лучше всего освещает вопрос о поведении членов союза в это время. Я придерживаюсь ее в основном.

[2] В июле сектанты распространили по Нижней Фландрии слух, что проповеди происходили с разрешения представителей знати и в частности графа Эгмонта. *Diegerick*, Documents du XVI siècle, t. I, Bruges 1874, p. 163.

[3] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 442.

[4] Ibid., p. 450.

[5] *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. I, p. 305.

уже страну, и эта эмиграция еще усугубляла тяжелое положение промышленности, а оно в свою очередь ухудшало общее положение страны. Антверпен был переполнен безработными. В начале августа в одном только районе Оденарда было 8 тыс. безработных. В конце июля 200 бродяг, собравшись на площади Ипра, потребовали работы, угрожая разграбить город [1].

Несомненно, что при такой политической анархии и социальной смуте в другое время разразилась бы жакерия. Но господствовавший религиозный фанатизм направлял теперь страсти не против богачей, а против церкви. В Валансьене народ хотел прогнать из города католических священников. В Антверпене настоятеля собора заставили кричать «да здравствует гёз!» [2]. По деревням Нижней Фландрии разъезжали агитаторы, показывавшие якобы скрепленные королевской печатью письма с приказом грабить церкви [3]. Настал момент покончить с идолопоклонством, уничтожить идолов, позорящих храмы божии. 11 августа неожиданно разразилось восстание иконоборцев.

Оно разразилось в том самом промышленном районе Гондсхота и Армантьера, где, как мы видели, реформационное движение под влиянием пролетарских масс так часто переходило в восстания [4]. Во всех окрестных деревнях появились организованные толпы с веревками и палками, руководимые людьми, действовавшими по заранее установленному плану, и разгром начался. В церквах, посреди вихря пыли и грохота падающих и разбиваемых статуй и окон, бесновалась толпа одержимых людей, разбивавших все, что попадалось им на пути, раздиравших на части иконы, ломавших церковную утварь, надевавших на себя духовные облачения, попиравших ногами причастие и распивавших освященное вино. Движением были охвачены все деревни как фламандские, так и валлонские: Гуплин, Фрелингин, Эркингем, Флербе, Ла Шапель де Гренье, Ла Шапель д'Армантьер, Мениль, Радингем, Бокам и т. д. 14 августа эти толпы неистовствовали в Поперинге, 15-го — в Ипре; тем временем другая часть их отправилась поджигать Дюнское, Фалемпенское, Фюрнское,

---

[1] *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. I, p. 353, 355, 389, 391, 402. Ср. «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 1-ère série t. XVI, 1850, p. 208.

[2] Ibid., p. 388—389.

[3] *G. Des Marez*, Documents relatifs aux excès commis à Ipres par les iconoclastes, «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 5-ème série, t. VII, 1897, p. 575. См. также очень любопытный оправдательный документ ипрского городского управления у *Diegerick*, Documents du XVI siècle, t. I, p. 17 etc.

[4] *Coussemaker*, Troubles réligieux du XVI siècle dans la Flandre maritime, t. I, p. 105 etc.

Мессинское, Лосское, Маркеттское, Вормезельское и Эверсгамское аббатство. Движение с паразительной быстротой перебрасывалось из одного места в другое. 18 августа оно достигло Оденарда, 20-го — Антверпена, 22-го — Гента, 23-го — Турнэ, 27-го — Ангиена, а отсюда затем перебросилось на север по направлению к Зеландии, Голландии и Фрисландии и 6 сентября проникло в Леварден.

Оно нигде не встретило никакого сопротивления. Городские управления и католики были до такой степени перепуганы неожиданностью катастрофы, что спасовали повсюду перед несколькими сотнями одержимых. В Генте бальи ограничился тем, что просил их не так неистовствовать при разгроме и приставил к ним своих служителей[1]. Безумие иконоборцев было заразительным. Можно было наблюдать отцов, приходивших в церковь со своими детьми, вооруженными небольшими молотками, чтобы сбивать маленькие статуи с барельефов и скульптурные изображения с алтарей. Иных детей можно было видеть на улице, играющих с иконами и приказывавших им кричать «да здравствует гёз!»[2]. Не пощадили ничего. Не ограничивались уничтожением «идолов», какова бы ни была их художественная ценность: разбивали, чтобы разбивать, из ненависти, из злобы, из низменных инстинктов или из страсти к разрушению. Разрывали на части книги и рукописи, доходили даже до осквернения гробниц. В погребах аббатства напивались вином, и с наступлением ночи разгром и оргии продолжались при свете свечей далеко за полночь. Тщетны были попытки некоторых пасторов успокоить одержимых, «убеждая их, что прежде всего нужно сокрушить идолов, царящих в душах людей, — таких, как алчность, зависть, страсть к роскоши, распущенность и другие внутренние пороки и грехи, и лишь потом перейти к уничтожению внешних идолов»[3]; увещевания эти бессильны были перед безумием сектантов. Впрочем, инициаторы движения были искренне убеждены, что они делают достойное и угодное богу дело, уничтожая навсегда возможность богослужения неверных. Грубые прозелиты, они по крайней мере были бескорыстны. В Генте и в Турне они передали городским управлениям разбитую ими церковную утварь[4]. Не

---

[1] *Van Vaernewijck*, Beroer licke tijden..., t. I, p. 105.

[2] Ibid., p. 128.

[3] *A. Pinchard*, Mémoires de Pasquier de la Barre et de Nicolas Soldoyer, t. I, Bruxelles 1859, p. 132; ср. *Groen van Prinsterer*, Archives..., t. II, p. 217.

[4] 25 августа 1566 г. Морильон отмечает, что иконоборцы в Нижней Фландрии «ничего не расхитили, а сдали по инвентарному списку на руки городским управлениям и церковным старостам все золото и серебро».

среди них, а в толпе сопровождавших их бродяг и нищих-безработных попадались воры и грабители.

18 августа правительница узнала о разразившихся беспорядках. Как католичка и как представительница Филиппа II она была глубоко возмущена совершившимся богохульством. Так вот значит к чему привела ее снисходительность к представителям высшей знати! Ответом на ее примирительную политику последних лет было кощунственное восстание! Отныне национально-бургундская партия была бесповоротно дискредитирована в ее глазах: она видела в ней лишь союзницу или сообщницу еретиков. Вожди ее конечно осуждали грабежи и обнаруживали готовность решительно покончить с этим. Но не было никаких сомнений в том, что они были гораздо больше обеспокоены страхом перед жакерией, чем осквернением церкви. Граф Эгмонт заявил, что «главной задачей является сначала спасти государство, а затем уже можно будет позаботиться и о религии». И когда Маргарита возразила ему на это, что «ей кажется гораздо более необходимым прежде всего позаботиться о служении богу, так как гибель религии была бы бо́льшим злом, чем гибель страны», то Эгмонт кратко ответил на это, что « все те, у кого есть что терять, думают иначе» [1]. Как можно было при наличии подобных настроений надеяться навести порядок силой? К тому же какими силами могла располагать правительница? Нельзя было прибегнуть к милиции, так как среди последней было множество людей, подписавших соглашение. Если же призвать наемников из Германии, то это вызвало бы тотчас же гражданскую войну. Поэтому ей оставалось выжидать и в надежде на лучшие времена склонить голову перед бурей.

К счастью, как раз в это время в Брюсселе были полу-

Но, разумеется, не могло быть и речи о возвращении ценностей церквам. Они заставляли городские управления клясться, что «они превратят все в серебряные деньги для раздачи бедным». *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. I, p. 428. Один англичанин, очевидец происходивших в Антверпене событий, тоже констатировал, что в общем краж не было. *Kervyn de Lettenhove*, Rélations politiques des Pays-Bas et de l'Angleterre, t. IV, Bruxelles 1885, p. 339. Разумеется, среди бродяг, присоединившихся к кальвинистам, было немало грабителей, и некоторые сожалели, что движение направлялось только против церкви. В дневнике (Dagboek) братьев ван Кампене, изд. Ф. де Поттер, стр. 37 (Гент 1870), приводятся следующие стихи, характеризующие стремления этих людей:

«Hadden wij begonnen an cooplieden goedt,
Ende der Kercken beelden laten met vreden,
Ons handen ghewasschen in papens bloedt,
Zoo waeren wij heeren van dorpen en steden».

Если бы мы начали с купеческого добра
И оставили бы в покое церковные иконы,
Мы умыли бы руки в крови попов
И были бы господами деревень и городов.

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 450.

чены письма Филиппа, в которых он соглашался на уничтожение инквизиции, смягчение «плакатов» и на всеобщую амнистию. Хотя эти уступки не были искренни и хотя 9 августа он торжественно уверял, что отнюдь не считает себя связанным ими, а, наоборот, собирается наказать виновных в преступлениях против религии и против его верховной власти, однако эти официальные заявления его по крайней мере дали Маргарите возможность ответить на петицию членов союза. Но теперь уже недостаточно было обещать им амнистию и отмену инквизиции [1]. Кальвинисты требовали твердого обещания, что их проповеди не будут впредь запрещаться, и без этой уступки — греховной с точки зрения правительницы — нечего было и думать о восстановлении порядка. Маргарита не решилась принять на себя ответственность за это ни перед своей совестью, ни перед королем. Осаждаемая увещевавшими ее представителями высшей знати, она отчаянно сопротивлялась. Перед лицом всего государственного совета она заявила прерывающимся от рыданий голосом, что «она скорее даст себя убить, чем согласится..., что это означало бы гибель для религии, которую его величество хочет спасти в первую голову, прежде чем страну, предпочитая лучше все потерять, чем так тяжело согрешить перед богом [2]. Чтобы спастись от членов государственного совета, Маргарита хотела бежать в Монс, но население Брюсселя заперло городские ворота.

В конце концов она вынуждена была понять, что необходимо уступить. Не желая себя ни к чему обязывать и уверяя, что она подчиняется лишь принуждению, она разрешила 23 августа представителям высшей знати объявить, что впредь до решения короля власти не будут запрещать проповедей, происходящих в обычных местах [3]. С своей стороны члены союза обещали ей всеми силами содействовать прекращению грабежей, решительно добиться, чтобы народ

---

[1] *Gossart*, L'établissement du régime espagnol, p. 69 etc. Инквизиция, о которой здесь идет речь,—это инквизиция, введенная Карлом V. Епископская инквизиция, которая никогда не была отменена, но которая потеряла всякое значение с тех пор, как государство взяло на себя борьбу с ересью, разумеется, продолжала существовать.

[2] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. II, p. 592. Маргарита заставила вставить в послание, поручавшее представителям высшей знати вступить в переговоры с кальвинистами, слова «уступая силе и неизбежной необходимости». См. «La déduction de l'innocence de Messire Philippe baron de Montmorency, comte de Hornes...», p. 429 (напечатано в сентябре 1568 г.). Кальвинисты добивались такого же эдикта, как тот, который был издан 17 января 1562 г. по отношению к французским гугенотам и который разрешал им собираться вне городов. *Gachard*, op. cit., p. 592.

[3] *Reiffenberg*, Correspondance de Marguerite d'Autriche, p. 187. Эти указы были изданы лишь 25 августа, т. е. после соглашения от 23 августа.

сложил оружие и чтобы проповеди велись лишь в тех местах, в которых они происходили до этого, и наконец считать их союз «несуществующим, расторгнутым и отмененным» до тех пор, пока будет соблюдаться гарантированная им безопасность [1].

Это соглашение, являвшееся конечно лишь временным компромиссом, вводило свободу вероисповедания в Нидерландах. Хотя этим соглашением запрещалось дальнейшее распространение кальвинистского богослужения, однако на основании его все же допускалось отправление кальвинистского богослужения во всех тех местах, где оно происходило до этого. Оставалось только установить modus vivendi между протестантами и католиками, и этим сейчас же занялись представители высшей знати — Оранский в Антверпене, Эгмонт во Фландрии, Гогстратен в Мехельне, Горн в Турнэ и т. д. В отношении грабителей 25 июля был издан «плакат», ставивший их вне закона, разрешавший всякому преследовать и убивать их, как врагов бога и церкви [2]. Оранский приказал казнить нескольких грабителей в Антверпене; другие были приговорены к смерти во Фландрии и в области Турнэ. Уже в начале сентября они исчезли повсюду.

Между тем во многих городах с одобрения провинциальных штатгальтеров введена была свобода кальвинистской религии. Кальвинисты крестили, венчали, причащали, открывали школы. В Турнэ, Валансьене, Генте, Антверпене они строили себе из дерева или даже из камня храмы, придавая им предпочтительно, во избежание сходства с католическими церквами, форму зданий с круглыми или восьмиугольными куполами [3]. В Антверпене их примеру последовали лютеране, которые были здесь еще довольно многочисленны ввиду наличия иностранной колонии. Взаимоотношения между различными исповеданиями регулировал местный «религиозный мир», ставивший все исповедания в одинаковое положение и строжайшим образом запрещавший им чинить неприятность друг другу [4].

Хотя это равенство религий во многих местах казалось

---

[1] *Le Petit*, La grande chronique ancienne et moderne de Hollande, t. II, Dordrecht 1601, p. 121.

[2] *Anselmo*, Codex Belgicus, Placards, Anvers 1661, p. 37.

[3] *Van Vaernewijck*, Beroerlicke tijden..., t. II, p. 108 etc.; *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. I, p. 7; *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 492. Эта форма характерна для первых кальвинистских церквей. В Лейдене до сих пор сохранился еще интересный образчик ее.

[4] Для Антверпена см. *Gachard*, Correspondance de Guillaume le Taciturne, t. II, p. 215; для Турнэ—«Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 1-ère série, t. XI, 1846, p. 421; для Утрехта—*Gachard*, op. cit., p. 209; для Ипра—*Diegerick*, Documents du XVI siècle, t. I, p. 264.

единственным практическим разрешением религиозного вопроса, которое диктовалось само собой, однако оно явно противоречило уступкам, сделанным правительницей. Сторонники взглядов Кассандера, представители высшей знати не видели ни малейшего неудобства в том, что кальвинистские богослужения происходили в городах рядом с католическими храмами. Раз они были допущены, то зачем было настойчиво требовать, чтобы они происходили только вне города, в открытом поле, невзирая на приближение зимы? Но именно это-то и вызывало негодование Маргариты. Ей невыносима была мысль о равноправии кальвинизма и католической религии. Уже с 6 сентября она писала, что в стране стараются «ввести две равноправные религии» [1], и с полным основанием прибавляла, что она никогда не обещала ничего подобного. Поэтому не было ничего удивительного, что она выступила теперь с обвинением своих прежних приближенных — Оранского, Эгмонта, Горна и Гогстратена в том, что «они на словах и на деле проявили себя противниками бога и короля» [2]. Теперь она искала поддержки только у католического дворянства и ее ближайшим советником стал граф Петер Эрнест Мансфельд.

Старый враг Гранвеллы Мансфельд со времени отозвания кардинала постепенно отошел от оппозиции. Благодаря своему саксонскому происхождению он был совершенно чужд национально-бургундским настроениям, вдохновлявшим других членов высшей знати. К этому присоединялось еще то, что, родившись в 1517 г., он в молодости сражался под знаменами Карла V и достиг зрелого возраста тогда, когда Оранский и Эгмонт были еще детьми; поэтому по сравнению с ними он выражал взгляды того поколения, к которому принадлежали их отцы. Подобно последним, он был прежде всего католиком, и поэтому вокруг него сгруппировались такие люди, как Берлемон, Арсхот, Нуаркарм, Мегем, которые при первом же появлении признаков религиозного брожения сплотились вокруг правительницы. Когда разразилось восстание иконоборцев, Маргарита назначила Мансфельда штатгальтером Брюсселя и стала под его защиту [3].

В то время как высшая знать разделилась таким образом на две резко враждебные друг другу партии, народные массы тоже охвачены были расколом. Католики были возмущены данным протестантам разрешением отправлять богослужение. А между тем кальвинисты продолжали метать

[1] *Gachard*, Correspondance de Guillaume le Taciturne, t. II, p. 224.
[2] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 453.
[3] *Rachfahl*, Margaretha von Parma, S. 206 ff.

громы и молнии против «идолопоклонства» и доходили даже до заявлений, что католические богослужения и колокольный звон оскорбляют их совесть [1]. Народ, объединенный ранее общностью одних и тех же политических требований, под влиянием религиозного вопроса разделился на два враждебных друг другу лагеря. Образовалась антигёзовская партия, которая, подобно гёзам, имела свои медали и свои эмблемы [2]. Все католики, примкнувшие к «компромиссу» дворян, отошли от него. Ясно было, что свобода религии не приведет к успокоению умов. Представители высшей знати, надеявшиеся благодаря свободе вероисповедания положить конец религиозным спорам и объединить массы вокруг своей национальной политики, были жестоко разочарованы. Вследствие своей веротерпимости в духе Кассандера они недооценили всей силы религиозных страстей. Вызывающее поведение кальвинистов повсюду пробудило католические чувства. Между католической и реформированной религией немыслимо было никакое примирение [3]. Надо было открыто выбирать между той или другой религией.

Напрасно во Фландрии Эгмонт старался не дать никого в обиду: он добился только того, что все были недовольны им. Он вынужден был прибегать к полумерам, к компромиссам, к наивной изворотливости. Так например он не решался ни посещать католические богослужения, ни не посещать их. В Генте он ходил в церковь, но не снимал шляпы, и в связи с этим протестанты были возмущены тем, что он ходил в католическую церковь, а католики тем, что он не обнажал головы [4]. Никто не интересовался теперь больше тем, что было ему ближе всего, т. е. вопросами реорганизации правительства и созыва генеральных штатов. Он потерял свою популярность, которой так гордился. Неудивительно поэтому, что к концу года он «поседел и постарел и засыпал, лишь положив возле постели шпагу и пистолеты» [5]. Напуганный лежавшей на нем ответственностью, он заколебался как раз в самый решительный момент, терзаемый сомнениями, страхами и угрызениями совести.

Принцу Оранскому совершенно чужды были подобные колебания. Благодаря своему ясному уму он видел вещи та-

---

[1] *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. II, p. 88.

[2] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 495. Начиная с лета 1566 г., слово «гёз» потеряло свой политический смысл и стало синонимом протестанта, в частности кальвиниста.

[3] Еще до начала сентября Маргарита пыталась организовать в католических валлонских провинциях антикальвинистскую лигу. *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 457.

[4] *Van Vaernewijck*, Beroerlicke tijden..., t. I, p. 233.

[5] *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. II, p. 196.

ПРИНЦ ВИЛЬГЕЛЬМ ОРАНСКИЙ
(старинный портрет)

кими, каковы они были в действительности, и серьезность положения не пугала его, а, наоборот, побуждала его скорее принять решение. Он видел, что время соглашений и компромиссов миновало. Он знал, что от Филиппа нечего ждать пощады и надо смело готовиться к борьбе, чтобы снова не подпасть под испанское иго. Он считал, что настало время открыто объединиться с Германией и просить помощи у немецких князей [1].

Он старался объединить своих друзей вокруг этого плана. 3 октября он встретился в Термонде с Эгмонтом, Горном и Гогстратеном и раскрыл им свои намерения. Но Эгмонт не мог решиться порвать с законным государем. После долгих споров при закрытых дверях представители высшей знати разошлись, не придя ни к какому решению. А вскоре граф Эгмонт решил сблизиться с Маргаритой и Мансфельдом. В январе 1567 г. он снова появился в государственном совете. Несколько дней спустя Маргарита отдала

[1] *Groen van Prinsterer*, Archives..., t. II, p. 430.

приказ, чтобы все должностные лица принесли новую присягу государю в «абсолютной верности». Эгмонт подчинился, а принц Оранский, примеру которого последовали Горн, Гогстратен и Бредероде, отказался связать себя клятвой о «неограниченном» повиновении [1].

Это требование Маргариты по сравнению с ее малодушием прошлого года ясно показывало, насколько улучшились шансы правительства за последние несколько месяцев. Когда страх, вызванный восстанием иконоборцев, рассеялся, обнаружилось, что кальвинисты в действительности были очень немногочисленны. Боялись всеобщего восстания, нашествия гугенотов, вмешательства Германии, но ничего этого не произошло. Поэтому католическое большинство во всех городах вскоре пришло в себя. В Брюсселе «военные братства горожан» (serments) высказались против кальвинистских проповедей. За короткое время, каких-нибудь несколько недель, общественное мнение резко изменило фронт, выступив против кальвинистов и за правительницу, вдохновлявшуюся советами и поддержкой Мансфельда.

В связи с этим герцогиня тотчас же попыталась взять обратно вырванные у нее уступки. 8 октября издан был указ, приказывавший иностранным пасторам покинуть страну [2]. Соглашение от 23 августа истолковывалось теперь в точности согласно своему первоначальному смыслу. 4 декабря Маргарита писала городам, что хотя она вынуждена была допустить кальвинистские проповеди, но никогда не собиралась разрешать свободное отправление новой религии. Поэтому следует «сперва положить конец самым худшим и самым невыносимым злоупотреблениям и непорядкам, а затем уже постепенно и последовательно перейти и к устранению меньших неурядиц». Народ должен понять, что «только старая религия угодна богу и королю» [3]. К тому же в борьбе за торжество ее народ может рассчитывать на военную помощь правительства. Последнее действительно располагало теперь вооруженной силой. Оно навербовало несколько полков в Германии, направило гарнизоны во все важнейшие города и готовилось перейти в наступление.

Одно время кальвинисты надеялись добиться у короля свободы богослужения за 3 млн. флоринов [4]. Они употребили теперь эти деньги на вербовку войск. Кальвинистский синод

---

[1] *Groen van Prinsterer*, Archives..., t. III, Leyde 1836, p. 146.
[2] *Gachard*, Correspondance de Guillaume le Taciturne, t. II, p. C.
[3] *Diegerick*, Documents du XVI siècle, t. III, Bruges 1876, p. 214.
[4] *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. II, p. 78; «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 2-ème série, t. XI, 1858, p. 244 et 3-ème série, t. III, 1862, p. 392.

Антверпена обратился к Оранскому с просьбой принять на себя командование армией. Но принц колебался. Он отлично знал, что без помощи Германии, на которую он все еще упорно рассчитывал, восстание обречено на неудачу. Он снова тщетно пытался примирить кальвинистов и лютеран, выписывал пасторов из Германии и говорил даже об общем присоединении протестантов всех нидерландских провинций к аугсбургскому исповеданию [1]. Хотя он не решался обнажить меч, но во всяком случае его поведение в Антверпене, где он продолжал заботиться о соблюдении религиозного мира и где правительница не решалась ничего предпринять против него, вдохновляло кальвинистов. Они рассчитывали также на Бредероде, который укреплял в Голландии свой замок Вианен. Кроме того кальвинисты располагали на юге страны двумя крупными городами в валлонской части. Турнэ и Валансьен, где новая религия утвердилась с самого начала, были всецело на их стороне [2]; оба города отказывались принять гарнизоны, присланные правительницей, и продолжали поддерживать сношения с французскими гугенотами. В Валансьене, где находились оба знаменитых проповедника, Гвидо Брей и Ла Гранж, консистория захватила в свои руки городское управление, в связи с чем Нуаркарм появился в декабре под стенами города для осады этой нидерландской Женевы.

Итак, правительство не отступало теперь перед применением силы, так пугавшим его несколькими месяцами раньше. В большинстве провинций протестантские богослужения прекратились. Пасторов преследовали. Даже Эгмонт, чтобы проявить свое рвение, велел повесить одного из них во Фландрии и приказал снести все овины, служившие в деревнях храмами для протестантов [3].

Кальвинисты приняли объявленную им борьбу. Людовик Нассауский приступил к вербовке наемников в Германии, а тем временем организовывались вооруженные части для снятия блокады с Валансьена. 27 и 29 декабря два таких отряда были разбиты наголову при Ваттрело и Ланнуа гарнизоном Лилля и войсками Нуаркарма. 2 января 1567 г. Нуаркарму удалось, застигнув неприятеля врасплох, ввести гарнизон в Турнэ. Но эти неудачи не смутили кальвинистов. В начале февраля Бредероде послал правительнице от имени дворян, оставшихся верными «компромиссу», протест против

---

[1] *Gachard*, Correspondance de Guillaume le Taciturne, t. II, p. CXXXIII.

[2] В Турнэ $^5/_6$ населения были кальвинистами. *Groen van Prinsterer*, Archives..., t. II, p. 217.

[3] *Van Vaernewijck*, Beroerlicke tijden..., t. II, p. 112.

нарушения договора от 23 августа, прося ее не допускать, «чтобы проливалась кровь несчастного народа» [1]. Одновременно он писал осажденным Валансьена, обещая им помощь принца Оранского, графа Горна и других влиятельных лиц.

На стороне кальвинистов был также сир тулузский Жан Марникс, разбивший лагерь в Ауструвеле, против Антверпена. Он попытался сначала захватить остров Вальхерен. Но отброшенный жителями острова, он отвел свои части на прежние позиции, где они были 13 марта атакованы войсками Филиппа Ланнуа. Сражение видно было со стен Антверпена. Антверпенские кальвинисты тотчас же взялись за оружие, спеша на помощь своим единоверцам. Но Оранский, вокруг которого объединились лютеране, воспротивился этому плану. Благоразумие не покидало его в этот критический момент. Он понимал, что стать на сторону кальвинистов значило порвать с германскими князьями, на помощь которых он все еще надеялся, чтобы спасти Нидерланды. Да и что могла поделать против солдат Ланнуа беспорядочная толпа, ревевшая и теснившаяся на улицах города? Не рисковал ли он потерять Антверпен и погубить самого себя, если бы он уступил ее ярости? Он хладнокровно принял свое решение. Несмотря на возгласы, требовавшие его смерти, несмотря на направленные на его грудь аркебузы, он остался непоколебимым и велел запереть городские ворота, оставив Марникса погибать под стенами Антверпена [2].

Шансы восстания были теперь безнадежны. Поведение Оранского лишило защитников Валансьена их последней надежды. Для Гвидо Брея принц был теперь лишь «презренным негодяем, которого бог когда-нибудь накажет за то, что он так долго обманывал их лживой надеждой на помощь» [3]. 24 марта город сдался Нуаркарму. На севере Бредероде, изгнанный из Вианена графом Мегемом, бежал в Эмден, после того как он через посредство Эгмонта тщетно просил Маргариту о помиловании. Граф Горн и граф Гогстратен принесли Филиппу присягу в верности. Но несмотря на их настойчивые уговоры, Оранский отказался последовать их примеру. Он написал королю почтительное письмо, а затем, 11 апреля, покинул Антверпен и поспешил скрыться в графстве Нассауском. По всем дорогам теснились толпы беглецов. В апреле

---

[1] *Diegerick*, Documents du XVI siècle, t. III, p. 278. Любопытно сравнить резкий тон ответа Маргариты с ее малодушием в августе. *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. II, p. 266.

[2] Для положения религиозных дел в данный момент характерно то, что лютеране объединились с католиками против кальвинистов. *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 527.

[3] Z. A. van *Langeraad*, Guido de Bray..., p. 72.

эмигрировала треть населения Буа-ле-Дюк. 5 мая множество брабантцев и валлонов, бедных и богатых, с женщинами и детьми проходило через Дельфзейль в Эмден [1]. Эмден и Кельн до такой степени наводнены были беглецами, что нередко в одном доме их было свыше 30 чел. Они сотнями переправлялись в Англию.

Таким образом Маргарита и Мансфельд торжествовали. Но они не намерены были использовать до конца преимущества своего положения. После того как религия была спасена, правительница предполагала вернуться к своей политике 1564 г. Мансфельд же отлично помнил о том, что он высказывался в свое время вместе с другими представителями знати за смягчение «плакатов», отмену инквизиции и созыв генеральных штатов. Оба понимали, что осторожность требует умеренности в победе, что надо привлечь на свою сторону дворян искусными уступками, не «приводить их в отчаяние и не давать им повода к новым выступлениям». Но в особенности важно было приостановить эмиграцию и не «разорять этой страны, живущей промышленностью, судоходством и торговлей». Не может быть более блестящей победы, писала правительница королю, «чем наказание вождей и унижение мятежников без всякого кровопролития» [2]. Гранвелла и даже сам папа присоединились к ее настояниям, ссылаясь на необходимость милосердия во имя гуманности и правильно понятых интересов короля [3].

На все эти увещания Филипп отвечал лишь презрением или приступами гнева. Слишком много злобы накопилось у него в душе со времени его отъезда из Нидерландов; слишком долго он вынужден был уступать оппозиции и унижать свою королевскую гордость перед претензиями своих нидерландских подданных. Он потерял всякую способность к жалости и прощению. Пробил, наконец, долгожданный час мести. Как католический король он поклялся прахом своего отца отомстить перед всем миром за богохульство, учиненное иконоборцами; как король Испании он решил покончить навсегда с независимостью Нидерландов и подчинить их своей неограниченной власти. Какое ему было дело до того, что все его нидерландские подданные — как католики, так и протестанты — одинаково ненавидели испанский режим? Он намерен был навязать его им силой.

30 декабря 1566 г. герцогу Альбе поручено было ввести во все 17 провинций испанские полки, собранные в Ломбар-

---

[1] *Gachard*, Correspondance de Guillaume le Taciturne, t. II, p. CLXIII.
[2] *Kervyn de Lettenhove*, Les Huguenots et les Gueux, t. I, p. 469.
[3] Ibid., p. 470.

дии. Пусть восстание было уже к концу весны подавлено Маргаритой, предоставленной своим собственным силам, — неважно! Несмотря на ее возражения, король был непоколебим. Полномочия, данные им своему заместителю, делали последнего подлинным правителем Нидерландов. С его приездом за Маргаритой оставалась только видимость власти. Возмущенная, она подала в отставку, но Филипп отказался принять ее. Одновременно он наметил ей программу, которую она должна выполнять: уничтожить привилегии городов, построить на средства населения цитадели в Антверпене, Валансьене, Флиссингене, Амстердаме, Мастрихте, заменить городские власти королевскими чиновниками, взимать налоги без согласия штатов и, наконец, распустить местные войска [1].

Между тем испанская армия выступила в июле в поход и, не торопясь, перешла границы Франш-Контэ и Лотарингии. При известии о ее приближении провинции охвачены были ужасом. Со всех концов страны заподозренные бежали во Францию, в Англию, в герцогство Клеве, в восточную Фрисландию, в Кельн... 9 августа 1567 г. авангард «терций» герцога Альбы вступил в Брюссель.

---

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 542.

ИСПАНСКИЙ РЕЖИМ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ГЕРЦОГ АЛЬБА

I

Личная политика Филиппа II в Нидерландах установилась полностью лишь с того дня, когда король принял решение послать туда герцога Альбу. До этого он в отношении своих бельгийских провинций только следовал традициям Карла V. Правда, он ввел новые епископства, но все же он уважал политические учреждения страны и избегал всяких поводов к разрыву; и несомненно против воли и довольно неловко, но все же он пытался удовлетворить общественное мнение. Нерешительность его политики сопровождалась все новыми уступками и закончилась решительной неудачей. Напрасно он отозвал свои войска, напрасно он дал отставку Гранвелле и капитулировал перед дворянством. Чем больше уступчивости он проявлял, тем смелее становилась оппозиция. Вначале чисто политическая, она стремилась восстановить Бургундское государство в противовес Испании. Потом, осмелев, она дошла до того, что потребовала свободы совести; она стала поощрять кальвинистскую агитацию в стране и вызвала под конец восстание иконоборцев. Это было в равной мере оскорблением как королевского, так и божественного величия. С точки зрения католического короля политическая автономия, которой требовали Нидерланды, лишь содействовала торжеству ереси. Он одинаково осуждал и то и другое. Полагая, что его интересы как государя совпадают с интересами церкви, покровителем которой он считал себя, он, наконец, решил подвергнуть своих северных подданных примерному наказанию и навязать им кроме того тот политический и религиозный абсолютизм, который господствовал в Испании. Действительно, для того чтобы восстановить одним ударом в Нидерландах «необходимое послушание» и религиозное единство, достаточно было насадить

в них испанский режим. Этой задаче должен был посвятить себя герцог Альба. Он явился не только для того, чтобы наказать мятежников и преследовать еретиков. Ему дана была миссия испанизировать нидерландское правительство, подчинить его во всех отношениях мадридскому совету и превратить его в «presidio», опираясь на который Испания, перестав бояться новых восстаний, могла бы начать навязывать свое влияние и свою веру Франции, Англии и Германии и, пользуясь этим блестящим центральным положением, продолжить дело Карла V, т. е. стремиться к мировому владычеству и осуществить победу католичества.

Нидерланды, несмотря на отсутствие там государя, оставались до этого времени благодаря своим правительницам в непосредственном контакте с династией. Маргарита Австрийская, Мария Венгерская, Маргарита Пармская были «королевской крови» и благодаря их присутствию бельгийские провинции сохранили некоторую видимость старой бургундской независимости. С прибытием Альбы они потеряли ее. Действительно, вместе с Альбой управление бургундскими провинциями перешло в руки иностранца, простого орудия того, кто его послал, ответственного только перед ним и действующего только во имя его. С самыми старыми «наследственными землями» монархии стали теперь обращаться как с завоеванными странами. Альба не провел торжественного утверждения себя в должности в провинциях и не принес присяги в соблюдении их привилегий. Поэтому он будет впредь связан только тем словом, которое он, уезжая, дал своему королю.

Впрочем, этот король, действуя сообразно своему характеру, старается обмануть общественное мнение относительно своих намерений. Официально он возлагает на герцога Альбу только военные полномочия, оставив за Маргаритой Пармской титул правительницы. В частности — и явно для успокоения умов — он делает вид, что хочет поехать сам в Брюссель. Он дает понять это папе, умоляющему его подойти к своим подданным «с милосердием, а не с огнем и мечом»[1]. Он сердится, если ему кажется, что кто-нибудь сомневается в его путешествии. Он приказывает уложить свои вещи, тратит 200 тыс. дукатов на дорожные приготовления, просит Пия V вознести молитвы за его счастливый переезд и велит Маргарите Пармской выслать ему навстречу суда. Между тем он определенно решил не ехать. Он не хочет руководить уничтожением привилегий, которые он поклялся сохранять, при-

[1] *Gachard*, Les Bibliothèques de Madrid et de l'Escurial, Bruxelles 1875, p. 93.

ГЕРЦОГ АЛЬБА
(картина В. Кей)

сутствовать при исполнении подписанных им приговоров, видеть, как будет проливаться кровь, и слышать мольбы своего народа. Только гораздо позднее, когда дело будет закончено, он появится «как добрый отец», чтобы пожаловать свое прощение. Пока же он хладнокровно и до мельчайших подробностей устанавливает, какие меры должны быть приняты, и указывает, кого следует казнить. В числе их как раз Монтиньи, недавно прибывший в Испанию; нельзя допустить, чтобы он избегнул этой участи. Поэтому Филипп посулами и разными предлогами старается удержать его около себя до того момента, когда его верный помощник даст ему знать, что настало время действовать.

Эта маленькая деталь достаточно ясно показывает, что король и герцог с общего согласия наметили план действий,

в котором ничего не было оставлено на волю случая. Роли были распределены до конца. Для видимости король остается в стороне от репрессий. Он перелагает на герцога всю ответственность перед общественностью за их общее дело, и последний принимает эту ответственность не только без колебаний, но с радостью.

Дон Луи Альварес де Толедо, герцог Альба и маркиз де Сориа, которому в 1567 г. исполнилось 59 лет, принадлежал к тому поколению, на глазах которого испанское владычество распространилось по всей Европе. Вся гордость его энергичной и воинственной расы проявилась в нем на поле брани, когда он сражался под знаменем Карла V против французов и протестантов. Величие его короля совпадало в его глазах с величием Испании. Он воспринимал как личное оскорбление требования бельгийской знати, обращенные к правительству Филиппа II. Не признавался ли он уже в 1564 г., что чтение их писем приводило его в бешенство? [1]. Кроме того он ненавидел жителей Нидерландов и радовался возможности заставить их искупить то презрение, которое Шьевр и «Flamencos» выказывали когда-то кастильцам. Христианин старого закала, он питал отвращение к религиозной терпимости и видел в сторонниках ее простых защитников ереси. Гордый своим знатным происхождением, он презирал народ, у которого буржуазия пользовалась преобладающим влиянием. Сдержанный, надменный, держащийся на расстоянии от людей, он не скрывал своего отвращения к шумному веселью, длительным попойкам, непринужденному поведению народа, характер которого он совершенно не в состоянии был понять и самые добродетели которого — откровенность, неутомимая работоспособность, сердечность и человечность — казались ему пороками. Впрочем он был меньше всего грубым солдафоном. Его ледяная, но утонченная вежливость импонировала всем. Он мастерски владел собою, и его современники восхищались рассудительностью, блестящие доказательства которой он дал и в качестве военачальника и в качестве дипломата. Он принимал решение только после зрелого размышления, но, приняв его, он шел прямо к цели с непоколебимой твердостью воли, недоступной сомнению. Это был, как прекрасно выразился Мишле, «человек посредственных дарований, но сильный ясностью принятых решений, простотой своих планов и силой своей страсти».

Прибыв в Нидерланды с целью наказать мятежников, не заслуживавших в его глазах никакого снисхождения, и уничтожить политическую конституцию, несовместимую с ве-

[1] См. выше стр. 72.

личием его короля, он пошел до конца по намеченному им пути. Он никогда не испытывал не только ни малейших угрызений совести, — такое слово было бы смешным в применении к подобному человеку, — но и ни малейших колебаний. Он не замечал, что он сам создавал себе препятствия на своем пути. Он знал только один способ управления: силу, или, вернее, террор. Недоступный ни пониманию возможного, ни чувству сострадания, он непоколебимо, со спокойной совестью шел вперед по развалинам. Чувство долга, а не жестокость, заставляло его подписывать смертные приговоры, и его душевное спокойствие по отношению к своим жертвам можно было бы сравнить с душевным спокойствием Робеспьера. Как у того, так и у другого искренность была столь же полной, сколь и ужасной, и тот и другой непоколебимо брали на себя ответственность за пролитую ими кровь. «Бесконечно лучше, — писал однажды герцог, — путем войны сохранить для бога и для короля государство, обедневшее и даже разоренное, чем без войны иметь его в цветущем состоянии для сатаны и его пособников-еретиков» [1]. Если бы Альба был на 20 лет моложе, то он конечно не думал бы так. Но религия в его понимании была религией тех испанцев старого закала, которые сформировались во время священной войны против мавров, для которых понятие «еретик» совпадало с понятием «неверный». Единственный способ пропаганды, известный этим людям, были меч или костер. Сражаясь за Христа и за короля, они были только солдатами. Они признавали только тело и презирали дух. Их деятельность была чисто военной и политической, и, сражаясь за церковь, они не становились под ее руководство. Альба в течение всей своей жизни надменно обращался с епископами и питал непреодолимое недоверие к иезуитам.

Если он решился действовать беспощадно, то он должен был быть зато уверен, что его дело не будет ни долгим, ни трудным. Разве военная сила, которую доверил ему король, не была непобедима? Он привел с собой армию, состоящую из 19 знамен терций из Неаполя под начальством Алонзо де Улоа (Alonso de Uloa), 10 знамен терций из Сицилии под начальством Юлиана Ромеро (Julian Romero), 10 знамен терций из Ломбардии под начальством Санчо де Лондоньо (Sancho de Londoño), 14 знамен терций из Сардинии под начальством Гонзало де Бракамонте (Gonçalo de Bracamonte), в общей сложности около 9 тыс. чел. старых испытанных войск, не знавших поражений. Его конница состояла из 1 200 итальянских и албанских солдат, в том числе из отборного

[1] *Gachard*, La Bibliothèque nationale à Paris, t. I, Bruxelles 1875, p. 404.

отряда в 200 конных мушкетеров. Все это войско находилось под начальством его побочного сына, дона Фернандо де Толедо, великого приора Кастилии. К генеральному штабу была прикреплена группа итальянских инженеров, среди которых находился знаменитый Кьяпино Вителли (Chiapino Vitelli), один из лучших военных инженеров той эпохи. Войска были экипированы безукоризненно. При их переходе через Савойю, Франш-Контэ и Лотарингию люди сбегались издалека, чтобы полюбоваться их воинственным видом, блеском их оружия, прекрасным порядком в их рядах, массой карет и обозных повозок. Армию сопровождала пестрая толпа женщин, из них 800 пешком и 400 верхом, «красивых и нарядных, как принцесы» [1]. Можно было подумать, что видишь легионы Цезаря, двигающиеся на завоевание Бельгии. Вся армия полна была воодушевления, в особенности испанские ветераны, которые заранее радовались возможности расправиться с нидерландским населением, этим сборищем «luteranos» и врагов короля.

Как только Маргарита Пармская встретилась с герцогом, исчезли последние иллюзии, которые она могла еще иметь. Он мог сколько угодно высказывать ей «величайшее уважение» и заверять ее в том, что он отдает себя в ее распоряжение «так же, как Берлемон и Аремберг» [2], но она сейчас же поняла, что отныне этот «генерал-капитан» был подлинным хозяином и она больше ничего не значила. Ее тщеславие могло бы, может быть, удовлетвориться простой видимостью власти, но она не могла решиться быть соучастницей того, что она предвидела. Перед лицом этого непоколебимого человека, который хладнокровно советовал ей возложить на него всю ответственность и который брал на себя всю ту ненависть, которую он собирался пробудить, она думала лишь о том, чтобы поскорее покинуть Брюссель. Уже 29 августа она просила короля разрешить ей уехать. В октябре она получила позволение удалиться и в конце декабря выехала в Италию.

Впрочем, Альба не ждал для начала своих действий, чтобы она уступила ему свое место и свой титул. Тотчас же после своего прибытия в Нидерланды он с большим знанием дела расположил свои войска, чтобы предупредить всякую попытку к восстанию. Он разместил их в соседних с Брюсселем пунктах с таким расчетом, чтобы в случае нужды их можно было собрать в одну ночь. Впервые большие бельгийские города должны были содержать постоянные гарнизоны.

---

[1] *Brantôme*, Oeuvres, t. I, Paris 1858, p. 163.
[2] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, Bruxelles 1848, p. 566.

В Антверпене итальянские инженеры приступили к постройке неприступной цитадели, которая должна была явиться оплотом для войск как в случае национального восстания, так и в случае иностранного нашествия. В стране тотчас же нагло воцарилась власть или, вернее, насилие испанцев. В городах солдаты грубо обращались со своими хозяевами, требовали, чтобы им отдавалось все, что имелось лучшего, и вызывали возмущение горожан как распущенностью своих нравов, так и чрезмерными проявлениями своего южного благочестия — крестными ходами и публичными самобичеваниями [1]. При дворе нидерландские советники и чиновники чувствовали себя жертвами подозрительности и недоброжелательства. Все окружение герцога было чисто испанским, и сам он делал вид, будто не говорит по-французски. Его надменное, холодное обращение приводило в ужас дворянство. Как только Эгмонт увидел его, он сразу стал другим человеком. Он перестал есть, и ночью слышно было, как он лихорадочно метался по своей комнате; на него нападали приступы гнева, во время которых он говорил о том, что хочет запереться в своем замке Газбек и «поднять мосты» [2]. Над всем народом нависла та мучительная тревога, которая предшествует обычно неизбежной и таинственной катастрофе.

Между тем герцог — из хитрости или по крайней мере из осторожности — не торопился начинать. Он хотел, чтобы первый его удар хорошо попал в цель, и долго обдумывал, как это сделать. Это ему чудесно удалось. 9 сентября в Брюсселе неожиданно были арестованы графы Эгмонт и Горн, а в Антверпене — бургомистр ван Стрален. Меньше чем через две недели, 21 сентября, в Испании был издан приказ об аресте несчастного Монтиньи.

В то же время, с 9 до 13 сентября, был учрежден совет по делам о беспорядках. Совет этот, состоявший из 7 членов, подчиненных влиянию трех испанцев, — Дель Рио, Варгаса и Рода, — в сущности говоря, не был трибуналом. Его задача сводилась к тому, чтоб подготовлять приговоры, которые правительство издавало от своего имени. Собственно говоря, это была юрисдикция осадного положения, ни в малой мере не считавшаяся с национальными обычаями, традициями и свободами [3]. Во время террористического режима, установленного Альбой в Нидерландах, он играл ту же роль, что и ре-

[1] «*Cornellissen*, Philips Van Campene, Dagboek», éd. F. de Potter, Gand 1870, p. 33, 49.

[2] *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. II, Bruxelles 1880, p. 597.

[3] *Poullet*, Histoire du droit pénal dans le duché de Brabant, Bruxelles 1870, p. 118.

волюционный трибунал в самый кровавый период Французской революции. И тот и другой жертвовали индивидуальными гарантиями и самыми элементарными формами правосудия ради поставленной цели — общественной безопасности и пользы государства. Как здесь, так и там свирепствовала та же жестокая и лихорадочная деятельность. Когда герцог был в Брюсселе, он проводил ежедневно по 7 часов в совете, неустанно подписывая пачками смертные приговоры. 4 января 1568 г. были казнены 84 чел., 20 февраля — 37, 21 февраля — 71, 20 марта — 55 и т. д.[1]. 3 марта в один и тот же час по всей стране пали жертвой 1 500 чел. Столько несчастных было казнено не только за ересь. Альба предоставил инквизиторам наказывать за грехи против веры; себе же он оставил только мятежников: бунтовщиков, иконоборцев, лиц, подписавших «компромисс», посетителей протестантских проповедей и, наконец, неосторожных, давших увлечь себя событиям 1566 г., которые теперь расплачивались своими головами за несколько дней мятежа или беспорядков[2]. Искренние католики отлично видели, что «дело не в заботе о душах»[3]. Они тем более могли в этом убедиться, что «кровавый трибунал» регулярно приговаривал наряду со смертью также и к конфискации имущества. Таким образом бойня, которой он руководил, превратилась в блестящую финансовую операцию, и он казнил подданных короля лишь для того, чтобы обогатить его их достоянием. В 1573 г. Альба будет похваляться тем, что он одними только конфискациями доставил королю ренту в 500 тыс. дукатов[4].

В общем совет по делам о беспорядках, как и революционный трибунал, произвел надлежащее действие. Всегда

---

[1] *Gachard*, Le Conseil des troubles, «Etudes et notices historiques», t. I, Bruxelles 1890, p. 142 etc.

[2] За отсутствием точных сведений невозможно определить число жертв герцога Альбы. Более или менее официальные цифры, относящиеся к XVI в., колеблются от 6 до 18 тыс. См. *Gachard*, Etudes et notices, t. II, p. 366. Первая цифра приводится испанцами, вторая протестантами. М. Мейгофер (*Meyhoffer*, Le Martyrologe protestant des Pays-Bas 1523—1597, Nessonvaux 1907) приводит интересные данные, из которых, однако, нельзя сделать общего вывода. Ср. V. *Fris*, Revue de l'Instruction Publique en Belgique, 1907, p. 402 etc. Уничтожение после Гентского примирения значительной части архивов, относящихся к уголовным делам, делает этот вопрос окончательно неразрешимым. См. (*Simon Leboucq*, Histoire de troubles de Valenciennes, Bruxelles 1864, p. 167. Репрессии были особенно кровавыми с 1567 по 1569 г. Чтобы составить себе об этом ясное представление, полезно будет ознакомиться с мемуаром *Ad. Hocquet*, Tournai et le Tournaisis au XVI siècle, Bruxelles 1906. Повидимому вернее всего исходить вместе с Гашаром из цифры в 6—8 тыс. жертв. Испанские противники герцога Альбы в 1574 г. обвиняли его в гибели 6 тыс. чел. См. *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. III, p. 40.

[3] *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. IV, p. 292.

[4] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. II, p. 216.

занесенный над головой населения топор и всегда открытая тюрьма довели подавляющее большинство населения до последней степени страха. Под впечатлением слишком неожиданного и слишком жестокого удара, сокрушившего весь народ, он, казалось, потерял самого себя. Но если бы даже он захотел, то как он мог организовать сопротивление в городах, занятых испанскими солдатами? Поэтому все, кто мог, бежали за границу. Другие прятались по деревням, где отчаяние и нищета обращали их вскоре в бандитов и грабителей. Под названием «лесных гёзов» («gueux des bois») или «лесных братьев» («frères des bois»), «bosquillons», «feuillants», «blitres» банды их бродят по Нижней Фландрии и области Турнэ; они пугают население, живут за счет бедняков и, обуреваемые жаждой мести, грабят дотла церкви и убивают священников, попадающихся им в руки.

Эта Вандея XVI в. так же не могла удаться, как и покушения некоторых отважных дворян на особу правителя[1]. В самом деле, принятые герцогом меры были слишком хорошо подготовлены, и его войска были слишком сильны для того, чтобы он мог чего-нибудь опасаться внутри страны. Но он ожидал нападения извне и, чтобы быть готовым ко всему, навербовал в Германии тотчас же по своем прибытии в Нидерланды 11 тыс. рейтеров.

Действительно, он не мог не знать, что принц Оранский, удалившийся в Дилленбург[2], был единственной надеждой эмигрантов, которые с лета 1567 г. непрерывно покидали страну кто сушей, кто морем. Недавняя смерть Берга и Бредероде, арест Эгмонта, Горна и Монтиньи привели к тому, что все уважение, которым пользовалась национальная знать, было перенесено теперь на принца Оранского. Молодой граф Гогстратен последовал за ним в его изгнание; Марникс помогал ему своим писательским талантом и своим красноречием; Яков Безембек неустанно вел переписку с его приверженцами внутри страны и за границей и организовал его финансы. Наконец, его брат, пылкий Людовик Нассауский, торопил его поскорее вдеть ногу в стремя и приказать «бить сбор».

Если принять все во внимание, то шансы открытой борьбы против герцога Альбы были более благоприятны, чем это могло показаться с первого взгляда. Внутри Нидерландов царило всеобщее возмущение. Французские гугеноты, конечно,

[1] *De Ghellinck Vaernewijck*, Un complot contre le duc d'Albe en 1568, «Bulletin de l'Académie d'archéologie de Belgique», 1901.

[2] О пребывании Вильгельма в Дилленбурге и относительно помощи, которую он получал от своей семьи, см. *C. Dönges*, Wilhelm der Schweiger und Nassau-Dillenburg, Dillenburg 1909.

приняли бы участие в плане действий против сподвижника Филиппа II. Помощь же Германии казалась еще более обеспеченной. Император Максимилиан II действительно не скрывал, что он не одобряет поведения герцога, и уже в феврале 1568 г. заявил об этом в Мадриде. Но принц Оранский, будучи сам лютеранином, особено рассчитывал на помощь лютеранских князей. Он носится с планом привлечь Германию на свою сторону. Он высказывается и действует как немецкий принц. Он напоминает во всеуслышание, что Нидерланды являются частью империи и имеют поэтому право требовать у нее помощи против своего угнетателя. Однако он тщательно избегает обвинений против испанского короля, своего законного государя. Его гнев направлен против тирана — чужеземца, который обращается с нидерландскими провинциями, как с завоеванной страной, топчет ногами их привилегии и подчиняет их своему произволу. Будучи протестантом, он остерегается поднимать религиозный вопрос, боясь обеспокоить католиков. Задуманная им война — это национальная война. Он обращается ко всем патриотам, он требует свободы совести, сохранения привилегий, созыва генеральных штатов, словом, выдвигает народную программу, которая в 1566 г. собрала вокруг себя весь народ без различия состояний.

Уже весной 1568 г. его план был окончательно разработан. Суммы, полученные от залога его имуществ, а также денежная помощь от его семьи и нескольких немецких князей вместе с добровольными пожертвованиями эмигрировавших кальвинистов из Англии, Фрисландии, Кельна и Пфальца дали ему необходимые средства, чтобы создать в течение нескольких месяцев значительную армию. Его офицеры должны были одновременно в нескольких пунктах вторгнуться в Нидерланды. Сам же он предполагал вместе с главными военными силами держаться позади, чтобы действовать сообразно обстоятельствам и вмешаться в решительный момент. Он не сомневался, что соответственно обработанная его эмиссарами страна, наводненная агитационными брошюрами и листовками, тотчас же поднимется, как только появятся ее освободители, и надежда вернет ей ту энергию, которую она потеряла.

В апреле, когда Виллье с 2—3 тыс. чел. перешел границу у Мастрихта, Людовик Нассауский вместе со своим братом Адольфом вторгся в Западную Фрисландию. Виллье был разбит наголову у Далема и взят в плен. Но 23 мая Людовик Нассауский, выступив из Эмдена, столкнулся у Гейлигерле с войсками, которые вел против него граф Аремберг, разбил и принудил их к бегству после жаркого боя, в котором пали

ФИЛИПП МОНМОРАНСИ, ГРАФ ГОРН
(старинный рисунок)

неприятельский генерал и молодой Адольф, а затем тотчас же начал осаду Гронингена.

Этот удар не мог ни поразить, ни сломить такого опытного полководца, как герцог Альба. Он сам решил исправить неудачу своих подчиненных. Но сначала он решил прочно утвердить свою власть и устрашить мятежников ошеломляющей демонстрацией своего правосудия. 28 мая был сравнен с землей дворец Куленбург, в котором в 1566 г. собрались лица, подписавшие «компромисс»; 1 июня на рыночной площади в Брюсселе произошла первая казнь дворян; 2 июня последовали на эшафот Виллье и ван Стрален; наконец, 5 июня, к величайшему ужасу населения, последовала казнь Эгмонта и Горна. Это была ужасная демонстрация силы нового режима, которой Альба ответил принцу Оранскому точно так же, как впоследствии правительство французской революции ответило объединившейся против нее в коалицию Европе казнью Людовика XVI.

Только после этого герцог, уверенный в победе, не торопясь, двинулся во главе своих войск по направлению к се-

веру, и, встретив у Емгума отступавшего Людовика Нассауского, при первом же столкновении с ним заставил его в беспорядке отступить обратно в Германию (21 июля). Тем временем граф Ре (Roeulx) и виконт Гентский изгнали из графства Артуа несколько отрядов гугенотов.

Крушение этих первых попыток не смутило принца Оранского. В июне он выпустил военный манифест, призывавший под знамена солдат из валлонских полков, расформированных герцогом Альбой. В июле он обратился в одно и то же время к лютеранам и ко всем, «имеющим истинно немецкое сердце». Наконец, за несколько дней до переправы через Маас он объявил себя поборником «свободы отечества» [1].

Армия принца Оранского — пестрый сброд из немецких наемников, французских гугенотов, фламандских и валлонских кальвинистов — насчитывала несколько более 25 тыс. чел. Так как Альба должен был оставлять гарнизоны в главных городах, то он не мог противопоставить Вильгельму такой же силы. Но он знал, что принц не сумеет выдержать длительной кампании. Денежные средства принца позволили ему выплатить своим войскам только месячное жалованье. Если ему не удастся добиться молниеносного успеха, который вызвал бы восстание в его пользу, ему больше ничего не останется, как поскорее отступить. Поэтому Альба решил маневрировать таким образом, чтобы, сдерживая натиск неприятеля, избегать прямого столкновения с ним. Он понимал серьезность положения и принимал свои меры с крайней осторожностью [2]. Его твердость перед лицом опасности настолько воодушевила льежского епископа Жерара Гросбекского, что он выступил против многочисленной партии, которая собиралась открыть ворота Льежа принцу Оранскому и предоставить ему таким образом операционную базу.

Обманувшись в своих ожиданиях занять Льеж, принц направился в Брабант. Но его военные таланты не были на такой же высоте, как его политическое искусство. Теснимый испанцами, боясь разрыва своих коммуникационных линий, принц Оранский совершенно не сумел воспользоваться своим

---

[1] У Гашара (*Gachard*, Correspondance de Guillaume le Taciturne, t. VI, Bruxelles 1886, p. 256 etc.) можно найти три манифеста принца, датированные 20 июля, 31 августа и 1 сентября 1568 г. Виглиус (ibid., p. 284) пишет, что они причинили много зла и что «почти все считали изложенное в них правдой». Уже в апреле 1568 г. принц опубликовал свою «Justification» одновременно на французском и фламандском языках. В том же году вышла «Défense de messire Antoine de Lalaing, comte d'Hoogstraeten». Об изданных в том же году оранжистских манифестах см. *F. van der Haegen*, Bibliotheca Belgica, NN. 13, 14, 17, 18.

[2] *E. Teubner*, Der Feldzug Wilhelms von Oranien gegen den Herzog von Alba im Herbsts des Jahres 1568, Halle 1892.

численным превосходством. Вместо того чтобы перейти в наступление, он колебался и в своих действиях подчинялся воле своего грозного противника. Как только он узнал о поражении вспомогательного отряда гугенотов, который Жанлис вел ему из Франции, он решил, что дело проиграно, и поспешно отступил через Генегау (5 ноября). Его отступление вскоре превратилось в беспорядочное бегство и, хотя он и не вступал в бой, но он должен был как побежденный вместе с жалкими остатками своей армии спастить бегством в Пикардию [1] Одним словом, его вмешательство послужило лишь к вящшему усилению авторитета его противника... Несмотря на это, именно во время этой неудачной кампании впервые прозвучали строфы «Willelmuslied» — этой боевой песни будущей революции [2].

II

После побед при Далеме и Емгуме и в особенности после плачевного исхода операции принца Оранского новый режим, казалось, окончательно утвердился в Нидерландах. Во время последних событий население безмолвствовало, и его апатия, казалось, обеспечивала навсегда его покорность. Власть Испании утвердилась, наконец, в этой стране, где она некогда капитулировала перед мятежным дворянством и несколькими небольшими отрядами бунтовщиков. Гордый своими победами, Альба приказал поставить себе одну статую триумфатора в антверпенской цитадели, а другую в Брюсселе, на том месте, где раньше находился дворец Куленбург. Настал момент сделать из нидерландских провинций «стальную цитадель», откуда австрийский дом мог бы диктовать свои законы всей Европе [3]. В Мадриде Филипп II отвечал высокомерно на переданный ему от имени германского императора эрцгерцогом Карлом совет быть умеренным. Тем временем Альба из Брюсселя начал вмешиваться в дела других государств. Он послал Мансфельда с 1 500 всадников на помощь французскому королю в его борьбе с гугенотами. В декабре 1568 г. он решил ответить на враждебные происки Елизаветы арестом всех англичан, занимавшихся торговлей в Нидерландах.

Очевидно, будущее не внушало ему никаких опасений. Его секретарь Альборнос писал, что можно было бы в слу-

[1] Граф Гоогстратен умер во время похода от раны.

[2] *Fl. van Duyse*, Het oude nederlandsche lied, Haag 1907, S. 1634.

[3] См. слова Кабреры, цитируемые Госсаром (*E. Gossart*, Notes pour servir à l'histoire du règne de Charles-Quint, «Mémoires in—8° de l'Académie royale de Belgique», t. LV, 1887, p. 71).

чае нужды послать для управления Нидерландами коррехидора Сеговии. «Жители очень довольны, и нет в мире нации, которой было бы легче управлять, чем этой, если только знаешь, как ею руководить» [1]. Сам герцог похвалялся королю своей системой управления: спокойствие царит повсюду, «и это без всякого насилия» [2]. Между тем совет по делам о беспорядках продолжал казни и конфискации. Вопреки воле Филиппа, который уже 18 февраля 1569 г. хотел объявить всеобщую амнистию, «так как эта мера, — писал он, — принесет больше пользы, чем конфискации, и будет кроме того средством успокоить немцев» [3], Альба еще долго не решался прекратить суровые меры, которые дали такие благоприятные результаты. Только 16 июля 1570 г. он решился, избрав самый строгий из четырех присланных ему из Мадрида проектов, торжественно объявить в Антверпене амнистию, дарованную его государем.

Амнистия была обещана всем, кто в течение двух месяцев явится с повинной к специально назначенным для этой цели комиссарам. Но сколько же исключений было сделано из этой амнистии! Прежде всего из нее исключалось несколько сот эмигрантов, перечисленных поименно, затем протестанские священнослужители, проповедники-учителя ереси, те, кто призвал их в страну или оказывал им помощь, затем также иконоборцы, инициаторы «компромисса», вожди дворянского союза, лица, собиравшие подписи под обращением к Маргарите Пармской, те, кто присоединился к мятежникам и оказывал им денежную помощь, те, кто вообще как-нибудь оскорбил верховный авторитет короля и каким-нибудь образом обнаружил сочувствие еретикам [4]. Что же удивительного, что амнистия с таким количеством оговорок и составленная в таких общих выражениях обманула ожидания всех и была встречена с мрачной холодностью? Неумолимый судья, каким показал себя король, не сумел сделать жеста милосердия. Грехи прошлого остались запечатленными в его жестокой памяти. Ровно через 3 месяца после объявления амнистии он приказал тайно задушить Монтиньи в его тюремной камере в Симанкас!

Миссия герцога Альбы, как мы сказали, состояла не только в том, чтобы наказать виновных: его главной целью было ввести в Нидерландах новую систему управления и превратить старое Бургундское государство в часть Испан-

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. II, p. 79.
[2] Ibid., p. 131.
[3] Ibid., p. 63.
[4] Я заимствую почти буквально этот список у Госсара (*M. Gossart*, L'Établissement du régime espagnol dans les Pays-Bas, Bruxelles 1905, p. 293).

ского государства, строго подчиненную короне. Дело было начато без отлагательства, и политические реформы под энергичным воздействием правителя проводились наряду с репрессиями.

Прежде всего уже в 1568 г. были организованы повсюду новые епископства, учреждение которых до сих пор задерживалось вследствие национальной оппозиции. Янсений в Генте, Сонний в Антверпене, Метсий в Буа-ле-Дюк заняли, наконец, свои епископские кафедры. В 1570 г. епископы Мехельнской провинции могли, наконец, созвать свой первый синод и изменить церковный устав на основании принципов Тридентского собора. Лувенский университет также привлекает внимание герцога. 16 января 1568 г. он пишет ректору, чтобы узнать у него, «как себя там ведут и исполняет ли каждый свой долг, как ему надлежит» [1]. Чтобы предотвратить распространение ереси, 4 марта 1570 г. издается запрещение посещать иностранные университеты, в которых до сих пор было так много нидерландцев в качестве профессоров и студентов. Вместо этого теперь носятся с планом, чтобы вся умственная жизнь страны ориентировалась на Испанию. В октябре 1570 г. ставится вопрос об основании при университетах в Лувене и Дуэ школ для испанцев, а в Саламанке или Алкале — фламандской школы [2].

Но недостаточно было восстановить правоверие и помочь духовенству в его религиозных делах. Хотя папа и прислал Альбе освященные меч и шляпу, все же Альба отнюдь не подчинялся церкви. Он не хотел предоставить ей независимость, которая освободила бы ее от контроля государства. С большим трудом епископам удалось отговорить его от мысли послать для участия в синоде 1570 г. одного советника из Мехельнского большого совета [3]. Он стремился к распространению монархической власти на все области жизни. Разве всемогущество короны не должно было оказаться также выгодным и для религии, поскольку испанский король — это преимущественно католический король и поскольку победа его могущества неизбежно совпадала с торжеством веры?

Чтобы распространить его власть и навязать ее Нидерландам, нужно было разрушить до основания их политическую конституцию, в которой столько традиций и столько привилегий мешало расширению неограниченной королевской власти. Задача была несомненно трудная, и герцог признавал

---

[1] *H. van der Linden*, Le duc d'Albe et l'université de Louvain, «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 1908, p. 10.

[2] *Piot*, Correspondance de Granvelle, t. IV, Bruxelles 1884, p. 35.

[3] *De Ram*, Synodicon Belgicum, t. I, Mecheln 1828, p. 90.

это. «Ваше величество,— писал он королю 6 января 1658 г.,— если вы обратите на это дело внимание, то вы увидите, что нужно создать совершенно новый мир, и дай бог справиться с этим, так как уничтожить обычаи, укоренившиеся у такого свободолюбивого народа, каким всегда были нидерландцы, дело нелегкое. Я буду работать над этим, не покладая рук» [1] Прекрасным средством достигнуть цели было бы просто присоединить Нидерланды к Испании и подчинить их тому же управлению или создать из них объединенное королевство, в котором уничтожены были бы автономии отдельных провинций и управление было бы сосредоточено безраздельно в руках королевской власти, подобно тому как это имело место например в Неаполитанском королевстве. Филипп II поручил изучить этот вопрос в Мадриде Гопперу (Hopperus) и Эрассо (Erasso) [2]. Но вопрос был щекотливый; он мог вызвать международные осложнения.

Тем временем Альба энергично взялся за дело. Он начал с того, что освободился от стеснительного контроля государственного совета. Он не созывал его больше или созывал его лишь для формы. Он перестал передавать ему — как это делали раньше правительницы — депеши, получаемые им от короля. Он явно показывал, что доверяет только испанцам: Варгасу, Дель Рио, своему духовнику Альборносу, великому приору Кастилии, своему сыну дону Фадрико, который с 1568 г. снова оказался при нем. При малейшем намеке на бургундский режим он явно впадал в бешенство [3].

Достаточно было быть уроженцем Нидерландов, чтобы впасть у него в немилость. Старый Виглиус, столь преданный королю, казался ему изменником. Берлемон, «который считал себя чистым, как жемчужина» [4], не знал, что с собой делать. Было очевидно, что герцог «хочет все переделать на испанский лад» [5]. Заметили, что он перестал замещать свободные места в государственном и в тайном совете, и его цель легко была разгадана. Эта цель, которую он изложил королю, заключалась в том, чтобы сразу назначить пачку новых советников, так как при системе постепенных назначений «оста-

---

[1] *E. Gossart*, Projets d'érection des Pays-Bas en royaume sous Philippe II, «Bulletin de l'Académie royale de Belgique», Classe de lettres, 1900, p. 560.

[2] *Gossart*, op. cit., p. 558 etc.

[3] *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. III, p. 38.

[4] Ibid., p. 462.

[5] Ibid., t. IV, p. 207. В 1571 г. венецианец С. Кавалли (S. Cavalli) констатирует, что его величество «e risoluta di mutare tutto il governo» (решил изменить всю систему управления), «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 2-ème série, t. VIII, 1856, p. 344.

вавшиеся портили бы новых, подобно тому как это бывает, если влить кувшин хорошего вина в бочку уксуса»[1]. В нужный момент в правительственные советы (conseils collatéraux) будет введен ряд испанцев и итальянцев, а наряду с ними для формы — несколько нидерландцев, но «никчемных» и «уступчивого характера» как значилось дословно в письме — при которых «испанцы и итальянцы будут заправлять всем». Что касается нидерландских привилегий, то Альба не придавал им никакого значения, так как он не приносил присяги соблюдать их; еще меньше обращал он внимания на стоны населения. Он не сомневался, что ему достаточно было лишь строго поговорить с народом, чтобы ему повиновались. Разве эта нация «не все еще такова, как ее изобразил Юлий Цезарь?»[2].

Из всех конституционных гарантий, которыми пользовалась страна, самой существенной, но в то же время и самой стеснительной для герцога являлось право вотирования налогов, позволявшее подданным открывать кошельки лишь взамен уступок, опасных для верховной власти. Разве не убедились в этом в 1558 г. при одобрении ежегодной дополнительной субсидии на 9 лет?[3]

Между тем срок этой субсидии как раз истек (1567 г.), и теперь необходимо было найти новые денежные средства. Для этого существовали два пути: либо надо было возобновить тягостные и унизительные переговоры с генеральными штатами, либо надо было воспользоваться представлявшимся благоприятным случаем и смело провести основное условие всякой твердой власти — постоянный налог. С помощью такого налога не только будет уничтожена главная основа народных свобод, но король сможет кроме того освободиться от тягостных жертв, которые он взял на себя ради Нидерландов. Отныне они будут сами покрывать свои расходы. Но мало того, они должны будут, как это и полагается, принять участие в расходах монархии. «Ваше величество, — писал герцог, — основное заключается в том, что вы можете извлечь все что вы хотите из этой страны, которой до сих пор за каждый предоставлявшийся вам флорин вы должны были делать бесконечные уступки за счет ваших королевских привилегий, и делать их таким образом, что — при том состоянии дел, которое я нашел здесь, и при том положении, в котором находилась здесь ваша верховная власть, — я, являющийся лишь простым вашим оруженосцем, ни за что не стал бы этого терпеть»[4].

---

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. II, p. 360.
[2] Ibid., p. 210.
[3] См. выше, стр. 38.
[4] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. II, p. 209.

И, разумеется, Альба был искренен, говоря это. Он рассуждал, как испанец, для которого Нидерланды были только придатком испанской монархии. По какому же праву должны они пользоваться исключительным положением и выгодами, которых не имеют ни Италия, ни Сицилия? Но в точке зрения, на которую он становился, скрывалась и у него как раз та же ошибка, которая погубила Вильгельма Нормандского в XII в. и Жака Шатильона в XIV [1]. Он не видел, как сильно эти бельгийские провинции с их столь трудолюбивым средним сословием отличались от той Испании, в которой праздное дворянство жило и властвовало за счет бедствовавшего народа. Он не понимал, что если перенести во Фландрию систему кастильских «alcabalas», то это неизбежно должно было разорить ее, подорвав в самой основе промышленность — источник ее благосостояния. С поистине поразительным непониманием характера страны Альба отвечал на возражения Виглиуса и правительственных советов (conseils collatéraux), что новые налоги не отяготят ни духовенство, ни дворянство и что они всей своей тяжестью падут на плечи купцов и ремесленников [2]. Перед лицом Англии, обогащавшейся благодаря искусной торговой политике Елизаветы, он хотел взвалить на бельгийцев, и так уже наполовину разоренных, огромные денежные повинности, предназначенные для содержания армии, под игом которой они находились. Кроме того он не отдавал себе никакого отчета в том, насколько народ был привязан к своим свободам. Он не знал, что задеть привилегии — «это все равно, что оторвать мясо от костей» [3].

Новые налоги были предложены на утверждение генеральных штатов, созванных только на один день, 21 марта 1569 г., в Брюсселе. Они состояли из одного единовременного налога в 1% со всех движимых и недвижимых имуществ и из двух постоянных налогов; одного — в 10% с продажи движимых имуществ и другого — в 5% с продажи недвижимых имуществ, причем оба эти налога должны были уплачиваться продавцами. Эта система, являвшаяся простым перенесением испанских «alcabalas», получила одобрение короля. Сколько Виглиус ни указывал на то, что Нидерланды, в отличие от Испании, не являются земледельческой страной, что они могут сохранять свою промышленность, которой угрожает английская конкуренция, лишь благодаря дешевизне средств

---

[1] «Histoire de Belgique», t. I, 3-ème éd., p. 196 et 404.

[2] *Van Meteren*, Histoire des Pays-Bas. Fol. 69, Amsterdam 1670. Герцог должен был бы знать, что принятие в 1543/44 г. налога в 1% на торговлю тотчас же вызвало эмиграцию в Гамбург. *Gachard*, Correspondance de Marguerite de Parme, t. II, p. 114.

[3] *Piot*, Correspondance de Granvelle, t. IV, p. 463.

существования и сырья, и что с этим всегда считались герцог Филипп Добрый и его преемники, — все было напрасно, тем более что тут опять выплывала злополучная ссылка на Бургундию. Филипп II, как и герцог Альба, считался лишь с государственным интересом. Его единственной заботой было освободиться от вмешательства генеральных штатов путем введения постоянных налогов и таким образом обеспечить короне постоянные и значительные доходы. Легко понять, что при наличии столь больших выгод интересы нидерландских провинций ничего не значили. Как было не удивляться такому поведению? Не приносилось ли таким образом будущее в жертву настоящему и не станет ли испанское правительство само жертвой своей собственной политики в тот день, когда оно разорит Фландрию? Оно не боялось срубить дерево, чтобы воспользоваться его плодами, и его финансовые мероприятия в Нидерландах были проникнуты тем же безрассудным желанием немедленной выгоды, которая должна была столь быстро истощить колоссальные запасы Нового Света. Впрочем, герцог приготовился к протестам и, чтобы сразу пресечь их, позаботился о том, чтобы терроризировать генеральные штаты. Он объявил им через старого советника Брюкселя, что «его величество решил пустить в ход против непокорных... власть, которой наделил его господь, чтобы наставить своих подданных на путь истины». Надо будет поэтому «заткнуть рот всем тем, которые захотят чинить препятствия..., чтобы его светлость не был вынужден сделать это сам». На следующий день герцог имел личную беседу с представителями отдельных провинций. Он заявил им, что король и он требуют от них в знак послушания полного согласия, но что впоследствии налоги в 10 и 5% смогут быть заменены менее тягостными обложениями, которые будут установлены в согласии с ними [1].

Неопределенная надежда, зароненная этими словами, несомненно в значительной мере объясняет окончательное решение провинциальных штатов. За исключением утрехтских штатов, упорно настаивавших на отказе, все остальные штаты после долгих споров — хотя и с протестами — решили принять новые налоги. Впрочем, почти повсюду их согласие было вырвано угрозами. В Лилле губернатор Рассенгин нарисовал ужасную картину несчастий, которые навлечет на них их отказ: «Народ будет тогда плакать..., но может быть никто тогда не станет слушать его; герцог не остановится перед тем, чтобы разграбить дотла один или два города в назида-

[1] *Gachard*, Des anciennes assemblées nationales de la Belgique, t. VI «Revue de Bruxelles», 1839, p. 49.

ние другим[1].» Аналогичные средства были применены во Фландрии и в Генегау. В некоторых местах вотирование было неправильным, как например в Артуа, где вопреки обычаю испрашивалось в отдельности согласие каждого города, или например в Брабанте, где не принят был во внимание отказ «наций» Лувена и Брюсселя.

Таким образом герцог достиг своей цели и удовольствовался на время этим первым успехом. По просьбе штатов он согласился заменить на два года (с 13 августа 1569 г. до 13 августа 1571 г.) налоги в 10 и 5% общей суммой в 2 млн. ежегодно. Однопроцентный налог был зато взыскан и в феврале 1571 дал 3 300 тыс. флоринов[2]. Одушевленные этим успехом, некоторые финансисты предложили правителю взять на откуп новые налоги за 4 млн. флоринов. Но Альба уверял, что они дадут гораздо больше, и за вычетом всех расходов король легко сможет ежегодно откладывать в казну 2 млн. флоринов[3]. Несмотря на единодушное желание народа, требовавшего отсрочки взноса налогов в 10 и 5%, он приказал 31 июля 1571 г. начать взимание его с августа[4]. Но никто не хотел верить, что его решение было окончательным. Нарочитая медлительность финансового совета дала возможность выиграть несколько недель. Но правитель упорно стоял на своем. Он оставался непреклонным, и в сентябре надо было — волей-неволей — выполнить его приказания.

Это привело к ужасной катастрофе. Тяжкий удар, нанесенный испанской налоговой системой, расстроил чувствительный механизм нидерландской торговли и промышленности, так что вся хозяйственная жизнь замерла. Деловая жизнь страны была парализована. Из страха перед «alcabalas» купцы эмигрировали точно так же, как это сделали до того мятежники из страха перед советом по делам о беспорядках. В Антверпене экспортеры аннулируют все сделки, заключенные ими с фабричными центрами. Город пустеет; население его «тает, как снег на солнце». Дома, сдававшиеся раньше за 300 флоринов, теперь сдаются не более чем за 50,

---

[1] *Gachard*, Des anciennes assemblées nationales de la Belgique, t. VI, «Revue de Bruxelles», 1839, t. VI, p. 51.

[2] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. II, p. 170.

[3] Ibid., p. 46.

[4] См. соответствующие распоряжения в «Placcaeten van Brabant», Bd. III, S. 304 u. 313. 10% налог был снижен для экспортных товаров. Зато он беспощадно взыскивался со всех без исключения предметов потребления и должен был быть поэтому чрезвычайно обременительным для неимущих. Морильон сообщает (*Piot*, Correspondance de Granvelle, t. IV, p. 91), что многие предприниматели воспользовались народной нуждой, чтобы снизить заработную плату на 1/3.

и доходы фиска с налога на рыночные места падают с 80 тыс. флоринов до 14 тыс.[1]. На каналах можно видеть вереницы судов, стоящих без движения перед шлюзами[2]. Всеобщая безработица царит в промышленных округах Турнэ и Лилля. В Голландии свирепствует удручающая нужда среди рыбаков; и многие из них, умирая с голоду за неимением работы, уезжают в Англию. Деревни, в которых раньше нельзя было встретить ни одного нищего, теперь наводнены сотнями их. Повсюду встречаются «прилично одетые» бедняки, просящие милостыню[3]. Торговля была парализована настолько, что когда герцог Альба захотел обновить ливреи для своих слуг, он не мог найти достаточно синего сукна в Брюсселе и Антверпене, между тем как раньше один купец мог бы доставить ему все необходимое[4].

Но все это имело не только удручающий вид. Гнев населения придавал этому угрожающий характер. Налог встречал немое сопротивление неимущих, которых он обрекал на голодную смерть. Не слышно было никаких криков, не происходило никаких беспорядков, но чувствовалось непоколебимое решение не уступать ни в коем случае. В Брюсселе, в Антверпене, в Мехельне розничные магазины упорно оставались закрытыми. Имущества, продаваемые с молотка за отказ платить 10% налог, не находили покупателей. Предпочитали лучше не пить пива, чем подчиниться ненавистному налогу. И по мере того как росла нужда, в сердцах усиливалось недоверие, а затем и ненависть к властям предержащим, которые во имя послушания испанцу мучили своих соотечественников. «Это ужасно — быть в настоящее время на службе, когда приказы его светлости так строги, а население так решительно отказывается выполнять их»[5]. Счастливы, восклицает Мориольон, «все те, кого уж нет в живых: они могут не видеть, как нужда стучится в двери!»[6] Не доверяли не только штатам, чиновникам и дворянам, но особенно подозрительно настроены были по отношению к духовенству. Народ не знал, что епископы умоляли правителя уступить. Не считались с тем, что отдельные иезуиты то там, то здесь, выступали с проповедями против 10% налога[7], что отдельные священники отказывали сборщикам налогов в отпуще-

---

[1] *Piot*, Correspondance de Granvelle, t. IV, p. 126.
[2] Ibid., p. 149.
[3] Ibid., p. 100.
[4] Ibid., p. 305.
[5] Ibid., p. 93.
[6] Ibid., p. 97.
[7] Ibid., p. 155, 157.

нии грехов [1]. Католицизм Альбы в глазах многих людей компрометировал всю католическую церковь, и во многих районах, а в особенности в Голландии, кальвинисты пользовались этим для своей активной тайной пропаганды [2].

Но герцог ни о чем не хотел слышать. Перед лицом вызванной им катастрофы он и не думал исправлять свою ошибку и «сгорал от гнева» [3]. Напрасны были благоразумные советы испанского посла в Париже дона Франсеса д'Алава, напрасны были серьезные предостережения ипрского епископа. Альба приписывал (или делал вид, что приписывал) все беды злой воле финансового совета, который он обвинял в интригах против него. К тому же приказы короля были вполне определенны, и спешно нужны были новые денежные средства. Филипп II писал, что он не может больше посылать столько денег, как раньше, и что надо взимать новые налоги [4].

Между тем народ все еще не потерял веры в своего «законного государя». Король, думал он, несомненно плохо осведомлен: он не сможет не внять мольбам своих подданных. Шаги, предпринятые в Мадриде, должны будут разъяснить ему положение. В 1572 г. к нему были направлены несколько представителей из штатов Генегау, затем из Лилля, Дуэ и Орши; их примеру последовали вслед затем также штаты Брабанта и Фландрии. Они не знали, что Альба предупредил их уже 11 марта, предложив королю встретить их приказом о необходимости платить налог, «ибо, — писал он, — такого случая больше не представится» [5].

Они находились еще в дороге, когда в Брюсселе получилась неожиданная новость: 1 апреля 1572 г. морские гёзы захватили маленький портовый городок Бриль.

III

То, чем была в XIV в. резня солдат Шатильона в Брюгге в борьбе между Францией и Фландрией, то же самое означал теперь смелый захват Бриля, явившийся сигналом к восстанию Нидерландов против Испании. Оба эти события разыгрались неожиданно, без всяких приготовлений, как реакция на слишком тяжелый чужеземный гнет. Далее, — оба они были делом изгнанников, наконец, оба они выдвинули на сцену политических вождей, которые стали во главе доведен-

[1] *Van Campene*, Dagboek, p. 391; *Piot*, Correspondance de Granvelle, t. IV, p. 99.
[2] *Piot*, Correspondance de Granvelle, t. IV, p. 149.
[3] Ibid, p. 99.
[4] Ibid, p. 594.
[5] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. II, p. 231.

ного до отчаяния народа. Подобно тому как заутреня в Брюгге в 1302 г. открыла ворота Фландрии для Иоанна Намюрского и Вильгельма Юлихского [1], точно так же захват Бриля в 1572 г. открыл Голландию для Вильгельма Оранского.

Он давно уже ждал такого случая. После поражения в 1568 г., заставившего его бежать во Францию разбитым и почти смешным, все считали, что дело его проиграно. Кредит его пошатнулся. В феврале 1569 г. он вынужден был ночью бежать из Страсбурга, чтобы скрыться от возмущения своих рейтаров, бурно требовавших уплаты жалованья [2]. Гранвелла презрительно высказывал сожаление по поводу судьбы «бедного принца, который погиб безвозвратно из-за своего желания последовать советам некоторых болтунов, убедивших его жениться на одной из немецких княжен» [3].

Но, несмотря на свою проницательность, Гранвелла не догадывался о неукротимой энергии, настойчивости и политическом таланте противника, которого он слишком поспешно счел выбывшим из строя. Вильгельм очень быстро опять пришел в себя и был далек от того, чтобы отчаиваться в будущем. Наоборот, он носился с новыми планами как раз в тот момент, когда его враги считали его глубоко подавленным. Во Франции он вступил в контакт с вождями протестантской партии: Колиньи, Кондэ, Жанной д'Альбре. Он восхищался их энергией и той настойчивостью при неудачах, которые, несмотря на поражение при Жарнаке и несмотря на смерть Кондэ, в конце концов привели их к Сен-Жерменскому миру и к свободе совести (8 августа 1570 г.).

Кальвинизм, разбитый в Нидерландах, снова поднял голову во Франции. Колиньи настаивал перед Карлом IX на возобновлении борьбы против испанского дома, пытался сблизить его с Англией и призывал его к завоеванию Фландрии. Людовик Нассауский, прибывший во Францию с армией, которую Вольфганг Баварский привел для Колиньи, и расположившийся в центре гугенотства, в Ла Рошели, весь свой пыл отдал на службу этой протестантской политике. Этот ревностный кальвинист был прежде всего человеком религиозных войн. Его ненависть к «папизму» и к испанскому господству не умерялась никакими национальными соображениями. Чтобы побудить Карла IX к действию, он не поколебался предложить ему раздел Нидерландов между Фран-

[1] «Histoire de Belgique», t. I, 3-ème éd., p. 409.

[2] *A. Holländer*, Wilhelm von Oranien und die Stadt Strassburg in den Jahren 1568—1569, «Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins», Bd. XXI, 1905.

[3] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. II, p. 75.

цией, Германией и Англией и заронил в нем надежду на получение римской королевской короны.

При этих обстоятельствах у принца Оранского зародился новый план, принявший с течением времени более ясные очертания. Обманувшись в своих надеждах на Германию, он решил отныне связать свое дело с делом французских протестантов. С его помощью гёзы объединятся с гугенотами, и французское влияние вступит в Нидерландах в борьбу с испанским влиянием. Правда, Вильгельм был лютеранином, но религиозные расхождения ничего не значили в глазах этого главным образом политического гения. У него тем меньше было оснований колебаться протянуть руку французским кальвинистам, что реформация в Нидерландах носила преимущественно кальвинистский характер, и религиозное единство должно было поэтому удвоить силу задуманного им союза. Снова удалившись в Дилленбург, Вильгельм наблюдал за ходом событий, переписывался с Колиньи и Людовиком Нассауским и, подготовляя в согласии с ним план решительной кампании, в то же время внимательно наблюдал и поощрял начинания морских гёзов.

Морские гёзы, набранные, как и лесные гёзы, из среды изгнанников, мятежников и подозрительных лиц, и числившие, подобно им, в своих рядах также бандитов и искателей приключений, со времени прибытия герцога Альбы владели морем и тревожили своими пиратскими набегами нидерландскую торговлю [1]. Уже в июле 1568 г. Людовик Нассауский от имени своего брата раздавал им каперские свидетельства. Но особенно серьезную опасность стали представлять гёзы со времени кризиса, вызванного новыми налогами. К ним присоединилась огромная масса умиравших с голоду моряков из Голландии и Зеландии, а также значительное число безработных валлонских рабочих [2]. Гугеноты из Ла Рошели, а также преследуемые за свои верования льежцы еще более увеличили численность их рядов. Их суда постоянно крейсировали в открытом море перед гаванями, у устья Зюйдерзее, у входа в узкие морские проливы, через которые должны были проходить купеческие суда. Своими захватами кораблей и паникой, которую они сеяли, им удалось в конец расстроить морские сношения. Тех из них, кого удавалось поймать, тут же вешали, но они были в свою очередь столь же безжалостны. Если они высаживались на берег, то убивали священников небольших, зарывшихся в дюнах деревень и в на-

[1] *B. Hagedorn*, Ostfrieslands Handel und Schiffahrt in XVI Jahrhundert, Berlin 1910, S. 222 ff.

[2] *Piot*, Correspondance de Granvelle, t. IV, p. 213, 217, 249.

смешку вывешивали на верхушках своих мачт хоругви разгромленных ими церквей. Впрочем, у этих морских разбойников был свой определенный строй. Дворяне-кальвинисты, разоренные конфискациями или приговоренные советом по делам о беспорядках к смертной казни, озлобление и фанатизм которых дошли до последнего предела, состояли капитанами на их судах. Один бедный дворянин из Артуа, Адриен де Берг, под именем Долена в качестве адмирала командовал всеми их кораблями. Располагая очень незначительным числом судов, губернатор Голландии граф де Бусси тщетно пытался бороться с ними. Он не мог помешать им приводить постоянно то в Эмден, то в английские порты захваченные ими суда, добыча с которых должна была увеличить военные ресурсы, накоплявшиеся принцем Оранским.

Между тем герцог Альба не придавал большого значения этим морским разбойникам. С 1571 г. его внимание было занято главным образом Францией, ибо он был хорошо осведомлен об интригах Колиньи и Вильгельма, а также и Людовика Нассауского. Его беспокоили вооружения, совершавшиеся открыто с согласия французского двора, вопреки протестам Филиппа II и Альбы, переданным в Париже испанским послом. Что касается гёзов, то он надеялся, что достаточно будет переговоров с Елизаветой, чтобы парализовать их, лишив их помощи, которую они получали из Англии. И действительно, 1 марта 1572 г. им было приказано покинуть английские порты. Через несколько дней (25 марта) герцог узнал, что один из наиболее опасных их вождей, Вильгельм де ла Марк, родом из Льежа, сир де Люмэ, собирался напасть на остров Ворне в устье Мааса; но герцога не очень встревожило это известие.

В ночь с 31 марта на 1 апреля 1572 г. флотилия де Люмэ появилась у Бриля. В этом маленьком городке не было своего гарнизона, а рыбаки его были в открытом море. Гёзы высадились. Их было пожалуй всего лишь 600 чел.; из них 300 валлонов и гасконцев, вооруженных аркебузами, остальные были «ничего не стоивший сброд отовсюду»[1]. Им вскоре удалось поджечь одни из ворот городка и проникнуть в него.

При этом известии соседние города один за другим подняли восстание. Нищета и ненависть довели население до крайности, и ему приходилось теперь выбирать между Альбой и Люмэ. Голод повелительно диктовал ему выбор. Кальвинисты тотчас же сбросили маски. Как и в 1566 г., они, не взирая на опасность, бесстрашно стали во главе движения и увлекли за собой растерявшееся большинство католиков.

---

[1] *Piot*, Correspondance de Granvelle, t. IV, p. 603.

6 апреля вспыхнуло восстание во Флиссингене, 8-го — в Роттердаме, 10-го — в Схидаме и Гоуде. Масса нуждающихся из внутренних областей поспешила присоединиться к восставшим. 13 апреля Морильон к ужасу своему узнал, что «из Боргерхоута, предместья Антверпена, бежали сразу (по направлению к Брилю) свыше 170 чел., прибывших сюда из Турнэ и Валансьена из-за отсутствия там работы. Они ринулись туда в поисках приключений, так что есть все основания так же опасаться наших собственных людей, как и врагов»[1]. Гёзы собрали теперь вокруг себя безработных и протестантов. Повсюду, где они появлялись, воцарялись религиозный фанатизм и жестокость доведенного до отчаяния плебса. История их богата примерами как героизма, так и отвратительной жестокости. Еретики мстили церкви за испанскую тиранию. Они не только запрещали совершение католического богослужения, но преследовали священников и замучивали их бесчеловечными пытками. Ужасная резня монахов в Горкуме (9 июля) свидетельствует — как и сентябрьские убийства во время французской революции, — до какой кровожадности могут дойти люди под давлением слишком долго сдерживаемой ненависти, которая наконец прорывается[2].

Перед лицом катастрофы, которой он не предвидел, Альба оказался совершенно безоружным. Не имея войск, граф де Бусси не мог ни взять обратно Бриля, ни удержать в покорности соседние города. Во Флиссингене населению удалось прогнать пушечной пальбой испанский отряд, при этом был убит инженер Эрнандо Пачеко (Pacheco), руководивший сооружением тамошней цитадели. Офицеры, давно уже находившиеся в связи с тайными эмиссарами принца Оранского, придали населению военную организацию. Люмэ послал туда вспомогательные войска под начальством сира де Трелонга, отец которого был обезглавлен в Брюсселе в 1568 г. Другие подкрепления прибывали из Англии или присылались из Франции Людовиком Нассауским. С лихорадочной энергией шло укрепление крепостей, а окрестности затапливали, прорывая плотины, так что через несколько дней место становилось совершенно неприступными. Бриль был всего лишь плохо укрепленным городком, но Флиссинген, господствующий над Шельдой, являлся ключом к Антверпену. Благодаря ему гёзы приобрели в Нидерландах такой же прочный оплот, как и гугеноты в Ла Рошели, откуда никто отныне не был в состоянии их вытеснить.

Если быстрота развертывающихся событий поразила гер-

[1] *Piot*, Correspondance de Granvelle, t. IV, p. 174.
[2] *H. Meuffels*, Les Martyrs de Gorcum, Paris 1908.

цога Альбу, то она не менее удивила принца Оранского. Более того, она испугала его. Он боялся, что поспешность де Люмэ может сорвать общий план наступления, разработанный им вместе с французскими протестантами. Он не скрывал своего гнева и не знал, на чем остановиться. Но его окружение заставило его действовать и быстро положило конец его колебаниям. Везембек спешно составил манифест и опубликовал его, не показав ему [1]. Принц назывался в этом манифесте штатгальтером (stadhouder) его величества в Голландии, Зеландии, Фрисландии и Утрехте и смело призывал всех к сопротивлению.

15 апреля дон Фадрик, сын герцога Альбы, «говорил еще о событиях в Зеландии и Голландии, смеясь, и так, как будто это не имело никакого значения» [2]. Но в мае — после побед гёзов, после потери Флиссингена и манифеста принца Оранского — выяснилась вся серьезность положения. Герцог с яростью убеждался в том, что факты опровергали всю его прежнюю самоуверенность. Повсюду вокруг себя он видел, с каким удовлетворением население встречало плохие известия. Он вынужден был пойти на тяжкое унижение — прекратить взимание 10% налога, и эта жертва была для него тем тяжелее, что его казна доведена была до полного истощения. Он не решался ни двинуть куда-нибудь испанскую пехоту, которой он должен был еще часть жалованья, ни собрать ее «из страха перед каким-нибудь неповиновением» [3]. Он писал королю, что ему плохо помогали «из-за ненависти к нему», и умолял его ускорить прибытие герцога Медина Чели, которого Филипп II по его просьбе уже несколько времени назад назначил его преемником.

Однако все еще может устроиться, думал он, «если только соседние государи не вмешаются». Но они вмешались. План, намеченный принцем Оранским и его французскими союзниками, наконец приведен был в исполнение. Через два часа Альба узнал, что 23 мая отряд гугенотов под командованием Ла Ну захватил Валансьен и что 24-го Людовик Нассауский со своими войсками ворвался в Монс. Перед лицом этой новой опасности, угрожавшей Нидерландам французским нашествием, пришлось оставить север и немедленно обратиться на юг с тем, чтобы опять заняться гёзами, когда французы будут отбиты. За исключением тех гарнизонов, которые абсолютно необходимо было оставить в городах, гер-

---

[1] *Kervyn de Lettenhove*, Documents inédits relatifs à l'histoire du XVI siècle, Bruxelles 1883, p. 166.

[2] *Piot*, Correspondance de Granvelle, t. IV, p. 180.

[3] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. II, p. 246.

цог двинул теперь всю армию по направлению к Генегау. Опасность снова вернула ему энергию. Он устремился туда, где угрожала наибольшая опасность, предоставив восстанию распространяться в тылу его, в Голландии и Зеландии. 10 июня Энкгейзен перешел на сторону принца Оранского, за ним последовали Дордрехт и Горкум (25 и 26 июня), Толен, Алькмар, Гарлем и весь Ватерланд, который за исключением Амстердама и Схонговена, был потерял для испанцев. 21 июля восстали Роттердам и Гуз, а 7-го — Зирикзее. Приморские города «похожи на четки: если упадет один шарик, то за ним чередой падают все остальные» [1]. В Зеландии только один Миддельбург, героически защищавшийся сначала Бовуаром и Вакеном, а затем Мондрагоном, остался верным королю. На востоке берега Фрисландии подвергались нападениям гёзов, а граф ван ден Берг, шурин принца Оранского, вторгся в Гельдерн.

Между тем Альба, навербовав в Германии 14 тыс. рейтаров, 3 верхнегерманских и 3 нижнегерманских полка, не ожидая их прибытия, смело двинулся на французов. Гугеноты были изгнаны из Валансьена. 1 июля подкрепления, которые вел им Жанлис, были разбиты около Сен-Гислена ден Фадриком, в то время как сам герцог осадил в Монсе войска Людовика Нассауского.

Но теперь двинулся и принц Оранский. Предоставив гёзам развивать свои успехи, он направился на помощь своему брату. Хотя армия его была немногочисленна, но он рассчитывал на вмешательство Колиньи и надеялся кроме того, что города, через которые он должен будет проходить, перейдут на его сторону. И пожалуй они бы сделали это несколько недель назад. Но кальвинистский фанатизм гёзов возмутил католиков и сделал принца подозрительным в глазах подавляющего большинства населения. Правда, дело не доходило до того, чтобы ему оказывали сопротивление. Скорее в отношении его соблюдался нейтралитет. Некоторые города, как например Рурмонд, Герентальс, Дист, Мехельн, Термонд, по его требованию или под влиянием агитации его сторонников не решались отказаться пропустить его. Только Лувен и Брюссель закрыли перед ним ворота, и население нигде не поднимало восстаний. Впрочем, повсюду, где проходил принц Оранский, его солдаты, несмотря на его категорические приказы, подвергали поруганию церкви и издевались над священниками. Не решаясь по своему обыкновению ни на какой риск, он продвигался вперед слишком медленно,

[1] *Piot*, Correspondance de Granvelle, t. IV, p. 281.

ожидая все время подкреплений, которые должны были прибыть к нему из Франции.

Вместо этого он неожиданно получил известие (24 августа) о Варфоломеевской ночи. В мгновение ока положение изменилось. Избиение гугенотов и смерть Колиньи разбили все надежды принца и спасли герцога Альбу. После тщетной попытки прорвать блокаду Монса (11—12 сентября) Вильгельм Оранский отступил, покинув город, который капитулировал 21 сентября. Но он не избрал на этот раз опять, как в 1567 г., дорогу на Дилленбург. Он удалился на территорию, занятую гёзами, окончательно решив «отныне сделать своим местопребыванием Голландию и Зеландию и найти здесь свое последнее успокоение».

ГЛАВА ПЯТАЯ

БОРЬБА С МЯТЕЖНИКАМИ ДО ГЕНТСКОГО ПРИМИРЕНИЯ

I

Как только принц Оранский перенес свое местопребывание на север, восстание голландских и зеландских городов перешло в революцию. Испанцы с полным основанием считали Вильгельма Нассауского воплощением и даже душой, восстания против Филиппа II. Со времени его прибытия в Энкгейзен в 1572 г. и до его убийства в 1584 г. он весь отдался своему делу и тоже мог с полным правом применить к себе мужественный девиз Марникса: «отдохнешь где-нибудь в другом месте». Будучи заурядным полководцем и отлично зная это, он больше не появится на поле сражения и все свое дарование развернет в политике. В борьбе с неслыханными трудностями, в невероятных перипетиях одной из самых необычных войн, какую только видела Европа, его ум и его характер оказывались на высоте событий. Когда все падали духом, его героическая настойчивость возвращала им мужество. При самых запутанных обстоятельствах его ясный ум умел найти необходимые выходы и решения; он умел с изумительной гибкостью изменять свои методы действий, перейти от одного союзника к другому или завязать сразу несколько интриг и отвечать на хитрость хитростью.

Поставил ли он себе с самого начала определенную цель? На это невозможно дать ответа, и сам он несомненно не мог бы ответить на этот вопрос. В самом начале его оппозиция Филиппу II — это оппозиция крупного вельможи, принца, который отказывается быть только подданным. Она напоминает — только в большем масштабе — борьбу Филиппа Клевского с Максимилианом [1]. Но во второй половине XVI в. политика знати не могла уже больше бороться с абсолютизмом. Ей нужны были союзники, и потому она стала искать себе

[1] «Histoire de Belgique», t. III, p. 50.

опоры в народе. В борьбе с Испанией она выступала в защиту прав Бургундии, в борьбе же с королевской властью она апеллировала к привилегиям и к генеральным штатам. Эта политика, усвоенная Вильгельмом Оранским уже при Маргарите Пармской, приняла более определенный и ясный характер при герцоге Альбе. Чем больше его противник попирал ногами конституцию страны, тем решительнее принц выступал в защиту ее и тем определеннее национальные соображения стали у него брать перевес над соображениями частного характера.

Таков был принц Оранский в то время, когда он бежал в Голландию, и таким он останется надолго. Он видел в Голландии и Зеландии лишь оплот, откуда он сможет продолжать борьбу, в которую он ввязался слишком открыто, для того чтобы теперь можно было отступить. Но он не отождествлял своего дела с их делом. Он видел за их пределами более широкий горизонт. Поддерживая и руководя их сопротивлением, он оставался вождем Нидерландов в целом в их борьбе против Испании. Его политика — это политика единства (généralité); она объединяла в его планах в одно целое все 17 провинций и в этом смысле примыкала непосредственно к бургундской традиции. Как сын Карла V и наследник Филиппа Доброго, Филипп II оставался в глазах принца Оранского законным государем. Различие, проводившееся им между королем, которого он признавал, и его правительством, с которым он боролся, не было изворотливым софизмом нерешительного революционера. Разумеется, в 1572 г. он удовольствовался бы таким положением, при котором Нидерланды были бы связаны с австрийским домом лишь простой личной унией и пользовались бы во внутренних делах полной автономией.

Но с течением времени и под влиянием хода событий он дошел до того, что стал добиваться свержения власти Филиппа II в Нидерландах. Вначале он несомненно искренне считал, что стоит на законной почве. Разве тирания герцога Альбы не оправдывала полностью включенное в «Joyeuse-Entrée» право на восстание? Вооруженное сопротивление деспотизму правителя не было несовместимо с признанием верховной власти короля, и это была чистейшая правда, когда «Willelmuslied» вкладывал в уста принца Оранского следующие слова:

«Den Köning van Ispanien
Heb ik aetijd geert» [1].

[1] «Испанского короля я всегда почитал».

Но принц Оранский не мог ограничиться чисто политической ролью. Северные гёзы, создавшие ему положение, которое он отныне должен был занимать, были большей частью ревностными кальвинистами. Без их помощи он ничего не в состоянии был сделать. Его дело полностью зависело от них, как же в таком случае мог он сопротивляться их требованиям? Разумеется, ему стоили огромных усилий уступки, на которые он вынужден был пойти для них, и тот строго религиозный характер, который он должен был ради них придавать своему поведению.

Действительно, в разгар религиозных страстей он оставался верен эразмовскому принципу веротерпимости. Этот лютеранин был скорее по существу своему запоздалым гуманистом. Он осуждал сектантскую нетерпимость гёзов, протестантских священников, кальвинистских изгнанников, находившихся в его окружении. В нем не было ничего от страстной веры его брата Людовика. Повидимому политические соображения, а не внутренние побуждения заставили его открыто признать себя в октябре 1573 г. кальвинистом. Тем не менее и после этого свобода вероисповедания оставалась его идеалом. Он был верен этому принципу не только по личному убеждению, но считал его единственной гарантией успеха своей объединительной политики. Это был в его глазах единственный шанс вовлечь в общее движение реформатов и католиков всех 17 провинций. Он до самого конца не переставал питать эту надежду, осуществлению которой должна была помешать религиозная нетерпимость. Он не понял, что в его время религиозный вопрос стоял выше национального, и потому его усилия неизбежно обречены были на неудачу.

В момент его прибытия в Голландию дело восставших казалось безнадежным. От Франции нечего было ждать после Варфоломеевской ночи, нечего было также ждать и от Германии, после того как Максимилиан II помирился с испанским королем, женившимся на Анне Австрийской. Более расположена была Елизавета Английская, но она была слишком осторожна, чтобы скомпрометировать себя слишком решительной поддержкой восстания. Но самые успехи католицизма укрепили обороноспособность Голландии и Зеландии. Варфоломеевская ночь заставила множество готовых на все гугенотов устремиться в этот край, где протестантизму предстояло подвергнуться грозному нападению. Из Германии и Англии фламандские и валлонские изгнанники — и как раз самая боевая их часть — стекались сюда, чтобы принять участие в борьбе. Все, даже уверенность в том, что нечего рассчитывать ни на какое снисхождение, еще более воспламеняла их боевой дух.

МЕДАЛЬ ГЁЗОВ

На медали девиз: «Верны королю вплоть до сумы»

Кроме того отнюдь не было недостатка в денежных средствах. В портовых городах оживилось судоходство, а морские пираты доставляли в избытке призы. Флиссингенские моряки напали недавно на корабли, сопровождавшие герцога Медина Чели, и захватили некоторые из них вместе с находившимися на них денежными суммами. Почти в то же время в их руки попал в устье Шельды флот с богатым грузом, направлявшийся из Лиссабона в Антверпен.

Затем хаос первых дней очень скоро улегся. Уже 15 июля собрались генеральные штаты Голландии и после торжественной речи Марникса объявили принца Оранского штатгальтером (stadhouder). В городах население, поднявшее знамя восстания в пользу гёзов и уволившее или изгнавшее католических чиновников, вскоре успокоилось после своей победы. Муниципальная система осталась без изменений. Состоятельная буржуазия снова взяла власть в свои руки. Единственная перемена заключалась в том, что городские советы (vroedschappen) состояли теперь из протестантов. Наконец, по мере укрепления нового строя были найдены постоянные источники доходов. Уже одна конфискация церковных имуществ дала обильные денежные средства. Другая часть средств была получена путем повышения ценности денег, увеличения косвенных налогов, обложения ряда предметов потребления. С городов потребовали взносов для участия в покрытии государственных нужд, и некоторые из них из энтузиазма добровольно удваивали свою долю. Введение «лицен-

зий» (licentes), т. е. налогов на ввоз и вывоз товаров, явилось новым источником доходов. Действительно, имея в своих руках одновременно устья Шельды, Мааса и Рейна, восставшие распоряжались всей внешней торговлей Нидерландов. Торговля, направлявшаяся раньше к Антверпену, теперь стала тяготеть к их портам. Они могли свободно обойтись без других провинций, но последние не могли обходиться без них. Война дала сильнейший толчок развитию голландского и зеландского судоходства, очень оживленного уже в середине XVI в. Под грохот осадных орудий экономическое преобладание перешло к приморским провинциям, и — как это было с Англией во время ее борьбы с Наполеоном — постоянный рост их богатств дал им возможность справиться без ущерба с огромными расходами.

Еще до своего прибытия на север принц Оранский заявил, что он будет управлять лишь в согласии с генеральными штатами Голландии, и, само собою разумеется, он не мог поступить иначе. Но это обещание, которое должно было лишний раз подчеркнуть для всех разницу между его политикой и политикой герцога Альбы, в то же время поставило его перед серьезными затруднениями. Он отнюдь не желал, как мы уже указывали, жертвовать своими планами на будущее ради особых интересов одной только территории. Его целью оставалось освобождение Нидерландов в целом. Он находился, в основном, в том же положении к голландским штатам, в каком некогда были бургундские герцоги по отношению к штатам своих различных провинций. Его политика единства (généralité) и их политика партикуляризма должны были во многих случаях притти в столкновение. И эти конфликты были тем более неизбежны, что он не мог, как это сделал бы законный государь, потребовать повиновения, основываясь на своем «законном праве». В первое время ему нужны были изумительная гибкость, необычайное терпение и исключительная ловкость, чтобы сохранить недостаточно определенный авторитет революционного штатгальтера. Лишь с течением времени он сумел добиться безоговорочного признания, сделавшись совершенно необходимым. В октябре 1574 г. ему достаточно было заявить штатам о своем желании подать в отставку, чтобы они стали умолять его остаться на посту правителя. А 20 июля 1575 г. он добился, наконец, объявления себя «главой и повелителем в отношении всего, что касалось охраны и защиты страны». Созданный в помощь ему «земский совет» (Landraad) освободил его кроме того до некоторой степени от постоянного контроля штатов.

К тому же неполнота его власти компенсировалась его популярностью, и он ревниво оберегал ее. Он старался выка-

зывать добродушие и непринужденность, снискавшие ему симпатии тех городских патрициев, которые пользовались преобладающим влиянием во всей Голландии, без которых он ничего не в состоянии был бы сделать. «Он умеет с ними разговаривать, поддерживать беседу, выпить с ними и разговором склонить их к тому, чего он хочет» [1]. Он приглашал разных людей к своему столу, где рассаживались без соблюдения рангов. Несмотря на то, что он разговаривал со своим окружением исключительно по-французски, он при общении с народом пользовался только национальным языком. Он старался оказывать внимание даже самым бедным слоям населения. Нередко он останавливал на улице простых ремесленников и заговаривал с ними [2]. Благодаря этому он вскоре стал идолом широких масс населения, и их любовь стала самой серьезной опорой его влияния. Даже католики и роялисты восхищались его гуманностью. Перед сдачей Миддельбурга в 1574 г. ожидали, что он прикажет вырезать испанский гарнизон или по крайней мере велит казнить командира его, старого полковника Мондрагона. Но, взяв город, он всех поразил своей мягкостью. Мондрагон «распространялся обо всем этом с величайшей похвалой» [3]. «В том же году, захватив замок одной владетельной особы, некой Вреденбург, он отпустил ее вместе с ее дочерьми на свободу, заявив, что он «ведет войну не с дамами, а с испанцами и их пособниками» [4]. Он требовал от солдат строжайшей дисциплины, приказывал вешать офицеров-грабителей, и при образцовом порядке, царившем среди его войск, еще более бросались в глаза непорядки в королевской армии.

Он сумел заблаговременно удалить из своего окружения фанатиков вроде Датена или кровожадных вояк вроде Люмэ. Его ближайшие помощники представляли избранную группу людей, отличавшихся ясным умом, прекрасным уменьем вести дела и полемическим талантом. В 1574 г. Рекезенс вынужден был признать, что лучшие умы страны были на стороне принца Оранского. Морильон же с своей стороны заявил, что «он (принц Оранский) слишком тонок для нашей лавочки» [5].

Его доверенные люди были иностранцами для Голландии, и на это не переставали жаловаться. Это были либо брабантцы вроде Марникса или Юниуса, либо французы вроде Луазелера и Виллье, а впоследствии Ла Ну, Дюплесси-Морнэ, Дю-

[1] *Groën van Prinsterer*, Archives de la maison d'Orange, t. VII, p. 98.
[2] *M. Brosch*, Don Juan d'Austria in den Niederlanden, «Mittheilungen des Instituts für Oesterreichische Geschichtsforschung», Bd. XXI, 1900, S. 470.
[3] *Piot*, Correspondance de Granvelle, t. V, p. 47.
[4] Ibid., p. 80.
[5] Ibid., p. 146.

жона и Ланге. Впрочем, все они были кальвинисты. Изгнанные из Нидерландов герцогом Альбой или из Франции ужасами Варфоломеевской ночи, они работали на севере над созданием того протестантского государства, которое стало неосуществимым у них на родине. Благодаря их вмешательству борьба между Испанией и Голландией приняла характер борьбы между двумя диаметрально противоположными политико-религиозными концепциями: монархическим абсолютизмом и государственной религией, с одной стороны, и республикой и свободой совести — с другой.

II

Перестав опасаться Франции после Варфоломеевской ночи и взятия Монса, герцог Альба мог теперь направить все свои войска на подавление восставших на севере. Несмотря на позднее время года, он решил действовать немедленно. Его армия, достигшая теперь цифры в 40 тыс. чел., давала ему возможность нанести решительный удар. Ему нужны были короткая кампания, молниеносные успехи и самая суровая расправа с восставшими. Действительно, он не смотрел, да и не мог смотреть на них, как на равноправную воюющую сторону. Они были для него изменниками, недостойными никакого снисхождения, поставившими себя вне всяких военных законов. Больше чем когда-либо он рассчитывал теперь на террор, который один только способен отвратить народ от новых попыток к восстанию.

2 октября 1572 г. его войска вступили в Мехельн. Все подозрительные люди бежали; остались одни лишь католики. Но это неважно: город открыл свои ворота принцу Оранскому, поэтому он должен был поплатиться теперь за свое преступление. Кроме того это был великолепный случай удовлетворить испанцев, которые давно уже ждали разрешения разграбить какой-нибудь город, «чтобы напугать другие». А когда им указывали, что «это не принесет любви их народу», то они спрашивали: «а зачем нам быть любимыми?» Настал момент доставить им удовольствие, и герцог отдал им на 3 дня на разграбление Мехельн. «Это был самый жестокий и бесчеловечный погром, какой только знало наше время». Не пощадили даже церквей и монастырей. На многих улицах ходили по колено «в перьях из перин, распоротых, чтобы спрятать в них добычу... Когда солдаты ушли, найдено было свыше 100 трупов, спрятанных под вязанками хвороста и в других укромных местах; эти люди умерли от пыток» [1], которым их подвергали.

[1] *Piot*, Correspondance de Granvelle, t. IV, p. 456, 457.

Из Мехельна армия направилась в Гельдерн. Альба устроил свою ставку в Нимвегене и поручил руководство военными операциями своему сыну дону Фадрику. 12 ноября он появился под стенами Зютфена. После четырехдневного артиллерийского обстрела крепостные валы были взяты штурмом. Герцог приказал «не оставить в живых ни одного человека и даже поджечь некоторые части города, так как он помнил, что благодаря пожару Дюрена император (Карл V) завоевал в течение одного дня весь Гельдерн» [1]. Его приказ был выполнен в точности. Гарнизон и значительная часть городского населения были беспощадно перебиты. Солдаты, подражая свирепости Люмэ, хотели отомстить за пытки монахов из Горкума. Многие из гёзов и гугенотов, находившихся среди защитников этого пункта, были повешены за ноги.

Альба с самого начала мог поздравить себя со своей тактикой. При известии о расправе в Зютфене граф ван ден Берг эвакуировал Гельдерн, а граф Шаумбург, другой шурин принца Оранского, отступил из Фрисландии в Германию. Ряд небольших гельдернских городов — Зволле, Кампен, Гардервик, Гаттем, Амерсфорт — сдались без боя. Но главные силы восставших сосредоточены были в Голландии. В этом тотчас же убедились, как только подошли к границе этой страны. Нарден, «которого никто не захотел бы защищать, настолько он был слаб» [2], встретил дон Фадрика пушечным огнем. Поэтому можно было «с соизволения господня» воздать жителям его заслуженное ими наказание. Ни один из них не остался в живых, сам же городок был предан сожжению. Вслед за этим войска направились по обледенелым полям к Амстердаму, остававшемуся все время верным королю, а отсюда к Гарлему. Против всякого ожидания он оказался готовым к защите.

На этот раз войска Альбы находились перед довольно значительным пунктом, и надо было приступить к правильной осаде среди зимы, с армией, утомленной и значительно сократившейся, так как в тылу пришлось оставить отряды для охраны коммуникационных линий. Таким образом только что преподанные «уроки» оказались ни к чему. Они только пожалуй сделали сопротивление врага еще более упорным. Для блокады Гарлема, омываемого водами глубокого залива, нужен был бы флот. Но «не нашлось ни одного человека, который захотел бы нести морскую службу: все матросы были заодно с восставшими» [3]. Неблагоприятная погода еще более

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. II, p. 295.
[2] Ibid., t. V, p. 301.
[3] Ibid., p. 306.

осложняла трудности военных операций. Болезни косили солдатскую массу. Еженедельно умирало от 30 до 40 валлонов, потери же испанцев были еще более значительны. Несмотря на все свое мужество, осаждавшие не подвигались ни на шаг вперед. Защитники города вели себя, «как настоящие солдаты», и их инженеры творили «неслыханные вещи... Никогда не видели столь отлично защищенного пункта» [1]. Герцог должен был признаться королю, что «это самая кровавая война, какой давно уже не было» [2], и умолял его прислать ему подкрепления. Очевидно он совершенно растерялся и больше не помышлял уже о Дюрене. «Если бы, — писал он, — это была война против какого-нибудь другого государя, то она давно была бы уже окончена, но рост числа этих изменников — это настоящее чудо». «Особенно, — продолжает он, — сбивает меня с толку, когда я вижу, с каким трудом вы, ваше величество, достаете новые подкрепления и с какой легкостью люди отдают свою жизнь и свое имущество в распоряжение этих мятежников» [3]. Но герцог упорно стоял на своем, и его войска, разгоряченные надеждой на грабеж, дошли до такого ожесточения, что если бы отдан был приказ о снятии осады, они неминуемо взбунтовались бы. Они успешно отбивали все попытки наступления принца Оранского на их позиции. В конце концов голод восторжествовал над героизмом гарнизона, и 12 июля 1573 г. город сдался на милость победителя.

На этот раз Альба захотел показать народу пример королевского милосердия. Поэтому он расстрелял всех французских, валлонских и английских солдат в количестве 2 300, находившихся в городе, но в отношении городского населения ограничился 5 или 6 казнями и контрибуцией в 100 тыс. экю, которые были розданы войскам. После этого акта великодушия он распространил по Голландии прокламацию, обещавшую амнистию всем городам, которые вернутся к повиновению. «При наличии таких сил, — писал он серьезно Филиппу II, — вы можете теперь, ваше величество, проявить милосердие, и за это вам будут благодарны, между тем как, если бы вы сделали это в другое время, это только воодушевило бы восставших, сделав их более требовательными» [4]. Но на манифест герцога никто не откликнулся. Несмотря на смятение, охватившее многих восставших, решимость их вождей и в особенности непреклонная твердость принца Оранского предотвратили переход их на сторону врага. Кроме того нависс-

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. II, p. 307.
[2] Ibid., p. 305.
[3] Ibid., p. 354, 357.
[4] Ibid., p. 393.

шая над ними опасность вскоре исчезла. 29 июля разразился первый из тех бунтов, которые впоследствии так часто парализовали усилия приверженцев короля.

С самого же начала похода Альба, будучи стеснен в денежных средствах, предоставлял своим солдатам возможность вознаграждать себя за невыплаченное жалованье грабежом и мародерством. Вследствие этого дисциплина в его армии резко пошатнулась. После взятия Гарлема старые испанские отряды избрали «электо» (electo) и отказались двигаться дальше, пока им не заплатят жалованья. Когда 12 августа восстановился порядок, вести наступление на Энкгейзен, как это намечалось по предварительному плану, было уже поздно, и пришлось ограничиться осадой Алькмара. В случае сопротивления решено было не оставить в живых ни одной души. Действительно, герцог в этом отношении вернулся к своей обычной тактике. «Так как урок Гарлема не принес никакой пользы, — заявил он, — то, быть может, жестокость произведет на другие города более сильное впечатление» [1]. Тем не менее Алькмар оборонялся и даже так успешно, что дон Фадрик не смог завладеть им до зимних наводнений и 8 октября должен был решиться снять осаду. А через 4 дня флот повстанцев нанес решительное поражение в Зюйдерзее флоту графа де Буссю, причем сам граф попал в плен. В довершение всех несчастий и в Зеландии дела обстояли не лучше. Все более туго затягивалась петля вокруг королевских войск, защищавших Миддельбург. 1 августа они потеряли городскую гавань Раммекенс, а 16-го один французский военачальник завладел от имени принца Оранского Гертрейденбергом.

Покуда Альба оставался победителем, король все время одобрял поведение своего наместника, но когда на герцога, после стольких его уверений в успехах, обрушились тяжкие неудачи, доверие короля было в конце концов поколеблено. Он знал, что Медина Чели открыто осуждал действия своего сотоварища [2]. Нидерландские епископы обращались к нему с почтительными жалобами на произвол правителя. Но особенно пугали его колоссальные расходы, которых требовала война [3]. Известия о поражениях его войск приводили его в

---

[1] Gachard, Correspondance de Philippe II, t. II, p. 402.

[2] Медина был снят со своего поста правителя 28 июля 1573 г.; 6 октября он покинул Нидерланды.

[3] С февраля 1567 г. по февраль 1572 г. из Испании было прислано 8 млн. флоринов. *Piot*, Correspondance de Granvelle, t. IV, p. 595; *Bussemaker*, De afscheiding der waalsche gewesten, Bd. I, Harlem 1895, S. 30. Чтобы составить себе представление о военных расходах, см. «Régistre de Fr. Lixaldius, trésorier général de l'armée espagnole de 1567 à 1576», éd. *F. Rachfahl*, Bruxelles 1902.

сильнейшее раздражение и заставили его сбросить маску бесстрастия. К величайшему изумлению окружающих он швырнул в огонь письма, извещавшие о потерях, понесенных при осаде Гарлема [1]. И вот, никому ничего не говоря, он решил 30 января 1573 г. послать во Фландрию правителя миланского герцогства дон Луи Рекезенса. По своему обыкновению он долго колебался, прежде чем решиться действовать. Несомненно он еще надеялся на какой-нибудь военный успех, который мог бы изменить его планы. Только 15 октября он известил о своем решении герцога Альбу. «Я отлично вижу, — писал он, — что дела зашли в совершенный тупик и надо подумать о том, чтобы исправить их какими угодно средствами, в особенности, когда мы так стеснены в деньгах, что не можем сдвинуться с места. Но все же я никогда не соглашусь на какие-либо меры, несовместимые с нашей святой католической верой и моим королевским авторитетом, даже если бы я должен был потерять из-за этого Нидерланды» [2]. Рекезенс прибыл в Брюссель 17 ноября 1573 г. 29 ноября, в тот самый день, когда герцог Альба 7 лет назад получил приказ отправиться на север, он передал теперь свои полномочия Рекезенсу. 18 декабря он уехал в Испанию...

Миссия Альбы закончилась очень плачевно, и после его отъезда все возлагали на него ответственность за катастрофу, происшедшую во время его правления. Как выразился впоследствии намюрский епископ, «герцог Альба за 7—8 лет причинил религии больше вреда, чем Лютер и Кальвин со всеми их пособниками» [3]. Не подлежит никакому сомнению, что ненависть, как бы нарочно посеянная герцогом в людских душах, вскоре отразилась на короле и на церкви. Он непоправимо повредил делу, которое защищал; благодаря ему королевская власть в нидерландских провинциях стала казаться синонимом самой невыносимой тирании. Между тем причины его неудачи коренились глубже. Испания не могла, если она хотела сохранить за собой Нидерланды, — а она этого хотела, — предоставить им такую независимость, которая остав[illegible] бы за самой Испанией лишь тягостную обязанность защ[illegible]ть их от врагов. Поэтому из Нидерландов надо было сдел[illegible]ь составную часть испанской монархии и заставить их с с[illegible] стороны принять участие в защите ее неприкосновенности. Их старые вольности должны были исчезнуть, а денежные средства должны были питать королевскую казну. Фи-

[1] *Gachard*, La Bibliothèque Nationale, t. II, p. 422.
[2] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. II, p. 415.
[3] *Gachard*, Actes des États Généraux, t. I, p. 256.

липп II отлично понимал это. Главной целью миссии герцога Альбы была не расправа с мятежниками, а введение новых налогов. Но именно это-то и вызвало революцию. Покуда шли казни, нарушения привилегий и угнетение народа, до тех пор никто не пошевелился. Но народ тотчас же поднялся, как только стали подрывать самые источники его существования и как только он увидел, что отдан на произвол иностранцам. Судороги этой торгово-промышленной страны ниспровергли режим, который ей хотели навязать. Восстание было вызвано не религиозным вопросом, как это думали впоследствии, а вопросом о 10 и 5% налогах[1]. Династическая политика габсбургского дома, объединившая 77 лет назад Нидерланды и Испанию под одним скипетром, закончилась таким образом полнейшим крахом. С этой точки зрения восстание 1572 г. непосредственно примыкает к тому давнему национально-освободительному движению, в котором со времен Максимилиана сменяли друг друга Филипп Клевский, Бюслейден, Шьевр, противники Гранвеллы из среды знати и представители дворянства, подписавшие «компромисс». Бургундское государство в последний раз поднялось против Испанского государства. Но хотя причины восстания были чисто политические, тем не менее оно заимствовало свое оружие у религии. Кальвинизм тотчас же воспользовался этой возможностью, чтобы опять появиться на сцене и взять на себя руководство движением. Национальное сопротивление в Голландии и Зеландии приняло поэтому характер религиозного сопротивления. Песня о 10% налоге, призывавшая народ к оружию, явилась в действительности песнью во славу протестантизма.

III

Решив отозвать герцога Альбу и заменить его Рекезенсом, Филипп II нисколько не думал о благе Нидерландов. Если он хотел положить конец войне, то просто по причинам финансового характера и по общеполитическим соображениям. Действительно, продолжение войны против восставших должно было совершенно истощить его казну. Но кроме того — и это особенно важно — оно давало повод Англии и Франции, как только они захотят этого, вмешаться в происходившие в Голландии и Зеландии события. Все знали, что Елизавета

[1] Лишь начиная с 1573 г. герцог Альба стал приписывать причины восстания религиозному вопросу, и его побуждения нетрудно понять. Но Рекезенс и Медина Чели считали причиной восстания 10% налог (*Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. II, p. 447, 448; t. III, p. 14). Того же мнения были Гранвелла и его корреспондент Морильон.

смотрела сквозь пальцы на посылку помощи восставшим и что принц Оранский вел подозрительные переговоры с Парижем. В обширной переписке короля нельзя встретить ни слова сострадания к его непокорным, впавшим в ересь подданным. В разгар осады Гарлема он думал лишь о том, как бы соблюсти в глазах иностранных держав престиж, приличествующий его достоинству католического государя. Он боялся, чтобы переговоры герцога Альбы с Елизаветой не скомпрометировали его перед христианским миром и не были плохо истолкованы «бедной шотландской королевой» [1]. Позднее, когда он узнал о сдаче города, он особенно обрадовался тому, что она произошла «как раз в то время, когда французский король трусливо и унизительно уступил своим мятежным подданным так, как будто он сам был осажден ими» [2].

Словом, он изменил свою политику в Нидерландах исключительно в интересах своей испанской политики. Если бы его действительно интересовала судьба нидерландских провинций, он без колебаний уступил бы желаниям своих католических подданных и явился бы сам для восстановления мира. Барон Рассенгин уверял его, что стоило ему только показаться, «чтобы подобно ясному солнышку рассеять туманы, окутавшие нас со всех сторон» [3]. 20 мая 1573 г. богословский факультет Лувенского университета имел мужество обратиться с торжественным призывом к его чувствам как человека и как католика: «Священное писание, — писал он королю, — учит нас, что бог в своем негодовании против несправедливостей, насилий и обманов передает господство из рук одного народа в руки другого. Он не допускает даже здесь, на земле, чтобы безнаказанно угнетали его добрых и верных слуг, чтобы мучили невинных, притесняли бедняков, присваивали себе состояния благотворительных учреждений и грабили тех, кто всецело отдался служению ему, и не дает никому повода для жалоб». Исцелением от всех этих зол, говорилось далее, «был бы личный приезд вашего величества в Бельгию, если только ваша любовь к этой несчастной стране может вам внушить такое решение, либо, если это совершенно невозможно, то назначение правителя, который пользовался бы доверием всего населения» [4]. И нет никаких сомнений в том, что приезд Филиппа в Нидерланды во всяком случае чрезвычайно осложнил бы — если бы не сделал совершенно невозможным — положение восставших. Разве они не заявляли напере-

[1] *Gachard,* Correspondance de Philippe II, t. II, p. 324.
[2] Ibid., p. 397.
[3] «Bulletin de la commission royale d'Histoire», 3-ème série, t. IV, 1863, p. 478.
[4] *Molanus,* Historia Lovanensium, t. I, Bruxelles 1861, p. XVII.

РЕКЕЗЕНС
(старинная гравюра)

бой, что почитают короля и не выносят лишь тирании его наместника? Но ведь для того чтобы Филипп решился перед лицом всей Европы вести переговоры со своими поднявшимися с оружием в руках подданными, надо было, чтобы он действительно питал к ним ту любовь, которую лувенские теологи тщетно пытались пробудить в его сердце, чтобы он еще считал себя их «прирожденным государем» и чтобы король Испании не подавил в нем бесследно наследника бургундских герцогов. Правда, он носился одно время с планом передать Нидерланды кому-нибудь из членов своего дома. В 1572 г. он поручил разузнать, как отнесется германский император к отправке в Брюссель какого-нибудь эрцгерцога. Но это был лишь мимолетный план. Сын императора не был бы достаточно податливым орудием в его руках. В резуль-

тате управление нидерландскими провинциями было опять отдано в руки испанского чиновника. Король не решился вернуться к традиции Карла V. Он отказался от нее, назначив герцога Альбу, и продолжал эту линию назначением Рекезенса.

Последний принадлежал к старинному роду, который дал на протяжении ряда лет испанской короне многих верных слуг и который всецело обязан был ей своим положением. Его отец дон Хуан Сунига-и-Веласко пользовался вниманием Карла V. Он был сначала великим командором Кастилии и членом мадридского государственного совета, а затем в 1535 г. был назначен воспитателем принца Филиппа и в течение ряда лет был его «часами и будильником» [1]. Сделавшись королем, Филипп не забыл сына своего старого наставника. Он сохранил за ним, после смерти последнего, пост великого командора Кастилии, в 1562 г. назначил его послом в Рим, а затем правителем Миланского герцогства. Эти обязанности не помешали Рекезенсу принять участие в 1568 г. в войне с маврами и сопровождать в 1571 г. дон Жуана Австрийского в Лепанто. Впрочем, он был по существу скорее дипломатом чем полководцем. Он всегда отличался слабым здоровьем, а с течением времени стал еще болезненнее. Хотя в момент получения королевского приказа, обязывавшего его отправиться в Нидерланды, ему было всего лишь 46 лет, но он знал, что ему недолго осталось жить, и поэтому тщетно пытался избавиться от бремени, которое он вполне правильно считал для себя непосильным. Трудно решить, что побудило Филиппа доверить ему самый трудный пост во всей монархии. Ревниво оберегая свою власть, он несомненно ценил прежде всего в Рекезенсе «законопослушного человека, который не даст ни на иоту умалить авторитет короля» [2].

Действительно, как ни отличался новый правитель от своего предшественника, но он во всяком случае походил на него своей преданностью короне и своим чисто кастильским складом. Как и Альба, он окружал себя только испанцами; как и тот, он презирал бельгийцев; так же как и Альба, он не понимал их нравов и взглядов и не говорил на их языках — по-фламандски из-за незнания, по-французски намеренно. Он мог бы при большой гибкости и ловкости легко договориться с духовенством благодаря своему пылкому благочестию. Каждую неделю он исповедывался и каждые две недели прича-

---

[1] *A. Morel Fatio*, La vie de don Louis de Requésens, «Bulletin Hispanique 1904—1905», p. 4; ср. *Francisco Barado Font*, D. Luis de Requésens y la politica espanola en los Paises Bajos, Madrid 1906.

[2] *De Ram*, Synodicon Belgicum, t. I, p. 171.

щался. В особенности он был — и в этом сказывался в нем представитель следующего поколения после герцога Альбы — большим покровителем иезуитов, «с которыми он бо́льшую часть времени проводил взаперти» [1]. Но явное его недоверие к нидерландцам сразу сделало его подозрительным. Уже в марте 1574 г. «сложилось мнение, что он будет хуже герцога Альбы» [2], а в августе его возненавидели еще больше, чем Альбу. Ему без стеснения показывали, какую антипатию он внушает, и общее осуждение, которое он чувствовал, еще более усиливало его природную нервность. Он вскоре сделался совершенно неприступным. На него нападали ужасные приступы гнева, во время которых «он бросал в огонь свою шапку и в бешенстве запрещал ее вытаскивать» [3]. Все были убеждены — совершенно неосновательно, — что он собирался следовать примеру своего предшественника. В действительности же он хотел умиротворить страну и покончить с террором. Но он не решался проявить инициативу без согласия короля, а король, по своему обыкновению, колебался, медлил и не мог притти к какому-нибудь определенному решению.

Сначала он предполагал объявить через Рекезенса всеобщую амнистию, но потом, по совету герцога Альбы, изменил свое намерение. В результате новый правитель явился только с проектом амнистии. Но кроме того еще до опубликования его он должен был согласовать его с герцогом, который посоветовал ему «отказаться от всякой мягкости, милосердия и всяких переговоров...» и «прибегнуть к единственному верному средству — оружию» [4]. Хотя великий командор совершенно иначе расценивал положение, но он был не такой человек, чтобы принять решение без одобрения короля. Он умолял его по возможности скорее сообщить ему свою волю. Что касается его лично, — он не скрывал этого, — то он стоял за самую широкую, какую только можно, амнистию. Мало того, он робко намекал на то, что следовало бы ликвидировать совет по делам о беспорядках, отменить 10% налог и дать возможность еретикам либо примириться с церковью, либо покинуть страну, продав свое имущество. Он готов бы даже созвать генеральные штаты и использовать их для переговоров с повстанцами. Наконец, он жаловался, что связан секретными предписаниями, запрещавшими ему «каким бы то ни было образом прощать преступления против религии и обвинения в мятеже» [5]. С течением времени его письма становились все

[1] *Piot*, Correspondance de Granvelle, t. V, p. 220.
[2] Ibid., p. 56; ср. p. 176.
[3] Ibid., p. 396.
[4] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. II, p. 447.
[5] Ibid., p. 450.

более и более настойчивыми. Но из Мадрида не было никакого ответа. В феврале Филипп все еще не решил вопроса об амнистии.

Нет сомнения, что он хотел остановиться на том или другом решении в зависимости от того, какой оборот примут военные действия. Но они были в более плачевном состоянии, чем когда-либо. Долго подготовлявшаяся Юлианом Ромеро попытка прорвать блокаду Миддельбурга с помощью флотилии, экипаж которой состоял из насильственно навербованных матросов, закончилась жалким крахом (29 января 1574 г.). Город, потеряв всякую надежду на помощь, сдался через несколько дней принцу Оранскому после двухлетнего упорного сопротивления (18 февраля).

С этого времени испанский флаг не развевался уже больше нигде в Зеландии. В Голландии осада Лейдена, начатая в конце октября предыдущего года, не подвигалась ни на шаг. Никогда еще положение не было столь серьезным. Неутомимый Людовик Нассауский, получив денежную помощь от французского короля, навербовал в Германии армию, чтобы притти на помощь своему брату. Поэтому Филиппу нужны были новые войска, а между тем государственная казна была совершенно пуста. В кассах не было ни одного реала для покрытия военных расходов, достигавших 600 тыс. экю в месяц, и для уплаты 6 млн. экю недоплаченного войскам жалованья.

Наконец 10 марта король ответил Рекезенсу. Дурные известия заставили его действовать. Он послал Рекезенсу указ о «всеобщей амнистии» и предоставил ему право ликвидировать совет по делам о беспорядках и отменить 10% налог, который можно было бы заменить налогом в 2 млн. флоринов, уплачиваемым в течение 10 лет. Впрочем, он осложнял эти уступки мелкими ухищрениями и маленькими хитростями, от которых он ожидал чудес. Так например имелись 4 различных варианта амнистии, между которыми великий командор должен был произвести выбор. Далее, он должен был опубликовать «книжечку» Гоппера, написанную в оправдание действий, предпринятых с самого начала восстания, «но без упоминания имени автора и таким образом, чтобы никто не знал, что она издается по приказу короля». Кроме того он должен был также изучить, не целесообразно ли было бы создать новый орден. «Было бы большим удовлетворением для коренных нидерландцев объявить уже теперь о создании этого нового ордена точно так, как это сделал Филипп Добрый, создав орден Золотого руна за два года до принятия его статутов». Несколько дней спустя, 31 марта, эти предписания были дополнены неограниченными полномочиями при

переговорах с повстанцами, но «так, чтобы казалось, будто вы действуете по собственному почину, а не по моему поручению» [1].

В тот момент, когда эти письма были получены в Брюсселе, Людовик Нассауский перешел через Рейн и маневрировал на правом берегу Мааса. Его армия состояла из 2 тыс. чел. конницы и 6—7 тыс. чел. пехоты. Санчо д'Авила следил за его передвижениями, решив атаковать его, как только он перейдет через реку. Столкновение произошло 14 апреля в районе торфяных болот Мока, недалеко от Грава. Как всегда в открытом поле, старые испанские части обнаружили чудеса храбрости. Битва была столь же краткой, сколь и кровавой. Людовик нашел себе в ней смерть, достойную его авантюрной карьеры солдата, сражавшегося за веру. Его брат Генрих Нассауский и молодой пфальцграф Христоф остались, как и он, на поле брани.

Но сами победители помешали тому, чтобы их успех принес плоды. Отбросив неприятеля, армия стала думать только о себе и потребовала уплаты жалованья. Полки двинулись на Антверпен, заявив, что платить им должен не король, а города, которые, по их словам, были втайне заодно с восставшими.

Для Рекезенса этот новый бунт был катастрофой. Он только что созвал генеральные штаты, чтобы сообщить им о решениях короля и под свежим еще впечатлением победы при Моке публично объявить о реформах, которых он так давно желал. Поведение солдат опрокинуло все его планы, дискредитировало его правительство и усилило упорство мятежных провинций. Оно еще более разожгло повсюду ту ненависть, которую и без того питали к испанцам. Великий командор должен был выслушивать, как его открыто обвиняли в том, будто он сам спровоцировал бунт. Сознание своей беспомощности приводило его в ярость. Нельзя было и думать о том, чтобы восстановить дисциплину силой. Результатом этого было бы сражение, и «если бы испанцы потерпели при этом поражение, то другие перерезали бы нас, оставшихся» [2]. Он вынужден был решиться вступить в переговоры со своими войсками, без возмущения выносить их дерзости, обещать им все, чего они хотели. Таким образом, проявив изумительное терпение, он добился в конце концов того, что войска покинули 5 июня Антверпен, не разграбив его.

В тот же день он поспешил в Брюссель и 6 июня с большой помпой опубликовал там указ о всеобщей амнистии.

---

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. III, p. 36, 45.
[2] Ibid., p. 59.

7 июня он объявил генеральным штатам о роспуске совета по делам о беспорядках и об отмене 10 и 5% налогов. Взамен этого требовалось одобрить налог в 2 млн. флоринов, уплачиваемых ежегодно в течение 10 лет, и утвердить введение нового дополнительного 1% налога.

Какими бы огромными ни казались эти уступки Филиппу II, они нисколько не уменьшили народного недовольства. Два года назад их приветствовали бы с радостью, но теперь они пришли слишком поздно. Какое дело было повстанцам севера до амнистии, не распространявшейся на протестантов? Они добивались свободного отправления своего кальвинистского богослужения, король же оставался в этом отношении, как всегда, непреклонным. Что касается законопослушных католических провинций, то их мало трогало обещание роспуска совета по делам о беспорядках и отмена введенных Альбой налогов, так как фактически со времени прибытия Рекезенса налоги больше не взимались и совет не функционировал. За исключением нескольких бежавших в Льеж и в Камбрэ дворян никто не воспользовался указом об амнистии. В новой линии поведения правительства видели лишь признак его слабости, и генеральные штаты ответили на нее настоящим контрманифестом. Они заговорили впервые за 7 лет, и язык их ясно показывал, что они ненавидели теперь испанский режим больше, чем когда-либо.

Они заверяли прежде всего, что «лучше предпочтут смерть, чем какие бы то ни было изменения в их религии», затем они требовали, чтобы король пользовался главным образом «коренными нидерландцами как для внутренней охраны страны, так и для армии»; чтобы жалованье войскам уплачивалось их финансовыми чиновниками, как это было во время 9-летней дополнительной субсидии; чтобы положен был конец грабежам, совершавшимся изо дня в день у подданных его величества, «точно это были несчастные рабы или неверные»; чтобы восстановлены были привилегии нидерландских провинций и чтобы они управлялись так, как это было при венгерской королеве; чтобы король соизволил прибыть в страну и, наконец, «придумал какой-нибудь мирный исход для этой междуусобной войны, но так, чтобы при этом остались незатронутыми католическое вероучение и религия, а также суверенные права его величества» [1]. Искренность этих последних слов была бесспорной. Генеральные штаты твердо стояли за веру своих отцов, но в то же время они искренно почитали своего короля как своего прирожденного и законного государя, преемника Карла V и бургундских герцогов. Но их

[1] *Gachard*, Assemblées nationales, loc. cit., p. 70.

лойяльность отнюдь не переходила в безмолвную покорность. Обязанности, которые они должны были выполнять по отношению к государю, предполагали со стороны последнего уважение к национальным свободам и их сохранение.

Не нарушил ли Филипп II договора, связывавшего его с Нидерландами, предоставив наместникам попирать ногами их привилегии? Сопротивление, которое они оказывали ему, было таким образом законным сопротивлением. Самые ревностные католики, как и самые убежденные легитимисты, протестовали против попыток нарушения испанским абсолютизмом нидерландской конституции. Сам Берлемон заявлял Рекезенсу, что «нельзя обращаться с Нидерландами так, как обращаются с Неаполем и Миланом» [1].

Народное недовольство выражалось тем решительнее, чем больше росли затруднения правительства и увеличивалась его нужда в деньгах. Герцог Арсхот, «разговаривая так свободно, причиняет больше вреда, чем самые злостные еретики» [2]. Брабантские штаты резко протестовали, ссылаясь на «Joyeuse-Entrée», против назначения Санчо д'Авила на пост коменданта антверпенской цитадели. Некоторые прелаты совершенно открыто ставили перед собой вопрос, не лучше ли было жить под властью протестантов, чем под властью испанцев [3]. Подобные настроения придавали смелость другим провинциям. Одни отказывались уплачивать однопроцентный налог, другие требовали уменьшения своей доли или отсрочки платежей. Все ссылались при этом на царившую в стране нужду, и страна действительно достойна была сожаления. Повсюду вспыхивали новые бунты. Поля были опустошены непрерывными переходами армии, торговля была парализована, Антверпен разорен. Эта нищета ощущалась тем острее, что в Голландии и Зеландии, где кипела война, жили однако в избытке. За монеты, вычеканенные во время осады в Лейдене, было выплачено по их номинальному курсу, и Рекезенс с горечью констатировал, что если бы он пользовался таким же кредитом, он велел бы отчеканить миллион подобных монет [4].

Но самым важным было то, что повстанцы наводнили страну прокламациями, подстрекавшими народ положить конец испанскому владычеству и призывавшими к оружию. Военные успехи повстанцев, героизм, проявленный ими во время осады Лейдена, окончательно снятой 3 октября 1574 г.,

---

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. III, p. 119.
[2] Ibid., p. 116.
[3] Ibid., p. 120.
[4] Ibid., p. 307.

необычайно подняли их престиж. Если бы не религиозный вопрос, католические провинции без всяких колебаний примкнули бы к ним. И было просто чудом, что проходили дни за днями, а всеобщего восстания все еще не было. Среди народа царило такое сильное возбуждение, что не проходило ни одного общественного или частного собрания, на котором не говорили бы о том, что необходимо поднять восстание, «и самые уважаемые люди заявляли, что народ ничего не стоит, раз он этого не делает... Не было ни одного дома, в котором не было бы хоть одного человека, безусловно преданного принцу Оранскому». Впрочем, Рекезенс понимал и извинял это возмущение, «ибо ни у какой, даже самой законопослушной и самой преданной страны в мире нехватило бы столько терпения, чтобы вынести все, что претерпела эта страна за 8 лет» [1].

Как ни мало надеялся великий командор на плоды своих усилий, но он пустил в ход все, чтобы ослабить силы повстанцев. В начале 1574 г. он, как и герцог Альба до него, хотел освободиться от принца Оранского путем убийства его. Ведь Вильгельм был в его глазах, как и в глазах всех испанцев, главным зачинщиком восстания. Разве он не был приговорен к смерти? И разве его приверженцы не составляли в свою очередь заговоров, чтобы убить наместника? [2]. Но с тех пор как Рекезенс получил согласие короля, он особенно добивался примирения.

Дело было нелегким, так как Филипп II не хотел, чтобы его имя было как-нибудь связано с этими переговорами, и так как принц Оранский остерегался делать какие бы то ни было предложения. Сначала попробовали позондировать у него почву через профессора Леонина, потом через Марникса, попавшего в руки испанцев в 1573 г. и получившего теперь охранный лист на поездку в Голландию.

Скоро однако стало совершенно очевидным, что эта «тактика» не могла увенчаться успехом. Принц Оранский не только отказывался вести переговоры без голландских и зеландских штатов, но требовал, в полном согласии с ними, в качестве предварительного условия для какого бы то ни было соглашения «свободного отправления богослужения» в восставших провинциях, ухода испанских войск и созыва генеральных штатов, которые займутся изысканием средств для умиротворения страны. Отнюдь не поддаваясь на предупредительность великого командора, принц Оранский прибегал скорее к угрожающему тону. Надеясь на помощь Англии и Франции, он го-

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. III, p. 207, 212, 217.
[2] Ibid., p. 118.

ворил о передаче занимаемых им территорий в более сильные руки. Таким образом продолжение военных действий могло повлечь за собой европейскую войну и иностранное нашествие в Нидерланды. Германский император давно уже со страхом ожидал столь опасной для Германии возможности. Это заставило его предложить свое посредничество. К тому же он надеялся, что восстановление мира заставит Филиппа II отдать управление провинциями в руки какого-нибудь эрцгерцога, и он отлично знал, что Рекезенс относился весьма сочувственно к его вмешательству.

Король в конце концов согласился на это. В начале 1575 г. Максимилиан II делегировал к принцу Оранскому графов Шварцбурга и Гогенлоэ, и благодаря их посредничеству 15 февраля в Бреде начались переговоры между представителями повстанцев и представителями наместника.

Неудача личных попыток наместника не оставила у него никаких иллюзий. «Но по крайней мере, — писал он, — весь мир убедится в том, что король не пренебрег никакими средствами, чтобы снова подчинить здешний народ своей власти и вернуть его в лоно католической церкви. Есть все основания предполагать, что народ при виде начавшихся переговоров о мире положит конец восстанию; ведь действительно страдания народа так велики, что он не мог бы выносить их, если бы у него не было надежды, что они скоро кончатся» [1]. Увы, переговоры в Бреде, вместо того чтобы принести пользу делу короля, еще более повредили ему. Филипп II в Мадриде советовался то с герцогом Альбой, то с Гоппером, но так, чтобы они не знали друг о друге; он запрашивал мнения хунты, специально созванной для изучения нидерландских дел, он не мог остановиться ни на каком решении, не давал Рекезенсу никаких инструкций и при известии о начале переговоров приказал вознести молитвы и раздавать милостыню, но так, чтобы никто не знал при этом, почему это делается [2]. В это же самое время представители принца Оранского действовали с изумительной ловкостью. Они знали, что мир невозможен, так как единственное условие, которое могло бы их заставить заключить его, а именно свобода богослужения, было как раз тем единственным пунктом, на который король решил никогда не соглашаться. Но они остерегались поднимать религиозный вопрос. Они отнюдь не хотели навлечь на себя обвинение со стороны католических провинций в том, что они обнаружили религиозную непримиримость. Вместо того чтобы выступать как кальвинисты, они высту-

[1] Ibid., p. 259.
[2] Ibid., p. 267.

пали как патриоты. Они объединяли свое дело с делом Нидерландов в целом; они выступали как защитники национальных привилегий и конституций, требовали увода испанских войск, наконец, заявили, что готовы подчиниться даже в вопросе о свободе совести решению генеральных штатов, «так как мы твердо верим, что они согласятся с тем, что мы с полным правом оказываем сопротивление не только испанской инквизиции, но и жестоким, безрассудным и безбожным плакатам, обрушившимся несколько лет назад на эту страну» [1].

Несомненно такая тактика не могла не снискать повстанцам всеобщих симпатий. Разве католики не требовали тоже возврата к традиционной системе управления? Разве не осуждали они всегда чрезмерную строгость правительственных плакатов? Не было ли также и их горячим желанием, чтобы генеральные штаты стали судьей положения? Словом, переведя спор на эту почву, повстанцы были неуязвимы. «Трудно себе представить, — писал Рекезенс королю, — до какой степени общественное мнение расположено в их пользу; всему тому, что они говорят, верят как евангелию» [2]. Даже некоторые представители наместника в глубине души согласны были с их предложениями, но данные им инструкции вынуждали их бороться с ними и попадать из-за этого в положение врагов народа. Они вынуждены были противопоставлять волю короля повстанцам, ссылавшимся на благо «родины». Вместо того чтобы согласиться на посредничество генеральных штатов в религиозных делах, они требовали удаления всех еретиков, предоставляя им лишь право реализовать их имущество или увезти его с собой. При таких обстоятельствах переговоры неизбежно обречены были на неудачу, и в июле они были окончательно прерваны. Но тут в законопослушных провинциях и произошло то, что неизбежно должно было произойти. В срыве переговоров обвиняли исключительно королевскую политику, и он воспринимался с тем большей горечью, что очень уже сильна была тяга к миру. Собственно говоря, непопулярность Филиппа II и Рекезенса и так уже дошла до последнего предела. Но народ не мог представить себе, что церковь не заодно с ними. Во многих городах духовенство и в особенности иезуитов, пользовавшихся, как отлично было известно, особыми симпатиями правителя, обвиняли в том, что они хотели продолжения войны [3].

Между тем военные действия возобновились, и на этот раз королевской армии больше везло. Ее план заключался в

---

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. III, p. 697.
[2] Ibid., p. 340.
[3] *Van Campene*, Dagboek..., p. 63.

том, чтобы, бросившись в главный центр повстанческого движения, захватить здесь такие позиции, которые оторвали бы Голландию от Зеландии. 7 августа 1575 г. она захватила Оудеватер, а 24-го — Схонговен. Уже 9 сентября великий командор мог сообщить письмом, что враги никогда еще не были в таком затруднительном положении. Испанские солдаты, воодушевленные успехом, обнаружили необычайное мужество. 29 сентября они завладели островом Дейвеланд, перейдя глубокой ночью через пролив под непрерывным обстрелом голландского флота. На следующий день они перешли по шею в воде через канал, отделявший Дейвеланд от Схоувена, и направились к Брауверсгавену, сдавшемуся на следующий день (1 октября). 30 октября взят был штурмом Бомменеде, и началась энергичная осада Зирикзее.

Несмотря на это, повстанцы и не думали сложить оружие. Нависшая угроза лишь заставила принца Оранского энергичнее взяться за продолжение переговоров с Англией и особенно с Францией, которой он предложил передать находившиеся в его распоряжении пункты. Чтобы еще резче подчеркнуть свой окончательный разрыв с Испанией, голландские и зеландские штаты перестали издавать свои распоряжения от имени Филиппа II. В законопослушных провинциях население не скрывало своего страха перед успехами королевской армии, «так как оно было совершенно убеждено в том, что если королю удастся одержать верх, они навсегда останутся подчиненными и рабами» [1].

Но эти страхи не замедлили рассеяться. Не имея денег, Рекезенс не смог воспользоваться плодами своих успехов. Новое банкротство Филиппа II лишило его кредита. Посланный из Испании флот пришел в конце декабря в таком жалком состоянии, что «починка его должна была стоить больше, чем стоило бы оснащение местных кораблей» [2]. В конце января 1576 г. положение казалось великому командору совершенно безнадежным. «Он рад был бы поскорее умереть, чтобы другим, а не ему пришлось сообщить королю о потере Нидерландов. Впрочем, врагам не придется даже завоевывать их: они будут просто им преподнесены потому, что во-время не приняли надлежащих мер» [3]. Плохое состояние здоровья еще более усиливало отчаяние Рекезенса. Он дошел до того, что предлагал уступить всем требованиям населения «вплоть до предоставления им чего-то вроде республики, лишь бы они

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. III, p. 361.
[2] Ibid., p. 404.
[3] Ibid., p. 427.

обещали сохранить католическую религию и власть короля»[1]. Что же касается его самого, то у него было только одно желание, чтобы его освободили от его обязанностей и позволили ему вернуться к своим детям в Испанию.

Но ему не суждено было снова увидеть их. Переутомленный работой и тревогами, он мог погибнуть от всякой случайности. Во время его пребывания в Брюсселе, где он хотел присутствовать на праздновании юбилея 1576 г., у него на плече неожиданно появился карбункул, и вскоре отпали все шансы на выздоровление. Когда 5 марта он умер, финансовые затруднения были так велики, что пришлось на два-три дня отложить его похороны из-за отсутствия денег. В его дворце было всего лишь 150 экю...

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. III, p. 439.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ГЕНТСКОЕ ПРИМИРЕНИЕ

I

Со времени смерти Маргариты Австрийской еще ни один нидерландский наместник не умирал при исполнении обязанностей. Рекезенс не успел даже указать, кто будет временно его преемником, пока получены будут соответствующие инструкции от короля. Поэтому государственный совет от имени Филиппа II должен был взять на себя ведение дел. 5 марта он собрался в доме Виглиуса и взял бразды правления в свои руки.

Но пользовался ли государственный совет достаточным авторитетом, чтобы справиться с опасным положением? Он состоял всего лишь из 3 членов: Виглиуса, герцога Арсхота и графа Берлемона, и все они были не на высоте стоявших перед ними задач. Старый Виглиус, беспомощный, боязливый, тяжелый на подъем еще кое-как мог дать совет, но он совершенно неспособен был проявить инициативу. Гордый своим знатным происхождением, надменный хвастун Арсхот совершенно лишен был серьезности и политических способностей. К тому же он любил выпить, что еще более усиливало его природную нервность. Подстрекаемый своим окружением, он не раз предавался неистовым выпадам по адресу своих коллег; за этим следовали приступы малодушия, когда он раскаивался во всем, что он наговорил, извинялся, проливал даже слезы, так что в конце концов считался полоумным [1]. Наконец Берлемон, такой же пьяница, как и Арсхот, имел обыкновение засыпать во время заседаний за столом; но даже когда он был трезв, от него было немного толку, так как он славился своей тупостью не менее, чем скупостью [2]. В заседаниях принимали участие кроме того, ожидая своего оконча-

[1] *Piot*, Correspondance de Granvelle, t. IV, p. 220.
[2] Ibid., t. VI, p. 97.

тельного утверждения, следующие лица: барон Рассенгин, честный, но мелочный и заурядный человек, второсортный дипломат Ассонлевиль; юрист, советник Сасбу, старик Мансфельд, которого призвали из Люксембурга, где он был наместником, и, наконец, единственным представителем Испании в этом собрании был Херонимо Рода, член совета по делам о беспорядках и еще совсем недавно доверенное лицо Рекезенса.

Составленный таким образом совет не только не пользовался авторитетом, но и внушал в равной мере недоверие как королю, так и народу. Разумеется, Филипп II отлично знал, что все члены совета были искренними католиками и верными приверженцами правящей династии, но он знал также, что большинство их решительно осуждало его политику. Еще 10 марта Рассенгин умолял короля водворить мир в стране с помощью тех же средств, которые предлагались на конференции в Бреде, т. е. путем увода иностранных войск и предоставления генеральным штатам права найти modus vivendi в религиозных делах. Из писем государственного совета вскоре обнаружилось, что он также был за автономию и призывал к веротерпимости.

Как мог Филипп сговориться с людьми, которые были так настроены? С первого же дня его решение было принято. Он предоставил государственному совету пребывать в состоянии беспомощности до тех пор, пока он сможет передать управление Нидерландами какому-нибудь новому наместнику. Он не давал никаких инструкций, не отвечал на письма или если отвечал, то неопределенными обещаниями указать вскоре «настоящие средства» и категорическим запрещением созывать генеральные штаты. Чем настойчивее были получавшиеся им из Брюсселя запросы, тем большее безразличие симулировал король. 14 мая, в критический момент, когда государственный совет совсем потерял голову, король просил его прислать ему певцов для своей капеллы! [1].

Тем временем король тайно переписывался с Родой, но так, чтобы об этом не знали другие члены совета. Рода пользовался полнейшим доверием Филиппа, и он его заслуживал тем отвращением, которое он питал как чистокровный испанец к нидерландским учреждениям и своею ненавистью к еретикам. Впрочем его чувства были отлично всем известны. За исключением Мансфельда, все бельгийские советники считали Роду врагом и шпионом. В его присутствии они собирались в каком-нибудь углу зала, чтобы поговорить вполголоса, сам же Рода «отходил к окну, чтобы дать им возможность го-

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. IV, p. 139.

ворить посвободнее»[1]. Но какое ему было дело до их враждебности? Ему ведь известны были взгляды короля. Он знал, что король никогда не согласится с их планами, и знал кроме того, что они — не те люди, которые способны были бы заставить его сделать то, чего они хотят. Их законопослушность была сильнее их недовольства. Они могли всеми силами стремиться к восстановлению бургундской системы управления, но их лойяльность по отношению к королю всегда сковывала их волю. Королю достаточно было молчать, чтобы они не решились ничего предпринять.

Но именно это-то и дискредитировало их в глазах народа. Им не могли простить их бездеятельности. Их обвиняли или подозревали в том, что они заодно с испанцами. К тому же они были скомпрометированы своим прошлым. Разве Мансфельд не поддерживал в свое время Маргариту Пармскую против вельмож? А Виглиус и Берлемон, разве они осмелились когда-нибудь оказать сопротивление герцогу Альбе? А не хранил ли герцог Арсхот полнейшего молчания во время казни Эгмонта и Горна? Поэтому государственный совет находился в самом печальном положении. Король, которому известно было несогласие совета с его взглядами, запрещал ему проявлять какую бы то ни было инициативу; народ же, видя бездействие совета, считал, что совет его предал. Напрасно советники собирались утром и вечером и в страхе совещались; не имея ни денег, ни авторитета, они ничего не могли изменить! С каждым днем смятение, царившее в их рядах, все усиливалось. Действительно, новые бунты были неизбежны. Уже в конце апреля немецкие гарнизоны Валансьена, Нивелля, Термонда и Буа-ле-Дюк отказались повиноваться своим офицерам. Дело шло прямо к анархии. Полнейшее бессилие властей довело народ до гнева и отчаяния. Уже 1 апреля Рода заявил королю, что страна не в состоянии больше выносить бремя военных расходов и готова восстать. Больше всего он опасался, что «расправятся со всеми испанцами... Даже в Брюсселе дерзость горожан дошла до того, что из страха перед какой-нибудь бедой пришлось отправить в антверпенский замок небольшой испанский отряд Юлиана Ромеро, остававшийся еще в городе»[2]. Повсюду народ вооружался, а государственный совет не решался мешать ему в этом, «чтобы они не думали, что их хотят отдать на растерзание ландскнехтам»[3].

Тем временем брабантские штаты воспользовались всеоб-

---

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. IV, p. 140.
[2] Ibid., p. 25.
[3] Ibid., p. 77.

щим замешательством, чтобы вновь взять на себя свою традиционную роль защитников национальных свобод. Они решили, что настал момент ввести опять в действие права «Joyeuse-Entrée». Представление королю, посланное ими 17 апреля в Мадрид, написано было в небывало резких выражениях. Оно требовало отъезда иностранцев, «так как они привозят с собой лишь новшества, т. е. необычайно пагубные и вредные вещи, что единодушно признают все философы и историки и о чем наглядно свидетельствуют плачевные примеры, имевшие место здесь, в Нидерландах». Далее оно требовало, чтобы в нидерландские провинции прислан был принц королевской крови, «который вернул бы себе любовь, преданность и благорасположение штатов и подданных... ибо в этом состоят власть и сила государя, а также охрана, поддержка порядка и благосостояние его страны». Наконец, оно решительно требовало созыва генеральных штатов для восстановления мира и старинных прав и привилегий «в соответствии с обязательствами, взятыми ими на себя перед вашим величеством и вашим величеством перед ними»[1].

Таким образом штаты отважились напомнить королю о принесенной им присяге. Они больше не умоляли: они протестовали во имя права. Они ссылались в подкрепление национальной традиции на историков и философов. Они не заботились больше о мягкости выражений. Они требовали коренной реформы. Они не признавали ни одного из введенных в стране новшеств. Они зашли так далеко, что опять подняли спор о новых епископствах. Брабантские прелаты протестовали против включения Афлигемского, Сен-Бернардского и Тонгерлосского аббатств в диоцезы Мехельна, Антверпена и Буа-ле-Дюк. Как всегда в моменты кризиса, интересы отдельных лиц совпадали с требованиями всего народа и сливались в одно общее движение протеста.

Пример брабантских штатов придал смелости штатам других провинций. Сначала в Генегау, а потом во Фландрии и Гельдерне штаты также потребовали созыва генеральных штатов. Несчастный государственный совет, осаждаемый их жалобами, умолял короля уступить. Он заклинал его по крайней мере сообщить ему свои распоряжения, «ибо мы ничего не в состоянии сделать, так как у нас руки связаны за отсутствием каких бы то ни было полномочий»[2]. Виглиус, дон Диего Сунига, даже сам Рода настойчиво требовали ответа хоть в нескольких словах. Но их письма исчезали в тайниках королевского кабинета в Эскуриале и оставались без ответа.

---

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. IV, p. 87 etc.
[2] Ibid., p. 152.

ДОН ЖУАН АВСТРИЙСКИЙ
(изображение на медали)

Однако и сам Филипп жил теперь в мучительной тревоге. Катастрофа с обоими его правителями убедила его, наконец, в необходимости послать в Нидерланды принца королевской крови. Его выбор остановился на его побочном брате дон Жуане Австрийском, победителе при Лепанто. Он написал ему 8 апреля, умоляя его тотчас же отправиться в путь, и необычные выражения его письма явно выдавали мучившее его беспокойство. «Я хотел бы, — писал он, — чтобы у моего гонца были крылья, чтобы полететь к вам и чтобы у вас у самого тоже были крылья, чтобы прилететь туда как можно скорее» [1]. В тот же день он собственноручно исправлял депешу, адресованную Антонио Пересом секретарю дон Жуана. Он переделывал ее дважды подряд, прибавляя большие вставки, которые должны были «сделать отказ невозможным». Он обращался к своему брату, «как к дворянину и как к христианину»; он говорил ему о его обязанностях по отношению к богу, наградившему его победой при Лепанто, и, явно намекая на любовные дела принца, он умолял его «подумать хорошенько, не оскорбил ли он с тех пор бога и не должен ли он заслужить его прощение какой-нибудь жертвой, вроде этой» [2]. Но теперь король в свою очередь должен был испы-

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. IV, p. 39.
[2] Ibid., p. 41 etc.

тать, как и его брюссельский государственный совет, муки ожидания. Дон Жуан долго хранил молчание и, наконец, прислал извещение, что, вместо того чтобы «лететь» в Нидерланды, он посылает в Мадрид своего доверенного человека Эсковедо за инструкциями. Опоздание это было тем более роковым, что оно заставило Филиппа, твердо решившего, как всегда, ничего не сообщать о своих планах, хранить упорное молчание в отношении своих министров в Нидерландах. Он ограничился сообщением им 23 июня, что правитель, которому поручено привезти «настоящие средства», прибудет в августе или сентябре. Он воспользовался случаем, чтобы еще раз запретить им созыв генеральных штатов и какие бы то ни было переговоры с повстанцами. Пока же им предлагалось заняться изысканием средств, чтобы избегнуть каких-либо «волнений в народе или в армии».

Но когда это письмо было получено в Брюсселе, брожение достигло здесь крайних пределов. Случилось то, чего опасались уже несколько месяцев. После того как Зирикзее, наконец, сдался (29 июня 1576 г.), войска тотчас же оставили свои квартиры и, не думая больше ни о чем, кроме своего жалованья, направились к южные городам. Подойдя к Брюсселю, они нашли здесь городское население готовым к отпору; поэтому они повернули к Алосту и, захватив его 25 июля врасплох, создали себе здесь плацдарм.

На этот раз это было уже чересчур. Значит, мало было того, что война против повстанцев окончательно расстроила торговлю, лишила работы массы рабочих, подняла цены на все предметы потребления, — нехватало еще, чтобы королевская армия повернула оружие против оставшихся верными провинций и силой заставила их заплатить расходы за ненавистную им войну! Ненависть, которую испанцы как бы нарочно в течение стольких лет внушали к себе, теперь перелилась через край. Все классы общества единодушно поднялись для отпора. Брюссель охвачен был мятежом. Буржуазия и народ взялись за оружие. Представители «наций» отказывались больше называть испанцев «солдатами его величества», так как «это равносильно было бы тому, чтобы называть его главарем бандитской шайки»[1]. Юлиану Ромеро угрожали смертью, и, чтобы спасти его от возмущения толпы, его пришлось запереть вместе с Варгасом и Родой во дворце правителя. Дом Роды был разграблен, а один из его слуг погиб от выстрелов из аркебуза и ножевых ран, и труп его волокли по улицам. Возмущение было настолько всеобщим и настолько заразительным, что протестантские священники договори-

[1] *Henne et Wauters*, Histoire de Bruxelles, t. I, Bruxelles 1845, p. 438.

лись до заявления, что можно без всяких угрызений совести убивать испанцев [1]. Но и государственный совет, который не мог ничему помешать, был не менее ненавистен всем, чем испанцы. Его открыто обвиняли в заговоре против народа. Члены его опасались за свою жизнь. Берлемону пришлось увидеть, как толпа захватила силой его дворец и унесла из него 150 аркебузов. Арсхот подвергся оскорблениям на улице. У Мансфельда отняты были ключи от городских ворот.

Таким образом единственная представлявшая еще короля власть открыто не ставилась ни во что. «Совет, — писал Варгас, — имеет в Брюсселе такую же власть, какую он мог бы иметь и во Флиссингене» [2]. Действительно, совет шел на поводу у брабантских штатов, которые, опираясь на вооруженный народ, диктовали ему свои решения. 27 июля он вынужден был издать приказ против бунтовщиков Алоста, объявить их мятежниками и врагами короля, разрешить их преследовать и угрожать смертью всем, кто окажет им помощь или защиту. Далее, он должен был 7 августа разрешить брабантским штатам навербовать для сопротивления войскам в качестве национальной армии от 400 до 600 чел. конницы и от 2 до 3 тыс. чел. пехоты. Таким образом он, как бы от имени короля, согласился, собственно говоря, на гражданскую войну против королевских солдат. Действительно, дело дошло теперь до гражданской войны. В разгар всеобщего восстания, распространившегося из Брюсселя по всей стране, Санчо д'Авила, к которому примкнули Варгас и Юлиан Ромер, собрал в Антверпене войска и организовал своего рода временное правительство. Он угрожал походом на Брюссель, чтобы освободить там государственный совет. Но это лишь довело решимость и гнев народа до последних пределов. Несмотря на полную приостановку всех работ, все влезали в долги, чтобы купить себе оружие; некоторые земледельцы распродавали из-за этого даже домашний скот [3].

Для упорядочения этого хаоса, для объединения всех сил, для указания им ясной, определенной цели, словом, для превращения разлившегося по всей стране стихийного восстания в сознательную политическую оппозицию нужен был вождь, и он находился неподалеку.

Бунт среди испанских войск, вспыхнувший тотчас же после взятия Зирикзее, был для принца Оранского неожиданной удачей. Он дал ему передышку как раз в тот момент, когда его дела, казалось, приняли дурной оборот. В самом

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. IV, p. 352.
[2] Ibid., p. 315.
[3] Ibid., p. 333.

деле, ни Франция, ни Англия не отвечали на его призывы и не посылали ему вспомогательных войск, необходимых для продолжения войны. Опасаясь, чтобы он не уступил французам Голландию и Зеландию, Елизавета предлагала ему вступить с Мадридом в переговоры о мире, который, как она отлично впрочем знала, был невозможен. Что касается Генриха III, то он делал шаг вперед, потом шаг назад и в конце концов не решался круто порвать с Испанией. К этому прибавлялось еще то, что сопротивление провинций, поскольку оно не приводило к решительным результатам, стало постепенно ослабевать. Энтузиазм первых дней исчез. Если кальвинисты попрежнему полны были решимости защищаться до последней капли крови, то индиферентные в религиозных делах устали от войны, католики же, угнетенные, лишенные свободы богослужения и возмущенные преследованиями своих священников и конфискациями своих церквей, отнюдь не скрывали своего стремления примириться с Филиппом II. Таким образом разразившиеся на юге события были как нельзя более кстати. Они не только потребовали усилий всей королевской армии, но дали также принцу Оранскому долгожданную возможность объединить вокруг своего дела, до сих пор ограничивавшегося одним только севером, всю страну.

Собственно говоря, Голландия и Зеландия, которые уже давно были предоставлены самим себе и где власть была в руках кальвинистов, совершенно не интересовались судьбой своих соотечественников, оставшихся верными королю и церкви. Особое правительство, которое они себе избрали, рост их судоходства и торговли благодаря закрытию Шельды сделали их в полном смысле слова государством в государстве. Они жили своей особой жизнью как в религиозном отношении, так и в экономическом. Мало того, их интересы стали противоречить интересам других местностей. Флиссинген и Миддельбург унаследовали антверпенскую торговлю; капиталисты и ремесленники устремились под их стены. Разве можно было после этого ожидать, что повстанцы добровольно откажутся от столь выгодного положения, снова откроют устья рек и дадут уйти накопившимся в их краях богатствам?

Но такой партикуляризм был совершенно чужд принцу Оранскому. Как ни был он искренно предан Голландии и Зеландии в течение этих 4 лет, но взгляд его устремлен был вперед и выше. Он считал, что наступил момент объединить в одно общее движение, в один общий союз все 17 провинций. Отныне он собирался действовать во имя интересов «общей родины».

В этом деле у него были превосходные помощники. Окружавшие его бельгийские изгнанники и французские гуге-

ноты с нетерпением ждали случая сослужить ему службу. Страстное желание снова увидеть родную землю, отомстить испанцам, дать восторжествовать своим политическим и религиозным идеалам сделало их ревностными приверженцами принца Оранского. Их дело было для них его делом, и от него зависело осуществление их надежд. Все эти группировавшиеся в космополитическом окружении принца люди, сколь бы различны они ни были по своему происхождению, характеру, стремлениям и личным страстям, сходились в одном основном пункте: все они были убежденными приверженцами политических идей, возникших в лоне французского кальвинизма примерно в период Варфоломеевской ночи [1]. Как Отман и Беза, они осуждали королевский абсолютизм во имя прав народа. Они открыто провозглашали право на восстание против тирании государя как в том случае, когда эта тирания выражается в системе управления, так и в том случае, когда подавляется свобода совести.

Этот последний пункт был мостом, соединявшим политические теории повстанцев с их вероучением. Так как они принадлежали к гонимой церкви, они требовали как своего естественного права свободы отправления своего богослужения. Они не допускали, чтобы государь мог навязывать свою веру своим подданным. Еще до опубликования книги «Vindiciae contra tyrannos» (1579) они единодушно признавали изложенные в ней принципы. В этом нет ничего удивительного, так как автор этой известной книги Дюплесси-Морнэ находился в постоянных сношениях с ними. По его убеждению, так же как и по их убеждению, государь только в том случае может требовать повиновения, если он сам повинуется закону божию, начертанному в библии. Он может терпеть заблуждения, но ему не может быть позволено угнетать истинную, т. е. протестантскую веру. Сопротивление в таком случае становится абсолютной обязанностью, и это тем более справедливо, что если бог избирает кесаря, зато только народ дает ему власть. «Государи существуют и венчаются на царство для своих подданных, а не подданные существуют для своих государей» [2]. С другой стороны, сам народ как таковой не имеет права поднимать восстания, ибо народ — это многоголовая гидра, bellua innumerorum capitum. Предоставленный самому себе, он дошел бы до анархии. Но организации, которым он передал свою власть, т. е. представляющие его штаты и советы, обязаны вступиться за его благо. Их деятельность дол-

[1] *A. Elkan*, Die Publizistik der Bartholomäus-Nacht und Mornays Vindiciae contra tyrannos, Heidelberg 1905.

[2] *Gachard*, Actes des États Généraux, t. II, p. 230.

жна заменить деятельность народа, и только она одна законна.

Основной смысл этой одновременно либеральной и аристократической теории состоял в том, чтобы поставить повсюду во главе государства парламент.

Следовательно в применении к Нидерландам эта теория требовала подчинения воли государя воле генеральных штатов. Хотя последние и являются всего лишь собранием провинциальных штатов, хотя их члены принадлежат лишь к трем привилегированным сословиям народа — духовенству, дворянству и буржуазии, — тем не менее эта теория считала их народным представительством и даже представительством всего народа в целом. Они представляли согласно этой теории не множество независимых друг от друга территорий, а одно общее отечество, состоящее из 17 провинций. Эта точка зрения была диаметрально противоположна местному партикуляризму. Подобно тому как королевский авторитет распространяется на всех подданных, точно так же власть генеральных штатов простирается на всех граждан совершенно независимо от того, на какие бы исторические группы они не делились. Несмотря на разнообразие различных отдельных привилегий, несмотря на множество обычаев и на различие наречий Нидерланды составляют определенное политическое единство, а не конгломерат самостоятельных княжеств. Разве Филипп Добрый не возвел их в ранг государства и разве он не заслужил звания «отца народа» созданием генеральных штатов, которые он придал себе в помощь? [1].

Таким образом теория новаторов дала приверженцам национальных свобод новые аргументы. Благодаря ей они не ограничивались больше требованием своих привилегий только на том основании, что они им принадлежали и что король торжественно присягал сохранять их: они ссылались кроме того также на рациональную концепцию государства и на принципы естественного и исторического права.

Это отмечалось уже со времени конференции в Бреде. Новые идеи были уже четко выражены в прекрасной речи Юниуса в ответ на предложения о мире со стороны представителей Рекезенса. Следы этого можно найти также в манифесте, посланном королю брабантскими штатами в 1576 г. Но лишь со времени восстания, вызванного бунтом испанских

---

[1] Я привожу здесь речь Юниуса в 1574 г., с которой он обратился к Шампанэ; она напечатана у *P. Bor*, Nederlandsche oorlogen, l. VI, fol. 45 v°, Amsterdam 1621. См. также мемуар, посланный принцем Оранским Елизавете в 1573 г. *Kervyn de Lettenhove*, Relations politiques des Pays-Bas et de l'Angleterre, t. III, p. 175; ср. *Ritter*, Deutsche Geschichte, Bd. I, Stuttgart 1889, S. 389.

ФИЛИПП МАРНИКС
(старинная гравюра)

войск, эти идеи стали распространяться все шире и шире и легли в основу программы партии «истинных патриотов», или, что одно и то же, партии оранжистов. Впрочем, вначале патриоты тщательно скрывали перед католиками, которых они хотели привлечь к своему делу, религиозную сторону своей программы. Они бережно обходили религиозный вопрос: они выступали только как политики, и, так как им очень помогала ненависть к испанцам, то им вскоре удалось расположить к себе наиболее образованных и притом самых смелых людей. За короткое время они завоевали себе множество сторонников среди образованных кругов буржуазии, из среды которой они выбирали себе «пенсионариев» городов, чиновников и адвокатов. Этим и объясняется, что адвокаты в дальнейшем ходе событий будут играть все более значительную роль.

Уже в июле 1576 г. приверженцы принца Оранского взялись за дело. Государственный совет, брабантские и фландрские штаты засыпаны были письмами, настойчиво требовавшими свержения испанского ига. Особенно усердствовал Марникс. Брюсселец по происхождению, он сохранил в Брюсселе много друзей и тотчас же связался с ними. Со всем пылом своего боевого темперамента он писал один манифест за другим, одну брошюру за другой. 28 июля он мог с радостью констатировать, что добился успеха, и стал работать с удвоенной энергией.

Да и как могла не увенчаться успехом пропаганда оранжистов среди народа, до последней степени озлобленного против своего правительства и потерявшего счет своим жалобам? Столь же искусная, сколь и энергичная, эта пропаганда старалась не задеть религиозных убеждений католиков и их лойяльности к королю, которую Марникс называл «мозолью рабства у людей, привыкших носить ярмо» [1]. Жаловавшимся на политическое угнетение она ставила в пример принца Оранского как защитника свободы; тем же, кто считал, что высокомерие испанцев перешло все границы, она превозносила его как защитника родины; и, наконец, тем купцам, предпринимателям и ремесленникам, которые из-за полного застоя всех дел были совершенно разорены или находились на краю нищеты, она расписывала в самых радужных красках богатства, в которых утопают благодаря ему Голландия и Зеландия [2].

В оранжистской программе были свои доводы для всех классов общества, для всех интересов, для всех вожделений. Она сумела даже найти себе приверженцев среди брабантских прелатов, озлобленных включением аббатств в новые епископства. Таков был например Иоанн ван дер Линден, аббат монастыря св. Гетруды в Лувене. И в самом деле, чего ему было колебаться? Принц Оранский так искусно вел свою игру, что многие духовные лица считали его в глубине души католиком, и это мнение было очень широко распространено в народе [3].

Как бы жалок и беспомощен ни был государственный совет, но он оставался недоступным влиянию оранжистов, которые за исключением его проникали повсюду. Так как он сам неспособен был к действию, то он ограничивался пассив-

---

[1] Oeuvres de Philippe de Marnix. Correspondance et mélanges, Bruxelles 1860, p. 200.

[2] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. V, p. 358; Mémoire de Metsius, évêque de Bois-le-Duc, t. IV, p. 748.

[3] *Pontus Payen*, Mémoires, t. II, Bruxelles 1860, p. 113. В Генте принц, по словам братьев ван Кампене, слыл хорошим католиком.

ным сопротивлением против сыпавшихся на него со всех сторон соблазнов и увещаний. Заседавшие в нем вельможи и высокопоставленные чиновники горько сетовали на полнейшее безразличие короля по отношению к ним, но они приходили в ужас при мысли о переходе на сторону вождя повстанцев. Честь повелевала им оставаться верными государю, которого они представляли. Вместо того чтобы отвечать на письма принца Оранского, они разоблачали перед Филиппом II его интриги.

Так как в силу этого патриоты не могли перетянуть членов совета на свою сторону, то они попытались избавиться от них путем переворота. Один французский дворянин, по имени Терон, всецело преданный принцу Оранскому, организовал в Брюсселе заговор вместе с самыми решительными сторонниками принца Орапского. Он мог рассчитывать на аббата монастыря св. Гертруды, на первого бургомистра Генриха Блуайера, на адвоката Лисвельта, ван дер Гагена и ван ден Эйнде, и на Вильгельма Хеза, начальника пехоты, навербованной брабантскими штатами. Со стороны народа опасаться было нечего, так как он ненавидел государственный совет. Чтобы добиться успеха, нужна была только решимость.

4 сентября, среди бела дня, один из офицеров главнокомандующего Хеза Жак Глим во главе двух отрядов проник во дворец, арестовал Мансфельда, Берлемона, Сасбу и Ассонлевиля, бывших на заседании, и открыто по улицам повел своих пленников в тюрьму Broodhuys. Одновременно у домов Арсхота и Виглиуса поставлены были часовые, а три наиболее влиятельных члена тайного совета — Фонк, Буасхот и дель Рио — взяты были заложниками.

Известие об этом насильственном перевороте вызвало необычайное возбуждение, и брабантские штаты поспешили снять с себя всякую ответственность за него. Но за исключением нескольких невлиятельных роялистов никто не протестовал. К тому же инициаторы заговора пустили в массе слух, будто арестованные министры собирались сдать город испанцам, чего достаточно было, чтобы склонить на сторону заговорщиков общественное мнение.

Не подлежит никакому сомнению, что принц Оранский был организатором и руководителем издали переворота 4 сентября[1]. Назначение дон Жуана Австрийского наместником стало теперь всем известно. Поэтому важно было ответить на это назначение созданием революционной ситуации в стране. Арест государственного совета равносилен был в действитель-

[1] *M. Ritter*, Wilhelm von Oranien und die Genter Pacification, «Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Bd. III, 1890, S. 28 ff.

ности аресту самого короля. Это было оскорблением величества [1]. С этого момента союз между государем и его подданными был порван. Народ резко выступил против своего наследственного государя. Не было никакого иного выхода, кроме войны или переговоров, при которых нидерландские провинции выступили бы перед Филиппом II как равная сторона. Словом, оскорбление, нанесенное короне, побудило все провинции присоединиться к восстанию Голландии и Зеландии. В самом деле, к кому им было обратиться при таких обстоятельствах, кроме человека, который в течение стольких лет руководил сопротивлением севера? Все те, кто одобрял инспирированный принцем Оранским переворот, фатально должны были просить у него помощи. Он становился таким образом судьей в той борьбе, которую он сам вызвал. С изумительной прозорливостью он учел все последствия своего смелого начинания, и события стали разворачиваться так, как он это предвидел.

В то время как Рода издал в Антверпене манифест, объявлявший, что он берет на себя управление впредь до освобождения арестованных членов государственного совета, брабантские штаты в Брюсселе уже 6 сентября обратились к штатам других провинций с предложением объединиться с ними. Штаты Генегау и Фландрии тотчас же ответили согласием. Подобно гентцам после ареста Максимилиана I в Брюгге в 1488 г. [1], эти три старые бургундские провинции в нарушение прерогативы верховной власти присвоили себе теперь право созыва генеральных штатов. Однако, чтобы беззаконие было менее явным и чтобы успокоить слишком пугливых людей, вожди движения освободили Арсхота, Виглиуса и Сасбу, восстановив таким образом видимость государственного совета.

II

Тем временем штаты Фландрии и Генегау начали заседать вместе с брабантскими штатами, и это собрание стало диктовать свои законы государственному совету, который должен был выполнять их. По их приказу им были сначала созваны в Брюсселе штаты Артуа, Лилль-Дуэ и Орши, Валансьена, Мехельна, Намюра, Турнэ-Турнэзи, Лимбурга и области за Маасом (20 сентября), а затем штаты Голландии и Зеландии (25 сентября) и наконец штаты Люксембурга, Гельдерна, Фрисландии, Оверисселя, Гронингена и Утрехта. Таким образом генеральные штаты, которым предстояло собрать-

[1] *Metsius*, Mémoire, p. 750.
[2] Histoire de Belgique, t. III, p. 45.

ся, действительно должны были представлять, так же как и в 1555 г., все провинции страны. Они по существу должны были составить Всенидерландский конгресс. В нем должны были принять участие не только представители тех провинций, которые издавна созывались для вотирования дополнительных налогов, но в нем должны были заседать наряду с ними также и представители таких провинций, которые лишь недавно были присоединены к Бургундскому государству и созывались только при чрезвычайных обстоятельствах [1] И действительно, в данном случае дело шло не о налогах. Собрание, открывшееся в 1576 г., должно было быть таким же торжественным, как и собрание, состоявшееся 21 годом ранее и посвященное исключительно отречению Карла V. В самом деле, так же как и последнее, оно должно было принять участие в чрезвычайно важном событии, пожалуй даже более важном, чем событие 1555 г., ибо дело шло теперь уже не о перемене государя, а об изменении конституции. Настал момент выполнить требования, которым король столько времени сопротивлялся. Генеральные штаты заняли место государя. Они применили на практике принципы монархомахов и во имя народа должны были заняться умиротворением страны, изгнанием иностранцев и восстановлением старых привилегий.

Они так твердо решились на это, что поспешили тотчас же оправдать свое поведение перед Европой. Уже 12 октября они отправили посла к французскому королю, чтобы сообщить ему «о происшедшей за последние дни в Нидерландах важнейшей коренной перемене» [2]. Другие послы были направлены к германскому императору, к английской королеве, к льежскому епископу и городу Льежу. Только 17 октября, т. е. тогда, когда уже нельзя было повернуть назад, они обратились к Филиппу II. Их письмо было одновременно апологией их поведения и обвинительным актом. Они напоминали королю обо всем, что они вынесли со времени прибытия герцога Альбы, и о том, что их жалобы всегда оставлялись при этом без всякого внимания. Тирания, которую им навязали, виновна не только в разорении провинций, но она кроме того довела Голландию и Зеландию до восстания и тем самым дала восторжествовать там ереси. Уже давно пора положить конец всем этим бедствиям, и поэтому они «единодушно» решили сами взять на себя умиротворение страны. Они заверяли его перед богом, что они «до самой смерти» останутся верными католической религии. Они за-

[1] Histoire de Belgique, t. III, p. 192.
[2] *Gachard*, Actes des Etats Généraux, t. I, p. 20

являли, что они попрежнему видят в короле «своего верховного законодателя и прирожденного государя», и делали вид, будто верят, что он облегчил бы их нужду, если бы ее не скрывали от него, и что он одобрит их решения. Но необходимо, чтобы он «приказал увести испанских солдат из этих краев, ибо иначе нет возможности добиться умиротворения и общественного спокойствия» [1].

Таким образом повиновение генеральных штатов государю ставилось в зависимость от того, сдастся ли он на их требования. Они отнюдь не перестали считать себя его подданными, но давали ему понять, что он должен разоружиться и предоставить им решение вопроса, который он ни как монарх, ни как католик не мог им предоставить, а именно — вопроса о примирении с Голландией и Зеландией. Впрочем, они отлично знали, что Филипп не отзовет своих войск и что он одобряет меры, предпринятые Родой.

Поэтому генеральные штаты поспешили собрать армию, которая могла бы выступить против королевской армии. Став благодаря перевороту 4 сентября на революционный путь, они вынуждены были итти по нему и дальше. Чем отчетливее выяснялась их позиция и чем решительнее они готовы были защищать народ от иностранцев, тем быстрее росло число их сторонников. Множество представителей высшей знати перешло на их сторону. Сын графа Эгмонта Филипп ко всеобщей радости поспешил в Брюссель и принял должность полковника. Уже в начале октября армия штатов была организована, и ее вождями стали крупнейшие вельможи страны. Герцог Арсхот, которого несколько недель назад арестовали как подозрительного человека, занимал теперь в армии пост главнокомандующего. Под его началом находились граф Лален и качестве генерал-лейтенанта, маркиз Гаврэ в качестве кавалерийского генерала и Гоньи в качестве бригадного генерала. В Антверпене правитель города Шампанэ решительно выступил против Санчо д'Авила. Во Фландрии правитель провинции граф Ре (Roeulx) собрал вокруг себя валлонские войска из пограничных городов, навербовал еще 16 новых отрядов и 16 сентября окружил «цитадель испанцев» в Генте. В Утрехте и Валансьене крепости были также осаждены, а Маастрихт прогнал свой гарнизон. Словом, повсюду началось наступление против королевской армии, расшатанной и ослабленной нейтралитетом, который соблюдали германские полки,

[1] *Gachard*, La Bibliothèque Nationale, t. I, p. 146. Другое письмо, составленное в гораздо более решительных и действительно оскорбительных выражениях (ibid., p. 151), представляет собой, по-моему, только проект письма, которое не было отправлено государю. К тому же оно не имеет никакой даты.

БЕСЧИНСТВА ИСПАНЦЕВ (1576)
Пожар ратуши

и в особенности переходом всех валлонских полков во главе со своими офицерами на сторону революционной партии. С севера, где ничего не приходилось опасаться, принц Оранский посылал подкрепления войскам, осаждавшим гентскую цитадель, кроме того флот его поднялся вверх по Шельде и стал крейсировать перед стенами Антверпена.

Таким образом осажденные со всех сторон испанцы могли рассчитывать только на самих себя. Но опасность содействовала восстановлению дисциплины среди этих испытанных солдат. Ни один из них и не думал сдаваться. Их части, рассеянные по всей стране, двинулись к Антверпену и собрались в цитадели под начальством Санчо д'Авилы.

Войска штатов решили осадить их там. Они считали, что испанские войска деморализованы, оказалось же, наоборот, что они были преисполнены жаждой мести и рвались в бой. Чтобы еще больше поднять их настроение, Рода обещал им, что как только они займут город, последний заплатит им недоданное жалованье. В воскресенье, 4 ноября, среди бела дня, решившись на все и будучи заранее уверены в победе, они сразу с трех сторон выступили из-за своих прикрытий. Все склонилось под их напором. Войска штатов, застигнутые врасплох этим неожиданным ударом, обратились в бегство, побросали оружие, бросились в рвы, переплывали их или тонули. Вокруг городской ратуши, где сопротивление было особенно стойким, подожгли дома, и вскоре огонь поглотил лучшую часть города. В дыму и пламени опьяненная своим успехом солдатчина принялась убивать и грабить. Было убито свыше 7 тыс. сражавшихся и мирных граждан. Были взломаны товарные склады, магазины, частные дома и даже раскрыты двери тюрем. Награбленное достигало 2 млн. флоринов серебром, не считая драгоценностей, движимого имущества и товаров, которые войска еще три недели спустя грузили на повозки.

Результатом этой «испанской ярости» (furie espagnole), которую Рода восхвалял 4 дня спустя как блестящую победу [1], было ускорение примирения, о котором представители генеральных штатов вели в Генте переговоры уже с 19 октября со штатами Голландии и Зеландии. С первого же дня руководящая роль в дебатах перешла к представителям принца Оранского. Они добились того, чтобы в основу переговоров положены были их предложения, сделанные в Бреде. Все сходились в вопросах об удалении иностранцев, восстановлении старого обычного права и заключении длительного мира. Уже 28 октября уполномоченные генеральных штатов приняли даже обязательство не признавать власти дон Жуана Австрийского, прибытия которого ждали со дня на день, пока он не присягнет «всем пунктам и статьям договора о примирении» [2].

При менее трагических обстоятельствах религиозный вопрос несомненно создал бы безвыходные трудности. В самом деле, кальвинисты, выступавшие от имени северных провинций, требовали в качестве предварительного условия примирения введения во всех этих провинциях исключительно протестантского богослужения. Они явились в город в сопровождении множества изгнанников, несших знамена с лозунгами:

---

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. V, p. 19.

[2] «Bulletin. de la Commission royale d'Histoire», 4-ème série, t. III, 1876, p. 102.

«pro fide et patria» («за веру и родину»). В противоположность католическим делегатам юга, которые интересовались исключительно национальным вопросом, для них вопрос о сохранении их религии доминировал над всем. Они не хотели даже допустить восстановления католической религии в Голландии и Зеландии, и, «хотя некоторые находили это требование слишком жестким», пришлось им уступить, утешаясь тем, что «вскоре все устроится» [1]. Никто не решился взять на себя ответственность за затягивание соглашения. Разве в зале, где они заседали, не слышен был грохот пушек, обстреливавших «испанскую цитадель»? Уже 31 октября договаривающиеся стороны согласились на все предложения Марникса и его товарищей. Два дворянина тотчас же поспешили, сломя голову, в Брюссель, чтобы передать текст договора генеральным штатам, заседавшим непрерывно в городской ратуше. Некоторые католики тщетно возражали против содержавшихся в нем уступок протестантам. Но голос их заглушен был криком народа, который, собравшись толпой на главной площади, терроризировал собрание, угрожая «расправиться с противниками примирения» [2]. Известие о событиях в Антверпене вызвало всеобщий взрыв негодования против испанцев и ускорило развязку. Уже 5 ноября государственный совет одобрил договор о примирении. Три дня спустя о нем было торжественно объявлено с балкона гентской ратуши [3].

В «примирении провозглашались прочные и нерушимые «мир, согласие и дружба» между договаривающимися сторонами, которые обязывались, не щадя «ни жизни, ни имущества», помогать друг другу, «в особенности в том, чтобы изгнать испанских солдат, иностранцев и всяких иных чужеземцев, которые пытались завладеть богатствами страны и в довершение всего хотели еще закабалить народ и держать его в постоянном рабстве». После этого созванные со всех концов страны генеральные штаты, собравшись на пленарном заседании, займутся всеми делами страны и прежде всего урегулируют религиозный вопрос в Голландии и Зеландии. Было решено, что эти провинции ничего не будут предпринимать против католической религии за их пределами и «не оскорбят никого ни действием, ни словами, в противном случае они будут наказаны как нарушители общественного спокойствия». Для того чтобы «никто легкомысленно не подвергался какому-нибудь наказанию, аре-

---

[1] Ibid., p. 121.
[2] *Metsius*, Mémoire, p. 769, 770.
[3] «Placcaeten van Brabant», t. I, p. 536.

сту, или какой-либо другой опасности», все приказы о ереси и все распоряжения по уголовным делам, изданные герцогом Альбой, объявлены были не имеющими силы до окончательного решения генеральных штатов. Положение принца Оранского как правителя Голландии и Зеландии оставалось неизменным, и обе эти провинции и впредь должны были составлять особое самоуправляющееся политическое единство. Все арестованные были освобождены; всем осужденным по политическим делам возвращено было их имущество «в том виде, в каком оно находилось в настоящее время». Далее, все изданные с 1566 г. указы относительно конфискации объявлены были «недействительными, потерявшими силу, аннулированными и вычеркнутыми из книг». Что касается проданных и отчужденных недвижимых имуществ, то специальная комиссия должна была заняться вопросом о вознаграждении прежних владельцев. Но исключение было сделано для церковных имуществ, находившихся в Голландии и Зеландии; бывшие владельцы должны были получить лишь право на пенсию, обеспечивающую им существование, «но все это временно, до тех пор пока генеральными штатами не будут изданы окончательные решения относительно их дальнейших претензий». Генеральным штатам предоставлено было также право окончательного «определения и решения» вопроса об установлении денежного курса, но так, чтобы при этом не пострадали интересы обеих северных провинций, в которых пришлось во время войны повысить ценность всех находившихся в обращении денег. И, наконец, они должны были заняться вопросом о том, должна ли «вся страна в целом» взять на себя уплату долгов, сделанных принцем Оранским во время его двух походов 1568 и 1572 гг.

Таковы были важнейшие статьи этого знаменитого договора, получившего с тех пор название Гентского примирения. На них видны были следы спешки и замешательства, в котором находились участники переговоров. В действительности они представляли лишь временное соглашение, лишь какой-то выход, позволивший заключить всеми желанный мир и освободить страну от иностранного ига. Программа старых национальных требований получила в договоре ясное отражение, и столь же ясно было решение добиться силой проведения ее в жизнь. В этом отношении договор о примирении был близок «Великой привилегии», вырванной у Марии Бургундской в 1477 г. [1], и защитники договора не преминули впоследствии сослаться на эту аналогию. Действительно,

[1] Histoire de Belgique, t. III, p. 9.

как в том, так и в другом случае страна поднялась против своего властелина и диктовала ему свои условия.

Единственное, но чрезвычайно важное отличие состояло в том, что Привилегия 1477 г. разрушила государственное единство ради независимости провинций, между тем как в 1576 г. явно было стремление все подчинить благу «общей родины». В сущности это не вполне удалось. Пришлось предоставить Голландии и Зеландии исключительное положение. Они заняли особое место в «объединении всей страны» поскольку за ними сохранилось свое особое управление и своя денежная система. Но самое главное—и это было самым уязвимым пунктом всего договора о примирении — заключалось в том, что оно сделало невозможным окончательное решение религиозного вопроса. В конце концов пришлось ограничиться предварительным, временным соглашением, не удовлетворявшим ни католиков, ни кальвинистов. Католики могли лишь, скрепя сердце, мириться с исключительным господством протестантской религии в северных провинциях; кальвинисты же в свою очередь считали недопустимым, что они не могли открыто исповедывать свою религию за пределами своих границ. Итак, религиозный конфликт, тяготевший в течение 10 лет над национальной жизнью, остался неразрешенным и после договора о примирении, как и до него. Вместо того, чтобы решить его, ограничились передачей этого мучительного вопроса на усмотрение генеральных штатов.

Но обе стороны несомненно рассчитывали осуществить свои стремления, когда придет время. Обе они упорно стояли на своем. Их общая ненависть к испанцам и их общее стремление к национальной системе управления сблизили их на время. Но стоило только взглянуть на Гентский договор с религиозной точки зрения, чтобы убедиться в том, что это не мир, а в лучшем случае своего рода религиозное перемирие. Принц Оранский несомненно согласился на него за невозможностью добиться лучшего мира. Все его воззрения и все его поведение свидетельствовали о том, что он хотел взаимной веротерпимости, а не просто modus vivendi между двумя одинаково нетерпимыми сторонами. Но он знал, что личные его стремления неосуществимы, и потому удовольствовался возможным. В остальном у него было достаточно оснований быть довольным. В самом деле, договор о примирении объединил всю страну вокруг его дела. Теперь уже не только две провинции, а вся страна в целом полностью стала на его сторону против короля. Он добился цели, к которой столько времени стремился. Он стал вождем национальной оппозиции и перед лицом всей Испании борцом за «общую родину». Если до сих пор он был просто революционным штатгальтером (stadhouder)

Голландии и Зеландии, то теперь он занимал положение подлинного революционного правителя 17 провинций. В то же время его популярность необычайно возросла. Бедняки, надеявшиеся, что Гентский договор положит конец всем их несчастьям, с восторгом приветствовали принца, заключившего его. Чем ужаснее были их страдания, тем радостнее приветствовали они его как своего спасителя. Опираясь на них, он мог теперь выступить против дон Жуана Австрийского.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ДОН ЖУАН АВСТРИЙСКИЙ

I

Третьего ноября 1576 г., вечером, два покрытых пылью всадника прибыли в Люксембург. Первый был испанский гранд Октавио Гонзаго; под ливреей второго, одетого слугой, скрывался сам новый штатгальтер Нидерландов, который прискакал, не сходя с коня, из Мадрида через всю Францию. Дон Жуан Австрийский обязан был своей жизнью прихоти состарившегося и угрюмого Карла V к прекрасной молодой девушке Барбаре Бломберг, которую он удостоил своим вниманием в Регенсбурге в 1546 г., когда там заседал сейм[1]. Ребенок родился после отъезда императора 24 февраля 1547 г. С тех пор Карл не беспокоился больше о матери, но издали следил за судьбой своего последнего сына. Сначала он доверил его своему преданному камердинеру Адриену Дюбуа, выдававшему себя за отца ребенка. Затем в 1550 г. он приказал ему передать его скрипачу королевской капеллы Франсиско Масси. Последний увез его в Испанию и поместил его у себя до тех пор, пока Жуан в возрасте 7 лет не был отдан на воспитание одной даме, славившейся своей добродетелью, доннс Магдалине Уллоа, которая окружила его материнской нежностью, несмотря на то, что она принимала его за незаконного сына своего мужа. Тайна раскрылась только тогда, когда прочли завещание императора. Филипп II поручил тогда тотчас же привезти своего брата ко двору, где он воспитывался вместе с дон Карлосом и Александром Фарнезе.

Дон Жуану исполнилось всего 24 года, когда благодаря победе при Лепанто он покрыл себя славой, связывавшейся с его именем на протяжении веков. Этот молодой белокурый герой с голубыми глазами, столь же смелый, сколь и эле-

[1] *P. Herre*, Barbara Blomberg, die Geliebte Kaisers Karls V und Mutter Don Juans de Austria, Leipzig 1909, S. 22 ff.

гантный, славившийся своими любовными похождениями, приводивший всех в восторг своими манерами и живостью ума, был бы самым любимым из всех принцев, если бы он не внушал опасений безудержным, снедавшим его честолюбием. Филипп II, поразительнейшей противоположностью которого он был, относился с величайшим недоверием к своему столь блестящему славолюбивому брату. Уже в 1574 г. он отверг предложение Рекезенса и Гоппера послать дон Жуана в Нидерланды. Понадобилась вся серьезность событий 1576 г., чтобы Филипп решил изменить свое мнение. Он отлично знал, что дон Жуан не пожелает быть простым исполнителем его воли. Но дело не терпело отлагательства, и колебаться было некогда. И к тому же разве министры не говорили ему, что появление принца крови среди его северных подданных успокоит царившее там недовольство?

Он вскоре мог убедиться в том, что его подозрения полностью оправдались. Вместо того чтобы тотчас же уехать в Нидерланды, дон Жуан поставил свои условия. Он отнюдь не намерен был тратить свои силы в бесславной борьбе с этим народом купцов и мещан. Он добивался короны, и если он и согласился поехать в Нидерланды, то лишь для того, чтобы после усмирения восстания обратить оружие против Англии, свергнуть с престола Елизавету и после этого жениться на Марии Стюарт. Несмотря на приказы короля, он не поехал к месту назначения, пока не побывал сначала в Мадриде и не получил здесь согласия на свои условия. Филипп обещал ему все, чего он хотел. Чем более неотложным становилось дело и чем более выяснялась из получавшихся из Нидерландов известий растущая опасность положения, тем Филипп все более укреплялся в мысли, что только один дон Жуан, герой его дома, сможет предотвратить катастрофу. В разработанных самым подробным образом инструкциях он намечал ему план действий и пространно объяснял, в чем состояли «настоящие средства», которые ему нужно будет применить. Он пытался все предвидеть и без конца все дополнял свою работу. Его брат был уже в пути, а он все еще в тревоге посылал вслед ему депеши, переполненные дополнительными советами...

Теперь он готов был на все уступки. Он отдавал себе отчет в плачевном исходе своей политики. При условии сохранения неприкосновенности католической религии и обеспечения повиновения своих нидерландских подданных, «насколько это будет возможно» [1], он в остальном готов был пойти на все. Он согласен был уничтожить все новшества, введенные со времени прибытия герцога Альбы, восстановить

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II t. IV. p.426

управление в том виде, каким оно было при Карле V, предоставить административные посты нидерландцам и даже отозвать, если это нужно, свои войска. И как всегда, не отделяя главного от второстепенного, он советовал своему брату говорить только по-французски, чтобы расположить в свою пользу местное население, заменить испанский титул «дон» французским «messire» и, наконец, не брать себе фавориток из знатных семей! [1]

Словом, победителю при Лепанто навязывалась миссия ангела мира; ему рекомендовалось поведение терпеливой покорности, поручалась почти роль козла отпущения. Филиппу II и в голову не приходило, что гордость и честолюбие дон Жуана с самого начала должны были быть возмущены его инструкциями. При таких обстоятельствах выбор подобного человека был до последней степени неудачен. Гранвелла безуспешно пытался отсоветовать этот выбор. Нечего было даже и думать о том, что военная слава нового правителя произведет сильное впечатление на этот спокойный рассудительный и практический народ. Хотя в его жилах и текла кровь Карла V, но все ведь отлично знали, что он был незаконнорожденным. Кроме того его мать жила как раз в это время в Брюсселе, привлекая к себе всеобщее внимание своим скандальным поведением, огромным количеством любовников и их сомнительным происхождением.

В то время как дон Жуан скакал во весь опор через Францию, участники переговоров о примирении торопились закончить свое дело до его прибытия. Когда он приехал в Люксембург, соглашение между ними было уже полностью достигнуто. Теперь, если он хотел быть признанным страной, ему надо было сначала решить вопрос, одобрить ли ему Гентский договор или прибегнуть к оружию и заставить признать себя силой. И в том и в другом случае он уклонялся от инструкций короля, так как ему было дано указание одновременно и не мириться с ересью и избегать войны. Поэтому положение его было необычайно сложным, тем более что национальная армия продолжала враждебные действия против испанских войск. Наконец принц Оранский и его эмиссары горячо убеждали генеральные штаты не верить обещаниям правителя. Они умоляли членов «священного собрания» помнить, что то, о чем ведутся в настоящее время переговоры, не есть их частное дело. «Есть огромное множество дворян, почтенных граждан и всякого мелкого люда, не имеющих возможности присутствовать здесь, — заявляли они, — эти люди избрали вас и передали свою судьбу в ваши руки в надежде на то,

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. IV, p. 44, 346, 427.

что вы все, как один, честно будете бороться за свободу вашей общей родины и охраните их (ибо вы их защитники и покровители) от всякого угнетения и более чем варварской тирании, которую они выносили до сих пор [1].

Дон Жуан тотчас же взялся за дело. На другой же день после своего прибытия он обратился к государственному совету, единственной законной, по его мнению, власти, с собственноручным письмом, выдержанным в самом примирительном тоне [2]. Он извинялся прежде всего за то, что пользуется испанским языком, но, писал он, хотя он и говорит по-французски, он не умеет еще писать на нем, а между тем не хотел терять драгоценного времени на поиски себе секретаря. Далее, он просил содействия членов совета, заверял их, что он готов «пойти им навстречу во всех их справедливых желаниях и требованиях и что он хочет всемерно их поддержать». В заключение он просил, чтобы к нему возможно скорее прислали делегатов, чтобы прекращены были военные действия, и обещал, со своей стороны, отдать приказ испанским войскам о приостановке их продвижений.

Полученный им два дня спустя ответ рассеял все его иллюзии, если только они еще у него были. Он ясно показал ему, что государственный совет был вполне солидарен с генеральными штатами. Он посылал по соглашению с ними сеньера Исхе приветствовать дон Жуана. Но особенно резко подчеркнуто было в ответе, что до отозвания испанцев нечего надеяться ни на роспуск национальной армии, ни даже на заключение какого бы то ни было соглашения. В сущности это равносильно было тому, что ему предлагали отправить назад свои войска, в то время как национальная армия останется наготове. Дон Жуану нетрудно было понять это, и он воспринял это, как тяжкое оскорбление. 7 ноября он жаловался сеньеру Исхе «на холодный прием и на высказываемый ему недостаток внимания» [3] Он негодовал по поводу того, что высшая знать не явилась к нему для выражения своей преданности. Уже 17 ноября он известил короля, что разрыв неминуем, и просил прислать ему войска и денег.

В сильнейшее раздражение приводили его сведения о том, что войска штатов непрерывно тревожили испанскую армию, которой он приказал воздерживаться от всяких столкновений. Но в ответ на его протесты ему неизменно повторяли одно и то же: никакого соглашения до тех пор, пока не будут удалены иностранцы! Задыхаясь в душе от гнева, он продолжал

---

[1] *Gachard*, Analectes belgiques, p. 304.
[2] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. V, p. 460.
[3] Ibid., p. 44.

переговоры, вступив в то же время в тайные сношения с Родой. Как мог он отказаться от королевских солдат, когда он знал, что ему неминуемо вскоре придется прибегнуть к их помощи? Поэтому он договорился с их военачальниками о мерах, которые необходимо было принять. Но когда в конце ноября были перехвачены его письма к ним, все окончательно отвернулись от него. Даже государственный совет потерял всякое самообладание и вызывающе указал ему на то, что «здешние люди не такие дети и не такие простачки, чтобы позволить себя водить за нос, как это думают и внушают себе испанцы... генеральные штаты пришли к убеждению, что вы, ваше высочество, хотите усыпить их бдительность и что вы ждете денег, чтобы вознаградить ими тех, которые жгли, грабили и убивали все, что встречалось им на пути, нарушая все законы и права; но они надеются, что всемогущий господь в конце концов не допустит этого больше» [1].

Тем не менее переговоры продолжались, и дон Жуан начиная с конца декабря обнаружил при этом даже бо́льшую уступчивость. Причиной этого было то, что его доверенный Эсковедо, незадолго перед этим прибывший из Мадрида, сообщил ему, что король согласился обратить испанские войска против Англии. При известии об этом честолюбие дон Жуана снова встрепенулось. Мир казался ему теперь совершенно необходимым для осуществления его надежд: он даст ему армию для освобождения Марии Стюарт и завоевания английской короны. Теперь он обнаруживал большую готовность принять Гентское примирение. К тому же лувенские епископы и теологи убеждали его, что он может одобрить его с спокойной совестью [2].

В то же время и для генеральных штатов обстоятельства складывались более благоприятно в смысле заключения соглашения. Стали замечать, что принц Оранский был против соглашения с королем, даже при условии одобрения последним гентского договора. По просьбе принца Оранского взять на себя защиту провинций брат французского короля Франциск герцог Анжуйский [3] послал в Брюссель своего камергера Бониве и пытался добиться от генеральных штатов какой-нибудь декларации в свою пользу. Но последние совсем не намерены были открыто разрывать со своим законным го-

---

[1] Ibid., p. 482, 484.

[2] «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 1-ère série, t. XIV, 1848, p. 5 etc.

[3] Он иногда называется и герцогом Алансонским по своему уделу, принадлежавшему ему с 1566 г. Герцогство Анжу он получил от Генриха III лишь после мира в Болье («paix de Monsieur») в 1576 г. С тех пор его большей частью называли герцогом Анжуйским.

сударем. Они продолжали считать себя его вассалами. Единственно, чего они требовали, это принятия их условий. Принц Оранский с досадой вынужден был констатировать, что «склонить их на свою сторону можно повидимому только тайными путями» [1]. Его эмиссары рьяно взялись за это. По соглашению с Бониве Марникс, Лисвельт, Блуайе обрабатывали депутатов провинций, «нации» Брюсселя и простой народ. Кальвинисты, покинувшие по договору о примирении Голландию и Зеландию и вернувшиеся в Брюссель, было заодно с ними.

Но если им и удалось завербовать себе большое число сторонников, то, с другой стороны, их поведение внушало сильнейшие опасения католикам и лицам, сохранившим верность королю. Государственный совет был явно обеспокоен. Внутри генеральных штатов стали оформляться две партии: одна, решившая во что бы то ни стало защищать исключительное отправление католического богослужения, стремилась к примирению с королем; другая, жертвуя религиозным вопросом ради политического, была всецело заодно с принцем Оранским, не отступая даже перед мыслью о свержении власти Филиппа II. Приверженцы первой партии, игравшей руководящую роль в собрании генеральных штатов, состояли главным образом из представителей духовенства, дворянства и крупной буржуазии. Другая, менее многочисленная среди представителей провинций, вербовала своих сторонников среди адвокатов, ученых кругов, приверженцев монархомахов, но главным образом среди мелкого люда, доведенного до крайнего озлобления испанским режимом, от которого он столько вынес. Лавируя между обоими этими течениями, генеральные штаты начали колебаться и терять свою прежнюю уверенность. Были основания опасаться, не распадется ли союз, связывавший провинции воедино. Для укрепления его чрезвычайно важно было успокоить большинство католиков и в то же время ослабить растущее влияние принца Оранского. Ведь вельможи и без того с трудом мирились с этим. Популярность принца, его постоянное вмешательство в дела штатов тревожили их. Впрочем, он отлично это знал, но все еще не решался покинуть свое голландское убежище «и взять на себя руководство еще столь несозревшими делами в других провинциях» [2]. Было очевидно, что немало людей не могли ему простить руководящей роли в гентских переговорах. 9 января 1577 г. они отомстили ему заключением Брюссельской унии [3].

---

[1] *Groen van Prinsterer*, Archives...., t. V, p. 517.
[2] Ibid., p. 516.
[3] *J. C. De Jonge*, L'Union de Bruxelles, Rotterd m 1829, p. 277.

Эта уния была по внешнему виду не чем иным, как дополнением к договору о примирении. Она еще более определенно заявляла о единодушном решении участников договора выступить и помогать друг другу «против более чем варварского и тиранического угнетения испанцев... В противном же случае они лишаются дворянского звания, титула, герба и чести, будут считаться перед богом и людьми клятвопреступниками, изменниками и врагами нашей родины и навсегда останутся покрытыми позором бесчестия и трусости». Но в то же время уния гласила, что будет сохранять «нашу святую веру и римско-католическую, апостолическую религию... и должное повиновение его величеству». Таким образом она была в одно и то же время и национальным и католическим союзным договором. Ее инициаторы — графы Бусси и Лален, маркиз Гаврэ, гентский виконт, Шампанэ, Хез — готовы были оказывать сопротивление испанцам, но, с другой стороны, они столь же решительно не могли допустить распространения кальвинизма и готовы были примириться с королем, как только он отзовет свои войска. Брюссельская уния опиралась таким образом на Гентское примирение, но лишь поскольку она истолковывала его в строго католическом смысле.

Тем не менее она столь решительно высказывалась против Испании, что ее не могли не одобрить даже Голландия и Зеландия, которые однако определенно заявили при этом, что это отнюдь не означает, будто они собираются тем самым отступить от пунктов Гентского договора, касающихся религиозных дел. Таким образом нетрудно было предвидеть, что католики и протестанты, единодушно ссылавшиеся на Гентский договор, не преминут вскоре притти к совершенно противоположным выводам из него.

Но пока Брюссельская уния торжественно заявляла, что страна более решительно чем когда-либо требует удаления испанцев, ничего больше не оставалось, как подчиниться ее требованиям. После долгих и тягостных переговоров при посредничестве льежского епископа Жерара Гросбекского и представителей императора пришли наконец к соглашению о договоре, который был подписан дон Жуаном в Марше 12 февраля и который известен под названием Вечного эдикта. Договор этот, помимо одобрения Гентского примирения, прежде всего устанавливал, что испанские солдаты должны быть отозваны в течение 20 дней, другие же иностранные войска — как только им будет уплачено жалованье. Генеральные штаты, в свою очередь, обязывались выдать 600 тыс. ливров для уплаты жалованья войскам, «во всем и повсюду поддерживать» католическую религию и должное повиновение королю, а также распустить навербованных ими солдат. Король,

с своей стороны, обещал соблюдать привилегии провинций. Граф Бюрен, сын принца Оранского, отправленный герцогом Альбой пленником в Испанию, должен был быть выпущен на свободу, как только его отец согласится на условия, которые будут ему поставлены штатами. Наконец чрезвычайно важное условие только что заключенного соглашения состояло в том, что новый правитель не будет признан до тех пор, пока не будут уведены иностранные войска [1].

Но в надежде добиться согласия восставших на этот мир, пришлось обещать, что испанские войска покинут страну сушей, ибо Голландия и Зеландия, опасавшиеся нападения с их стороны, категорически отказались пропустить их через свою территорию. Поэтому планы дон Жуана относительно Англии не удались. Сколько ни уговаривал его Филипп, что вскоре представится другая возможность, он был в отчаянии и точно помешался; «все вокруг него вызывало в нем отвращение и было для него смертной мукой» [2]. Мысль о том, чтобы остаться в Нидерландах, продолжать по обязанности сдерживать себя перед людьми, которые разговаривали с ним, как с совершенно равным себе, которых он в одинаковой мере презирал и ненавидел, наполняло его непреодолимым отвращением. Он умолял короля отозвать его, заменить его Христиной Лотарингской или Маргаритой Пармской. Он предлагал ему повести испанские войска на помощь французскому королю против протестантов. Перед своими доверенными людьми он развивал еще более нелепые планы; он говорил о том, чтобы поехать в Мадрид и, добившись звания инфанта, захватить в свои руки власть. Тем не менее он продолжал добросовестно выполнять условия Маршского договора. Королевская армия очистила провинции. В конце апреля она была уже на пути в Италию.

II

Между тем страна не проявляла никакой радости. «Никогда еще не видано было, чтобы так мало довольны были миром» [3]. Оранжисты не скрывали своего возмущения. В тот день, когда генеральные штаты одобрили Вечный эдикт, они толпой покинули заседание, заявив, что вообще нельзя было вести переговоры без согласия принца [4]. И действительно,

[1] «Placcaeten van Brabant», t. I, c. 595.
[2] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. V, p. 187.
[3] Слова английского посла Вильсона, приводимые Леттенгофом (*Kervyn de Lettenhove*, Relations politiques des Pays-Bas et de l'Angleterre, t. IX, p. 211).
[4] *Metsius*, Mémoire, p. 783.

союз между провинциями, столь торжественно объявленный Гентским примирением и Брюссельской унией, явно ставил заключение всякого соглашения в зависимость от единодушного решения всех провинций. Между тем ни Голландия ни Зеландия не были опрошены. Можно было быть заранее уверенным, что они откажутся присоединиться. Действительно, если Вечный эдикт санкционировал договор о примирении, то, с другой стороны, он решительно расходился с ним в обещании, возложенном на штаты, «всячески и повсюду поддерживать католическую религию». Как могли кальвинисты присоединиться к договору, так категорически запрещавшему отправление их богослужения? Поэтому будущее таило в себе множество опасностей и чревато было новыми конфликтами. Примирение с королем вновь выдвинуло на первый план неразрешимый религиозный вопрос, который так осторожно обойден был участниками гентских переговоров. Едва только успели выйти из войны, опустошившей страну, расстроившей ее торговлю и промышленность, закрывшей Шельду, разорившей Антверпен, ввергнувшей народ в отчаяние; всего только шесть месяцев назад приветствовали окончательное примирение, торжественно заявили, что прошлое предается забвению, восстановили единство родины и радостно приветствовали возврат к согласию и наступление новой эры мирного труда и хозяйственного подъема, — и неужели все это вскоре опять неизбежно должно было закончиться новыми междоусобиями? Вернувшиеся в страну протестанты со страхом думали об угрожавшей им опасности нового изгнания. Но даже и среди католиков многие приходили теперь в ужас от того, что было пережито в последнее время.

Однако дон Жуан медленно подвигался по направлению к Брабанту. 9 марта он поселился в Лувене и, чтобы склонить на свою сторону общественное мнение, развернул перед всеми самые обаятельные черты своего характера. Он показал себя обворожительным, бесконечно вежливым и проникнутым самой чистой доверчивостью. «Он превзошел Цирцею; никто не может устоять перед ним, не обратиться в преданнейшего ему человека» [1]. Он стал принимать участие в народных празднествах, участвовать в стрельбе по птицам, раздавать хлеб бедным и пить пиво, не морщась. Он делал даже вид, будто отвернулся от испанцев и всегда говорил лишь на плохом французском языке.

12 мая 1577 г. он был наконец с большой помпой принят в Брюсселе, с неизбежной иллюминацией, триумфальными арками и живыми картинами. Но эти официальные празд-

[1] *Kervyn de Lettenhove*, Relations politiques. etc., t. IX, p. 240.

нества были в резком контрасте с недоброжелательством и тревожным настроением населения. 3 мая генеральные штаты после бурного заседания признали нового правителя большинством всего лишь в один голос [1]. Высшая знать, которая в результате недавних событий вновь приобрела влияние на дела, лишь с неудовольствием уступила ему место. Граф Лален удалился в Генегау к своим штатгальтерским обязанностям. Шампанэ был явно враждебен дон Жуану. Все упрекали его в том, что он скрывается от них, что он выказывает доверие только испытанным роялистам, вроде Берлемона, Мегема и Асонлевиля; что у него есть «запасный совет», состоящий из его доверенных людей — испанцев, — которому он втайне передавал решение всех дел. Всякий шаг его истолковывался в дурном смысле. Чтобы добиться признания, он должен был очевидно согласиться стать просто орудием в руках вельмож. «Им недостаточно, — писал Гонзаго, — что мы оказываем им почести, что мы ни во что не вмешиваемся, что мы подчиняемся всему, что они делают, будто мы мразь, а они короли» [2].

Если таковы были настроения дворянства, то нетрудно себе представить, каковы были настроения народа. Тайно обрабатываемый эмиссарами принца Оранского и герцога Анжуйского, собравшимися в Брюсселе и наводнившими его памфлетами и противоправительственными песенками, народ приходил во все более возбужденное состояние; его раздражение с каждым днем росло, он становился подозрительным. Освобождение согласно Маршскому эдикту заключенных испанцев, присутствие других испанцев среди советников и слуг дон Жуана свидетельствовали, по мнению народа, о каких-то ужасных махинациях. Самые смелые из недовольных, назвавшись «добрыми гражданами-патриотами», открыто жаловались графу Лалену и генеральным штатам на мнимые нарушения договора о примирении. Даже в самих штатах многие депутаты выдвигали непомерные требования. Они не хотели больше довольствоваться возвратом к системе управления Карла V и Марии Венгерской, а мечтали о Великой привилегии 1477 г. Они требовали теперь, чтобы штатам предоставлено было право собираться два раза в году и чтобы король без их согласия не имел права объявления войны и заключения мира [3].

Если бы была еще хоть какая-нибудь надежда на благо-

[1] *Metsius*, Mémoire, p. 788.

[2] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. V, p. 379.

[3] *Metsius*, Mémoire, p. 786. Впрочем эти предложения были внушены принцем Оранским; уже 30 ноября 1576 г. он советовал генеральным штатам представить их дон Жуану. *Gachard*, Analectes..., p. 310.

приятный исход переговоров между дон Жуаном и принцем Оранским. Но с самого же начала было ясно, что они ни до чего не смогут договориться. Открывшаяся 20 мая в Гертрейденберге конференция тянулась лишь для формы, так как никто не решался взять на себя ответственность за разрыв. Было более чем очевидно, что принц не может предоставить собственной участи кальвинистов Голландии и Зеландии. Кроме того он рассчитывал на всеобщее недовольство в стране, на помощь, которую Елизавета, будучи в курсе планов дон Жуана относительно Англии, снова готова была ему оказать, и наконец на отношения, которые он продолжал сохранять с герцогом Анжуйским. С течением времени шансы принца Оранского все улучшались. Его эмиссары проявляли все бо́льшую смелость перед лицом безоружного правителя. Даже кальвинисты не боялись действовать более энергично. Протестантские священники стали выступать с проповедями. И несмотря на это новое наступление еретиков, католики не только упорно оставались враждебными Испании, но еще сильнее это подчеркивали. Шампанэ стал столь опасен, что дон Жуан советовал королю приказать убить его, а также и других «потворствующих его дурным намерениям». Он видел себя окруженным врагами; его слуги не могли пройти по улице, не подвергшись оскорблениям. Да и сам он чувствовал себя пленником в Брюсселе, правителем которого был Хез, в котором гражданские отряды, как в военное время, вступали в караул с барабанным боем и развевающимися знаменами. К тому же он знал также, что принц Оранский составил заговор, чтобы захватить его в плен. Такое положение не могло больше продолжаться. Его терпение истощилось. 11 июня под предлогом переговоров с немецкими офицерами об уплате им их жалованья он удалился в Мехельн. 14 июня он отправился в Намюр, якобы для того, чтобы приветствовать при проезде королеву Наваррскую, направлявшуюся на воды в Спа. 24-го он внезапно захватил намюрскую цитадель. Отныне он был в безопасности. Он достаточно унижался, достаточно сдерживал себя. Теперь пусть только король пришлет ему назад его войска, и тогда он заговорит, как повелитель, будет действовать, как солдат, и сможет, как он уж давно мечтал, «купаться в крови изменников» [1].

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. V, p. 182.

РЕЛИГИОЗНАЯ ВОЙНА

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПОЛИТИКА ОРАНЖИСТОВ

I

Отступление дон Жуана в Намюр было исполнением заветнейших желаний принца Оранского. Оно избавило его от насильственного свержения правительства и возложило на последнее весь одиум за ту политику, которая поставила страну перед угрозой новой войны. Никогда еще обстоятельства для нанесения решительного удара Испании не были так благоприятны. Вечный эдикт был расторгнут. События подтвердили подозрения, так искусно сеявшиеся оранжистами относительно короля и его наместника. Все провинции охвачены были лихорадочным возбуждением. Беспокойство одних, возмущение других и всеобщее замешательство — все это было чрезвычайно благоприятной почвой, чтобы заставить всех подчиниться воздействию твердой и смелой воли. И по какому-то неожиданно счастливому стечению обстоятельств перевес сил был как раз на стороне оппозиции. Королевские войска исчезли, между тем как национальная армия стояла под знаменами. Правда, между Намюром и Брюсселем начались какие-то неопределенные переговоры; дон Жуан хотел выиграть время до возвращения испанских «терций», а генеральные штаты или, вернее, большинство генеральных штатов все еще предавалось обманчивым надеждам на возможность какого-то мнимого примирения.

Но принц Оранский решил теперь во что бы то ни стало толкнуть их на путь сопротивления, не позволять им больше увиливать, как они это делали до сих пор, и втянуть их в свою антимонархическую политику. 2 августа 1577 г. он послал одного из своих эмиссаров, Жака Таффена, чтобы убедить их принять решение, соответствующее «их обязанности по отношению ко всему народу во всей его целости и совокупности»[1]. Разве они не были согласно учению монархо-

[1] *Gachard*, Actes des États Généraux, t. I, p. 214.

махов представителями народа? А разве власть народа не выше королевской власти? Не обязан ли народ на основании естественного права свергнуть тирана? А кто решится утверждать, что Филипп II не тиран? Впрочем, разве мало в истории Нидерландов случаев свержения королей народом? Разве Яков ван Артевельде не вызвал восстание всей Фландрии против Людовика Наваррского, конспирировавшего с заграницей? А разве брабантские штаты не лишили короны герцога Иоанна IV? Настало наконец время патриотам опомниться и понять, что как право, так и национальная традиция настоятельно повелевают им начать действовать. Ведь провинции — не испанская вотчина. Бургундские герцоги сделали их независимым государством. Какой поразительный контраст между герцогом Филиппом Добрым, жившим среди своих подданных и управлявшим в согласии с ними, и между деспотом, который из тайников Эскуриала угнетает и разрушает до основания страну [1]!

В то время как пропаганда оранжистской партии, ссылавшаяся таким образом на право и на историю, толкала умы к революции, Елизавета, с своей стороны, тоже предложила свою поддержку генеральным штатам. Для нее тоже настал момент покончить с испанским могуществом на севере, являвшимся для нее постоянной угрозой. Через три дня после внезапного захвата Намюра английский посол Дэвисон официально предложил генеральным штатам обратиться к посредничеству королевы. Но секретные инструкции уполномочивали его завязать сношения с «хорошими патриотами», настроить их против дон Жуана и убедить их признать принца Оранского [2].

Однако они не нуждались в этом совете. Ведь и так принц Оранский был в их глазах их единственным спасением. Развернувшиеся за 8 месяцев события, а также непрерывная оранжистская пропаганда довели популярность, которой пользовался принц уже со времени Гентского примирения, до апогея. В особенности категорически требовало его прибытия городское население Брюсселя, где благодаря наличию генеральных штатов царило постоянное политическое возбуждение. Партия патриотов становилась здесь с каждым днем все смелее и сильнее. Тайно руководимая очень энергичными адвокатами и кальвинистами, вернувшимися за последнее время в Брюссель, она стояла за сопротивление до конца и не

[1] По поводу того, как оранжистская партия необычайно искусно пользовалась в своей пропаганде историческими примерами, соответственно истолковывая их для своих целей, см. интересный пример, приводимый Леттенгофом (*Kervyn de Lettenhove*, Relations,..., t. IX, p. 401).

[2] Ibid., p. 436, 439, 444.

хотела больше слышать о соглашении с дон Жуаном. Она явно подстрекала к войне, и манифесты, в которых она противопоставляла испанской тирании национальные права и свободы, привлекали народные массы на ее сторону. Ремесленники и рабочие, озлобленные нуждой, рвались все поставить на карту. Они давно уже не доверяли дворянству, чиновникам, духовенству, общественным и политическим властям, которым они приписывали все свои бедствия. Если нация, как это непрерывно твердили, действительно была выше короля, то почему в таком случае люди из простого народа, составляющие большинство нации, лишены всякого участия в управлении страной? Почему в таком случае они должны передавать решение судеб страны в руки генеральных штатов, состоящих из представителей привилегированных сословий? Пора покончить с этим невыносимым положением. Надо, чтобы при решении политических дел «каждому гражданину, всем поголовно, предоставлена была полная свобода действий» [1].

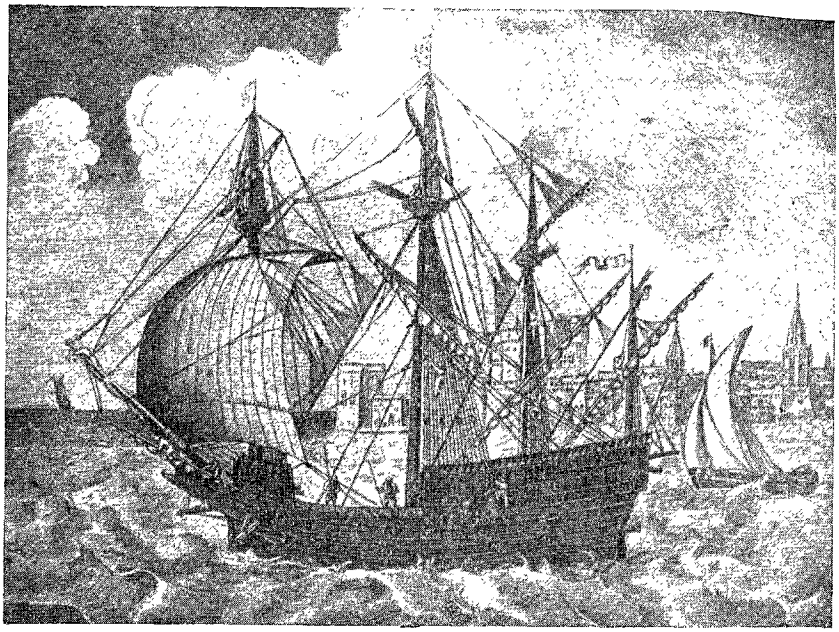
Либеральные принципы монархомахов превратились таким образом среди широких масс в демократические принципы. Идея политического равенства граждан воспринималась с тем бо́льшей легкостью и быстротой, что она была гораздо проще. В отличие от средневековой демократии, при которой каждый отдельный человек пользовался правами только той социальной группы, к которой он принадлежал, эта демократия XVI в. была по существу своему индивидуалистична. В противоположность абсолютизму, стремившемуся снизить всех подданных до одного и того же уровня, она предоставляла всем гражданам одинаковое положение в государстве. Если внешне она и сохраняла старые сословные деления, на которые в средние века распадалось городское население, зато она создала наряду с ними учреждения, в которых царил новый дух. В августе 1577 г. по требованию городского населения в Брюсселе создан был комитет, состоявший из 18 человек, представителей 9 «наций» города. Его официальной обязанностью было наблюдение за фортификационными работами, фактически же он вскоре захватил в свои руки городское управление [2]. Действительно, опираясь на народ и руководя военными силами городской общины, комитет 18-ти в сущности был всемогущ. Его можно сравнить с комитетами, созданными французской революцией в 1793 г. В разгар переживавшихся страной исключительных обстоятельств, в обстановке всеобщего возбуждения и всеоб-

[1] *Gachard*, Actes des États Généraux, t. I, p. 463.
[2] *Henne et Wauters*, Histoire de Bruxelles, t. I, p. 462.

щей подозрительности к властям, комитет 18-ти, так же как и комитет общественного спасения во Франции, заменил законность режимом исключительного положения и диктатуры. Но чем решительнее становилось его вмешательство в дела и чем резче обнаруживался незаконный характер его власти, тем более должен был он прибегать к самой крайней демагогии, поскольку он вынужден был, чтобы удержать в своих руках власть, обеспечить себе расположение широких масс. После первых же его мероприятий стало ясно, что наступил конец влиянию тех состоятельных слоев горожан, которые начиная с XV в. держали в своих руках городское управление. Комитет 18-ти конфисковал доходы, предназначавшиеся для уплаты рент, выпущенных при постройке Виллебрукского канала, с тем чтобы обратить их на перестройку городских укреплений, и обложил состоятельных граждан налогом, который должен был распределяться среди бедняков, занятых на работах по возведению укреплений.

В том же положении, в каком во время Французской революции законодательное собрание стояло по отношению к Парижской коммуне, находились теперь в Брюсселе генеральные штаты по отношению к этим народным диктаторам. Не имея возможности справиться с пользовавшимся всей полнотой власти комитетом, они всецело зависели теперь от его воли. Опираясь на стоявших вне их патриотов, меньшинство генеральных штатов навязывало всему собранию свою волю. По его настоянию, 6 сентября решено было направить депутацию принцу Оранскому, чтобы призвать его в Брюссель. Разумеется, многие католические депутаты дрожали при мысли о том, что ему может быть доверено решение судеб страны. Но как могли они противиться воле народа, не вызывая тем самым восстания? Для успокоения своей совести они потребовали по крайней мере, чтобы принц Оранский согласился допустить отправление католического богослужения в Голландии и Зеландии и обязался кроме того не разрешать отправления некатолического богослужения в других провинциях.

23 сентября принц Оранский прибыл в Брюссель. Никогда еще «Joyeuse-Entrée» государя не было более радостным и торжественным. Начиная от Виллебрука, военные отряды города, выстроенные в полном параде по берегам канала, стояли двойными шпалерами перед кораблем, на котором он проезжал. У шлюзов, где он должен был выйти, земля была усеяна цветами. Великолепно разукрашенная, затянутая оранжевым сукном лодка ждала его в Вильворде; ее сопровождали две другие лодки с музыкантами. По мере его приближения к Брюсселю к нему навстречу устремлялись все более



ВОЕННЫЙ КОРАБЛЬ XVI в.
(гравюра Хейса, по Брейгелю)

густые толпы народа, приветствия которых сливались со звоном колоколов и залпами орудий. Принц остановился у ворот Антверпена и был встречен здесь герцогом Арсхотом, графами Лаленом, Эгмонтом, Бусси и всей знатью. Затем, когда он отправился дальше, с тем чтобы после 10-летнего изгнания вновь поселиться в Нассауском дворце, это вызвало такое ликование, что «те, кто при этом не присутствовал, не могли бы этому поверить. Ангела с неба нельзя было принять лучше». Из всех окон, с крыш всех домов, не умолкая, неслись приветствия; люди душили друг друга, чтобы иметь возможность взглянуть на национального героя, теснили окружавших его и вооруженных аллебардами телохранителей, чтобы иметь возможность прикоснуться к нему. Повсюду, куда ни взглянуть, видны были воздетые к небу руки, слезы радости, слышались рукоплескания. При приближении праздничного шествия женщины опускались на колени, «как если бы по городу проходил сам бог». И когда наконец Вильгельм, тоже опьяненный волнением и гордостью, переступил порог своего дома, тотчас же организовалась гвардия, которая должна

была денно и нощно охранять неприкосновенность этого отца народа»[1].

После такого приема не могло быть больше никаких сомнений в том, каким влиянием он будет пользоваться. Ни генеральные штаты, ни городское население не могли оказать ему никакого сопротивления ввиду того, что патриоты были с ним заодно. Умеренному большинству генеральных штатов ничего больше не оставалось, как подчиниться политике оранжистов. 25 сентября оно согласилось послать дон Жуану неприемлемые предложения, а 5 октября отправить королю «оправдательный документ», который был на самом деле не чем иным, как угрозой призвать на помощь иностранцев, если он не согласится распустить навербованные им для борьбы с Нидерландами войска, не отзовет дон Жуана и не назначит наместником «принца — законного отпрыска австрийского дома», т. е. иными словами, так как у короля со времени смерти дон Карлоса не было другого сына, то сына германского императора[2].

Таким образом потребовалось всего лишь несколько дней, чтобы дела приняли желательный для принца Оранского оборот. Соглашение с Филиппом II стало невозможным: война против Испании была по крайней мере потенционально объявлена. На этот раз королю предстояло иметь дело уже не с двумя провинциями, а со всем «коллективом» страны, борющимся как один человек — viribus unitis — за свою свободу. Уже в октябре группа брюссельцев в докладной записке, поданной генеральным штатам, потребовала, чтобы начата была осада Намюра, чтобы по всей стране объявлена была мобилизация каждого десятого гражданина, чтобы все состоящие на службе чиновники заменены были благонадежными и честными патриотами, чтобы в каждой из 17 провинций избраны были — тоже из среды патриотов — «два дворянина и два ученых человека» и чтобы из этих 68 лиц составлены были государственный, тайный и финансовый советы, чтобы из генеральных штатов удалены были «все те, кто пользуется любовью врагов», и чтобы призваны были на помощь войска пфальцграфа Иоанна Казимира и войска королевы английской...[3] Таким образом подозрительными считались теперь роялисты; надо было поэтому очистить от них государственный аппарат и в интересах правильной организации нацио-

---

[1] Я придерживаюсь здесь главным образом рассказа очевидца, английского посла Дэвисона, приводимого Леттенгофом (*Kervyn de Lettenhove*, Relations... t. IX, p. 538).

[2] *Gachard*, Actes des États Généraux, t. I, p. 263.

[3] Ibid., p. 460.

нального сопротивления передать его целиком в руки патриотов.

Но еще важнее было успокоить католиков, если хотели, чтобы они вместе с протестантами приняли участие в борьбе против короля. Принц Оранский отлично знал, что некоторые из них были обеспокоены его кальвинистским окружением и возмущены были все еще продолжавшимся запрещением католического богослужения в Голландии и Зеландии. Он особенно опасался, чтобы вернувшиеся после «примирения» еретики не скомпрометировали его несвоевременной религиозной пропагандой. Поэтому он тщательно старался избежать каких бы то ни было подозрений в нетерпимости или прозелитизме. Так как он неоднократно вынужден был менять свои религиозные убеждения, то его христианство под влиянием стольких новообращений приняло более широкий и более терпимый характер, и он смог поэтому, находясь среди брабантских католиков, снова вернуться к своим подлинным убеждениям приверженца Кассандера [1]. Он тщательно воздерживался от соблюдения протестантской религии, а в его владениях в Бреде, к величайшему возмущению кальвинистов, попрежнему продолжали служить обедню [2]. Несмотря на упреки своего брата Иоганна Нассауского, он при всяком удобном случае заявлял, что не потерпит никаких новшеств в 15 католических провинциях.

Однако он мог сколько угодно ломать себе голову над тем, чтобы не задеть ни кальвинистов Севера, ни католиков Юга, но одного его присутствия было достаточно, чтобы пробудить вновь религиозные страсти, всю силу которых он не мог постигнуть. Священник Вилье очень правильно определил положение, когда он писал, что католики, «принимая дон Жуана, тем самым очень содействуют папизму, а принимая его высочество принца, тем самым наносят ему большой ущерб» [3].

Разумеется, народ в большинстве своем чужд был нетерпимости. Он, почти без исключения, осуждал казни и суровые преследования, от которых очень пострадало благосостояние страны. Испанцы с негодованием отмечали, что во имя интересов своей торговли и промышленности он протестовал против изгнания еретиков и ничего не имел против смешанных браков [4]. Принц Оранский признавал в феврале 1577 г., что «некоторые из брабантских штатов и штатов других про-

[1] См. выше, стр. 57, прим. 3.

[2] *Bezold*, Briefe des Pfalzgrafen Johann Casimir, T. I, München 1882, S. 326.

[3] *Kervyn de Lettenhove*, Relations..., t. IX, p. 153.

[4] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. V, p. 376.

винций не слишком фанатично настроены по отношению к нашей религии (протестантизму) и признают, что каждый может выбирать себе религию и служить своему богу по велению голоса своей совести»[1]. Однако народ был искренно привязан к своей католической религии. Если он мирился с присутствием кальвинистов, то лишь при условии, чтобы они воздерживались от каких бы то ни было соблазнов, а таким соблазном он считал открытое отправление их богослужения. Готовы были смотреть сквозь пальцы на все, лишь бы только инаковерующие сами согласились — хотя бы только для видимости — уважать существующую церковь. Но это-то как раз и было невозможно. Как могли вернувшиеся из Голландии и Зеландии протестанты скрывать свои религиозные убеждения, которые совесть обязывала их распространять и из-за которых они претерпели долгие годы изгнания? Все вернувшиеся назад в страну после «примирения» были самыми ревностными сторонниками реформации. Самым глубоким их желанием было разрушить «римское идолопоклонство», и обстоятельства казались им благоприятными для осуществления этого. Бегство дон Жуана и в особенности приезд принца Оранского в Брюссель разгорячили их умы и лишили их всякого самообладания. Уже в декабре 1576 г. надо было спешно удалить из Брюсселя прибывшие с севера военные отряды, раздражавшие католиков распеванием псалмов. То тут, то там стали попадаться люди, отказывавшиеся становиться на колени при прохождении процессий.

Правда, патриоты, всецело поглощенные своими политическими страстями и видевшие кроме того, что кальвинисты решительно были на их стороне, не придавали большого значения этим признакам религиозного антагонизма. Но консервативные элементы и в особенности высшая знать были этим крайне обеспокоены. Чем яснее выступали демократические поползновения народных масс, тем сильнее становилась их тревога. Опасность, угрожавшая в одно и то же время церкви и государству, укрепила их исконное убеждение в необходимости союза между этими двумя крупнейшими социальными силами. Лишенный всякого религиозного пыла католицизм знатных вельмож теперь вдруг вновь ожил под влиянием их политических опасений. Кроме того им невыносимо было усилившееся влияние принца Оранского. Они не хотели ни подчиниться ему, ни компрометировать себя из-за него. Они отлично видели, что он толкал страну на окончательный разрыв с королем, и, как ни было им ненавистно испанское владычество, они не хотели ничего слышать о принципах мо-

[1] *Kervyn de Lettenhove*, Relations..., t. IX, p. 189.

нархомахов. И как дворяне и как подданные бургундского дома они не допускали возможности свержения своего законного государя. Соображения, приведшие их к подписанию Брюссельской унии и принятию Вечного эдикта, становились все более повелительными. Под влиянием этого у них зародился новый план.

В 1576 г., в самый разгар переговоров с дон Жуаном, сын германского императора эрцгерцог Матвей предложил генеральным штатам свои услуги[1]. Этот легкомысленный 19-летний юнец, наивно честолюбивый, сам был ничтожеством. Но так как он был католиком и принадлежал к австрийскому дому, то он мог бы пожалуй благодаря поддержке своего отца убедить Филиппа II передать ему управление Нидерландами; тогда последние, избегнув таким образом конфликта со своим законным государем, получили бы давно желанную независимость и освободились бы от испанского ига. Это была заманчивая перспектива для сторонников умеренности. Это удовлетворяло католиков, а также всех тех, у кого национальные стремления соединялись с уважением к законному государю и недоверием к принцу Оранскому и демократии «патриотов». Герцог Арсхот взялся за это дело. По его тайному настоянию, эрцгерцог Матвей, переодетый, ночью 3 октября 1577 г. покинул венский дворец и 28 октября прибыл в Маастрихт. Эта затея могла увенчаться успехом лишь в том случае, если бы император решительно взял на себя ответственность за нее. Однако, хотя он и был в курсе планов своего сына и желал их успеха[2], но, с другой стороны, он отнюдь не желал дать вовлечь себя в войну против Испании. Он тотчас же заявил посланнику Филиппа II о своей полнейшей непричастности к этому делу. Что касается германской империи, то она отнеслась к этому совершенно равнодушно, за исключением нескольких патриотов, видевших в авантюре эрцгерцога путь к восстановлению сюзеренитета Германии над Нидерландами и средство для борьбы с интригами Франции[3].

Таким образом планы эрцгерцога Матвея, не имевшего ни войск, ни денег, ни престижа, неминуемо должны были закончиться жалким крахом. Но мало того. Ему суждено было повредить той партии, которая хотела с его помощью сломить принца Оранского, и, сделавшись жертвой одного из самых ловких и самых смелых замыслов этого хитроумного политика, он стал прост[illegible] орудием в руках Оранского. В тот са-

[1] «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 3-ème série, t. V, 1863, p. 283.

[2] *Hansen*, Nunciaturberichte aus Deutschland, Abteilung III, Bd. II, Berlin 1894, S. XXXVIII u. ff.

[3] *A. Eiermann*, Lazarus von Schwendi, Freiburg i. Br. 1904, S. 87 u. ff.

мый день, когда он вступил в Маастрихт, судьба его была решена.

Хотя переговоры, которые велись с эрцгерцогом Матвеем, окружены были глубокой тайной, но принц Оранский все же узнал о них и поспешил отразить удар. К тому же герцог Арсхот шел теперь в открытую. Как только он узнал об отъезде эрцгерцога в Нидерланды, он поспешил добиться признания его штатгальтером со стороны четырех «членов Фландрии», т. е. той провинции, управление которой было только что передано ему государственным советом. Одновременно подняли головы и антиоранжисты. Если бы они не боялись народа, они не остановились бы перед тем, чтобы захватить принца Оранского. Но он отлично знал об этом и предусмотрительно покинул Брюссель, перенеся свое местопребывание в Антверпен, где он был в полной безопасности. Между тем патриоты были в постоянном волнении. В Брюсселе они требовали признания принца Оранского правителем (ruwaert) Брабанта. В Генте они заняли угрожающую позицию по отношению к герцогу Арсхоту, одушевленные наличием здесь множества вернувшихся из изгнания кальвинистов, а также голландских войск, посланных незадолго перед тем принцем для участия в нападении на «цитадель испанцев». Рихове и Гембизе — два честолюбивых, но столь же ловких и смелых человека — уже давно с нетерпением ждали случая найти себе путь к власти через народное восстание. Поговаривали о том, чтобы ввести опять в действие старые привилегии, отнятые в 1540 г. Карлом V, но инициаторы движения хотели в действительности, чтобы и в Генте введен был режим демократической диктатуры, недавно торжественно установленный Брюссельской коммуной.

Положение было следовательно исключительно благоприятным для смелого переворота, и принц Оранский, подстрекаемый предстоящим приездом эрцгерцога Матвея, решил им воспользоваться. Ведь не остановился же он несколькими месяцами раньше перед тем, чтобы арестовать государственный совет! На этот раз Рихове предлагал ему захватить герцога Арсхота, и принц дал свое согласие, 28 октября, глубокой ночью, на герцога совершено было внезапное нападение в его собственном доме, и он был взят под стражу. Одновременно захвачены были также брюггский и ипрский епископа, а также сир Рассенгин и сир Галлевин. Таким же образом захватили «бальи» города и нескольких советников из фландрского совета. На следующий же день Рихове набрал 300 бродяг и вооружил их. Вся беднота была за него. Парализованные страхом приверженцы партии умеренных и пальцем не пошевельнули. 1 ноября в Генте также создан был по брюс-

сельскому образцу комитет 18-ти. Таким образом и этот крупный фламандский город тоже стал на путь революции.

Принц Оранский не преминул, разумеется, отречься от всякого участия в этом перевороте, но поспешил в то же время извлечь из него все возможные выгоды. Под влиянием гентских событий его сторонники еще больше осмелели. Генеральные штаты без всякого сопротивления предоставили теперь патриотам руководство всеми делами. 7 декабря они торжественно объявили дон Жуана врагом родины. 10 декабря вновь провозглашена была Брюссельская уния, но теперь она лишена была того строго католического характера, который придали ей ее авторы. Она истолковывала теперь Гентское примирение в смысле религиозной веротерпимости. Подписавшиеся под ней стороны обязывались «не отягощать положение или не вредить тем, которые отошли от римско-католической религии и объединились с ними благодаря упомянутому примирению; взамен этого они с своей стороны заверяли, что в их намерения никогда не входило, да и сейчас не входит, преследовать, обижать или вредить тем, кто придерживается указанной римско-католической религии, или каким-нибудь действием мешать отправлению ее» [1]. Таким образом приверженцы обеих религий обещали друг другу взаимную поддержку; и католики и протестанты объединились теперь против общего врага. Необходимость общих политических действий взяла верх над религиозным фанатизмом. Принц Оранский увидел наконец воочию осуществление своего идеала.

С изумительной ловкостью он сумел втянуть в свою политику также и эрцгерцога Матвея. Обезопасив себя от него путем ареста герцога Арсхота, он избегал открытой ссоры с ним и предпочитал лучше использовать его. Действительно, разрывом с эрцгерцогом Матвеем он мог бы довести католиков до крайности и рисковал пожалуй даже тем, что они опять перейдут на сторону дон Жуана. Наоборот, признавая наместником призванного ими молодого принца, он успокаивал тем самым их тревогу и не давал им отпасть. Нечего было опасаться, что эрцгерцог когда-нибудь может стать опасным или хотя бы даже просто неудобным. Легкомысленный и никчемный, он прибыл в Нидерланды лишь для того, чтобы обзавестись здесь титулом. Его честолюбие жаждало лишь внешнего блеска власти, и ему было совершенно безразлично, получит ли он ее из рук герцога Арсхота или принца Оранского. При условии соблюдения внешних приличий он готов

[1] *De Jonge*, Verhandelingen en onuitsgegevene stukken, T. II, Delft, 1827, c. 198.

был на все. 8 декабря генеральные штаты попросили его принять управление Нидерландами «временно и с соизволения его католического величества». Тем не менее ему навязали условия, ставившие его в положение чисто декоративной фигуры. Он должен был обязаться предоставить генеральным штатам выбор своего совета и решение всех важнейших дел. В случае объявления войны, заключения мира, союза или требования дополнительных ассигнований или субсидий необходимо было получить согласие народа, «так как более чем целесообразно, чтобы то, что касается каждого, было также одобрено каждым». Генеральные штаты и штаты отдельных провинций получили теперь право собираться, когда они найдут это нужным. Им предоставлено было назначение провинциальных штатгальтеров. Зато эрцгерцогу Матвею назначена была ежегодная сумма в 120 тыс. флоринов «на содержание его двора и для того, чтобы он мог вести такой образ жизни, который привыкли вести в этой стране принцы крови и принцы старого бургундского дома» [1].

В этом соглашении, в котором упоминание о бургундской династии сочеталось с парламентскими и демократическими стремлениями монархомахов и патриотов, принц Оранский не был упомянут ни одним словом. В правительстве «объединения всей страны» не оставлено было никакого места для штатгальтера (stadhouder) Голландии и Зеландии, для правителя (ruwaert) Брабанта, для вождя партии, которая со времени бегства дон Жуана непрерывно росла и расширяла свое влияние. Но генеральные штаты не могли даже воспользоваться той властью, которую они оставили за собой. Это большое громоздкое собрание, состав которого непрерывно менялся и в котором каждая представленная территория, как бы незначительна она ни была, пользовалась равным правом голоса, в котором, далее, провинциальные делегации не осмеливались принять никаких окончательных решений без предварительного согласования с пославшими их и в котором, наконец, заседали лишь представители духовенства, дворянства и важнейших городов, — совершенно не соответствовало стремлениям «объединения всей страны». Все его время уходило на нескончаемые споры и бесконечные конфликты; все поднимавшиеся на его заседаниях вопросы не получали разрешения, и в большинстве случаев решения принимались лишь под давлением угроз широких народных масс. Бессилие генеральных штатов обнаружилось тотчас же, как только встал вопрос о назначении государственного совета при эрцгерцоге Матвее.

[1] *Van Meteren*, Histoire.., Amsterdam 1670, fol. 146.

Принц Оранский предложил список кандидатов, выбранных главным образом из числа патриотов, в который он, согласно письменно закрепленному во второй Брюссельской унии обещанию о взаимной веротерпимости, вставил однако одного заведомого кальвиниста, Марникса, самого энергичного и самого преданного проводника своей личной политики. По настоянию умеренных, генеральные штаты вычеркнули Марникса, а также других оранжистов, заменив их менее революционно настроенными лицами. Среди их избранников находился даже один отъявленный противник принца Оранского — сир Шампанэ. Но уже на следующий день (22 декабря 1577 г.) в собрание явилась делегация «добрых граждан города Брюсселя». Она обвинила собрание прежде всего в том, что оно терпит в своей среде плохих патриотов вроде Шампанэ и Леонина, которые своими постоянными ссылками на необходимость повиновения королю и сохранения католической религии — «что предусмотрено Гентским примирением» — мешают правильному ходу дел. Затем, переходя к организации самих генеральных штатов, она протестовала против предоставления по одному голосу каждой отдельной провинции, «так что какой-нибудь пенсионарий Мехельна, Турнэ, Турнэзи, Валансьена и тому подобных небольших провинций пользуется при голосовании таким же значением, как и представители целых больших штатов, вроде Брабанта, Гельдерна, Фландрии, Артуа, Генегау, Голландии, Зеландии и др.» Наконец она резко критиковала состав государственного совета и указывала на то, что он ни в какой мере не соответствует значению представленных в нем провинций. Так, в нем было много дворян — представителей Генегау и Артуа, — но не было зато ни одного брабантца, а Голландия, Зеландия, Утрехт, Овериссель, Гронинген не были представлены в нем совсем. Повидимому прежде всего позаботились о том, чтобы обеспечить в собрании перевес тем территориям, где преобладали консервативные настроения. «Добрые граждане» требовали поэтому возврата к принципам Великой привилегии 1477 г. и предоставления каждой отдельной провинции участия, соответствовавшего тому положению, которое она занимала в «объединении всей страны» [1].

Таким образом конфликт между патриотами и генеральными штатами заметно обострился. На сей раз под вопрос поставлены были традиционные функции собрания. Никогда еще революционные теории не провозглашались так смело. Во всяком случае было совершенно очевидно, что если гене-

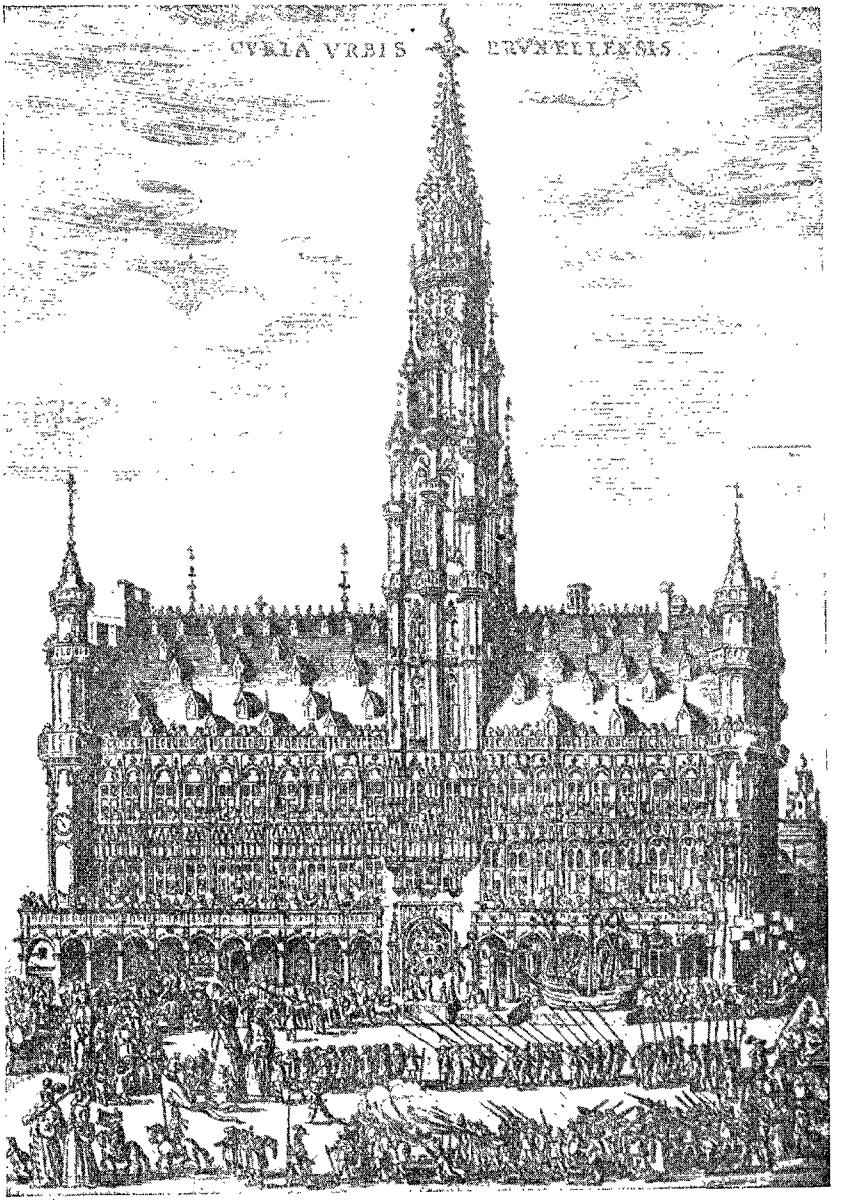
[1] *Gachard*, Actes des États Généraux, t. I, p. 304 et 466.

ральные штаты хотели управлять страной, они неминуемо должны были подвергнуться коренной реорганизации. Но умеренным нетрудно было понять, что превращение конгресса отдельных провинций в подлинное национальное собрание тотчас же дало бы перевес брабантским и фландрским патриотам и кальвинистам Голландии и Зеландии. Поэтому они согласились на следующий компромисс. Они предоставили место в государственном совете вождю брабантских патриотов, адвокату Лисвельту, и допустили в него также и Марникса в качестве представителя Голландии и Зеландии. Пришлось пожертвовать Шампанэ, но зато сохранен был Леонин. Кроме того было решено, что полномочия, предоставленные королем в частности маркизу Гаврэ и президенту Сасбу, не будут отменены [1].

Но брюссельская коммуна не удовольствовалась этой нелепой компенсацией и 2 января 1578 г. перешла в наступление. Сделавшись еще более требовательной, чем в первый раз, она поставила, не уступая ни на иоту в своих прежних требованиях, новые условия, чтобы принц Оранский назначен был генеральным заместителем эрцгерцога Матвея, «по крайней мере до тех пор, пока генеральными штатами, которые должны быть созваны на основании Гентского примирения, не водворен будет здесь, в Нидерландах, надлежащий порядок» [2]. Делать было нечего, и пришлось уступить. Ведь в сущности принц Оранский фактически уже пользовался этой властью, и его приверженцы добивались лишь официального признания ее. Что можно было возразить «нациям» Брюсселя, когда они 6 января мотивировали свое поведение тем, что «испанцы являются главными врагами этой страны, а его высочество принц — главным врагом испанцев» [3]. К тому же предложение брюссельских патриотов было поддержано Елизаветой, на помощь которой все еще надеялись в борьбе против дон Жуана. 8 января генеральные штаты приняли «большинством голосов» решение просить эрцгерцога Матвея, «принимая во внимание его молодой возраст», назначить принца Оранского своим генеральным заместителем [4]. Он поспешил удовлетворить их желания и тем лишился последнего признака независимости, который еще был у него. 18 января он торжественно вступил в Брюссель в сопровождении Вильгельма Оранского. 20-го оба они принесли присягу генеральным

---

[1] *Gachard*, Actes des États Généraux, t. I, p. 308.
[2] Ibid., p. 485.
[3] Ibid., p. 318.
[4] *Bondam*, Verzameling van onuitgegevene stukken, T. IV, Utrecht 1781, c. 243.



РАТУША В БРЮССЕЛЕ
(гравюра Путеана)

штатам. Отныне его высочество стал лишь марионеткой в руках его превосходительства.

II

Несмотря на разрыв дон Жуана с генеральными штатами, Филипп II, который так же медленно отказывался от какого-нибудь решения, как и принимал его, все еще упорно надеялся на мирный исход. Он не только приказал своему брату продолжать переговоры, но запретил правителю Милана маркизу д'Аямонте послать ему на помощь войска.

Но мог ли он оставить его безоружным в Намюре, в то время как штаты лихорадочно вооружались? 2 августа 1577 г. валлонские войска, охранявшие антверпенскую цитадель, передали ее генеральным штатам. 21-го собрание разрешило жителям Гента срыть их городскую крепость, а 25-го предоставило то же право жителям Лилля. Далее, собрание приняло решение о взимании с провинций 2 млн. флоринов. Но все его внимание устремлено было на получение помощи, откуда только можно было; оно посылало послов к Елизавете просить у нее денег и войск, призывало на помощь пфальцграфа Иоанна Казимира и не остановилось даже перед тем, чтобы обратиться к пресловутому Люмэ. Поэтому в начале сентября король, скрепя сердце, решил послать назад в Нидерланды только что вернувшиеся оттуда войска. Но это было с его стороны только мерой предосторожности. Его решение избежать войны было так твердо, что он еще в ноябре тайно предложил Маргарите Пармской заменить дон Жуана. Только прибытие в Нидерланды эрцгерцога Матвея заставило его расстаться с этим планом. Но даже и теперь грозная перспектива начала новых враждебных действий наполняла его столь тревожными предчувствиями, что он умолял своего брата прибегнуть к силе только в самом крайнем случае. Посылая ему войска, он в то же время отправил в Брюссель Жана Нуаркарма, начальника своих бургундских стрелков, для участия в выработке соглашения.

Авангард испанских войск — 3 тыс. чел. пехоты и 15 эскадронов кавалерии — прибыл в Люксембург в начале декабря. Одного энергичного удара было бы достаточно, чтобы заставить его отступить. Но к несчастью армия штатов, сосредоточенная в Тамплу, около Намюра, на левом берегу Мааса, была как раз в это время в плачевном состоянии: у нее не было ни артиллерии, ни кавалерии, ни снаряжения и в особенности денег. Ее пехота состояла из 51 отряда валлонцев, 6 отрядов нижнегерманцев и 17 отрядов шотландцев; последние были присланы принцем Оранским. В общем она

насчитывала около 20 тыс. чел., но в ней не было никакой прочной связи. Протестантское рвение шотландцев раздражало другие полки. Главнокомандующий этой армией граф Лален не пользовался ни достаточной властью, ни достаточным авторитетом. К тому же он был недоволен и вместе с тем обеспокоен ходом событий в Брюсселе, растущим влиянием принца Оранского и демократическими тенденциями патриотов. Его чувства разделяли и другие вожди армии, вроде графа Эгмонта, сира Хеза, сира Монтиньи, которые были такими же представителями высшего дворянства и такими же католиками, как и он. Все они не одобряли второй Брюссельской унии, которую они подписали против воли, и все они отлично знали, что были на подозрении у оранжистов. Между национальной армией и партией, которая только что захватила власть, явно не было взаимного доверия.

Бездействие врага позволило дон Жуану выждать, пока прибудут все его войска. В начале января 1578 г. Александр Фарнезе привел ему из Ломбардии испанские и итальянские войска. Мансфельд навербовал для него в Лотарингии с помощью Гизов от 4 до 5 тыс. чел. Он располагал теперь армией примерно в 18 тыс. чел. пехоты и 2 тыс. чел. конницы. Папа Григорий XIII послал благословение его войскам, а дон Жуан с своей стороны позаботился о том, чтобы их знамена украшены были религиозными эмблемами. По личному убеждению, но несомненно также и из хитрости он предпочитал выступить перед своими разделенными религиозными разногласиями врагами скорее в роли защитника католической религии, чем в роли королевского наместника.

31 января 1578 г., как раз когда армия штатов поддалась к Жамблу, чтобы занять здесь новые позиции, ее арьергард неожиданно подвергся нападению испанской кавалерии. Он отступил, и Фарнезе получил от дон Жуана приказ воспользоваться своим успехом. Таким образом простая стычка превратилась в серьезное наступление. Отступивший в беспорядке и отброшенный к основным силам армии, арьергард прорвал линию их фронта и заставил и их броситься в бегство. Валлонцы Монтиньи и шотландцы полковника Бальфура стойко держались у Жамблу, но не могли приостановить начавшегося развала армии. Убитых было немного, но после прорыва армия рассыпалась во все стороны. Одна часть ее остатков отступила под стены Брюсселя, другая — в окрестности Граммона. 5 февраля эрцгерцог Матвей и принц Оранский вместе с генеральными штатами предусмотрительно бежали в Антверпен.

Патриоты, разумеется, не преминули приписать эту катастрофу измене. В день сражения граф Лален и большинство

военачальников находились в Брюсселе на свадьбе сира Бергеле. Этого было совершенно достаточно, чтобы они сделались жертвами самых худших подозрений. Дискредитированная своим поражением, а также бездеятельностью и нерадивостью своих вождей, национальная армия не в состоянии была теперь уже оправиться. Каждый город думал теперь только о самозащите и о том, чтобы обеспечить себе гарнизон. Голландия и Зеландия остерегались послать военные силы, которыми они располагали, для соединения с остатками разбитых войск. Они ограничились тем, что собрали их вокруг Антверпена и готовы были отозвать их назад при первой же опасности. Они меньше чем когда-либо склонны были жертвовать своими интересами ради интересов «объединения всей страны», и их благополучие было в вопиющем контрасте с разорением южных провинций. Несколько дней спустя после сражения при Жамблу, 8 февраля, Амстердам, остававшийся до сих пор верным католической религии и королю, присоединился к другим голландским городам и подобно им перешел под власть кальвинистов.

Но армия дон Жуана была недостаточно многочисленна, чтобы позволить ему забраться далеко в глубь страны и осадить Брюссель. Он ограничился занятием Лувена, Тирлемона, Арсхота, Диста и Ло. Мансфельд же тем временем развивал свои действия в валлонской части Брабанта, где он после четырехкратного штурма захватил Нивелль, а Октавио Гонзаго, вступив в Генегау, занял Рё, Суаньи, Бинш, Шимэ и Филиппвиль (21 мая). Наконец Александр Фарнезе, маневрируя в окрестностях Мастрихта, захватил Лимбург, Фалькенбург и Дальгем (9—20 июня).

III

С того момента как принц Оранский поднял оружие против Филиппа II, он все время добивался помощи соседних держав. Если Германская империя и не оказала ему никакой помощи, зато Англия и Франция более или менее явно поддерживали его в зависимости от обстоятельств и перемен в их политике. В сущности говоря, ни Елизавета, ни Генрих III не осмеливались открыто стать на его сторону. Они интересовались ходом его дел лишь постольку, поскольку это могло быть полезным для них в их собственных отношениях с Испанией; с них достаточно было поддерживать в Нидерландах борьбу, истощавшую силы испанского королевства. Кроме того, соперничая между собой, они следили друг за другом и мешали друг другу, вместо того чтобы объединить свои усилия. Но все же иностранное вмешательство позволи-

ло Голландии и Зеландии успешно выдержать борьбу с герцогом Альбой и Рекезенсом. Генеральные штаты после разрыва с дон Жуаном тотчас же опять обратились за помощью к иностранным державам. Соображения лойяльности не могли устоять перед настоятельной необходимостью. К тому же со всех сторон шли предложения о помощи: и от Елизаветы, и от герцога Анжуйского, и от эрцгерцога Матвея. Умеренные склонны были принять помощь последнего, так как он был католическим принцем и принадлежал к габсбургскому дому. Но переговоры продолжались и с двумя остальными в наивной уверенности, что можно будет воспользоваться их помощью, не слишком компрометируя себя этим.

После поражения при Жамблу и успехов дон Жуана нужда в союзниках стала еще более настоятельной, чем когда-либо. Колебания были больше невозможны, тем более что принц Оранский и патриоты имели теперь решающий перевес в генеральных штатах и заставляли их открыто итти на разрыв с Филиппом II. Что касается Германской империи, то от нее опять-таки нельзя было ничего добиться. Рудольф II рассыпался в обещаниях, предлагал свое посредничество, но в то же время твердо решил не ссориться со своим испанским кузеном. Сколько Марникс ни убеждал заседавший в Вормсе (7 мая) сейм выступить с оружием в руках во имя сохранения Нидерландов для империи, он не встретил ни малейшего сочувствия. Как католические, так и протестантские князья упорствовали в своем равнодушии. Оставалось поэтому рассчитывать лишь на западноевропейские державы — Англию и Францию.

Помощь Англии, со стороны которой нечего было опасаться аннексии, казалась более обеспеченной. Но ее невозможно было заставить пойти на формальный союз. Осторожный макиавеллизм Елизаветы был решительно против компрометирующих решений. Она отказывалась открыто ввязаться в борьбу, так как считала для себя более выгодным поддерживать ее различными косвенными путями, позволявшими ей либо решительно вмешаться тогда, когда она сочтет это нужным, либо в подходящий момент совершенно выйти из игры. Хотя она и согласилась предоставить генеральным штатам несколько хорошо обеспеченных займов, но она решительно отказалась после долгих переговоров послать им на помощь войска [1]. Но твердо решив не вмешиваться, Елизавета, однако, не хотела, чтобы вместо нее вмешалась Франция. Чтобы помешать планам герцога Анжуйского, происки которого

[1] О займах, предоставленных Елизаветой, см. *H. Lonchay*, Les États Généraux de 1619, в «Mélanges» G. Kurth, t. I, Liège 1908, p. 321.

беспокоили ее, она предложила генеральным штатам обратиться с призывом помощи к пфальцграфу Иоанну Казимиру и признать его своим заместителем. Пришлось подчиниться ее требованиям. 29 мая 1578 г. собрание обязалось принять помощь пфальцграфа, передать в его руки 2 тыс. фунтов стерлингов, предоставленных английской королевой для уплаты жалованья войскам, и принять его в состав государственного совета [1].

Кальвинист-фанатик, неисправимый любитель ссор и фантаст с вечной сменой настроений, Иоанн Казимир сразу же возбудил к себе недоверие и со стороны католиков и со стороны принца Оранского. Последний сделал все возможное, чтобы добиться у королевы замены его Лестером. Принц Оранский знал о его враждебном отношении к его политике веротерпимости и примирения и боялся, что он сейчас же начнет оказывать помощь проповеди протестантов. Многие бежавшие в Пфальц священники и проповедники прибыли уже в Гент и Брюссель, где они стали горячо выступать против папства, развивая очень опасную агитацию. Однако военное положение было слишком серьезным, чтобы можно было позволить себе отказываться от какой бы то ни было помощи, и под давлением обстоятельств пришлось принять помощь неудобного союзника, предложенного Елизаветой.

Но Елизавета не могла добиться, как она этого ни хотела, чтобы благодаря приезду Иоанна Казимира генеральные штаты прекратили свои переговоры с герцогом Анжуйским. Как известно, этот честолюбивый, вероломный и развратный Валуа уже однажды, в 1576 г., пытался склонить в свою пользу генеральные штаты [2]. Но планы его, поддерживаемые брюссельскими оранжистами, в конце концов потерпели неудачу вследствие сопротивления католиков. Герцог считался в это время покровителем партии гугенотов во Франции, и немало его эмиссаров в Нидерландах были кальвинистами или во всяком случае подозревались в кальвинизме. Открытие враждебных действий между генеральными штатами и дон Жуаном подняло его шансы, тем более, что он только что определенно порвал с протестантами. Наконец, его сестра Маргарита Наваррская во время своего путешествия по Бельгии летом 1577 г. под предлогом поездки на воды в Спа пустила в ход все свое обаяние, чтобы добиться для него поддержки некоторых представителей высшей знати, в том числе графа Лалена.

Граф Лален, завидуя влиянию и популярности принца

---

[1] *Gachard*, Actes des États Généraux, t. I, p. 373, 377.
[2] См. выше, стр. 203.

Оранского, страстно желал противопоставить ему конкурента, который, положив конец успехам кальвинизма и став во главе демократических патриотов, мог бы взять на себя в то же время защиту страны от Испании. У него возник план сделать для герцога Анжуйского то же, что сделал в свое время герцог Арсхот для эрцгерцога Матвея. Оба эти крупные католические вельможи различными путями стремились в сущности к одной и той же цели. В то время как один из них по соображениям легитимистского характера обращался к члену дома Габсбургов, второй, более смелый, не останавливался перед союзом с французским принцем.

Но принцу Оранскому точно так же удалось расстроить планы графа Лалена, как в свое время планы Арсхота. Союз его католических противников с братом французского короля мог бы нанести серьезнейший удар его политике. Он тем более твердо решил помешать этому, что он сам в свое время был инициатором переговоров с герцогом Анжуйским в 1576 г. и ни в коем случае не хотел упускать столь ценного союзника. Несмотря на различие их характеров, между герцогом Анжуйским и принцем Оранским было нечто общее. Оба они — первый из личного честолюбия, второй — по своему характеру и по своему воспитанию — проявляли в религиозном отношении одинаковое безразличие или, если угодно, одинаковую веротерпимость. Сомнительный католицизм одного стоил рассудочного кальвинизма другого: это были по существу своему политики, и они не могли не столковаться между собой.

Когда принц Оранский узнал о происках графа Лалена, он поручил обработать герцога Анжуйского одному из своих доверенных людей, Гислену де Фьену, бывшему предводителю морских гёзов. С этого момента поведение герцога Анжуйского не могло вызывать больше сомнений. Соблазняемый двумя партиями, он неизбежно должен был стать на сторону более сильной. Не порывая с Лаленом, он перешел на сторону принца Оранского. 16 ноября 1577 г. он написал ему, что твердо решил действовать по его советам.

По правде говоря, положение было в этот момент необычайно запутанным. Эрцгерцог Матвей только что прибыл в Нидерланды, так что генеральные штаты не могли теперь обратиться с призывом о помощи к герцогу Анжуйскому, не взяв на себя тем самым вины за нарушение верности и не поссорившись с германским императором. Кроме того Елизавета, на помощь которой определенно рассчитывали, была решительно против всякого соглашения с Францией. Поэтому генеральные штаты вынуждены были 18 ноября ответить на предложения герцога Анжуйского какими-то путанными лю-

безностями и вежливыми извинениями [1]. Принц Оранский в свою очередь тоже не мог, только что став генеральным заместителем эрцгерцога Матвея, пойти на открытую измену ему ради французского принца. Словом, в начале 1578 г. герцог Анжуйский имел пожалуй на своей стороне только одного графа Лалена, удалившегося после поражения при Жамблу к своим штатгальтерским обязанностям в Генегау. Озлобленный своим поражением и все более недовольный принцем Оранским, он вынужден был в довершение всего еще с недостаточными силами бороться против испанцев, вторгшихся в его провинцию. Поэтому в марте 1578 г. он призвал герцога Анжуйского в Нидерланды, предложив передать ему несколько городов провинции Генегау [2]. Принимая эти предложения, герцог Анжуйский твердо решил не компрометировать себя в глазах оранжистов. 28 марта он уполномочил своих агентов ла Рошпо, де Прюно и Мондусэ заключить договор с генеральными штатами. В то же время он тайно завязал сношения с наиболее влиятельными кальвинистами из окружения принца Оранского: Юниусом, Марниксом, Виллье и только что прибывшим в Антверпен Дюплесси-Морнэ [3]. Таким образом он был заодно со всеми, привлекая к себе как католиков, так и протестантов и раздавая и тем и другим самые противоречивые обещания. Но именно потому, что он обхаживал все партии, ему не удалось привлечь на свою сторону ни одной из них. Переговоры, открывшиеся в апреле в Сен-Гислене между представителями герцога Анжуйского и представителями генеральных штатов и тормозившиеся различными интригами Лалена, принца Оранского и Елизаветы, в конце концов ни к чему не привели. Только один Лален остался открыто верным герцогу Анжуйскому. Опираясь на часть генегауской знати, он ввел в Генегау французские гарнизоны.

Но перейдет ли герцог Анжуйский всецело на сторону врагов принца Оранского? Последний повидимому некоторое время опасался этого. Он заставил генеральные штаты категорически запретить графу Лалену впускать без разрешения эрцгерцога Матвея иностранные войска в его провинцию. Тем временем герцог Анжуйский узнал из антверпенских источников, что его подозревают в том, будто он собирается вы-

---

[1] *Muller-Diegerick*, Correspondance du duc d'Anjou, t. I, Utrecht 1899, p. 96.

[2] Ibid., p. 126.

[3] О сроке приезда Морнэ в Антверпен см. *Muller-Diegerick*, op. cit., t. I, p. 132. По мнению Элькана (*Elkan*, Die Publizistik..., S. 73, 108), Морнэ поселился в Антверпене лишь в июле 1578 г., в апреле этого же года он пробыл здесь лишь короткое время.

ступить против патриотов. Напрасны были его уверения, что он хочет помочь не только «жителям Артуа, Фландрии и Генегау, но всем им вместе» [1], — кальвинисты все же считали его сторонником католиков. С другой стороны, Елизавета выступала против него все более решительно. Поэтому он решил по возможности скорее начать действовать. 13 июля он прибыл в Монс и тотчас же обратился к важнейшим нидерландским городам с манифестом, в котором сообщал, что его армия следует за ним и что он собирается бороться за их дело. Теперь принц Оранский должен был принять то или иное определенное решение. Дальнейшее промедление толкнуло бы герцога Анжуйского в объятия его противников. Было ясно, что герцог Анжуйский страстно желал только избегнуть компрометирующего союза с графом Лаленом и помочь «объединению всей страны». Лучшим средством оторвать его от католиков было поймать его на слове. К тому же нечего было больше надеяться на помощь Елизаветы, и, чтобы удержать за собой возмущенных предстоящим приездом Иоанна Казимира протестантов, чрезвычайно важно было противопоставить ему католического принца. Политика единения и веротерпимости диктовала принцу Оранскому необходимость сблизиться с Валуа. Кроме того он намерен был поставить ему свои условия: 31 августа 1578 г. генеральные штаты приняли договор, подготовленный Марниксом и Лисвельтом. На основании его герцог Анжуйский должен был в течение 3 месяцев содержать на свой счет 10 тыс. чел. пехоты и 2 тыс. чел. конницы, он получил титул «защитника свободы Нидерландов от тирании испанцев и их приверженцев». Далее, он не должен был вмешиваться в управление страной, не заключать ни мира, ни перемирия без согласия генеральных штатов. Если впоследствии генеральные штаты захотят избрать себе нового государя, они обязуются оказать ему предпочтение перед другими. Зато если они заключат мир с Филиппом II, они должны будут официально признать, что они обязаны этим ему, что они вернут ему все, что он на них истратил, и вознаградят его «в соответствии с его высоким достоинством» [2].

Пять дней спустя, на основании тайного соглашения герцог Анжуйский обещал принцу Оранскому не только ничего не предпринимать против протестантской религии, но и помочь тому, чтобы провинции, не допускавшие ее до сих пор у себя, не отходили от унии, если протестантская религия будет в них введена генеральными штатами [3].

[1] *Muller-Diegerick*, op. cit., t. I, p. 305.
[2] Ibid., p. 408.
[3] Ibid., p. 424.

Таким образом вслед за эрцгерцогом Матвеем герцога Анжуйского также удалось оторвать от католиков и привлечь на сторону оранжистов. Два раза подряд принц Оранский расстраивал планы своих врагов. Он выходил невредимым и еще более сильным из сети интриг, с помощью которых его враги мечтали погубить его. Принц Оранский ловко обошел как графа Лалена, так и герцога Арсхота и заключил союз с тем самым Валуа, которого его враги призывали на помощь против него.

Одновременно, казалось, укрепилось и военное положение страны. Больной, доведенный до отчаяния дон Жуан, сделавшийся подозрительным в глазах Филиппа II и не получавший от него никаких подкреплений, пребывал в полном бездействии. Предпринятая им 31 июля попытка нападения у Рименама на войска, прикрывавшие Антверпен, закончилась крахом. Предстоявшее вступление с севера Иоанна Казимира, а с юга герцога Анжуйского заставило его отступить в лагерь Буж, около Намюра. Здоровье его было подорвано скорее отчаянием, чем усталостью. 1 октября он скончался, пережив крушение всех своих честолюбивых и гордых замыслов. Перед смертью он передал командование армией Александру Фарнезе.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

РЕЛИГИОЗНЫЙ МИР

I

С того времени как правительство успешно подавило восстание 1566 г., католицизм стал бесспорно религией бельгийских провинций. Остатки протестантов бежали с приходом герцога Альбы в Пфальц, Эмден, Англию, либо составили готовые на все отряды лесных гёзов. Несколько позже морские гёзы стали набирать среди этих изгнанников и мятежников экипажи для своих судов. После захвата Бриля и победы кальвинизма в Голландии и Зеландии большинство фламандских и валлонских эмигрантов устремилось в эти места, где каждый мог найти себе применение по своим способностям и своему положению либо на войне, либо в политике, либо в торговле, работая одновременно для торжества своей веры. Чем больше усиливались повстанцы, тем больше сочувствия встречали они у своих единоверцев, так что в конце концов протестантская церковь подчинила себе обе северные провинции совершенно так же, как католическая церковь восстановила свою прежнюю власть в южных провинциях, почти освобожденных от иноверцев.

Но характер религиозного рвения северных провинций отличался от религиозного рвения южных провинций не меньше, чем сами их религии. Насколько рьяны и активны были протестанты севера, настолько же вялы и бездеятельны были католики. Разумеется, среди них было немало истинно верующих, питавших отвращение к ереси. Но только очень немногие из них одобряли войну, затеянную для того, чтобы заставить их голландских и зеландских соотечественников вернуться в лоно католической церкви. Дух прозелитизма, вдохновлявший повстанцев, почти совершенно чужд был законопослушным провинциям. Они остались верны вере своих отцов, но они совершенно не хотели навязывать ее силой отошедшим от нее. Католицизм огромного большинства их населения был традиционным католицизмом, вековой при-

вычкой, укоренившимся давнишним обрядом. Он не доходил до самых глубин души, не затрагивал источников воли. Это отсутствие религиозного пыла, поражавшее всех испанцев, отлично известно было Филиппу II. Создание новых епископств в 1559 г. имело целью победить этот религиозный индиферентизм и привлечь Нидерланды к тому могучему движению за обновление католической церкви, которое началось в связи с надвинувшейся опасностью реформации. Но это крупное начинание не оправдало надежд короля сначала потому, что оно встретило враждебное недоверие, а затем потому, что этому помешали очень серьезные волнения, потрясавшие страну в 1566 г. Всецело поглощенное войной брюссельское правительство не могло поддерживать деятельность епископов. Их добрая воля была в связи с этим парализована, низшее же духовенство попрежнему коснело в своем равнодушии, а религиозное воспитание народа находилось в плачевном состоянии.

К тому же сама Испания немало повредила католической церкви. Чем решительнее герцог Альба, Рекезенс и дон Жуан выдавали себя за защитников католической церкви, тем сильнее была ненависть к ней. Чем серьезнее становилось положение, тем больше росла непопулярность духовенства. Его обвиняли в национальной измене, и его верности мадридскому тирану противопоставляли горячий патриотизм северных кальвинистов. В 1576 г., к тому времени, когда собрались генеральные штаты, в Бельгии не существовало еще протестантской партии, но среди озлобленного нуждой городского населения образовалась уже явно антиклерикальная партия. И эта партия, называвшая своих членов «патриотами», неизбежно должна была ориентироваться на принца Оранского, потому что именно он руководил сопротивлением дон Жуану и Филиппу II. Ясно, что при таких условиях достаточно было малейшего толчка, чтобы обратить эту партию в лагерь протестантизма. В самом деле, революционный путь, на который она вступила, все более и более сближал ее с окружавшими принца кальвинистами и в конце концов привел ее под их руководство. Она отошла от католицизма не по религиозным мотивам и не по внутреннему побуждению. Ее разрыв с ним был неизбежным следствием ее разрыва с королем. Увлекаемая политическими страстями, она выступила из лона католической церкви, чтобы еще энергичнее стать во главе борьбы с испанским режимом. В пылу борьбы она дошла до самых крайних решений. Она избрала себе вождями самых неистовых кальвинистов и стала на путь самых крайних эксцессов нетерпимости и фанатизма. Но если не считать эмигрантов, которые стали во главе ее, новая вера не пустила в

ней глубоких корней. Самая неожиданность новообращения явно доказывала непрочность его. По существу фландрские и брабантские «патриоты» примкнули к реформации лишь из враждебности к католической церкви и представляемому ею социальному строю. Большинство из них объявило себя протестантами лишь из ненависти к королевской власти и папизму.

Именно в Генте это конечное следствие революционной политики обнаружилось с наибольшей силой и повлекло за собой особенно важные последствия. Благодаря перевороту 28 октября 1577 г. власть в городе совершенно неожиданно перешла в руки Рихове, Гембизе и их приверженцев. Мелкая буржуазия, настроенная и в Генте столь же патриотично, как и в Брюсселе, радостно приветствовала этот смелый переворот. Эшевены и совет Фландрии ввиду подобного настроения не решились вмешаться. Беспомощно присутствовали они при уничтожении «конституции Карла» 1540 г. Старые привилегии были опять введены в действие, городское население было опять поделено на три «члена», большой общинный совет (collace) был реорганизован и старшины цехов стали избираться по старинному обычаю. Впрочем, этот возврат к средневековому устройству был лишь обманчивой видимостью и не чем иным, как архаизированным фасадом для прикрытия подлинной действительности. Он не соответствовал уже больше ни социальному строю, ни экономическим интересам населения. Цехи потеряли свою прежнюю силу; ткачи, ставшие третьим «членом» города, насчитывали теперь не больше нескольких десятков человек. Основные массы простого народа, состоявшие из наемных рабочих, остались вне тех стародавних делений, которые опять пытались восстановить.

Под предлогом возврата к привилегиям была сделана лишь попытка низвержения существующего городского строя и устранения власти умеренных католиков и богатой буржуазии. Лучшим доказательством этого является организация в ноябре революционного комитета 18-ти, взявшего тотчас же в свои руки все управление городом. Несмотря на внешнюю видимость, фактически власть в коммуне принадлежала теперь не средневековой демократии, а диктатуре народных низов. И эта диктатура неизбежно должна была открыть двери протестантизму.

Действительно, со времени Гентского примирения 1576 г. множество кальвинистов вернулось в Гент[1]. Это были не

[1] Правильная оценка их роли стала возможной теперь благодаря прекрасным материалам, собранным Фризом (*V. Fris*, Notes pour servir à l'histoire des iconoclastes et des calvinistes à Gand de 1566 à 1584, «Annales de la Société d'Histoire et d'Archéologie de Gand», t. IX, 1909, p. 1 etc.).

только граждане, бежавшие из-за религиозных преследований, изгнанные или приговоренные к смерти герцогом Альбой и устремившиеся теперь после долгого изгнания назад к себе на родину. Среди них было кроме того много вернувшихся фламандцев, брабантцев, валлонцев, находившихся до этого в эмиграции в Голландии, Зеландии и Англии. По каналу Тернейзен, благодаря которому Гент имел непосредственную связь с Флиссингеном, в город прибывали потоки кальвинистов, чувствовавшие себя здесь в бóльшей безопасности, чем в Брюсселе, и потому охотно следовавшие сюда по зову ранее прибывших; таким образом здесь составилась довольно значительная группа их, жаждавшая деятельности. Благодаря октябрьским событиям число их еще более возросло, и так как их ненависть к испанцам снискала им расположение народа, то влияние их росло еще скорее, чем число их. Они с нетерпением ждали момента, когда им удастся добиться победы своей веры, за которую они столько выстрадали и выступали все как горячие приверженцы оранжистов и патриотов. Многие из них, занимавшие важные посты в лагере повстанцев, имели опыт в государственных делах. В данной обстановке они были таким образом подготовлены к участию в управлении делами. В ноябре они вошли в комитет 18-ти, в котором председательствовал Рихове. В январе 1578 г. в связи с обновлением состава городского совета принцем Оранским значительное число их вошло наряду с Гембизе в состав эшевенов или получили ответственные городские посты. Отныне Гент был фактически в руках кальвинистов, или, выражаясь языком тогдашних католиков, в руках гёзов.

Они прежде всего занялись обеспечением обороноспособности города, укрепляя тем самым свою власть. В Зеландии были навербованы войска, еще более увеличившие число протестантов; городскому населению придана была военная организация и было приступлено к сооружению новых укреплений. По соседним деревням издан был приказ сдать колокола, металл которых пошел на литье пушек. Несмотря на протесты генеральных штатов, город присвоил себе налоговые суммы, предназначенные на содержание национальной армии.

Под предлогом участия в работах по сооружению укреплений не замедлили взяться за католическую церковь. Религиозные ордена мужские и женские должны были принять участие в крепостных работах и сдать свои ценности на чеканку монеты. Возмущение, вызванное поражением при Жамблу, еще ухудшило положение духовенства, давно подозреваемого в испанофильстве. Начиная с марта священники не решались показываться на улицах и сняли с себя духов-

ное облачение. Зато кальвинисты не скрывали больше своих убеждений под маской патриотизма. В январе из Пфальца прибыл бурнопламенный пастор Датен; за ним последовали другие пасторы, возвращавшиеся из Англии и Голландии, и вскоре протестанты начали открыто отправлять богослужение.

Ввиду этого вопиющего нарушения Гентского примирения совет Фландрии решил вмешаться. Но комитет 19-ти арестовал нескольких членов его и сразу же пресек его активность. Протесты генеральных штатов были оставлены без внимания. Город отныне делал все, что ему было угодно. Он чувствовал себя достаточно сильным, чтобы быть уверенным в том, что никто не решится напасть на него; кроме того арестованные ими еще в октябре епископы и вельможи служили ему заложниками и отвечали головой за его свободу. Городское управление воспользовалось этим и разрешило проповедь евангелия. Хотя оно и запретило протестантам и католикам обижать друг друга, но все же оно с каждым днем все резче подчеркивало свое враждебное отношение к католикам и явно стремилось навязать протестантское учение силой. Впрочем, городское управление не могло поступить иначе, даже если бы оно этого хотело, так как оно не в состоянии было больше сдерживать нетерпение кальвинистов, к тому же еще взвинченных пламенными проповедями пасторов. В мае отряды солдат и фанатиков стали врываться в церкви и монастыри и, подобно тому как это было в 1566 г., набрасываться на «идолов римского язычества». Доходило до того, что ломали кресты, раки с мощами, распятия. Среди этих насилий организовалась новая церковь, учредившая свою консисторию и завладевшая католическими храмами, которые были тщательно вычищены, выскоблены и заново побелены. Храмы кармелитов и доминиканцев были отведены для религиозного воспитания детей, а часовня ткачей отдана валлонским проповедникам. Наконец, 1 июля католическая семинария была превращена в нечто вроде протестантской академии [1].

Но если «папизм» и был уничтожен, зато ничего не было создано взамен его. Одного запрещения старой религии недостаточно было для укрепления в сердцах новой. В общем убежденные кальвинисты составляли в городе немногочисленную группу. Массы, которые они вели за собой и которые они подстрекали против католической церкви, пользуясь их ненавистью к испанцам и потворствуя их демагогическим инстинктам, шли за кальвинистами лишь из революционных побуждений. Сами пасторы заявляли, что народ состоял в

[1] *P. Fredericq*, L'enseignement public des calvinistes à Gand, «Travaux du cours pratique d'histoire nationale», t. 1, Liège 1883, p. 51 etc.

значительной мере из неверующих [1]. Но слишком явно поторопились: городу навязали протестантскую религию, не обратив его предварительно в новую веру. Приходилось опасаться, как бы «бедный народ отойдя от всякой религии, не впал бы в открытый атеизм» [2].

Но если умеренные и политические кальвинисты ясно видели надвигающуюся опасность, то пламенные энтузиасты, доведшие население Гента до крайнего возбуждения, упивались своими успехами и домогались новых побед. Воспоминания о славном прошлом гентской городской коммуны еще сильнее смущали умы. Вспоминали о временах, когда Яков ван Артевельде навязал свою волю всей Фландрии и казалось, что наступил момент вновь восстановить, к величайшему позору Испании и к чести истинной веры, гегемонию гентской коммуны. Сосредоточенные в городе войска рвались в бой. Заранее убеждены были в том, что сбитые с толку и безоружные католики нигде не окажут сопротивления. В марте 1578 г. были посланы военные экспедиции в Куртрэ и Гюльст, занявшие их без боя и сместившие здесь католические власти. 21 марта той же участи подвергся Брюгге, 6 июня — Ренэ, 20 июля — Ипр. Повсюду по гентскому образцу тотчас же созданы были комитеты 18-ти и началась проповедь евангелия. К началу лета движение охватило всю провинцию. Протестантское богослужение введено было в Алосте, Термонде, Экло, Дейнзе, Оденарде, Менене, Мессине и во многих других маленьких городках и рыночных местечках. Теперь настала очередь эмигрировать католическим священникам и католикам.

II

Поведение гентцев явилось серьезнейшей угрозой для политики принца Оранского, т. е. для политики национального единения. Действительно, ставя на первый план религиозный вопрос и нарушая Гентское примирение 1576 г., оно неминуемо должно было вызвать контрнаступление католиков. В то время как принц Оранский со времени своего прибытия в Брюссель старался рассеять опасения католиков и воздерживался из-за них от соблюдения своей религии, Гент в порыве неистовства объявил войну католической церкви. И к довершению всех несчастий принц Оранский не

[1] *Kervyn de Lettenhove*, Rélations.., t. X, p. 782, 857. Принц Оранский был того же мнения. *Gachard*, Correspondance de Guillaume le Taciturne, t. IV, p. 93.

[2] Ibid., p. 857; t. XI, p. 43. Таковы именно были взгляды Дюплесси-Морнэ. *Elkan*, Die Publizistik..., S. 113.

только не в состоянии был остановить движение, которое он всеми силами осуждал, но даже не мог открыто отречься от него. В самом деле, как мог он, будучи сам протестантом, протестовать против свободного отправления протестантского богослужения, не компрометируя себя безнадежно в глазах своих единоверцев? Он вынужден был, вместе со своими ближайшими советниками — Виллье, Тафеном, Дюплесси-Морнэ — ограничиваться тайными выговорами пасторам, внушать им умеренность, осуждать их насилия и разъяснять им, какой опасности они подвергают родину [1]. Но он добился этим лишь того, что фанатики вроде Датена стали обвинять его в умеренности.

Так как нечего было и думать больше об искоренении зла, то оставалось по крайней мере попытаться ослабить его. Уже в 1566 г., во время кальвинистского восстания, в некоторых городах, как например в Валансьене и Турнэ, заключен был в местном масштабе религиозный мир, согласно которому разрешалось свободное отправление как католической, так и протестантской религии [2]. Впрочем, это были лишь паллиативы, диктовавшиеся городским властям необходимостью сделать возможной совместную жизнь приверженцев обоих культов. Так как теперь опять возникла такая необходимость, то принцу Оранскому, естественно, пришлось подумать о тех же средствах, тем более, что двое из его советников, Виллье и Тафен, принимали участие в соглашениях 1566 г. Разумеется, в 1578 г. не могло быть и речи о простом возврате к тому, что было 12 лет назад. Во всех городах, где утвердился протестантизм, власть перешла в руки кальвинистов и нельзя было надеяться добиться от них необходимых уступок. Инициатива должна была исходить от верховной политической власти, т. е. от генеральных штатов.

22 июня собранию генеральных штатов была подана группой оранжистов петиция, требовавшая свободы вероисповедания и одновременно среди населения пущены были печатные экземпляры ее [3]. А 10 июля принц Оранский предложил на усмотрение генеральных штатов проект религиозного мира («Religionsfrid») [4]. Хотя генеральные штаты, незначительным большинством, отказались принять предложенный

---

[1] *Kervyn de Lettenhove,* Rélations..., t. X, p. 410, 522, 569.

[2] См. выше, стр. 112 и сл.

[3] *Gachard,* Actes des États Généraux, t. I, p. 386; ср. *Gachard,* La Bibliothèque Nationale, t. I, p. 189.

[4] *Gachard,* La Bibliothèque Nationale, t. I, p. 198. Религиозный мир обозначался словом «Religionsfrid» как в валлонских, так и во фламандских провинциях. Выражение это несомненно немецкое; оно стало употребляться в Нидерландах после заключения Аугсбургского религиозного мира.

проект, но два дня спустя они приняли решение предложить на одобрение провинций другой вариант, мало чем отличавшийся от первоначального [1].

Они явно были озабочены в своем проекте тем, чтобы никоим образом не задеть католиков. Их проект считал отправление «якобы протестантской» религии заблуждением, вызванным смутным временем, переживавшимся страной, но его необходимо было терпеливо принять в целях сохранения перед лицом врага единства страны, до тех пор пока богу угодно будет «предоставить нам возможность по заслушании обеих сторон созвать общий национальный собор, который постановит в этом отношении что-либо другое». Таким образом предоставлявшееся каждому право служить богу «согласно тому пониманию, которым он наделил его», было лишь временным. К тому же оно разрешалось только в тех местах, где его потребуют по крайней мере 110 хозяйств, живущих в данном пункте не меньше года. Повсюду, где предстояло установление религиозного мира, городские власти должны были разделить церкви между обеими религиями и притом так, чтобы они по возможности не соприкасались друг с другом. Проповедникам строго запрещено было говорить вещи, могущие ввести умы в заблуждение. Протестанты должны были подчиниться католическому обычаю в вопросе о степенях родства, при которых не допускается вступление в брак. За пределами Голландии и Зеландии они не должны были работать во время католических праздников и кроме того во время католических постов мясные лавки должны быть закрыты. Отменена была особая система управления, установленная кальвинистами повсюду, где власть была в их руках. Комитеты 18-ти были ликвидированы, восстановлена власть городских управлений и запрещены произвольные аресты. Параграфы о повиновении его высочеству и распоряжения генеральных штатов об освобождении заключенных явно имели в виду особенно Гент. Повсюду верующие обоих культов должны были разделить между собой должности и без всяких различий должны были допускаться в университеты, в училища, школы и больницы.

В такой трактовке религиозный мир делал протестантам только минимум уступок. Он опять вводил свободное отправление католического богослужения повсюду там, где оно бы-

[1] *E. Hubert*, [Etudes sur la condition des protestants en Belgique, Bruxelles 1882, p. 165. Дюплесси-Морнэ играл значительную роль среди сторонников религиозного мира. *Elkan*, Über die Entstehung des Niederländischen Religionsfriedens von 1578 und Mornays Wirksamkeit in den Niederlanden, Mittheilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung», Bd. XXVII, 1906, S. 460 ff.

ло запрещено, даже в Голландии и в Зеландии, делая в то же время почти невозможным введение протестантской религии в местностях, оставшихся верными католической церкви. Действительно, не было сомнений в том, что далеко не всюду можно будет найти 100 католических хозяйств, которые согласятся потребовать свободы протестантского богослужения. С другой стороны, в большинстве городов валлонской части Фландрии, Артуа и Генегау, где эмигранты не успели еще внедриться в большом количестве, можно было ожидать, что не найдется 100 протестантских хозяйств, и можно было быть почти уверенным, что их совершенно не будет в районе Намюра и Люксембурга. Тем не менее, допуская протестантское богослужение за пределами Голландии и Зеландии, религиозный мир сводил на-нет обещание, торжественно данное католикам в 1576 г. Самая основа его несовместима была с духом Гентского примирения. Последнее предоставляло решение религиозного вопроса на усмотрение генеральных штатов, тогда как сторонники религиозного мира совершенно не признавали в этом вопросе компетенции светской власти. «Совсем не дело политических законодателей и правителей, — заявляли они, — вмешиваться в религиозные дела, поскольку это касается существа их или того, чтобы заставить кого-нибудь придерживаться той или иной религии. С них должно быть достаточно, чтобы все население города могло жить в мире и в согласии и чтобы ни над одним человеком не чинилось насилий, какого бы происхождения он ни был и какого вероисповедания ни придерживался» [1]. Проповедовавшаяся ими веротерпимость была по существу лишь оппортунистическим средством, они прибегали к нему лишь для того, чтобы избежать гражданской войны. Их отношение к религиозным разногласиям было прямо противоположно отношению современного государства. Вместо того чтобы проявить, подобно ему, полнейшее безразличие в вопросе о догматах, они убеждены были в том, что религиозная истина должна искоренить заблуждения. Как только национальный собор провозгласит эту истину и предаст анафеме все иноверческие секты, сразу же положен будет конец свободе вероисповедания. Еретики сохранят свои гражданские права, но они лишены будут права свободного исповедания своих вероучений [2].

Итак, мы видим, что в 1578 г. дело шло о временной, а не о принципиальной веротерпимости. Кроме того приверженцы этой веротерпимости все были протестантами и при этом

---

[1] «Discours contenant le vray entendement de la pacification de Gand», repr. Gand 1876, p. 42.

[2] Ibid., p, 52; ср. *Elkan*, Die Publizistik..., S. 102.

протестантами-политиками. Убежденные в истинности своей веры, они с надеждой ждали решения Собора. Религиозные убеждения сочетались у них с их политическими стремлениями. Их взгляды совпадали со взглядами, изложенными Дюплесси-Морнэ в 1576 г. в его «представлении» штатам Блуа и в его письме «штатам и вельможам Нидерландов» [1]. Влияние великого гугенота было сильнее, чем когда-либо в совете принца Оранского. Вместе с ним он работал, не покладая рук, чтобы не дать несвоевременному рвению погубить достигнутые уже результаты, чтобы не дать под предлогом религиозных разногласий сломить борьбу против Испании и облегчить тем самым католическому королю его игру.

Но протестантские священники, считавшие, что наступил момент низвержения «римского идолопоклонства», не могли согласиться с подобной политикой. Если они и ссылались на религиозный мир всюду там, где протенталты были в меньшинстве, то зато в Генте, где они были хозяевами положения, они с презрением отвергли его. Датен доходил в своих проповедях до утверждения, что надо быть атеистом, чтобы мириться с католицизмом, и что принц Оранский, «который меняет религии, как платье, заботится лишь о государстве и сделал своим богом целесообразность» [2]. Несмотря на старания Рихове и умеренных кальвинистов, партия переворота, к которой примкнул Гембизе, одержала верх с помощью войск и простого народа. Слишком раскаленные религиозные страсти увлекли за собой город. Ему не было больше никакого дела до генеральных штатов. Религиозная исключительность привела его к политическому партикуляризму. В то время как протестантские священники мечтали сделать из Гента новую Женеву; здесь возникла мысль о превращении его, по швейцарскому образцу, «в кантон» и о низвержении нечестивого ига «объединением всей страны» [3]. В связи с предстоящим приездом Иоанна Казимира, покровителя Датена, нетерпимость и ослепление дошли здесь до последних пределов. Протестантские священники решили противопоставить пфальцграфа принцу Оранскому, и пронесся слух, что гентцы намерены передать ему графство фландрское.

---

[1] *Elkan*, op. cit., S. 102.
[2] *B. De Jonghe*, Ghendtsche geschiedenissen, Bd. II, S. 72.
[3] *Kervyn de Lettenhove*, Rélations..., t. X, p. 114.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПРИМИРЕНИЕ ВАЛЛОНСКИХ ПРОВИНЦИЙ С ИСПАНИЕЙ

I

В то время как гентцы под влиянием кальвинизма откололись от «объединения всей страны», их крайняя позиция вызвала в большинстве валлонских провинций католическую реакцию, которая вскоре должна была привести также к отрыву их от общенационального дела и позволить Александру Фарнезе снова завоевать южную часть Нидерландов.

Глубоко ошибочно было бы искать причины этого поворота в различии обычаев и языка романского и фламандского населения. Связанные на протяжении веков общностью своих судеб, интересов и учреждений различные территории Бельгии свыклись со строем, который, охраняя индивидуальные особенности каждой из них, в то же время внедрил в них культуру, основные элементы которой одинаково упрочились как по северную, так и по южную сторону от языковой границы. Юниус убедительно доказал это в 1574 г.[1] Достаточно, далее, вспомнить, что как только начались волнения, со всех сторон посыпались требования о восстановлении Бургундского государства, чтобы показать, что все 17 провинций сохранили желание жить, как и раньше, вместе. Об их стремлении к сохранению единства свидетельствовали также изречения и надписи на их медалях и монетах: «Viribus unitis», «Belgium foederatum», «Concordia res parvae crescunt». Повсюду вплоть до 1578 г. твердили лишь об «общей родине» и «общей защите» против «общего врага». Непрерывно заседавшие генеральные штаты, Гентское примирение, обе Брюссельские унии еще более укрепили «объединение всей страны».

---

[1] *Bor*, Oorsprongk, begin en vervolghd er Nederlandsche oorlogen, VII, fol. t. 49, Leyde 1621.

Кроме того возникает вопрос, на какое нарушение их национальных интересов фламандскими провинциями могли ссылаться валлонские провинции. Каждая из них одинаково пользовалась правом одного голоса в генеральных штатах; в государственном совете они были даже более широко представлены, чем это соответствовало их значению: дебаты в генеральных штатах велись на их, т. е. французском, языке. Наконец, на всемогущем принце Оранском, несмотря на его длительное пребывание в Голландии, сохранилась явная печать его воспитания при бургундском дворе. У него были привычки высшей знати, и подобно ей он считал своим родным языком французский. К величайшему своему изумлению гентцы видели, как во время пребывания в их городе в 1580 г. он отправлялся на проповедь в валлонскую церковь [1]. В его ближайшем окружении наряду с французами — разными Дюплесси-Морнэ, Ла Ну, Лангэ — можно было встретить лишь валлонов вроде Лембра, Долена, Тафена, Виллье и т. д. или офранцузившихся фламандцев вроде Марникса. При этих условиях — да и в том случае, если бы валлонские провинции обнаруживали подозрительность и недоверчивость, чего на самом деле не было, — непонятно, что могло вызвать с их стороны хотя бы малейшую враждебность по отношению к фламандским провинциям [2].

Но расхождение, которое не могло быть вызвано национальным вопросом, было вызвано религиозной проблемой. Отпадение валлонских провинций или, вернее, большинства валлонских провинций обусловлено было не расовой, а религиозной борьбой. Они откололись от своих соотечественников лишь во имя защиты своей католической веры от торжествующего кальвинизма.

Однако с первого взгляда их поведение легко могло показаться странным. Как объяснить их примирение с испанским королем, тогда как 13 лет назад они дали кальвинизму первых в Нидерландах борцов против него? В 1566 г. мелкое дворянство Артуа и валлонской части Фландрии было особенно широко представлено среди гёзов, восстание иконоборцев началось в районе Армантьера и Турнэзи; наконец, Валансьен был военным плацдармом протестантов, и пришлось прибегнуть к осаде его, чтобы сломить его упорство [3].

---

[1] *Ph. de Kempenaere*, Vlaemsche Kronijk, éd, Ph. Blommaerts, Bruxelles 1839, p. 268.

[2] Источники, на которые ссылаются, пытаясь объяснять раскол расовым антагонизмом, на самом деле доказывают только то, что валлоны были католиками, а фламандцы протестантами. *Gossart*, La domination espagnole dans les Pays-Bas, p. 107.

[3] См. выше, стр. 77, 83, 108, 117.

Но католическая реакция, последовавшая за взятием города, и в особенности беспощадная суровость герцога Альбы покончили с этим движением. Эшафоты нигде не произвели таких опустошений, как в Валансьене и Турнэ. Точно так же никакие другие города не дали лесным, а затем и морским гёзам столь значительных кадров. Эмигранты южных провинций приняли деятельнейшее участие в деле защиты Голландии и Зеландии. Они принесли туда тот военный дух, который начиная с XV в. сделал Генегау и Артуа колыбелью национальной армии.

Разумеется, не все еретики покинули валлонские провинции. Но отчаявшиеся, вынужденные скрывать свою веру и не имея возможности организоваться, они сохранили верность своим убеждениям, лишь повинуясь голосу своей совести и потеряв всякую надежду. В довершение всего оттесненные на юг Франции гугеноты не в состоянии были больше оказывать им какую бы то ни было помощь. А те из них, которые начиная с 1572 г. стали все более широким потоком прибывать для продолжения борьбы в Нидерланды, устремлялись морем в Голландию и Зеландию и не обнаруживали больше никакого интереса к разбитому и сложившему оружие кальвинизму валлонских провинций.

Но под влиянием хода событий, последовавших за смертью Рекезенса, кальвинизм опять поднял голову. Как в Брабанте, так и во Фландрии протестанты Артуа, Турнэзи, Генегау и области Лилля с жаром принялись за патриотическую агитацию. Они организовали в городах демократически-оранжистскую партию. То же зрелище, которое мы видели в Брюсселе в 1577 г., можно было наблюдать в основных чертах и в Аррасе. И здесь простой народ требовал войны с испанской тиранией до победного конца и здесь также приверженцы монархомахов и незначительная группа протестантов увлекли за собой католические массы бедного люда. Артуаские адвокаты Крюжоль и Госсон были точными копиями Лисвельта и его соратников. Подобно им они прибегали к советам Марникса, Вилльe, оранжистских агитаторов; подобно им они составили списки подозрительных лиц; и наконец, так же как и они, создали наряду с городским советом или, вернее, над ним комитет общественной безопасности, комитет 15-ти, явное подражание брюссельскому комитету 18-ти [1].

Но шансы патриотов были гораздо менее благоприятны в валлонских провинциях, чем во фламандских. Они не только были слишком удалены от основной массы оранжистских

[1] О протестанском движении в Аррасе ср. «Mémoires de Pontus Payen», éd. A. Henne, t. II, Bruxelles 1861.

сил [1], но и сопротивление, которое они должны были преодолевать, было здесь особенно серьезным. Прежде всего в Генегау, в Артуа и в области Лилля духовенство было гораздо богаче и влиятельнее, чем во Фландрии или в Брабанте. Кроме того создание новых епископств не произвело в этих краях таких глубоких потрясений, как в северных областях, и не породило здесь того недовольства, которое восстановило против Испании стольких брабантских аббатов. Напротив, реорганизация католической церкви привлекла здесь духовенство на сторону короля. Аррасский епископ Матье Мулар и Сен-Ваастский аббат Иоанн Сарацин всеми силами добивались соглашения с дон Жуаном и создали для борьбы с патриотами «иоаннитскую» партию. Все дворянство без исключений присоединилось к ней, ибо, освободившись от всех кальвинистов в результате их эмиграции, оно стало теперь сплошь католическим. Разумеется, оно осталось верным национальному делу и сохранило свое прежнее враждебное отношение к испанцам. Но поворот событий после прибытия принца Оранского в Брюссель, растущее влияние демократии, арест гентцами герцога Арсхота и епископов и бессилие, до которого принц Оранский довел эрцгерцога Матвея, постепенно охладили энтузиазм дворянства, ввергли его в беспокойство и, наконец, как выражался Понт-Пайен, внушили ему ненависть «к бесподобному патриотизму» [2]. После сражения при Жамблу духовенству нетрудно было склонить его к мысли о необходимости примирения с королем.

Подобные настроения обоих привилегированных сословий валлонских провинций представляли тем бо́льшую опасность, что их общественное влияние здесь было особенно значительным. Городское население Генегау представлено было в собрании генеральных штатов одним только городом Монсом, так как Валансьен и Турнэ составляли каждый отдельную провинцию. В Артуа, преимущественно земледельческой стране, Аррас, Сент-Омер и Бетюн не могли обеспечить преобладание городским элементам. Словом, хотя валлонские патриоты и оранжисты и были проникнуты тем же духом, что и фламандские патриоты, но благодаря политическим обстоятельствам и социальной обстановке, в которой они действовали, им приходилось преодолевать гораздо более силь-

[1] Валлонские протестанты, поселившиеся на севере, в большинстве остались здесь, и значительная часть их не вернулась для пополнения рядов своих единоверцев. Сообщают, что после смерти Рекезенса в Турнэ вернулись 6 тыс. протестантов. Но в 1578 г. в городе было всего лишь 800 чел., требовавших протестантского богослужения и религиозного мира. «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 3-ème série, t. XI, 1870, p. 421.

[2] *Pontus-Payen*, Mémoires, t. II, p. 66.

ное сопротивление. Это сопротивление дало себя знать уже в феврале 1578 г., и надо признать, что оно проводилось с большой ловкостью. Оранжисты черпали свои силы в национальном единении. Будучи сильны благодаря тому, что они опирались на «объединение всей страны», они неизбежно должны были потерпеть крах в тот момент, когда рушатся внутренние связи этого «объединения» и оно перестанет их поддерживать. Однако, чтобы разрушить союз провинций, достаточно было распустить генеральные штаты. Король обнаружил большую проницательность, когда он в свое время настаивал на запрещении созыва этого громоздкого собрания, являвшегося в глазах Испании органом и символом «общей родины». Это оно было источником всех зол. Это оно, не будучи в состоянии сопротивляться приказам патриотов, давало им возможность прикрываться видимостью законности и вовлекать страну в политику, орудием которой были низшие слои населения и кальвинистские устремления которой проступали со все бо́льшей четкостью. Эти соображения побудили штаты Артуа или, точнее, духовенство и дворянство штатов Артуа потребовать 7 февраля 1578 г. закрытия генеральных штатов. Несколько дней спустя, 1 марта, они предложили заключить мир с дон Жуаном, а 6 марта штаты Генегау присоединились к их мнению.

Таким образом патриотической политике войны и национального единения иоаннисты противопоставили политику партикуляризма и примирения с Испанией. Но тут сейчас же на сцену выступили городские низы. 17 марта вспыхнул мятеж в Аррасе. Эшевены были заперты в ратуше, сторонники мира были заключены в тюрьму, а городских депутатов, принимавших участие в собраниях генеральных штатов, заставили осудить поведение последних. Аналогичные события произошли в Бетюне, в Эре, в Сент-Омере, в Дуэ. Пример гентцев воодушевил валлонские города. Их народные трибуны действовали заодно с ними. Будучи связаны с принцем Оранским, Виллье, Тероном и Марниксом они проявляли готовность сохранить единение хотя бы силой. Госсон заявил в Аррасе, что «откол этих провинций — это все равно, как если бы они правой рукой раздробили свою левую руку» [1].

Чтобы успешно противодействовать духовенству и дворянству, валлонские патриоты должны были подобно патриотам севера опираться на армию. Недостаточно было вооружить народ; необходимы были регулярные войска. Не обязаны ли были гентцы своими успехами наемникам, навербованным Рихове? Один аррасский кальвинист, бывший морской

[1] *Pontus-Payen*, Mémoires, t. II, p. 182.

гёз, исполнявший в Голландии обязаности капитана, Амбруаз ле Дюк, предложил соотечественникам свои услуги. Его не преминули призвать в город и поручить ему командование 15 военными городскими частями и эскадроном из 50 чел. конницы (март 1578 г.).

До этого времени протестантское меньшинство, руководившее патриотами, тщательно избегало вызвать чем-нибудь недовольство со стороны католиков. Но в Аррасе совершенно так же, как и в Генте, оно перестало думать о какой бы то ни было умеренности, как только увидело, что сила на его стороне. Едва ле Дюк успел водвориться в городе, как в его доме начались протестантские проповеди. На улицах стали распевать псалмы Маро. И, наконец, в довершение полнейшего сходства картины аррасских событий с гентскими революционное настроение сильнее всего захватило «сапожников, башмачников, чесальщиков, ткачей и других ремесленников», поддерживавших комитет 15-ти. Представители народных масс и приверженцы реформации действовали заодно, подбодряя друг друга. Рассылка генеральными штатами в июле по провинциям проекта религиозного мира еще более усилила возбуждение кальвинистов. В Бетюне, Сент-Омере, Лилле, так же как и в Аррасе, они потребовали свободы публичного отправления своего богослужения. Они распространяли петиции, под которыми рискнули подписаться 206 граждан в Валансьене и свыше 800 в Турнэ [1]. Свою малочисленность они возмещали смелостью, они угрожали католическим городским чиновникам отправить их в Гент и вызывающе заявляли, что «глиняный горшок разобьет медный» [2]. В Артуа и в окрестностях Лилля протестантские священники, одушевленные поведением кальвинистов, начали отправлять богослужение.

«Духовное сословие, — рассказывает современник, — было доведено до отчаяния, дворяне дрожали от страха, а городские богачи чувствовали себя непрочно в своих собственных домах» [3]. При таком замешательстве достаточно было внезапного переворота, чтобы обеспечить победу протестантскому и оранжистскому меньшинству, и оно твердо решило произвести его. Чтобы начать действовать наверняка, оно ждало лишь помощи гентцев, так как Рихове и Гембизе обещали вождям его прислать часть рейтаров Иоанна Казимира и несколько шотландских отрядов. Но в момент, когда эти войска должны были прибыть, бунт среди солдат барона Мон-

[1] *Hocquet*, Tournaisis..., p. 214.
[2] *Pontus-Payen*, Mémoires, t. II, p. 121.
[3] Ibidem.

тиньи преградил им путь. Он отрезал северных кальвинистов от южных и позволил католицизму перейти в валлонских провинциях в наступление и подавить реформацию прежде, чем кальвинисты успели подготовиться к борьбе.

II[1]

После сражения при Жамблу генеральные штаты, по почину принца Оранского, создали на севере новую армию под командованием графа Буссю. Она состояла, главным образом, из протестантских войск: отрядов, прибывших из Голландии и Зеландии, шотландских наемников, гугенотов-добровольцев и немецких рейтаров, приведенных Иоанном Казимиром. Что касается валлонских полков, побежденных Фарнезе, то часть их была расформирована, а остальных частично разместили в качестве гарнизонов в укрепленных местах на юге, частично направили в Генегау для участия в тяжелых стычках с войсками Гонзага.

Среди этих остатков армии царило всеобщее недовольство. Вожди ее — Лален, Монтиньи, Меллен, Эгмонт, Хез, Шампанэ — сплошь католики, знали, что патриоты относятся к ним с недоверием. Они обвиняли принца Оранского в том, что он предоставляет их собственной участи и не дает графу Буссю послать им подкрепления. Солдаты в свою очередь были возмущены невыплатой им жалованья: в апреле взбунтовался находившийся в Мастрихте полк Хеза. Словом, положение было более чем критическое, и жалобы войск были вполне справедливы. Но никто не был в этом виноват. Генеральные штаты не могли из-за расстройства своих финансов покрывать военные расходы, а у графа Буссю не было достаточно сил, чтобы он, несмотря на опасность со стороны дон Жуана, мог рискнуть оголить подступы к Антверпену. Кроме того граф Лален, который завидовал принцу Оранскому все сильнее по мере того, как росло его озлобление в связи с успехами протестантов и городских низов, обнаруживал все большее беспокойство и заявил, что он не допустит в Генегау «ни одного солдата, враждебного католической религии»[2]. Таким образом религиозная борьба парализовала теперь национальную защиту. На почве религиозных разно-

[1] По поводу всей совокупности относящихся сюда фактов, вплоть до заключения Аррасского мира, я отсылаю к исчерпывающему изложению Буссемакера (*Th. Bussemaker*, De afscheiding der waalsche gewesten van de generale Unie, Harlem, 1895—1896).

[2] *Gachard*, La Bibliothèque Nationale, t. I p. 188.

гласий между армией штатов и армией, сражавшейся при Жамблу, не было доверия и единства действий.

8 апреля комендант Гравелинга, Валентин Пардье, сир де ла Мотт, прогнал отряд своего лейтенанта Во, верного приверженца штатов. Этого события при данных обстоятельствах было достаточно, чтобы оно явилось толчком к катастрофе.

Профессиональный воин с более чем 30-летним стажем и со следами многих и многих ранений Пардье принимал активное участие в военных действиях против протестантов в 1556 г., отличился в сражении при Ауструвиле и в особенности во время похода в Голландию под командой дон Фадрика. Рекезенс зная, что он был раздражен тем, что его обошли наградами, добился от короля передачи ему в 1574 г. управления Гравелингом. Но эта милость не помешала ему два года спустя объявить себя, как это сделали почти все валлонские офицеры, защитником национального дела. Впрочем, он присоединился к национальному движению лишь в надежде на получение более ответственного поста. Как подлинному наемнику ему совершенно безразлично было под каким бы знаменем ни сражаться, лишь бы это было ему выгодно. Но он вскоре убедился, что генеральные штаты платили еще хуже, чем испанский король. Растущее влияние кальвинистов, с которыми он некогда так яростно сражался и для которых он остался с тех пор объектом ненависти, внушало ему сильнейшее отвращение и привело его в конце концов к убеждению, что он был на ложном пути. Его покровитель герцог Арсхот был пленником гентцев, его друг Шампанэ навсегда рассорился с принцем Оранским, его солдаты, как и он сам, не получали никакого жалованья, — и потому достаточно было ничтожного повода, чтобы он опять решил переметнуться. Уже в начале 1578 г. он начал устные переговоры с агентами дон Жуана. Однако он тщательно остерегался связать себя серьезными обещаниями. Даже после 8 апреля он заявлял о своей верности Гентскому примирению. Он сумел занять такую позицию по отношению к генеральным штатам и Испании, которая позволяла ему в зависимости от обстоятельств переходить на ту сторону, где больше платили.

Вожди валлонских войск не последовали его примеру. Но если никто из них и не думал о сближении с королем, то настроение их становилось с каждым днем все более тревожным. Их стали называть — да они и сами стали называть себя — «недовольными». Как дворяне они возмущались демократическими движениями, вызванными во всех больших городах оранжистами. Как католики они всеми силами протестовали против нарушителя «примирения». И, наконец, как военачальники они возмущались лишениями, на которые ге-

неральные штаты обрекали их солдат. Память об услугах, оказанных ими национальному делу, еще острее заставляла их воспринимать несправедливые подозрения, жертвой которых они были. Разве Хез не арестовал в свое время членов государственного совета? Разве Лален не организовал армию, и разве Монтиньи не сражался доблестно при Жамблу? А разве Филипп Эгмонт не поспешил предложить стране свои услуги? К тому же большинство их было молодыми людьми, не умевшими владеть собой и жаждавшими играть роль. Им казалось невозможным безучастно присутствовать при свержении общественного и религиозного строя, которым — по крайней мере по их представлениям — гентцы угрожали стране.

Кроме того *Шампанэ, ставший более чем когда-либо* объявленным врагом принца Оранского, всячески старался разжечь их недовольство. Он явился вместе с некоторыми из них — Хезом, Берзеле, Глимом, Бассиньи — в Брюссель, чтобы протестовать против проекта религиозного мира. Следствием этого был мятеж. Патриоты захватили этих ходатаев в плен и в довершение всего выдали Шампанэ гентцам (19 августа).

Между тем влияние гентцев все возрастало. Фламандская часть Фландрии была уже целиком на их стороне. Не было никаких сомнений, что, если их войскам удастся проникнуть в Лилль, они неминуемо поднимут там кальвинистско-демократическое восстание, которое сразу же распространится и на другие соседние города. В целях предотвращения этой опасности барон Монтиньи решил использовать свои войска, оставленные генеральными штатами без дела и без денег. Раз правительство не осмеливалось оказать сопротивления гентцам, он решил сам выступить против них. 1 октября 1578 г., как раз в день смерти дон Жуана, он направился вместе с остатками своего полка и несколькими собранными им валлонскими отрядами в Менен. Таким образом он овладел всем течением реки Лис, обезопасил от неожиданного нападения Лилль и стал угрожать передовым позициям гентцев — Ипру и Куртрэ.

Уверенные в своих силах гентские кальвинисты поспешили принять этот вызов. Совершенно так же, как герцог Альба ответил в 1567 г. на вторжение Людовика Нассауского казнью графа Эгмонта и графа Горна, так теперь Рихове, прежде чем двинуться на Менен, приказал повесить у себя на глазах католических узников — советников Гессельса и Висха. С этого момента гражданская война была объявлена, и это была подлинно религиозная война. 5 октября протестантские

войска Рихове дали бой валлонским католикам Монтиньи, которых они иронически называли Paternoster Knechten.

Иоанн Казимир послал им подкрепления и после поражения Рихове сам поспешил в Гент (9 октября). Так как действия его постоянно парализовались принцем Оранским и генеральными штатами, то он с радостью ухватился за возможность сыграть наконец роль. Своим фанатизмом он походил на гентцев и так же, как и они, осуждал политику веротерпимости, с помощью которой принц Оранский пытался сохранить «объединение всей страны». Но в то время как он предоставил в распоряжение протестантов силы, которые он якобы привел для защиты провинций, на сторону Монтиньи перешла значительная часть французских солдат, последовавших за герцогом Анжуйским в Генегау. Вмешательство иностранцев во внутренние дела страны послужило лишь к вящшему усилению анархии.

В то время как на границах Фландрии шли бои, открылось заседание штатов Генегау под председательством графа Лалена. Они заявили, что наступил момент положить конец невыносимому положению, «но не для того, чтобы предпринять что-нибудь новое и противоречащее благу общего дела, а — как они вполне определенно заявили, — чтобы защититься и охранить себя в соответствии с точным смыслом Гентского примирения и Брюссельской унии от более чем варварской тирании и наглости сектантов и их приверженцев, превзошедших даже испанцев, и кроме того помешать искоренению и гибели, угрожающему нашей святой вере и религии, а также дворянству и вообще всем чинам и сословиям» [1]. Как видим, они не собирались изменить национальному делу. Они ни в чем не отступали от патриотической программы 1576 г., так как требовали точного выполнения Гентского примирения и Брюссельской унии. Они были неуязвимы, когда они становились на почву законности, ибо что можно было им ответить, когда они протестовали против нарушения кальвинистами самых торжественных обязательств. Но они не хотели понять, что было уж слишком поздно возвращаться назад, что религиозный вопрос теперь взял верх над политическим, что нечего было больше и думать об отказе протестантам в отправлении их богослужения. Они не хотели признать, что «общее дело», которому они оставались верны, требовало новых уступок и что их цепляние за буквальный смысл договора 1576 г. было не менее пагубным для «объединения всей страны», чем фанатический партикуляризм гентцев. Действительно, они могли рассчитывать лишь на помощь католиче-

[1] *Gachard*, Actes des États Généraux, t. II, p. 426.

ских провинций и в середине октября предложили штатам Артуа объединение всех католических провинций в общую лигу, «за которую, как только она будет создана и появится на свет, несомненно выскажутся все теснимые и гонимые католики, и даже некоторые католические города и местности, которых еще немало повсюду, тоже присоединятся к ней и будут помогать ей всеми имеющимися в их распоряжении средствами и силами» [1].

Эти слова были очень характерны. Они ясно показывали, что дело шло не о *валлонском* союзе, а о *католическом* союзе. Разумеется, основой этого союза должны были явиться валлонские провинции, в которых преобладала католическая религия; но доступ в него должен был быть по всей стране открыт для всех тех, кто не отрекся от католической церкви. Словом, хотели не «размежевания на кантоны», как этого требовали гентцы, а просто «соблюдения и выполнения первой унии, которую все провинции так торжественно признали и которой они присягали».

Хотя штаты Генегау и штаты Артуа стремились к одной и той же цели, но они отнюдь не были единодушны относительно способов ее достижения. В то время как штаты Артуа, обработанные епископом Матье Муларом, помышляли о примирении с Испанией, штаты Генегау под влиянием графа Лалена решили обратиться к герцогу Анжуйскому, чтобы побудить его изменить оранжистской партии и перейти на их сторону (24—27 октября) [2].

К тому времени, когда штаты Артуа и Генегау решили пойти на это дело, победа католицизма в валлонских провинциях была уже совершившимся фактом. 16 октября при известиях о шаге, предпринятом Генегау, вспыхнуло восстание среди патриотов Арраса, которые, подняв оранжево-бело-синее знамя принца Оранского, захватили городскую ратушу. Они восторжествовали бы, если бы могли получить вовремя помощь войсками. Но гентцы, которым Монтиньи преградил дорогу, не в состоянии были притти им на помощь. Благодаря этому католики вскоре оправились. Будучи в три раза многочисленнее своих противников, они кроме того могли рассчитывать на большинство городских военных отрядов. 21 октября они двинулись против малочисленной армии Ле Дюка и сгруппировавшейся вокруг него бедноты из рабочих кварталов. Сопротивление было невозможно, и Ле Дюк, отказавшись от бесполезной борьбы, спасся бегством. При таких обстоятельствах патриотам оставалось только сложить ору-

[1] *Gachard*, Actes des États Généraux, t. II, p. 427.
[2] Ibid., p. 64.

жие. Беспомощные должны были они присутствовать при аресте своих вождей и ликвидации комитета 15-ти. С 23 по 25 октября после упрощенного судебного разбирательства были казнены на главной городской площади адвокат Госсон и восемь его главных сторонников.

Аррасские события сразу же вызвали в соседних городах реакционное движение против оранжистской партии, только что обнаружившей всю свою слабость. В Лилле Лонгастр, которому принц Оранский поручил пересмотреть закон об эшевенах «с тем, чтобы провести туда несколько членов консистории» [1], был изгнан вспыхнувшим здесь восстанием. Дуэ, где еще 16 октября произошло изгнание иезуитов, 30-го пережил возвращение к власти католиков. Только один Турнэ, занятый по повелению генеральных штатов принцем Эпинуа, не был захвачен общим движением. Но кальвинизм, которому городская демократия расчистила путь, был разбит во всех валлонских провинциях вместе с ней, к вящшей выгоде дворянства и крупной буржуазии. И действительно, политическая реставрация происходила одновременно с религиозной. Партия «недовольных» была не только религиозной партией, но и аристократически-консервативной. Вместе с ней привилегированные сословия, представленные в штатах Артуа и Генегау, военачальники валлонских войск Монтиньи, Лален, их бесчисленные родственники, друзья и подзащитные, и, наконец, богатые буржуа одержали верх над простым народом так же, как католическая церковь одержала верх над протестантизмом.

При этих условиях партия «недовольных» неизбежно должна была завершить свою эволюцию и, подчеркивая свою враждебность к революционерам, рано или поздно принести покаяние законному государю. Одушевленные событиями Матье Мулар в Аррасе и ла Мотт в Гравелинге, связанные оба с Александром Фарнезе, стали открыто действовать в интересах Испании. Первый пытался склонить на ее сторону штаты Артуа, а второй привлечь к этому делу Монтиньи. Граф Лален тщетно пытался разбить их планы, соблазняя их союзом с герцогом Анжуйским. Но отвращение генегауцев и артуасцев к Франции, армии которой так часто опустошали их края и осаждали их города, распространялось также и на герцога, к которому они относились с величайшим недоверием [2]. Чтобы разрубить этот узел и добиться признания, герцог

[1] *Piot*, Correspondance de Granvelle, t. VII, p. 211.

[2] «Население Арраса больше кого бы то ни было в Нидерландах всегда боялось французского господства». *Pontus-Payen*, Mémoires, t. II, p. 75; ср. Ibid., p. 105. По словам Бушелия, дуэсцы не выносили французов. «Mémoire de la Société des Sciences de Douai», 1902, p. 458. Обе при-

23 декабря решился внезапно напасть на город Монс. Но благодаря бдительности городского населения удалось отразить это покушение, которое окончательно дискредитировало герцога Анжуйского. Не имея к тому же денег, чтобы заплатить жалованье своим войскам, которые стали разбегаться, он решил выйти из игры и удалился в Кондэ, чтобы оттуда вскоре вернуться в Париж.

Ввиду этого Лалену ничего больше не оставалось, как предоставить свободу действия сторонникам мира. 6 января 1579 г. депутаты штатов Артуа и Генегау, собравшиеся в аббатстве Сен-Ваast вместе с депутатами Дуэ, заключили Аррасскую унию [1]. Наконец-то сила вещей взяла верх над тем «отвращением к испанцам» [2], которое столько времени удерживало католиков от возврата под власть Филиппа II. Участники аррасских переговоров писали теперь генеральным штатам, что они твердо решили «искать путей для улучшения дел и даже указать, какими разумными и надежными средствами можно было бы добиться общего соглашения с католическим королем, нашим законным повелителем и государем». Они просили их в то же время восстановить, в соответствии с текстом Гентского примирения, общую унию, «в противном случае (вы, господа) не должны удивляться, если мы будем считать себя отделившимися и отпавшими от вышеназванной унии, подобно тому как от нее фактически отпали все те граждане и гражданки, которые, прямо или косвенно, каким бы то ни было способом нарушили ее статьи и пункты» [3].

III

Ответом на католическую Аррасскую унию явилась через несколько дней, 23 января 1579 г., кальвинистская Утрехтская уния. Подобно Аррасской унии она ссылалась на Гентское примирение, но истолковала его, в соответствии с желаниями протестантов, в смысле полной свободы вероисповедания. Она объединяла вокруг Голландии и Зеландии провинции Утрехт, Гельдерн, Фрисландию, Оверисселъ и Гронинген, а также протестантские города Фландрии и Брабанта — Гент, Ипр, Брюгге с округом. Антверпен, Льеж и Бреда не замедлили присоединиться к ней. Впрочем, уния вдохновля-

---

веденные нами здесь выдержки ясно показывают, что откол валлонов никак нельзя объяснить расовыми причинами. Последние несомненно толкнули бы их в объятия Франции.

[1] *Gachard*, Actes des États Généraux. t. II, p. 454.

[2] *Kervyn de Lettenhove*, Rélations..., t. V, p. 320.

[3] *Gachard*, Actes des États Généraux, t. II, p. 453.

лась не только религиозными соображениями. Голландия и Зеландия, штаты которых всеми силами настаивали на ней, выговорили себе в ней привилегированное положение и видели в присоединении к ней других территорий прежде всего барьер против Испании. В противоположность аррасским союзникам, говорившим о примирении с королем, утрехтские готовились к войне. Экономическое могущество обеих морских провинций и их военные ресурсы позволяли им взирать на будущее с надеждой, которую дальнейшие события не замедлили оправдать. Принц Оранский, обеспокоенный поведением валлонских провинций, сам поспешил с заключением союза с северными провинциями. Его брат Иоанн, штатгальтер Гельдерна, активно содействовал конечному успеху этого дела. И тем не менее как Утрехтская, так и Аррасская унии оказались одинаково пагубными для той политики, поборником которой до сих пор выступал принц Оранский. Действительно, что должно было статься с «объединением всей страны», раздираемой противоречивыми стремлениями протестантов и католиков? Каждая из этих групп могла рассчитывать только на себя. Религиозный и партийный дух возобладал над национальным сознанием. Вопрос о защите «общей родины» от врага отпал. Бургундское государство распалось...

Генеральные штаты, удалившиеся со времени сражения при Жамблу в Антверпен, потеряли последние остатки влияния, которым они еще пользовались. Эрцгерцог Матвей был лишь марионеткой, которой никто больше не интересовался. Провинции перестали вносить свою долю налогов, казна была пуста и национальная армия под командованием француза Ла Ну [1] и англичанина Норриса не способна была ни к каким действиям. 2 марта Фарнезе атаковал ее у Боргехоута, отбросил ее к стенам Антверпена и через 10 дней, никем не потревоженный, начал осаду Мастрихта.

Тем временем валлонские провинции явно обнаруживали желание покончить со всем этим. 23 февраля 1579 г. штаты Артуа, а также депутаты Генегау и Дуэ известили генеральные штаты о своем решении самим вступить в переговоры с королем, раз нельзя договориться об общем мире, «вполне понимая, насколько это могло и должно было бы быть лучше сепаратного мира». Но они пойдут на этот общий мир лишь «на основе и условиях Гентского примирения, последовавшей за ним Унии и Вечного эдикта, не допуская и не вставляя в них ничего противоречащего или наносящего ущерб

---

[1] О роли Ла Ну в Нидерландах см. *H. Hauser*, François de La Noue, Paris 1892, p. 89.

нашей святой вере и римско-католической религии» [1]. Напрасно генеральные штаты умоляли их пожертвовать их религиозными мотивами ради блага страны и призывали их «изгнать жестокого тирана и врага всего, что только связано с именем Бельгии» [2]. В обстановке всеобщего распада эти патриотические призывы не встретили ни малейшего отклика.

Что касается гентцев, то их будущее, прояснившись на один момент, снова предстало в самом мрачном свете. В ноябре 1578 г. Иоанн Казимир, отставленный недовольной его бесплодными действиями Елизаветой, окончательно покинул Нидерланды. Его отъезд тотчас же вызвал в городе восстание оранжистов, сгруппировавшихся вокруг Рихове, против кальвинистов, стоявших за Гембизе. Датен бежал, и 16 декабря в присутствии принца Оранского провозглашен был религиозный мир. На основании его церкви и школы были разделены между обеими религиями и создан был комитет из 8 лиц — 4 католиков и 4 протестантов — для наблюдения за его выполнением. Этот переворот сделал возможным соглашение с Монтиньи. 9 января 1579 г. он согласился эвакуировать Менен при условии сохранения в Генте католической религии, освобождения заключенных, так долго содержавшихся гентцами под стражей, и уплаты 3-месячного жалованья его войскам. Таким образом можно было еще надеяться, что удастся избежать гражданской войны и что можно будет предоставить в распоряжение армии генеральных штатов 7 тыс. валлонов Монтиньи [3] и солдат, навербованных Рихове.

Но это успокоение было очень непродолжительно. 26 января Гент, несмотря на протесты «poorterije» присоединился к Утрехтской унии, и непримиримые кальвинисты воспользовались этим, чтобы взять опять власть в свои руки. Приверженцы Гембизе, возбужденные письмами д-ра Бойтериха [4], секретаря Иоанна Казимира, снова стали навязывать свою волю католическому большинству. Опять началось разграбление церквей; вербовались наемники; пленники, отправленные в Термонд, были возвращены 10 марта в тюрьму. В результате религиозный мир был нарушен.

Вместе с тем исчезла последняя надежда склонить Монтиньи и «недовольных» на сторону «объединения всей страны». Поддавшись своему ожесточению, они решились, наконец, на неизбежное. Ла Мотт, который выдавал себя теперь за представителя Филиппа II и которого генеральные штаты только

[1] *Gachard*, Actes des États Généraux, t II, p. 464.
[2] Ibid., p. 470.
[3] «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 2-ème série, t. IX, 1857, p. 373.
[4] *Bezold*, Briefe, Bd. I, S. 338.

что объявили врагом государства (9 марта), делал им выгодные предложения, к которым присоединились также аррасский епископ барон Селль и уполномоченный Александра Фарнезе сир Валюон. Этого было даже слишком много для успеха. 6 апреля в Мон-Сент-Элуа Монтиньи от имени всех своих «полковников, капитанов и солдат», сопровождавших его во Фландрию, предоставил в распоряжение короля все свои войска и передал ему города Менен и Кассель, при условии, что его величество выдаст ему 205 тыс. флоринов для уплаты жалованья солдатам, что он будет управлять на основании Гентского примирения и Вечного эдикта и, наконец, что король обещает провинциям, участницам Аррасской унии отозвать из Нидерландов иностранных солдат[1].

Несмотря на то, что, как мы видим, это соглашение опередило на несколько дней официальное примирение членов Аррасской унии с Филиппом II, оно считало его совершившимся и было тесно с ним связано. Действительно, исход переговоров, итогом которых оно должно было явиться, не подлежал никакому сомнению. За исключением Турнэ, все остальные валлонские провинции уже в марте окончательно порвали с «объединением всей страны». Им оставалось только договориться с Фарнезе, и поэтому между лагерем, расположенным у Мастрихта, и Сен-Ваастским монастырем где непрерывно заседали депутаты, курьеры без передышки мчались взад и вперед. Но хотя обе стороны и проникнуты были одинаковым желанием притти к соглашению, тем не менее переговоры были далеко не из легких. Только духовенство обнаруживало полнейшее доверие и готовность. Но у дворянства и у городов возникали все новые затруднения и колебания, так как очень укоренилось отрицательное отношение к Испании и появлялись сомнения, стоит ли отказываться от дела, за которое так долго боролись. Если бы им пришлось иметь дело с кем-нибудь вроде дон Жуана, то цель никогда не была бы достигнута. Но изворотливый и ловкий Фарнезе поразительно умел маневрировать. Как искусный удильщик, он всякий раз отпускал лесу, когда чувствовал, что сопротивление слишком велико; он был терпелив, спокоен, умерен, и Аррасское соглашение, принятое, наконец, 17 мая 1579 г. штатами Артуа, Генегау, Лилля, Дуэ и Орши, было его первым дипломатическим успехом и необходимым условием всех его дальнейших успехов.

В Аррасском мире объявлялась ненарушимость Гентского примирения, Брюссельской унии и Вечного эдикта «во всех статьях и пунктах», даровалась всеобщая амнистия и утверждались все назначения, сделанные эрцгерцогом Матвеем, ге-

[1] «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», p. 372.

неральными штатами и государственным советом при условии, чтобы назначенные лица были католиками. Не позднее чем через 6 недель после опубликования договора все испанские, итальянские, албанские, бургундские «и другие иностранные, неприятные генеральным штатам» солдаты должны были покинуть страну, которая обязывалась навербовать взамен их национальную армию. Города и укрепления вверялись местным комендантам. Король обязался не вводить своих войск в замиренные провинции без их согласия. Все привилегии должны были быть восстановлены, «и те из них, которые были нарушены, теперь снова вступали в силу». Штатгальтером Нидерландов отныне мог быть только принц королевской крови, но временно — в течение 6 месяцев — управлять страной должен был герцог Пармский. Его двор должен был состоять главным образом из «местных уроженцев» и максимум из 25—30 иностранцев. Государственный совет должен был состоять из 12 назначенных по выбору короля членов, причем все они тоже должны были быть «местными уроженцами» и 8 из числа тех, которые с самого начала и до конца были на стороне партии штатов. 5 из числа этих восьми должны были быть назначены пожизненными советниками, остальные же должны были обновляться каждые 3 месяца, «чтобы оставить свободным доступ для провинций, которые присоединятся еще к примирению с королем». Все официальные депеши, как во времена Карла V, должны были сообщаться государственному совету. Что касается тайного совета, совета финансов и других ответственных учреждений, то король должен был ввести в них «местных уроженцев, либо каких-нибудь не местных, но одобренных штатами людей». Налоги должны были одобряться штатами, как во времена Карла V. Наконец преимущества всех этих условий договора должны были распространяться на все провинции, кастелянства, города и частных лиц, которые в течение 3 месяцев после увода королевских войск присоединятся к примирению.[1]

Достигнутое таким образом Аррасское соглашение носило явно выраженный антииспанский характер. Если, с одной стороны, оно восстанавливало повиновение «законному государю», то, с другой — оно заявляло о возврате страны к той самой независимости, которую герцогу Альбе поручено было

[1] 12 сентября 1579 г. договор этот был торжественно ратифицирован от имени короля в Монсе. Я резюмирую здесь окончательный текст его (*Gachard*, Actes des États Généraux, t. II, p. 522). Впрочем, он лишь незначительно отличается от варианта договора от 17 мая. Буссемакер (*Bussemaker*, De Afscheiding..., Bd. II, S. 472 ff.) дает очень интересное сопоставление вариантов мирных предложений от 8 декабря 1578 г., 9 января и 6 апреля 1579 г. с Аррасским и Монсским договорами.

ликвидировать в 1567 г. В общем оно осуществляло программу политической оппозиционной партии, выдвинутую впервые, как мы видели, 20 лет назад при отъезде Филиппа II в 1569 г. Это соглашение было капитуляцией Испанского государства перед Бургундским государством. Оно положило конец системе насилий и деспотизму, возвращало управление делами местным жителям, восстанавливало все привилегии и изгоняло из страны иностранцев. Несомненно король не мог сделать Нидерландам бо́льших уступок, по крайней мере если он не хотел вообще отказываться от своей верховной власти.

Но король уступал в политической области лишь для того, чтобы сохранить неприкосновенной религиозную. Аррасский мир был тяжелым поражением для испанского короля, но он был блестящим успехом для католического короля. Вдвойне консервативный, он восстанавливал традицию в ущерб абсолютизму и к выгоде католической церкви. И именно благодаря этому он вызвал раскол того самого Бургундского государства, которое он, казалось, возрождал. Мир был заключен благодаря расправе с кальвинистской партией в валлонских городах и угрожал тем же протестантам северных провинций, Фландрии и Брабанта. Он был им тем более ненавистен, что он тотчас же оживил надежды католиков и привел к отпадению ряда территорий. 27 июля к миру присоединился Мехельн, Валансьен принял его в октябре. Что касается дворянства, то оно почти без исключений по примеру графа Эгмонта примирилось с королем. Неизбежный уже с давних пор разрыв между католиками и протестантами стал теперь совершившимся фактом. Он произошел лишь с некоторым опозданием исключительно из-за их общей ненависти к Испании. Успокоившись теперь относительно намерений короля, консерваторы решили связать свое дело с его делом. Со времени Аррасского мира Нидерланды все отчетливее распадались на две политико-религиозные партии: католически-лояльную и кальвинистско-республиканскую.

Этот раскол, доказательством которого был уже самый факт примирения валлонских провинций с королем, еще гораздо яснее обнаружился во время начавшихся в Кельне в августе 1579 г. переговоров между уполномоченными генеральных штатов и Филиппом II при посредничестве германского императора[1]. С первого же дня стало ясно, что налицо были две непримиримые точки зрения. В ответ на предложение герцога Терранова о восстановлении повиновения королю и

[1] *Lossen*, Aggäus Albada und der Kölner Pacifications-Congress im Jahre 1579, «Historisches Taschenbuch», 5-e Serie, Bd. VI, 1877, S. 277 ff.; *J. Hansen*, Der Niederländische Pacificationstag zu Köln im Jahre 1579, «Westdeuttsche Zeitschrift», Bd. XIII, 1894, S. 237 ff.

признании исключительно католической религии делегаты генеральных штатов не ограничились тем, что противопоставили ему свое непреклонное решение сохранить свободу вероисповедания, но, усвоив язык вышедшей в том же году брошюры «Vindiciae contra tyrannos», они заявляли, что подданные созданы не для государя, а государь для подданных, что только бог повелевает совестью людей и что, если государь упорно желает поработить своих подданных, народ имеет право низложить его и призвать на помощь соседних государей. В ответ на эту гугенотски-революционную теорию католики возражали, что от злоупотребления властью законного государя существует лишь одно прибежище — папа, и что государь может быть признан лишь в том случае, если он католик. Подобно Ленсею они считали, что религиозное единство столь же необходимо для государства, как и для семьи[1]. Борьбу с ересью они считали первейшей обязанностью всякого правительства. Таким образом научные споры теоретиков нашли себе яркое отражение в дебатах участников кельнских переговоров. В основе споров о привилегиях страны и о толковании Гентского примирения лежали доводы монархомахов и легитимистов. С каждым днем все яснее становилась непримиримость принципов той и другой стороны, и размах начавшейся в Нидерландах борьбы раскрывался во всю свою ширь.

Некоторые уполномоченные штатов вскоре испугались исхода борьбы, в которую они ввязались. Все те из них, которые, сохранив верность католической религии, были противниками Испании лишь по политическим причинам или из личной злобы против нее, отступились, как только они увидели себя вынужденными выбирать между королем и кальвинизмом. Сен-гертрудский и маруальский аббаты просили у Филиппа II прощения; герцог Арсхот добровольно обрек себя на изгнание в Венецию, где и закончилась карьера этого нерешительного мятежника, шедшего на поводу у событий. Отныне убежденные кальвинисты одни должны были взять на себя все бремя борьбы, и они заранее приняли на себя всю ответственность за нее и за все ее последствия. Ко времени закрытия конгресса, 13 ноября, конфликт между королем и повстанцами приобрел такую же остроту и такие же размеры, как и конфликт между реформатами и католической церковью. Разрыв между ними был столь же очевиден, сколь и окончателен, немыслимы были больше никакие колебания или шансы на соглашение.

[1] *J. Lensaeus*, De unica religione studio catholicorum principum in re publica conservanda, Louvain 1579; ср. *J. Lensaeus*, Orationes duae. I. Contra ψευδοπατριότας hoc est Romanae ecclesiae desertores, Louvain 1579.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

РАСПАД НИДЕРЛАНДОВ

I

В конце 1579 г., после заключения Аррасской и Утрехтской уний, после примирения валлонских провинций и «недовольных» с королем, после неудачного исхода Кельнского конгресса, национальная политика Вильгельма Оранского и его политика веротерпимости окончательно потеряли последние шансы на успех. Принц Оранский и его советники отлично поняли уже в 1576 г. что единственным препятствием, мешающим единодушному сотрудничеству всех провинций против Испании, является религиозный вопрос. И потому со времени Гентского примирения они ломали себе голову, как устранить этот мучительный вопрос. Но в условиях религиозной борьбы нельзя было выжидать. Протестанты тотчас же потребовали для себя свободы вероисповедания и своими насилиями довели католиков до крайности. Надежды, что с помощью религиозного мира удастся побудить обе партии заключить временное перемирие и наладить взаимные отношения, не оправдались, и положение еще больше обострилось. Во всех городах, где провозглашен был религиозный мир (Religionsfrid), он вызвал непрекращавшиеся беспорядки. Богослужения, похороны, крещения, венчания были постоянными поводами для скандалов и драк. В результате равноправного существования обоих вероисповеданий фанатизм дошел до апогея. Уже через очень короткое время более сильная партия добилась закрытия всех церквей, отведенных враждебной партии.

Среди этого разгара религиозных страстей некоторые запоздалые приверженцы Эразма и некоторые приверженцы Кассандера принципиально оставались сторонниками веротерпимости. Терпимость обнаруживали и некоторые очень немногие политики либо по соображениям целесообразности, либо из индиферентизма, вроде например принца Эпинуа,

«который никогда не интересовался совестью отдельных людей», лишь бы они выполняли свои «политические» обязанности [1]. Но это ничтожное меньшинство таяло с каждым днем. Принадлежавшие еще к нему дворяне один за другим покидали его и переходили на сторону врага. Маркиз Гаврэ искал примирения с королем. 3 марта 1580 г. Жорж Лален, сир Реннебург, долгое время сражавшийся в Фрисландии на стороне штатов, переметнулся и захватил от имени Филиппа II Гронинген. Из всей высшей знати только один принц Эпинуа оставался теперь верен «объединению всей страны» [2].

Впрочем, «объединение» потеряло всю свою силу и все свое влияние. Его заслонила теперь Утрехтская уния. Победоносный протестантизм в семи северных провинциях вел непреклонную борьбу с Испанией, а торговое процветание Голландии и Зеландии давало ему средства для продолжения этой борьбы. Создание совета унии (Raad der naarder Unie) дало объединившимся провинциям центральный политический орган [3]. Они явно стали представлять особое отдельное государство. Имевшиеся в их распоряжении средства они употребляли исключительно на свою оборону [4]. Их штаты занимались только своими делами, нисколько не думая о заседавших в Антверпене генеральных штатах.

В католических же провинциях, напротив, была восстановлена королевская власть. Уже 19 июля 1578 г. дон Жуан перенес местопребывание брабантского совета в Лувен и сместил всех непокорных советников, продолжавших заседать в Брюсселе. После взятия Маастрихта (29 июня 1579 г.) Александр Фарнезе учредил в этом городе вторую палату указанного совета. Он призвал в Намюр брабантскую счетную палату, а затем, 7 июня 1580 г., Большой совет Мехельна. С другой стороны, примирение с королем валлонских провинций дало ему возможность назначить местопребыванием фландрского совета Дуэ и наложить руку на лилльскую счетную палату.

---

[1] *Kervyn de Volkaersbeke et J. Diegerick*, Documents historiques inédits concernant les troubles des Pays-Bas, t. II, Gand 1849, p. 102

[2] *Groen von Prinsterer*, Archives..., t. VII, p. 270.

[3] *P. L. Muller*, Geschiedenis der regeering in de nader geunieerde provincien, Leyde 1867, S, 253; *P. L. Muller*, De staat der Vereenigde Nederlanden in de jaren zijner wording, Haarlem 1872, S. 233.

[4] Уже 6 января 1579 г. генеральные штаты жаловались принцу Оранскому, что Голландия и Зеландия «употребляют взимаемые ими налоги не на общегосударственные нужды, как они обязаны это делать, а на свои собственные нужды... Это довольно нелепо в отношении союза, который ведь не должен быть подобен льву, но который должен быть одинаковым и справедливым по отношению ко всем». *Gachard*, Actes des États Généraux, t. II, p. 120.

Таким образом все важнейшие органы управления, созданные монархической властью, снова подчинены были королю. Теперь повстанцы не могли уже больше делать вид, будто они не посягают на прерогативы его величества. И если они сохранили в Брюсселе брабантский совет, а в Генте фландрский совет и если 30 июля 1580 г. эрцгерцог Матвей вместе с генеральными штатами создал в Генте новую счетную палату для Фландрии, то дело шло уже при этом о противозаконных или, вернее, революционных мероприятиях.

Впрочем, разве кто-нибудь мог еще считать эрцгерцога Матвея королевским наместником? Разве кто-нибудь мог еще признавать законность собрания, которое продолжали попрежнему называть генеральными штатами? В действительности в нем представлена была лишь самая незначительная часть «общей родины». Из валлонских провинций в нем были лишь депутаты Турнэ, что же касается членов Утрехтской унии, то они явно не интересовались тем, что там происходило, или вмешивались лишь для того, чтобы навязать свои решения[1]. По существу генеральные штаты были почти в таком же беспомощном положении, как и сам эрцгерцог Матвей. Фландрия и Брабант, не занявшие никакой определенной позиции между католическим союзом Юга и кальвинистским союзом Севера, могли бы еще сохранить за собой некоторую видимость авторитета. Но политическая анархия достигла в них кульминационного пункта, и успехи протестантизма привели здесь к замене повсюду власти генеральных штатов властью городских демократий.

Брюссель и Антверпен в свою очередь ввели у себя порядки на манер Гента. Но в Брюсселе, где патриоты были так сильны с 1576 г., большинство населения все же осталось католическим. Религиозный мир был здесь установлен лишь против воли девяти «наций», и граф Филипп Эгмонт 4 июня 1579 г. воспользовался их недовольством и попытался захватить город и перетянуть его на сторону партии «недовольных». Для предотвращения новых опасностей городское население призвало 5 рот шотландцев, и тотчас же был организован военный совет, который при поддержке войск и бедного люда захватил в свои руки власть в коммуне и начал

[1] 30 августа 1579 г. генеральные штаты указали штатам Утрехтской унии на большие неудобства, проистекающие для «общей родины» оттого, что последние не посылают больше своих представителей в заседающее в Антверпене собрание. *Gachard*, Actes des États Généraux, t. II, p. 251. В своем ответе от 3 сентября (ibid., p. 253) штаты Унии ограничились заявлением, что они послали представителей к принцу Оранскому и что им нечего заседать не на своей территории!

преследовать католиков[1] И хотя их было в семь раз больше, чем протестантов, они лишены были инициативы, и потому им ничего больше не оставалось, как подчиниться новому военно-демократическому строю, который, пренебегая старыми привилегиями, предоставил теперь все должности кальвинистам. Численное соотношение протестантов и католиков в Брюсселе было такое же, как и в Аррасе, но, как и в Генте, власть принадлежала здесь меньшинству, и оно злоупотребляло ею. Комендант ван ден Тимпель и пенсионарий Корнелий ван Арсен совсем не были однако фанатиками. Убежденные оранжисты, они стремились лишь не дать городу примириться с королем, ибо они знали, что он непременно это сделает, если этому не воспротивятся кальвинисты.

В силу этого католики были вынуждены соглашаться со всеми требованиями последних. Начиная с июня 1579 г. католические священники не осмеливались показываться на улицах, сопровождать похороны и открыто носить больным святые дары. Вместо религиозного мира вскоре установилось исключительное господство протестантов. Город создал протестантскую школу для 100 детей, платил пасторам жалованье, раздавал деньги беднякам, посещавшим протестантские проповеди. В 1581 г. было официально запрещено открытое исповедание католической религии, а в 1584 г. дошли до запрещения тайного католического богослужения.

То же было и в Антверпене. И здесь кальвинисты силой навязали свою власть католикам, впрочем, менее многочисленным, чем в Брюсселе. 28 мая 1579 г. толпа напала на католическую процессию, в которой принимал участие эрцгерцог Матвей, и оттеснила ее к собору. Принц Оранский, спешно прибывший со своей гвардией, не в состоянии был навести порядок. 121 католический священник были силой посажены на корабль и отправлены в Рупельмонд. Объявленный 12 июня религиозный мир не принес желанного спокойствия. В действительности гонимые католики все больше теряли почву под ногами. С 1581 г. в городе установилось исключительное господство протестантизма. Тем не менее городское управление согласилось предоставить особую церковь «для его высочества» и открыло доступ в нее и тем католикам, которые прожили не менее 3 лет в городе.

Гентские кальвинисты пошли еще дальше. С февраля 1580 г. протестантская религия стала официальным вероисповеданием города. Было издано запрещение венчать и кре-

[1] *Henne et Wauters*, Histoire de Bruxelles, t. I, p. 542. О положении в Брюсселе в то время см. в особенности *Jan de Potter*, Dagboek, éd. Saint-Genois, Gand 1861. Надо однако принять во внимание, что автор этого дневника католик.

стить не по протестантскому церковному обряду и был назначен особый инквизитор для наблюдения за поведением католиков [1]. 30 мая их заставили сдать оружие и изгнали из городских военных отрядов.

Соотечественники обращались с католиками, как с врагами, отнюдь не по чисто религиозным причинам. Как мы уже указывали, религиозный пыл брабантских и фландрских протестантов мало соответствовал внешним проявлениям его. Эти новые протестанты были большей частью очень поверхностно обращены в новую веру. Они были в бóльшей мере противниками Испании и папства, чем убежденными кальвинистами; они в бóльшей мере ненавидели власть католической церкви, чем отвергали ее догматы, и их нетерпимость объясняется в первую голову их политическими страстями. Если они ставили католиков вне закона, то лишь потому, что последние не скрывали своего желания присоединиться к Аррасской унии. Повсюду, где они могли, они следовали примеру своих валлонских единоверцев и свергали иго гёзов. 29 мая 1579 г. жители Мехельна восстали против своего голландского гарнизона, прогнали его и «определенно заявили, что они все до единого желают жить и умереть католиками» [2]. В августе аналогичным образом поступил Буа-ле-Дюк. В иных местах все католики, которые только в состоянии были, эмигрировали в южные провинции. Льеж, Лилль, Дуэ, города в Артуа и Генегау полны были такого рода беженцами. В 1581 г. в Брюсселе пустовало 2 тыс. домов. Эта эмиграция несбычайно усилила подозрения, жертвой которых были «паписты». Их обвиняли в тайных сношениях с врагами, их укоряли в измене, словом, с ними обращались — и по тем же причинам — так же, как обращались впоследствии с аристократами, с «бывшими» («ci-devant») во время Французской революции. Но особую ненависть вызывало духовенство. Католических священников изгоняли из всех городов, и те, кто имел мужество остаться на своем посту, вынуждены были — совершенно так же, как во Франции в эпоху террора, — отправлять богослужение при закрытых дверях в надежных домах. 16 июня 1579 г. гентцы обещали награду в 2 тыс. ливров тому, кто выдаст ипрского и брюггского епископов [3].

Но католики были на подозрении не только из-за своего политического поведения, их ненавидели еще за их социальное положение. Почти вся богатая или состоятельная буржуазия была католической. Новая вера нашла себе приверженн-

[1] *De Jonghe*, Ghentsche geschiedenissen, Bd. II, S. 205.
[2] *Kervyn de Volkaersbeke et Diegerick*, Documents historiques, t. I, p. 334.
[3] *F. De Potter*, Deuxième cartulaire de Gand, p. 184.

цев среди ученых, художников, людей свободных профессий и в особенности среди членов адвокатского сословия, но она почти совершенно не коснулась класса собственников, купцов, предпринимателей-капиталистов. В брабантских и фламандских городах нельзя было встретить той кальвинистской группы нотаблей, которая в Голландии и Зеландии занималась городским управлением и ведением политических дел. Здесь с католической церковью порвал почти исключительно простой народ, и укрепление демократии происходило здесь одновременно с распространением протестантской религии.

В связи с этим борьба между протестантами и католиками осложнилась еще глубоким озлоблением и бесчисленными жалобами бедняков на богачей. Во всех бельгийских местностях, где с 1576 г. утвердился кальвинизм, он явился религией рабочих-пролетариев; этим объясняются его крайности, его порывы бешенства. Массам, на которые он опирался, явно недоставало политического сознания. Доведенные до крайнего возбуждения проповедями пасторов, горячо осуждавших всякую мысль о веротерпимости и умеренности, они не доверяли ни принцу Оранскому ни генеральным штатам. Они не в состоянии были понять, какой опасности они подвергали себя своей изоляцией и партикуляризмом. Правда, к Утрехтской унии присоединилось много городов, но они являлись лишь, так сказать, почетными членами ее и сохраняли полнейшую независимость. Каждый из них желал защищаться собственными силами. Продажа церковных имуществ, военные налоги, взимавшиеся с богатых, и реквизиции в деревнях были покуда достаточными финансовыми источниками, а о будущем они вообще не думали. Они не желали слушать принца Оранского, когда он пытался убедить их, что сопротивление врагу невозможно, если каждый будет действовать так, как ему заблагорассудится. Они не платили жалованья тем нескольким гугенотским отрядам, во главе которых храбрый Ла Ну сражался на юге Фландрии с «недовольными». Казалось, будто вся их политика состояла в подавлении католицизма, а все остальное само приложится.

Эти настроения еще более укрепились благодаря прибытию валлонских кальвинистов, бежавших после 1579 г. во Фландрию и Брабант. В Генте, в Ипре, в Брюгге, в Антверпене, в Брюсселе, в Оденарде [1] можно было встретить таких

[1] В Генте валлонская церковь находилась в часовне ткачей; в Брюсселе — сначала в часовне Нассауского дворца, а затем в «Cantersteen». О валлонских церквах в Ипре и Оденарде см. *Kervyn de Volkaersbeke et Diegeick*, Documents..., t. II, p. 54, 319. В 1579 г. в Брюгге имелась валлонская консистория (waalsche consistorie), содержавшаяся на средства города. «La Flandre», t. II. 1871, p. 319.

изгнанников, пламенных энтузиастов религии, ради которой они покинули свою родину. Всюду, где они поселялись, они укрепляли ненависть к «папизму» и усиливали непримиримость комитета 18-ти, военных советов, протестантских священников и народных агитаторов.

II

Судьба принца Оранского, естественно, претерпела те же изменения, что и судьба «объединения всей страны». В 1577 г., т. е. тогда, когда народ восстал против Испании, его приветствовали повсюду как «отца народа» и как воплощение «общей родины». Но начавшиеся вскоре раздоры между протестантами и католиками оказались пагубными для его планов. Стремясь примирить обе партии, он стал подозрителен и той и другой. Матье Мулар в Аррасе и Датен в Генте одинаково вели пропаганду против него. Первый рисовал его заклятым врагом католической церкви, второй обвинял его в атеизме. Его умеренность и веротерпимость привели лишь к тому, что он стал «мишенью, на которую все направляли стрелы своего недоброжелательства» [1]. Словом, его политика единения потерпела крах. Чтобы сохранить за собой руководство событиями, он должен был приспособить свои планы к обстоятельствам и изменить позицию.

Благодаря его посту генерального заместителя эрцгерцога Матвея в его руках фактически сосредоточена была власть над мятежными провинциями. Но колебания, опасения и медлительность генеральных штатов постоянно стесняли его инициативу. Это несчастное собрание было теперь так скомпрометировано, так беспомощно и так стеснительно, что он думал лишь о том, как бы избавиться от него. 26 июля 1579 г. он поручил своим антверпенским единомышленникам внести предложение, чтобы «ввиду молодости и неопытности эрцгерцога принцу Оранскому целиком и полностью предоставлено было все ведение государственных дел» и чтобы генеральные штаты, учредив государственный совет, тайный совет и финансовую палату, объявили себя распущенными, с тем чтобы собираться каждые 6 месяцев для получения отчета от правительства [2]. Однако, как ни пал авторитет генеральных штатов, они вовсе не желали отдавать всю власть в руки принца. Поэтому ему оставалось только почти в тех же выражениях, как некогда Карл V и Мария Венгерская [3],

[1] *Kervyn de Lettenhove*, Documents inédits relatif à l'histoire du XVI siècle, p. 241.
[2] *Gachard*, Actes des États Généraux, t. II, p. 236.
[3] «Histoire de Belgique», t. III, p. 181.

стыдить их за их бездеятельность и осуждать партикуляризм их депутатов. 26 ноября он выступил с обвинением, что члены генеральных штатов являются лишь «адвокатами» своих провинций и приносят им в жертву общественное благо. Он напоминал о том, что уже в течение 15 месяцев у государства нехватает средств и что только чудом удавалось оказывать сопротивление врагу. Он угрожал даже, что уйдет с поста, если не будут приняты меры для улучшения положения [1].

Через несколько недель (27 декабря 1579 г.) он добился постановления штатов о создании государственного совета для 11 провинций, оставшихся верными «объединению всей страны» [2]; но это была лишь пустая и бесплодная демонстрация. Было совершенно очевидно, что призрачное собрание, заседавшее в Антверпене, не могло больше никому внушить уважения. Утрехтская уния не удостаивала его больше присылкой своих представителей. Оно состояло почти сплошь из одних только брабантцев, к которым присоединялись еще очень немногие депутаты Фландрии, Турнэ и Турнэзи. Но и эти последние исчезли со взятием Турнэ Александром Фарнезе (30 ноября 1581 г.), так что генеральные штаты с этого времени почти полностью совпадали с брабантскими провинциальными штатами.

Официально они не порвали еще ни с католической церковью ни с королем даже после неудачного исхода Кельнского конгресса. Хотя они и не мешали кальвинистам захватывать города и безнаказанно нарушать религиозный мир, но, с другой стороны, они не запрещали отправления католического богослужения; хотя они и не повиновались больше Филиппу II и перестали признавать его «неограниченным государем» (prince souverain), но они не оспаривали его титула «законного государя» (prince naturel). Подойдя к самой грани революции, они остановились: у них нехватало духа последовательно довести до конца принципы монархомахов, которые непрестанно были у них на устах. Практически они держались за «Joyeuse-Entrée». Они придерживались попрежнему средневекового представления о государственном дуализме. Они различали права страны и права государя. У них не было никаких сомнений в том, что их сопротивление законно, но они признавали также законность наследственного права. Как бы ни были тяжелы вины Филиппа II перед ними, но их традиционное уважение к королевской династии ставило его выше их нападок. Несмотря на всю резкость брошюры «Vindiciae contra tyrannos», они не могли ре-

[1] *Gachard*, Correspondance de Guillaume le Taciturne, t. IV, p. 188.
[2] *Gachard*, Actes des États Généraux, t. II, p. 313.

шиться отречься от сына Карла V и прямого потомка бургундских герцогов.

Это крайне ложное положение не могло быть продолжительным: его двусмысленность обрекала его на гибель. Во время переживавшегося кризиса нужны были прежде всего ясные и определенные решения и энергичные мероприятия. Соображения легальности, все еще терзавшие генеральные штаты, вызывали презрение кальвинистов, господствовавших как в больших городах Фландрии и Брабанта, так и в Утрехтской унии. Если бы принц Оранский продолжал медлить, он рисковал неминуемо потерять доверие как раз самых решительных сторонников войны с Испанией. Поэтому с 1578 г. он отказался от позиции нейтралитета, занятой им со времени его триумфального вступления в Брюссель. Он стал теперь постоянно афишировать свою протестантскую религию, начал опять посещать протестантские богослужения и в сентябре торжественно крестил свою дочь «Catharina Belgica» по евангелическому обряду. Хотя в глубине души он оставался сторонником веротерпимости, но отныне он по крайней мере не говорил больше о религиозном мире.

Порывая с католиками, он неминуемо должен был порвать и с Филипом II. Впрочем, сам король позаботился об ускорении развязки. Как раз теперь, при возобновлении войны, он опасался, как бы его не заподозрили в том, что он замышляет разорение и гибель своих подданных. В выпущенном им по совету Гранвеллы [1] указе, который был опубликован по его распоряжению Александром Фарнезе 15 июня 1580 г. [2], он называл принца Оранского «единственным главарем, зачинщиком и подстрекателем к беспорядкам и главным мятежником всего нашего государства». Именно этот «несчастный лицемер» вместе со своими единомышленниками совратил народ; из-за его пребывания здесь провинции лишились «навсегда мира, отдыха и покоя». Поэтому, опираясь на свои права «абсолютного и верховного государя», Филипп II объявлял его «изменником и злодеем, нашим врагом и врагом страны... врагом всего человеческого рода». Наконец, он обещал «своим словом короля и слуги божьего» выдать вознаграждение в 25 тыс. золотых экю и пожаловать дворянское звание тому, кто «окажется столь благородным сердцем и столь ревностным слугой нашим и нашего общественного блага», чтобы «покончить с этим негодяем, доставив нам его живым или мертвым или лишив его жизни».

[1] *Piot*, Correspondance de Granvelle, t. VII, p. 496, 503.

[2] Указ был датирован Мастрихтом, 15 марта 1580 г. Он опубликован в приложении к «Апологии» принца Оранского у *J. G. Frederiks*, De moord van 1584, Haag 1884.

На этот торжественно-патетический призыв к убийству на основании божественного права принц Оранский ответил 13 декабря опубликованием своей «Апологии», являющейся, пожалуй, самым прекрасным и несомненно самым захватывающим и в то же время самым талантливым памфлетом XVI века. «Апология» написана в виде письма к генеральным штатам. В ней Вильгельм сначала поздравляет себя с той ненавистью, которую он заслужил у испанцев своей преданностью родине, затем напоминает вкратце о своих предках, которые были такими преданными слугами династии и которым король, натравливающий теперь на него убийц, немало обязан частью своего наследства: об Энгельберте, победителе при Гинегате, о Геприхе, лояльнейшем слуге Карла V, о Рене, умершем на службе у императора, о Филибере Шалоне, доставившем ему владение Неаполем и Миланом. Далее, отвечая на обвинения Филиппа еще более серьезными обвинениями, он осыпает его упреками в самых тяжких преступлениях и прегрешениях вроде вероломства, разврата, кровосмешения и убийства дон Карлоса. Что же касается его самого, то в течение всей своей жизни он думал лишь об общественном благе и торжестве истинной веры. Чтобы добиться этих целей, он пожертвовал всем, что у него было дорогого: свободой своего старшего сына, сосланного герцогом Альбой в Испанию, жизнью своих братьев, которые пали, сражаясь за родину, теперь же он готов умереть и сам. «Если вы считаете, что вам нужны мое изгнание или даже моя смерть, то я готов повиноваться вам: приказывайте, пошлите меня на край света, и я охотно послушаюсь вас. Вот моя голова, над которой не властен ни один государь, ни один монарх, а только вы одни» [1].

Эти слова блестящей «Апологии» явно свидетельствуют о революционном духе, которым она проникнута, и придают ей характер политического манифеста. Заявляя о том, что он подчиняется только генеральным штатам, принц Оранский заменял верховную власть короля верховной властью народа. Он отвергал законность власти, которую ему хотели навязать против его воли. Будучи поставлен вне закона, он сам объявил вне закона своего врага и на убийство, которым угрожал ему Филипп II, отвечал государственным переворотом.

Однако генеральные штаты все еще не могли решиться последовать его примеру. Умеренный тон их ответа на «Апологию» особенно бросался в глаза по сравнению с резкостью

[1] Первое издание «Апологии» вышло в Лейдене в 1581 г., в издании Карла Сильвиуса.

последней [1]. Они благодарили принца Оранского за его услуги, признавали его невиновным во всех приписывавшихся ему преступлениях, утверждали, что он взял на себя управление делами лишь по их настоянию, гарантировали ему свою помощь и свое повиновение и предлагали ему для охраны его личности «отряд конницы». Но они тщательно избегали как-нибудь задеть особу короля и поставить под вопрос законность его власти. Они не осмеливались произнести решающее слово и ограничились в заключение заявлением, что они в ближайшем будущем опубликуют декларацию в защиту своего поведения. Однако развернувшиеся вслед за этим события избавили их от этой необходимости.

В середине истекшего года принц Оранский возобновил свои переговоры с герцогом Анжуйским. Предвидя неизбежный крах Кельнского конгресса, он хотел обеспечить себе союзника против Испании и не видел иного союзника, кроме Франции. Он уже давно перестал рассчитывать на Германию. Елизавета тоже достаточно ясно показала, что она не склонна была выступать против Филиппа II ради Нидерландов. Герцог Анжуйский, наоборот, ждал лишь удобного случая, чтобы снова появиться в провинциях. Плачевный исход его авантюры в 1578 г. не обескуражил его. Он сохранил своего эмиссара в Брюсселе, и среди все увеличивавшегося числа французов, окружавших принца Оранского, двое наиболее влиятельных — Дюплесси-Морнэ и ла Ну — были раньше его советниками и сохраняли с ним связь. Наконец, препятствий, на которые он натолкнулся в прошлом году, больше не существовало. Елизавета теперь не только не мешала его планам, а, наоборот, обещала даже ему свою руку и, уверенная в том, что ей теперь ничего не угрожает, радовалась его подготовке к нападению на Испанию, которое было весьма на пользу Англии и в то же время ничего не должно было ей стоить.

С другой стороны, примирение валлонских провинций с королем положило конец интригам герцога Анжуйского с графом Лаленом. Теперь ему не приходилось, как прежде, колебаться между католиками и протестантами. Чтобы добиться успеха, он должен был тесно связаться с принцем Оранским. Начиная с июля 1579 г. он действовал только в согласии с ним. Общность их интересов создала между ними тесное сотрудничество. Союз с герцогом Анжуйским стал для принца Оранского краеугольным камнем его политики. Он рассчитывал, что этот союз восстановит его влияние, поможет ему продолжать борьбу с Филиппом II и приведет к низ-

[1] Этот ответ напечатан в приложении к «Апологии».

ложению последнего. Он не изменял больше своей позиции в течение последнего периода своей жизни. Он целиком и вполне искренно отдался этой тактике. Когда в марте 1582 г. он считал себя раненым насмерть в результате покушения Хауреги, он непрерывно умолял своих друзей не оставлять герцога.

Чтобы добиться своей цели, ему нужно было приложить всю свою энергию, все свои способности. Наиболее ревностные кальвинисты не могли решиться призвать в свою среду католического князя: во Фландрии, в Голландии, в Зеландии народ, только что избавившийся от испанского абсолютизма, боялся, как бы не попасть под самодержавную руку какого-нибудь Валуа. В Германии Рудольф II не скрывал своего недовольства, и немало было патриотов, вроде Лазаря Швенди, которые возмущались переговорами принца Оранского «с развратниками и обманщиками французами», так как они отрывали Нидерланды от Германии [1].

Однако усилия Вильгельма Оранского и его пособников должны были в конце концов увенчаться успехом. Марникс и Виллье успокаивали совесть благочестивых людей ссылками на то, что бог не раз прибегал к язычникам для освобождения Израиля [2]. И сам принц тоже «взял перо в руку» [3], писал докладные записки, полемизировал с Утрехтской унией и генеральным штатами, старался разрушить их предрассудки и убедить их в необходимости заключения союза. Несмотря на сопротивление своих противников, называвших его «франкофилом», он добился того, что 13 января 1580 г. в генеральных штатах зачитан был проект договора, согласно которому герцог и «его законное мужское потомство» признавались государями Нидерландов [4]. Таким образом долго не выговаривавшееся слово было наконец произнесено, и собрание стало постепенно привыкать к нему. 27 июня оно приняло предложенный ему текст договора, а 12 августа одобрило подробные инструкции послам, делегированным под руководством Марникса к герцогу Анжуйскому [5].

Договор был заключен 19 сентября в том самом замке

---

[1] *Groen van Prinsterer*, Archives..., t. VII, p. 229.

[2] Ibid. p. 276.

[3] *Muller et Diegerick*, Correspondance du duc d'Anjou, t. III, p. 93.

[4] Ibid., p. 191. Жан Бодэн, находившийся тогда на службе у герцога Анжуйского, хотел убедить его не принимать этого договора. Он предсказывал Марниксу, что прибытие герцога Анжуйского в Нидерланды неминуемо закончится катастрофой и что тот порядок вещей, который хотят установить, окажется недолговечным. См. его соображения по этому поводу в «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 2-ème série, t. XII, 1859, p. 463.

[5] *Muller et Diegerick*, op. cit., p. 413.

Плесси, в котором гентские депутаты сто лет назад (1482) ходатайствовали о помощи Людовика XI против Максимилиана. На этот раз в помощи Франции нуждались лишь для восстановления старой бургундской независимости. Но какая огромная разница была между положением Филиппа Доброго и положением герцога Анжуйского! Новый государь, избранный генеральными штатами, — точно так же, как через 250 лет Леопольд будет избран Национальным конгрессом Бельгии, — лично не имел никаких прав на власть, и доверенная ему власть была по существу лишь передачей ему народного суверенитета. Договор, определявший его права, был не чем иным, как простым и непосредственным осуществлением принципов монархомахов в сочетании с воспоминаниями о Великой привилегии 1477 г. и статьями «Joyeuse-Entrée». Вводившаяся им конституция была монархической с виду, в действительности же республиканской. Несмотря на то, что государственный совет был при государе, члены его избирались провинциями и они же определяли выбор территориальных штатгальтеров. Далее, что касается общих дел, то они в общем зависели только от генеральных штатов. Последние должны были созываться по крайней мере раз в год, и кроме того они могли собираться всякий раз, когда найдут это нужным. Им предоставлено было даже руководство военными делами. Главнокомандующий армией должен был назначаться по соглашению с ними, и в случае их требования все иностранные наемники должны были покинуть страну. Наконец, если его высочество нарушит условия договора, которым он обязался перед народом, последний освобождается от всякого «повиновения, клятвы и верности». Таким образом, будучи связан по рукам и ногам и лишен всякой политической инициативы, государь царствовал, но не управлял страной. Главная обязанность его сводилась к тому, чтобы представлять единство и независимость страны. Он должен был довольствоваться ролью символа национальной независимости. В связи с этим он должен был поселиться в стране, и генеральные штаты выговорили себе право выбрать среди его сыновей будущего государя по своему усмотрению, чтобы не получить в наследники того из них, который мог бы быть призван на французский престол [1].

К этим мерам предосторожности, принимавшимся «объединением всей страны» против герцога, присоединялись еще и другие. Было решено, что Голландия и Зеландия «будут сохранены в том же виде, что и теперь, как в отношении ре-

[1] *Muller et Diegerick*, Correspondance du duc d'Anjou, t. III, p. 469. Генеральные штаты ратифицировали этот договор 30 декабря.

лигии, так и в других отношениях». Кроме того герцог Анжуйский 9 августа обещал принцу Оранскому признать его верховным повелителем обеих этих провинций и Утрехта [1]. Это было лишь неизбежным результатом плана, давно уже возникшего у провинциальных штатов Голландии и Зеландии и от которого принц до сих пор предусмотрительно пытался держаться в стороне. Если он на этот раз согласился, то отнюдь не из личного честолюбия, а чтобы подавить недовольство, вызванное в приморских провинциях его переговорами с французами. И действительно, 23 января 1581 г. герцог обязался предоставить «целиком и полностью усмотрению Голландии, Зеландии и Утрехта решение вопроса о том, желают ли они подчиниться принцу Оранскому и признать своим повелителем его, а впоследствии его наследников или же они желают, чтобы управление ими и охрана их безопасности происходили с соизволения и совета указанного государя» [2]. Таким образом наиболее значительная и влиятельная часть Утрехтского союза поставлена была по отношению к герцогу Анжуйскому в привилегированное и почти независимое положение. Она осталась и впредь тем же, чем она была все время начиная с 1572 г., т. е. хозяином в своем доме. Она подчинена была его высочеству и «объединению всей страны» только в «делах, касающихся войны, налогового обложения и денежного обращения».

Но если условия соглашения от 19 сентября давали герцогу Анжуйскому только видимость верховной власти, зато они в то же время налагали на него очень тяжкие обязательства. Прежде всего он обязался перед провинциями добиться помощи своего брата — короля, и после своего вступления на престол заключить вечный союз с Францией. Что касается расходов на войну с Испанией, то генеральные штаты обещали ассигновывать на это ежегодно сумму в 2 400 тыс. флоринов, все же остальные издержки падали на долю герцога.

Несомненно с точки зрения генеральных штатов центр тяжести договора заключался в этих последних статьях. Они решились принять герцога Анжуйского исключительно ради того, чтобы обеспечить себе военную помощь Франции. Но как могли они думать, что он удовольствуется лишь ролью простого наёмника на службе Нидерландов и будет разорятьсяся для них ради иллюзорного титула? Уже во время переговоров в Плесси он обнаружил нетерпеливое желание добиться большего. Он предпочел бы быть «неограниченным государем» и смирился только потому, что его агенты уверили его

[1] *Kervyn de Lettenhove*, Les Huguenots et les Gueux, t. V, p. 600.
[2] *Muller et Diegerick*, Correspondance du duc d'Anjou, t. III, p. 663.

в том, будто «как только он водворится в Нидерландах, фортуна придет ему на помощь и наделит его той властью, к которой он стремится»[1]. Таким образом уже в самый момент подписания договора он твердо решил нарушить его как можно скорее.

Он бессовестно обманул генеральные штаты даже в том пункте, которому они придавали наибольшее значение, а именно в вопросе о военном союзе с Францией. Генрих III охотно согласился запугивать Испанию и угрожать ей, но он отнюдь не думал о том, чтобы объявить ей войну. Письменно обещая своему брату помогать ему «вплоть до последней рубашки с тела», он в то же время заставил его поклясться, что он никому кроме послов не покажет его письма и никогда не использует против него это обязательство[2]. С своей стороны Екатерина Медичи, не верившая в возможность брака герцога с Елизаветой, попрежнему надеялась получить для него руку одной из инфант. Она воображала, что Филипп II возьмет ее сына в зятья, с тем чтобы оторвать его от мятежников. Герцог Анжуйский предоставил ей заниматься этим делом, готовый изменить своим будущим подданным, если только интриги его матери примут благоприятный оборот. 5 августа 1581 г. он обещал ей отказаться от своего предприятия, если испанский король согласится выдать за него одну из своих дочерей, а 23 августа французский посол в Мадриде получил распоряжение действовать в соответствующем духе. Но это были лишь бесплодные тактические шаги. Убежденный в том, что Генрих III не поддержит герцога, Филипп II, как и его министры, не придавал никакого значения интригам молодого и вероломного честолюбца. Гранвелла оказался гораздо проницательнее принца Оранского, когда он презрительно назвал признание герцога Анжуйского Нидерландами «фарсом»[3].

Однако это признание позволило прояснить политическую ситуацию, положить конец затемнявшим ее двусмысленностями и неясностям и дало возможность вскрыть перед всеми ее революционный характер.

Прежде всего оно заставило злосчастного эрцгерцога Матвея, понять, что настал момент освободиться от роли, которая приняла комический характер. Уже в октябре 1580 г. Лазарь Швенди советовал ему уехать, так как провинции не постеснялись вступить в переговоры с Франци-

---

[1] *Muller et Diegerick*, Correspondance du duc d'Anjou, t. III, p. 480.
[2] *J. H. Mariéjol*, La Réforme et la Ligue, y *Lavisse*, Histoire de France, t. VII, Paris. 1904, p. 207.
[3] *Groen van Prinsterer*, Archives..., t. VIII, p. 85.

ей [1], германский же император с своей стороны во имя престижа уговаривал его вернуться в Германию. Эрцгерцог Матвей послушался их советов, 30 декабря он смиренно обратился к штатам с запросом, как он должен вести себя в дальнейшем, прося их одновременно выплатить следуемое ему жалованье. Из причитавшихся ему 233 333 флоринов он получил лишь 39 603 [2]. Он не в состоянии был покрывать расходов своего двора, и эта нужда в деньгах придавала жалкий и комический характер образу этого никчемного и стеснительного правителя, от которого, поскольку его в свое время призвали, нельзя было приличным путем избавиться. В конце концов он подал в отставку, которую штаты приняли 7 марта 1581 г. Из вежливости ему обещана была ежегодная рента в 5 тыс. флоринов, которой он никогда не получил. Денежные претензии его кредиторов задерживали его еще несколько месяцев в Нидерландах. Только 29 октября он отправился обратно в Вену, разумеется, ничего не поняв в событиях, в водоворот которых он безрассудно бросился и игрушкой которых он стал.

26 июля 1581 г. он мог быть еще свидетелем торжественного заявления генеральных штатов о низложении Филиппа II. Окончательная ратификация герцогом Анжуйским в Бордо 23 января того же года договора, заключенного в Плесси, сделала неизбежной эту высшую форму самоутверждения революции. Впрочем, возвещая предстоящую передачу суверенитета, она обосновывала ее ссылками на естественное право, «на справедливые примеры всех угнетенных наций и народов» и на нарушение обычаев и законов страны [3]. Действительно, испанский король был низложен во имя прав народа и во имя национальной конституции. Против него объединились историческая традиция и теория монархомахов. Его низлагали, ссылаясь как на прошлое, так и на настоящее. Из этих двух точек зрения только вторая однако была бесспорной, ибо с момента Аррасского мира, восстановившего старые привилегии и конституции, прежние жалобы отпали. А между тем Филипп продолжал запрещать своим протестантским подданным свободное отправление богослужения. Следовательно он шел против слова божьего и нарушал верховные права народа. Вдвойне тиран, он неминуемо должен был быть устранен. Таким образом политическая революция, которая свергла его и дала победу новому строю в Нидерлан-

[1] *Eiermann*, Lazarus von Schwendi, S. 92.
[2] *Gachard*, Actes des États Généraux, t. II, p. 411.
[3] *Muller et Diegerick*, Correspondance du duc d'Anjou, t. III, p. 654.

дах, была лишь следствием предшествовавшей религиозной революции.

Несколько недель спустя герцог Анжуйский во главе армии перешел границу. Он заставил Фарнезе снять осаду с Камбрэ (17 августа) и завладел городом, но, будучи стеснен в денежных средствах, он вынужден был распустить свои войска и, отложив на некоторое время свое вступление на престол, уехал в Лондон ухаживать за Елизаветой [1].

III

В то время как принц Оранский призывал герцога Анжуйского для защиты Нидерландов, Александр Фарнезе готовился к нападению на них.

Филипп II наметил его возможным наместником еще 13 октября 1578 г., при известии о болезни дон Жуана, а последний, как мы видели, передал ему на смертном одре командование армией и руководство всеми делами. 29 ноября король, вопреки воле части своих окружающих, утвердил распоряжения, сделанные его братом.

Александр, сын Октавио Фарнезе и Маргариты Пармской, родился в Риме 27 августа 1545 г. [2]. В очень раннем возрасте он был отправлен в Испанию и воспитывался при дворе вместе с дон Карлосом и дон Жуаном. Но он не стал испанцем: его утонченная и твердая итальянская натура не поддалась влиянию его кастильского окружения. В отличие от Рудольфа или Альберта Австрийского он был чрезвычайно мало доступен влиянию Эскуриала, и испанцы никогда не считали своим этого племянника их короля.

Как очень редкое совпадение, гибкость дипломата сочеталась у него с боевой энергией. Он наравне с солдатами брался за лопату, лежал вместе с ними под неприятельским огнем в траншеях и умел вести свою кавалерию в атаку. Но храбрость никогда не доходила у него, как например у Генриха IV, до потери хладнокровия. Не она владела им, а он управлял ею, подчиняя ее своим целям. Он не доверял случайностям и совсем не был импульсивен. На войне, как и при переговорах, он долго подготовлял свой план, не торопился, не упирался и умел выбрать время для действий. Его предусмотрительность поразительно отличалась от неумелости его испанских предшественников. По существу между характерами Александра Фарнезе и принца Оранского существовало

[1] *P. L. Muller*, Bijdragen tot de geschiedenis der scheiding van Noord- en Zuiderland, «Bijdragen voor vaterlandsche geschiedenis», 1894.

[2] *P. Fea*, Alessandro Farnese duce di Parma, Turine 1886.

АЛЕКСАНДР ФАРНЕЗЕ
(старинная гравюра)

некое родство, сколь бы ни было велико различие их темпераментов, воспитания и религии. Но как тот, так и другой обладали твердой и ясной волей, одинаковым упорством в сочетании с одинаковой гибкостью и одинаковым умением сосредоточить все силы на достижении желанной цели. С меньшей непринужденностью и добродушием, но с бóльшим изяществом и достоинством, чем принц Оранский, Александр Фарнезе так же, как и последний, умел очаровывать всех окружающих и снискивать себе симпатии. Даже его враги отдавали должное его вежливости, его скромности, его гуманности [1]. В письмах, писавшихся им в Испанию, поражает то, что он говорил о Нидерландах без ненависти и презрения [2].

[1] *Kervyn de Lettenhove*, Documents sur l'histoire du XVI siècle, p. 282.
[2] *Piot*, Correspondance de Granvelle, t. IX, p. 96, 122.

Дон Жуан прибыл в Бельгию против своей воли. Он не чувствовал себя призванным для той роли, которую предназначил ему Филипп II, так как считал ее слишком мелкой для своего честолюбия. Фарнезе же, наоборот, всей душой отдался своему делу. Казалось, он считал делом чести преуспеть там, где самые известные испанские полководцы потерпели неудачу. Кроме того война в Нидерландах привлекала теперь внимание всей Европы. Поэтому слава должна была увенчать того, кто положит конец войне, происходившей в провинциях между католичеством и реформацией, между монархией и республикой, и справится с таким противником, как Вильгельм Нассауский. Фарнезе знал настоящую цену принцу Оранскому и с большой неохотой приказал опубликовать проскрипционный указ против него.

Для человека, жаждавшего проявить все свои силы, трудности задачи лишь усиливали ее притягательность. В момент смерти дон Жуана положение казалось исключительно серьезным. Королевская армия явно была слишком слаба, а только что начатая Филиппом II война с Португалией мешала присылке подкреплений в Нидерланды. Фарнезе вынужден был сначала придерживаться оборонительной тактики, окопаться в лагере Буж и выжидать дальнейшего хода событий.

Но он вскоре разобрался в положении и нашел путь, по которому следовало пойти. Как только он увидел постоянные междоусобицы, раздиравшие «объединение всей страны» и парализовавшие его силы, он решил использовать их. Девизом политики принца Оранского было: «в единении — сила»; Фарнезе же противопоставил ему лозунг: «разделяй и властвуй». Мы указывали выше, как умело он использовал недовольство валлонских провинций, чтобы побудить их отделиться от Утрехтской унии. Он не поддался иллюзии общего мира и предпочел прочную обеспеченность сепаратного мира. Он заранее предвидел своим ясным умом крах Кельнского конгресса и не согласился, как хотел император, прервать на время конгресса начатые переговоры с Артуа и Генегау. Поскольку ему предоставлена была свобода действовать по своему усмотрению, он не сомневался в конечном успехе. Аррасский договор показал, что его расчеты были правильны.

Ведя переговоры, он одновременно организовывал свою армию, навербовал в Германии 24 тыс. чел. пехоты и 7 тыс. чел. конницы и весной 1579 г. перешел в наступление. Он отправил старого Мондрагона в Гельдерн, приказал своей коннице совершать набеги на Брабант и опрокинул войска генеральных штатов у Боргерхоута. Затем, чтобы очистить себе путь в Германию и заручиться твердой опорой на линии Мааса, он предпринял осаду Мастрихта. Город геройски дер-

жался в течение четырех месяцев. 29 июня 1579 г. он был взять приступом, и Фарнезе не в состоянии был помешать ожесточенной упорным сопротивлением солдатчине возобновить опять зверства, к которым она привыкла при герцоге Альбе. Ходили слухи, что после разграбления города среди убитых найдено было 1 700 женщин [1].

Теперь королевская армия угрожала мятежным провинциям с запада и с юга, и первые же успехи ее сразу привели в них к неслыханным изменам. Так, Буа-ле-Дюк и Мехельн прогнали свои кальвинистские гарнизоны. Сир Реннебург во Фрисландии предал генеральные штаты и перешел на службу к королю. Куртрэ открыл свои ворота 27 февраля 1580 г.

Но успехи Фарнезе достались ему дорого. Чтобы довести до благополучного конца дело замирения валлонских провинций, ему пришлось отослать свои иностранные войска и теперь он вынужден был создавать новую армию из разложившихся войск Монтиньи и из «недовольных». Из Испании, где шла еще война с Португалией, он получал лишь ничтожные денежные средства. И, наконец, согласно Аррасскому договору он сохранял свои полномочия лишь до прибытия наместника королевской крови. 3 марта 1580 г. Филипп II, по совету Гранвеллы, передал управление Нидерландами Маргарите Пармской. Это назначение, разумеется, соответствовало заключенному с католиками миру, но объяснялось также непреодолимым недоверием короля ко всем людям, неспособным к пассивному повиновению. Хотя он и радовался успехам, достигнутым Фарнезе, но его беспокоила слишком большая самостоятельность его политики. Он считал чрезмерными уступки, сделанные валлонским провинциям, и решил предоставить своему племяннику только ведение военных дел, а управление гражданскими делами возложить на состарившуюся и почти беспомощную Маргариту Пармскую, которая будет действовать согласно его приказам и указаниям Гранвеллы.

Но эти планы обречены были на неудачу. Фарнезе желал сохранить свободу действий и совершенно не хотел делить со своей матерью честь и ответственность, связанные с его миссией. Кроме того при данных обстоятельствах немыслимо было оторвать дипломатические действия от военных операций и не подчинить их единой воле.

Маргарита Пармская, поселившаяся с лета 1580 г. в Намюре, играла лишь смешную и недостойную роль. За исклю-

[1] О военных операциях Фарнезе, которые мы лишены возможности излагать здесь подробно, см. *Strada*, De Bello Belgico, Roma 1632; *P. Fea*, Alessandro Farnese.

чением Мансфельда, надеявшегося благодаря ей снова добиться влияния, которым он пользовался во время ее наместничества 13 лет назад, ее присутствие никого не интересовало. Она устраивала своему сыну тяжелые сцены, плакала, приходила в ярость, упрекала его «в проклятой зависти» [1], но он не соглашался уступить ей ни малейшей доли власти. В конце концов даже королю пришлось уступить: 13 ноября 1581 г. управление делами было официально передано Александру Фарнезе. Это было первое нарушение условий Аррасского мира.

Впрочем, оно не вызвало никаких протестов. Действительно, ведь всем было ясно, что только Фарнезе в состоянии справиться с протестантскими провинциями. Так как война продолжалась, то в связи с этим должны были продлиться и полномочия герцога и стать из временных постоянными. Но кроме того он явно старался завоевать доверие тех, кто пошел с ним на соглашение. Он удалил из своего окружения всех испанцев: его первым министром был бывший член государственного совета при эрцгерцоге Матвее Жан Ришардо, оставшийся верным генеральным штатам до Аррасского мира и сделавшийся, несмотря на свое бургундское происхождение, настоящим нидерландцем благодаря своему продолжительному пребыванию в Нидерландах [2].

Высшие командные должности предоставлены были представителям высшей знати; старик Мансфельд назначен был генерал-фельдмаршалом, маркиз Рубэ — начальником кавалерии. Правительственные советы [3], судебные советы, административные посты замещены были коренными нидерландцами. Нельзя было пожаловаться на какое бы то ни было беззаконие. Так, в 1581 г. барон Хез, арестованный по обвинению в измене, был предан суду провинций, который приговорил его к смертной казни. Правда, ближайшее окружение наместника состояло почти сплошь из итальянцев, утонченные и развращенные нравы которых вызывали одновременно восхищение и возмущение. Но благодаря их отвращению к испанцам, с ними мирились без большого труда.

Тем не менее положение было попрежнему тревожным. Несмотря на титулы, отличия, «награды», которыми король осыпал «недовольных», далеко не все искренно перешли на его сторону. Заговор барона Хеза свидетельствовал о непадеж-

---

[1] *Piot*, Correspondance de Granvelle, t. VIII, p. 364.

[2] *V. Brants*, Jean Richardot, «Bulletin de l'Académie royale de Belgique» Classe de Lettres, 1901, p. 831 etc.

[3] «Conseils collatéraux». Они были созданы Карлом V в 1531 г. Их было три: государственный совет с политическими функциями, тайный совет с судебными функциями и финансовый совет. — *Ред.*

ности некоторых «новообращенных». Мансфельд и Рубэ были смертельными врагами. Было очевидно, что валлонская знать примирилась с королем лишь по необходимости: ни один из представителей ее не служил королю с энтузиазмом и без задних мыслей [1].

Наконец армия, руководимая столь недоброжелательно настроенными вождями, была слишком слаба. Ей угрожала серьезнейшая опасность, если бы только повстанцы перешли в решительное наступление против нее. Но войска их, рассеянные по гарнизонам, плохо оплаченные и находившиеся под командой плохих офицеров, предпочитали держаться оборонительной тактики до получения подкреплений от герцога Анжуйского. Чтобы преградить ему доступ в Нидерланды, Фарнезе предпринял осаду Камбрэ. Но он не имел в своем распоряжении достаточно времени, чтобы довести ее до конца до прибытия герцога, поэтому при известии о его приближении он отступил и сдал ему город без боя.

К счастью для Александра Фарнезе внезапный отъезд герцога Анжуйского и роспуск им войск позволили ему предпринять наступление на Турнэ. Из всех валлонских городов только он один остался верен генеральным штатам и благодаря его стратегическому положению для завоевания Фландрии надо было предварительно им завладеть. Тамошний гарнизон был плохо снабжен. Несмотря на все мольбы командовавшего им принца Эпинуа, ему не прислали никаких подкреплений. Фарнезе воспользовался отсутствием Эпинуа и осадил крепость. 30 ноября 1581 г., ему удалось завладеть ею.

Подписанный в этот день договор о капитуляции явился отправным пунктом для новой политики. Отныне покончено было с взятием городов штурмами с последующей резней. Вместо того чтобы по примеру герцога Альбы утверждать свою власть при помощи террора, Фарнезе предпочитал привлекать людей к себе милосердием. Выработанные Ришардо условия договора о сдаче города поразили всех своей умеренностью. Гарнизону предоставлено было уйти со всеми воинскими почестями; кроме того победитель, «желая вознаградить и всячески почтить» принцессу Эпинуа, смело оставшуюся среди осажденных, разрешил ей удалиться «вместе со всей ее свитой» [2]. Что касается городского населения, то оно, уплатив контрибуцию в 200 тыс. флоринов, получило полную амнистию и сохранило все свои привилегии. Но оно тщетно до-

---

[1] Поэтому Гранвелла писал в 1582 г., что ее поведение постыдно. *Groen van Prinsterer*, op. cit., t. VIII, p. 56.

[2] О роли принцессы Эпинуа во время осады, роли, чрезвычайно преувеличенной преданием, см. *Gachard*, Essais et Notices, t. II, p. 369.

бивалось восстановления Гентского примирения. Своим решительным отказом победитель хотел лишний раз подчеркнуть, что он намерен восстановить королевскую власть в том виде, какой она была при Карле V. Но, с другой стороны, он остерегался обращаться с протестантским населением города так, как это сделал бы последний, и именно его поведение в отношении их сыграло столь важную роль в капитуляции Турнэ. Разумеется, о свободном отправлении протестантской религии не могло быть более речи, но исповедовавшие ее не ставились вне закона. Инаковерующим, желавшим «жить мирно, без скандалов», разрешено было оставаться в пределах города; остальные должны были выехать, распродав свое имущество [1].

Участь их была сурова, но во всяком случае они не рассматривались как преступники, а их верования как бесчестие; их изгнание не было больше наказанием, а неизбежным следствием принципа господствующей государственной религии.

10 февраля 1582 г., вскоре после взятия Турнэ, герцог Анжуйский, вернувшись из Лондона, вступил в управление Нидерландами. Он постарался, чтобы его скорее провозгласили герцогом Брабантским и графом Фландрским, а затем поселился в Антверпене возле принца Оранского. Но войска, навербованные им во Франции и приведенные маршалом Бироном на помощь провинциям, разочаровали всех своей малочисленностью. Они не смогли помешать Фарнезе осадить город Оденард, который после 3-месячного сопротивления 5 июня 1582 г. вынужден был капитулировать на совершенно таких же условиях, как Турнэ [2].

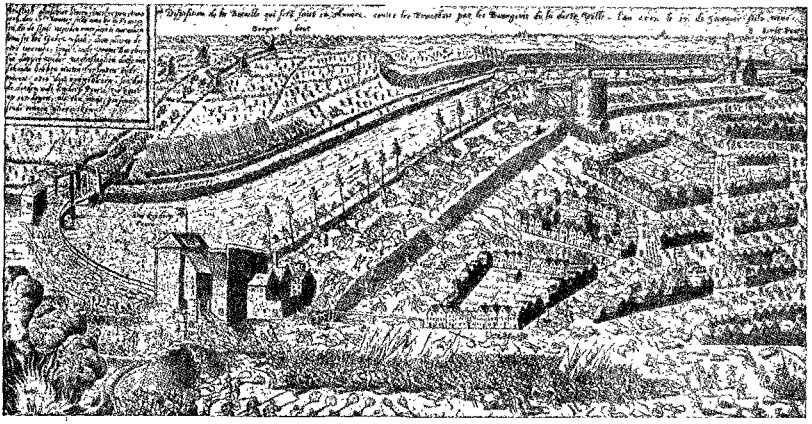
Все убедились теперь в том, что Генрих III, помощь которого гарантировал герцог Анжуйский, совершенно не интересовался его затеей. Для всех стало ясно, что новый государь надавал больше обещаний, чем он в состоянии был выполнить, и что на него нечего было рассчитывать в смысле окончания войны. Этого было достаточно, чтобы оправдать то недоверие, которое он всегда внушал. Почувствовав себя окруженным атмосферой недоброжелательства, он стал совершенно беспомощным. Так как он сам не выполнял условий Бордоского договора, то провинции точно так же не считали себя обязанными соблюдать его. Уже 9 августа 1582 г. Елизавета жаловалась на то, что герцогу выказывают очень мало внимания и что ему не выдают обещанных денежных сумм [3]. Кальвинисты, возмущенные тем, что он вновь вернул като-

---

[1] *Gachard*, Analectes belgiques p. 369.

[2] «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 3-ème série, t. XIII, 1872, p. 75.

[3] *Groen van Prinsterer*, Archives..., t. VIII, p. 120.



БЕСЧИНСТВА ФРАНЦУЗОВ В АНТВЕРПЕНЕ
(старинная гравюра)

ликам церковь св. Михаила в Антверпене, подозревали его в самых темных замыслах. Со времен покушения Хауреги (18 марта) на принца Оранского было немало людей, считавших его соучастником убийцы.

Вызванному им недовольству полностью отвечало недовольство, которое он сам испытывал. Он явился в Нидерланды исключительно из личного честолюбия. Как можно было при этих обстоятельствах ждать от него, что он целиком отдастся защите их вольностей, которые он презирал, и протестантской религии, которой он не исповедывал? Он хотел только одного — быть монархом и подобно своему брату иметь корону. Скрепя сердце выносил он опеку генеральных штатов и твердо решил от нее избавиться. В конце 1582 г. он замыслил насильственный переворот против той самой страны, освободителем которой он поклялся быть. Он хотел использовать войска, приведенные им якобы для освобождения страны от испанцев, для закабаления ее. 17 января 1583 г. этот искусно подготовленный заговор приведен был в исполнение. В Дюнкирхен, Термонд, Антверпен неожиданно вторглись с кличем «город взят!» французские войска, находившиеся под стенами этих городов. Но, против всякого ожидания, план измены потерпел полнейший крах. После ожесточенного уличного боя городскому населению Антверпена удалось прогнать нападавших. Таков был плачевный финал «французской ярости». К непопулярности инициатора этой авантюры прибавился еще и позор.

Несмотря на все это, принц Оранский все еще упорно продолжал надеяться на помощь Франции, и в марте ему удалось добиться примирения между герцогом Анжуйским и генеральными штатами. Анжуйский отдал в их распоряжение армию, которую он только что применил против них. Сам же он, озлобленный и униженный, удалился(10 апреля) опять в Дюнкирхен, где затеял новое предательство: ценой уступки Берга и Дюнкирхена он пытался добиться от Александра Фарнезе отказа Филиппа II от притязаний на Камбрэ [1].

Но Фарнезе, одно время боявшийся его, теперь питал к нему лишь презрение. В то самое время, когда герцог Анжуйский низко изменял протестантам, Фарнезе удалось добиться от католиков уступки, о которой он давно мечтал. Он был слишком умен, чтобы решиться нарушить условия Аррасского мира, и предпочел обойти их. Умело играя на всеобщей жажде покончить с войной и доказывая духовенству необходимость решительного наступления против ереси, он добился у штатов Артуа в январе 1582 г. согласия на использование испанских и итальянских солдат. Несколько дней спустя их примеру последовали штаты Генегау. Тут к счастью прекратились враждебные действия с Португалией, что позволило Филиппу II послать Фарнезе войска и деньги. В августе в Нидерланды прибыли три испанские терции, к которым вскоре присоединились итальянские полки [2].

Пользуясь своим военным превосходством, Фарнезе мог теперь осуществить задуманный им план. Восставшие могли противопоставить ему в открытом поле лишь ничтожную армию в 6 тыс. чел. под командой Бирона. Остальные войска их были расположены гарнизонами в крупных городах, которые во время происходивших беспорядков укрепились «по гугенотскому образцу» [3]. Вместо того чтобы бомбардировать и штурмовать их, Фарнезе предпочитал брать их измором. Это был медленный, но верный способ, позволявший ему к тому же свободно вести переговоры с восставшими и доводить их без всякого кровопролития до того, что они соглашались на подписание почетной капитуляции. Все его операции сводились в связи с этим к тому, чтобы закрыть навигацию по рекам в районе осаждаемой территории, возвести на ней укрепления и воспрепятствовать доставке продовольствия в указанные места; после этого оставалось только спокойно ждать, пока голод заставит сдаться. В долгой завоевательной войне, начатой им весной 1583 г., не было ни одного настоящего сра-

[1] *Gachard*, Correspondance de Guillaume le Taciturne, t. V, p. XLI.
[2] *Piot*, Correspondance de Granvelle, t. IX, p. 273.
[3] Т. е. с помощью земляных валов.

жения. Медленно, но верно он подвигался вперед, следуя мудрым правилам осадного искусства, используя своих инженеров гораздо более, чем своих офицеров.

Военные действия начались в январе 1583 г. осадой Ипра, который был окружен кольцом укреплений. Затем весной Фарнезе направился в Брабант и, взяв Дист (28 мая), Сихэм (в конце мая) и замок Вестерлоо (5 июня), стал угрожать коммуникационным путям между Антверпеном и Брюсселем; тем временем Ла Мотт, Монтиньи и Мондрагон, сломив сопротивление Бирона, разбитого у Стенбергена, начали осаду Дюнкирхена, оставленного 29 июня герцогом Анжуйским, отправившимся в Париж просить помощи у Генриха III. Город сдался 16 июля, и его примеру тотчас же последовали все окрестные небольшие укрепленные пункты: Ньюпорт, Диксмейден, Берг и Фюрн. Тем временем на севере Нидерландов Вердуго успешно защищал Фрисландию, а Гольтепен завладел Стенбергеном, Таксис (23 сентября) — Зютфеном, обладание которым обеспечивало переправу через Иссель.

Уже в июне положение восставших было столь критическим, что принц Оранский вместе с генеральными штатами покинул Антверпен и укрылся в Голландии. Во всех крупных южных городах католики воспрянули духом под влиянием успехов королевской армии. Они открыто требовали заключения мира, и, если бы не наличие гарнизонов, они, не колеблясь, подняли бы восстание. Кальвинисты же стали отчаиваться в будущем. Несмотря на все обещания принца Оранского, они не получали ниоткуда помощи и, видя свою изолированность, считали, что их предали. В Генте к власти вернулись опять приверженцы Гембизе; они решительно выступили против принца Оранского и, чтобы еще резче подчеркнуть свой разрыв с ним, признали штатгальтером Фландрии молодого интригана Карла Шимэ. Однако положение было чрезвычайно тяжелым. Шельда была заграждена у Веттерена, и ввиду того что Ваасская область, Гюльст и Сас-ван-Гент были оккупированы Фарнезе, всякий доступ к морю был закрыт. Ипр, гарнизон которого был слишком слаб, для того чтобы прервать окружавшую его блокаду, сдался 7 апреля 1584 г. [1]. Населению осажденного Брюгге грозила голодная смерть. Поселившийся здесь принц Шимэ сдался уже в марте [2], и городское население изъявило готовность последовать его примеру, ибо, по данным городского управления, за 8 месяцев свыше 40 тыс. человек умерло от голода, а по заявлениям инспек-

[1] «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 3-ème série, t. XIII, 1872, p. 80.

[2] Ibid., t. IV, 1863, p. 506, etc.

торов по моровой язве, расхаживавших в красных одеждах по улицам города, «ежедневно насчитывалось свыше 100 смертных случаев»[1]. 20 мая неизбежное случилось: Брюгге сдался и подобно Ипру принял условия капитуляции Турнэ[2].

Теперь Фарнезе мог обратить все свои силы против Гента. Он был окружен недоступными валами и затопил все подступы к стенам города. Но, несмотря на полученные из Брюсселя подкрепления в 400 чел., местный гарнизон был слишком слаб, и кольцо блокады с каждым днем стягивалось вокруг него все плотнее. Окрестные крестьяне, бежавшие в город вместе со своим скотом, теснились в погребах, церквах и на площадях, доводя замешательство до последнего предела. Муки голода ожесточили население. Сторонники мира и готовые к сопротивлению до конца кальвинисты набрасывались друг на друга одни с криками: «Мира! Мира», другие с криками: «Религия! Религия!».

Сам Гембизе отлично понимал, что город неминуемо должен будет сдаться. Он вступил в переговоры с Фарнезе и заявил, что «готов стать покорным слугой его высочества», если протестантам будут сделаны некоторые уступки[3]. Но еще далеко не все жители пали духом. Ужасный голод, приводивший одних в отчаяние, ожесточал других, доводя до исступления их ненависть против Испании и их религиозный фанатизм. Вопреки всякому здравому смыслу они все еще продолжали надеяться. Даже убийство принца Оранского не привело их в замешательство: 28 июля гентское городское управление выразило от имени города соболезнование Морицу Нассаускому и приветствовало его решение продолжать борьбу против испанской тирании. Царившее в связи с осадой лихорадочное возбуждение приводило как к геройским поступкам, так и к приступам жестокости. 4 августа взошел на эшафот Гембизе, приговоренный к смерти за измену. Многие, подозреваемые в измене, были казнены или подвергнуты пыткам. Между тем голод делал свое дело, и 18 августа Термонд, гарнизону которого не платили жалованья и который Рихове оставил на произвол судьбы, попал в руки испанцев. С этого момента Генту, окруженному со всех сторон и изнемогавшему от жесточайших мук голода, ничего более не оставалось, как сдаться на милость победителя, терпеливо следившего за его медленной агонией.

Переговоры начались 1 сентября 1584 г., и заключенный

[1] «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 3-ème sèrie, t. IV, 1863, p. 526.

[2] Ibid., p. 527.

[3] *Kervyn de Lettenhove*, Documents..., p. 311.

17 сентября мир поразил даже самих осажденных [1]. После столь ожесточенного сопротивления, после стольких ударов, нанесенных католикам, после стольких проявлений неуважения по отношению к королю они ожидали примерной кары или во всяком случае таких унижений и наказаний, которым подверг их отцов Карл V в 1540 г. Исключительно ловким маневром Фарнезе обманул все их опасения, и его великодушие произвело тем более сильное впечатление, что оно было совершенно неожиданным. Как Турнэ, Ипру и Брюгге, он даровал и Генту всеобщую амнистию. Все существовавшие до восстания кутюмы опять были введены в действие. Город должен был заплатить 200 тыс. золотых экю и выставить трех заложников, которых герцог помиловал, чтобы иметь возможность возвестить всему миру, что гентское восстание было делом лишь небольшой кучки мятежников. Просьба протестантов разрешить им отправление их богослужения в церкви ли, в частных ли домах или даже в открытом поле [2] была решительно отвергнута, но им предоставлен был двухгодичный срок «для решения, хотят ли они жить, исповедуя древнюю, римско-католическую, апостольскую религию». Наместнику католического короля невозможно было итти дальше, не рискуя быть дезавуированным своим повелителем. Он настолько хорошо сознавал всю чрезмерность уступок, сделанных им повстанцам, что поспешил извиниться за это перед Филиппом II [3].

Потеря Гента была для повстанцев юга более важным событием, чем происшедшее за несколько дней до этого убийство принца Оранского. По существу Балтазар Жерар совершил совсем ненужное преступление, ибо Вильгельм, которого испанцы упорно продолжали считать вождем восстания, фактически больше не руководил им. Его политика национального единения, как мы видели, потерпела крушение еще до его смерти. Она непрерывно теряла почву в течение последнего года, и медленное передвижение принца Оранского из Брюсселя в Антверпен, а потом из Антверпена в Голландию знаменовало собой, так сказать, отдельные вехи этого отступления. Призыв герцога Анжуйского был последней попыткой, худо ли, хорошо ли, восстановить «объединение всей страны», но оказался для него лишь последним ударом. Никто не ду-

---

[1] «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 3-ème série, t. XIII, 1872, p. 104.

[2] Ibid., p. 103.

[3] Ibid., p. 109. Фарнезе тщательно подчеркивал при этом, что сдача Гента была необходимым условием для успеха военных операций против Антверпена.

мал больше об «общей родине». Голландия и Зеландия оторвались от остальных провинций и не посылали им на помощь ни войск, ни денег. В 1584 г. они опять находились в том же положении, как в 1572 г., и принц Оранский, которого они опять призвали к себе, с этого времени полностью отдался служению их делу. Он был одно время правителем Нидерландов в целом; теперь он стал штатгальтером только приморских провинций. Отныне он действовал заодно лишь с их провинциальными штатами, энергия, сила и решительность которых еще более оттеняли бездеятельность и бессилие генеральных штатов или, вернее, жалких остатков бежавших в Голландию генеральных штатов, которым больше не повиновались территории, которые они якобы представляли.

После смерти принца Оранского генеральные штаты решили продолжать борьбу [1], но у них не было для этого никаких средств. Проблематичная помощь Франции была их последним якорем спасения. Еще до получения известия о смерти герцога Анжуйского, умершего 10 июня от чахотки [2], они решили (25 апреля) признать Генриха III его эвентуальным преемником и согласились таким образом на ту личную унию между Нидерландами и Францией, которой так тщательно пытался избежать Бордоский договор [3].

Это отречение от собственных решений достаточно убедительно свидетельствовало о царившем в их среде замешательстве. Но оно не могло их спасти. Генрих III не только не помышлял о нападении на Испанию, но вынужден был сам обороняться от нее. 31 декабря 1584 г. Филипп II, мстя Людовику и Генриху Валуа, вступил на основании Жуанвильского договора в союз с Гизами и французскими католиками. Вместе с ними он стал готовиться к войне с гугенотами и с наследником престола, королем Генрихом IV Наварским. Поэтому для французского короля стало невозможным какое бы то ни было вмешательство в нидерландские дела. 10 марта 1585 г. он формально отказался принять верховную власть над Нидерландами [4].

Такое стечение обстоятельств было очень благоприятным для Фарнезе. Отвоевав назад Фландрию, он должен был те-

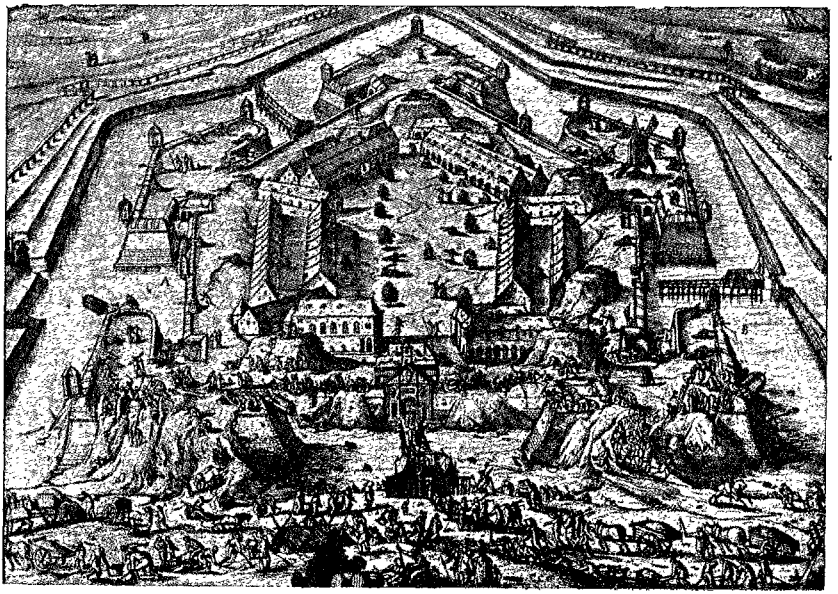
---

[1] М. Гойзинга доказал «Bijdragen voor vaterlandsche geschiedenis», 1907, что решение это было принято не голландскими штатами, а депутатами генеральных штатов, в числе которых находились также депутаты Брабанта, Фландрии и Мехельна, жившие тогда в Дельфте.

[2] Во время болезни он не прекращал переговоров с генеральными штатами. *P. L. Muller*, Bijdragen tot de geschiedenis der scheiding van Noord-en Zuid-Nederland, «Bijdragen voor vaterlandsche geschiedenis», 1904.

[3] *Muller et Diegerick*, Correspondance..., t. V, p. 687.

[4] *Kervyn de Lettenhove*, Les Huguenots et les Gueux, t. VI, p. 594.



АНТВЕРПЕНСКАЯ КРЕПОСТЬ
(старинная гравюра)

перь завладеть только Брабантом, чтобы закончить покорение южных провинций. Два старейших и преданнейших соратника принца Оранского — полковник ван ден Тимпель в Брюсселе и Марникс, занимавший пост первого бургомистра в Антверпене, — смело ждали нападения. Герцог Пармский обнаружил в этом деле весь свой талант. По усвоенному им обычаю, он ограничился в отношении брюссельского гарнизона тем, что изолировал его путем блокады, а все свои силы сконцентрировал на взятии Антверпена. В данном случае дело шло уже не о простой, обычной блокаде. В дополнение к крепостным укреплениям здесь были сделаны помимо того еще большие наружные работы, среди которых выделялись новые форты Лилло́ и Лифкенсгек, и кроме того была затоплена значительная часть окрестностей. Антверпенский гарнизон, состоявший из французов под начальством сына Ла Ну Телиньи и шотландцев под командованием Бальфура, был достаточно многочисленным и воинственным, чтобы делать вылазки против осаждавших; кроме того ждали еще подкрепления из 1 500 англичан, обещанных фламандской и валлонской консисториями в Великобритании, и, наконец, самое

главное заключалось в том, что Шельда, шириной здесь с морской рукав, должна была на неопределенное время обеспечить снабжение города продовольствием, так как у королевской армии не было военных судов для охраны узких мест реки. Но военное искусство преодолело все трудности, и итальянские инженеры Фарнезе превзошли самих себя. Солдаты превратились в землекопов. «Пармский канал», прорытый через всю Ваасскую область, дал возможность, не подвергаясь обстрелу крепостных орудий, провести плоскодонные лодки и другие материалы, необходимые для заграждения реки. Эта операция, начатая в сентябре 1584 г. и считавшаяся невыполнимой, была закончена 25 февраля 1585 г., несмотря на трудности естественного порядка и на противодействие со стороны флота осажденных. Проведенная поперек Шельды плотина неминуемо должна была повлечь за собой сдачу города, так как она преградила доступ судам, доставлявшим городу продовольствие. Осажденные пустили в ход все средства, чтобы уничтожить ее. Но она стойко выдерживала огонь неприятельских брандеров и попытки взорвать ее адскими машинами.

Тем временем 25 февраля брюссельцы, доведенные голодом до полного истощения, направили послов в главную квартиру Фарнезе, в Беверен, просить мира. Они добились его 10 марта на еще более выгодных условиях, чем гентцы [1]. Герцог повидимому хотел подавить своим великодушием защитников Антверпена. Принимая во внимание обеднение города, он освободил его от всякой военной контрибуции, обещал не расквартировывать в нем войск и обеспечил гарнизону возможность отступления со всеми воинскими почестями. С ван ден Тимпелем обошлись с полным уважением и его настоятельно просили передать мирные предложения Марниксу. Несколько дней спустя он произнес перед собравшимися в Антверпене представителями брабантских провинциальных штатов речь, полную горьких обвинений, в которой жаловался на то, как его завлекли лживыми обещаниями, а затем самым постыдным образом оставили без помощи в тяжелом положении [2].

И действительно, повидимому он был прав. Сами антверпенцы начали уставать от сопротивления, вся тяжесть которого обрушилась на их плечи. Хотя генеральные штаты и поручили графу Гогенлоэ в январе 1575 г. сделать попытку диверсии в направлении Буа-ле-Дюк, но за недостатком сил

---

[1] «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 3-ème série, t. VIII, 1866, p. 405.

[2] Ibid., p. 420.

она закончилась крахом. Несмотря на стратегическое значение Антверпена, прикрывавшего границы Голландии и Зеландии, последние не могли решиться послать ему серьезную помощь. Они использовали свои войска только для самообороны и в связи с некоторыми демонстративными передвижениями испанцев на Исселе направили свои войска на Зютфен, вместо того, чтобы двинуть их против линий Фарнезе. Наконец, отступление Генриха III рассеяло последние иллюзии относительно французской помощи. Кроме того с момента взятия форта Лилло, как раз в день убийства принца Оранского, уныние стало постепенно охватывать население. Богачи тайком трусливо покидали город. Между гарнизоном и вооруженными гильдиями города усиливались раздоры. Частные интересы постепенно брали верх над интересами самоотверженной защиты. Мясники воспротивились затоплению некоторых польдеров, на которых паслись их стада. В апреле безуспешное применение адской машины Джаннибелли, а затем плавучей артиллерийской батареи, которая стоила больших денег и которой присвоили знаменательное название «конец войны», привели к горькому разочарованию и к крушению надежд на освобождение течения Шельды. А через несколько недель, 26 мая, Фарнезе, после кровопролитного сражения, захватил плотину Каувенстейн. С этого момента окруженному со всех сторон городу ничего больше не оставалось, как покориться своей участи.

Марникс уже давно предвидел роковой исход. Уже 23 мая он писал герцогу Пармскому, что можно было бы договориться ценой «некоторых религиозных свобод» [1]. Он высказывал при этом надежду, что «всемилостивый бог просветит сердце короля», склонит его к веротерпимости и приведет таким образом к всеобщему примирению протестантских провинций. Не было больше в живых принца Оранского, который увлек бы своим примером и поддержал бы этого подвижного, но не энергичного человека. Общественное мнение в Голландии и Зеландии считало поведение Марникса изменой. Но не упрекало ли оно в прошлом году гентцев в трусости? [2] Оно забывало о том, что южные города, всецело предоставленные самим себе, не в состоянии были без конца оказывать сопротивление, не получая ниоткуда помощи, и что от них нельзя было требовать больше самопожертвования, чем сами оказывали по отношению к ним. 17 июля Мехельн сдался Фарнезе,

---

[1] *Lacroix*, Oeuvres de Marnix, «Écrits politiques», p. 299; см. Ibid., p. 239, «Апологию» Марникса.

[2] «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 3-ème série, t. VIII, 1866, p. 424.

и это еще более ухудшило положение Антверпена [1]. С этого момента голод был в ближайшее время неминуем, и не было никаких сомнений, что он заставит народ потребовать мира, какой угодно ценой.

Городскому управлению Антверпена было ясно, что сепаратный мир повлечет за собой гибель города, ибо зеландцы не преминут воспользоваться случаем и закроют Шельду к вящшей выгоде своих и голландских портов. Поэтому посланные 8 июля к герцогу Пармскому депутаты просили его заключить общий мир, который охватил бы как Соединенные провинции, так и Антверпен [2]. Эти предложения, разумеется, не имели никаких шансов на успех. Поэтому 17 августа пришлось пойти на капитуляцию, которая в основном совпадала с условиями сдачи других городов, если не считать пункта о сроке, предоставленном протестантам для эмиграции или перехода в католичество, который, ввиду значительного количества их, был доведен до 4 лет [3].

Падение Антверпена было апогеем славы Фарнезе. Вся Европа с неослабевающим вниманием следила за всеми перипетиями осады, которая стала знаменитой в истории военного искусства. Несмотря на то, что она не сопровождалась таким героическим сопротивлением, какое оказали в свое время Гарлем и Лейден, трудности этой операции, сила и огромные размеры крепости, изобретательность и искусство, выказанные в равной степени как нападавшей, так и оборонявшейся стороной, сделали осаду Антверпена одним из самых блестящих военных эпизодов того времени. Поэтому герцог решил придать своей победе необыкновенный блеск. Оставаясь искусным политиком даже в разгар своего торжества, он предусмотрительно устранил из пышного кортежа, сопровождавшего его по улицам города, всех итальянских и испанских офицеров. За ним следовала лишь примирившаяся с Испанией бельгийская знать — представители родов Шимэ, Эгмонтов, Аренбергов, Мансфельдов и т. д., как если бы он был национальным государем, праздновавшим свое «Joyeuse-Entrée». Но вместе с ним в ворота города вошла и нищета. Отныне кальвинистский Флиссинген запер Шельду еще плотнее, чем плотина герцога Пармского, и набережные, украшенные в этот день по приказу свыше триумфальными арками, обелисками, эмблемами и статуями, обречены были на запустение.

---

[1] «Bulletin de la Commission royale d'Histoire, 3-ème série, t. XIII, 1872, p. 130.

[2] Ibid., t. XII, 1871, p. 229.

[3] Ibid., p. 285.

IV

Военный гений итальянского полководца восстановил в Нидерландах престиж испанского оружия. Но как бы ни были велики достигнутые результаты, самая трудная часть задачи была еще впереди. Теперь, после того как Бельгия была вновь завоевана для испанского короля и для католицизма, необходимо было выбить республику и реформацию из последних позиций. Между тем позиции эти были необычайно крепки. Омываемые с севера и с запада морем, защищенные с востока огромным дугообразным вырезом Зюйдерзее и течением Исселя, а с юга широкой и глубокой впадиной Валя и Мааса и, наконец, широким устьем, где эти реки смешивали свои воды с водами Шельды, три провинции — Утрехт, Голландия и Зеландия — походили на укрепленный лагерь, окруженный со всех сторон водой. С самого же начала войны шла неустанная работа над тем, чтобы сделать эти естественные препятствия еще более неприступными. В этой стране плотин, где в свое время было воздвигнуто столько земляных валов для защиты от океана, испанцам предстояло теперь наткнуться на настоящий барьер из крепостей. Позади больших рек поднималась длинная цепь фортов, редутов и окопов. Прибрежные города были буквально усеяны бастионами. Во всех тех местах, через которые как-нибудь мог прорваться неприятель, мобилизованы были самые различные способы защиты. Наконец, флот восставших господствовал не только в открытом море, но суда его поднимались также вверх по течению рек и повсюду, где это нужно было, их пушки могли притти на помощь другим средствам обороны.

Владея Фрисландией, Гельдерном, Брабантом и Фландрией, Фарнезе окружил противника вдоль по течениям рек, отделявших их друг от друга. К несчастию в его распоряжении было еще меньше военных судов, чем в свое время у герцога Альбы и Рекезенса, и поэтому он был вынужден пользоваться только стратегическими средствами. Предстоявшие ему военные операции походили на осаду, но на этот раз дело шло об осаде целой страны, и притом такой страны, которая, господствуя на море, имела все время возможность пополнять свои людские запасы, а также запасы продовольствия и снаряжения. Словом, в предстоящей войне все шансы были на стороне защищавшихся. Разумеется, если бы провинции были всецело предоставлены только своим собственным силам, то они рано или поздно вынуждены были бы сложить оружие. Но Англия и Франция были слишком заинтересованы в том, чтобы Испания истощила все свои средства в борьбе с вос-

ставшими, и поэтому пришли последним на помощь. Так как Генрих III в данное время был связан, то Елизавета поспешила протянуть им руку помощи. 20 августа 1585 г. она заключила с ними союз и послала им войска для охраны острова Вальхерен и крепости Берг-оп-Зом. 4 февраля 1586 г. генеральные штаты, под которыми отныне надо понимать собрание депутатов одних только северных провинций, признали правителем фаворита королевы Ричарда Дедли графа Лестера.

Тем временем Фарнезе тоже тщательно обдумывал свой план действий. Не ожидая никаких результатов от непосредственного военного нападения, он обратился к своим инженерам. Главную роль в военных действиях предстояло теперь сыграть кирке и лопате. Искуснейшим сооружениям врага должны были быть противопоставлены столь же искусные сооружения. Следы их до сих пор сохранились в стране. Достаточно напомнить о Робльском канале во Фрисландии, о линии укреплений Кантельмо в зеландской части Фландрии, о развалинах редутов, встречающихся путешественнику в окрестностях Слейса и Арденбурга, чтобы понять все значение и продолжительность этой войны, с которой совершенно нельзя сравнить ни в каком отношении прежние войны.

Исход войны должен был теперь решаться силой техники, и Нидерланды, столь часто служившие Европе опытным полем в социальных вопросах, стали теперь для нее настоящим опытным полем в военном отношении. Сюда со всех концов стекались молодые дворяне, желавшие получить выучку в военном деле, и здесь в обоих вражеских лагерях выковывалось множество великих полководцев: Мориц и Фридрих-Генрих Нассауские, граф Бюкуа, Тилли, Карл и Эрнст Мансфельды и многие другие.

Соединенные провинции опирались в своей борьбе с Фарнезе не только на Англию. Известную помощь оказала им также война, вспыхнувшая в 1583 г. в Кельнском диоцезе вследствие перехода в протестантство архиепископа Гергарда Трухзесса. Принц Оранский и генеральные штаты тотчас же поспешили ему на помощь. Они послали войска его командующему графу Нейенару, проведя одновременно через провинциальные штаты его назначение штатгальтером Гельдерна. Благодаря этому Нейенар, владевший уже Рейнбергом и Нейссом, мог, водворившись в Гельдерне, распоряжаться всем течением Рейна и перерезать коммуникационные линии откомандированного во Фрисландию Вердуго от остальной части испанской армии. Словом, «кельнская война» требовала вмешательства Фарнезе. К тому же Филипп не мог допустить, чтобы реформационное движение завоевало новые по-

зиции на границах Нидерландов. По его приказу герцог Пармский в 1583 г. послал войска на помощь льежскому епископу Эрнсту Баварскому, избранному католическими членами кельнского капитула на место Гергарда. После взятия Антверпена Фарнезе разместил многочисленные отряды своей армии на границах Гельдерна, в северном Брабанте и в Бомелерварде. Бобадилье, подвергшемуся среди зимы внезапно нападению графа Гогенлоэ и окруженному со всех сторон благодаря затоплению местности между Валем и Маасом, удалось спастись лишь благодаря неожиданному морозу, в котором хотели видеть благодатное вмешательство пресвятой девы. Более повезло другому военачальнику Александра Фарнезе Гольтепену, отразившему нападение Нейенара на Нимвеген. На севере принцу Вильгельму Людовику Нассаускому противостоял Вердуго, геройски поддерживаемый Жан-Батистом Таксисом.

Кампания 1586 г. имела целью облегчить положение королевской армии, отрезав Соединенные провинции от их германских союзников. Карл Мансфельд получил приказ осадить Грав, чтобы добиться возможности переправы через Маас. Весной к нему присоединился сам Фарнезе с основной массой своих войск. 7 июня он захватил город, несмотря на сопротивление, оказанное ему Лестером и Гогенлоэ, а несколько дней спустя, 29-го, сдался также гарнизон Венлоо, приведенный в замешательство быстротой и ловкостью действий Фарнезе. Вслед за этим герцог, обезопасив таким образом Брабант и обеспечив себе два прочных опорных пункта, тотчас же направился к Кельну. Он хотел отнять у графа Нейенара Нейсс, а затем внезапным обходным движением повернуть на Гельдерн. Плохо укрепленный Нейсс не мог оказать достаточного сопротивления завоевателю Антверпена. Но преобладавшие в нем протестанты отказались сдаться. Когда вслед за этим город был взят 27 июня, невозможно было удержать солдат, которые, считая себе все позволенным в отношении еретиков вне пределов королевских стран, вырезали гарнизон и значительную часть городского населения и подожгли город. Перед пылающими развалинами этого города папский легат Бономи 1 июля передал «защитнику религии» золотой меч и бархатный берет, освященные папой.

Для осуществления плана Фарнезе теперь оставалось только подняться к Рейнбергу и овладеть этой важной позицией. Армия захватила по дороге города Мерс и Альпен, но диверсионные движения неприятеля помешали ей добиться цели, поставленной ей Фарнезе. Молодой Мориц Нассауский положил блестящее начало своей военной карьере, переправившись через Западную Шельду и захватив 26 июля Аксель,

в то время как граф Гогенлоэ угрожал Зютфену. С этого началось применение тактики, к которой всегда прибегали в дальнейшем. Чтобы иметь возможность напасть на границы Соединенных провинций с некоторыми шансами на успех, испанцы вынуждены были стягивать в одном месте бóльшую часть своих войск и оголять все остальные свои позиции. Поэтому войска повстанцев, располагая благодаря своим кораблям средствами быстрого передвижения, в свою очередь переходили в наступление в каком-нибудь другом пункте, чтобы заставить неприятеля двинуться против них и тем самым принудить его ослабить удар в намеченном им месте.

При известии об угрожавшей ему контратаке герцог Пармский бросил осаду Рейнберга и поспешил к Зютфену с целью доставить крепости новые запасы продовольствия и помешать Гогенлоэ притти на помощь графу Нейенару. Он отбросил этого последнего к Лингену, расстроил замыслы Гогенлоэ и Лестера и захватил даже Девентер. Губернатор Антверпена, старый Мондрагон, с своей стороны помешал продвижению Морица Нассауского в Ваасскую область.

Военные действия испанцев во время похода 1587 г. были более ограничены. Их главной целью было взятие Слейса, который, несмотря на храбрость своего английского гарнизона и помощь флиссингенских судов, должен был сдаться 5 августа. Маркиз Дель Васто и Гольтепен отразили попытки вторжения Гогенлоэ в область Гельдерна и в районе Буа-ле-Дюк.

Взятие Слейса было тесно связано с намеченным как раз тогда грандиозным планом Филиппа II. Он решил воспользоваться беспомощным положением Франции, в которое она была приведена внутренними беспорядками, чтобы обратиться против Англии. Уже в 1585 г. он поставил Александра Фарнезе в известность о своем плане. Испанский флот должен был совершить неожиданное нападение на берега островного королевства и дать возможность предварительно укрепленной перед тем нидерландской армии высадить здесь десант. Потому ли, что герцог Пармский считал этот план осуществимым, потому ли, что он видел в нем только средство обеспечить себе подкрепления, но как бы то ни было, он с готовностью принял его. Во всяком случае он считал необходимым владеть каким-нибудь береговым опорным пунктом, прежде чем начать какие бы то ни было операции. Этим объясняется его поход на Слейс, занятие которого, по его мнению, должно было подготовить захват Флиссингена.

Но нападение на Англию могло оказаться успешным лишь в том случае, если бы удалось обмануть бдительность

Елизаветы. С целью ввести ее в заблуждение Фарнезе начал в 1586 г. переговоры о мире, приведшие летом 1588 г. к созыву конференции в Бурбурге.

Во время этих переговоров Фландрия превратилась в огромную судостроительную верфь. В Генте, в Брюгге, в Термонде, в Ваттене строились сотни плоскодонных судов для отправки войск. Прорыт был канал из Сас-ван-Гент в Брюгге и углублен был фарватер Иперле от Брюгге до Ньюпорта, чтобы самые небольшие суда могли подходить к берегу, минуя огонь флиссингенских пушек или зеландских крейсеров в Северном море. Из Испании, Италии, Германии, Бургундии прибывали все время войска и множество дворян, желавших принять участие в этом предприятии.

Тем временем, по мере приближения развязки, Фарнезе все яснее становились предстоящие трудности. Гавани Дюнкирхен, Ньюпорт и Слейс не были достаточно глубоки, чтобы королевская армада могла в них укрыться. Герцог хотел, чтобы до начала морских военных действий Филипп дал ему возможность завладеть Флиссингеном. Но Филипп не стал его слушать. 6 августа 1588 г. испанский флот, состоявший из 132 крупных судов под командой герцога Медина Сидонья, прибыл в Кале, тревожимый все время легкими и быстроходными судами англичанина Дрейка. Нидерландская армия, готовая к погрузке на корабли, находилась на берегу. Но порты были блокированы голландскими судами. Испанский флот был плохо оснащен, страдал от морских течений; его непрерывно тревожили англичане; он не мог приблизиться к берегу из-за глубокой осадки своих судов. Напрасно прождав целых три дня погрузки десантных войск, флот 9 августа повернул на север в обратный путь. Огибая Великобританию, он попал в сильнейший шторм, и первоначальная неудача закончилась полнейшей катастрофой.

Морское могущество Испании было подорвано.

Испанцы не преминули возложить ответственность за поражение на Фарнезе. Доходили даже до того, что обвиняли его в том, будто он заключил тайное соглашение с Англией в надежде, что Елизавета признает его государем Нидерландов.

В конце 1588 г. Фарнезе послал принца Шимэ на помощь Эрнсту Баварскому, теснимому протестантами в районе Бонна. Вслед за тем он отправил в Гельдерн Петера-Эрнста Мансфельда, захватившего в результате осады, при которой впервые, кажется, применены были бомбы, город Вахтендонк. Сам же Фарнезе попытался, но безуспешно, взять Берг-оп-Зом.

Следующий год отмечен был более значительными успехами. В Гельдерне Карл Мансфельд, успешно отразив напа-

дение неприятеля на Нимвеген, осадил Рейнберг, который 30 января 1590 г. вынужден был сдаться. 10 апреля 1589 г. Фарнезе, с своей стороны, занял Гертрейденберг благодаря предательству находившегося в этой крепости английского гарнизона.

Никогда еще шансы испанской армии не были более благоприятны. Ей нечего было опасаться со стороны Кельна, где Эрнст Баварский окончательно вышел победителем из борьбы с протестантами. Рейнберг обеспечивал ей переправу через Рейн и господство над Гельдерном. Владея Гертрейденбергом, она угрожала одновременно Голландии и Зеландии. Фарнезе с нетерпением ждал момента, когда он сможет напасть на обе эти провинции, и уверял короля, что с ними нетрудно будет покончить.

Но как раз в это время, 1 августа 1589 г., убийство Генриха III побудило Филиппа II решиться на вмешательство во французские дела. Он намерен был поддержать здесь борьбу Лиги против Генриха IV и даже тешил себя надеждой добиться при поддержке католиков короны Валуа для своей дочери Изабеллы. Его победа была бы блестящим успехом католической церкви и в то же время она восстановила бы престиж дома Габсбургов. Ни минуты не колеблясь, он пожертвовал ради этого нового плана покорением Нидерландов. Герцог Пармский получил приказание поспешить на помощь Лиге.

Несмотря на то, что Мориц Нассауский как раз к этому времени занял Бреду (25 февраля 1590 г.) и угрожал Нимвегену, Фарнезе пришлось оголить фронт. Уже в марте 5 000 солдат, вооруженных аркебузами, и 1 200 валлонских копейщиков выступили в поход, чтобы соединиться с герцогом де Майеном; они находились под командованием Жана-Батиста Таксиса и графа Эгмонта, погибшего затем в битве при Иври. В начале августа Фарнезе, передав управление государственными делами старику графу Петеру-Эрнсту Мансфельду, а командование войсками его сыну Карлу Мансфельду, сам выступил во главе 14 тыс. пехотинцев и 2 800 чел. конницы по направлению к Парижу. Он заставил Генриха IV снять осаду с Парижа, затем вернулся в ноябре в Нидерланды, преследуемый по пятам противником, которому, однако, не удалось добиться никаких успехов. Но Фарнезе вернулся с численно уменьшившейся армией, так как он вынужден был передать часть своих войск герцогу Майенну и оставить гарнизон на французской границе.

Повстанцы северных провинций воспользовались этим, чтобы перейти в наступление. Лестер был предметом их постоянных жалоб. Недовольный опекой со стороны генераль-

ных штатов, он, как в свое время герцог Анжуйский, строил против них тайные козни и в конце концов 17 декабря 1587 г. вынужден был уйти со своего поста. Благодаря тому, что Филипп объявил войну Генриху IV, повстанцы получили в лице последнего тем более надежного союзника, что его интересы полностью совпадали с их собственными и обеспечивали им его искренность. За несколько лет до этого они лишь с большим неудовольствием согласились на помощь Франции. Теперь они положили сотрудничество с Францией в основу своей внешней политики. Союз, который тщетно пытался создать принц Оранский, был наконец осуществлен благодаря новому повороту событий, и ему суждено было просуществовать почти целое столетие.

Кампания 1591 г. ознаменовалась для испанцев тяжкими неудачами. Воодушевленные ослаблением королевской армии и надеждой на помощь Генриха IV, войска Соединенных провинций одерживали одну победу за другой. Из Остенде — форпоста, который восставшие сохранили еще внутри Бельгии, — Норрис завладел в феврале Бланкенбергом. Благодаря взятию 30 мая Зютфена Морицем Нассауским и взятию 10 июня Девентера, были закрыты переходы через Иссель, считавшиеся самыми уязвимыми местами на всем фронте. Несмотря на все свои попытки, Фарнезе не удалось взять форта, выстроенного на правом берегу Ваала, против Нимвегена. Но мало того: атакованный превосходными силами неприятеля, он вынужден был 26 июля снять осаду. Вслед за тем Мориц Нассауский, проявивший в этом году бо́льшую активность и бо́льшую быстроту, чем когда-либо, неожиданным ударом захватил крепость Гюльст и, повернув опять на восток, сумел 21 октября добиться сдачи Нимвегена. Таким образом Соединенные провинции не только отняли у неприятеля подступы к своей стране, но даже отвоевали у него подступы к его стране. Но важнее всего была непоколебимая уверенность в себе, которую принесли им эти победы. Военная победа вызвала подъем национального самосознания. Мориц Нассауский стал национальным героем и пользовался даже большей популярностью, чем его отец.

Между тем Фарнезе, вместо того чтобы всецело заняться улучшением положения, столь неблагоприятно сложившегося на севере, вынужден был в декабре вновь отправиться во Францию. Он освободил осажденный Генрихом IV Руан и своими искусными действиями при Кодебеке спас войска Лиги от неминуемого поражения. Но Фарнезе вернулся в Нидерланды больным и обескураженным, между тем как восставшие удвоили свою энергию и рвение. Они рискнули даже послать на помощь Генриху IV 3 тыс. чел. В июле Мориц Нас-

саuский направил на этот раз свои военные действия на Фрисландию и занял здесь 6 июля 1592 г. Стенвейк, а 2 сентября Куверден.

Тем временем враги Фарнезе воспользовались неудачами, в которых он не был виноват, чтобы окончательно подорвать доверие к нему короля. Оба Мансфельда и неисправимый интриган Шампанэ наперебой старались оклеветать его в вероломных докладных записках, посылаемых ими в Мадрид [1]. Уязвленные в своей гордости тем доверием, которое герцог оказывал Рипардо и своим итальянским фаворитам, они потеряли всякую меру. Шампанэ пробовал даже развенчать подвиги Фарнезе при осаде Антверпена; знаменитая плотина воздвигнутая через Шельду, была, по его словам, ничтожным делом.

Эти нападки были на-руку испанцам, продолжавшим враждебно относиться к Фарнезе. Тем временем Филипп II попрежнему писал Фарнезе самые лестные письма, но делал это лишь с целью ввести его в заблуждение [2]. Недовольный ходом дел во Франции, он твердо решил лишить Фарнезе его полномочий. 20 февраля 1592 г. он поручил маркизу де Серральво передать ему приказание явиться в Мадрид, а, в случае сопротивления с его стороны, Серральво было приказано тотчас же объявить себя генеральным правителем Нидерландов. Смерть помешала последнему выполнить возложенное на него поручение, но решение короля осталось неизменным. 3 июня 1592 г. на место него назначен был дон Педро Энрикес де Асеведо, граф Фуэнтес.

Не зная еще об этой немилости, Фарнезе 11 ноября вынужден был в третий раз покинуть Брюссель и отправиться во Францию. Рана, полученная им во время предыдущего похода, окончательно подорвала его здоровье, и он тщетно искал себе исцеления на водах в Спа. Он еле мог держаться в седле, и все присутствовавшие при его отъезде предчувствовали, что им не суждено увидеть его больше. Несмотря на свою выдержку, он принужден был остановиться в Аррасе. Здесь он и умер 3 декабря 1592 г., в том самом Сен-Ваастском аббатстве, где благодаря ему 14 лет назад произошло примирение валлонских провинций с испанским королем.

Филиппа II обычно упрекают в том, что он дважды помешал Фарнезе завоевать Соединенные провинции: первый раз

---

[1] См. в особенности злобные нападки Шампанэ. «Mémoires de F. Perrenot Sire de Champagney», éd. Robaulx de Soumoy, t. II, Bruxelles 1860, p. 267 etc.; ср. *Chauchie et Van der Essen*, Inventaire des archives farnésiennes de Naples, Bruxelles 1911, p. CXCII etc.

[2] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. II, p. LXXX etc.; *Gossart*, La domination espagnole, p. 188 etc.

заставив его помогать затее с армадой, а во второй раз, послав его воевать против Генриха IV. Но сколь бы бессмысленным ни казалось поведение Филиппа, если оценивать его с точки зрения Нидерландов, оно представляется вполне понятным, если принять во внимание его европейскую политику. Отношение Филиппа II к его нидерландским владениям в 1588 и 1592 гг., — совершенно так же как и в 1567 г., — объяснялось одними и теми же причинами. Они были для него только форпостом его монархии; они интересовали его лишь с точки зрения тех услуг, которые они могли ему оказать, и он полностью подчинял их интересы своим планам. Разве мог он поэтому не пожертвовать завоеванием этого незначительного клочка земли в надежде завоевать господство над Англией и Францией? Впрочем, он вовсе не отказался от этого, а лишь отложил это дело, так как, если бы ему удалось завоевать эти две большие западные державы, помогавшие восставшим, то покорение Нидерландов было бы неминуемым. Второстепенное должно было последовать за главным: став повелителем Англии и Франции, он неизбежно должен был сделаться также и повелителем Голландии и Зеландии. Эти две провинции не могли поколебать его решения в тот момент, когда он мечтал об изменении в свою пользу европейского равновесия.

В действительности же его ошибка была не в том, что он помешал планам Фарнезе, она состояла в другом и крылась глубже. Она коренилась в его презрении чистокровного испанца ко всем другим народам, в его абсолютистском самовозвеличении и в его слепой ненависти к ереси. Он думал лишь о Елизавете и о Генрихе IV, не учитывая совершенно беспощадного сопротивления, которое будет ему оказано французским и английским народом. Его ошибка заключалась в том, что он верил в успех плана, который был столь же грандиозен, сколь и неосуществим.

Подобно Англии и Франции, сумевшим избавиться от испанской опасности, Соединенным провинциям в свою очередь было суждено ускользнуть от испанских пут. Вообще сомнительно, удалось ли бы когда-нибудь Фарнезе, несмотря на его блестящие военные таланты, одолеть их сопротивление. Мог ли он действительно победить там, где герцога Альбу и Рекезенса постигли одни лишь неудачи? Разумеется, он был гораздо более крупным полководцем, чем его предшественники, но его задача тоже была во много раз сложнее. Противостоявший ему народ был воодушевлен своими победами, уверен в поддержке из-за границы, был неуязвим как со стороны моря, так и вдоль всей границы благодаря широким рекам, по которым крейсировали его военные суда, и благо-

даря длинной цепи крепостей. Наконец, во главе его стоял такой блестящий полководец, как Мориц Нассауский. Несмотря на все свои попытки, Фарнезе вплоть до 1592 г. смог завладеть лишь подступами к этой стране. До сокрушительного удара дело было еще далеко, и, трудно сказать, удался ли бы он. Голландец Бухелей расхохотался в 1584 г., услышав в Дуэ предсказание одного католического священника, что все еретики будут вскоре изгнаны из Голландии и Зеландии [1]. Однако Фарнезе в этот момент как раз осаждал Антверпен. Впрочем дело, которое Фарнезе вынужден был оставить по приказанию короля, возложено было впоследствии на других людей, показавших перед лицом всей Европы, что оно было невыполнимо.

V

Фарнезе, отправляясь в последний свой поход, передал управление Нидерландами старому Мансфельду. Последний сохранил его временно и после смерти герцога до прибытия брата императора Рудольфа II, эрцгерцога Эрнста, назначенного Филиппом на этот освободившийся пост [2]. В действительности подлинным правителем Нидерландов стал граф Фуэнтес, шурин герцога Альбы, и благодаря этому верному слуге Филипп II мог снова вернуться к своим старым излюбленным методам управления [3]. Он с трудом мирился с независимым поведением герцога Пармского и с досадой вынужден был следить за тем, как тот окружал себя министрами-бельгийцами и доверенными людьми из итальянцев. Теперь он восхвалял дон Жуана, который всегда окружал себя только испанскими советниками [4]. Инструкции, пересланные королем 28 сентября Эстебану де Ибарра, назначенному первым секретарем эрцгерцога Эрнста, ясно выдавали, каковы были планы короля. Они предписывали эрцгерцогу держаться в вопросах управления и во всем остальном прямо противоположной линии, чем его предшественник, и поставить себе долгом чести строгое выполнение воли короля. Он должен, гласили они, предоставить решение военных вопросов исключительно испанским министрам и распространить вмешательство их на все те государственные дела, которые они смогут захватить в свое ведение [5]. Таким образом независимость, столь торжественно гарантированная примирившимся с Испанией про-

[1] «Mémoires de la Société des sciences de Douai», 1900—1902, p. 423.
[2] Рекезенс предлагал назначить его на этот пост уже в 1574 г. *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. III, p. 84.
[3] *P. van Isacker*, Pedro Enriquez de Azevedo, graaf van Fuentes, en de Nederlanden, «Annales de la Société d'Émulation de Bruges», 1910, p. 205 etc.
[4] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. II, p. XC.
[5] Ibid.

винциям Аррасским миром, независимость, которую Фарнезе старался соблюдать по мере возможности, теперь попиралась ногами.

Фуэнтес поспешил со всей резкостью подчеркнуть начало новой системы управления. Гибкую и искусную итальянскую манеру обращения он заменил испанской жестокостью и непреклонностью. Ришардо был отставлен; секретарь Фарнезе, Козимо Мази, который к величайшему негодованию короля вел до сих пор политическую переписку с мадридским двором, тоже впал теперь в немилость. Распоряжение от 5 января 1593 г., достойное герцога Альбы, запрещало впредь обмен пленниками с восставшими и объявляло, что все солдаты из лагеря повстанцев, которые впредь попадут в плен, будут беспощадно повешены. Одновременно было пущено в ход все, чтобы осуществить планы Филиппа II во Франции. Представители католического короля в Париже Ибарра, герцог де Фериа, Жан-Батист Таксис предписывали графу Фуэнтесу его образ действий. Они настойчиво убеждали его нанести необходимый удар, так как решительный момент настал. Созванным Лигой генеральным штатам королевства предстояло обсудить вопрос о передаче короны Изабелле, и какая-нибудь блестящая победа могла бы повлечь за собой их согласие на это. Но ослабленная столькими годами войны армия, вынужденная к тому же воевать одновременно с двумя врагами, не в состоянии была победить ни одного из них. Карл Мансфельд, переправив все имевшиеся в его распоряжении войска во Францию, добился лишь взятия Нуайона, совершенно бесполезного. В то время как он таким образом обманул последние надежды герцога Майенна и членов Лиги, успехи Морица Нассауского на севере принесли существенную пользу Генриху IV.

24 июня 1593 г. у испанцев отнят был Гертрейденберг. Вслед за тем Мориц Нассауский, закрыв таким образом брешь, пробитую Фарнезе в голландской границе, направился в Фрисландию и осадил Гронинген. К довершению всех несчастий Фуэнтес стал ощущать нужду в деньгах, и дисциплина, для поддержания которой в свое время достаточно было авторитета Фарнезе, теперь стала расшатываться. Опять возникла угроза военных бунтов. В августе вспыхнул мятеж в рядах находившихся на севере Франции войск Мансфельда.

Эрцгерцог Эрнст прибыл в Брюссель в разгаре этой анархии. Управление Фуэнтеса успело уже вызвать столько гнева и столько недовольства, что Эрнст был принят с восторгом. Ему достаточно было не быть испанцем, чтобы снискать себе всеобщие симпатии. Простодушно говорили между собой о том, что «в нем нет ненависти к стране», а большего с него и

не спрашивали. Но он явился не столько для того, чтобы управлять Бельгией, сколько для содействия проведению в жизнь французских планов Филиппа II.

Это был заурядный человек, благожелательный, но очень ленивый и всецело поглощенный своими любовными похождениями. Впрочем, если бы даже он был одарен более блестящими качествами, он все же не мог бы добиться никакого успеха. Переход Генриха IV в мае 1594 г. в католичество разбил последние надежды Лиги и Испании. Сделанное Таксисом французским генеральным штатам предложение о передаче короны эрцгерцогу Эрнсту, которому король Испании прочил в жены эрцгерцогиню Изабеллу, было лишь последней попыткой зашедшей в тупик политики. Карл Мансфельд, вернувшийся в Пикардию с малочисленной и дезорганизованной армией, ограничивался тем, что время от времени тревожил неприятеля. Перемирие с Соединенными провинциями дало бы возможность подкрепить сражавшиеся во Франции войска. Попытки в этом направлении сделаны были через германского императора. Но восставшие ответили на них лишь оскорбительным манифестом. Они воспользовались даже недавним арестом одного испанского агента и его более чем подозрительными заявлениями, чтобы обвинить нового правителя в составлении заговора на жизнь Морица Нассауского [1]. Вместо того чтобы думать о мире, они поспешили воспользоваться своими успехами, так как положение их действительно было выигрышным. 24 июля 1594 г. Мориц покончил с сопротивлением Гронингена. Между тем в испанской армии вспыхнул новый мятеж, на этот раз среди итальянских войск Брабанта, которым несчастный Эрнст вынужден был разрешить разместиться в Тирлемоне, пока им будет уплочено их жалованье.

В следующем году дела пошли еще хуже. Католическая часть Нидерландов, которую Филипп II так гордо собирался превратить в плацдарм против Франции, находилась между двух огней и вынуждена была ограничиваться оборонительными действиями. 17 января 1595 г. победоносный Генрих IV объявил Испании войну и поручил герцогу Буйонскому перейти через Люксембург, чтобы соединиться в Гюи с войсками Соединенных провинций, которые должен был привести ему Ла Эрожьер. Таким образом враги с севера и юга должны были объединиться в самом сердце страны и поставить под угрозу Брюссель и Антверпен. Но они переоценили смятение, царившее в рядах испанцев. Перед лицом опасности послед-

[1] Этот человек, по имени Ренишон, по его словам, был нанят графом Берлемоном. Эрнст, повидимому, не принимал никакого участия в заговоре. *V. Fris*, Biographie Nationale, t. XIX, 1907, p. 107 etc.

ние быстро собрались с силами и снова проявили свои традиционные военные качества. Смерть Эрнста 20 февраля 1595 г. привела к передаче управления в руки энергичного графа Фуэнтеса. Он потребовал от ветеранов, столько лет служивших королю в Нидерландах, последнего усилия. Гюи был взят назад испанцами, и Ла Эрожьеру пришлось отступить. Старый и утомленный Вердуго умер, успев еще прогнать герцога Буйонского из Люксембурга. Еще более старый полководец, чем он, Мондрагон, несмотря на свои 93 года, успешно сражался против Морица и, помешав его продвижению в область Гролля, вернулся в антверпенскую цитадель, где и умер [1]. Фуэнтес не удовольствовался теперь тем, что неприятель был отброшен, и сам перешел в наступление. Он вторгся в Пикардию, одержал победу при Дурдане, взял Ле Кателэ и даже завоевал обратно Камбрэ, который со времени своей сдачи герцогу Анжуйскому находился в руках французов. Словом, к моменту прибытия эрцгерцога Альберта в Брюссель 11 февраля 1596 г. он блестяще восстановил совершенно потерянный было престиж испанского оружия.

[1] О Мондрагоне, единственном из всех испанских полководцев, избегнувшем ненависти бельгийцев, см. *Angel Salcedo Ruiz*, El coronel Cristobal de Mondragon, Madrid 1905.

ОТ ПРИБЫТИЯ ЭРЦГЕРЦОГА АЛЬБЕРТА ДО МЮНСТЕРСКОГО МИРА

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

УСТУПКА НИДЕРЛАНДОВ

I

Эрцгерцог Альберт был самым младшим из 6 сыновей императора Максимилиана II. Подобно своим двум братьям — Рудольфу, вступившему на императорский престол в 1576 г., и Эрнсту, преемником которого ему суждено было стать в Нидерландах, — он тоже в раннем возрасте был отправлен к мадридскому двору и был отдан на попечение своего испанского дяди. Это был единственный способ для Максимилиана, колебавшегося в течение всего своего царствования между Римом и протестантами, сохранить за собой, несмотря на всю неустойчивость своей позиции, необходимую ему поддержку Филиппа II. Его дети были для него своего рода заложниками у его могущественного шурина. Через них немецкая ветвь дома Габсбургов срослась с испанской. Здесь она впитала в себя тот непримиримый католицизм и ту ненависть к ереси, которыми было отмечено в дальнейшем царствование Рудольфа II в Германии. Особенно ценной делала эту немецкую ветвь для Филиппа II ее счастливая плодовитость. Имея только одного сына, он рад был найти в пределах своего собственного рода благодаря своим австрийским племянникам, воспитанным по его собственному образцу, принцев королевской крови, всецело преданных его планам. Мы видели уже выше, какие надежды он возлагал на эрцгерцога Эрнста. Теперь он снова вернулся к своим старым планам, надеясь осуществить их в пользу Альберта.

Альберт оказался более чем кто-либо другой достойным его доверия и его симпатий. Филипп с отеческой нежностью любил этого молодого принца, всецело поглощенного заботой о том, чтобы во всем нравиться своему дяде и во всем походить на него. Предназначенный, скорее всего по слабости своего здоровья, к духовной карьере, Альберт с детства получил очень основательное образование. Среди его учителей был

знаменитый Бусбеке, которому он несомненно обязан был своей любовью к науке и литературе, сохранившейся у него в течение всей его жизни. Но хотя он и изучил с его помощью светские науки эпохи Возрождения, однако он находился преимущественно под влиянием иезуитов. Они сделали из него вполне законченный тип католического государя, и на всем его духовном складе, на особом характере его благочестия и даже на его политических взглядах сохранился неизгладимый отпечаток того влияния, которое они на него имели. Обладая слабо выраженной индивидуальностью, он полностью отдался их руководству; он воспринял их идеал с пассивной покорностью, но вместе с тем с той честностью и искренностью, которые внушают уважение к себе.

Хотя он и возведен был папой Григорием XIII в 1577 г., т. е. 18 лет, в кардинальское достоинство и назначен был Филиппом II в 1595 г. Толедским архиепископом, но обстоятельства помешали ему продолжать карьеру прелата, к которой он был подготовлен. После завоевания в 1581 г. Португалии ему поручено было управление этой страной в качестве вицекороля. Оказанные им здесь услуги побудили его дядю остановить на нем свой выбор, когда после смерти эрцгерцога Эрнста надо было послать в Нидерланды нового правителя. Вопрос о посылке его в Брюссель поднимался уже не впервые. Герцог Альба подумывал об этом уже в 1576 г., а через 10 лет дон Хуан де Сунига тоже выдвигал перед королем его кандидатуру [1].

Альберт родился в 1559 г.; ко времени его отъезда в Нидерланды ему было таким образом 37 с лишним лет. По его портретам он рисуется человеком с худым и бледным лицом, оттененным небольшой бородкой и с выдающейся нижней челюстью Габсбургов; взгляд его задумчив, несколько грустен и лишен того блеска, который придается твердой волей или, по крайней мере, силой решительного и живого темперамента. По своим манерам эрцгерцог производил впечатление чистокровного испанца. Хотя он и говорил бегло по-немецки и по-итальянски, но обычным его разговорным языком был испанский, и он с трудом объяснялся по-французски [2]. Благодаря своему продолжительному пребыванию по ту сторону Пиренеев, он усвоил себе также надменную важность и сдержанность, которые так плохо гармонировали с простыми и непринужденными привычками его будущих подданных. Своей медлительностью и прилежанием он живо напоминал Филип-

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. III, p. 432 et t. II, p. LXXIX.

[2] *Gachard*, Actes des États Généraux de 1600, Bruxelles 1849, p. 159.

ЭРЦГЕРЦОГ АЛЬБЕРТ
(с картины Рубенса)

па II. Что касается его благочестия, то он обнаружил его прежде всего тем, что еще до своего въезда в Брюссель (11 февраля 1596 г.) отправился на поклонение знаменитой иконе богоматери в Гале.

Он привез с собой войска и деньги; и в том и в другом была как раз большая нужда. Вообще его первые шаги были очень удачны. Что касается Франции, то благодаря целому ряду искусных маневров ему удалось захватить Калэ (24 апреля), а вслед за тем города Гин, Гам и Ардр. Направившись после этого на север, он сумел в августе, несмотря на решительное сопротивление принца Сольмса, отвоевать назад важную в стратегическом отношении крепость Гюльст.

К несчастью этому блестящему началу не суждено было иметь соответствующее продолжение. Новое банкротство Испании (1596 г.) пошатнуло кредит эрцгерцога, и уже в следую-

щем году военные действия затруднены были из-за недостатка в деньгах. При этих обстоятельствах захват Амьена, взятого Порто Карреро 11 марта 1597 г., был совершенно бесполезен. Альберт не мог помешать Генриху IV блокировать город и взять его назад 25 сентября. Но мало того: ему пришлось молчаливо вынести унижение, когда 3 октября его противник, вызывая его на бой, внезапно появился под стенами Арраса, обстрелял крепость, занял предместья своей легкой кавалерией, а затем повернул назад, двинувшись, никем не обеспокоенный, на осаду Дуллана[1]. Тем временем Мориц Нассауский воспользовался этими благоприятными обстоятельствами, чтобы захватить Рейнберг (20 августа), Мерс (20 сентября), Гролль (26 сентября), Ольденселе (21 октября) и Линген (12 ноября).

Было ясно, что, если Испания хотела сохранить за собой Нидерланды, ей следовало поскорее заключить мир с Францией, которая теперь полностью повиновалась своему королю и находилась в союзе с Англией и Соединенными провинциями. К тому же со времени перехода Генриха IV в католичество папа непрестанно убеждал Филиппа помириться с ним, а происшедшее тем временем полное расстройство финансовых дел в свою очередь заставило Филиппа II перестать сопротивляться этим планам. В результате летом 1597 г. в Париже начались переговоры при посредничестве папского легата и генерала ордена французских францисканцев. Несмотря на протесты лондонского двора и голландцев, Генрих IV отнесся к ним благосклонно. У него тоже туго было с деньгами, и он страстно хотел дать передышку своему королевству. Кроме того он упрекал Елизавету, что она ничего не сделала для него, а Морица Нассауского, что он начал военные действия лишь после того, как испанская армия двинулась на Амьен. Но он гораздо меньше торопился положить конец военным действиям, чем эрцгерцог Альберт, уполномоченный для ведения переговоров от имени Испании.

Альберт знал, что Филипп II, бывший в преклонном возрасте и изнуренный к тому же болезнью, не долго проживет и что его преемник предпочтет продолжение войны унизительному миру. Поэтому он пустил в ход все, чтобы ускорить соглашение, без которого потеря Нидерландов была неминуемой. Он издали руководил своими делегатами Ришардо и Веррейкеном во время переговоров, начавшихся в Вервене в 1598 г. Решив какой угодно ценой покончить с войной, он

[1] *A. Guesnon*, La surprise d'Arras tentée par Henri IV en mars 1597 et le tableau de Hans Coninxloo, «Statistique monumentale publiée par la Commission des Monuments historiques du Pas-de-Calais», 1907.

предложил исключительно благоприятные условия, так что мир, подписанный 2 мая, считался «самым выгодным миром из всех заключенных Францией за последние 500 лет» [1]. Испания вернула себе Калэ вместе с несколькими крепостями, которыми она владела еще вблизи этого города и в Пикардии. Хотя она и продолжала поддерживать свои старые притязания на Бургундское герцогство, но делала это лишь для вида, так как она обещала добиваться его «только мирным и справедливым путем, а не с оружием в руках» [2]. Таким образом Филипп II уступил своему противнику, насколько только было возможно. По уговору с Альбертом, он согласился на все, чтобы обеспечить себе перед смертью нейтралитет того самого Генриха IV, у которого он еще два года назад собирался отнять корону с целью передать ее своей дочери. И тем не менее эта сделка, обошедшаяся ему так дорого, была лишь простым надувательством, так как, подписывая мир, Генрих твердо решил не бросать Соединенные провинции. Он обещал великому пенсионарию Голландии Ольденбарневельту попрежнему помогать войсками и деньгами. Но более того: он дал ему даже понять, что через 3—4 года возобновит военные действия. Словом, если он временно отказывался от открытой войны, то лишь для того, чтобы под прикрытием своих северных союзников повести замаскированную войну («guerre en renard») [3] против католического короля. Уверенные в его помощи генеральные штаты, которых его искреннее примирение с Испанией совершенно обескуражило бы, с прежней энергией продолжали борьбу.

II

Филипп II так торопился закончить мирные переговоры с Францией потому, что он хотел употребить свои последние дни на улажение вопроса о Нидерландах. В течение четверти века они были его кошмаром, и теперь, когда он был на пороге смерти, он буквально горел желанием восстановить мир в своих отдаленных владениях, прежде чем передать их в наследство своему сыну. Но все те попытки, к каким он прибегал, одна за другой кончались крахом. Его уступки не достигали никаких результатов, точно так же как его армии не удавалось перейти через границы враждебной страны. Пламя

---

[1] Слова Бельльевра, приводимые Фрейном (*Fruin*, Tien jaren uit den tachtigjarigen oorlog, Haag 1882, p. 359).

[2] Текст договора напечатан у Дюмона (*Dumont*, Corps universel diplomatique, t. VI, p. 561).

[3] *J. Nouaillac*, Villeroy, Paris 1909, p. 442.

пожара, разожженного еретиками в его собственных землях, полыхало все с той же силой, несмотря на огромные средства, потраченные им, чтобы его потушить. С предсмертной тоской следил он за приближением момента, когда он, католический король, должен будет признать себя побежденным реформацией, когда он, абсолютный монарх, должен будет сложить оружие перед республикой, когда он, самый могущественный повелитель во всем христианском мире, погибнет на радость врагам Испании и католической церкви.

Он уже давно подумывал о последнем спасительном средстве. Он знал, что его отец в свое время собирался отделить Нидерланды от остальной монархии, предназначая их в приданое одной из своих дочерей, которая должна была выйти замуж за герцога Орлеанского либо за герцога Савойского [1]. Впрочем, император никогда серьезно не задумывался над этими планами, намечавшимися во время долголетней борьбы между австрийской и французской династиями, так как он был глубоко убежден в важном значении 17 провинций для сохранения его гегемонии в Европе. Эти планы всплыли опять, правда, при совершенно изменившихся условиях, в первые же годы после того, как вспыхнуло восстание в Голландии и Зеландии. Некоторые королевские советники полагали, что беспорядки сами собой прекратятся, если Филипп II согласится восстановить независимость Нидерландов и назначит им государем принца королевского дома, который женится до этого на инфанте. К этому плану, намеченному еще в 1573 г. [2], опять обратился в следующем году Рекезенс [3], а в 1586 г. дон Хуан Сунига предложил формально провести его в жизнь в пользу Изабеллы, старшей дочери короля [4].

Если бы этот шаг был сделан с самого начала, он, пожалуй, достиг бы своей цели. Восстановление Бургундского государства удовлетворило бы чаяния народа, и католическое большинство несомненно сплотилось бы вокруг государя, который вернул бы ему независимость и избавил его от испанской тирании. Это очень осложнило бы положение принца Оранского и кальвинистов и, пожалуй, даже нанесло бы им непоправимый удар. Но, как всегда, Филипп II не мог решиться действовать в нужный момент. Точно так же как он слишком

---

[1] *Gossart*, Notes pour servir à l'histoire du règne de Charles-Quint en Belgique, «Mém. in-8° de l'Acad. royale de Belgique», 1897, p. 67 etc.; ср. *Gossart*, Projets d'érection des Pays-Bas en royaume sous Philippe II, «Bulletin de l'Académie royale de Belgique», Classe de Lettres, 1900, p. 558 etc.

[2] *Gachard*, La Bibliothèque Nationale, t. II, p. 421.

[3] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. III, p. 194.

[4] Ibid., t. II, p. LXXIX.

поздно согласился дать общую амнистию, точно так же как он слишком поздно отменил десятипроцентный налог и слишком поздно издал Вечный эдикт, так он теперь слишком поздно решил превратить Нидерланды в самостоятельное государство. Как мог он думать, что протестанты северных провинций, гордые своими победами и объединившиеся вокруг ими самими избранного правительства, согласятся признать католического государя, которого он им укажет? Но даже законопослушные провинции не хотели теперь отделяться от Испании, несмотря на все свои антипатии к ней. Вернувшись опять к католицизму, бельгийцы видели теперь в своих северных кальвинистских соотечественниках чужеземцев или, вернее, даже врагов. Наполовину разоренные, они чувствовали, что бессильны защитить от них свою землю и свою веру, и бросились теперь под защиту испанского короля. Когда они в 1598 г. узнали, что Филипп II передал Нидерланды эрцгерцогу Альберту и его жене Изабелле, это известие вызвало у них лишь самые тяжелые предчувствия [1].

Таким образом королевское решение с самого же начала натолкнулось на открытое сопротивление или на скрытое недовольство. Было ясно, что оно продиктовано не желаниями или интересами нидерландских подданных Филиппа, а было вызвано исключительно его заботой о судьбах своей монархии. Восстанавливая Бургундское государство, он действовал только как король Испании. Он отказывался от владычества над Нидерландами лишь для того, чтобы разгрузить свою казну, облегчить свои войска и избежать зияющей пропасти, которая грозила поглотить все его могущество.

К тому же его отказ от Нидерландов был далеко не полным. Акт от 6 мая 1598 г. [2], на основании которого Нидерланды были переданы эрцгерцогской чете, содержал столько оговорок, что новое государство в действительности должно было оставаться сателлитом Испании, и эти «повелители», несмотря на свой титул, мало чем отличались от обыкновенных наместников. Провинции должны были опять вернуться в лоно испанской монархии в случае смерти эрцгерцога, если не будет детей от этого брака. Но даже и в том случае, если у эрцгерцогской четы будут дети, независимость страны все же должна была быть скорее кажущейся, чем реальной. В самом деле, если они оставят после себя дочь, она должна будет выйти замуж за испанского короля или же за его сына. Что

[1] См. ответы провинций на письмо короля, ставившее их в известность относительно его плана. *Gachard*, Documents inédits concernant l'histoire de la Belgique, t. I, p. 393 etc.

[2] «Recueil des Ordonnances des Pays-Bas. Règne d'Albert et d'Isabelle», éd. V. Brants, t. I, Bruxelles 1909, p. 7.

же касается их детей мужского пола, то они должны были вступать в брак не иначе, как с разрешения испанского короля. Но если верховная власть эрцгерцогской четы тем самым в достаточной степени была ограничена в вопросе о престолонаследии, то еще сильнее были ограничения ее в религиозных делах. Оба супруга должны были принести присягу, что они будут в течение всей своей жизни придерживаться католической религии и откажутся от всех своих прав, если папа обвинит их в ереси. Но, с другой стороны, Испания, ставившая провинции под столь строгую опеку, отказывала им в каких бы то ни было преимуществах, которые они могли бы извлечь для себя из этого своего подчиненного положения: она категорически устраняла их от торговли с Индией.

Таковы были официальные статьи договора. Но их дополняли разные неофициальные статьи. 6 января Альберт дал королю обещание, что он и равным образом инфанта обязуются подчиняться всему, чего он от них потребует [1]. Действительно, Альберт согласился сохранить за Филиппом и его преемниками, пока они будут считать это необходимым, Антверпен, Гент, Камбрэ и два или три других укрепленных пункта и предоставить им назначение в них военных правителей и выбор гарнизонов. Кроме того он обязался преследовать еретиков, бороться с ними до их обращения и не оставлять у себя на службе никаких иноверцев [2].

Договор этот не оставлял никаких сомнений в том, какова была цель, ставившаяся Филиппом II в полном согласии с эрцгерцогской четой. Из него явствовало, что передача Нидерландов диктовалась политике Испании и католичества повелительной необходимостью. Мнимая независимость, снова полученная 17 провинциями, должна была — хотели того или нет — привести к двойному подчинению их — испанской короне и католической церкви. Король, правда, отказался от вмешательства в их внутренние дела, но оставлял здесь свои войска, и благодаря этому он был здесь попрежнему так же силен, как и раньше. Поступая таким образом, он ничего не терял, но мог зато много выиграть. В самом деле, он надеялся, что восставшие подчинятся назначенной им эрцгерцогской чете или что на худой конец католические провинции помогут ей своими денежными средствами и облегчат таким образом его казну. Были приняты все меры

[1] *Gachard*, Lettres sur les documents concernant les anciennes assemblées nationales de la Belgiques, qui existent dans les archives de Simancas et dans les bibliothèques de Madrid, Bruxelles 1845, p. 10.

[2] См. секретные статьи договора о передаче Нидерландов. *Brants*, Ordonnances, p. 12.

предосторожности, чтобы у Испании не были отняты те самые Нидерланды, которые она считала «цитаделью, воздвигнутой в самом сердце христианского мира», и откуда она господствовала над всей Европой [1].

Враги Филиппа II подозревали его в излишнем макиавеллизме, обвиняя его в том, будто он заранее знал, что брак эрцгерцогской четы будет бесплодным [2]. Действительно, было мало вероятно, чтобы 32-летняя испанка, какой была Изабелла, имела много шансов стать матерью, но если бы даже брак эрцгерцогской четы не оказался бесплодным, то, как мы видели, они все равно не могли бы создать новой династии, независимой от испанского дома.

Альберт и Изабелла были вполне согласны играть предназначенную им роль. Они были, так же как и Филипп, равнодушны к будущему Нидерландов и, как и он, интересовались только Испанией и католической церковью. Они никогда не проявили ни малейшего желания отделить свои интересы от интересов Испании и расширить свою верховную власть за пределы, которые были им предуказаны. С одной стороны, они старались вести себя перед иностранными монархами как независимые государи, были очень щепетильны в вопросах этикета, и Альберт отнюдь не скрывал своего желания добиться королевского титула [3], чтобы скрыть таким образом ту зависимость, о которой Европа великолепно была осведомлена. Но, с другой стороны, они считали для себя делом чести показать себя во всех случаях верными вассалами мадридского двора. Их дворец в Брюсселе, переполненный испанскими советниками и придворными, производил впечатление отделения Эскуриала [4]. В период их правления внешняя политика Нидерландов так же мало носила национальный характер, как и до них. То обстоятельство, что они выбирали себе посланников из среды бельгийской знати, не могло ввести никого в заблуждение: ведь не могли же они допустить, чтобы их представляли за границей кастильцы, если они не хотели слишком ясно выдавать истинный характер своей власти.

Едва только начались мирные переговоры с Францией, как Филипп II сообщил 10 сентября 1597 г. своим бельгийским подданным, что по его поручению Альберт в ближайшее время оповестит их «о благодатных решениях, принятых им

[1] *Fruin*, Tien jaren..., p. 348.

[2] *H. Lonchay*, Philippe II et le mariage des archiducs Albert et Isabelle, «Bulletin de l'Académie royale de Belgique», Classe de Lettres, 1910, p. 364.

[3] *Brants*, Albert et Isabelle, Louvain 1910, p. 19.

[4] Альберт проявлял такое же недоверие к прежним советникам Александра Фарнезе, как и Фуэнтес. В 1599 г. они жаловались, что подвергаются настоящим преследованиям со стороны испанцев. *Cauchie et Van der Essen*, Inventaire des archives farnésiennes, p. 372, 375.

во имя их собственного блага» [1]. Брабантские штаты узнали об этом 5 декабря из уст самого эрцгерцога; штаты других провинций были извещены об этом письменно. Все, разумеется, обнаружили по этому поводу лицемерный восторг и восхваляли «отеческую любовь и доброту короля». Но некоторые из них не могли скрыть своего страха перед независимостью, которой их облагодетельствовали, хотя они вовсе об этом не просили. Они дали понять, что не смогут своими собственными силами оказать сопротивление окружавшим их врагам. Штаты Фландрии решились даже заявить, что «нецелесообразно разделять здешние страны и отделять их» от других государств его величества, если они будут впредь лишены военной помощи Испании [2].

Подписание Вервенского договора позволило перейти к выполнению намеченных мероприятий. 26 июля 1598 г. депутаты всех провинций были приглашены в Брюссель для торжественного провозглашения здесь Изабеллы «суверенной повелительницей и государыней» в присутствии ее будущего мужа, уполномоченного представлять ее. Собрание должно было происходить в большом зале дворца, увешанном «коврами ордена Золотого руна, на которых изображена была история Гедеона»; тут же под балдахином с бургундскими гербами высился трон для эрцгерцога. На паркете расставлены были 17 скамей для депутатов 17 провинций [3].

Торжественная церемония, происходившая 22 августа, началась под знаком двойного разочарования. Представители страны, полагая, что их созвали на заседание генеральных штатов, намеревались обсудить с эрцгерцогом, на каких условиях произойдет «передача управления страной». Но председатель Ришардо тотчас же объяснил им всю «нелепость» их притязаний [4]. Им нет никакого дела, заявил он, до королевского решения. Самое большее, что им может быть предложено, это совместно обсудить, какие разъяснения они захотели бы получить от его высочества, «но нежелательно было, чтобы это решалось большинством голосов или в форме заседания генеральных штатов». Таким образом они вынуждены были письменно изложить свои пожелания, которые их больше всего интересовали. 20 августа они обратились к Альберту с просьбой заявить, что акт об уступке Нидерландов сохраняет в силе «старые вольности, свободу и независимость» страны; далее, они просили его безотлагательно заняться заключением благоприятного мира с Голландией и Зеландией и

[1] *Gachard*, Documents inédits, t. I, p. 389.
[2] Ibid., p. 396.
[3] Ibid., p. 462.
[4] Ibid., p. 436.

предоставить им самим начать переговоры. Но прежде всего они убеждали его тотчас же после его брака с инфантой созвать общее собрание штатов всей страны, «чтобы уведомить их о предстоящих изменениях в системе управления и правосудия и вообще обо всем, что касается их самих, а также охраны, благосостояния и спокойствия вышеназванных стран» [1].

Несмотря на изъявленное эрцгерцогом согласие на все эти просьбы, имевшиеся опасения все же не рассеялись, а, наоборот, еще более усилились, когда выяснилось после открытия заседания 22 августа, что места, предназначенные для депутации Соединенных провинций, остались незанятыми. Таким образом слабая надежда на примирение восставших с новыми государями, которую кое-кто еще мог питать, была разбита в тот самый день, когда произошло торжественное признание государями Альберта и Изабеллы. Впрочем, Ришардо в своей напыщенной речи, с которой он обратился к собранию, предусмотрительно не проронил ни слова по поводу красноречивого отсутствия депутатов северных провинций. Он ограничился широковещательным изложением ряда общих мест о милосердии короля, о бедствиях гражданской войны и о процветании, которое непременно наступит в Бельгии, когда эрцгерцогская чета возьмет бразды правления в свои руки. Вслед за тем государь и представители провинций принесли свои присяги на евангелии под гром труб, бой барабанов и свист флейт. На следующий день эрцгерцог устроил банкет на 250 человек, «на котором не выпито было ни одной капли воды» [2], а 24 августа принял участие в процессии, закончившейся торжественным молебствием в церкви св. Гудулы.

14 сентября, т. е. на другой день после смерти Филиппа II, о которой Альберт узнал в дороге, он, получив папское отпущение грехов, покинул Брюссель, чтобы обвенчаться с инфантой. Он передал управление страной кардиналу Андрею Австрийскому, сыну эрцгерцога Фердинанда Тирольского, а командование войсками арагонскому адмиралу дону Франсиско де Мендоза. Его отсутствие, которое должно было продолжаться всего несколько месяцев, затянулось надолго. Брак был заключен сначала per procurationem 15 ноября 1598 г. в Ферраре, и только 18 апреля 1599 г. свадьба была торжественно отпраздновала в Валенсии [3]. Спустя четыре месяца, 20 августа, эрцгерцогская чета прибыла через Тионвиль в Нидерланды.

---

[1] *Gachard*, Documents inédits, t. I, p. 445, 447.

[2] *Gachard*, Lettres..., p. 11.

[3] *G. Turba*, Beiträge zur Geschichte der Habsburger aus den letzten Jahren des spanischen Königs Philipp II, «Archiv für österreichische Geschichte», Bd. LXXXVI, 1899.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ПРАВЛЕНИЕ ЭРЦГЕРЦОГСКОЙ ЧЕТЫ

I

За последние месяцы все сомнения и опасения рассеялись. Нельзя было больше сомневаться в том, что если война продолжится, то испанская армия попрежнему будет защищать страну. Особенную радость вызвало явно выраженное желание эрцгерцогской четы добиться поскорее всеобщего умиротворения. Кроме того начало их правления в Нидерландах совпало с началом нового царствования в Испании. Смерть старого короля произошла во-время. Теперь, после всего того, что было пережито, Альберт и Изабелла казались населению Нидерландов какими-то провозвестниками новой эры спокойствия и восстановления. Возлагавшиеся на них надежды обеспечили им восторженный прием.

Особое почтение внушала народу Изабелла. Как в Маргарите Австрийской и Марии Венгерской, народ видел в ней «настоящую принцессу королевской крови», прямую и законную преемницу Карла V и бургундских герцогов. Законная наследница и верховная повелительница страны, она, как говорили, прибыла сюда, чтобы жить и умереть вместе с народом. Ее приезд снова оживил чувство преданности законному государю, которое повидимому коренилось достаточно глубоко, если оно пережило даже Филиппа II.

Путешествие Изабеллы от Люксембурга до Брюсселя сопровождалось непрерывными восторженными приветствиями. Густая толпа теснилась на усеянных зеленью и цветами улицах, приветствуя инфанту. Старались прикоснуться к ее карете и к ее лошадям. Старики плакали от умиления при ее проезде [1]. Столица, в которую она вступила 5 сентября 1599 г., устроила ей прием, достойный прошлых времен. Целых 3 дня продолжались представления на открытом воздухе, празднич-

[1] *A. Rodriguez-Villa*, Correspondencia de la infanta archiduquesa doña Isabel Clara Eugenia con el duque de Lerma y otros personajes, Madrid 1906, p. 331. Недавно вышедшая книга Клингенштейна (*L. Klingenstein*, The great infanta, London 1910) представляет собой биографию Изабеллы, проникнутую глубоким сочувствием к ней, но, являющуюся к сожалению плодом слишком поверхностного исследования.

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ ИЗАБЕЛЛА
(с картины Рубенса)

ные иллюминации, фейерверки в городе, украшенном триумфальными арками и увешанном коврами. Из всех фламандских и валлонских провинций явились толпы любопытных, жаждущих увидеть торжественное зрелище. Те, кому удалось ближе увидеть лицо инфанты, поражены были запечатленным на нем выражением величия и доброты. Торжественный церемониал и окружавшая ее пышность, неслыханная роскошь ее одежд производили сильное впечатление на воображение народа, у которого вместе с кальвинизмом исчезла и республиканская простота. С восхищением рассказывали друг другу, что одни только драгоценные камни, украшавшие седло ее лошади, стоили 200 тыс. флоринов, и в этом баснословном богатстве хотели видеть залог новой эры благостостояния.

Изабелла родилась 12 августа того самого 1566 г., когда начался период гражданских и религиозных смут, которому,

как полагали, она призвана была положить конец. Она была любимицей Филиппа II. Для нее в частности хранил он в своей душе чувства отцовской нежности, которые так отличали его как частного человека от повелителя. Его заветнейшим желанием было сделать ее германской императрицей или королевой Франции. Он посвящал ее в свои планы, и от него она унаследовала ту неутомимую энергию в работе, благодаря которой она до последних дней своей омраченной болезнями старости часто до 4 часов утра просиживала за письменным столом. Благодаря своему воспитанию она усвоила себе чисто испанский и чисто католический склад мышления. Однако, несмотря на надменность и важность ее манеры обращения и несмотря на ее суровое молитвенное рвение, являвшееся следствием ее мистически окрашенного благочестия, она обладала от природы веселым и приветливым нравом; это придавало ей совершенно особую прелесть, и этим несомненно объясняется популярность, приобретенная ею в той самой Бельгии, для которой она все же до конца своих дней всегда оставалась чужой. Чувство достоинства и нравственная чистота, любовь и преданность, неустанно проявлявшиеся ею по отношению к ее мужу, постоянной советницей которого она была и перед которым она во всех важнейших случаях скромно старалась стушеваться, снискали ей уважение не только ее подданных, но и всей Европы. Ей удалось сделать брюссельский двор особенным, не похожим на другие европейские дворы: отчужденность, создававшаяся королевской пышностью церемоний, строгостью этикета и почти монашеской суровостью нравов, смягчалась добротой очаровательной повелительницы, которая в своих внутренних покоях обращалась как мать со своими придворными дамами и во время войны собирала их вокруг себя щипать корпию [1].

Как только Альберт и Изабелла обосновались в Брюсселе, они сейчас же поспешили придать своему управлению тот внешне национальный характер, который должен был склонить в их пользу общественное мнение. Прежде всего они позаботились о том, чтобы удовлетворить высшее дворянство. Герцог Арсхот, граф Аренберг и принц Оранский, тот самый старший сын Вильгельма Молчаливого, который был отправлен герцогом Альбой в Испанию и вернулся оттуда вместе с Альбертом в 1596 г., были введены в состав государственного совета. Маркиз Гаврэ был назначен главой финансового ведомства; граф Аренберг — адмиралом; граф Берлемон — штатгальтером Артуа, а граф Эгмонт — штатгальтером На-

[1] *Gachard*, Rapport sur les archives de l'ancienne Chambre des comptes de Flandre à Lille, Bruxelles 1841, p. 216.

мюра. Арсхот, Оранский, Гаврэ, Сольр и Эгмонт получили цепь ордена Золотого руна. Затем, несмотря на зимнее время, Альберт и Изабелла поспешили устроить торжества признания своей власти отдельными провинциями. Им повидимому не терпелось скорее самим принести и в свою очередь принять от каждой отдельной провинции присягу, чтоб закрепить за собой в глазах населения верховную власть, которой наделил их пока только король. 25 ноября они принесли присягу «Joyeuse Entrée» в Лувене, в качестве герцогов Брабантских, повторив ту же церемонию 30 ноября в Брюсселе и 10 декабря в Антверпене. В течение всего этого времени, вплоть до 24 февраля, во всех важнейших городах непрерывно происходили торжественные приемы: население приветствовало Альберта и Изабеллу радостными криками, духовенство — гимнами в их честь, и все это сопровождалось салютами орудий и треском фейерверков. Вслед за тем эрцгерцогская чета вернулась в Брюссель, признанная таким образом по всем правилам законными повелителями герцогством Брабантским, сеньерией Мехельна, графством Фландрским, кастелянствами Лилль-Дуэ-Орши, Турнэ и Турнези, графством Артуа, Валансьеном и графством Генегау. Они полагали, что пока можно ограничиться этим, и отложили на время свои визиты в графство Намюрское, герцогство Люксембургское и герцогство Гельдернское.

Оказанный им повсюду прием рассеял у них все опасения относительно настроения в стране. 20 марта 1600 г. они, с своей стороны, дали стране доказательство своего доверия к ней, пригласив представителей всех провинций собраться в апреле в Брюсселе на заседание генеральных штатов.

Положение, о котором они должны были поставить в известность штаты, было в высшей степени критическим.

Соединенные провинции совершенно не удостоили ответом предложения, сделанные им в 1598 г. Ни к чему не привела также попытка сломить их сопротивление, сделанная 9 февраля следующего года кардиналом Андреем, запретившим от имени инфанты всякого рода торговые сношения с ними. В ответ на это они призвали 22 марта все бельгийское население к восстанию и издали 2 апреля постановление об аресте всех испанцев и их имуществ повсюду, где только это возможно. Военные действия против них тоже не дали никаких разультатов. Попытки взять Боммель во время похода 1599 г. окончились неудачей, и пришлось ограничиться постройкой форта Сент-Андре при слиянии Мааса и Валя. Не успела еще эрцгерцогская чета закончить свой торжественный объезд провинций, как Мориц Нассауский опять перешел в наступление: 22 января 1600 г. ему открыл ворота форт Кре-

векер (напротив Буа-ле-Дюк), а 8 мая то же сделал только что отстроенный форт Сент-Андре. В довершение всех несчастий государственная казна была пуста, и это чревато было новыми мятежами.

Кроме того поведение Филиппа III еще более усиливало беспокойство эрцгерцогской четы. Она прекрасно знала, что новый король совершенно не одобряет передачу ей его отцом Нидерландов. Они могли ждать от него всего, что угодно, если бы им не удалось расположить его в свою пользу какими-нибудь блестящими удачами. Чтобы упрочить свою недавнюю и шаткую верховную власть, они должны были показать себя достойными ее в глазах Испании и умиротворить Нидерланды любой ценой.

Так как Альберт по природе своей не был воинственным, то он прибегнул сначала к мирному пути. В конце 1599 г. ему удалось добиться от своего брата императора Рудольфа II посылки торжественной делегации в Голландию. Ее официальной целью было потребовать возврата Германии некоторых укрепленных пунктов, фактически же она должна была побудить восставших вступить в переговоры с эрцгерцогом. Но эта попытка оказалась совершенно безуспешной. Столь же неудачны были предпринятые вслед за тем попытки расстроить союз Елизаветы с Соединенными провинциями. Начавшиеся в Булони переговоры были вскоре прерваны под предлогом вопросов этикета. Словом, к моменту открытия заседаний генеральных штатов дипломатические переговоры не оставляли больше никаких надежд на соглашение.

Между тем делегаты провинций явились в Брюссель с твердым решением добиться, наконец, окончательного мира, которого так жаждала истощенная страна. За исключением нескольких прелатов, которые, как например епископ аррасский [1], готовы были лучше претерпеть все, чем сложить оружие перед еретиками, собрание добивалось разрешения начать непосредственные переговоры с Соединенными провинциями либо о постоянном мире, либо по крайней мере о длительном перемирии.

Но как могли Альберт и Изабелла согласиться на подобное предложение? Ведь оно ясно выдавало желание генеральных штатов взять на себя руководство политическими делами и занять опять то же положение в управлении страной, которое они занимали в годы гражданской войны. Словом, взаимные расхождения, обнаружившиеся уже в 1598 г., опять дали себя знать [2]. Нескольких дней оказалось достаточно, что-

[1] *Gachard*, Actes des États Généraux de 1600, p. 198.
[2] См. выше, стр. 324.

бы парламентские тенденции пришли в резкое столкновение с монархическими принципами. Но если бы даже эрцгерцогская чета готова была уступить желаниям штатов, то этому помешала бы ее зависимость от Испании. Король несомненно усмотрел бы акт государственной измены в переговорах, которые велись бы без его участия. Штаты добились только разрешения вступить в сношения с голландцами, чтобы выяснить их намерения (24 мая) [1]. При этом Альберт еще сделал им выговор за то, что они считали себя вправе назначить уполномоченных, не согласовав предварительно с ним их список.

В то время как генеральные штаты охотно занялись бы исключительно восстановлением мира, правительство, с своей стороны, созвало их прежде всего с целью потребовать от них принятия новых ассигнований, которые дали бы ему возможность усилить армию и соответственно уменьшить военные расходы, ложившиеся на Испанию. Но и в этом вопросе возникли неожиданные затруднения.

Генеральные штаты не только отказались взять на себя расходы по адмиралтейству и ремонту пограничных крепостей, но потребовали, чтобы их допустили контролировать, как расходуются ассигнования в 250 тыс. экю, которые король обязался ежемесячно давать эрцгерцогам. Далее, они требовали ликвидации двух трибуналов — Hazienda и Visita, — недавно учрежденных с целью контролировать платежи, производимые из средств, посылавшихся из Испании. Наконец, они настойчиво требовали, чтобы произведено было серьезное улучшение дисциплины и положен был конец невыносимым злоупотреблениям, которые иностранные войска позволяли себе по отношению к населению [2]. Таким образом вместо того чтобы удовольствоваться укреплением армии, они намеревались подчинить ее своему контролю, переложив по возможности на плечи Испании расходы на войну, которая продолжалась безусловно против их воли. Если бы Альберт и Изабелла действительно были независимыми государями, соглашение могло бы быть достигнуто. Но при том положении, в котором они находились, разве могли они выбирать между желаниями генеральных штатов и своими обязанностями по отношению к королю? Чтобы избежать опасного конфликта с собранием, они тотчас же уменьшили свои требования, обещали провести реформы, ликвидировать коллегию Visita и заявили, что удовольствуются ежемесячной субсидией в размере 100 285 флоринов на содержание постоянных гарнизонов,

[1] *Gachard*, Actes des États Généraux, p. 453.
[2] Ibid., p. C etc.

128 тыс. — на вербовку 10 тыс. солдат и 60 750 флоринов для 3 тыс. чел. местной конной милиции.

Оставалось получить одобрение собрания, и, как всегда в таких случаях, тотчас же начались нескончаемые прения. Партикуляристские тенденции отдельных провинций, которые уже в прежнее время так часто вызывали возмущение принца Оранского, мешали им сговориться между собой, так как каждая провинция пыталась уменьшить свою долю участия в общих расходах. Между тем ждать больше нельзя было, надо было кончать, и эрцгерцоги решились разрубить узел. 2 октября Ришардо появился на заседании генеральных штатов и выступил с заявлением, что эрцгерцогская чета считает принятым ежемесячное ассигнование в размере 300 тыс. флоринов и что правительство установит долю участия каждой провинции в выплате этой суммы. Он отнюдь не скрыл от присутствующих, что со всеми теми, кто вздумает противиться этому, будет поступлено со всею строгостью, и затем объявил собрание распущенным [1].

Генеральные штаты «точно с неба свалились» [2], и это нетрудно понять. Впервые со времени их существования их распускали, навязав им «субсидию», которую они даже не одобрили. У них получилось определенное впечатление, что они являлись жертвами какого-то государственного переворота, и перед тем, как разойтись, они заявили протест. Кроме того они составили представление, которое может считаться программой их требований. В нем они предлагали сначала средства для борьбы с злоупотреблениями иностранных войск, а затем требовали снижения расходов на содержание двора «до уровня расходов бургундских герцогов» и введения различных мер, которые позволили бы стране следить за расходованием денежных средств. Они предлагали между прочим созывать каждые четыре месяца в Брюсселе собрание уполномоченных провинций, на котором им давался бы отчет о состоянии ассигнованных средств [3].

Как и следовало ожидать, эрцгерцоги отвергли почти все пункты этой докладной записки. Они дружественно распростились с генеральными штатами, твердо решив однако впредь больше не созывать их.

С них достаточно было только что проделанного опыта. По существу штаты 1600 г. вели себя по отношению к ним совершенно так же, как и штаты 1559 г. по отношению к Филиппу II. Они убедили их в несовместимости суверенного и

[1] *Gachard*, Actes des États Généraux de 1600, p. CXIII.
[2] Ibid., p. 172.
[3] Ibid., p. 681 etc.

абсолютного правительства с национальным собранием, которое, считая себя представителем страны и блюстителем ее интересов, ведет себя по отношению к монарху так, как если бы он был перед ним «ответственным за свои деяния», а не подчинен был одному только богу, «являющемуся верховным судьей государей» [1]. Не выдвинули ли они «неприемлемых условий» и не стремились ли они подчинить своим собственным целям внешнюю и внутреннюю политику эрцгерцогской четы с риском поссорить ее с Испанией? Разве это поведение не показывало ясно, что, несмотря на свой возврат к католицизму, провинции попрежнему были против чистой монархии и требовали, чтобы государь делил с ними свою власть? Из членов собрания только один аррасский епископ Матье Мулар возмущался тем, что «у их высочеств хотят отнять власть» [2]. Огромное большинство собрания повидимому считало возможным вести себя с Альбертом и Изабеллой, как равные с равными. Некоторые члены генеральных штатов оскорблены были тем, что придворные дамы инфанты присутствовали на открытии заседаний штатов, и тем, что председатель Ришардо произносил свою торжественную речь, обращенную к эрцгерцогской чете, «стоя на коленях» [3]. Замечено было также, что депутаты проявляли необычайную настороженность в вопросах, касавшихся независимости страны. Так например они были задеты выражениями одного письма Филиппа III, призывавшего их стойко продолжать нести «свою службу ему», и приказали письмоводителю канцелярии отвечать испанскому послу на французском языке, «являющемся общепринятым языком бургундского дома» [4].

Ввиду этого несмотря на обещания Альберта, данные в 1598 г. [5], генеральные штаты, начиная с 1600 г., перестали быть регулярно заседающим государственным учреждением. Они были обречены на бездействие, и лишь 32 года спустя, при совершенно необычных обстоятельствах, им суждено было снова возродиться на короткое время. В католических провинциях Нидерландов, как и во Франции, монархическая власть уготовила генеральным штатам одну и ту же участь:

---

[1] *Gachard*, Actes des États Généraux de 1600, p. 8. По поводу противоречия между парламентскими идеями и монархическими теориями в эту эпоху см. *Brants*, Albert et Isabelle, p. 46 etc.

[2] *Gachard*, Actes des États Généraux de 1600, p. 200, 201.

[3] «Quod dictu turpe est» («что очень позорно»). Ibid., p. 191.

[4] Ibid., p. 177.

[5] «Их высочества всегда охотно будут созывать штаты и слушаться их добрых советов. В этом не следует сомневаться: штаты могут быть убеждены в том, что они будут созываться чаще, чем они того хотят, как только понадобится добыть из кошелька деньги». *Gachard*, Documents inédits t I, p. 448.

она уклонялась от официальной ликвидации их и ограничивалась тем, что обходилась без них.

II

Еще не кончили заседать генеральные штаты, как в Брюсселе получено было известие, что Мориц Нассауский во главе армии в 12 тыс. чел. пехоты и 3 тыс. конницы перешел через Гонтг (Западная Шельда) и вторгся во Фландрию (19 июня 1600 г.). Его главной целью было повидимому освободить осажденый гарнизон Остенде и вслед за тем вместе с ним двинуться против расположенных по побережью портов с целью подчинить таким образом все побережье Соединенным провинциям.

Морские разбойники Дюнкирхена и в частности флотилия галер, которую Фредерик Спинола привел с собой в прошлом году в Шельду, были бичом торговли Флиссингена, и Зеландия требовала, чтобы ее освободили от этого опасного соседства. Это было очень опасное предприятие, так как войска рисковали быть зажатыми между морем и испанской армией. Но Мориц Нассауский надеялся, что фламандские города восстанут при его приближении и по крайней мере гарантируют ему возможность отступления. Он обратился с воззванием к Брюгге и к Генту, напоминая им об их прежнем союзе с северными провинциями и убеждая их присоединиться к освободителям, идущим к ним с целью избавить их от чужеземного ига. Но ему вскоре пришлось убедиться, что на них нечего рассчитывать. Вернувшись к католицизму, они видели в голландцах только гонителей своей веры. Они как смертного греха боялись всякого союза с протестантами и думали лишь о том, чтобы прогнать со своей земли этих еретиков, осмеливавшихся надеяться на их помощь. При известии о приближении Морица Нассауского крестьяне ринулись против вторгшихся войск, города же заняли оборонительную позицию. Брюгге, который до этого времени никогда не содержал в своих стенах гарнизона, поспешил обзавестись им теперь.

Вопреки предположениям Морица Нассауского, которому хорошо известно было, что часть испанских войск взбунтовалась из-за невыплаты жалованья, а другая часть была рассеяна на границе Гельдерна, эрцгерцогской чете удалось собрать в районе Гента около 10 тыс. человек. Перед лицом врага мятежники вернулись к повиновению, выражая желание двинуться в первых рядах против него. После краткой речи Изабеллы, которая обратилась к солдатам, держа свои серьги

в руках [1], обещая им, если надо будет, продать свои драгоценности для уплаты им жалованья, армия, охваченная энтузиазмом, выступила в поход. Она легко справилась с мелкими гарнизонами, оставленными противником в Пласхендале, Бредене и Снаскерке.

Мориц Нассауский не ожидал такого решительного удара. Так как он глубоко продвинулся на неприятельскую территорию и, окруженный укрепленными городами, был атакован врагом, то положение его было в высшей степени критическим. В то же время под сильнейшей угрозой оказалась также и республика, из которой он увел лучшие войска. Нечего было больше и думать об отступлении по суше. Поэтому он направил свои войска к морскому берегу между Остенде и Ньюпортом, чтобы погрузить их на суда зеландского флота, крейсировавшего вдоль берега. Эрнсту Нассаускому было поручено задержать испанцев у Лефинга. После ожесточенного боя испанцам удалось отбросить его, вслед за чем они немедленно двинулись вперед, рассчитывая на окончательную победу. 2 июля после полудня испанцы атаковали среди дюн основную армию неприятеля, прижатую к морю. Но утомленные долгим переходом, жарой и утренним сражением, они не могли одолеть сопротивления, которым руководил один из крупнейших полководцев той эпохи и которое ввиду нависшей вплотную угрозы стало особенно ожесточенным. Сражение, которое велось с необычайной яростью с обеих сторон, было долгим и упорным. Эрцгерцог Альберт, решившись во что бы то ни стало добиться успеха, который мог бы пожалуй заставить восставших сложить оружие, сам вел батальоны авангарда и так близко подошел к линии неприятеля, что был ранен в шею ударом алебарды. Аррагонский адмирал дон Франсиско де Мендоза взят был во время сражения в плен. Наконец, к вечеру обессиленная нападающая сторона стала сдавать, так что пришлось дать сигнал к отступлению. Испанцы потеряли свыше 3 тыс. чел. и оставили в руках неприятеля до сотни знамен. Впрочем Мориц Нассауский не склонен был воспользоваться своим успехом для дальнейшего преследования неприятеля. Он удовольствовался тем, что спас свою армию, которую все считали погибшей, и поспешил поскорее погрузить ее на суда. Таким образом «этот достопамятный день не принес ему ничего, кроме славы победителя» [2].

Под впечатлением этого успеха прерваны были через несколько дней в Берг-оп-Зоме (21 июля) переговоры между представителями генеральных штатов законопослушных про-

[1] *Grotius*, Annales..., Amsterdam 1662, p. 467.
[2] Ibid., p. 479.

винций и генеральными штатами Соединенных провинций. Непримиримые противоречия разделяли теперь этих людей, которые еще несколько лет назад совместными усилиями защищали одно общее дело. К разделявшим их религиозным разногласиям присоединилось еще презрение, которое голландские республиканцы, гордые своим торговым процветанием и своими победами, выказывали своим прежним соотечественникам. Окончательный разрыв, происшедший между 17 провинциями, проявлялся даже в выборе участников делегации. В то время как бельгийская делегация возглавлялась брабантским дворянином бароном Бассиньи, во главе делегации республики стоял один из самых знаменитых политических деятелей голландского патрициата, великий пенсионарий Ольденбарневельт. Какое соглашение мыслимо было между людьми, одна часть которых, вернувшись к прежним традициям, говорила лишь о повиновении государю, другая же всячески подчеркивала верховную власть народа, оправдывая ею свою независимость. К тому же восставшие притворялись, будто они видят в эрцгерцогской чете лишь представителей короля Испании, и унижали бельгийских депутатов, постоянно напоминая им, что они отнюдь не уполномочены были вести переговоры. «Надменно надутый» Ольденбарневельт «ясно давал понять, что они не намерены выносить никакой чужеземной зависимости и что все их стремления сводятся к тому, чтобы попрежнему продолжать существовать в виде республики» [1]. Ньюпортское сражение блестяще оправдало их веру в самих себя. 27 июля Альберт понял, что он может надеяться на что-нибудь «лишь от схватки с оружием в руках, если бог поможет ему в этом».

Так как Альберту и Изабелле не повезло ни в военных действиях, ни в мирных переговорах, то они с самого же начала своего правления были скомпрометированы в глазах мадридского двора. Король и его советники полагали теперь, что последняя попытка Филиппа II умиротворить Нидерланды окончилась крахом. Обстоятельства оправдали то неодобрение, с которым они с самого начала отнеслись к этому плану. Не учитывая трудностей положения Альберта, они вели себя с ним, как с человеком, ни на что не способным. Они совершенно не хотели принять во внимание ни враждебность Англии, ни помощь восставшим, открыто оказывавшуюся Францией, ни недостаточность ресурсов, которыми располагал Альберт, ни,

---

[1] *Gachard*, Actes des États Généraux de 1600, p. XCVII. В 1603 г. Альберт начал новые тайные переговоры с Морицем Нассауским, которого он надеялся оторвать от Соединенных провинций. *Philippson*, Heinrich IV und Philipp II, Bd. III, Berlin 1871, S. 68.

наконец, общее истощение страны. Еще до сражения при Ньюпорте поднят был вопрос о том, чтобы путем некоторых компенсаций побудить эрцгерцога к отказу от управления провинциями [1]. Еще хуже стало после катастрофы. С этого времени Филипп III не считался больше ни с чем. Он вел себя со своим шурином, как с простым наместником, он отдавал ему приказания и назначал офицеров, совершенно не справляясь с его мнением [2]. Если бы не мольбы Изабеллы, он пожалуй совсем избавился бы от Альберта.

Подобное обращение Филиппа III, разумеется, еще более усиливало скептическое отношение Европы к верховной власти эрцгерцогской четы. Несмотря на ее протесты, с ней обращались при иностранных дворах, как с вассалами испанского короля. Генрих IV, а после него Людовик XIII требовали, чтобы они называли их «Monseigneur» [3]. Во время мирных переговоров с Англией в 1604 г. английские уполномоченные, как сообщает Ришардо, «смеялись исподтишка», видя, что испанцы поступают так, «точно все зависит от короля, и ничего от ваших высочеств... подтверждая тем самым мнение... что акт о передаче Нидерландов является лишь простой комедией» [4]. Когда в 1606 г. Яков I потребовал выдачи одного своего подданного, бежавшего в Брюссель, ему по неловкости признались, что надо сначала спросить разрешения Филиппа III; на это он заявил, что теперь ему совершенно ясно, что «он вел переговоры не с суверенными государями, какими всегда были бургундские герцоги» [5].

Впрочем, вскоре подчиненное положение эрцгерцогской четы подтвердилось официально.

Альберт, будучи вынужден продолжать войну, решил в 1601 г. захватить Остенде, являвшееся для Соединенных провинций прекрасной морской базой на фламандском берегу и державшее весь соседний район под постоянной угрозой вторжения. Он передал руководство осадой арагонскому адмиралу, который был проникнут столь пылким благочестием, что солдаты прозвали его «el gran capitan del rosario» [6] («великий генерал четками»), и который пользовался поэтому особым расположением эрцгерцога. Этого было до-

---

[1] *Rodriguez-Villa*, Don Francisco de Mendoza, almirante de Aragon «Extracto del homenaje à Menendez y Pelajo», Madrid 1899, p. 50.

[2] *Brants*, Albert et Isabelle, p. 23.

[3] *M. de Villermont*, Le duc et la duchesse de Bournonville, Bruxelles 1904, p. 110.

[4] *L. Willaert*, Négociations politico-réligieuses entre l'Angleterre et les Pays-Bas catholiques (1598—1625 гг.), «Revue d'Histoire ecclésiastique», t. VIII, 1907, p. 99.

[5] Ibidem.

[6] *Rodriguez-Villa*, Don Francisco de Mendoza..., p. 49.

статочно, чтобы он навлек на себя немилость испанского правительства. Ему сейчас же в Мадриде вменили в вину медленность и недочеты необычайно трудной военной операции. В самом деле, галеры Фредерика Спинолы не могли, несмотря на всю их подвижность, помешать голландскому флоту снабжать провиантом Остенде, а с другой стороны, Мориц Нассаусский своими действиями на сухопутной границе все время заставлял осаждавших обращать часть своих сил против него. 20 сентября 1602 г. он захватил Грав, один из лучших переходов через Маас, и послал свою конницу совершать рейды вплоть до самого Люксембурга. Тем временем взбунтовались итальянские части, которые должны были прикрывать Брабант, и, водворившись в Гогстратенс, обещали неприятелю соблюдать нейтралитет. Смерть Фредерика Спинолы 26 мая 1603 г. в морском сражении еще усилила замешательство.

Терпение короля было теперь совершенно истощено. В 1602 г. в Нидерланды прибыл брат Фредерика Амброзий Спинола, которому Филипп III поручил, к великому неудовольствию эрцгерцога, подготовить здесь экспедицию против Англии [1]. В 1603 г. военные действия приняли такой оборот, что Альберт вынужден был передать Амброзию Спиноле руководство осадой, и очень скоро под влиянием этого крупного военного таланта положение на фронте совершенно изменилось. Сосредоточив все свои силы на поставленной им себе задаче, он дал Морицу Нассаускому 12 мая 1604 г. захватить Арденбург и 20 августа Слейс, но зато 20 сентября ему удалось завладеть крепостью Остенде, этой «новой Троей», превращенной в груду развалин. Если потеря Слейса значительно уменьшила значение этой победы, если даже можно было считать, что Соединенные провинции скорее выиграли при этой операции, так как эта победа щедро компенсировала их за понесенные потери, то все же взятие Остенде произвело не меньшую сенсацию, чем 20 лет назад взятие Антверпена Александром Фарнезе. Эта победа, которой всецело обязаны были иностранцу, еще более подчеркнула посредственность Альберта как полководца. Это позволило Филиппу III совершенно перестать щадить несчастного принца, который виноват был только в том, что его преследовали неудачи. В 1605 г. Филипп заставил его вынести такое унижение, как передачу командования армией Спиноле, получившему звание «генерал-фельдцехмейстера» (mestre de camp général). В стране, где правительство занято было почти исключительно войной, эрцгерцог, утратив командование армией, ли-

[1] О военной и дипломатической деятельности Спинолы см. *Rodriguez-Villa*, Ambrosio Spinola, primer marqués de los Balbases, Madrid 1905.

шился вместе с тем в значительной мере своего авторитета и престижа. Чтобы скрыть свою немилость, ему оставалось только прибегать к торжественным дворцовым празднествам, официальным церемониям, приемам послов, и таким образом ему удавалось благодаря его проникнутым внутренним достоинством манерам сохранить внешний вид власти. Его поведение свидетельствовало о подлинном благородстве его характера. В нем не было никакой мелочной зависти. Наоборот, вместо того, чтобы обвинять в чем-либо Спинолу, он первый выказывал ему величайшее уважение, без малейшей злобы склонялся перед его превосходством и всецело доверял ему. Этот фаворит короля вскоре сделался его ближайшим советником. Между тем он не мог не знать о секретных инструкциях, привезенных Спинолой из Мадрида в 1606 г. Они уполномачивали его, в случае смерти Альберта, взять на себя управление провинциями и увезти инфанту обратно в Испанию. Если же, против всякого ожидания, Изабелла умрет первой, то Амброзий Спинола должен был потребовать от эрцгерцога клятвы верности королю и в случае отказа или колебания с его стороны заключить его в тюрьму в антверпенской цитадели. Кроме того ему велено было снискать себе расположение дома Круа, самых влиятельных вельмож, а также городских властей и зорко следить за безопасностью переданных испанцам крепостей [1]. Словом, нидерландские «государи» получили в его лице настоящего майордома. Если в 1604 г., непосредственно после взятия Остенде, они еще мнили себя национальными государями и посылали графа Сольра сообщить королю о бедствиях и недовольстве в стране [2], то теперь они всецело предоставили руководить собой своему всемогущему министру.

Их покорность несомненно не дошла бы до таких пределов, если бы у них была еще какая-нибудь надежда на создание своей династии. Но начиная с 1604 г. они не сомневались больше, что их брак останется бесплодным. Они знали, что не оставят после себя в Нидерландах ничего, кроме своих гробниц, и их лишенное будущего правление лишь на короткое время отдалит объединение Бельгии с Испанской монархией. Если бы у них родился ребенок, он теснее связал бы их со страной, которой ему предстояло бы впоследствии управлять. Но не имея наследника, они не пустили глубоких корней в провинциях, куда они занесены были волей испанского

---

[1] *Rodriguez-Villa*, Ambrosio Spinola..., p. 124 etc.

[2] *Brants*, Une mission à Madrid de Philippe de Croy, comte de Solre, envoyé des archiducs en 1604, «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 1908, LXXVII, p. 185.

короля и где весь смысл их существования сводился только к повиновению ему.

Было ясно, что Спинола вел теперь войну не в их интересах, а в интересах Филиппа III. Как и Александр Фарнезе, он перешел теперь в наступление против Соединенных провинций, и Мориц Нассауский стоял, наконец, лицом к лицу с противником, достойным его. Следуя военной теории Фарнезе, Спинола решил нанести удар Нидерландской республике в самых уязвимых местах ее границы, т. е. напасть на Иссель. В 1605 г. Спинола, оставив во Фландрии графа ван ден Берга, чтобы задержать на время Морица Нассауского, который как раз в это время совершил неудачную попытку нападения на Антверпен, быстро направился к Оверисселю, где ему удалось захватить (19 августа) Ольденсель и Линген. Но у него не оказалось достаточно сил, чтобы продолжать дальнейшее наступление. Помимо субсидий, дававшихся Бельгией, ему нужны были ежемесячно 300 тыс. экю, а Испания не могла их ему доставить. Он воспользовался зимним временем и отправился в Мадрид умолять короля о необходимых денежных жертвах, но это ни к чему не привело. Ресурсы монархии не соответствовали ее притязаниям, и хотя честь не позволяла ей капитулировать перед восставшими, тем не менее у нее не было средств, чтобы победить их.

Блестящие военные операции Спинолы во время знаменитого похода 1606 г. не дали ему все же решающего перевеса ни в одном пункте. Не имея нужного количества войск, он вынужден был отказаться от своего первоначального плана, перейти самому через Иссель, в то время как его помощник граф Бюкуа переправится через Валь. Он ограничился взятием Гролля в графстве Зютфен, а затем важной крепости Рейнберг. Благодаря бунту 2 тыс. испанских солдат Мориц Нассауский смог перейти опять в наступление и осадил Гролль. Однако Спиноле с его утомленными и недовольными войсками все же удалось вырвать у противника его добычу и сохранить за собой город, от которого зависели все позиции, занятые по ту сторону Рейна. Этот поход Спинолы вызвал величайшее восхищение как один из самых блестящих военных подвигов того времени.

Тем не менее Спинола не питал больше никаких иллюзий. Для осуществления его плана нужна была полная реорганизация деморализованной и разложившейся из-за бунтов армии, большинство солдат которой, состарившись на военной службе, переженилось, в результате чего число женщин в полках превосходило число мужчин [1]. Но как мог он на-

[1] *Bentivoglio*, Rélation de Flandre, t. IV, Bruxelles 1642, p. 434.

деяться на нужную ему поддержку? Король, опасаясь со стороны Спинолы новых просьб о помощи, запретил ему показываться в Мадрид. Поэтому ничего больше не оставалось, как заключить на наиболее выгодных условиях мир либо перемирие.

Положение далеко не было неблагоприятным. После смерти Елизаветы (1603 г.) Англия и Испания заключили между собой в 1604 г. мирный договор. Что касается Франции, то Генрих IV попрежнему помогал голландцам войсками и деньгами, но не решался, как они хотели бы, объявить войну Филиппу III. Поговаривали даже о возможности осуществления некоторых франко-испанских матримониальных планов, которыми очень усердно занят был папа и которые могли бы восстановить согласие между обеими западноевропейскими державами. Что же касается Нидерландской республики, то в то время как Мориц Нассауский и амстердамские купцы, занятые всецело торговлей с Ост- и Вест-Индией, хотели продолжения войны, простой народ жаждал мира, а значительная часть крупной буржуазии была обеспокоена влиянием, приобретенным принцем Оранским в качестве генералиссимуса. Эрцгерцогская чета и Спинола воспользовались в 1606 г. этими настроениями. Они отправили Виттенгорста в Гаагу, и 24 апреля 1607 г. было подписано перемирие на шесть месяцев [1].

Все чувствовали, что это было лишь предвестником более длительного соглашения. Разумеется, нелегко было добиться решения, которое удовлетворило бы обе стороны. Прежде всего немыслимо было никакое соглашение по религиозному вопросу. Кроме того Соединенные провинции требовали формального признания их «свободными и независимыми штатами», и если бы даже эрцгерцогская чета решилась уступить им в этом пункте, то нетрудно себе представить, какое негодование должно было вызвать подобное требование в Мадриде. Посол Филиппа III в Брюсселе дон Хуан де Ибарра заявил, что король не может принять этого пункта без ущерба для своей репутации и чести. Он возмущен был тем, что Альберт и Изабелла вместе со Спинолой все же продолжали вести переговоры при посредничестве францисканца Жана Нейена, и делал все, чтобы помешать им. К счастью, его преемник маркиз Гвадалесте оказался более сговорчивым. Этим воспользовались Ришардо, Веррейкен и Хуан Мансисидор, вступившие в более тесные сношения с уполномоченными Нидерландской республики. В 1608 г. Спинола лично отправился с большой помпой в Гаагу, где в переговорах прини-

[1] *Blok*, Geschiedenis van het Nederlandsche volk, Bd. III, S. 510 ff.; *Rodriguez-Villa*, Ambrosio Spinola. . ., p. 163 etc.; *J. Nouaillac*, Villeroy. . ., p. 461 etc.

мали участие послы английского, французского и датского королей, пфальцграфа, курфюрста брандербургского, ландграфа гессенского, что придавало им вид настоящего европейского конгресса.

Переговоры, прерванные на время 25 августа 1608 г. из-за того, что Филипп III согласен был отказаться от своих верховных прав только в том случае, если Соединенные провинции допустят свободное отправление католической религии, были снова возобновлены при посредничестве Генриха IV. Ему льстила возможность выступить перед Испанией в роли посредника и поднять таким образом престиж Франции. Так как окончательный мир был невозможен, он выдвинул через своих послов Жанена и Бузенваля идею длительного перемирия. Он видел в нем двойную выгоду: во-первых, сэкономить для своей казны выплату тех денежных пособий, которые он должен был выдавать Нидерландской республике, и, во-вторых, сохранить во всей силе свой союз с ней, подкрепленный новым договором 25 января 1608 г. Наконец, 9 апреля 1609 г. дело закончилось заключением перемирия на 12 лет[1]. На основании его Филипп III и эрцгерцогская чета признали Соединенные провинции «свободными странами, штатами и провинциями, по отношению к которым у них нет никаких претензий». В Нидерландах таким образом не было отныне больше «восставших», а появилось новое государство, существование которого после 35-летней борьбы признано было перед всей Европой.

На основании 12-летнего перемирия подтверждена была независимость Нидерландской республики, подобно тому как около 200 лет назад на основании Аррасского мира признана была независимость Бургундского государства. Но в то же время оно окончательно расчленило то самое Бургундское государство, на сохранение которого в виде 17 объединенных провинций было потрачено столько усилий Вильгельмом Оранским. Таким образом политика санкционировала раскол, начавшийся под влиянием религиозных разногласий. В течение последующих веков судьбы католических и протестантских Нидерландов сложились совершенно различным образом, и все больше усиливались противоречия, существовавшие до того между ними вследствие разницы в вероисповедании, могуществе и богатстве.

III

Двенадцатилетнее перемирие подтвердило крушение миссии эрцгерцога и его супруги. В то время как Филипп II возлагал на них задачу объединить провинции, они вы-

[1] *Dumont*, Corps diplomatique, t. V², p. 99.

нуждены были теперь согласиться на расчленение их. Впрочем, во время переговоров они действовали лишь от имени короля. Они не скрывали больше своей зависимости от Испании: они обнаружили ее перед всей Европой и отказались вести себя по отношению к своим подданным, как национальные государи. Начиная с 1609 г. они стали открыто подчеркивать чисто испанский характер своей политики, а неожиданная смерть Ришардо в том же году облегчила им эту перемену. Хотя их послами при иностранных дворах попрежнему оставались бельгийцы и хотя они попрежнему окружали себя для управления страной министрами-бельгийцами, но все вопросы общей политики решались ими лишь совместно со Спинолой, Хуаном Мансисидором и духовником Альберта, Фра Иниго де Бризуэла. Интересы Нидерландов не принимались совершенно во внимание при советах, которые давались Филиппу III, и равным образом не учитывались в их отношениях с соседними державами. В этих вопросах они не обнаруживали больше ни малейшего желания действовать в качестве бургундских государей: все их поведение определялось только интересами габсбургского дома или даже, вернее, интересами католической церкви.

Действительно, они были прежде всего католиками, даже больше, чем испанцами. Напрасно было бы искать где-нибудь более законченный тип государей, которые были бы более проникнуты духом контрреформации и поведение которых определялось бы столь исключительно религиозными убеждениями. Они встали на защиту религии без малейших честолюбивых помыслов или соображений личной корысти. Впрочем, чего они могли ждать от будущего? Они знали, что им не суждено было создать новой династии в Нидерландах, и они отказались от прав Альберта на германский престол после его брата императора Рудольфа. Их преданность религии была столь же бескорыстной, как и их благочестие, и можно сказать, что оба эти чувства были у них слиты воедино. Кроме того они находились в исключительно благоприятном положении в смысле работы на пользу католической церкви. Ведь по своему географическому положению Бельгия, расположенная между Англией и Голландией, где протестантизму удалось одержать победу, Германией, где он старался распространиться, и Францией, где он все еще не был подавлен, представляла собой настоящий центр или, если угодно, плацдарм ортодоксии против еретиков[1]. Эрцгерцог и его супруга во всяком случае смотрели на Бельгию с этой

[1] *Cauchie et Maere*, Recueil des instructions générales aux nonces de Flandre, Bruxelles 1904 p. 139.

точки зрения и со всем пылом отдались задаче непрерывного организационного укрепления католичества. По-настоящему их интересовали только религиозные вопросы. Они не пренебрегали ничем, чтобы облегчить задачи монашеских орденов, которые, воспользовавшись наступившим после перемирия спокойствием, развили такую же энергию в деле распространения по стране своих просветительных, благотворительных и пропагандистских учреждений, как и амстердамские купцы, которые в это самое время лихорадочно снаряжали суда и создавали все новые торговые фактории. Идеал эрцгерцогской четы совпадал с идеалом иезуитов, окружавших их и бывших их советниками. Подобно последним они всеми силами боролись против реформации и за победу католической церкви. Этим вдохновлялась вся их внешняя политика и этому они подчинили как интересы своих подданных, так и интересы испанского короля. Все их мирские соображения безоговорочно приносились в жертву религиозному пылу. Этот идеализм как нельзя более соответствовал их положению двух бездетных супругов и временных государей, которые, разочаровавшись и разуверившись в земных радостях, навсегда отвернулись от них.

Тем не менее они пользовались в Европе большим уважением. Так как их дворец Кауденберг находился в постоянном общении с римским и мадридским дворами, то испанская и ватиканская дипломатия считали его своего рода отделением по делам северных держав. Все три крупнейшие западноевропейские державы имели в Брюсселе своих послов, и нунциатура, учрежденная здесь в 1596 г. папой, вскоре стала одной из важнейших во всем христианском мире.

Эрцгерцогская чета, кардинал Бентивольо, Спинола окружены были толпой различных ставленников Испании или покровительствуемых ею лиц, английскими и французскими эмигрантами, тайными агентами, военными и политическими деятелями, различными прожектерами и теми нищенствующими монахами, которым особенно охотно доверялись всякого рода секретные поручения. С 1609 по 1621 г. столица Бельгии слыла одной из самых оживленных и самых космополитических резиденций того времени [1]. Она была также одной из самых блестящих резиденций благодаря роскоши, которой окружали себя Альберт и Изабелла, и пышности их двора, вызывавшего восхищение всех иностранцев, проезжавших через Брюссель. Но эта роскошь, подчиненная чопорному и церемонному испанскому этикету, не имела ничего общего с бившей через край веселостью празднеств бургундских вре-

[1] *Bentivoglio*, Rélation..., p. 189.

мен. Подобно блестящим украшениям, которыми стиль барокко так щедро наводнял тогда церкви, это великолепие тоже было лишь своеобразным средством подчеркнуть величие и возвышенность католической религии.

Уже в 1606 г. Альберт заявлял, что «все те, кого попирают ногами и угнетают представители новой религии, всегда считали своей главной опорой Испанию и Нидерланды» [1]. И действительно, в правление эрцгерцога Альберта Бельгия стала убежищем, ворота которого были широко раскрыты для всех преследуемых католиков. В особенности много их прибывало из Англии, и не только для того, чтобы здесь укрыться, а чтобы подготовиться к наступлению против еретического правительства своей страны. Мир, заключенный в 1604 г. с Яковом I, нисколько не изменил отношения эрцгерцогской четы к этим людям. Они, не задумываясь, брали под свою защиту даже настоящих заговорщиков. Английские государственные деятели обвиняли их в том, что они превращают свое государство в «школу предателей» [2] и что они допустили у себя подготовку «порохового заговора». В 1607 г. граф Тирон, которого Генрих IV отказался принять во Франции из-за обвинений, выдвинутых лондонским двором, был принят в Бинше Альбертом, и Спинола устроил в его честь роскошное празднество [3]. Лишь в самых крайних случаях решались выдавать эмигрантов, слишком явно скомпрометированных в измене. Брюссельское правительство выплачивало пенсии массе английских католиков и упорно отказывалось принять меры против находившихся в Нидерландах английских духовных школ. Словом, можно сказать, что если католичеству в Англии удалось, несмотря на преследования, готовить все новые кадры духовенства, сохранять свое церковное устройство, свои религиозные ордена и свои просветительные учреждения, то этим оно в значительной степени обязано было помощи эрцгерцогской четы [4].

Но как ни остры были религиозные разногласия эрцгерцогской четы с Яковом I, они однако не были серьезной угрозой для сохранения мира между ними. Зато едва только подписано было 12-летнее перемирие, как Франция чуть не начала новой войны. После смерти 25 марта 1609 г. герцога Клевского и Юлихского Иоанна Вильгельма два протестантских князя, курфюрст Бранденбургский Иоанн Сигизмунд и Нейбургский пфальцграф Вольфганг Вильгельм, заявили о своих

---

[1] *Willaert*, op. cit, «Revue d'Histoire Ecclésiastique», t. VI, 1906, p. 587.
[2] Ibid., t. VI 1896, p. 591.
[3] Ibid., p. 601.
[4] Ibid., t. IX, 1908, p. 745.

правах наследовать ему, что тотчас же вызвало вмешательство Генриха IV [1]. Едва только император поручил (июль 1609 г.) эрцгерцогу Леопольду взять герцогство под секвестр, как французский король, желавший вступить в союз с немецкими протестантами против австрийского дома, решительно заявил венскому и брюссельскому дворам, что он поддержит права претендентов в крайнем случае даже силой оружия.

Ухудшению положения содействовал также трагикомический эпизод, происшедший в конце года. 29 ноября принц Кондэ отдал под защиту эрцгерцогской четы свою молодую жену Шарлоту Бурбонскую, которую Генрих IV преследовал своими домогательствами со страстной настойчивостью влюбленного старца [2]. Альберт не мог выдать беглецов, не обесчестив себя этим. Он предложил помирить Кондэ с королем, но нечего было надеяться, что он согласится, чтобы жена принца вернулась в Париж удовлетворить желаниям «великого Алкандра». Он расстроил план похищения, на который она согласилась, и заявил, что отправит ее обратно в Париж лишь по приказанию ее мужа или после расторжения их брака. «Новая Елена», как называл ее Пекий, посланник эрцгерцогской четы в Париже, грозила вызвать новую Троянскую войну. Страстное увлечение Генриха IV заставляло его еще более обострять разногласия, разделявшие Францию и Габсбургов. Он начал вооружаться на всех своих границах и открыто готовился сам стать во главе похода в герцогство Клеве. 8 мая 1610 г. он попросил эрцгерцога разрешить ему пройти через Люксембург «как другу, не желающему совершить по отношению к нему никакого враждебного акта». Но целью этой просьбы было лишь возложить на эрцгерцога Альберта всю ответственность за разрыв. Последний отлично понял это и, начав собирать на всякий случай войска в районе Мааса, дал свое согласие на проход французских войск с условием, что король сообщит ему заранее маршрут своей армии. Убийство Генриха IV 14 мая сделало излишними все эти предосторожности. Прошло еще несколько лет, прежде чем Нидерланды стали ареной борьбы между Францией и домом Габсбургов. Раздоры, возникшие во Франции во время несовершеннолетия Людовика XIII, отодвинули на некоторое время опасность.

Все еще неразрешенный вопрос о Юлихе вскоре вызвал

---

[1] *Philippson*, Heinrich IV von Frankreich und der Jülischer Erbfolgestreit, «Historische Zeitschrift», Bd. XVII, 1875, S. 293; *Philippson*, Heinrich IV und Philipp III, Bd. III, S. 327; *M. Ritter*, Deutsche Geschichte im Zeitalter der Gegen-Reformation und des Dreissigjährigen Krieges, Bd. II, Stuttgart 1895, S. 283; *J. Nouaillac*, Villeray..., p. 485 etc.

[2] *P. Henrard*, Henri IV et la princesse de Condé, Bruxelles 1885.

новую опасность. В ожидании окончательного решения оба претендента организовали управление спорных земель. Они ввели здесь временно свободу вероисповедания, и аахенские кальвинисты воспользовались этим, чтобы поднять восстание (5 июля 1611 г.). Когда вслед за этим эрцгерцог Альберт и кельнский архиепископ выступили на усмирение восставших, то этому помешали курфюрст и пфальцграф по взаимному соглашению. Но уже через очень короткое время они перессорились. В 1614 г. нейбургский пфальцграф перешел в католичество и обратился за помощью к Испании, между тем как бранденбургский курфюрст, с своей стороны, из лютеранства перешел в кальвинизм и старался добиться помощи Соединенных провинций. И тот и другой получили желанную помощь. В августе Спинола во главе армии в 20 тыс. чел. двинулся на Юлих, свергнув по пути власть кальвинистов, установленную в Ахене и в Дюрене. Выступил в поход и Мориц Нассауский. Но обе стороны явно старались избежать столкновения, которое повлекло бы за собой срыв 12-летнего перемирия. В течение 2 лет армия Соединенных провинций и испанская армия маневрировали, не встречаясь друг с другом, ограничиваясь проникновением на вражескую территорию и захватом укрепленных пунктов, и очень мало интересуясь обоими претендентами.

Противоречия между католиками и протестантами, выразившиеся в раздорах из-за юлихского наследства, вызвали через несколько лет восстание в Чехии, этот трагический пролог тридцатилетней войны. Филипп III был против того, чтобы ввязываться в эту опасную авантюру. Срок 12-летнего перемирия истекал и, став на сторону императора против чешского короля, пфальцграфа Фридриха V, зятя английского короля, он рисковал разрывом с этим последним. Ему пришлось бы в таком случае вести одновременно три войны, и понятно, что подобная перспектива заставляла его колебаться. Между тем Альберт смотрел на только что начавшуюся борьбу лишь как на окончательный поединок между католической церковью и ересью. Интересы Испании не могли перевесить в его глазах интересов католицизма. В августе 1619 г. он стал убеждать Филиппа III вмешаться [1] и сумел в конце концов рассеять его опасения. 5 ноября король, скрепя сердце, дал ему свое согласие на занятие в подходящий момент Пфальца. 4 сентября следующего года 16 тыс. чел. пехоты и 3 тыс. чел. конницы под командованием Спинолы перешли Рейн у Майнца. В том

[1] *M. Ritter*, Deutsche Geschichte..., Bd. III, S. 36, 61.

же году эрцгерцог выступил покровителем плана создания международной лиги защиты католической религии [1].

В этот решительный момент эрцгерцог, не задумываясь, поступился интересами Бельгии еще больше, чем интересами Испании, ради торжества католической церкви. Если бы он интересовался судьбой своих подданных, то он воспользовался бы прохладным отношением Филиппа III, чтобы сохранить во что бы то ни стало нейтралитет Бельгии по отношению к Германии как раз в тот момент, когда истекал срок 12-летнего перемирия с Соединенными провинциями. Правда, против воли короля, который, желая приостановить проникновение голландцев в Ост- и Вест-Индию, твердо решил возобновить войну, он предпринял некоторые шаги с целью продлить статус кво. В 1621 г. отчеты тайных агентов, переданные ему его духовником, внушили ему надежду, что удастся склонить Морица Нассауского к признанию верховной власти испанского короля и его собственной [2]. В нем пробудили даже надежду, что удастся пожалуй привлечь на свою сторону генеральные штаты Нидерландской республики, и он имел глупость направить к ним Пекия. Осыпаемый на протяжении всего своего пути по Голландии оскорблениями и насмешками толпы, несчастный посланник не привез в Брюссель ничего кроме высокомерного и презрительного отказа. Военные действия вскоре после этого возобновились в Юлихе, где Спинола укрепился, чтобы оттуда повести военные действия против Гельдерна.

Несколько недель спустя Альберт скончался от подагры 13 июля 1621 г. в Брюсселе. Его останки, облаченные в одежду франциscанца, были препровождены с королевской пышностью в церковь св. Гудулы, где мехельнский архиепископ произнес над ним свое надгробное слово. Герольд нес перед гробом бургундский герб. Но вместе с эрцгерцогом Альбертом в Нидерландах исчезла последняя видимость независимости, которая была дарована им 22 года назад: отныне Бельгия стала просто испанской провинцией.

---

[1] *V. Brants*, La société de la défense de la foi sous Albert et Isabelle, «Analectes pour servir à l'Histoire Ecclésiastique de la Belgique», XXXVI, 1910.

[2] *Gachard*, Histoire politique et diplomatique de Pierre-Paul Rubens, Bruxelles 1877, p. 11 etc.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ДО СМЕРТИ ИЗАБЕЛЛЫ

I

Еще при жизни Альберта в 1616 г. Филипп III с согласия брюссельского двора заставил провинции принести ему присягу в верности[1]. Таким образом он снова стал их непосредственным государем. Акт о передаче Нидерландов был тем самым фактически уничтожен. В лучшем случае можно было утверждать, что в отличие от прежнего суверенные права, ранее предоставленные королем эрцгерцогской чете, принадлежали ей теперь сообща с испанской монархией. Впрочем, против возвращения Бельгии под непосредственную власть Испании не последовало никаких протестов. Никто не строил себе больше никаких иллюзий по поводу независимости страны: со времени сессии генеральных штатов 1600 г. все ясно отдавали себе отчет, как обстоят дела в этом отношении.

Смерть мужа повергла инфанту в безграничное отчаяние, умилившее всю Европу. Она на много недель заперлась в свои одинокие и опустевшие покои. Она обрезала свои замечательные волосы и облеклась отныне в монашескую одежду, в которой она изображена на знаменитом портрете, оставленном нам ван Дейком. Сначала она поговаривала даже о том, чтобы совсем удалиться от управления провинциями[2]. Будущее должно было рисоваться ей в тем более мрачных красках, что ее брат Филипп III умер за несколько месяцев до смерти Альберта. Ее вдовство совпало с началом нового царствования в Испании, и власть, находившаяся столь долгое время в руках ее старого друга, герцога Лерма, перешла к графу-герцогу Оливаресу.

---

[1] *H. Lonchay*, Le serment de fidélité prêté par les Belges à Philippe III en 1616, «Mélanges Paul Fréderick», p. 311.

[2] Указом короля от 1 февраля 1601 г. она назначалась постоянной правительницей в том случае, если она переживет эрцгерцога. «Documentos ineditos para la historia de España», t. XLII, p. 225.

Но уважение, которым она была окружена в Нидерландах, и расположение, оказывавшееся ей европейскими дворами, делали ее очень ценной для Мадрида. И, наконец, сама она проявляла живой интерес к стране, в которой она основала столько благочестивых учреждений. Поэтому она осталась в Брюсселе. Окруженная королевскими почестями, она в качестве вдовствующей государыни все еще продолжала играть в своем мрачном дворце значительную и почетную роль: она усердно выполняла свои обязанности и работала без устали, несмотря на свои старческие немощи, которые все сильнее давали себя знать. Но она вынуждена была ограничиваться теперь ролью обыкновенной правительницы, которой испанский кабинет оказывал тем больше знаков внимания, чем меньше реальной власти он ей предоставлял.

К тому времени, когда она взяла на себя управление Нидерландами, царствование Филиппа IV, казалось, предвещало Испании новую эру величия. Под давлением энергичного Оливареса испанская монархия сделала огромное напряжение. Непомерные налоги позволили произвести реорганизацию армии, а блестящие победы вскоре вернули ей ее прежнюю боевую славу. В гигантской ожесточенной борьбе, которую обе ветви габсбургского дома, объединив свои усилия, вели с протестантизмом, война с Соединенными провинциями являлась теперь лишь эпизодом, неразрывно связанным со всем ходом основной драмы.

Успехи католиков, которыми началась 30-летняя война в Чехии и в Пфальце, были большим ударом для Нидерландской республики, интересы которой совпадали с интересами реформации. Престиж, который она так быстро завоевала себе, был поколеблен. Ко времени окончания срока 12-летнего перемирия молодой Людовик XIII отклонил ее предложения о союзе, так как он вел борьбу с гугенотами и не желал порывать с Испанией. С своей стороны, Англия с тревогой и завистью следила за морскими успехами Голландии, не скрывая своего враждебного отношения к ней. Наконец, Спинола, одушевленный соседством германских армий, оперировавших вдоль Рейна и получивших новые подкрепления, захватил город Юлих (февраль 1622 г.) и вслед за тем осадил Берг-оп-Зом. Между тем Мориц Нассауский, здоровье которого подточено было болезнью печени, очень слабо руководил военными действиями и внимательно прислушивался к заманчивым предложениям, делавшимся ему тайно брюссельским двором. Эрнст Мансфельд, которому Нидерландская республика предложила как раз в это время вторгнуться в Бельгию, совершенно не оправдал ее ожиданий. Этот завзятый авантюрист разбит был наголову Кордобой при Флери (29 августа) и в

беспорядке отступил на север, где ему удалось по крайней мере освободить от осады Берг-оп-Зом (5 октября).

Следующий год принес с собою новые опасности. В 1623 г. император Фердинанд II послал Грамэ отстаивать перед генеральными штатами свои права на Соединенные провинции. Англия заключила 29 марта соглашение с Испанией относительно Пфальца, который был временно передан в управление Изабелле. Тем временем война сопровождалась одними лишь неудачами. Испанцам удалось организовать в Дюнкирхене каперский флот, легкие суда которого, точно так же как в свое время галеры Фредерика Спинолы, опустошали побережье Северного моря, сотнями захватывая тяжелые суда Голландии и Зеландии. На суше Мориц Нассауский заканчивал свою карьеру, пребывая в плачевном бездействии. Через несколько дней после его смерти (23 апреля 1625 г.) Спинола покрыл себя славой, взяв Бреду (май). Испания бурно ликовала, и геройский подвиг этого нового Фарнезе вдохновил поэта Лопе де Вега на торжественную оду, а художника Веласкеза на один из самых блестящих его шедевров [1].

Но эта победа не имела продолжения. Правительство Филиппа IV, обремененное непомерными военными расходами, было уже накануне краха. С восстановлением испанской гегемонии над Европой, ради которой оно все поставило на карту, было теперь покончено. Франция, вернувшаяся при Ришелье к политике Генриха IV, опять повернула фронт против габсбургского дома. Она возобновила свой союз с Соединенными провинциями, которым она предоставила 1 200 тыс. ливров на текущий 1624 г. и обязалась предоставлять по 1 млн. ливров в течение двух следующих лет (10 июня 1624 г.) Англия тоже вернулась к поддержке Нидерландской республики. Яков I обещал оказать ей помощь войсками (июль 1624 г.), а его преемник Карл I заключил союз с ней и одновременно с Францией и Данией против германского императора и испанского короля. Все эти комбинации были, правда, очень эфемерны. Уже в 1626 г. Франция опять тесно связалась с Испанией на основании Монсонского договора, а в следующем году Англия, с своей стороны, тоже сделала попытку примириться с Филиппом IV. Переговоры, в которых очень деятельное участие принимал Рубенс, закончились лишь в 1630 г., но уже в 1627 г. они настолько продвинулись, что мадридский кабинет помышлял о том, чтобы прибегнуть к услугам лондонского двора для заключения мирного до-

[1] Картина, известная под названием «Las Lanzas», в мадридском музее.

говора с Соединенными провинциями. Последние, может быть, оказались бы более сговорчивыми, чем в 1609 г. Но Филипп IV, несмотря на советы Изабеллы и Спинолы, ни за что не хотел расстаться с мыслью о том, чтобы навязать им мир силой оружия [1].

Отъезд Спинолы, который, будучи отозван в Испанию, 3 января 1628 г. навсегда покинул Нидерланды, вновь оживил надежды голландцев. Их войсками командовал теперь брат Морица Нассауского Фридрих Генрих, горевший желанием отличиться каким-нибудь блестящим подвигом. Благодаря денежной помощи, а также подкреплениям, полученным от Франции, он в 1629 г. опять перешел в наступление, осадив Буа-ле-Дюк.

У графа Генриха Берга, генералиссимуса испанских войск, не было достаточно сил, чтобы отбросить его. Он надеялся, что диверсия, предпринятая на границах Нидерландской республики, заставит его снять осаду. 23 июля часть его войск перешла Иссель и дошла через Велюве до Амерсфорта, который она заняла 14 августа. В это же время на помощь испанцам из Германии явился Монтекукули, опустошивший Гельдерн и Утрехтскую область. Впервые со времени смерти Рекезенса врагу удалось завладеть подступами к Соединенным провинциям. Это вызвало здесь такую панику, что некоторое время можно было опасаться, не распадется ли их союз. Зеландия и Фрисландия думали только о своей собственной безопасности; католики волновались, отовсюду ползли слухи об измене. Но Голландия и на этот раз отстояла существование республики. Голландские капиталисты не останавливались ни перед какими жертвами во имя сохранения независимости, являвшейся залогом их богатства. Вест-индская компания предоставила в распоряжение генеральных штатов свои деньги и войска. Были наняты наемники, крестьяне были призваны под ружье, были спущены плотины. Штаты Голландии обратились с призывом к Фридриху Генриху ни в коем случае не бросать начатой им операции против Буа-ле-Дюк. Их мужественное упорство помешало дальнейшему продвижению испанцев. После того как правитель Эммериха Отто ван Гент занял крепость Везель, Монтекукули и Берг, опасаясь, чтобы им не перерезали коммуникационных линий, решили отступить. 14 сентября Буа-ле-Дюк открыл свои ворота принцу Оранскому.

Несмотря на этот ошеломляющий успех, Нидерландская республика не отклонила начатых Изабеллой переговоров о

[1] *Gachard*, Histoire politique et diplomatique de P. P. Rubens, introduction.

24-часовом перемирии. Послёдний поход привел ее финансы в самое плачевное состояние; кроме того политическое положение тоже было чрезвычайно грозным. В Германии император Фердинанд II был теперь всемогущ; посланный в Мюнхен брюссельский капуцин отец Филипп предложил герцогу Баварскому заключить союз против голландцев; наконец, Англия, сблизившаяся с Испанией благодаря дипломатическим талантам Рубенса, готовилась подписать мир с этой державой. Тем временем Франция, со своей стороны, старалась в Гааге не допустить никакого соглашения между Нидерландской республикой и Филиппом IV. 15 июня 1630 г. она подписала с уполномоченными генеральных штатов договор, на основании которого Людовик XIII обязывался в течение 7 лет оказывать штатам денежную помощь в размере 1 млн. ливров, тогда как они с своей стороны обязывались в течение этого времени не заключать ни мира ни перемирия без согласия французского короля.

В 1630 г. война возобновилась несколькими стычками на берегах Рейна и новыми набегами дюнкирхенских пиратов. Но обе стороны не решались вступать в более серьезные бои. В июне 1631 г. Фридрих Генрих неожиданно вторгся во Фландрию. Однако ему пришлось отступить перед новым испанским генералиссимусом дюком Альваресом де Базан, маркизом де Санта Крус, а вслед за этим Соединенным провинциям пришлось в свою очередь заняться самообороной. По совету отца Филиппа, брюссельское правительство решило направить все свои усилия на Зеландию, чтобы завоевать здесь серьезную стратегическую позицию [1]. В сентябре флотилия, освященная папским нунцием Фабио де Лагониссой, покинула антверпенскую гавань, отправившись на это рискованное предприятие. На ней находилось 6 тыс. чел. под командованием Иоанна Нассауского и принца Барбансонского. Но 13 сентября она была атакована в Слаке голландским флотом под командой Маринуса Голларе, и через несколько минут часть ее вынуждена была броситься в бегство, часть же пошла ко дну. В руках неприятеля осталось не менее 4 тыс. пленных.

Но это тяжкое поражение было еще ничем в сравнении с катастрофой, которой ознаменовался следующий год. Фридрих Генрих бросил на этот раз все свои силы в долину Мааса, завоевание которой дало бы Нидерландской республике

[1] Об этом походе см. очерк, который будет в ближайшее время опубликован М. Г. де Буром в «Tijdschrift voor Geschiedenis». Судя по любезно сообщенным мне автором результатам его исследования, целью этого похода было занятие Принселанта и острова Оверфлаке, чтобы перерезать коммуникационные линии между войсками Нидерландской республики, оперировавшими в Зеландии и вдоль течения реки Валь.

двойное преимущество — возможность напасть на Бельгию с тыла и совершенно изолировать ее, отрезав от Германии. То обстоятельство, что Гонзалес де Кордоба вместе с значительной частью королевской армии был послан в Пфальц, благоприятствовало осуществлению его плана. Двигаясь вдоль течения реки, он не встречал серьезного сопротивления. Ему поочередно сдались Венло, Стрален, Рурмонд, Ситтарт. 10 июля 1632 г. он появился у Мастрихта, с взятия которого в свое время началось обратное завоевание Нидерландов Александром Фарнезе. Испанцы, отлично понимая все значение этого пункта, очень укрепили его, но Фридрих задался целью во что бы то ни стало взять его. Соединенные усилия маркиза де Санта Крус, спешно вернувшегося из Германии, Кордобы и немецкого генерала Паппенгейма не привели ни к чему. 22 августа Мастрихт капитулировал и вслед за ним сдались небольшие соседние с ним укрепленные пункты — Лимбург, Рольдук, Дальгем и Фокмон.

Голландия ликовала, и радость ее была тем сильнее, что этот блестящий поход, казалось, должен был явиться началом полного завоевания Бельгии. Действительно, последние поражения Испании вызвали во всей стране опасное брожение. Открыт был заговор среди дворянства. Фридрих Генрих, умевший искусно использовать обстоятельства, благоразумно остерегался как-нибудь задеть католические чувства населения и во всех завоеванных им городах не сделал никакой попытки помешать отправлению католического богослужения. Итак, в Гааге льстили себя надеждой услышать вскоре о занятии Фридрихом Брюсселя, куда, как говорили, он рассчитывал вступить еще в течение этого года, чтобы поцеловать руку инфанты [1].

II

Окончание 12-летнего перемирия не только навлекло на Бельгию бедствия возобновившейся войны, но и совпало с новой волной испанизации государственного аппарата страны. Теперь покончили с остатками независимости брюссельского двора, с которыми мирился даже Филипп III. Его преемник приказал Оливаресу восстановить в Мадриде фландрский совет, назначить председателем его епископа Сеговии дона Иниго де Бризуэлла, бывшего духовника Альберта, и возложить на него управление делами Нидерландов. Бельгии поторопились показать, что она снова была составной частью испанской монархии. 16 сентября 1621 г. король переслал ин-

[1] *Gachard*, Histoire politique de P. P. Rubens, p. 241.

фанте полномочия принять от его имени присягу провинций. Изабелла беспрекословно повиновалась: в течение нескольких следующих лет она провела торжественное провозглашение своего племянника государем в различных провинциях страны [1].

Начало нового режима ознаменовано было немилостью старого Пекия, преданность которого старинным традициям страны была общеизвестна. Так как нельзя было обойтись совсем без министров-бельгийцев, то они по крайней мере выбирались теперь только среди самых преданных приверженцев Испании и сторонников того чистого абсолютизма, который господствовал теперь в кругах мадридского правительства. Самый влиятельный из них, антверпенец Петер Розе, которого Филипп IV называл «мудрым фламандцем», был явным монархистом, вдохновлявшимся лишь интересами испанской короны и совершенно освободившимся от всех национальных влияний [2].

Нет ничего удивительного, что при этих условиях совершенно изменились основы управления страной. Его стремились полностью подчинить королевской власти. Новые тенденции были ясно сформулированы в докладной записке, составленной доном Хорге де Гененом [3] в 1628 г.; он требовал, чтобы вся полнота власти принадлежала мадридскому совету, и считал недопустимыми притязания провинциальных штатов, единственных сохранившихся еще представителей независимости страны. Начавшееся в 1626 г. по почину тайного совета судебное преследование против фюрнского архипресвитера Бекарда, автора сочинения «S. Thomae Cantuariensis et Henrici II monomachia», внушавшего опасения королевской власти [4], а также конфискация в 1629 г. брабантским генерал-прокурором отчета нунциатуры Бентиволо в Брюсселе под предлогом, что в нем содержатся высказывания, неблагоприятные для короля и выгодные для генеральных штатов [5], достаточно ярко характеризовали новый дух, который воцарился теперь в правящих сферах. Начиная с 1621 г. государственный совет был фактически ликвидирован. Все важнейшие дела решались двумя чрезвычайными комиссия-

---

[1] *A. Waddington*, La République des Provinces Unies, la France et les Pays-Bas espagnols, t. I, Paris 1895, p. 94, 379.

[2] *J. Cuvelier*, Biographie Nationale, t. XX, colonne 49, Bruxelles 1908—1910.

[3] *V. Brants*, La description des Pays-Bas de don Jorge de Henin, «Bulletin de l'Académie royale de Belgique», Classe des Lettres, 1907, p. 57.

[4] «Biographie Nationale», t. II, 1868, colonne 75.

[5] Письмо Шиффле от 23 ноября 1629. Collection Baluze, t. 162 (Парижская национальная библиотека).

ми или, пользуясь иностранным названием, которым они обозначались, двумя «хунтами». Одна из них была составлена исключительно из испанцев, другая же состояла из бельгийских советников с юридическим образованием, но подобно первой подчинена была верховному руководству кардинала де ла Куэва.

Этому лицу, являвшемуся теперь действительным представителем Филиппа IV в Брюсселе и пользовавшемуся его полнейшим доверием, фактически принадлежала здесь вся полнота власти. Прибыв в Нидерланды в 1618 г. в качестве постоянного посланника короля при дворе эрцгерцогской четы, он со времени нового правления занимал при Изабелле такое же положение, какое в свое время занимал Гранвелла при Маргарите Пармской. Сам Спинола, несмотря на доверие, попрежнему оказывавшееся ему Изабеллой, должен был уступить ему первое место, и его обида по этому поводу несомненно была одной из причин, побудивших его в 1628 г. покинуть Брюссель. Возможно также, что кардинал приложил свою руку к тому, чтобы он вынужден был уйти с поста, на котором он стяжал себе завидную славу и популярность [1].

Алонзо де ла Куэва, маркиз де Бедмар, считался одним из лучших дипломатов испанской монархии. Страстно преданный властолюбивым замыслам своего повелителя и величию своей родины, он с огромной энергией исполнял свои обязанности, проявляя при этом однако, как мы только что видели, очень мало щепетильности. Его пришлось отозвать из Венеции, где он сильно скомпрометировал себя в известном заговоре, ставившем себе целью передачу Венецианской республики Филиппу IV. Нетрудно себе представить, каковы должны были быть настроения такого человека по отношению к Бельгии, недавнее восстание которой против испанской монархии было глубоко памятно всем чистокровным испанцам. В течение короткого времени его сильно возненавидели в Бельгии. Господствующие классы страны возмущены были его презрением к прерогативам генеральных штатов и его высокомерием по отношению к дворянству. Ему не без оснований приписывали ненавистные новшества, введенные теперь в управлении [2]. Уже в 1627 г. маркизу Леганесу, посланному

---

[1] *Villermont*, Ernest de Mansfeld, t. II, Bruxelles 1866, p. 111.

[2] «Кардинал... хотел воспользоваться предоставленной ему властью и отдавать, по примеру испанского совета, свои предписания, имевшие целью постепенно свести на-нет привилегии законопослушных провинций... на которые он смотрел лишь как на ничего не значащие формальности и пустые забавы глупого народа». «Gouvernement du pays d'Haynau depuis le trépas de l'archiduc Albert», Mons 1835, p. 24.

королем, чтобы предложить провинциям объединиться в один общий военный и финансовый союз вместе со всеми другими государствами испанской монархии, пришлось услышать странные речи. Штаты Брабанта, Фландрии и Генегау отнеслись сочувственно к этому плану, но с условием, чтобы в отношении управления страной вернулись опять к системе Карла V и чтобы генеральные штаты созывались впредь два раза в год[1].

Таким образом абсолютизм де ла Куэва опять пробудил национальное сознание вместо того, чтобы дать ему заглохнуть. Стремление к независимости вспыхнуло с новой силой под влиянием попыток совершенно задушить его. Если бы какие-нибудь блестящие военные успехи снова восстановили престиж Испании, то пожалуй страна молчаливо смирилась бы. Но сокрушительные поражения 1629 г. довели возмущение народа до последних пределов. С необычайной яростью оно обрушилось на кардинала, и происшедшее к этому времени взятие Буа-ле-Дюк лишь довело его до кульминационного пункта. В течение нескольких недель он не решался больше показываться на улицах и, наконец, 14 сентября временно покинул Брюссель. Его обвиняли даже в том, будто он отравил своего духовника, священника брюссельской церкви св. Якова, чтобы он не разболтал его тайны. Другие, издеваясь, заявляли, что «потеряв Буа-ле-Дюк, они немало выиграли, так как освободились таким образом от этого человека»[2].

Инфанта теперь считала себя вынужденной — и быть может в глубине души она не была этим очень недовольна — дать известное удовлетворение общественному мнению. Она перестала советоваться с де ла Куэва и сообщать ему содержание получавшихся депеш. Она снова стала созывать государственный совет и распустила заменившие его «хунты». Но в особенности настаивала она перед королем на том, чтобы он согласился на перемирие, так как армия не в состоянии была продолжать войну и во всех отраслях управления царил страшнейший беспорядок. В ее окружении считали, что возмущение довело бы народ до сговора с голландцами, если бы он не был так предан католической религии[3]. Но если даже эти страхи и были преувеличены, то все же дворянство

---

[1] «Inventaire sommaire des Archives communales de Douai», Lille 1876—1879, p. 56. Об этом плане объединения, согласно которому на Нидерланды возлагалась задача содержать армию в 12 тыс. чел., см. J. J. *Chifflet*, Unitas fortis ab excellentissimo D. marchione de Leganes provinciis belgicis fidelibus Philippi IV Hispaniae regis potentissimi nomine proposita, Antverpen 1628.

[2] Письма Шиффле от 14 и 28 сент. 1629, loc. cit.

[3] Письма Шиффле от 2 мая и 9 октября 1629, loc. cit.

и духовенство передали Изабелле представление, в котором испанцы обвинялись в том, что они являются причиной всех зол в стране, и в котором они требовали, чтобы король отозвал свои войска и предоставил бельгийцам защищаться самим [1]. Граф Сольр, прибывший в конце года из Мадрида, чтобы успокоить умы, надавал штатам провинций массу обещаний. Но штаты были бы очень наивны, если бы поверили его сообщению о предстоящем якобы в ближайшее время приезде Филиппа IV [2].

Несмотря на то, что де ла Куэва был отозван и заменен маркизом Айтона, поселившимся 11 ноября 1629 г. в Брюсселе, положение нисколько не улучшилось. Айтона был деятельным и умным человеком, хорошо знавшим Нидерланды, где он когда-то служил под началом Спинолы. Он понимал, что для успокоения умов необходимо было порвать с абсолютистской и испанизаторской политикой своего предшественника. Он хотел бы, чтобы с бельгийцами обращались, как «с добрыми братьями» «и чтобы им вернули хоть часть их прежней независимости» [3]. Он настаивал перед Оливаресом не связывать рук брюссельскому правительству, заставляя его действовать лишь по приказам из Мадрида. Он ссылался на пример римлян, «которые никогда не стесняли свободу действий своих проконсулов». Он заявлял, что если так совершенно не считаться с желаниями страны, то ее в конце концов можно толкнуть в объятия голландцев или французов или даже натолкнуть на мысль о создании республики [4].

Эти предостережения ни к чему не привели. Злоупотребления продолжались, и о всей серьезности их можно судить по тому, что в конце 1630 г. штаты Артуа жаловались на «непорядки, обнаружившиеся за последние годы в управлении страной». «Мы видим, — заявляли они, — что государственный совет и военный совет состоят из людей не нашей национальности, что самые почтенные прелаты и вельможи нашей страны, хотя они и заинтересованы больше всего в ее сохранении, устраняются и исключаются от всякого участия в делах, что представления и справедливые жалобы штатов оставляются без внимания или отвергаются, что их привиле-

[1] *Gachard*, Bibliothèques de Madrid et de l'Escurial, p. 151. Гашар сомневается в подлинности этого документа. Во всяком случае он соответствовал общественному настроению, и вскоре наиболее влиятельные представители духовенства и дворянства передали инфанте адрес, составленный примерно в тех же выражениях. *Waddington*, La République des Provinces-Unies..., t. I, p. 102.

[2] Письма Шиффле от 24 января 1630, loc. cit.

[3] *Waddington*, La République des Provinces-Unies..., t. I, p. 103, 104.

[4] Письма Айтоны от 24 ноября 1629 г. и 6 апреля 1630 г. (Брюссель, Королевская библиотека, № 16149, т. 7, 15).

гии сводятся на-нет ввиду повышения налогов в стране без их согласия и участия, и кроме того постановления, принятые светлейшей эрцгерцогской четой на заседаниях генеральных штатов 1600 г., тоже оставлены без внимания!» Ко всему этому присоединяются еще субсидии, которые обращаются не по прямому их назначению, а на содержание войск, введение новых налогов на ввоз и вывоз товаров, повышение пошлин и т. д.[1]. Вследствие экономического упадка страны все эти неурядицы ощущались еще болезненнее. Происходившая в Германии и в Италии война лишила туземную промышленность двух ее основных рынков сбыта. Она держалась теперь только своим экспортом в Испанию, который, за отсутствием флота, должен был производиться с большими трудностями сухопутным образом. В связи с этим сильнейшее возмущение вызывало то, что суда Соединенных провинций, «хотя и мятежных», получали разрешение на торговлю с Севильей и благодаря этому избавлялись «от риска больших путешествий, дорожных расходов, пошлин и других трат»[2]. Наконец, поводом к непрекращающимся жалобам служили «лицензии», выдававшиеся чиновниками по их усмотрению, и то, что монетное дело находилось в самом плачевном состоянии.

Возмущение дворянства было еще сильнее, чем возмущение купцов. Все дворяне, служившие в валлонских полках, были не менее возмущены, чем их отцы в 1579 г. Те протестовали против милостей, оказывавшихся за их счет кальвинистским войскам, эти же были возмущены тем, что ими жертвовали ради их сослуживцев — испанцев. Высшие командные должности предназначались не для них, их обходили при распределении наград, местные войска оплачивались хуже, чем иностранные. Поэтому они лишь против воли и с отвращением несли свою службу[3].

Наконец, похоже было на то, что даже бельгийское духовенство, в силу именно своей ортодоксальности, хотело теперь отделить свои интересы от интересов католического короля. Многие священники, воочию убедившиеся в неспособности Испании справиться с еретиками Соединенных провинций, не стесняясь заявляли теперь с амвона, что верующие сами должны позаботиться о способах сохранения религии и спасения их душ и что их обязанности по отношению

---

[1] «Inventaire sommaire des archives du Pas-de-Calais», p. 135 (печатается).

[2] *Gachard*, Actes des États Généraux de 1632, t. I, Bruxelles 1853, p. 52, 54.

[3] Ibid., p. 42 et t. II, p. 141.

к церкви стоят выше их преданности королю[1]. Даже сам мехельнский архиепископ Яков Бонен решительно осуждал поведение испанского правительства.

Таким образом все классы общества были одинаково недовольны. Брабантские штаты отказывались одобрить новые ассигнования, а штаты Генегау требовали созыва генеральных штатов[2]. Между тем король, несмотря на советы Айтоны и несмотря на предостережения Изабеллы, переданные ему через барона Оши, казалось, совершенно не сознавал нависшей угрозы. Назначение в апреле 1631 г. маркиза Санта Крус генералиссимусом армии вместо впавшего в немилость со времени взятия Буа-ле-Дюк графа Берга сделало этого последнего непримиримым врагом Испании.

Разумеется, стихийного восстания нечего было опасаться. Испанские гарнизоны без труда подавили бы всякую попытку восстания. К тому же городское население примирилось со своей участью, так как оно было обезоружено, лишено всякого политического влияния и зорко охранялось городскими властями. Печальная неудача, постигшая заговор, нелепо затеянный в 1631 г. одним молодым ремесленником с целью передать Гент в руки принца Фридриха Генриха Оранского, показала, что народа нечего теперь бояться[3]. Кальвинизм, который в свое время заставил его взяться за оружие, был теперь совершенно задушен, и вместе с ним исчезли демократические чаяния, которые он в последний раз пробудил среди широких народных масс.

Но если нечего было опасаться, что народ сам поднимется против Испании, то нельзя ли было ожидать, что какая-нибудь помощь извне поможет ему сбросить испанское иго? Республика Соединенных провинций несомненно согласилась бы во имя объединения с бельгийцами умерить свой протестантский пыл и предоставить католикам известные гарантии. Но в особенности похоже было на то, что Франция, с которой не было никаких религиозных разногласий, с большой радостью оказала бы Бельгии свою помощь. С тех пор как руководство политикой Франции перешло в руки Ришелье, он отнюдь не скрывал своего враждебного отношения к габсбургскому дому. Прибавившиеся к этому совсем недавно новые события подлили еще больше масла в огонь.

---

[1] «Papiers du Président Roose». Собрание картуляриев и рукописей Брюссельского Главного королевского архива, № 456, стр. 26.

[2] *Juste*, Conspiration de la noblesse belge contre l'Espagne, en 1632, Bruxelles 1861, p. 20, 21.

[3] *V. van der Haeghen*, La conspiration pour délivrer Gand et la Flandre de la domination espagnole en 1631, «Annales de l'Académie royale d'Archéologie de Belgique», 1904.

Мать Людовика XIII Мария Медичи, на-смерть поссорившаяся со всемогущим министром своего сына, в июле 1631 г. удалилась в Нидерланды, и прием, оказанный ей в Брюсселе инфантой, произвел в Париже крайне неблагоприятное впечатление. Положение стало еще более напряженным, когда 25 января 1632 г.[1] к ней присоединился родной брат французского короля Гастон Орлеанский, вождь враждебной кардиналу партии. Было ясно, что Ришелье не допустит, чтобы его враги беспрепятственно конспирировали против него под покровительством Изабеллы. Недовольство, царившее в Бельгии, позволило ему перейти к ответным действиям. Он сразу увидел, какие выгоды можно будет извлечь из этого.

Начиная с ноября 1631 г., он завязал сношения с деканом Камбрэ, Франсуа Карондéле, которого Изабелла не раз посылала ко двору Людовика XIII, чтобы договориться о примирении между ним и его матерью Марией Медичи. Он был осведомлен благодаря ему о состоянии умов, и ему нетрудно было переманить на свою сторону заманчивыми обещаниями этого честолюбивого и жадного прелата, который, лишившись епископства Сент-Омер, на получение которого он рассчитывал, горел желанием как-нибудь отомстить Испании[2]. Благосклонного отношения кардинала достаточно было для Карондéле, чтобы он составил своего рода союз из нескольких крупных вельмож — принца Барбансонского, принца Эпинуа, герцога Бурнонвильского и графа Эгмонта, — которые подобно ему уязвлены были в своем честолюбии и озлоблены против Филиппа IV. Благодаря их влиянию в валлонских провинциях, где некоторые из них занимали ответственные посты и где находились значительная часть их владений и множество зависевших от них мелких дворян, они надеялись вызвать всеобщее восстание. Они нашли себе ценного помощника в лице капуцина Карла Круа. Религиозное рвение, побудившее его вступить в орден, заставило его в то же время отойти от Испании, которая, по его мне-

---

[1] *Henrard*, Marie de Médicis dans les Pays-Bas, Bruxelles 1876, p. 65, 164.

[2] Ibid., p. 202. Относительно заговора дворянства можно найти немало подробностей в книге Анрара. К этому надо прибавить еще довольно поверхностную работу Жюста, упомянутую выше, и превосходное исследование Ваддингтона *(A. Waddington*, La République des Provinces-Unies..., t. I, p. 145 etc.), который, на мой взгляд, все же, кажется, преувеличил значение этого движения. Впрочем, это событие заслуживало бы более углубленного исследования, для которого имеется достаточно материала. Идея сговора между высшей знатью и Францией против Испании была не нова. Еще в 1601 г. Генрих IV пытался с помощью герцога Буйонского обеспечить себе поддержку герцога Арсхота и графа Сольра. *J. Nouaillac*, Lettres inédites de François d'Aerssen, Paris 1908, p. 186, 195.

нию, компрометировала теперь своей слабостью дело католицизма в Нидерландах [1]. Он привлек кроме того к заговору своего родного брата, герцога Арсхота, бесспорного вождя национального дворянства.

Тем временем, пока под воздействием личного честолюбия и католического рвения происходило оформление этого заговора крупных вельмож, граф Берг открыто перешел на сторону врага [2]. Одному скомпрометированному и разоренному дворянину, Рене Ренессу, графу Варфюзее, удалось, воспользовавшись его озлоблением против двора, склонить его к корыстной измене. Он посетил тайно в Гааге принца Оранского и сообщил ему свои условия. Ришелье не преминул побудить Фридриха-Генриха принять их. За крупную сумму Берг пропустил голландские армии в Лимбург, и по соглашению с ним генеральные штаты опубликовали 22 мая воззвания, призывавшие бельгийцев «избавиться по похвальному примеру их предков от гнетущего и невыносимого ига испанцев» и обещавшие им «сохранить и поддержать их привилегии, права и свободы, а также и публичное отправление римско-католической религии» [3].

Согласно плану Берга и Варфюзее, одобренному генеральными штатами и переданному ими правительству Людовика XIII, восстание должно было явиться в действительности лишь сигналом к расчленению страны. Брабант, Мехельн, Фландрия, Гельдерн и Лимбург должны были отойти к Соединенным провинциям; Франция же должна была получить южные провинции, включая Франш-Контэ [4]. Несколько дней спустя Берг открыто объявил о своем переходе на сторону неприятеля. Он удалился в Льеж и 18 июня опубликовал здесь манифест, в котором призывал объединиться вокруг него всех благомыслящих офицеров и солдат, «откуда бы они ни происходили, лишь бы они не были испанцами, с целью освободить родину от «пиявок», сосущих «кровь несчастного народа» [5].

К несчастью для заговорщиков Франция, всецело одобряя их планы, твердо решила однако не порывать с Испанией, которую она хотела лишь ослабить, поддерживая брожение в Бельгии. В бельгийских провинциях не появилось никаких французских войск. К тому же Берг совершенно не обладал качествами, необходимыми для инициа-

---

[1] *Gachard*, Actes des États Généraux de 1632, t. II, p. 609, 610.

[2] *M. G. de Boer*, Het verraad van Henrik van den Bergh en de veldtocht langs de Maas, «Tijdschrift voor geschiedenis», 1898, XIII, s. 17.

[3] *Henrard*, Marie de Médicis..., p. 206.

[4] *Waddington*, La République des Provinces-Unies..., t, I, p. 156,

[5] Ibid., p. 159.

тора пронунциаменто. Грубый, тщеславный, пользовавшийся из-за своего образа жизни плохой репутацией, он не был популярен в армии, и ему не удалось склонить на свою сторону ни одного полка. 25 июня Изабелла разослала штатам различных провинций циркулярное письмо, убеждавшее их не дать себя увлечь Бергу. Оно встретило повсюду самый лучший прием. 4 июля четыре «члена Фландрии», чтобы убедить ее в своей преданности, предложили ей даже принести заново присягу его величеству [1].

Не менее плачевно закончился заговор дворянства. Крупные вельможи, легкомысленно бросившиеся в порыве своего озлобления в эту авантюру, рассчитывали лишь на помощь французского короля, а он, со своей стороны, прежде чем начать действовать, ждал, чтобы они взялись за оружие. Поэтому вся их затея обречена была на неудачу. Никто из дворян не способен был проявить непреклонную решимость и, главное, никто из них не чувствовал за собой поддержки народа. Их неприязнь к Испании покоилась только на их уязвленном тщеславии, а отнюдь не на национальном сознании, которое пожалуй могло бы объединить вокруг них народные массы. Эти эпигоны графа Эгмонта и графа Горна были лишь карикатурой на них. Проникнутые дворянским чванством и спесью, они по существу презирали все, что стояло за пределами их касты. В Намюре герцог Арсхот во время своего штатгальтерства собирал заседания провинциального совета в своей прихожей, где находились его слуги [2]. Принц Эпинуа, в то время когда он занимал пост «великого бальи» (grand-bailli) Генегау, нарушал самым бессовестным образом привилегии провинции, за защитника которых он себя теперь выдавал. Поэтому никто не поднялся на поддержку движения, которое в случае удачи могло привести лишь к тому, что инициаторы его приобрели бы сеньерии и титулы, а больше никому не было бы от него никакой пользы. К тому же Изабелла прослышала об этом заговоре и по достоинству оценила его. Она приказала заточить в монастырь Карондéле и арестовать его брата, правителя Бушена, который был убит, защищаясь (апрель 1633 г.). Через некоторое время резидент английского короля в Брюсселе, художник Жербье, за 20 тыс. экю разоблачил все подробности этого заговора [3].

Филипп IV решил воспользоваться этим случаем, чтобы

---

[1] *Henrard*, Marie de Médicis..., p. 237. Текст писем инфанты и ответов различных провинций можно найти у Шаппюи *(Chappuys,* Histoire générale de la guerre de Flandre, t. II, Paris 1633, p. 762).

[2] «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 2-ème série, t. V, 1853, p. 226.

[3] *M. G. de Boer*, Balthazar Gerbier, «Oud Holland», 1903. t. XXI, p. 129.

навсегда отбить у дворянства охоту к подобным авантюрам. 18 марта 1634 г. он приказал Айтоне арестовать принца Эпинуа и принца Барбансонского. Первому удалось бежать во Францию, где он примкнул к графу Эгмонту и к герцогу Бурнонвильскому. Он продолжал здесь конспирировать вместе с ними, и они все трое были заочно приговорены к смертной казни. Принц Барбансонский, заключенный в антверпенскую цитадель, был освобожден в 1650 г. и отправился в Испанию, где он и умер. Герцог Арсхот тоже был арестован (15 апреля 1634 г.), когда он прибыл с поручением к королю, и кончил свои дни в Мадриде в 1640 г., не получив прощения. Всеобщая амнистия была объявлена 29 апреля 1634 г. Высшая знать окончательно покорилась абсолютизму. Она отказалась отныне от каких бы то ни было попыток добиться независимости и уступила свое место в правительственных совещательных органах презираемым ею юристам. Ее неудачная затея в результате еще только более резко подчеркнула победу монархического принципа и привела к тому, что государственный совет стал играть теперь роль чисто парадного учреждения, между тем как все его полномочия были переданы тайному совету. Председатель этого последнего Петер Розе, принявший деятельное участие в наказании виновных, стал теперь одним из самых влиятельных людей страны.

Если происки Берга и заговорщиков-дворян кончились крахом, то этим в значительной мере обязаны были тому, что Изабелла сумела предусмотрительно открыть отдушину и дать выход всеобщему недовольству, царившему в стране. 30 июля 1632 г. она уступила желаниям народа и созвала генеральные штаты, не созывавшиеся уже более 32 лет [1]. Больше ничего не надо было, чтобы успокоить умы и «дискредитировать дурные замыслы графа Генриха и других брюзжавших недовольных» [2]. Как только народ был призван для обсуждения его собственных судеб, он сейчас же начал надеяться, что бедствиям его пришел конец, и опять стал доверять правительству. Последнее однако только под давлением обстоятельств решилось снова пойти на рискованный опыт, все опасности которого оно испытало уже в 1600 г. В извещениях о созыве штатов, адресованных провинциям, говорилось лишь «об обмене мнениями» между ними и тщательно обходилось название генеральных штатов, которое своим напоминанием

[1] Нельзя считать настоящим заседанием генеральных штатов собрание уполномоченных провинций, созванное Альбертом в Брюсселе в апреле 1619 г. с целью обсудить вопрос о признании и уплате займов, сделанных страной у королевы Елизаветы во время революции XVI в. (*H. Lonchay*, Les États Généraux de 1619—1620. «Mélanges G. Kurth», Liège 1908, t. I, p. 321).

[2] *Gachard*, Actes des États Généraux de 1632, t. II, p. 467.

о революции XVI в., а также о последних победах Соединенных провинций вызывало такие гнетущие воспоминания у приверженцев Испании и абсолютизма. Кроме того рекомендовалось посылать в Брюссель «как можно меньше» делегатов [1]. Наконец, у генеральных штатов добились согласия — и это было совершенно неслыханным новшеством, — чтобы они заседали при закрытых дверях и не запрашивали предварительно мнения провинциальных штатов [2]. Это несомненно было прекрасным средством для ускорения их работы, но в то же время и для того, чтобы помешать общественному мнению воздействовать на них и навязывать им свои желания.

Заседание штатов открылось в Брюсселе 7 сентября. Делегатам его поручено было добиться прекращения злоупотреблений со стороны военных властей, превратившихся для страны в настоящее бедствие. Штаты Генегау и Лилля должны были кроме того потребовать восстановления государственного совета с его прежними полномочиями, а лилльская делегация должна была потребовать еще созыва генеральных штатов раз в четыре года. Но самым важным требованием всех их было заключение мира или по крайней мере благоприятного перемирия с Соединенными провинциями. 11 сентября они решительно заявили инфанте, что совершенно невозможно дольше терпеть новые требования дополнительных «субсидий», предназначенных на содержание войск, что в связи с вторжением Густава Адольфа в Германию нечего было больше надеяться на помощь германского императора, что страна располагает лишь «остатками» армии, «часть которой больна, другая же утратила всякую бодрость и охоту служить». В заключение они просили ее разрешить им самим вступить в переговоры с неприятелем «с согласия ее высочества и с условием, что они не позволят себе никаких изменений в вопросе о законопослушности и в религиозном вопросе [3]. У Изабеллы было тем меньше оснований отклонить их просьбу, что она только что сама направила Рубенса с подобной миссией к Фридриху Генриху. Отказать брюссельским генеральным штатам в разрешении завязать переговоры с принцем Оранским значило дать основание для самых различных подозрений. Поэтому она дала 17 сентября благоприятный ответ «ко всеобщей и неописуемой радости всего народа, воспрянувшего духом и надеявшегося, что после столь долгой и темной ночи этой мрачной войны он

[1] *Gachard*, Actes des États Généraux de 1632, t. I, p. 3, 5, 6.
[2] Ibid., p. 68.
[3] Ibid., p. 166.

видит, наконец, занимающуюся зарю мирного и спокойного дня»[1].

Но радость эта была очень недолговечна. Делегаты штатов — участники переговоров — вскоре убедились, что они так же далеки от мира, «как их руки от неба»[2]. При переговорах, происходивших сначала в Маастрихте, а затем в Гааге, они сразу же натолкнулись на явное недоброжелательство, на придирки формального характера, на непомерные требования вроде увода испанских войск, сноса укреплений, передачи Нидерландской республике приморских городов и известного числа укрепленных пунктов, закрытия устья бельгийских рек и портов. Кроме того 18 ноября Соединенные провинции заверили своего союзника, французского короля, что они не будут вести переговоров без его согласия, и было заранее ясно, что этого согласия никогда не будет дано. Тем не менее переговоры продолжались. Бельгийцы не могли решиться расстаться со своими иллюзиями. Они не умели, по своей неловкости, скрыть своих страхов, принимали все унизительные условия, еле осмеливались протестовать против притязания запретить им отправление католического богослужения в их собственных домах[3]. В своей наивности они полагали, что испанский король, подобно им, подчинится требованиям Нидерландской республики. 4 декабря они умоляли его, «воздев к нему руки и со слезами на глазах»[4], согласиться на мир.

Но мадридский кабинет вовсе не хотел скрывать, что он не принимает их всерьез. Он видел в созыве генеральных штатов лишь средство успокоить чересчур сильное возбуждение, царившее в провинциях, лишь какой-то выход из тупика, который он впрочем не одобрял и который, как он твердо решил, не должен будет иметь никакого значения и не окажет никакого влияния на его поведение и его политику. Хотя испанский кабинет предоставил Изабелле право дать полномочия делегатам, но он предусмотрительно не отправил их от своего имени. Он поручил маркизу Айтоне и председателю Розе не допустить, чтобы инфанта зашла чересчур далеко в своих обязательствах, и дал им строгий наказ под сурдинку всячески парализовать переговоры. Когда в 1633 г. Эврикий Путеан выпустил свою книгу «Belli et

---

[1] *Gachard*, Actes des États Généraux de 1632, t. I, p. 449; *M. G. de Boer*, Die Friedensunterhandlungen zwischen Spanien und den Niederlanden in den Jahren 1632 und 1633, Groningen 1898.

[2] *Gachard*, Actes des États Généraux de 1632, t. I, p. 217.

[3] Ibid., p. 127.

[4] Ibid., t. I, p. 349.

pacis statera»[1], в которой он защищал дело мира, правительство тотчас же опубликовало в ответ «Anti-Puteanus» и категорически запретило генеральным штатам издать, как они добросовестно собирались, опровержение этого сочинения. В то же время оно умышленно вызывало негодование голландцев, распространяя публично работу «Заметки о религии и государстве» («Remarques de religion et d'Estat»), в которой расточались панегирики королю и самые резкие оскорбления по адресу Соединенных провинций[2]. Кроме того 4 ноября 1632 г. Филипп IV тайно лишил эрцгерцогиню полномочий, данных им ей в 1629 г. на ведение переговоров от его имени.[3] С этого момента переговоры превратились в пустую комедию. Ничего не подозревая, уполномоченные штатов обманывались как королем, так и самой Изабеллой, которая продолжала, чтобы сдерживать их, передавать им полномочия, не имевшие отныне никакой цены. Между тем ничто не могло раскрыть им глаза: ни полученные из Мадрида письма, в которых без всякого упоминания о мире им сообщалось о присылке в ближайшее время подкреплений, ни поведение Розе, который 11 мая 1633 г. отказался дать свою подпись под инструкциями, испрашивавшимися ими у инфанты, и который резко бранил их за то, что они позволяли себе говорить о старых договорах, дававших подданным право отказывать в повиновении своему государю, если он нарушает свои обязанности по отношению к ним[4].

Таким образом бельгийские участники переговоров, встречая недоброжелательство Гааги, с одной стороны, и недоброжелательство Мадрида, с другой, не могли ничего поделать. Они были отпущены 16 сентября 1633 г. и, спустя девять дней, печально вернулись назад. Их неудача рассеяла надежды, порожденные созывом генеральных штатов. Несмотря на свою беспомощность и бесцельность, генеральные штаты все же продолжали еще заседать в течение нескольких месяцев. В письме от 18 июня 1634 г., в котором Филипп IV извещал их об аресте посланного ими к нему в Мадрид герцога Арсхота, содержался определенный приказ генеральным штатам разойтись. Как только письмо это было получено в Брюсселе, они беспрекословно повиновались (5 июля). Им не суждено было больше собираться вплоть до брабантской революции 1789 г.

---

[1] *Th. Simar*, Erycius Puteanus, Louvain 1909, p. 25.
[2] *Gachard*, op. cit., t. II, p. 270, 271, 275, 278, 279.
[3] «Papiers du Président Roose», loc. cit., fol. XXXI.
[4] *Gachard*, op. cit., t. I, p. 148, 237.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ДО МЮНСТЕРСКОГО МИРА

I

Изабелла не дожила до заключительного заседания генеральных штатов. Своим строгим благочестием и чрезмерной работой она вконец разрушила свое здоровье, и без того уже сильно подорванное мучительными почечными припадками. Простудившись во время предрождественского крестного хода, она, проболев 4 дня, умерла 1 декабря 1633 г. в $4^1/_2$ часа утра. За отсутствием денег пришлось отказаться при ее похоронах от той пышности, которой окружены были похороны ее супруга, рядом с которым ее теперь похоронили в церкви св. Гудулы. Государственная казна была совершенно пуста. Чтобы добыть денег на содержание войск, инфанта, не пользовавшаяся больше кредитом у банкиров, вынуждена была прибегнуть к плачевному средству. Она почти совершенно опустошила недавно учрежденные ссудные кассы, оставив им в залог — далеко недостаточный — великолепные драгоценности, которые когда-то произвели столь сильное впечатление во время ее торжественного въезда в Нидерланды.

Из-за последовавшего разорения придворное общество вскоре рассеялось, и вместе с ним Брюссель утратил весь свой блеск и великолепие, которые он снова обрел лишь много времени спустя, во времена Карла Лотарингского и Марии Терезы.

4 марта 1630 г. Филипп IV назначил членов регентского совета, к которым в случае смерти инфанты должно было перейти политическое управление страной. Это были маркиз Айтона, маркиз Мирабель, герцог Арсхот, мехельнский архиепископ, старый граф Тилли и дон Карлос Колома. На случай смерти одного из них к ним были присоединены граф Фериа, кастелян Антверпена, и граф Фуэнтес, кастелян Камбрэ [1]. Так как герцог Арсхот находился в Мадриде, где он

[1] *Henrard*, Marie de Médicis..., p. 366.

вскоре был арестован, и так как Тилли умер в 1632 г., то в результате Бельгия была представлена в этом совете лишь архиепископом Яковом Боненом. Никогда еще брюссельское правительство не было столь чисто испанским. 30 декабря 1633 г. маркиз Айтона был назначен заместителем штатгальтера и генерал-капитаном впредь до прибытия кардинала-инфанта, брата короля.

Пока в Гааге шли бесплодные переговоры, война с Соединенными провинциями продолжалась, не приводя однако ни к каким определенным результатам. В 1633 г. Айтоне удалось взять реванш за потерю Рейнберга, занятого Фридрихом Генрихом, захватив остров Стевенсверт, являвшийся ключом к одному из переходов через Маас. В 1634 г. он попытался отвоевать назад Мастрихт, но наступление принца Оранского на Бреду заставило его вернуться назад.

К тому же внимание и опасения Испании были теперь направлены гораздо больше на Францию, чем на Нидерландскую республику. С каждым днем становилось все яснее, что Людовик XIII, по наущениям Ришелье, замышляет уничтожение габсбургского дома. В декабре 1632 г. наглость французского эмиссара, силой ворвавшегося в зал, где происходило заседание генеральных штатов, чтобы сообщить им содержание письма его повелителя, произвела в Брюсселе потрясающее впечатление. «Я считаю, — писал Айтона Филиппу IV, — что французская монархия никогда не наносила вашему величеству более серьезного оскорбления и никогда не позволяла себе более вызывающей и дерзкой проделки»[1]. К этой прямой провокации присоединялись еще недавние интриги Ришелье с дворянами-заговорщиками и покровительство, открыто оказанное кардиналом тем из них, которые бежали во Францию. Но еще важнее были происки парижского кабинета в Гааге. Отлично известно было, что именно по его наущениям голландцы обнаружили такую несговорчивость во время последних переговоров. Быть может, небезызвестно было также, что французский посланник в Гааге, восприняв план, разработанный во время заговора Берга, уполномочен был повести переговоры о разделе Бельгии между Францией и Соединенными провинциями с тем, чтобы к Франции отошли Генегау, Артуа, Турнези, Лилль, Дуэ, Орши, валлонская часть Фландрии и южная приморская часть Фландрии, Намюрская область и Люксембург, а к Соединенным провинциям — Брабант, Мехельн, Лимбург, Гельдерн и берега Шельды от Антверпена до Северного моря[2].

---

[1] *Gachard*, Actes des États Généraux de 1632, t. II, p. 649.
[2] *Waddington*, La République des Provinces-Unies..., t. I, p. 212.

Во всяком случае содержание договора, подписанного Людовиком XIII с Нидерландской республикой 15 апреля 1634 г., не оставляло никаких сомнений в неминуемости разрыва между христианнейшим королем и католическим королем, так как в нем открыто говорилось о возможности войны между Францией и Испанией.

Но и Филипп IV, с своей стороны, готовился к этой войне и отвечал своему противнику тем же. Все еще находившийся в Брюсселе Гастон Орлеанский служил ему превосходным оружием. Когда парижский парламент признал недействительным его брак с Маргаритой Водемон, Лувенский университет признал его действительным. 12 мая 1634 г. между принцем и испанским королем заключен был формальный союз.[1] Между тем помощь, открыто оказывавшаяся Францией голландским и немецким протестантам, дискредитировала ее в глазах бельгийских католиков. В 1633 г. Янсений опубликовал свое сочинение «Mars Gallicus», в котором он обрушивался на королей, «являющихся христианами лишь по названию». Словом, преданность религии, которая когда-то заставила умы отвернуться от испанского дома, теперь привлекла их к ней.

Но чем отчетливее выяснялась неминуемость столкновения с Францией, тем усиленнее Испания старалась притти к какому-нибудь соглашению с Соединенными провинциями. Она потеряла всякую надежду отвоевать их и поэтому отказалась считать их мятежными. Она отлично понимала, что должна порвать с традициями Филиппа II, если она хотела, чтобы у нее не были связаны руки во время ее поединка с соперничавшей с ней Францией. Она подумывала даже о том, чтобы предоставить Бельгии независимость и дать ей возможность договориться с голландцами, ограничившись сохранением за собой важнейших портов и крепостей. «Если бы существовал какой-нибудь верный способ уравнять силы законопослушных и непокорных провинций, — писал Филипп IV председателю Розе 15 апреля 1633 г., и если бы можно было добиться, чтобы законопослушные провинции удовольствовались открытием — за свой счет и на свой риск — порта Гравелинга, а мне предоставили бы все приморские города, а также Антверпен, Намюр и Камбрэ, с обязательством притти им на помощь в случае опасности, и сверх того Люксембург и Бургундию, то можно было бы пойти и на то, чтобы уступить им во всем остальном, а именно, чтобы указанные провинции установили у себя форму правления по своему выбору и — не говоря о тех правах и титулах, кото-

[1] *Henrard*, Marie de Médicis..., p. 424, 433.

рые я сохранил бы за собой, — образовали бы независимые кантоны, которые заключили бы мир или длительное перемирие с голландцами. Стойло бы даже взвесить, не целесообразно ли было бы установить совместно с ними общую оборонительную и наступательную линию..., хотя очевидно, что из-за этого должен был бы пострадать наш авторитет»[1]. Это были лишь преходящие настроения, но как они тем не менее показательны!

Примерно к тому времени, когда король готов был итти на эти условия, его брат кардинал-инфант дон Фердинанд покинул Испанию. Он поехал через Миланскую область, откуда направился прежде всего на помощь германскому императору. Победа при Нордлингене (5 и 6 сентября) была в значительной мере делом его рук и, увенчанный этой славой, он торжественно вступил в Брюссель 4 ноября 1634 г. Прибытие этого 25-летнего принца придало стране немного бодрости. Он вскоре приобрел большую популярность, о которой до настоящего времени свидетельствуют слова «in den prins Cardinaal», служащие и поныне вывеской для немалого числа фламандских гостиниц. Так как он был человеком с высоким духовным саном и одновременно крупным полководцем, то в нем приветствовали настоящего героя католицизма. Победоносные войска, приведенные им с собой из Германии, укрепили и оживили дух несчастных остатков королевской армии[2]. Вновь ожила надежда силой заставить Соединенные провинции прекратить войну. Голландские католики вступили в тайные сношения с инфантом, предложив ему план вторжения.

Но еще до окончания зимы Нидерландская республика тесно связалась с Францией. 8 февраля 1635 г. она заключила с последней союз против испанцев. Обе договаривающиеся стороны обязались выставить армию в 30 тыс. чел. и заранее уже предрешали участь Бельгии. Решено было обратиться к бельгийским провинциям с призывом к восстанию. В случае, если бы они подняли восстание в течение 3 месяцев, они должны были объединиться в свободное и независимое государство, которое сохранило бы свою религию и свои вольности и находилось бы под защитой его величества и генеральных штатов. Взамен этих преимуществ новое государство должно было уступить своим защитникам некоторые части своих территорий, которые оно не в состоянии было само защитить. Французский король должен был получить все приморские пункты между Гравелингом и Бланкенбергом,

[1] *Gachard*, Actes des États Généraux de 1632, t. II, p. 658.
[2] *Gachard*, Les Bibliothèques de Madrid et de l'Escurial, p. 489.

а также Намюр и Тионвиль. Генеральные же штаты должны были получить Гюльст, Ваасскую область, Бреду, Гельдерн и Стевенсверт. Если же, наоборот, Бельгия откажется свергнуть испанское иго, она будет попросту разделена между союзниками по линии, идущей от Бланкенберга к Рупельмонду, а затем по течению Шельды, вдоль северной границы Генегау, Намюрского графства и Люксембурга [1].

Таким образом в самом благоприятном случае Бельгия должна была явиться лишь буферным государством между Францией и Соединенными провинциями, непосредственное соседство с которыми пугало проницательного Ришелье, вдохновителя всей этой комбинации. Бельгия признавалась, правда, независимым государством, но на каких условиях! Оказавшись под покровительством своих обоих могущественных соседей, зажатая между ними, она вынуждена была уступить им свои порты, устье Шельды и крепость Намюр, беззащитная она отдавалась всецело на их волю и повидимому предназначалась быть пешкой при их будущих столкновениях. Таким образом ожидавшая ее участь была во сто раз более унизительной, более ненадежной, более печальной, чем при сохранении в силе испанского господства. Действительно, надо было считать бельгийцев лишенными всякого человеческого разумения и достоинства, чтобы решиться призвать их во имя национальных чувств приложить руку к уничтожению своей родины. Но они еще не дошли до такой степени падения, какую предполагал в них план союзников. Выпущенный последними 2 июня 1635 г., т. е. через несколько дней после объявления Францией войны Испании (19 мая), манифест, в котором они призывали бельгийцев к оружию, произвел впечатление обратное тому, которого от него ожидали. В полном согласии с кардиналом-инфантом, ответившим на него 24 июня, страна видела в французах лишь «нарушителей народных прав, защитников ереси и угнетателей католической религии» [2].

В мае французская армия в 20 тыс. чел. под командой маршалов Шатильона и Брезе вторглась в Люксембург и направилась на север с целью соединиться с голландцами, сосредоточившими свои силы около Мастрихта. 20 мая она разбила наголову у Авена, около Гюи [3], корпус принца Томаса Савойского и через несколько дней соединилась у Мерсена с войсками Нидерландской республики. Решено было

---

[1] *Waddington*, La République des Provinces-Unies..., t. I, p. 253.
[2] «Placcaeten van Brabant», t. II. p. 356.
[3] *H. Lonchay*, La rivalité de la France et de l'Espagne aux Pays-Bas, Bruxelles 1896, p. 72.

вернуться к плану, составленному Фридрихом Генрихом 2 года назад, и двинуться прямо на Брюссель. Общая численность армии достигала 40 тыс. бойцов, и надеялись, что эта сила произведет внушительное впечатление на население и побудит его поднять восстание. Но первый же встретившийся им на пути брабантский город, Тирлемон, которому предложено было сдаться, отказался открыть ворота, несмотря на слабость своего гарнизона. Его пришлось взять приступом, и в назидание другим городам, он был разграблен дотла. Тем не менее соседние города упорно держали свои ворота на запоре и готовы были защищаться, даже с риском подвергнуться той же участи. Их решимость привела неприятеля в замешательство. Положение его становилось критическим, так как он вынужден был продвигаться по неприкрытой местности, среди неприступных крепостей и имея перед собой армию кардинала-инфанта, которая была сосредоточена под стенами Брюсселя и ждала лишь подходящего момента для выступления. Попытка нападения на Лувен была отражена совместными усилиями гарнизона, студентов, монахов и городского населения. Таким образом нельзя было строить себе больше иллюзий относительно настроений страны. Поэтому 4 июля союзники отступили на Рурмонд, преследуемые крестьянами, убивавшими отставших солдат, «как зайцев» [1].

Получив подкрепление в 15 тыс. германских солдат, которых привел с собой Октавио Пикколомини, инфант в свою очередь мог теперь перейти в наступление. Совершив смелый налет на север, он захватил знаменитый форт Шенк, один из подступов к Соединенным провинциям; затем, продолжая угрожать им, взял город Гох, а его помощники отвоевали тем временем назад Лимбург и некоторые соседние с ним пункты. Фридрих Генрих вынужден был отражать его удары, не будучи в состоянии прорвать в каком-нибудь месте его фронт. Что касается французов, зимовавших в Бетюне, то они страдали здесь от голода, но кроме того их косила эпидемия тифа, который из их лагерей проник в Соединенные провинции, где унес массу жертв.

Нанеся врагу столь тяжелый урон на севере, дон Фердинанд в 1636 г. двинулся на Францию. Принц Томас вместе с Пикколомини и Иоанном Вертом вторглись в Пикардию, повергнув в ужас все соседние города вплоть до Парижа. Но Галла, который должен был поддержать его маневр переправой через Рейн, не подоспел. С другой стороны, Фридрих Генрих, взяв назад форт Шенк, который он осаждал уже с зимы, сделал диверсию против Бреды, в связи с чем туда пришлось

[1] *Waddington*, La République des Provinces-Unies..., t. I, p. 272.

спешно послать значительную часть войск, сняв их с французского фронта. К концу осени испанцы вынуждены были отступить к Аррасу, причем все их достижения свелись к изумлению, которое они вызвали у противника своей давно уже не проявлявшейся энергией.

В 1637 г., в течение которого Пикколомини ограничивался оборонительными действиями против французов, принцу Оранскому удалось восстановить свой военный престиж и политическое влияние благодаря захвату Бреды (10 октября). Этот блестящий успех щедро вознаградил Соединенные провинции за их недавние неудачи. Так как территория Бреды присоединена была к городскому округу Буа-ле-Дюк, то весь левый берег нижнего Мааса находился теперь в их руках. Нидерландская республика могла радоваться не только тому, что она благодаря этому глубокому проникновению в Брабант создала себе первую оборонительную линию, но кроме того она могла гордиться тем, что отвоевала эту область у католической церкви к вящшей выгоде протестантской религии.

Ободренный этим благоприятным поворотом событий, Фридрих-Генрих в 1638 г. обратился против Антверпена. Но голландские капиталисты, так часто поддерживавшие сопротивление испанцам, на этот раз, не задумываясь, выступили против своей республики. Амстердамские купцы опасались конкуренции Антверпена для своей торговли в случае его возвращения в союз. Поэтому они обеспечили его провиантом и военным снаряжением [1]. Сюда же поспешно прибыл кардинал-инфант, и его присутствие придало войскам бодрости. Неприятель, добравшийся до Каллоо, подвергся здесь серьезному нападению, был разбит наголову и в беспорядке отброшен к Голландии (20 июня). Такой же неудачей закончился его поход в конце августа на Гельдерн. Здесь он также вынужден был отступить под напором войск инфанта. На юге французы, предпринявшие осаду Сент-Омера, тоже вынуждены были отступить. Честь испанского оружия, скомпрометированная потерей Бреды, была восстановлена: католики воспряли духом. В Маастрихте был открыт заговор, имевший целью сдачу города испанцам. Заговор потерпел крах, но казненные в Голландии иезуиты, скомпрометировавшие себя в связи с ним, прославлялись как мученики [2].

В 1639 г. военные действия на суше продолжались без заметного перевеса в ту или другую сторону. Тем временем,

---

[1] *Waddington*, La République des Provinces-Unies, t. I, p. 305.

[2] *C. F. Waldack*, Historia provinciae Flandro-Belgicae Societatis Jesu, p. XXXVIII, Gand 1867.

нока кардинал-инфант отражал попытки нападения Фридриха-Генриха на Гюльст и Гельдерн, французам удалось захватом Гесдена взять реванш за поражение, нанесенное Октавио Пикколомини маршалу Фекьеру 7 июня под стенами Тионвиля. На море адмирал Тромп одержал решительную победу. Уже 18 февраля он нанес чувствительное поражение неутомимым дюнкирхенским пиратам, а затем 21 октября напал около английского берега на направлявшийся в Нидерланды испанский флот, состоявший из 67 судов с 13 тыс. бойцов. Флот этот, атакованный им в Ламанше, пытался спастись, став на рейд в Downs. Только 9 кораблям удалось добраться до порта Мардик. Испания надолго перестала существовать как морская держава, и ее военный флаг не развевался уже больше в водах Северного моря [1].

Отъезд Пикколомини, отозванного германским императором, был для Испании почти таким же чувствительным ударом. Располагая лишь недостаточными силами, кардинал-инфант вынужден был перейти к оборонительной тактике. Ему не удалось снять осады с Арраса, окруженного французами. Сдача этого города 9 августа 1640 г. произвела столь же гнетущее впечатление, как за 2 года до того падение Бреды. Но в то время как голландцам не суждено было теперь уже впредь захватывать больше кусков испанской территории, Аррас был лишь первой из тех многих богатых бельгийских провинций, которые в течение короткого времени одна за другой попали в руки христианнейшего короля.

Хотя кампания 1641 г. и не была столь неблагоприятной, как кампания предыдущего года, но все же отступление испанцев продолжалось. На севере Фридрих-Генрих занял Геннеп в герцогстве Клевском; на юге французы продолжали свое продвижение в Артуа, где они захватили Ла Бассе, Лан (Lens) и Бопом. Войска только что разместились на зимние квартиры, когда вдруг распространилась весть о внезапной смерти кардинала-инфанта, погибшего 9 ноября в возрасте 33 лет от оспы.

Его преемник дон Франсиско де Мело блестяще начал свою карьеру. Пользуясь бездействием голландцев, он прогнал французов из Лана и Ла Бассе и одержал 26 мая 1642 г. при Гоннекуре блестящую победу над маршалом Гиш. Знамена, отнятые у неприятеля, были отправлены в Мадрид, где они послужили украшением церквей св. Иакова Компостель-

[1] *M. G. de Boer*, De Armada van 1639, Groningen, 1911. Несколько кораблей, выбросившихся на английский берег, прибыли 4 ноября в Дюнкирхен.

ского и богоматери Атохской. Победитель был возведен в звание гранда и получил титул маркиза Тор де Лагуна [1].

Его успех, являвшийся величайшим удовлетворением для самолюбия испанцев, лишь еще резче подчеркнул последовавшие за ним тяжкие неудачи. В следующем году, 19 мая 1643 г., герцог Энгиенский напал на войска Мело при Рокруа и разгромил их, несмотря на героизм их полководца. Правда, они опять собрались в Фонтен-Левеке, но не могли помешать врагу после сделанной им вылазки в Генегау захватить 8 августа Тионвиль. Зато по крайней мере положение не ухудшилось на севере, где удалось отразить попытки нападения Фридриха-Генриха на Фландрию.

Но дни правления Мело были уже сочтены. Он был ставленником Оливареса, впавшего в немилость в январе 1643 г., и, чтобы удержаться после потери своего покровителя, ему нужны были блестящие военные подвиги. Его неудачи погубили его. В декабре Филипп IV заменил его своим побочным сыном дон Жуаном Австрийским, юношей 14 лет. Это назначение было тем более неудачным, что настроение умов было в Бельгии не менее тревожным, чем военное положение. Споры по поводу янсенизма, разразившиеся в связи с недовольством и беспокойством, порожденными последними поражениями, сильно волновали общественное мнение, приводя в замешательство даже правительство. Вследствие поддержки, оказанной Мело и председателем Розе мехельнскому архиепископу и Лувенскому университету в их борьбе против буллы, осуждавшей «Augustinus», на них обрушились со своими нападками иезуиты [2]. Население стало на сторону последних. В августе и сентябре 1644 г. дело дошло до мятежей в Генте, Брюгге и Брюсселе, где разграблен был дом штатгальтера. Франция попыталась извлечь для себя выгоду из этих событий. Мазарини, только что сменивший Ришелье, попытался — впрочем, безуспешно, — воспользоваться озлоблением Мело, чтобы подкупить его [3]. Его соблазнял план вызвать в Бельгии восстание и, быть может, провести избрание здесь государем герцога Орлеанского. Поэтому он подстрекал графа Эгмонта, все еще находившегося в эмиграции во Франции, побудить своих соотечественников к восстанию и обрабатывал общественное мнение с помощью брошюр, призывавших провинции восстановить свою независимость и создать, наподобие Швейцарии, федерацию кантонов [4]. В августе

[1] *Gachard*, Les Bibliothèques de Madrid et de l'Escurial, p. 205, 206.
[2] *J. Cuvelier*, Biographie Nationale, t. XIX, слово Roose.
[3] *Waddington*, La République des Provinces-Unies..., t. II, p. 14.
[4] Ibid., p. 13 etc., 76; *Lonchay*, La rivalité de la France et de l'Espagne, p. 119; ср. также *F. van der Haeghen*, Bibliographie gantoise, t. II, p. 34.

1644 г. секретарь Галаретта писал в Мадрид, что «любовь к королю угасает в сердце народа», который замышляет втайне какие-то козни вместе с врагом [1]. Дворянство, ставшее осторожным после подавления заговора 1630 г., повидимому не принимало никакого участия в этом движении. Но высшее духовенство, руководимое мехельнским архиепископом и ненавистными мадридскому двору янсенистами, проявляло антииспанские настроения и говорило о соглашении с Францией, где могли свободно излагаться учения «Augustinus» [2].

Назначение дон Жуана было принято с таким явным недоброжелательством, что Филипп IV благоразумно счел нужным некоторое время не давать поводов для нового недовольства. Молодой принц не уезжал из Мадрида под тем якобы предлогом, что Людовик XIII отказывал ему в охранном листе. Мело продолжал исполнять свои обязанности до сентября 1644 г., когда гражданское управление Бельгией было передано другу иезуитов дон Мануэлю де Мура, маркизу де Кастель Родриго, а военные дела — Октавио Пикколомини, недавно прибывшему из Испании. Это неразумное разделение власти привело вскоре к враждебным столкновениям между обоими правителями. Их раздоры вконец ослабили последние попытки сопротивления, которые и без того не в состоянии были справиться с объединенными силами Франции и Соединенных провинций. Ни в одном пункте не удавалось отразить врага. В 1644 г. голландцы захватили Дальгем, Рольдук, Фокмон и Сас-ван-Гент, а французы — Гравелинг. В следующем году голландцы так близко подошли к Генту, что «они могли рассмотреть время на циферблате башенных часов» [3], и вслед за тем взяли Гюльст, завоевали левый берег Шельды (4 ноября), между тем как французы, почти без боя, заняли Мардик, Кассель, Сен-Венан, Бетюн, Армантьер, Варнетон, Комин и Менен. Кампания 1646 г. ознаменовалась еще более блестящими успехами, 29 июня капитулировал Куртрэ, 11 октября принц Кондэ овладел Дюнкирхеном, пираты которого в течение стольких лет непрерывно нападали на суда Соединенных провинций.

Страдания Бельгии, зажатой в тесном кольце врагов, достигли последнего предела. Французские и голландские бродяги грабили на дорогах, и «четыре члена» Фландрии заявляли, что солдаты грабили «с такой яростью и неистовством, что некоторые военачальники открыто признавались, что они никогда не видели ничего подобного, вследствие

---

[1] *Gachard*, Les Bibliothèques de Madrid et de l'Escurial, p. 236.
[2] Ibid., p. 235.
[3] *Waddington*, La République des Provinces-Unies..., t. II, p. 145.

чего... страна совершенно опустошена и покинута жителями»[1]. Заняв, как советовал Мазарини, устье канала, идущего из Гента в Брюгге, Фридрих-Генрих мог бы прекратить подвоз продовольствия к Фландрии, Брабанту и Генегау. Но голландские купцы продавали этим провинциям зерно, и принц не решался озлоблять их против себя, лишая их больших прибылей[2]. Война ни в коем случае не должна была вредить торговле, и суда, груженные зерном, продолжали попрежнему свободно курсировать в районе завоеванных областей.

Положение было не намного лучше в районах, не занятых неприятелем. Войска, приведенные на помощь королевской армии герцогом Карлом IV Лотарингским, союзником Испании с 1641 г.[3], вели себя в Бельгии с грубостью авантюрной военщины, прошедшей школу 30-летней войны. Будучи сам авантюристом и не имея никаких других источников существования, кроме своих наемников, герцог «смеясь», позволял своим людям компенсировать себя за счет крестьян за задержки в выплате жалованья. Они были настоящим бичом повсюду, где бы они ни появлялись, и название «лотарингца» в течение долгого времени внушало такой же ужас, как в начале XIX в. слово «казак».

При этих плачевных обстоятельствах население Бельгии, потеряв всякую надежду на свое никчемное и скомпрометировавшее себя правительство, пассивно примирилось со своей печальной участью. Ему было совершенно безразлично, принадлежать ли Испании, которая не могла больше защитить его, или Франции, которая захватывала куски его страны: оно ждало хозяина, которого навяжут ей войска или договоры. Его беспокоили только успехи голландцев, так как они угрожали его католической вере, и можно с уверенностью сказать, что в тех редких случаях, когда оно то тут, то там проявляло вспышки энергии, это вызывалось исключительно заботой о религии. Так, в 1646 г. некоторые «ревнители католической религии» предложили маркизу Кастель Родриго, по инициативе одного капуцина, добровольное обложение на содержание полка солдат, и среди подписавшихся были наряду с архиепископом мехельнским множество аббатов и аббатис, председатель Розе, члены брабантского совета, счетной палаты и т. д.[4].

---

[1] *Gachard*, Inventaire des archives des Chambres des Comptes t. III, p. 105.

[2] *Waddington*, op. cit., t. II, p. 76.

[3] *Lonchay*, La rivalité de la France et de l'Espagne, p. 103 etc.

[4] *J. van den Gheyn*, Le régistre du marquis de Castel Rodrigo pour la contribution volontaire de 1646, «Mélanges G. Kurth», t. I, p. 331

11 апреля 1647 г. новый наместник эрцгерцог Леопольд Вильгельм прибыл в Брюссель. Сын императора Фердинанда II и кузен Филиппа IV Леопольд Вильгельм был одним из тех многочисленных, созданных германской контрреформацией, католических принцев, которые посвятили себя защите религии при помощи политики и при помощи оружия, предоставив своим коадъюторам заботу о распространении католического вероучения. Леопольд Вильгельм был истым солдатом, но солдатом веры в полном смысле этого слова. Воспитанный иезуитами и будучи поэтому яростным противником янсенистов, он, благодаря своему знатному происхождению, получил одно за другим епископства Страсбургское, Гальберштадтское, Ольмюцское и звание гросмейстера Тевтонского ордена. Но начиная с 25-летнего возраста он вступил на военное поприще. Враги католической церкви и габсбургского дома, между которыми он не проводил разницы, убедились на полях сражения в его смелости, его упорстве и в железной дисциплине, которой подчинены были его войска. Он заставлял своих офицеров и даже своих солдат принимать участие в религиозных обрядах, которым он предавался со свойственным ему пылким и мрачным благочестием. С возгласом «Jesus-Maria» он бросал их на штурм крепостей [1]. Французы, издеваясь, рассказывали, что его окружение производило впечатление, точно оно всегда готово петь заутреню, и что часовые его дворца избрали себе лозунгом «Deo Gratias». Его постоянной эмблемой был крест, обвитый двумя лавровыми ветками. На одной из этих веток открытый глаз изображал бодрствующее божество, а на другой узда символизировала строгость власти, которую он собирался применять; внизу креста изображен был лев, убегающий от ягненка, с надписью: «Timore Domini» [2].

Прежде чем взять на себя управление Бельгией, он потребовал свободы действий и получил ее. Он избавился от председателя Розе, не созывал больше правительственных советов, открыто нарушал существовавшие еще свободы провинций, словом, ввел в стране своего рода осадное положение, при котором все приносилось в жертву нуждам обороны. Но так как он привел с собой подкрепления из Германии, то первый же его поход приостановил продвижение французов. Тем временем, пока Бек сдерживал натиск их в Люксембурге,

---

[1] «Journal du siège de la ville d'Armentières», Tournai, 1647, p. 24, перепечатка (Lille, 1876).

[2] *Waddington*, La République des Provinces-Unies..., t. II, p. 115; ср. *Gossart*, L'auberge des princes en exile. Anecdotes de la cour de Bruxelles au XVII siècle, Bruxelles 1905, p. 188.

он сам направился к наиболее опасной границе и отвоевал назад Армантьер, Комин, Лан и Ландреси.

Эти успехи объяснялись отчасти бездействием голландцев, позволившим ему обратить все свои силы на юг. Соединенные провинции за последнее время стали заметно уставать от войны. Владея Мастрихтом, Буа-ле-Дюк, Бредой и укрепленными пунктами, расположенными вдоль устья Шельды, Нидерландская республика создала своего рода «барьер», неприступный для Испании. Поэтому к чему ей было продолжать итти на тяжелые жертвы ради борьбы, сулившей лишь одни опасности? Не очевидно ли было, что новые успехи в Бельгии рано или поздно приведут к завоеванию Антверпена, которого так боялись амстердамские купцы?[1] Кроме того не выиграет ли в первую голову Франция от продолжения войны? Не подвергали ли себя Соединенные провинции ужасному риску стать непосредственными ее соседями, помогая ей завоевать Бельгию? Было отлично известно, что Мазарини отказался от завстной идеи Ришелье и не думал больше о том, чтобы сделать Бельгию буферным государством. Он явно стремился присоединить ее к Франции либо оружием, либо путем отдачи ее в приданое инфанте, которая выйдет замуж за молодого Людовика XIV. «Барьер», которого было достаточно, чтобы остановить Испанию, окажется ли он также неприступным и для христианнейшего короля? Разве осторожность и правильно понятые интересы не предписывали щадить впредь прежнего врага и отдать ему ту часть Нидерландов, которой он еще владел, чтобы он мог воспользоваться ею как барьером? Французские армии решительно забрались слишком далеко. Недавнее взятие Дюнкирхена, очень ободрив купцов, которых оно избавило от этого опасного пиратского гнезда, в то же время внушало им страх перед французской конкуренцией в водах Северного моря.

Под влиянием всех этих соображений партия мира становилась в Нидерландской республике с каждым днем сильнее. Правда, в 1646 г. опять возобновлен был договор о субсидии, ежегодно, начиная с 1635 г., подписывавшийся с парижским кабинетом. Но старый Фридрих-Генрих Оранский, разбитый параличом и впавший почти в слабоумие, вел войну очень вяло, и на этом фоне энергия и удачи французов выделялись еще резче. Это был для Соединенных провинций последний акт войны. Для них наступил момент покинуть своего слишком могущественного союзника и вступить с Испанией в сепаратные переговоры о мире.

Испания давно уже старалась склонить их к этому. В те-

[1] *Gachard*, Les Bibliothèques de Madrid et de l'Escurial, p. 257.

чение 11 лет она, продолжая войну, беспрестанно делала заманчивые предложения генеральным штатам или принцу Оранскому. Всякого рода агенты, монахи, военные, купцы полуофициально вели эти переговоры, которые старались всячески скрыть от Франции и которые благодаря окружавшей их тайне приобретали иногда характер подозрительных интриг. В 1635 г., сейчас же после успехов кардинала-инфанта, одно время полагали, что цель, наконец, достигнута. Переговоры ни к чему не привели повидимому только из-за непомерных требований испанского короля, который, ободренный взятием форта Шенка и подкреплениями, полученными от германского императора, отказался признать Соединенные провинции «свободными штатами» [1]. Новые попытки, предпринятые в 1638 и 1639 гг., остались безрезультатными, и столь же безуспешны были в 1640—1641 гг. попытки герцога Буйонского, племянника Фридриха Генриха и врага Ришелье. Ни к чему не привело также в 1641 г. вмешательство германского императора и датского короля. В 1643 г. дон Франсиско де Мело безуспешно пытался привлечь на свою сторону принца Оранского и амстердамских купцов, а в 1644 г. маркиз Кастель Родриго, чтобы смягчить недовольство мехельнского архиепископа и гентского епископа, склонил их к участию в одном проекте перемирия, осуществлением которого в 1645 г. занималось множество полуофициальных лиц — один барон, один аббат, один капуцин, одна знатная дама и сам гентский епископ [2].

Но открытие Мюнстерского конгресса в 1646 г. позволило приступить под флагом всеобщего мира к систематическим переговорам. Уже в январе уполномоченные генеральных штатов вступили здесь в переговоры с испанскими послами — графом Пенаранда, архиепископом Камбрэ, Жозефом де Бергеном и ловким Адольфом Брюном, родом из Франш-Контэ. В июле пришли к соглашению относительно 70 временных статей, а 8 января 1647 г. заключен был прелиминарный договор. Все усилия, приложенные Мазарини в Гааге, привели лишь к тому, что ставшее теперь уже неизбежным соглашение было отсрочено на несколько месяцев. Требование голландцев, чтобы отправление католического богослужения было формально запрещено в районе города Буа-ле-Дюк и других завоеванных ими территорий, вызвало еще некоторые затруднения. Наконец, 30 января 1648 г. Мюнстерский мир был подписан всеми его участниками и 15 мая публично ратифицирован в торжественной обстановке, увеко-

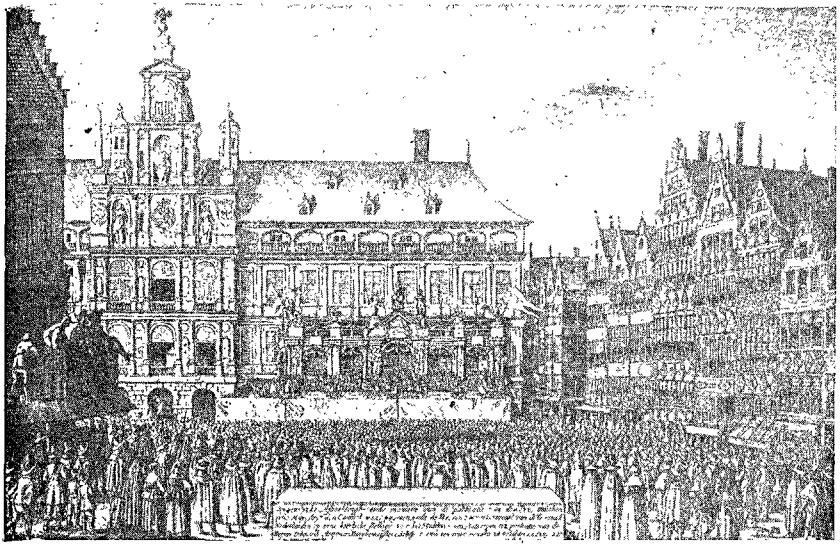
[1] *Waddington*, La République des Provinces-Unies..., t. I, p. 345 etc.
[2] *Gachard*, Les Bibliothèques de Madrid et de l'Escurial, p. 237.

веченной для потомства на картине Тер-Бурга, находящейся в Лондонской национальной галлерее [1].

Этот знаменитый мир можно считать окончательным завершением перемирия 1609 г. Все важнейшие статьи последнего вошли в Мюнстерский мирный договор, с той лишь разницей, что из временных они превратились в постоянные. На этот раз католический король навсегда признал Соединенные провинции «свободными и независимыми штатами, провинциями и областями», в отношении которых «он не имеет никаких претензий» и которым он навсегда предоставлял завоеванные ими территории. Он уступал им в полную собственность район города Буа-ле-Дюк с прилегающими к нему частями, город и маркграфство Берг-оп-Зом, город и баронию Бреду, город Маастрихт вместе с районом его юрисдикции, графство Вронгоф, город Грав, область Кейк, Гюльст с бальяжем и округом, округ Аксель, форты «которыми штаты владели в настоящее время в Ваасской области», и три опорных пункта по ту сторону Мааса — Фокмон, Дальгем и Рольдук. Что же касается округа Верхнего Гельдерна с Венло, Гельдерном и Рурмондом, то он должен был быть обменен на равноценную область. «Паритетная комиссия», составленная из 8 советников с каждой стороны, должна была в дальнейшем принять решение по этому пункту, а равным образом и по поводу всех спорных вопросов, которые могли возникнуть в связи с выполнением договора. Подданным испанского короля предоставлялась свобода совести в Нидерландской республике, а жителям Соединенных провинций «в землях его величества», но с условием, что и те и другие будут вести себя «вполне скромно, не подавая никаких поводов — ни словами ни делами — к возмущению или богохульству». Наконец, торговля должна была вестись обеими сторонами беспрепятственно; новые пошлины должны были быть уничтожены, а также возвращались суда и товары в том случае, если их захват был произведен не из-за неуплаты долгов или невыполнения законных обязательств. Однако «воды Шельды, а равным образом и каналы Сас, Звин и некоторые примыкающие к ним устья рек, должны были быть закрыты со стороны штатов» и «суда и товары, привозимые из фландрских гаваней, должны были облагаться королем всеми теми пошлинами, какие взимаются со всех товаров, отправляемых по Шельде и по другим вышеупомянутым каналам».

Таким образом доведенная до истощения Испания отказалась окончательно от политики Филиппа II, чтобы иметь

[1] *Waddington*, La République des Provinces-Unies, t. II, p. 174 etc.



ОБЪЯВЛЕНИЕ МЮНСТЕРСКОГО МИРА ПЕРЕД РАТУШЕЙ В АНТВЕРПЕНЕ

возможность собрать свои оставшиеся силы против Франции. Католический король вынужден был сложить оружие перед протестантами и республиканцами, боровшимися с ним в течение 80 лет. Обе провинции, доведенные до восстания против него в 1572 г. деспотизмом герцога Альбы и влиянием кальвинизма, стали крупной державой, добившейся блестящих успехов благодаря своему флоту и своей армии. Фарнезе и Спиноле при всех их военных талантах не удалось победить Нидерландскую республику, и благодаря землям, завоеванным ее мореплавателями в Ост- и Вест-Индии, она могла гордо заявить в свою очередь, что солнце никогда не заходит над ее государством. Чтобы избавиться от угрозы этого опасного врага, Филипп IV решил принести ему в жертву ту часть Нидерландов, которая еще принадлежала ему. Действительно, именно Бельгия расплачивалась в Мюнстере за Испанию. Она послужила испанской монархии выкупом. Тщательно отстраненная от всякого участия в переговорах, она безжалостно принесена была испанскими уполномоченными в жертву требованиям Голландии. По той бесцеремонности, с какой король обращался с ней, можно было ясно убедиться в том, что он считал ее своим простым владением, с которым он мог поступать по своему усмотре-

нию. Он попирал ногами насущнейшие интересы ее населения. Он завершил разорение ее, согласившись на закрытие Шельды и прибрежных портов. Отныне католические Нидерланды, бывшие в свое время «землей, принадлежавшей всем народам» [1], и мировым рынком, превратились в лишенный выхода тупик. Их каналы, их набережные, их товарные склады, созданные трудолюбивыми руками предшествующих поколений, теперь должны были служить лишь горьким напоминанием об исчезнувшем благосостоянии. В разгар самых напряженных военных действий все еще могла теплиться какая-то надежда. Но когда между королем и Соединенными провинциями произошло окончательное примирение, последние иллюзии рассеялись. Нечего было больше рассчитывать на будущее: оно было закрыто так же, как Шельда перед Антверпеном. Если оно и должно было принести с собой какие-нибудь изменения, то это были лишь новые бедствия, так как прикованная к Испании Бельгия неминуемо должна была итти вместе с ней к гибели и принимать на себя удары, которые будут наносить Испании ее враги. Лишенная возможности свободно располагать собой, она обречена была превратиться в тело без души, в простой объект для договоров, в барьер, в поле для битв. Единственным результатом гигантских усилий, потраченных ее повелителями, было восстановление и окончательная победа католицизма. Но сбылись слова, сказанные герцогом Альбой Филиппу II, — провинции избегли ереси лишь ценой своего полного разорения [2].

[1] «Histoire de Belgique», t. III, p. 214.
[2] См. выше, стр. 127.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ЛЬЕЖСКАЯ ОБЛАСТЬ

I

В течение всего средневековья история Льежской области была тесно связана с историей других нидерландских территорий. Духовная юрисдикция льежского епископа простиралась на Люксембург, графство Намюрское, Генегау, Брабант, Лимбург и доходила до Гельдерна. Ввиду этого Льежское духовное княжество находилось в сношениях как с фламандскими, так и с валлонскими областями, и эти отношения были тем более тесными, что благодаря своему населению — романскому на юге и фламандскому на севере — оно было сродни обеим национальностям, которые делили между собой Бельгию. Разумеется, оно часто находилось во враждебных отношениях со своими соседями, особенно с самым могущественным из них — герцогом Брабантским. Но эти раздоры, являвшиеся естественным следствием феодальной раздробленности, не были ни многочисленнее, ни серьезнее тех конфликтов, которые в это же время так часто приводили к столкновениям между Брабантом, Фландрией и Генегау. Льежская область бесспорно составляла с ними одну единую семью. Несмотря на различия, вызывавшиеся духовным саном ее князя, она ввела у себя такие же учреждения, как и у них, пользовалась аналогичными свободами и отличалась тем же преобладанием городского населения в политической жизни страны. В конце XII в. ее торговля, все больше направлявшаяся к фландрским портам, связала ее новыми узами с остальными частями Нидерландов.

Можно было ожидать, что в бургундский период Льежская область совершенно сольется с ними, но вышло наоборот[1]. Подобно Гельдерну, Льеж с помощью Франции оказы-

[1] «Histoire de Belgique», t. II, 2-ème éd., p. 265 etc.

вал отчаянное сопротивление попыткам бургундских герцогов навязать ему протекторат, являвшийся лишь скрытой формой аннексии. «Столица» яростно защищала городские вольности от монархического правительства Филиппа Доброго и Карла Смелого. Пришлось предать ее огню, чтобы преодолеть ее героическое сопротивление. Но смерть ее победителя вернула Льежу его независимость. Он воспользовался кризисом, который в 1477 г. чуть не привел к распаду Бургундского государства, чтобы освободиться от него. Это восстановление его независимости было вскоре закреплено во время царствования Максимилиана благодаря разделению Германской империи на «округа». Вместо того чтобы быть отнесенной к Бургундскому округу, она была включена в Вестфальский округ. Поэтому с этого времени воссоединение Льежа с остальными Нидерландскими провинциями на законном основании стало невозможным. Его принадлежность к Германской империи вскоре утвердилась, обеспечив его впредь от дальнейших попыток захвата. В то время как на основании Прагматической санкции и Аугсбургского соглашения Карл V фактически изъял Бургундский округ из-под власти Германской империи, Льеж остался как член Вестфальского округа подчиненным Шпеерской и Вецларской имперским палатам и обязан был выплачивать «денежные взносы имперских чинов на чрезвычайные нужды (римские месяцы)». Хотя почтенная, уважаемая и бессильная священная Римская империя германской нации никогда не в состоянии была защитить Льежское духовное княжество, но все же она гарантировала ему известный иммунитет от Нидерландов, служивший ему защитой. Двуглавый орел, украшавший до конца XVIII в. фасады и крыши льежских учреждений, стал символом его независимости.

Однако Карлу V удалось благодаря договору о союзе 1518 г. превратить эту независимость скорее в мнимую, чем в действительную [1]. Преемники епископа Эбергарда Маркского были не более, чем простыми «капелланами» Марии Венгерской и отличались необычайной покорностью брюссельскому правительству. Но вступление на престол Филиппа II означало для Льежской области, как и для Бельгии, начало новой эры. Не порывая очень близких взаимоотношений с ней, Льежское духовное княжество стало теперь все сильнее отличаться от нее. Оно не было подобно Бельгии втянуто в бесконечные войны, а объявило себя навсегда нейтральным. В то время как в Брюсселе победила монархическая система, Льеж прилагал все усилия к тому, чтобы пре-

[1] «Histoire de Belgique», t. III, p. 155.

вратиться в республику. Два главных врага католических Нидерландов, Франция и Соединенные провинции, взяли на себя — или во всяком случае делали вид, что взяли на себя — защиту его от Испании. Наконец, одновременно с экономическим упадком бельгийских провинций льежская промышленность стала развиваться необычайно быстрым темпом. Словом, начиная со второй половины XVI в. Льежское духовное княжество стало отличаться от остальных частей Бельгии особым своеобразием, известные черты которого сохранились вплоть до наших дней. Хотя сохранение религиозного единства помешало этому своеобразию выявиться таким же наглядным образом, каким отличались между собой, несмотря на общность языка, католическая Фландрия и кальвинистская Голландия, тем не менее это своеобразие было настолько резко выражено, что оно наложило на льежцев, не в пример прочему валлонскому населению, совершенно особый отпечаток. И теперь еще, проезжая из Намюрского графства в Кондроз например, можно по стилю построек и по особому духовному складу жителей легко убедиться в том, что ты только что перешел какую-то историческую границу.

Одно из первых и важнейших мероприятий Филиппа II — создание новых епископств — может считаться исходным пунктом вышеуказанной эволюции. Ввиду создания мехельнского, антверпенского, намюрского, рурмондского и буа-ле-дюкского диоцезов, льежское епископство лишилось духовной юрисдикции, которой оно пользовалось в течение стольких веков над той частью Нидерландов, которая когда-то входила в старинные границы Civitas Tungrorum. За ним сохранилась только территория княжества вместе с герцогствами Лимбургским и Люксембургским. Возмущение капитула и епископа было тем сильнее, что у них даже не спросили их мнения по этому поводу. С апатичным от природы епископом Робертом Бергским чуть не приключился «припадок ярости» [1]. Не помогло ни обращение к посредничеству кельнского архиепископа ни посылка в Рим Левина Торренция; папа, разумеется, не мог пожертвовать ради продиктованных личными интересами возражений льежского духовенства реформой, которая была так полезна для защиты католичества. Тем не менее капитул в течение нескольких лет оказывал ей упорное сопротивление. Еще в 1565 и 1566 гг. льежский официал продолжал оспаривать права буа-ле-дюкского епископа и пытался восстановить против него населе-

[1] *Weiss*, Papiers d'État de Granvelle, t. VI, p. 330.

ние [1]. С течением времени удалось наконец справиться с этим бесцельным сопротивлением. Льежскому епископству пришлось примириться с устранением его из нидерландской церковной организации. У него не было даже того утешения, как у епископства Камбрэ, которое возвели в архиепископство. Оно осталось обыкновенным суфрагантным епископством Кельнского архиепископства. Как и само Льежское духовное княжество, оно оказалось включенным в Германскую империю.

Освободившись от вмешательства Льежского духовного княжества, Филипп II не отказался однако от протектората над ним, установленного Карлом V. Он сознавал, как опасно было для его бургундских провинций восстановление французского влияния в Льежском духовном княжестве или переход кафедры св. Ламберта к немецкому епископу, который, «опираясь на Германскую империю, стал бы соответственно настраивать Нидерланды» [2] и пожалуй даже, обратившись в лютеранство, навязал бы его, в соответствии с постановлениями Аугсбургского религиозного мира, своим подданным. Так как епископ Роберт Бергский отличался слабым здоровьем, предвещавшим его близкую смерть, то король поручил Маргарите Пармской добиться добровольного отречения его и провести назначение коадъютора, который был бы другом Испании. Капитул легко согласился на это, так как он недоволен был Робертом, несправедливо подозревая его в том, что он якобы был сторонником учреждения новых епископств. 1 мая 1562 г. Жерар Гросбекский стал коадъютором, а 6 марта 1563 г. был избран епископом, еще до того как его предшественник согласился на отречение (11 апреля 1564 г.). Правда, это был не тот кандидат, которого желал бы испанский король. Но так как он не питал по крайней мере никаких опасений на его счет, то он сделал вид, что совершенно удовлетворен, и поспешил принести ему поздравления.

В отличие от прелатов из среды высшей знати, назначавшихся при участии Карла V, Жерар Гросбекский происходил из гельдернской баронской семьи среднего достатка, предназначавшей его смолоду для духовной карьеры. Мало-помалу он стал деканом льежского капитула, и избрание его доказывало, что последний, не желая внушить Испании не-

---

[1] «Analectes pour servir à l'Histoire Ecclésiastique de la Belgique», t. VII, 1870, p. 101; cp. St. Bormans, Répertoire chronologique des conclusions capitulaires du chapitre cathédral de Saint-Lambert, Liège 1869—1875, p. 147, 149, 162 etc.

[2] *Lonchay*, De l'attitude des souverains des Pays-Bas à l'égard du pays de Liège au XVI siècle, Bruxelles 1888, p. 135.

доверия, в то же время стремился не допустить, чтобы Филипп II попрежнему определял выбор епископов.

Приход Жерара Гросбекского к власти совпал с началом периода политического брожения в Нидерландах, которым тотчас же воспользовался протестантизм. Льежское духовное княжество в связи с этим неизбежно должно было ощутить на себе отраженное действие этого кризиса.

Правда, религиозные дела были здесь совершенно в ином положении, чем в бургундских провинциях. Лютеранство проникло сюда в незначительной степени, и об анабаптистах, которые в 1534 г. вызвали беспорядки в Маастрихте и его окрестностях, после этого не было слышно. По примеру Карла V Эбергард Маркский хотел применить крутые меры против ереси, но этому воспротивились штаты и в особенности «столица». Император мог не считаться с омерзением, которое вызывало у его подданных самое слово «инквизиция», епископ же вынужден был считаться с настроениями своей паствы. Хотя льежцы были почти все католиками, однако они были решительно против того, чтобы их князь-епископ путем введения какого-то чрезвычайного суда по делам религии нарушил их права, освященные традиционным устройством их правосудия [1]. В 1523 г. штаты помешали ему огласить Вормский эдикт и не позволили ему опубликовать его в 1527 г., до тех пор пока он не согласился прибавить к нему сводившие его на-нет слова, «не нарушая закона и свободы» (sauf loi et franchise). Попытки папского инквизитора Жамоле взять на себя руководство делами, касающимися ереси, натолкнулись на упорное сопротивление 32 цехов Льежа.

На основании эдикта от 9 июня 1533 г. порядок судебного преследования по делам ереси был окончательно установлен в соответствии с их желаниями. Отныне прежде чем арестовать какого-нибудь подозрительного гражданина, надо было иметь «достаточное доказательство» [2], и это доказательство должно было приводиться перед лицом восьми эшевенов — представителей «закона», и перед «иммунитетом», т. е. двумя бургомистрами и 14 присяжными столицы. Если обвиняемый был иностранцем, действовал только «закон». Церковный трибунал официала выступал только в тех случаях,

---

[1] *Lonchay*, Les édits des princes-évêques de Liège en matière d'hérésie au XVI siècle, «Travaux du cours pratique d'histoire nationale de P. Fredericq», t. I, Liège 1883, p. 25 etc.

[2] «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 3-ème série, t. III, 1862, p. 400.

когда дело шло об осуждении духовного лица[1]. Таким образом преступление по обвинению в ереси осталось в основном подчиненным принципам общего права. Ужасная система репрессий, которую Карл V навязал Нидерландам своими указами против еретиков, не коснулась Льежского духовного княжества. Здесь светский человек, преследуемый по делам веры, защищался перед обыкновенными судами, и по крайней мере для горожанина виновность должна была быть очень очевидной, чтобы «иммунитет» согласился осудить его. Кроме того осуждение не влекло за собой смертной казни, за исключением тех случаев, когда факт ереси усугублялся еще покушением на общественную безопасность, как это было в 1534—1535 гг. с анабаптистами Мастрихта. Как правило, довольствовались отречением обвиняемого от своей веры, если же он отказывался от этого, то его изгоняли, оставляя за ним возможность реализовать свое имущество, которое ни под каким видом не могло быть конфисковано. Роль епископских инквизиторов ограничивалась розысками протестантов и привлечением их к суду. Епископы делали слабые попытки заставить светских чиновников помогать им, но попытки эти не имели никакого успеха[2]. Начиная с 1555 г. Аугсбургский религиозный мир уничтожил к тому же всякую возможность ввести в Льежской области, как на территории, принадлежавшей Германской империи, указы Карла V против еретиков. Но если Аугсбургский мир отменял смертную казнь для еретиков, то он обязывал их выселяться, и даже это наказание казалось льежцам слишком суровым. В связи с этим Жерар Гросбекский не решался опубликовать этот религиозный мир.

Между тем католическая религия в Льежской области никогда еще не была в большей опасности чем ко времени избрания епископом Жерара Гросбекского. Кальвинизм вскоре проник из Нидерландов в Льежское духовное княжество, и уже в 1560 г. здесь можно было встретить первых его сторонников[3]. Их пламенный прозелитизм вскоре дал себя знать. Всюду, где они находились, они демонстративно подчеркивали свое презрение к католической церкви и вели очень энергичную пропаганду. В Франшимоне, куда они явились из Лимбургской области, о распространении их влияния и об их успехах свидетельствовало увеличение числа «публичных оповещений», запрещавших оскорблять священников,

[1] В этом случае иногда выносились смертные приговоры. *Daris*, Histoire du diocèse et de la principauté de Liège pendant le XVI siècle. Liège 1884, p. 55, 61.
[2] Ibid., p. 140.
[3] Ibid., p. 206.

нарушать отправление богослужения и доверять воспитание детей учителям, не рекомендованным духовными властями. В Льеже в 1561 и 1562 гг. многие ремесленники требовали свободы вероисповедания. По мере расширения влияния кальвинизма в Нидерландах он все больше укреплялся на берегах Мааса. К подготовлявшемуся на льежской территории — сначала в Спа, а затем в Сен-Троне — дворянскому «компромиссу» примкнули также некоторые дворяне из графства Лоз и Газбенгау. Принц Оранский насчитывал немало приверженцев среди крупной буржуазии «столицы». В 1566 г., когда Маргарита Пармская, напуганная восстанием иконоборцев, согласилась временно допустить протестантские проповеди, Мастрихт стал одним из очагов реформационного движения. Так как Мастрихт был в общем владении Нидерландов и Льежской области, то город извлек для себя из разрешения правительницы большую пользу. Протестантский священник Герман Моде организовал здесь кальвинистов и сумел им внушить свою пламенную энергию, так что спустя несколько недель они навязали свою волю большинству католического населения. Отсюда движение распространилось в графство Лоз, в Мазейк и в Гасселт и привело там к тем же последствиям. Казалось, что протестантское движение вот-вот охватит все княжество. Из Антверпена и из Пфальца прибывали все новые пасторы; распространился слух, что некоторые из них тайно проникли в Льеж. Вооруженные толпы сеяли панику на улицах Вервье своими криками: «Да здравствуют гёзы!», «Да здравствует Бредероде!». Новаторы развили усиленную деятельность во всей Франшимонской области. Они открывали школы не только в Вервье, но также в Энсивале и в Стамбере, и католические священники с ужасом констатировали резкое уменьшение числа прихожан, являвшихся к причастию [1].

Пораженный неожиданностью развернувшихся событий, епископ не решился сначала прибегнуть к силе, опасаясь вызвать восстание. Решимость и отважность кальвинистов ввела его так же, как и Маргариту Пармскую, в заблуждение относительно их реальных сил. Он не делал никаких попыток применить против еретиков указы, изданные Вестфальским округом. Чтобы помешать их пропаганде, он ограничился привлечением сюда нескольких иезуитов из Кельна и Нимвегена [2].

[1] Мое изложение построено на фактах, сообщаемых: *Daris*, op. cit., *Thisquen*, Histoire de la ville Limbourg, Verviers 1909; *Rahlenheck*, L'Eglise de Liège et la Révolution, Bruxelles 1884, а также на интересных сведениях, коими я обязан любезности помощника архивариуса Льежского государственного архива, г. Ферона.

[2] *J. Hansen*, Rheinische Akten zur Geschichte des Jesuitenordens, Bonn, 1896, S. 526, 533, 538, 552.

Но начавшаяся вскоре в Нидерландах католическая реакция придала ему смелости. После разрыва правительницы с дворянами, участниками «компромисса», после занятия Нуаркармом Турнэ и начала осады Валансьена он убедился, что агитация протестантов носила поверхностный характер, и понял, что ей не удалось еще затронуть основной толщи широких народных масс и что своими успехами она всецело обязана была замешательству властей предержащих. Он призвал дворянство страны к оружию, обратился за помощью к Вестфальскому округу, который поручил герцогу Юлихскому оказать ему помощь, и в то время как войска Маргариты Пармской восстанавливали порядок в Мастрихте, он после кратковременной осады заставил открыть себе ворота Мазейка и Гасселта.

Этой короткой кампании оказалось достаточно, чтобы рассеять опасность, которая первоначально выглядела очень грозно. Наиболее скомпрометировавшие себя и наиболее активные кальвинисты покинули страну, пополнив собой во Фландрии отряды лесных гёзов или судовые экипажи морских гёзов [1]. Одним из них был стяжавший себе громкую известность Люмэ, который взятием Бриля вызвал в 1572 г. восстание в Нидерландах. В 1567 г. в Фрайшимоне происходили еще то тут, то там некоторые бунты и разграбления церквей. В следующем году, когда армия принца Оранского прошла через Льежскую область, часть городского населения отдала бы ей «столицу», если бы этому не помешали городские власти. Но хотя католицизм и одержал здесь полную победу, однако это не повлекло за собой такого ужасного кровопролития, какое последовало в Нидерландах тотчас же после прибытия герцога Альбы. Епископ ограничивался привлечением подозрительных лиц к судебной ответственности, причем те, кто отказывался отречься от протестантизма, приговаривались к изгнанию. В 1567 и 1568 гг. было несколько случаев смертных казней, но не по обвинению в ереси, а по обвинению в восстании. Обычное право не нарушалось: «закон» и «свобода» попрежнему охраняли обвиняемых; не было никаких попыток создать в Льежском духовном княжестве хотя бы какое-то подобие «совета по делам о беспорядках».

Эта умеренность, возмущавшая испанцев [2], однако совершенно понятна, если принять во внимание, в каком положении находились в Льежском духовном княжестве рели-

---

[1] См. выше, стр. 131, 146.

[2] «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 3-ème série, t. III, 1862, p. 395 etc.

гиозные и политические дела. Морильон глубоко ошибался, обвиняя Жерара Гросбекского в религиозном индиферентизме и слабости [1]. Епископ был искренно благочестив и всецело согласен с решениями Тридентского собора, участником которого он был; он ничего так не желал, как внушить своим окружающим то самое католическое рвение, которым он был проникнут сам. Он был самым рьяным покровителем иезуитов; он доходил даже до того, что отдавал в их пользу значительную часть своих скромных доходов [2]. Он всеми силами старался улучшить нравы и церковную дисциплину в своем диоцезе, и если это ему не удавалось, то отнюдь не из-за недостатка у него доброй воли.

Льежское духовенство, пользовавшееся множеством привилегий и приученное к свободе, несовместимой с принципами, провозглашенными в Триденте, оставалось глухим к его увещаниям. Его поддерживал только великий викарий Левин Торренций, привезенный в Льеж Робертом Бергским, теолог новой школы, в сочинении которого «Poemata sacra», напечатанном в Антверпене в 1594 г., содержалась ода в честь Балтазара Жерара. Его поддержка еще резче подчеркивала то равнодушие, с каким капитул св. Ламберта относился ко всем попыткам, делавшимся епископом. Каноники, большей частью знатного происхождения, считали свои пребенды скорее своими ленными правами, чем доходами, присвоенными их духовному сану. Очень немногие из них имели докторские степени, полученные при каком-нибудь университете, и наличие крупных доходов приучило их с течением времени к легким и наполовину светским нравам [3]. В силу своих эгоистических интересов и оскорбленного чувства чести они питали сильнейшее отвращение к новшествам Тридентского собора. В защите от него своих привилегий они обнаруживали тот же партикуляризм и ту же привязанность к традиции, которую проявили в свое время и города в своей борьбе с государством за сохранение своих привилегий. В 1566 г. они помешали епископу объявить по диоцезу новые постановления Тридентского собора [4]. Низшее духовенство, имея этот пример перед глазами, обнаруживало такие же настроения. Оно отвергло в 1561 г. план основания уни-

---

[1] *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. III, p. 7.

[2] «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 3-ème série, t. III, 1862, p. 402.

[3] См. письмо Левина Торренция, «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 3-ème série, t. VII, 1865, p. 246 etc.; ср. также *Bormans*, Conclusions capitulaires, p. 53, 263.

[4] *Hansen*, Rheinische Akten, S. 552; *Bormans*, Conclusions capitulaires, p. 151.

верситета в Льеже и отказалось в 1567 г. от всякого участия в создании семинарии [1]. Жерар Гросбекский не мог также заставить его согласиться хотя бы на самое скромное обложение в пользу распространения иезуитского ордена в Льежском духовном княжестве. Ревностные католики были в отчаянии от подобного религиозного индиферентизма. В 1583 г. папский нунций ставил перед собой вопрос, не приведет ли он к полной потере диоцеза [2].

Настроение населения внушало еще больше опасений, чем настроение духовенства. Под влиянием «столицы» оно тотчас же усвоило себе в отношении такого епископа, как Жерар Гросбекский, совершенно независимое поведение, которое оно вынуждено было очень сдерживать во времена прелатов, назначавшихся Карлом V. Союз 1518 г. был, правда, возобновлен 24 августа 1569 г., но было совершенно ясно, что его сохранения желал только князь-епископ. Для укрепления своей власти он охотно прибегнул бы к поддержке герцога Альбы, и если бы капитул и штаты предоставили ему свободу, то он разрешил бы ему во время похода принца Оранского разместить свои гарнизоны в Льежском духовном княжестве [3]. Как по политическим, так и по религиозным соображениям он выдавал себя за отчаянного «испанофила». Однако это создало противоречия между ним и его подданными, и в 1576 г. он сам с грустью констатировал, что из-за его преданности католическому королю он стяжал себе неприязнь своего собственного народа [4].

Действительно, деспотизм герцога Альбы внушал льежцам ужас и отвращение, которые тем более понятны, что их собственные политические свободы сохранились почти в полной неприкосновенности. Они все время выказывали живейшее сочувствие жертвам грозного герцога Альбы. Граф Эгмонт и граф Горн были здесь не менее популярны, чем в Нидерландах, и не меньшую ненависть питали здесь также к испанцам [5]. Грубый деспотизм, свирепствовавший по ту сторону их границы, еще более усиливал их традиционную привязанность к политической независимости, которая казалась им под угрозой из-за сочувствия Жерара Гросбекского брюссельскому правительству. Вследствие эксцессов последнего им

---

[1] *Gobert*, Histoires des rues de Liège, t. III, Liège 1895, p. 307; *Bormans*, Conclusions capitulaires, p. 152.

[2] *R. Maere*, Les origines de la nonciature de Flandre, «Revue d'Histoire Ecclésiastique», t. VII, 1906, p. 575.

[3] *B. de Mendoça*, Commentaires, éd. Guillaume, t. I, Bruxelles 1860, p. 176.

[4] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. IV, p. 224.

[5] *Marguerite de Valois*, Mémoires, Paris 1881, p. 165, 170.

становилась подозрительной и власть епископа, и они полагали, что усиление прерогатив их князя-епископа грозит неминуемо ввергнуть их в рабство.

Рост благосостояния «столицы» давал ей возможность разговаривать твердо и властно и своим примером поднимать дух всей страны. Благодаря спокойствию, царившему здесь со времени благодетельного правления Эбергарда Маркского, она превратилась в промышленный центр, пожалуй самый оживленный во всей западной Европе. Шахты ее каменноугольных копей в 1573 г. проникли уже на такую глубину, что выдвинуто было обвинение, будто из-за них иссякают источники, питающие городские колодцы [1]. Число кузнецов и оружейников в городе росло с каждым годом. Множество эмигрантов, прибывших из Нидерландов, еще более увеличило население города. По словам Маргариты Валуа, в 1577 г. Льеж превосходил Лион по величине и числу жителей [2], и в 1601 г. предполагалось увеличить число его городских районов с 5 до 9 [3]. Его рабочие предместья — Сент-Маргерит, Сент-Гертруд, Сент-Вальбюрж, Сент-Вероник, Сен-Венсен, Сент-Фуа, Сен-Ремакл, — тянувшиеся вдоль берега Мааса и взбиравшиеся на холмы, окаймлявшие реку, выходили далеко за его пределы. В пригородах Льежа было рассеяно множество оружейных заводов, каменноугольных копей и доменных печей. Другие находились в местностях между Самброй и Маасом. На востоке в Франшимоне стоял грохот от ударов железных молотов. Растущая слава целебных источников Спа привлекала больных со всех концов Европы; в начале XVII в. эту воду стали вывозить в бутылках [4], и эта новая торговля содействовала развитию недавно освоенного стекольного производства. В долине Ведры в округе Вервье стало все быстрее развиваться текстильное производство. Все это движение направлялось к столице, откуда текстильные изделия, привозимые со всех концов страны, отправлялись по Маасу к голландским портам. Из фламандских частей графства Лоз в Льеж прибывало в поисках работы столько людей, что пришлось устроить для них в соборе св. Ламберта отдельное богослужение на фламандском языке [5].

---

[1] *Bormans*, Conclusions capitulaires, p. 166; см. в особенности *Th. Gobert*, Eaux et fontaines publiques à Liège, Liège 1910, p. 70 etc.

[2] *Marguerite de Valois*, Mémoires, p. 150.

[3] *Bormans*, Conclusions capitulaires, p. 283; ср. также *J. Brassine*, La population de Liège en 1650, «Bulletin de la Société d'archéologie et d'histoire du diocèse de Liège», 1904.

[4] «Bulletin de la Société verviétoise d'archéologie et d'histoire...», t. VIII, 1907—1909, p. 65, 66, 69.

[5] *Bormans*, Conclusions capitulaires, p. 120, 137, 386, 516, 517, 534.

Таким образом в то время как население Бельгии неуклонно уменьшалось и она все более оскудевала, Льежское духовное княжество быстро развивалось благодаря своему немногочисленному, но трудолюбивому населению, энергия которого вызывала восхищение иностранцев. И хотя их поражала в то же время его склонность к раздорам, но этот упрек по-своему еще резче подчеркивал избыток его энергии[1].

Расцвет льежской промышленности ясно свидетельствовал о том, что она порвала с экономическими традициями средних веков. Городской партикуляризм и цеховой протекционизм сохранились лишь в тех местностях, куда не проникли еще новые формы промышленного производства. Динан, где производство медных изделий было в таком цветущем состоянии до XV в., и города Лозского графства, пользовавшиеся когда-то плодами процветания брабантской суконной промышленности, никак не могли избавиться от организации производства, укоренившейся в них веками. Их цехи попрежнему продолжали строжайшим образом регламентировать все производство, обрекая его — вопреки стараниям некоторых новаторов — коснеть в рутине и терять постепенно свои рынки сбыта к вящшей выгоде конкурентов, более приспособившихся к новым требованиям. Отмеченная нами выше противоположность во Фландрии между молодой сельской и старой городской промышленностью[2] не менее резко обнаруживалась и в Льежском духовном княжестве. Суконное производство Вервье например походило на суконное производство Гондсхота и Армантьера не только по сорту своих легких сукон, но кроме того они необычайно похожи были друг на друга внутренней организацией производства. Действительно, подобно своим фламандским конкурентам, суконное производство в Вервье никогда не знало цеховой системы. Занятые в нем рабочие были простыми наемными рабочими, работавшими в городе или в деревне на купцов-суконщиков. Капитализм, а вместе с ним экономический индивидуализм и пролетариат были к концу XV в. его отличительными чертами и необходимым условием его успехов.

Но такой чрезвычайно простой организации, которая могла легко утвердиться в этом арденском городке без прошлого и без традиций, нельзя было встретить в Льеже, где продолжительное прошлое историческое развитие не могло не отразиться на новых тенденциях. 32 цеха, образовавшиеся в «столице» в средние века, не исчезли к тому времени, когда

---

[1] *Languet*, приводится у *Lossen*, Der Kölnische Krieg, Bd. I, S. 717, Anm. Goth 1882; *Grotius*, Annales, p. 248, 250.

[2] «Histoire de Belgique», t. III, p. 228 etc.

бурное развитие каменноугольной, оружейной и металлургической промышленности совершенно изменило облик города. Но хотя они и сохранились в прежней форме, зато они совершенно изменились по духу. Они утратили почти всякое экономическое значение, превратившись в политические организации.

Уже с конца XIV в. надо было принадлежать к какому-нибудь цеху, для того чтобы пользоваться всеми городскими привилегиями. Каждый из 32 цехов охватывал в связи с этим, помимо ремесленников в тесном смысле этого слова, множество патрициев, купцов и рантье, совершенно чуждых той отрасли промышленности, название которой носил цех. Это положение вещей с течением времени становилось все яснее, и цехи все более и более утрачивали руководство организацией труда. Не претендуя на то, чтобы, как например в Брюгге, организация труда подчинялась их регламентации, они вместо этого сами без особого труда приспособлялись к ее требованиям. У них не наблюдалось той замкнутости, которая присуща была цеховой системе. Вступление в цех было необычайно легким; его свободно получали все желавшие этого, как иностранцы, так и горожане. Появление новых отраслей промышленности не влекло за собой создания новых ремесленных организаций. Они распределялись по существующим цехам, не будучи вынуждены вследствие этого подчиняться их вмешательству. Так, например, оружейники, в зависимости от того, занимались ли они изготовлением стволов аркебузов или ружейных дул, распределялись среди плотников или среди «кузнецов», и это нисколько не затрагивало ни в чем их интересов. Объяснялось это тем, что цеховая юрисдикция потеряла свою прежнюю силу. Городской совет постепенно отнял ее у цехов; мастера и присяжные цехов выступали теперь уже не как представители особых профессиональных групп, а как представители тридцати двух организаций, обнимавших все городское население. Словом благодаря могучему экономическому оживлению «столицы» сметена была средневековая организация производства, приспособленная к условиям небольшой местной промышленности и совершенно непригодная для увеличившейся в 10 раз производительности новых экспортных отраслей промышленности. Наемный труд, вызванный к жизни капиталистической организацией этих отраслей промышленности, проник в старые цехи, подобно тому как новое вино вливается в старые меха.

На основании «конституции Гейнсберга», восстановленной в конце XV в., у 32 цехов отнято было право непосредственного выбора бургомистров и присяжных. Оно было

передано 22 комиссарам столицы [1]. Но для того, чтобы противостоять демократическому давлению рабочих масс, князь-епископ должен был бы обладать властью, которой он реально не имел. Действительно, со времени прихода к власти Жерара Гросбекского цехи постепенно усвоили свое прежнее независимое поведение. Не считаясь с законностью, они присвоили себе право назначать своих представителей в городской совет, и благодаря этому последний попал теперь в руки беспокойных и энергичных низших слоев народа, составлявших основную массу населения. Без их согласия нельзя было теперь принять никакого существенного решения, и это согласие должно было быть единодушным, чтобы оно вошло в силу. Как в свое время во фламандских городах, так теперь и в Льежском духовном княжестве меньшинство отказывалось подчиняться решениям большинства: достаточно было отказа одной из 32 организаций, чтобы приостановить выполнение мероприятия, одобренного всеми остальными.

Это пробуждение демократии не только совершенно изменило характер городских учреждений Льежа, но повлекло за собой чрезвычайно важные последствия в политической жизни Льежского духовного княжества. Действительно, штаты страны вынуждены были теперь считаться с цехами столицы. Последние гордо заявляли, что принятие какого-нибудь налога входит в законную силу только в том случае, если они дали на него свое согласие. Их противодействия достаточно было, чтобы свести на-нет всякое соглашение между капитулом, дворянством и небольшими городами. Впрочем последние в большинстве случаев равнялись по «столице», которая, если не юридически, то во всяком случае фактически, стала руководить третьим сословием. Оба ее бургомистра стали в связи с этим влиятельнейшими лицами княжества. Этим объясняется борьба, все более обострявшаяся с течением времени, разыгрывавшаяся почти ежегодно вокруг их избрания.

Богатая буржуазия, лишившись привилегий, обеспеченных ей «конституцией» Гейнсберга, сорганизовалась в антидемократическую партию и перешла на сторону князя-епископа. Но чем убежденнее она защищала уважение к верховной власти, считая ее неотъемлемым условием для охранения общественного порядка и спокойствия, тем сильнее народные

[1] «Histoire de Belgique», t. II, 2-ème éd. p. 282. «Конституция» («régiment»), введенная в 1424 г. епископом Иоанном Гейнсбергом, ограничивала права самоуправления города Льежа. Все население было разделено на 32 цеха; но цехи были лишены прямого участия в городских выборах. 22 комиссара, назначаемых пожизненно частью епископом, частью городом, должны были ежегодно назначать 32 членов городского совета, по одному на каждый цех. Из числа полноправных горожан были исключены жители предместий, главным образом горнорабочие. *(Прим. ред.)*

массы проникались республиканскими стремлениями. Подобно нидерландским патриотам, они подпали под руководство адвокатов, приверженцев новых учений монархомахов. Но в то время как во Фландрии и в Брабанте религиозный вопрос вследствие вмешательства кальвинизма вскоре оказался связанным с политическим, последний всецело овладел умами в Льежской области; отсутствие религиозных разногласий привело к тому, что длительная борьба между княжеской и народной партиями разгорелась здесь во всей своей остроте и силе.

Все благоприятствовало стремлениям народной партии. Она увлекла за собой не только значительную часть мелкой буржуазии и рабочих масс, но недовольство, вызванное среди духовенства и дворянства испанофильскими симпатиями Жерара Гросбекского, и его стремления к нововведениям поставили князя-епископа в борьбе с нею в очень невыгодное положение. Поэтому понадобилось совсем немного времени, чтобы свести на-нет успехи, достигнутые княжеской властью во времена Эбергарда Маркского. Начиная с 1563 г. доброго согласия между князем-епископом и страной больше не существовало. Демократы «столицы», не ограничиваясь отклонением штатами денежных субсидий и в особенности требовавшихся князем-епископом контингентов войск, обнаруживали явное стремление избавиться от его власти. Чтобы помешать ввести в Льеж испанский гарнизон, они лишили его во время беспорядков в 1566 г. права хранить ключи города, передав их обоим бургомистрам. А когда был издан императорский указ, отвергавший их притязания[1], они обратились в Шпейерскую имперскую судебную палату, где начался нескончаемый процесс, длившийся еще в XVIII в. В 1571 г. начался новый спор и новый процесс. На этот раз цехи приняли решение, что на должность бургомистра не могут впредь назначаться епископские эшевены[2]. Жерар Гросбекский жаловался также на вводимые ими новшества «в делах, касающихся полиции, и в области управления нашего города», так например, они присвоили себе право созывать городской совет каждые две недели[3]. В ответ на докладные записки, направлявшиеся им в Шпейер для обоснования «своего фактического и полного права», их юристы утверждали, что народ стоит выше государя, и требовали возведения Льежа в ранг вольного города-государства, т. е. независимой республики[4].

[1] *L. Polain*, Recueil des ordonnances de la principauté de Liège, 2-ème série, t. I, Bruxelles 1869, p. 307.

[2] *Chapeaville*, Gesta episcop. Leod., t. III, p. 460.

[3] *Polain*, op. cit., p. 311.

[4] *Daris*, Histoire du diocèse de la principauté de Liège au XVI siècle, p. 325; *Hénaux*, Histoire du pays de Liège, t. II, Liège 1856, p. 125.

События, развернувшиеся в Нидерландах после смерти Рекезенса, еще более ухудшили положение. В то время как «столица» и подавляющее большинство населения определенно подчеркивали свое сочувствие штатам, Жерар Гросбекский, насколько это было в его силах, старался помогать Дон Жуану. Он в значительной мере содействовал заключению кратковременного Маршского мира, и во время торжественного вступления нового штатгальтера в Брюссель можно было видеть Жерара Гросбекского в его свите. После того как он так открыто выступал в роли «жуаниста», неудивительно, что он стал жертвой негодования, вызванного в княжестве, как и в Бельгии, захватом Намюра. Маргарита Валуа, приехавшая в Льеж несколько месяцев спустя, оставила нам замечательно живописное описание царившего здесь возбуждения. Всюду, где она проезжала, она могла отметить грозные доказательства непопулярности князя-епископа. Достаточно было того обстоятельства, что в ее свите находился его обергофмейстер, чтобы граждане Гюи при его приближении тотчас же взялись за оружие и чтобы жители Динана осыпали градом пуль дом, в котором остановилась Маргарита Валуа [1].

При таком настроении населения достаточно было малейшей неосторожности, чтобы вызвать катастрофу. Жерару Гросбекскому пришлось быть свидетелем того, как брюссельские генеральные штаты настойчиво призывали его подданных вступить с ними в союз [2], и он знал, что очень многие из цехов «столицы» ничего так не желали, как открыто стать на их сторону [3]. Чтобы не доводить их до крайности, он тщательно воздерживался от всякого нового проявления своих симпатий к Испании. Он пошел на отмену союза 1518 г., хотя последний и был возобновлен в 1569 г. И более того: он не решился противодействовать тому, чтобы страна опять объявила в 1577 г. о своем вечном нейтралитете [4]. Льежское духовное княжество порвало таким образом узы, связывавшие его со времени Карла V с Нидерландами. Из ненависти к испанцам, из страха, чтобы епископ не прибегнул к помощи брюссельского правительства, а также из нежелания быть втянутым в войну, свирепствовавшую в Бельгии, Льежское духовное княжество вернулось в то самое положение, которое оно

[1] *Marguerite de Valois*, Mémoires, p. 165, 166; ср. также *Kervyn de Lettenhove*, Rélations politiques, etc., t. VIII, p. 476.

[2] *Lonchay*, De l'attitude des souverains des Pays-Bas..., p. 164.

[3] *Metsius*, Mémoire, 763.

[4] *Ch. Defrecheux*, Histoire de la neutralité liègeoise, «Bulletin de l'Institut Archéologique liègeois, t. XXXVII, 1907, p. 159, etc. Я не могу согласиться с мнением Лонше *(Lonchay*, De l'attitude..., p. 163 etc.), что Жерар Гросбекский был когда-нибудь принципиальным сторонником нейтралитета. Он примирился с ним по необходимости.

создало себе после смерти Карла Смелого и которое было ему гарантировано в 1493 г. на основании мира в Санли [1].

Но недостаточно было заявить о своем нейтралитете, чтобы он был признан иностранными державами, и недостаточно было отменить союз 1518 г., чтобы от него отказался также и испанский король. В действительности он согласился признать нейтралитет Льежского духовного княжества лишь в 1654 г. До этого времени он совершенно с ним не считался, и дон Жуан в 1578 г. заявил, что считает его несуществующим [2]. Для того чтобы побудить своих соседей признать его, страна должна была быть в состоянии заставить уважать его вооруженной силой. Но с имевшимися у нее силами она не могла оказать сопротивления окружавшим ее державам, и если бы даже она в состоянии была сделать это, то она ни в коем случае не хотела прибегать к этому. Народная партия никогда не согласилась бы на создание армии при князе-епископе, которой последний мог бы воспользоваться для подчинения ее своей власти. Она предпочитала лучше терпеть грабежи иностранных войск, чем поставить под угрозу осуществление своего республиканского идеала. Нейтралитет не помог ей избавиться от бедствий войны; он дал ей только возможность оказывать в течение долгого времени сопротивление монархическим планам ее князей.

Последние впрочем никогда искренно не стояли за этот нейтралитет. Они мирились с ним только потому, что небезопасно было его нарушить. В течение всего своего правления Жерар Гросбекский был бесспорным сторонником соглашения с испанцами [3]. Он без всяких возражений дал им ввести мощный гарнизон в Маастрихт и оказал им не одну услугу, за что и был вознагражден в феврале 1578 г. кардинальской шапкой. Капитул в свою очередь поспешил закрепить за собой такое положение, которое обеспечивало бы ему независимость и охранило бы его от церковных реформ правительства Филиппа II. Он тщательно старался не скомпрометировать себя во время борьбы Испании с Соединенными провинциями, и в записи его заседаний еще до сих пор имеется текст выговора, вынесенного звонарю собора св. Ламберта, за устроенный им несмотря на нейтралитет колокольный звон по случаю какой-то победы католического короля [4].

---

[1] Histoire de Belgique, t. III, p. 153.
[2] *Lonchay*, De l'attitude des souverains des Pays-Bas..., p. 173.
[3] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. II, p. 224.
[4] *Bormans*, Conclusions capitulaires, p. 279.

II

Взятое в целом, правление Жерара Гросбекского характеризуется с религиозной точки зрения крахом реформаторских попыток епископа, с светской же — восстановлением независимости Льежского княжества и все большим подчинением княжеской власти республиканским тенденциям народной партии, руководимой из «столицы». Но папство и Испания были равным образом заинтересованы в том, чтобы не дать укрепиться столь опасному для религии и католической политики положению дел. Филипп II уже в 1577 г. занят был тем, чтобы обеспечить Жерару Гросбекскому преемника, на союз которого он мог бы положиться. Он поручил дон Жуану предложить капитулу на пост коадъютора молодого Эрнста Баварского [1].

Третий сын герцога Альбрехта V Эрнст принадлежал к той самой баварской династии, которая стояла в Германии в первых рядах поборников католицизма. Уже с детства было решено создать ему такое положение внутри католической церкви, которое дало бы ему возможность содействовать здесь осуществлению планов его династии и усилению ее престижа. Ему не было еще полных 13 лет, когда он стал уже каноником зальцбургским, кельнским и вюрцбургским и когда папа наделил его в декабре 1566 г. епископством Фрейзингенским. Здесь его отец отдал его на воспитание Андрею Фабрицию — родом из Льежа, бывшему профессору лувенского университета, а затем политическому эмиссару в Риме и в Мюнхене, — который сумел передать ему свое пламенное католическое рвение. То обстоятельство, что преклонный возраст Жерара Гросбекского предвещал в ближайшем будущем освобождение кафедры льежского епископства, открывало перед Эрнстом новые перспективы. Уже в 1575 г. его дядя, герцог Юлихский, обрабатывал Жерара Гросбекского и без особого труда привлек его на свою сторону путем обещания включить аббатство Ставело в круг епископских доходов [2]. Но ни эти происки, ни настояния Филиппа II и дон Жуана не привели еще к какому-нибудь окончательному результату, когда 29 декабря 1580 г. умер Жерар Гросбекский.

Нидерландские генеральные штаты и герцог Анжуйский тотчас же попытались помешать интригам сторонников Эрнста с капитулом путем воздействия на «столицу». Первые предложили ей эрцгерцога Матвея, с которым им больше нечего было делать и который был бы для них вполне надежным

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. V, p. 389.
[2] *Lossen*, Der Kölnische Krieg, Bd. I, S. 720.

соседом [1], а герцог Анжуйский, с своей стороны, не предлагая явно себя самого, настаивал на необходимости назначения только такого епископа, который был бы твердо готов соблюдать нейтралитет страны [2]. В то время как они с помощью листовок обрабатывали общественное мнение, Александр Фарнезе обратился непосредственно к каноникам собора св. Ламберта, зная, что ему нечего ждать от народа, которому он благодаря недавнему взятию Маастрихта только что внушил страх и у которого он вызвал этим новое возмущение против Испании. Кроме Эрнста он предложил еще Гранвеллу и архиепископа Камбрэ, Людовика Берлемона, выбор которого был ему, пожалуй, еще более приятен. Но не было никаких шансов добиться назначения креатуры католического короля. Принц же Баварский, наоборот, легко собрал все голоса. Католическое рвение его династии доставило ему голоса меньшинства капитула, а его могущество и богатство — голоса большинства. 25 января 1581 г., едва прибыв в Льеж, он был принят в число каноников собора св. Ламберта, а через 4 дня, 29 января, был избран епископом.

Ему достаточно было показаться, чтобы тотчас же вызвать всеобщее разочарование. Действительно, какая огромная разница была между этим молодым 27-летним прелатом,— правда, очень одаренным и очень образованным, находившимся в переписке с *Юстом Липсием*, интересовавшимся химией, астрономией и даже магией, — и строгим восстановителем нравов и церковной дисциплины, на которого надеялись Торренций и его немногие единомышленники. В довершение всех несчастий его нравственное поведение было постыдным. Его застольные излишества и в особенности его бесчисленные возлюбленные вызывали всеобщее возмущение [3]. В 1583 г. пронесся слух, что он собирается жениться, и папский легат не скрывал, что считает его великим грешником [4]. Еще более просчитались те, кто надеялся, что он явится энергичным защитником льежского нейтралитета против Испании. Вечно занятый в Германии наблюдением за своими многочисленными диоцезами и политикой своей династии, Эрнст лишь очень неподолгу бывал на берегах Мааса и совершенно не пытался снискать себе симпатии страны, управление кото-

---

[1] *Van Meteren*, Histoires, fol. 202.

[2] *Bormans*, Conclusions capitulaires, p. 187.

[3] Продолжатели Фуллона («Historia Leodiensis», t. III, Liège 1737, p. 79) упоминают об одном из его внебрачных детей; *Lonchay*, La principauté de Liège, la France et les Pays-Bas au XVII et au XVIII siècles, Bruxelles 1890, p. 27; см. также прекрасный портрет его, данный Лоссеном, (*Lossen*, Der Kölnische Krieg, Bd. I, S. 112).

[4] *Bezold*, Briefe des Pfalzgrafen Johann-Casimir, Bd. II, S. 54.

рой он взял на себя лишь для усиления своего влияния в Германской империи. Он с трудом объяснялся по-французски [1], и даже самые рьяные его сторонники были возмущены его «варварским высокомерием» [2].

Став в 1583 г. кельнским архиепископом и курфюрстом, Эрнст направил все свои силы на борьбу против Гергарда Трухзеса и против рейнских протестантов. Так как он был вынужден прибегать к помощи Фарнезе, чтобы иметь возможность бороться с ними, то он обнаруживал еще бо́льшую преданность Испании, чем Жерар Гросбекский. Он не протестовал ни против постоянных переходов королевских войск через Льежское духовное княжество, ни против грабежей мятежников Тирлемона, разоривших множество деревень в Газбенгау и в графстве Лоз. В 1590 г. Соединенные провинции обвиняли его в явной враждебности к ним [3], а в 1595 г., после взятия Гюи голландскими частями, он обеспечил испанской армии свободный проход через этот город и позволил правителю его принести присягу католическому королю [4]. Однако он не решился восстановить союз 1518 г. Он боролся даже в 1592 г. с происками группы католиков, требовавших отказа от нейтралитета страны [5], и Филипп II жаловался в следующем году, что он не оправдал его ожиданий [6]. Но Эрнст понимал, что если бы он пошел на официальное сближение с Испанией, то «столица» и народная партия тотчас же перешли бы на сторону Голландии. Он был достаточно благоразумен, чтобы не доводить их до крайности, и — худо ли, хорошо ли — оставил в силе нейтралитет, как единственное средство, которое могло предотвратить гражданскую войну из-за полнейшей несовместимости его политической линии с политическими стремлениями страны.

Его поведение, невыгодное в этом отношении Испании, несомненно было ему продиктовано заботой об интересах религии. По семейным традициям и по личному убеждению Эрнст Баварский должен был явиться в Льежском духовном княжестве — да так это и было — проводником той самой католической реставрации, над осуществлением которой так безуспешно трудился Жерар Гросбекский. Он при-

---

[1] *Lossen*, Der Kölnische Krieg, Bd. I, S. 741. В Льеже он испещрял подававшиеся ему заявления замечаниями на итальянском языке. *Daris*, Histoire du diocèse de Liège au XVI siècle, p. 507.

[2] *Piot*, Correspondance de Granvelle, t. VIII, p. 404.

[3] *Grolius*, Annales, p. 179; ср. аналогичные упреки в 1593, у *Chapeaville*, Gesta episcoporum Leod., t. III, p. 578.

[4] *Lonchay*, La principauté de Liège, la France et les Pays-Bas, p. 23.

[5] *Chapeaville*, Gesta episcoporum Leod., t. III, p. 570.

[6] *Lonchay*, De l'attitude..., p. 225.

надлежал к числу тех прелатов, у которых легкость нравов не исключала ни глубокого благочестия, ни абсолютной преданности реформе католической церкви. Он настолько находился под влиянием иезуитов, что его упрекали иногда в том, будто они имеют над ним неограниченную власть[1]. Он благоволил к ним с первых же лет своего управления. В 1581 г. он отдал им монастырь иеронимитов, где уже в следующем году они открыли школу. Он же призвал в диоцез капуцинов. Он успешно справился с сопротивлением, оказывавшимся капитулом и низшим духовенством планам его предшественника. Он помог нунцию Бономи опубликовать в 1585 г. постановления Тридентского собора[2]; в 1589 г. была создана небольшая семинария в Сен-Троне; в 1592 г. открылась семинария в Льеже, а в 1605 г. при лувенском университете основана была школа по подготовке священников диоцеза. Благотворительные учреждения, созданием которых Эрнст мог заняться благодаря своему богатству, значительно содействовали популярности вдохновлявших его реформаторских стремлений. Он создал в столице ломбард и тот еще и поныне существующий баварский госпиталь, который спас его имя от забвения. Что касается проживавших еще в некоторых местностях протестантов, то он стремился навязать им постановления Аугсбургского религиозного мира. В Гасселте и Мазейке было вынесено несколько приговоров об изгнании. Но ввиду протеста «столицы» и Соединенных провинций князь-епископ не решался применять к этим, к тому же очень немногочисленным инаковерующим, строгостей, которые могли бы повести к беспорядкам и скомпрометировать его дело. По тем же соображениям, которые заставляли его не нарушать льежского нейтралитета, он стремился избежать опасностей религиозных преследований. Он отнюдь не уклонялся от издания указов против еретиков, но смотрел сквозь пальцы на их исполнение[3]. Он удовольствовался тем, что подчинил школы и книжное дело строгому надзору католической церкви и оказывал помощь деятельности иезуитов и капуцинов. Преследование льежских протестантов могло бы к тому же очень серьезно повредить благосостоянию Льежа, ввиду того что он вел очень оживленную торговлю с Соединенными

---

[1] *Dühr*, Geschichte der Jesuiten in den Ländern deutscher Zunge. Bd. I, Freiburg in Brisgau 1907, S. 861; ср. ibid., S. 114, 140, 146, 417, 418, 766.

[2] *Chapeaville*, Gesta episcoporum Leod., t. III, p. 536; *Bormans*, Conclusions capitulaires, p. 220; *Polain*, Ordonnances, 2-ème sèrie, t. II, Bruxelles, 1871, p. 99; *A. van Hove*, Les statuts synodaux liègeois de 1585; «Analectes pour servir à l'Histoire Ecclésiastique de la Belgique», t. XXXIII, p. 5 etc.; ср. *Daris* Histoire du diocèse de Liège au XVI siècle, p. 577 etc.

[3] *Lonchay*, Les édits des princes-évêques de Liège, etc., loc. cit.

провинциями. В действительности протестанты все время фактически пользовались здесь столь широкой веротерпимостью, какая только вообще возможна была в епископском городе. Публичное отправление протестантского богослужения было здесь запрещено, но во всяком случае «здесь говорили о религиозных делах так же свободно, как в Германии и Голландии»[1].

Но если Эрнст Баварский так осторожно подходил к щепетильному отношению «столицы» в вопросах веры, то неудивительно, что он обнаружил еще бо́льшую умеренность в политических вопросах. Конечно, он всеми силами хотел бы ограничить влияние цехов и льежских бургомистров на штаты страны. В 1583 г. он тщетно пытался на заседаниях штатов заменить систему единогласного голосования решением вопросов по большинству голосов[2]. Но не будучи по природе своей властолюбивым, он вскоре отказался от завоевания власти, которую пришлось бы навязывать силой. Будучи хорошим администратором, он занимался почти исключительно улучшением системы управления епископскими доходами. В 1598 г. он реорганизовал финансовое ведомство[3] и занялся увеличением его доходов, введя в эксплоатацию новые копи, находившиеся на его землях, и разрешив свободно пользоваться «водной энергией» заводам, расположенным на берегах небольших, но бурных речек на правом берегу Мааса. В остальном он предоставил «столице» блюсти свою независимость и даже еще более расширить ее.

Вмешательство последней в компетенцию епископско-княжеской власти облегчалось почти постоянным отсутствием князя-епископа. Начиная с 1595 г. постоянный совет перестал заниматься судебными делами[4]. 32 цеха выступили более решительно, чем когда-либо, против решений и введения налогов, принятых штатами без их согласия. «Конституция» Гейнсберга потеряла всякую силу, и выборы «городских властей» становились все более бурными. Шумная и негодующая толпа рабочих, учеников и даже чужеземцев, которым так легко предоставлялись права гражданства, обступала и оскорбляла состоятельных людей — рантье, купцов и капиталистов, — угрожая их «цеховым привилегиям», так что они вскоре отошли от политических дел, предоставив заниматься ими народной партии и адвокатам. Сильнейшее восстание, раз-

[1] *Philippe de Hurges*, Voyage à Liège et à Maestricht en 1615, Liège 1872, p. 65.
[2] *Hénaux*, Histoire du pays de Liège, t. II, p. 137.
[3] *St. Bormans*, Chambre des finances des princes de Liège. Table des registres aux octrois, Liège 1865, p. 4.
[4] *Daris*, Le diocèse de Liège au XVI siècle, p. 504.

разившееся в декабре 1602 г. в связи с введением одного налога, заставило наконец князя-епископа вмешаться. Он примчался из Вестфалии и издал 21 февраля и 15 апреля 1603 г. два указа, покончившие с произволом и беспорядками, царившими до этого при выборах, и установившие точный порядок их[1].

Потому ли, что он хотел привлечь цехи на свою сторону, потому ли, что он считал их слишком опасными, чтобы вступать с ними в открытую борьбу, но как бы то ни было он узаконил право, которое они себе присвоили, а именно назначать городской совет. Он пытался только ограничить их демократические тенденции. С этой целью он издал распоряжение, чтобы все граждане, главы семей, в течение недели зарегистрировались в каком-нибудь одном из 32 цехов столицы, и сделал обязательным посещение собраний последних. Ежегодно, ко времени обновления состава городского совета, выбирались по жребию в каждом цехе три выборщика, которые потом в свою очередь назначали трех кандидатов, из коих один должен был стать членом совета, а два других — присяжными по выбору 22 комиссаров, назначавшихся князем-епископом. Чтобы покончить с бесконечными столкновениями между штатами и цехами, было решено кроме того, что цехи впредь будут иметь право высказываться по поводу решений, принятых штатами, лишь в течение двух недель.

В общем эта новая конституция закрепила победу народной партии. Князь-епископ пожертвовал ради нее Гейнсбергской «конституцией» и, предоставив народной партии управление столицей, тем самым отдал ей руководство делами страны. Ввиду малочисленности богатой буржуазии привилегии, которые он сохранил за ней при сделанных им уступках, были совершенно иллюзорны. Они не оказали ни малейшего влияния. С 1603 г. рабочие, имевшие во всех цехах большинство, получили таким образом на законном основании в свои руки управление городом. Нет ничего удивительного поэтому, что они вели его в своих интересах. Показателем их настроений явилось разразившееся в 1612 г. восстание, вызванное требованием введения налога на окна и двери, который лег бы без различия на всех богатых и бедных граждан[2]. Сознавая свою силу, решительные и энергичные низшие слои народа, имевшие в городе значительный перевес, очень скоро совершенно перестали считаться с властью князя-епископа. В начале XVII в. епископско-княжеская

---

[1] *Polain*, Recueil des ordonnances de la principauté de Liège, 2-ème série, t. II, p. 246 etc.

[2] Продолжение Фуллона, Historia Leodiensis, t. III, p. 5.

власть была столь ограничена, что уже тогда Льеж считался многими иностранными обозревателями своего рода республикой [1].

III

Но если Эрнст Баварский, очень низко расценивая свою светскую власть в духовном княжестве, довольствовался тем, что ему удалось поставить его на путь католической реформации, зато он придавал, наоборот, чрезвычайно важное значение тому, чтобы сохранить Льеж, так же как и другие свои диоцезы, в сфере влияния своей династии. В 1595 г. он провел в Кельне избрание своего племянника Фердинанда коадъютором, т. е. фактически своим преемником, и без особого труда навязал его также капитулу собора св. Ламберта. 22 февраля 1601 г. Фердинанд, несмотря на то что он не имел еще священнического звания, был назначен каноником, а на следующий день коадъютором. 12 марта 1612 г. он наследовал своему дяде. Так как он был, подобно Эрнсту, в качестве архиепископа кельнского германским курфюрстом и владел, наряду с льежским епископством, епископствами мюнстерским, гильдесгеймским и падерборнским, то он обеспечивал благодаря этому баварской династии первое место в католической церкви Германии.

Беспечное равнодушие, проявлявшееся его предшественником в делах управления, этот преимущественно политически настроенный прелат тотчас же заменил весьма решительной деятельностью, которую льежцы уже давно отвыкли видеть у своих князей-епископов. Хотя он так же как и Эрнст, чужд был своим подданным и так же редко живал в своей столице, тем не менее он сразу же обнаружил стремление во что бы то ни стало восстановить свою власть во всей ее полноте. Мир, наступивший в Нидерландах после заключения 12-летнего перемирия, благоприятствовал его планам, освободив его от всяких забот, связанных с войной. С самого же начала своего управления он передал ведение всех государственных дел своему тайному совету, назначив своим представителем в Льеже одного из своих немецких доверенных людей, Валерия Цорна, в котором население сейчас же увидело своего отъявленного врага [2].

[1] «Considérations sur le gouvernement des Pays-Bas», éd. de Robaulx de Soumoy, t. I, Bruxelles 1872, p. 220; ср. «Mémoire concernant des négociations de la France relatives à la neutralité du pays de Liège en 1630, éd. J. Hellig, Liège 1875, p. 13, где говорится: «Бургомистры являются более неограниченными повелителями, чем князь».

[2] Он был автором «Refutatio per modum informationis dumtaxat pro parte serenissimi electoris Coloniensis, principis Leodiensis etc., oppositionem civitatis suae Leodiensis» (Ингольштадт, 1630).

Нетрудно было понять, что никакая реформа, благоприятная для епископской власти, не сможет быть осуществлена до тех пор, пока не будет уничтожен демократический режим «столицы». Поэтому 8 октября 1613 г. Фердинанд добился от императора отмены указов 1603 г. и коренного изменения порядка выборов [1]. Впредь членами городского совета могли быть только лица, «родившиеся в данном городе, состоявшие в браке и умевшие читать». От 32 цехов попрежнему выбиралось по одному члену совета, но утверждение их должно было быть передано комиссарам князя-епископа. Противоречащие этому порядку выборы объявлялись недействительными; кроме того князю-епископу предоставлено было право разрешать вопрос о всех недоразумениях и непорядках и налагать наказания. Что же касается всего остального, то опять введены были в действие статьи «конституции» Гейнсберга.

Эта реформа была для народной партии вдвойне невыносимой. Действительно, она не только отнимала у народной партии власть и передавала ее в руки жившей в черте города состоятельной и образованной буржуазии, но помимо того она снова торжественно восстанавливала тот самый принцип епископского «merum dominium», который начиная с XV в. был причиной стольких раздоров [2]. Если бы реформа восторжествовала, то республиканцы были бы точно так же обмануты в Льежской области, как это случилось уже в Бельгии. Они поспешили заклеймить ее как покушение деспотизма на естественные права народа и на исторические права «столицы». Была подана жалоба в шпейерскую имперскую судебную палату, и введение конституции 1613 г. было временно приостановлено. Цехи обнаружили бо́льшую непримиримость, чем когда-либо. Они продолжали ставить препятствия деятельности штатов и противиться налогам, предлагавшимся князем-епископом. В 1619 г. Фердинанд вынужден был заложить ряд государственных имуществ, чтобы обеспечить себе необходимые денежные средства [3].

Франция и Соединенные провинции тотчас же воспользовались этими событиями. Льежская область занимала слишком выгодное положение в политической игре в Нидерландах, и они, естественно, прилагали все силы к тому, чтобы перетянуть ее на свою сторону. Нельзя было придумать лучшего средства ослабить Фердинанда Баварского, этого есте-

[1] *Polain*, Ordonnances, 2-ème série, t. II, p. 350.
[2] Histoire de Belgique, t. III, p. 147.
[3] *Bormans*, Chambre des finances, p. 47 etc. В том же году юрист Лоран Бертоле написал свой направленный против притязаний князя-епископа «Concilium juris», изданный «столицей» в 1644 г.

ственного приверженца габсбургской династии, чем всячески поддерживать борьбу против него его собственных подданных. Не было ли положение в точности таким же, как тогда, когда Карл VII и Людовик XI так ловко вмешались в дела княжества, и разве можно было сомневаться в том, что льежская демократия с такой же величайшей готовностью ухватится за заманчивые предложения, которые будут ей сделаны? Злоключения, в которые Франция в свое время вовлекла страну, забылись; народная партия помнила только о помощи, оказанной ей когда-то французскими королями против бургундского дома. Что касается Соединенных провинций, то наличие религиозных разногласий не могло помешать маленькой Маасской республике тянуться к этой могущественной республике, с которой ее связывали помимо всего прочего интересы ее торговли и ее промышленности[1]. В 1618 г. необычайный переполох произвело «раскрытие» вымышленного заговора, якобы имевшего целью передать город голландцам. Обман был вскоре разоблачен, но характерно было то, что поверили в заговор и что он вызвал такой переполох[2].

Интриги иностранных держав ясно обнаружились вскоре после истечения срока 12-летнего перемирия. В 1623 г. в Льеже появился французский агент аббат Музон[3], вступивший в число местных граждан и вскоре начавший широко принимать в своем доме гостей, которым он усиленно изображал Людовика XIII защитником нейтралитета и свобод Льежской области. В следующем году опасения приверженцев князя-епископа еще более усилились, так как он пригоршнями сорил деньгами и стал устраивать тайные подозрительные сборища с главарями народа, среди которых на первом месте был бургомистр Вильгельм Бекман[4]. Однако сначала эти интриги ни к чему не привели. Успехи императора и католиков в Германии в начале 30-летней войны укрепили положение Фердинанда Баварского. В 1626 г. он снова провозгласил конституцию 1613 г. и в 1628 г. опубликовал 58 статей, врученных им шпейерской имперской судебной палате, в которых были точно и ясно сформулированы его верховные

---

[1] В 1640 г. один агент Ришелье писал: «...льежцы намекают на то, что они готовы составить восьмую провинцию штатов (Соединенных провинций) если только одновременно произведено будет нападение на их князя». «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 1-ère série, t. XIII, 1847, p. 345.

[2] Продолжение Фуллона, Historia Leodiensis, t. III, p. 31.

[3] В действительности он назывался Людовик Рене де Фикельмон и был близким родственником графа Граннрэ, являвшегося светским аббатом аббатства Музон. Он наследовал этот сан и был известен в Льежской области под названием «Музон».

[4] *Louchay*, La principauté de Liège, la France et les Pays-Bas, p. 37.

права[1]. Непреклонность князя придала смелости эшевенам; они приняли решение возбудить обвинение против Бекмана и многих его друзей. Миссия юриста Розена, делегированного «столицей» в Вену с целью добиться от императора звания вольного города и строгого соблюдения его привилегий, закончилась полнейшим крахом[2].

Несмотря на вторжение графа Тилли, желавшего заставить Льежское духовное княжество примкнуть к католической лиге[3], народ не дал себя запутать. 25 июля 1623 г. он бурно воспротивился введению новой избирательной системы и единодушно без голосования избрал Бекмана бургомистром. Ввиду вмешательства капитула, князь-епископ согласился остановить Тилли, который при известии о новых беспорядках двинулся в поход на «столицу». Войска лиги в октябре очистили Льежское княжество, но на смену им явились испанцы графа Берга, в свою очередь устроившиеся здесь на зимние квартиры. Это новое нарушение льежского нейтралитета довело анархию до предела. Толпа напала на капитул, который она обвиняла в заговоре с иностранцами, и поспешно бросилась к оружию, чтобы атаковать солдат[4]. Воспользовавшись этим озлоблением масс, сторонники Франции удвоили свои усилия. Стали широко распространять в публике письма Цорна к Фердинанду, обличавшие их обоих в том, что они готовы призвать на помощь войска германского императора[5]. С этого момента колебаниям народной партии пришел конец. Уступая настояниям аббата Музона, она обратилась за помощью к Людовику XIII, и 12 февраля 1630 г. последний заявил о своей готовности взять в свои руки защиту льежского нейтралитета[6] и послал в тот же день сира Каденэ, который должен был официально представлять Францию в «столице».

Этого обещания было достаточно для поднятия духа. Выборы 1630 г. привели опять к власти Бекмана и вместе с ним одного адвоката, Себастьяна ла Рюэль, известного своими республиканскими настроениями и своей преданностью Франции. Гражданская война могла теперь разра-

---

[1] *Polain et Bormans*, Ordonnances, 2-ème série, t. III, Bruxelles, 1872, p. 80.

[2] *St. Rausimus*, Ad sacratissimam Caesaream Majestatem inclytae civitatis Leodiensis delegatio, Liège 1629. Автор пытается доказать, что Льеж является свободным от верховной власти епископа вольным германским городом.

[3] *Bormans*, Conclusions capitulaires, p. 392.

[4] Ibid., p. 397, 398.

[5] *Lonchay*, La principauté de Liège, la France et les Pays-Bas, p. 38.

[6] «Mémoire, ... éd. Helbig», p. 24; ср. *Lonchay*, La principauté de Liège, la France et les Provinces-Unies, p. 44 etc.

зиться с минуты на минуту. Ремесленники, восприняв название и традиции «истинных льежцев» XV в., наполняли улицы криками «Да здравствует король!». Их противники тщетно пытались противопоставить силе силу. Ла Рюэль приказал арестовать каноников, которые тайно ввели в город вооруженных крестьян, взятых из сельской милиции Газбенгау. Один офицер, которому поручено было навербовать для князя-епископа солдат, был убит. Чтобы изолировать «столицу», Фердинанд созвал штаты в Гюи. Новым указом императора выборы 1630 г. объявлены были недействительными и опять предписано было соблюдение конституции 1613 г. Случившаяся как раз в это время смерть Бекмана, которую народ, разумеется, приписывал отравлению, дезорганизовала сопротивление. Несмотря на свои обещания, король Франции не вмешался. Царившее кругом лихорадочное возбуждение не могло дольше продолжаться. И та и другая сторона в конце концов решили пойти на уступки. Благодаря вмешательству капитула и штатов ла Рюэль решил покаяться, епископ же с своей стороны объявить амнистию. Указ 1603 г. снова вступил в силу с дополнением от 20 июня 1631 г., на основании которого впредь нельзя было принимать участия в выборах до 22-летнего возраста, быть избранным в бургомистры до 35-летнего возраста и быть членом городского совета, не состоя в браке или не имея академического звания [1]. Несколько дней спустя, 7 июля, благодаря торжественному провозглашению льежского нейтралитета достигнуто было на короткое время мнимое примирение между князем-епископом и страной [2].

Умиротворение, пожалуй, продолжалось бы в Льеже и дольше, если бы вокруг него царил мир. Но духовное княжество не могло остаться в стороне от событий, развертывавшихся около его границ. Блестящие успехи голландцев в долине Мааса во время кампании 1632 г. вызвали воодушевление народной партии. Она всегда считала находившийся в руках испанцев Маастрихт постоянной угрозой и возликовала при виде того, как Фридрих-Генрих осадил его. Не жалели ничего, чтобы обеспечить осаждающих продовольствием. По словам кардинала-инфанта, осаждавшие никогда не справились бы со своим делом, если бы не непрерывная помощь льежцев [3]. Впрочем, нейтралитет, который без зазре-

---

[1] *Polain et Bormans*, Ordonnances, 2-ème série, t. III, Bruxelles 1872 p. 98.

[2] Ibid., p. 99.

[3] *Lonchay*, La principauté de Liège, etc., p. 175; ср. *M. G. de Boer*, Die Friedensunterhandlungen zwischen Spanien und den Niederlanden in den Jahren 1632 und 1633, S. 23 и *Waldack*, Historia provinciae Flandro-Belgicae Societatis Jesu, p. XIX.

ния совести нарушали в этом случае, столь же мало соблюдался и князем-епископом. Он настолько же заинтересован был в сохранении Маастрихта за испанцами, насколько «столица» заинтересована была в их уходе из него. Именно по его настоянию войска германского императора под командованием Паппенгейма явились, чтобы совместно с войсками маркиза Айтоны обрушиться на неприступные позиции принца Оранского [1].

Завоевание Соединенными провинциями Маастрихта и небольших соседних крепостей было для Фердинанда Баварского тем более грозным ударом, что оно вскоре опять всколыхнуло протестантов Льежской области [2]. Ободренные соседством голландской республики и поощряемые пасторами, прибывшими с севера для введения протестантского богослужения в завоеванной области, они стали требовать свободы вероисповедания и перестали скрывать свои верования. В 1633 г. началась протестантская пропаганда; по городу распространялись брошюры соответствующего содержания, и в одном распоряжении отмечалось, что в «столице» проживает значительное число граждан-протестантов [3]. Опасность усугублялась еще антиклерикальными настроениями известной части католиков. Во время правления Эрнста Бавар-

---

[1] *Waddington*, La République des Provinces-Unies..., t. I, p. 120. Впрочем, Фердинанд пытался оправдаться. В одном послании, любезно сообщенном мне архивариусом г-ном Т. Гобером, епископ заявлял, что он всячески пытался отговорить Паппенгейма «отказаться от плана провести свою армию через Рейн и что он всегда стремился соблюдать строжайший нейтралитет».

[2] Это влияние протестантов на льежские события начиная с 1632 г., ускользнуло от внимания историков. Между тем оно было очень значительным. Прежде всего благодаря фактически существовавшей в Льеже религиозной свободе (см. стр. 406), здесь было довольно много инаковерующих. Знаменитый Людовик Геер, покинувший в 1615 г. «столицу» и составивший себе затем огромное состояние в Амстердаме, был протестантом. Среди рабочих, навербованных им в течение следующих лет для шведских каменноугольных коней, было много протестантов. Ср. *P. Pehrson*, De till sverige inflyttade Vallonernas religiösa förhallanden. (Упсала, 1905). То обстоятельство, что начиная с 1632 г., значительно увеличилось число указов против еретиков, ясно свидетельствует о царившем среди них возбуждении. Так обстояло дело в 1632, 1633, 1641 гг. См. «Conclusions capitulaires», p. 418, 420, 422, 424, 425, 496. В 1633 г. поднимался вопрос (ср. *Bormans*, op. cit., p. 430) об одном агенте принца Оранского, пытавшемся восстановить льежских протестантов против этих указов. Хранящаяся в Брюссельском государственном архиве («Papiers d'État et de l'Audience» № 645) переписка адвоката де Марша ясно доказывает значение этого движения. Об одном любопытном эпизоде из истории этого еще столь мало изученного льежского протестантизма см. недавно вышедшее исследование *E. Fairon*, L'Affaire Blanjean, «Bulletin de la Société verviétoise d'histoire et d'archéologie», t. XI, 1910, p. 115 etc.

[3] *Polain et Bormans*, Ordonnances, t. III, p. 114. 116.

ского в Льеже появилось множество новых монастырей. В 1614 г. сюда прибыли английские иезуиты и светские урсулинки; в 1617 г. — францисканцы и нищенствующие кармелиты; в 1619 г. — монахини-урсулинки; в 1624 г. — сестры св. гроба господня; в 1626 г. — капуцины; в 1627 г. — бенедиктинки, целестинки, и босоногие кармелитки; в 1632 г. — францисканки. Ввиду расположения, которым они пользовались у князя-епископа, каноников, дворянства и у наиболее состоятельных буржуазных семей, а также нередко очень значительных благ, получавшихся ими от своих щедрых покровителей, они вскоре возбудили к себе недоверие низших слоев народа и вызвали их зависть. Колоссальное сооружение, воздвигнутое францисканцами на возвышенности Пьерез, более походило, как говорили, на крепость, чем на монастырь [1], и подозрительная толщина его стен внушала массам смутное беспокойство. Непопулярность князя-епископа отражалась на религиозных орденах, к которым он благоволил. Особенно подозрительны были иезуиты, которым он оказывал глубочайшее уважение. Их обвиняли в подготовке вместе с ним покушения на общественные свободы. Таким образом, подобно тому как это было в свое время в Нидерландах, политические страсти направлялись теперь в Льеже против духовенства — во всяком случае против духовных орденов — и были на пользу протестантскому меньшинству.

Благодаря этому переплетению религиозных разногласий с политическими распрями, царившими в княжестве, последние стали серьезнее, чем когда-либо. Обидные прозвища, дававшиеся партиями друг другу с 1633 г., сами по себе уже свидетельствуют о резкости оскорблений. «Ширу», т. е. защитники князя-епископа, называли именем «гринью» широкие народные массы [2], «ничтожную мятежную сволочь», «поденки», «ремесленный сброд», как они выражались, а также иностранцев, прибывших в Льеж в поисках работы, поборников свободы совести, врагов монастырей и протестантов, воодушевленных более или менее республиканскими стремлениями и опиравшихся для осуществления своих целей на Францию и Соединенные провинции. Чем бессильнее были «ширу» в своей борьбе, тем больше они ненавидели «гринью». Большей частью богачи, они чувствовали себя отданными на произвол толпы, которой нечего было терять и которая не останавливалась перед тем, чтобы рисковать всем рали всего. Кроме того смелость «гринью» поощрялась еще агентами Ришелье и

[1] Продолжение Фуллона, Historia Leodiensis, t. III, p. 52.

[2] Слово «ширу» (chiroux) происходит от названия одной разновидности ласточек. «Гринью» (grignoux) — синоним ворчуна (grognon).

агентами бывшего в Маастрихте штатгальтером от имени Соединенных провинций герцога Буйонского. Музон открыто давал советы своим сотрапезникам избрать своим покровителем Людовика XIII. Под разными деловыми предлогами французские купцы с туго набитыми кошельками вели в льежских кабачках длиннейшие политические рассуждения, подкрепляя свою аргументацию звонкой монетой[1]. Убийство одного офицера, которого подозревали в вербовке войск для князя-епископа, было ознаменовано фейерверком, как публичное празднество[2].

Несмотря на подкупы, снаивание черни, интриги противников, выборы 1633 г. принесли победу «гринью». Сделавшись бургомистром, ла Рюэль стал настоящим хозяином Льежа, и, когда в 1635 г. армии Людовика XIII вторглись в Бельгию, чтобы соединиться с войсками Фридриха Генриха, ждали, что он заявит о присоединении «столицы» к Франции. Во всяком случае было вполне правдоподобно, что он был сторонником присоединения ее к союзу христианнейшего короля с Нидерландской республикой[3].

Тщетно кардинал-инфант пытался примирить его с Фердинандом Баварским. Немногочисленные войска, посланные им на помощь последнему в 1636 г., отличились впрочем лишь тем, что чудовищно разграбили окрестности Льежа и еще более скомпрометировали дело князя-епископа. Грубое обращение испанцев не только заставило капитул жаловаться на это папе, но привело также и к заключению союза между «добрыми городами» и «столицей» и дало ла Рюэлю благовидный предлог обратиться к Ришелье с просьбой о защите «свободы и нейтралитета» страны[4]. Тайные агенты информировали брюссельское правительство о положении, которое с каждым днем становилось все более грозным для Испании. Кардинал-инфант отлично понимал, что успехи народной партии непрерывно усиливают в княжестве престиж Франции и Соединенных провинций, что нейтралитет, с которым носилась народная партия, был лишь пустым словом и что единственным средством разорвать союз льежцев с врагами католического короля было бы подчинить их абсолютизму такого епископа, который был бы так же предан католической церкви

---

[1] Письмо де Марша от 26 июня 1634 г.

[2] Письмо его же от 7 мая 1634 г.

[3] *Lonchay*, La principauté de Liège, la France et les Provinces-Unies, p. 53 etc. Г-н Лонше говорит лишь о сношениях бургомистра ла Рюэля и его сторонников с Францией, но они действовали также в согласии и с Соединенными провинциями. Переписка де Марша на каждом шагу подтверждает это.

[4] *Lonchay*, op. cit., p. 179.

и габсбургскому дому, как Фердинанд Баварский [1]. Но, с другой стороны, он отлично знал, что они уступят только силе, и помимо того, что он не хотел выступить по отношению к ним в роли нападающей стороны, у его армии, которая вынуждена была одновременно воевать с французами и с голландцами, было достаточно дела, чтобы, не подвергая ее серьезному риску, заставить ее взять на себя еще новые тяготы. Сообщнику графа Берга в 1629 г. графу Варфюзее, бежавшему в Льеж, отлично были известны эти настроения. Для этого беспринципного авантюриста они могли явиться великолепным средством, чтобы помочь ему опять войти в милость. Одна измена заставила его бежать в Брюссель, теперь другая измена должна была открыть ему его ворота. Убийство бургомистра ла Рюэль, являвшегося бесспорным вождем «гринью» и главной помехой всем планам Испании в Льежском духовном княжестве, несомненно должно было завоевать ему признательность инфанта. Последний по всей вероятности был осведомлен о его планах и, хотя он и не поощрял его, но во всяком случае не делал ничего, чтобы удержать его [2]. 16 апреля 1637 г. испанские солдаты, тайно введенные в город, предательски убили бургомистра, которого Варфюзее пригласил на банкет.

Народ не дал виновникам скрыться. Едва только преступление было совершено, как толпа лихорадочно стала удовлетворять свою жажду мести. Слуг предателя, солдат, одного эшевена и некоторых других подозрительных лиц буквально разорвали на части. Труп Варфюзее волокли по улицам до самой рыночной площади, где его за ноги повесили на виселицу. Кармелиты, обвиненные в соучастии в этом подлом нападении, поспешили покинуть город [3], монастырь иезуитов был начисто разграблен, а ректор их заколот [4]. Гроб с телом бургомистра, охраняемый священниками, в течение трех дней стоял в соборе св. Ламберта, где для прощания с ним проходили непрерывные толпы людей, среди которых можно было видеть даже «детей», оплакивавших «своего отца» [5].

После смерти ла Рюэля все отстаивавшиеся им тенденции

---

[1] Он хотел бы видеть епископа «dueño absoluto». *Lonchay*, op. cit, p. 175; ср. «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 2-ème série, t. II, 1852, p. 154, 155.

[2] *E. Gachet*, L'assassinat du bourgmestre de Liège Sébastien La Ruelle, «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 2-ème série, t. III, 1852, p. 132 etc.

[3] *Ernst*, Tableau historique etc. des suffragants de Liège, Liège 1806, p. 192.

[4] *A. Poncelet*, La Ruelle et les Jesuites de Liège, «Bulletin de l'Institut archéologique liègeois», 1910.

[5] «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 2-ème série, t. III, 1852, p. 168.

несбычайно усилились. В течение некоторого времени Льеж являл собой такое же зрелище, как и Гент во время правления Рихове и Гембизе. Возбуждение умов толкало к крайним решениям, побудив наиболее решительных людей взять власть в свои руки. Один протестант, начальник стрелков, Бартель Ролан, организовал особую военную комиссию (gemine de guerre) и подчинил население настоящему осадному положению [1]. Под руководством бургомистра Бекса и его друзей «столица» стала вести себя совершенно как независимая республика и с помощью Музона еще более тесными узами связалась с Францией. В проникнутых пламенным пафосом брошюрах утверждалось, что вся полнота власти принадлежит народу, представленному своими бургомистрами; в них изливались ненависть и презрение к деспотизму епископа, которого обвиняли в том, что он призвал в страну испанцев и убийц.

Между тем Фердинанд Баварский взывал о помощи к императору и к кардиналу-инфанту, но за исключением испанского гарнизона, присланного в Гюи, он не получал никакой другой помощи, кроме советов не сдаваться. Однако хаос в стране не мог продолжаться бесконечно. 26 апреля 1640 г. Тонгрский мир во второй раз примирил епископа и «столицу». Снова провозглашен был нейтралитет княжества и всех его крепостей, включая Гюи. Этим благоприятным случаем воспользовались для того, чтобы объявить, что льежцы, оставаясь попрежнему «под эгидой Священной римской империи и сохраняя должную верность ей и законопослушность», будут впредь освобождены от всяких обложений в пользу имперских округов и германских князей, за исключением только случая войны с турками. Избирательная система 1603 г. с поправками 1631 г. должна была опять войти в силу [2]. Словом, князь-епископ опять вынужден был капитулировать в вопросах политики. Он повидимому особенно озабочен был при подписании мира тем, чтобы положить конец протестантскому движению, которое благодаря гражданской войне сделало большие успехи в «столице». На основании мирного договора католицизм признан был единственным вероисповеданием города, и наиболее скомпрометировавшие себя протестанты вынуждены были удалиться в Маастрихт.

Однако воцарившееся спокойствие было очень неустойчивым. Партии были слишком ожесточены друг против друга, чтобы они могли удовлетвориться соглашением. Распоряжения, которыми в течение следующих лет запрещено было но-

[1] «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», t. III, 1853, p. 183; *Lonchay*, La principauté de Liège..., p. 69.

[2] *Polain et Bormans*, Ordonnances, t. III, p. 131.

сить знаки отличия, применять впредь выражения «ширу» и «гринью», носить оружие, принимать в число граждан иноземных бродяг[1], убедительно свидетельствовали о наличии злобных и гневных настроений, которые ждали лишь подходящего случая, чтобы разразиться со всей силой. Протестанты повидимому опять внушали опасения, ибо в 1643 г. пришлось заставить всех жителей публично признать себя католиками.

После захвата в 1646 г. французами Валькура народная партия не могла больше бездействовать. В результате настоящего сражения, жертвами которого пало 200 человек[2], выборы передали власть в руки «гринью». По наущению Бекса и Бартела Ролана «столица» смелее, чем когда-либо, оказывала неповиновение князю-епископу. Канцлер Фердинанда был убит, эшевены изгнаны. Юрисдикция обыкновенных судов заменена была юрисдикцией цеховых властей. Духовенство обложено было налогами. Останавливали баржи, шедшие по Маасу, и грабили их.

Но иллюзиям льежской демократии, которые она питала на протяжении 30 лет, вскоре пришел конец. Она не понимала, что своими успехами она обязана была только помощи Франции и Соединенных провинций, а также тому, что Фердинанд Баварский, будучи втянут в войны Германии, не в состоянии был одновременно решительно обрушиться на нее. Вожди народной партии, находившиеся в плену узколобой местной политики и ослепленные своими страстями, не понимали, что могущество льежской демократии зиждется исключительно на силе ее покровителей и затруднительном положении ее князя-епископа. В действительности она находилась опять точно в таком же положении, как и в XV в., когда, пользуясь соперничеством французской и бургундской династии и союзом с Людовиком XI, она считала себя способной оказывать сопротивление Карлу Смелому. Но и на этот раз, как и тогда, иностранные державы поощряли ее и толкали ее вперед лишь из своекорыстных интересов. Настал момент, когда парижское и гаагское правительства, не нуждаясь больше в ее услугах, должны были предоставить ей самой довести до конца свою борьбу с епископом, подобно тому как в свое время Людовик XI бросил ее на произвол судьбы перед лицом ужасного герцога Карла. Мюнстерский и Вестфальский договоры, восстановившие мир между Соединенными провинциями и Испанией и между императором и французским королем, лишили покровителей Льежа всяких

[1] *Polain et Bormans*, Ordonnances, t. III, p. 136, 137, 142.
[2] *Hénaux*, Histoire du Pays de Liège, t. II, 200.

оснований поддерживать его постоянные раздоры и позволили епископу, до того занятому на берегах Рейна, обратить оружие против льежцев. Его долготерпению, которое в течение стольких лет усиливало смелость «гринью», пришел теперь конец. 10 ноября 1648 г. Фердинанд объявил, что все решения оставшихся в Льеже судов лишаются силы. В мае следующего года он запретил повиноваться «решениям», принятым «столицей», и когда эти объявления не достигли цели, он оповестил 28 июня, что вынужден будет прибегнуть к силе. В августе его племянник Максимилиан-Генрих во главе войск курфюршества появился под стенами Льежа[1].

Теперь наконец цехи вынуждены были признать, как неблагоразумна и неосторожна была их политика. Поглощенные своей гражданской войной, они не подумали о том, что сила уступает только силе и что недостаточно заявить о своем нейтралитете, чтобы можно было всегда оставаться в стороне, точно так же, как недостаточно рассчитывать на иностранную помощь, чтобы ее получить. Они были теперь совершенно безоружны перед своим князем-епископом, мнимую слабость которого они до этого в своем неведении презирали, и им ничего больше не оставалось, как подчиниться его воле.

23 сентября 1649 г. избирательная система «столицы» подверглась коренному изменению. Цехи были отныне объявлены неспособными заботиться «о благе и общественном спокойствии» и были лишены участия в назначении городских властей. Оба бургомистра и 30 присяжных города избирались теперь поровну по списку из числа 44 лиц, указанных князем-епископом и городским советом. Судебная власть совета была уничтожена и передана эшевенам. 32 цеха потеряли право собираться даже для вотирования налогов и утратили, следовательно, возможность ставить в зависимость от своих решений взимание налогов, принятых всеми тремя штатами страны[2].

Таким образом дело республиканской свободы, которой льежцы благодаря обстоятельствам могли так долго пользоваться в обстановке гражданской войны, потерпело поражение от князя, который оказался сильнее их. Силы «столицы» были слишком незначительны по сравнению с силами Фердинанда Баварского. Разумеется, она могла бы защититься от своего князя-епископа, если бы он вынужден был воевать, опираясь только на свои собственные ресурсы, и ей, пожалуй, удалось

---

[1] *M. Huisman*, Essai sur le règne du prince-évêque de Liège Maximilien-Henri de Bavière, Bruxelles 1899, p. 36 etc.

[2] *Polain et Bormans*, Ordonnances, t. III, p. 169.

бы даже заставить его признать себя вольным имперским городом. Но соображения европейской политики, побудившие назначить ей в качестве епископа могущественного кельнского курфюрста, тем самым решили ее участь. Ей удалось лишь временно отдалить ее благодаря международным столкновениям, в которые она была втянута и которые дали ей возможность опереться на корыстную помощь со стороны врагов габсбургского дома. Не будучи в состоянии навязать свою волю князю-епископу, эта крайне малочисленная демократия могла действительно существовать лишь до тех пор, пока царили хаос и беспорядок. Она жила сегодняшним днем, увлекаемая своей бурной энергией, истощая свои силы в партийной борьбе и не будучи в состоянии создать ничего прочного, ничего длительного. В обстановке постоянных насилий, чинимых толпой, которая неспособна была сама управлять собой, существование нормального правительства стало совершенно невозможным. «Гринью» не только непрерывно восставали против князя-епископа, но, желая диктовать свои законы штатам страны, они приходили в столкновение с самим княжеством. Если бы такое положение дел затянулось надолго, оно грозило в конечном итоге гибелью страны или распадением ее на части. Победа Фердинанда Баварского избавила ее как от того, так и от другого. Одним словом, восстановление княжеской власти было лишь реставрацией государственной власти.

Впрочем, князь-епископ не злоупотребил своей победой, которая ему легко далась. Он сохранил в силе привилегии «столицы» и привилегии страны и не покусился в интересах абсолютизма на уничтожение традиционных учреждений страны. Тем не менее с льежской конституцией произошло теперь то же, что и с бельгийской. Сохранив свои старые формы, она все более и более проникалась теперь монархическим духом. Она всецело зависела теперь от князя-епископа, подобно тому как и сам город Льеж находился теперь под постоянной угрозой цитадели, построенной Фердинандом в 1650 г. на возвышенности Сент-Вальбюрж.

КУЛЬТУРА КАТОЛИЧЕСКИХ НИДЕРЛАНДОВ

ВВЕДЕНИЕ

В период длительного спокойствия, наступившего вместе с 12-летним перемирием, Соединенные провинции и католическая Бельгия окончательно превратились в две страны с совершенно различными национальностями и приобрели свои характерные особенности. Выявлявшиеся в них противоположные стремления, свободному развитию которых до сих пор мешала война, ярко обнаружились теперь в культурном развитии каждой из них. В то время как Нидерландская республика проявляла свое протестантское рвение в борьбе арминиан и гомаристов, а свою политическую активность в борьбе принца Оранского с генеральными штатами, ее экономическая жизнь развивалась необычайно бурно в самых различных направлениях. И к тому времени, когда она стала первейшей морской державой и первой капиталистической страной в мире, развернулись также и ее духовные силы, вызванные к жизни общим подъемом буржуазного общества и поощряемые примером блестящей плеяды бельгийских кальвинистов, явившихся искать себе пристанища на ее гостеприимной земле. Это бурное духовное развитие выразилось в наступившем расцвете науки и литературы, который вскоре однако далеко превзойден был расцветом искусства.

Рембрандт родился в Лейдене, в 1606 г., за два года до окончательного переселения Рубенса в Антверпен. Уже одно только сопоставление этих двух великих имен со всей резкостью подчеркивает контраст между северными и южными Нидерландами. Действительно, подобно полотнам Рубенса, Бельгия XVII в. была католической и монархической. Она находилась всецело во власти католической церкви, тесно связанной с государем и наложившей на нее свой глубокий отпечаток. Годы перемирия церковь использовала для своего внутреннего переустройства и проявила такую же энергию в увеличении числа своих религиозных орденов, своих благотворительных и просветительных учреждений, как и амстердамские купцы в снаряжении флотов и в создании факторий.

Постройка новых монастырей и сверкающих красновато-желтых церквей в стиле барокко преобразила внешний вид городов. Университеты Луверна и Дуэ прониклись духом строжайшей ортодоксии и выказывали абсолютное повиновение папству. Иезуиты открывали школы для сыновей дворянства и буржуазии, а дети из народа получали свое религиозное воспитание в воскресных школах.

Нигде союз католической церкви и государства не был так тесен и прочен, как при дворе Альберта и Изабеллы. Это единение объяснялось не только личными убеждениями эрцгерцогской четы, но соответствовало также их интересам. В самом деле, католическая реставрация, подавив кальвинизм, одновременно подавила также и распространившиеся вместе с ним республиканские идеи. Всюду, где она восторжествовала, она свирепо обрушилась на учение монархомахов. Носителем верховной власти был не народ, она выводила верховную власть от бога, который вверяет ее государям. Поэтому успехи католической религии должны неизбежно совпадать с успехами монархической власти. Государь не зависит от своих подданных и находится вне их досягаемости. Они должны повиноваться ему, подобно тому как он сам должен повиноваться богу, т. е. церкви, которая представляет его здесь на земле. Только в том случае, если он не повинуется повелениям бога, впадая в ересь или же устанавливая тиранию, несовместимую с христианской справедливостью и милосердием, он может быть низложен на законном основании. Он подчиняется единственно контролю папы, этого наместника Иисуса Христа. В результате всего этого абсолютизм, умеряемый исключительно предписаниями религии, стал нормальной формой правления в католическом государстве.

Альберт и Изабелла столь же определенно, как и другие государи, их современники, стремились к абсолютизму, но им далеко не удалось осуществить его во всем объеме. При них, как и при последовавших за ними испанских штатгальтерах, конституция страны представляла собой смесь элементов чистой монархии и традиционных свобод, причем дозы этой смеси были однако далеко неравными. Верховная власть полностью забрала в свои руки центральное управление, сохранив однако в силе в провинциях те свободы, которые не внушали ей больше опасений и которые были постепенно приспособлены к условиям нового режима. Если сравнить политическую систему, установившуюся в первой половине XVII в. в Бельгии, с политическими системами Франции или

Испании, то ее можно совершенно точно определить как умеренный абсолютизм[1].

Несмотря на предоставленную бельгийскому народу внутреннюю независимость, он вскоре впал в бездействие. Гражданское сознание, которое горело таким ярким огнем в XVI в. и продолжало с той же силой развиваться в Соединенных провинциях, очень быстро заглохло в Бельгии, а к концу религиозных войн исчезло бесследно. Это объяснялось тем, что подчиненное сначала сюзеренной власти, а затем со времени смерти эрцгерцога Альберта суверенной власти Испании, управление католическими Нидерландами предоставлено было иностранной державе, и в силу этого им недоставало той самой свободы действий, которая является необходимым условием для всякой национальной системы управления. Во всех важнейших вопросах бельгийское правительство выполняло лишь приказания, получавшиеся им из Мадрида, и чем дальше, тем больше усиливалось его подчиненное положение. Поэтому оно тщательно избегало соприкосновения с общественным мнением страны, которое не преминуло бы потребовать от него, как это показали заседания генеральных штатов в 1598, 1600 и 1632 гг., действий, несовместимых с интересами Испании. В силу необходимости оно изолировало себя от народа, пыталось скрыть от него свои замыслы, ограничив его участие сферой однообразного и скучного провинциального управления. Как бы Альберт и Изабелла ни пеклись о благе своих подданных, но они жили среди них чужими, довольствуясь точным выполнением своих обязанностей в Брюсселе, точно так же как они делали бы это в Лиссабоне, в Неаполе или Милане. Позднейшие испанские штатгальтеры были не кем иным, как генералами, разбившими в католических провинциях свой военный лагерь и не имевшими никакого соприкосновения с ними. Находясь постоянно в отсутствии, король давал знать о своем далеком существовании лишь путем «наград», пенсий и дворянских титулов, которые, возбуждая жажду к деньгам и почестям, поддерживали таким образом лойяльность аристократии и преданность чиновников. В других странах династические чувства заменяли патриотизм, и король считался воплощением своего народа. В Бельгии, наоборот, пассивная верность какому-нибудь Филиппу III или Филиппу IV объяснялась исключительно исторической традицией, укоренившейся привычкой и смирением перед неизбежностью.

---

[1] Это отлично сознавали в стране. См. например у *Henrard*, Cathérine de Médicis, p. 242, любопытный памфлет, в котором проводилось сравнение между правительствами Бельгии и Франции.

Равнодушию народа к государю вполне соответствовало равнодушие самого государя к народу. Король вполне довольствовался тем, что он вернул страну в лоно католицизма и законопослушания. Он совершенно не интересовался делами провинций, лишь бы только они аккуратно платили налоги. Он требовал от своих штатгальтеров, чтобы они тщательно следили лишь за снабжением войск продовольствием и за содержанием крепостей. То ожесточение, с которым он защищал на севере остатки испанского престижа и влияния, самым вопиющим образом противоречило его равнодушному и нерадивому отношению ко всем остальным делам. Со времени смерти Альберта в Бельгии не проводилось ни одной административной реформы, не было сделано никаких усилий для оживления торговли или промышленности, не было проявлено ни малейшего участия к несчастному народу, обреченному вести нескончаемую и все более гибельную для него войну. Неслыханное дело, но торговля с Ост- и Вест-Индией была запрещена бельгийцам вплоть до 1640 г. Впрочем, господство испанцев в Бельгии оставило так мало следов, что одно это уже в достаточной мере доказывает полнейшую бесплодность его. Несколько фамильных имен, несколько эпитафий, несколько переписок в архивах — вот почти все, что сохранилось от него. Католические Нидерланды остались совершенно в стороне от испанской культуры, которая нашла себе столь блестящее выражение в творчестве Веласкеса и Сервантеса.

Впрочем, упадок национальной энергии обнаружился во всем своем объеме лишь начиная с середины XVII в. Во время правления эрцгерцогской четы пробуждение искусств, энергичная деятельность церкви во всех областях общественной жизни, попытки оживить, пользуясь перемирием, торговлю и промышленность скрывали от всех первые признаки начинавшегося экономического и политического упадка. Но в последующие годы этот упадок распространился на все области жизни. Разорение, неуверенность в завтрашнем дне, военные бедствия привели к тому, что все источники жизненной энергии страны оказались исчерпанными. Под бременем обрушившихся на него несчастий бельгийский народ ударился в религию. Лучшие люди страны посвятили себя служению церкви, и она одна поддерживала еще какое-то духовное движение, которое однако посреди всеобщего застоя вскоре тоже приостановилось.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ПОЛОЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ДЕЛ

I

Договоры о капитуляции, которые Александр Фарнезе вынудил у завоеванных им городов, решили участь протестантизма в Бельгии. Новая религия не успела пустить глубоких корней на селе. Самое большое — ей удалось утвердиться благодаря неизвестным нам обстоятельствам в отдаленных деревнях. Так было например в Доуре (в Генегау) или в Мария-Горебеке, Матере, Этихове и Эстере во Фландрии или наконец в Годимоне в Лимбурге, которые — точно так же, как Нессонво в Льежской области, — сохранили до наших дней свои старые протестантские общины. Но в общем кальвинизм не успел распространиться в деревне. Хотя отправление католического богослужения в окрестностях больших городов нарушалось деятельностью кальвинистов или чаще всего военными обстоятельствами, приводившими к опустошению множества церквей, но стоило вернуться испанцам, как оказалось, что католическая религия сохранила всю свою власть над деревенскими массами. Таким образом кальвинизм, подобно раннему христианству, был лишь религией горожан. Кроме того в тот момент, когда он должен был уступить силе, он еще далеко не завоевал себе большинства городского населения.

Как ни исключительно было его господство в большинстве фландрских и брабантских городов, он мог рассчитывать в них лишь на очень ограниченное число искренно убежденных приверженцев. Небольшой группе истинно верующих удалось, опираясь на патриотов, благодаря своей энергии и смелости, захватить власть. Их политическое влияние вскоре превратилось в религиозное. Из ненависти к Испании католики сначала закрывали себе глаза. Когда же они захотели протестовать, было уже слишком поздно. Беспомощно должны были они присутствовать при разгоне католических священ-

ников, закрытии храмов и запрещении католического богослужения. Наиболее богатые и наиболее благочестивые из них эмигрировали. Остальные — а таковых, разумеется, было подавляющее большинство, подчинились неизбежному. Многие даже стали обнаруживать рвение к победившей религии. Бедняки принялись посещать протестантские проповеди и посылать своих детей в протестантские школы, чтобы не лишиться помощи общественных благотворительных учреждений.

Но такое положение дел было слишком непродолжительно, чтобы новая религия в Бельгии, как это было в Голландии, могла заменить собой старую. Семи или восьми лет недостаточно, чтобы изменить религию целого народа. За исключением Антверпена, куда бежали кальвинисты, изгнанные из других городов страны, значительная часть городского населения ко времени побед Фарнезе была еще в глубине души католической. Все те, кто из осторожности, из корыстных интересов или по необходимости сделали вид, что перешли в новую веру, сейчас же опять примирились с католической церковью. В Ньюпорте перед осадой его насчитывалось до 3 тыс. протестантов, после капитуляции его их оказалось всего лишь трое[1]. Епископы повсеместно радовались благочестивому рвению населения. В 1585 г. в Брюгге и в Генте церкви были до такой степени переполнены протестантами, жаждавшими исповедаться, что у священников едва хватало времени для отправления богослужения[2]. Даже в Антверпене Левин Торренций мог в 1588 г. констатировать, что католическая религия, почти совершенно искорененная еще два года назад, теперь с каждым днем все более укреплялась[3].

К этому времени, правда, почти все инаковерующие, которым их пылкое благочестие не позволяло отречься от своей веры, продали свое имущество и эмигрировали в Голландию и Зеландию. В 1585 г. только одна миддельбургская кальвинистская община приобрела 1155 новых членов[4]. В следующем году герцог Лестер разрешил 136 валлонским семьям, эмигрировавшим в Антверпен, обосноваться в Соединенных провинциях[5]. В Генте ходил слух, что после взятия города

---

[1] *Gossart*, La domination espagnole, p. 147.

[2] *Piot*, Correspondance de Granvelle, t. XII, p. 249.

[3] «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 3-ème série, t. XI, 1869, p. 216. Несмотря на это, в 1607 г. в диоцезе было довольно значительное число протестантов. «Analectes pour servir à l'Histoire Eccles.», t. IX, p. 437.

[4] *F. Nagtglas*, De algemeene Kerkeraad der Nederduitsch-hervormde gemeente te Middelburg, Middelburg 1860, S. 9.

[5] *J. Eggen*, De invloed door Zuid-Nederland op Noord-Nederland uitgeoefend, Ghendt 1908, p. 213.

было затребовано 9 тыс. выездных свидетельств, и в течение продолжительного времени треть домов здесь пустовала [1]. Все это конечно далеко не полные данные, не позволяющие установить даже приблизительно цифру протестантов, покинувших страну. Ее, — впрочем без достаточных оснований — определяли более чем в 100 тыс. чел. [2], и эта цифра тем менее достоверна, что за последние годы XVI в. значительное число эмигрантов вернулось обратно в Бельгию [3]. Но если эмиграция и не была повидимому очень велика в количественном отношении, зато она была очень ценна в качественном отношении. Большинство убежденных кальвинистов принадлежало к числу образованной буржуазии, крупных купцов или к наиболее квалифицированной, избранной части ремесленников. Их уход лишил страну значительной части наиболее образованных и наиболее деятельных элементов. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить об услугах, оказанных Голландии в области политики, науки, искусств, в области торговли и мореплавания такими эмигрантами, как Франц ван Арсен из Брюсселя, Даниэль Гейнзий из Гента, Яков и Исаак Лемеры из Турнэ, Симон Стевен из Брюгге, Вильгельм Усселингс и Эгидий ван Конингслоо из Антверпена, и еще многими другими [4].

Разумеется, не все протестанты предпочли эмиграцию необходимости примириться с победой католической церкви. Многие из них поступили так же, как и католики во время победы кальвинистов. Они отреклись от своей веры на словах, оставшись втайне верными ей [5]. Перемирие 1609 г., восстановив свободу сношений между Бельгией и Соединенными провинциями, дало возможность протестантам из прилегающих к границе городов войти опять в контакт со своими северными единоверцами. Они отправлялись из Гента и Антверпена в Лилло или в Арденбург под видом торговли, посещения рынков, знакомых, или под видом прогулок с целью присутствовать здесь на проповедях, крестить своих детей у пасторов и осмеливались даже покупать себе бюргерские права с тем, чтобы иметь потом возможность требовать права

---

[1] *Van den Vyvere*, Chronycke van Ghendt, éd. F. de Potter, Ghendt 1885, p. 375; ср. другие подробности у *Eggen*, op. cit., p. 10 etc.

[2] *Eggen*, op. cit., p. 10.

[3] *Van den Vyvere*, Chronycke van Ghendt, p. 384; *F. De Potter*, Deuxième cartulaire de Gand, p. 239.

[4] *J. Eggen*, De invloed door Zuid-Nederland op Noord-Nederland uitgeoefend, p. 463.

[5] В 1606 г. в окрестностях Турнэ, в Розюльте и Селле народ был indevotissimus (не благочестив), и протестанты встречались в Сент-Аманде. «Bulletin de la Société d'études de la province de Cambrai», 1908, p. 173.

на исповедание своей религии[1]. В 1610 г. третий синод антверпенского диоцеза констатировал, что совершенно невозможно прекратить сношения населения с еретиками[2].

Консистории Голландии и Зеландии тотчас же воспользовались этими обстоятельствами. Несмотря на договор о перемирии, они вели довольно энергичную пропаганду во Фландрии и в Брабанте, и властям Нидерландской республики ставилось на вид, что они вели в деканствах Бреды и Бергоп-Зома настоящий поход против католицизма[3]. Правительство не могло закрыть границу для кальвинистских священников, и очень трудно было следить за их поведением, как только они попадали в бельгийские провинции. О том, с каким недоверием к ним относились, свидетельствует указ 1617 г., на основании которого они должны были давать о себе знать городским советам тех городов, через которые они проезжали[4]. Напрасно другим указом начиная с первого же года перемирия запрещены были всякие религиозные споры[5]. Напрасно пытались помешать проникновению в народные массы брошюр, содержавших нападки на католическую церковь[6]; напрасно под угрозой произвольно устанавливаемого штрафа и вечного изгнания запрещалось вести проповеди или принимать в них участие[7]. О росте протестантизма свидетельствовало даже уменьшение числа детей, посещавших уроки закона божьего. В Генте в 1620 г. в некоторых приходах было установлено, что больше двух третей учеников не посещает воскресных школ[8]. Некоторое время можно было даже опасаться, как бы не разразились серьезные беспорядки. В 1609 г. были обнаружены анабаптисты, проповедовавшие в ночное время в районе между Мерендре и Ловендегемом, а в следующем году фландрский совет приказал арестовать человека, обвиненного в оскорблении икон в Гонтродской церкви[9].

С возобновлением войны бельгийский протестантизм снова оказался изолированным, и начавшемуся брожению положен был конец. И тем не менее в 1627 г. фискал Ипра жа-

[1] *De Ram*, Synodicon Belgicum, t. I, p. 508, t. III, p. 369, t. IV, p. 282; *Chapeaville*, Gesta episcoporum Leodiensium, t. III, p. 670; *Van Meteren*, Histoire..., fol. 663; «Analectes pour servir à l'Histoire Ecclésiastique de la Belgique», t. I, 1864, p. 101.

[2] *De Ram*, Synodicon Belgicum, t. III, p. 120.

[3] «Analectes...», t. I, p. 101; ср. также «Placcaeten van Vlaenderen», t. II, p. 30.

[4] *De Potter*, Petit cartulaire de Gand, p. 179 et 183.

[5] «Placcaeten van Vlaenderen», t. II, p. 30.

[6] Ibid., t. II, p. 17.

[7] Ibid., t. II, p. 30.

[8] *De Ram*, Synodicon Belgicum, t. IV, p. 281.

[9] *V. Gaillard*, Archives du Conseil de Flandre, p. 448, 450.

ловался на то, что районы морского побережья и приморские города наводнены еретиками [1]. Это было явным преувеличением. Но во всяком случае бесспорно, что более чем до середины XVII в. остатки старых протестантских общин продолжали прозябать в Турнэ, в Валансьене, в Генте, в Брюсселе, в Антверпене и в некоторых других фламандских и брабантских местностях. В результате взятия Маастрихта и соседних крепостей Фридрихом Генрихом в 1632 г. в Льежской области и в Лимбурге началось довольно бурное, хотя и кратковременное протестантское движение. Наконец, после Мюнстерского мира правительство должно было разрешить проживающим в Бельгии голландцам жить согласно предписаниям их религии, лишь бы они не давали повода к каким-нибудь нарушениям порядка [2]. Некоторые протестанты из Турнэ и Валансьена напрасно надеялись воспользоваться той же веротерпимостью путем приобретения бюргерских прав в том или ином голландском городе [3]. Но умеренность, которую из политических соображений приходилось проявлять по отношению к Нидерландской республике, отнюдь не распространялась на бельгийцев. Чтобы не дать Гааге никакого повода к жалобам, оставлены были в покое небольшие евангелические общины Доура и Горебека и, несмотря на возражения священников, иноверцам Лимбургского герцогства разрешено было поделить с католиками кладбища Эйпена и Годимона [4], но тем не менее государство попрежнему категорически запрещало в других местах всякое иное богослужение, кроме католического. Еще в 1655 г. издан был указ об изгнании из страны протестантских священников, пробравшихся сюда с целью укрепить веру в отдельных, последних потомках гёзов [5]. Уже одна крайняя малочисленность этих остатков свидетельствует о том, до какой степени государственная религия вытеснила в Бельгии протестантизм. Затруднения, которые ему предстояло еще в дальнейшем со-

---

[1] «Correspondance du Conseil de Flandre», t. 135, в Гентском государственном архиве.

[2] *E. Hubert*, Le protestantisme à Tournai pendant le XVIII siècle, Bruxelles 1903; Une page de l'histoire réligieuse de la Flandre au XVIII siècle. Le protestantisme à Donlieu-Estaires, Bruxelles 1903; Les Etats Généraux des Provinces-Unies et les protestants du duché de Limbourg, Bruxelles 1904; Les Pays-Bas espagnols et la République des Provinces-Unies depuis la paix de Munster, Bruxelles 1907; Les Eglises protestantes du duché de Limbourg pendant le XVIII siècle, Bruxelles 1908.

[3] «Placcaeten van Vlaenderen» t. III, p. 5.

[4] *Hubert*, Les Eglises protestantes du duché de Limbourg, p. 40 etc., 50.

[5] «Placcaeten van Brabant», t. III, p. 34; *F. De Potter*, Petit cartulaire de Gand, p. 235.

здать для правительства, связаны были с вмешательством Соединенных провинций в пользу своих подданных.

В такую эпоху, когда религия народа неизбежно определялась религией государя, исчезновение протестантизма было предопределено, поскольку страна попала опять под владычество испанского короля. В конце XVI в., когда определились позиции католической церкви и протестантизма в отношении друг к другу, борьба между ними велась уже не путем личной пропаганды, а с оружием в руках или политическими средствами. С этого времени ужасные репрессии, с помощью которых когда-то делались попытки спасти навсегда исчезнувшее религиозное единство, стали лишь бесполезным варварством и причиной возникновения беспорядков. Государство ограничивалось теперь тем, что предписывало свою религию точно так же, как оно подчиняло страну своей верховной власти, делая и то и другое одинаковыми средствами. Оно отказалось казнить инаковерующих; оно довольствовалось тем, что поражало их гражданской смертью, лишая их прав, и помогало католической церкви обращать их.

Впрочем, кровавые указы Карла V не были вовсе отменены: они просто перестали применяться. Страх, который анабаптисты продолжали еще внушать, вызвал в последние годы XVI в. еще несколько казней. В 1588 г. фландрский совет издал постановление о строжайшем преследовании сохранившихся в окрестностях Гондсхота членов этой секты [1], а когда в следующем году двое из них были арестованы эшевенами Гента, он не колеблясь приговорил их к смертной казни [2]. Наконец, в 1597 г. в Брюсселе одна анабаптистка, Анна Гове, была закопана живой в землю [3]. Этой казнью завершился длинный мартиролог бельгийского протестантизма. Постепенно даже трибуналы перестали преследовать безобидных иноверцев; они вмешивались только, когда дело шло о враждебных католицизму демонстрациях, которые как преступления против общественного спокойствия карались штрафами или такими телесными наказаниями, как бичевание [4]. Суды вскоре стали проявлять такую терпимость в этом отношении, что в 1614 г. пришлось издать специальный

---

[1] «Inventaire sommaire des Archives municipales de Hondschoote» Lille 1876, p. 7.

[2] *De Potter*, Petit cartulaire de Gand, p. 111.

[3] *Henne* et *Wauters*, Histoire de Bruxelles, t. II, p. 7. Ван Метерен относит этот факт к 1589, Гроций же—к 1597 г.

[4] *Gaillard*, Archives du Conseil de Flandre, p. 448, 450. Нельзя считать возобновлением репрессий против ереси то, что около 1589 г. повешен был один житель Гондсхота, обвиненный в том, что он дал пристанище одному эмиссару английских протестантов-эмигрантов. «Inventaire des Archives de Hondschoote», p. 2.

указ, вменявший им в обязанность проявлять бо́льшую суровость. Духовные судьи в свою очередь обнаруживали недовольство тем, что гражданские чиновники оказывали им так мало помощи [1].

Начиная с первых же лет XVII в., роль государства свелась фактически почти исключительно к роли простого помощника церкви в деле обращения еретиков. Уже в 1585 г. Фарнезе созвал в Лувене собрание иезуитов и представителей нищенствующих орденов с целью изыскать наилучшие средства, чтобы вернуть к истинной вере протестантов Валансьена, Турнэ, Гента и Антверпена [2]. Победа католицизма и организация его на основе реформ, провозглашенных на Тридентском соборе, создали, впрочем, почти тотчас же превосходные методы религиозного управления и пропаганды. Синоды диоцезов вменяли родителям в обязанность посылать своих детей в воскресные школы под угрозой лишения их вспомоществований, распределявшихся со «столов св. Духа» [3]. Кроме того они предлагали приглашать в качестве повивальных бабок только испытанных католичек, с которых предварительно бралась клятва, что они будут следить за тем, чтобы появляющиеся с их помощью на свет дети крестились по католическому обряду. Далее, они напоминали священникам о лежавшей на них обязаности сообщать епископам о своих прихожанах, впавших в ересь или воздерживавшихся от участия в религиозных церемониях. Наконец, они подчинили печатное и книжное дело строжайшему надзору цензуры. Правительство и местные власти следили за выполнением этих мероприятий и регулировали их путем издания указов или постановлений [4]. Книжное дело было предметом особого внимания. В 1610 было запрещено ввозить в страну книги, напечатанные за границей, если они не были одобрены духовными цензорами. Чтение какой-нибудь запрещенной

[1] «Placcaeten van Vlaenderen», t. III, p. 3; «Переписка фландрского совета», т. 135 в гентском государственном архиве; *Cauchie* et *Maere*, Instructions des Nonces, p. 108. Нунций жалуется на то, что Альберт, несмотря на свое благочестие, не преследует еретиков, чтобы снискать себе расположение народа.

[2] «Analectes pour servir à l'Histoire Ecclésiastique», t. IX, p. 336.

[3] Уже первый Мехельнский синод постановил в 1570 г.: «quia pauperes plerumque negligentiores sunt circa suarum prolium instructionem, debent et illi per substractionem eleemosynarum mensae pauperum cogi ut quas habent proles ad has scholas mittant» (так как бедные в большинстве не заботятся об образовании своих детей, надо путем лишения вспомоществования понуждать их к тому, чтобы те, кто имеет детей, посылал их в эти школы). *De Ram*, Synodicon Belgicum, t. I, p. 122; ср. Ibid., t. IV, p. 285.

[4] В 1608 г. эрцгерцогская чета сделала обязательным большинство решений III провинциального Мехельнского синода, имевшего место в 1607 г. «Placcaeten van Vlaenderen», t. II, p. 125.

книги наказывалось штрафом в 10 флоринов, а в повторном случае виновный считался еретиком; если кто-нибудь давал книгу подобного содержания другому, то он подлежал наказанию розгами. Владельцы типографий должны были утверждаться с одобрения епископской власти и представлять епископу по одному экземпляру всех сочинений, выходящих у них из печати [1].

Такая постановка дела должна была с течением времени неминуемо искоренить все остатки протестантизма. Только в самых исключительных случаях и только в богатых и независимых семьях родителям удавалось то тут, то там передать своим детям свою протестантскую веру, несмотря на обязательность уроков катехизиса, несмотря на запрещение всех некатолических книг, несмотря на надзор повивальных бабок, несмотря на обязательное посещение католического богослужения. Сопротивление бедняков не могло долго продолжаться, раз их лишали милостыни, с помощью которой они существовали. Надо кроме того принять во внимание, что религиозные ордена энергично помогали белому духовенству. В частности иезуиты и францисканцы, благодаря своему личному воздействию на отдельные семьи, своему постоянному соприкосновению с населением, своему вмешательству во все области общественной жизни, добивались более решительных и быстрых результатов, чем приходское духовенство, которому всегда не по вкусу было вторжение этих неистово усердных помощников. Наконец, надо учесть также, что исключительно монахи и в частности иезуиты были составителями множества брошюр, где в популярной, а иногда даже в комической и пошлой форме протестантские верования опровергались и даже осмеивались во славу католической религии [2].

При этих условиях не имело никакого смысла продолжать преследовать приверженцев религии, которая неминуемо обречена была на гибель. Если удавалось накрыть еретика, то он представал перед епископом или перед официалом, назначавшими ему руководителя, на обязанности которого лежало обратить его. Почти всегда таким образом добивались

---

[1] «Placcaeten van Vlaenderen», t. II, p. 17, 19. Эти указы были не чем иным, как возобновлением указов 1570. Ibid., p. 8; ср. также *De Ram*, Synodicon Belgicum, t. III, p. 122.

[2] Я имею здесь в виду только популярные брошюры, самые ранние из которых восходят к концу XVI в. См. между прочим брошюру бенедиктинца Корнелия Вранкса («Bibliotheca Belgica», No. 165). Интересный список произведений подобного рода, которые заслуживали бы специального исследования, можно найти в изданной Ф. ван дер Гагеном «Bibliographie Gantoise».

отречения, по крайней мере словесного. Только в случае, если обвиняемый обнаруживал упорство, его предавали гражданскому суду и приговаривали к изгнанию[1]. Но чем ближе подходили к середине XVII в. и чем яснее обнаруживался упадок протестантизма, тем все чаще, как правило, избегали доводить дело до крайности. Некоторым известным кальвинистам удавалось даже совершенно избегнуть всякого преследования благодаря их знатности или талантам. Так было например с женой принца Карла Шимэ, Марией Бримэ, и с художником Иордансом. Жажда крови, позорившая начиная с XVI в. уголовное право и столько времени свирепствовавшая в отношении еретиков, перенеслась теперь на ведьм. Католицизм, как и протестантизм, обнаружили в этом отношении одинаковую жестокость: и в том и в другом случае обвинения в колдовстве заменили обвинения в несогласии с истинной верой[2]. Государство перестало посягать на жизнь тех, кто отказывался признать государственную религию. Оно считало достаточным, что закрыло им доступ ко всем должностям, отказывало им в заключении законных браков, лишая их таким образом возможности оставлять после себя законных наследников.

---

[1] «Annalectes pour servir à l'Histoire Écclésiastique», t. III, p. 79.

[2] См указ от 1592 г., вменявший в обязанность преследовать самым беспощадным образом колдунов, чародеев и т. д., число которых непрерывно растет, что «в значительной мере вызывается и является результатом такого широкого распространения ереси и лжеучений» («Placcaeten van Vlaenderen», t. II, p. 35; *De Ram*, Synodicon Belgicum, t. III, p. 172). Этот указ опять введен был в действие в 1606 г. См. относящееся к этому же году распоряжение герцогу Арсхоту, великому бальи Генегау, вменявшее ему в обязанность строжайшим образом преследовать «все растущие» преступления по обвинению в колдовстве («Inventaire des Archives du département du Nord», t. VI, p. 31). К сожалению научного исследования процессов ведьм в Бельгии еще не существует. См. по этому поводу *Cannaert*, Bijdragen tot de kennis van het oude strafrecht in Vlaenderen, Gand 1835, p. 193 etc., et 459 etc.). В изданном в Льежской области в 1608 г. (*Polain*, Recueil des Ordonnances, 2-ème série, t. II, p. 290) распоряжении Эрнста Баварского говорилось, что ведьмы недостаточно преследуются из-за судебных издержек, и в связи с этим для них вводилось упрощенное судопроизводство. Нельзя установить точно числа преследований. В 1614 г. судья Бушена за 19 лет вел судебные преследования против 183 лиц, обвинявшихся в колдовстве («Inventaire des Archives du dép. du Nord», t. VI, p. 71). Н. ван Вервек («Kurze Geschichte des Luxemburger-Landes, Luxemburg 1909, S. 335) считает, что за период с 1450 и примерно до 1700 г. в Люксембурге было проведено 30 тыс. процессов по обвинению в колдовстве, из коих около 20 тыс. закончилось присуждением к смертной казни. Сколь бы ужасными ни казались эти цифры, они далеко уступают тому, что нам известно относительно других стран. Они не дают нам следовательно оснований приходить к выводу, что репрессии в Бельгии были особенно суровыми.

II

При первых же успехах реформации в Нидерландах Карл V твердо решил бороться с ней лишь грубой силой [1]. Но он не мог устоять перед очевидной для всех логикой фактов: рост ереси лишний раз подтвердил, что террор бессилен в делах веры. Как и в первые века христианства, кровь мучеников была благодарнейшей почвой для появления новых верующих. Кроме того самая крайность «плакатов» императора делала невозможным их строгое применение. Нужны были новые методы, и Филипп II понял это. Не меняя ничего в беспощадном законодательстве своего отца, он твердо решил путем коренного переустройства католической иерархии в своих нидерландских владениях спасти в них положение церкви, усилить ее влияние на верующих и даже создать ей таким образом возможность вновь привлечь на свою сторону потерянные ею души. В то время как меч и костер продолжали сеять смерть и страх среди еретиков, создание новых епископств должно было положить предел и победить религиозную пропаганду новаторов, усилив дисциплину и увеличив во всех частях страны догматическую силу сопротивления католической религии.

План, одобрения которого король добился у папы, был бесспорно очень хорошо задуман. Прежде всего он придал церковной организации 17-ти провинций единство и сплоченность, уничтожив старые епископские округа, все еще по прошествии 12 веков продолжавшие сохранять на нидерландской почве границы римских civitates и ставившие Нидерланды в зависимость от двух иностранных архиепископов — реймского и кельнского [2]. Разделение на епископства было приспособлено к естественному распределению населения; приняты были во внимание и язык и исторически сложившиеся группировки населения. Наконец — и в этом был основной смысл реформы — произведено было такое размещение новых епископств на необозримой территории прежних диоцезов, что каждый епископ мог теперь надлежащим образом следить за своей паствой, охраняя ее от проникновения ереси. Созданные королем 18 епископств были распределены между тремя архиепископствами. Архиепископству Камбрэ, охватывавшему валлонскую часть, подчинены были Турнэ, Аррас, Сент-Омер и Намюр. Фламандские диоцезы — Антверпен, Буа-ле-Дюк, Рурмонд, Гент, Брюгге, Ипр подчинены были мехельнскому архиепископу. Наконец от Утрехта за-

[1] Histoire de Belgique, t. III, p. 332.
[2] См. выше, стр. 61.

висели северные епископские города — Миддельбург, Гарлем, Девентер, Леварден и Гронинген. Вся эта огромная область подчинена была Мехельнскому архиепископству, которое король в мае 1560 г. передал Гранвелле.

Если принять во внимание, что из 18 диоцезов до этого существовало только 4, именно: диоцезы в Камбрэ, Турнэ, Аррасе и Утрехте, то можно составить себе представление обо всем объеме этой реформы и тогда нетрудно будет понять, что ее можно было без преувеличения считать самым важным мероприятием в интересах католицизма за последние полвека [1]. Но самый размах ее и, если можно так выразиться, радикализм ее необычайно затрудняли ее осуществление. Невозможно было возложить на государственную казну бремя расходов, необходимых для вновь созданных епископств. Поэтому нидерландское духовенство во что бы то ни стало должно было помочь их содержанию. Король, будучи заранее убежден в неизбежности некоторого сопротивления, считал более благоразумным скрывать свои планы. Он поступил бы пожалуй совершенно иначе, если бы он мог предвидеть, с каким негодованием они будут приняты.

Оппозиция прелатов, интересы которых поставлены были под угрозу коренным переустройством старой епископской организации, была тотчас же поддержана политической оппозицией. В ответ на проект включения аббатств Тонгерлоо, Сен-Бернара и Аффлигема в диоцезы Буа-ле-Дюк, Антверпена и Мехельна брабантские штаты протестуя ссылались на «Joyeuse-Entrée». Они послали делегатов для изложения своих жалоб в Мадриде; они апеллировали к папе. Тем временем распространился слух, что новшества Филиппа ставят себе целью не что иное, как введение в страну испанской инквизиции, и бо́льшего не надо было, чтобы окончательно скомпрометировать их в глазах населения. Возбуждение приняло столь бурный характер, что король решил пойти на некоторые уступки. В 1564 г. он заявил о своей готовности отказаться от создания антверпенского епископства и от включения брабантских аббатств в новые диоцезы, если они возьмутся выплачивать взамен этого постоянную ренту. Отказ папы признать это соглашение поставил опять все под вопрос [2]. Большинство епископов, назначенных Филиппом, не могло занять своих кафедр отчасти из-за отсутствия доходов, отчасти же из-за недоброжелательства населения. Надо было подождать

[1] *E. Marx*, Studien zur Geschichte des Niederländischen Aufstandes, Leipzig 1902, S. 206.

[2] Ibid., S. 367, 379, 383, 396, 405, 419; *F. Rachfal* Wilhelm von Oranien und der Niederländische Aufstand, Halle 1907, Bd. II[1], S. 129 ff.

прибытия Альбы, чтобы осуществить наконец мероприятия, окончательно скомпрометированные религиозными беспорядками 1566 г. 31 марта 1568 г. герцог получил приказание присоединить Аффлигем к Мехельну и прогнать тамошнего аббата, объединить Тонгерлоо с Буа-ле-Дюком, Сен-Бернар с Антверпеном, а Тер-Дуст и Сен-Донацианское превотство с Брюгге. Ему поручено было точно так же водворить епископов во все те города, в которых они не были еще приняты, и, если понадобится, принудить население к повиновению [1]. С этого момента победа была обеспечена. Оставалось только преодолеть некоторые административные затруднения и медлительность римской курии. В декабре 1570 г. все вновь назначенные епископы, за исключением гарлемского, ожидавшего еще своих ратификационных грамот, заняли свои кафедры [2].

Само собой разумеется, что высшие учебные заведения, в которых готовились церковные сановники, не могли остаться в стороне от большого дела защиты католицизма, предпринятого королем. После отъезда Эразма в Базель в 1521 г. имевшаяся в Лувене небольшая группа новаторов, питавшая еще некоторые симпатии к протестантизму, вскоре распалась. Уже в 1545 г. университет дал совершенно недвусмысленные доказательства своей верности католической церкви, потребовав от каждого студента присяги в ненависти к ереси. В результате этого он вскоре ощутил на себе признаки королевской заботливости. Число его профессоров было увеличено, и их материальное положение улучшено [3]. Но уже давно пришли к убеждению, что одного университета недостаточно было для такой большой и населенной страны, как Нидерланды. Уже в царствование Карла V поднимался вопрос о создании факультетов в Турнэ, а затем в Дуэ [4]; в 1561 г. вопрос был опять поднят в пользу города Девентера [5]. Проект создания новых факультетов диктовался в частности королю теми соображениями, что это был способ отвлечь множество молодых людей от поездок за границу, откуда многие из них возвращались страстными приверженцами подозрительных учений. Стремление изучить французский язык побуждало многих фламандских студентов направляться в Париж и другие французские университеты. Вероятно по этой причине Филипп решил учредить именно в валлонской части, в Дуэ, новое высшее учебное заведение. Согласие папы было обеспе-

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. II, p. 19.
[2] Ibid., t. II, p. 163.
[3] *Marx*, Studien..., p. 45.
[4] «Histoire de Belgique», t. III, p. 300, 316.
[5] *Weiss*, Papiers d'Etat de Granvelle, t. VI, p. 412.

чено. 31 июля 1559 г. Павел IV одобрил этот проект, и его преемник Пий IV буллой от 6 января 1560 г. признал существование нового университета [1]. Король дал ему 19 января 1562 г. устав, отвел ему место и наметил ему определенные доходы [2]. Уже в августе 1563 г. Маргарита Пармская могла сообщить в Мадрид, что этому делу положено «очень хорошее начало» [3].

Церковные реформы Филиппа предшествовали закрытию Тридентского собора (декабрь 1563 г.). Они были его личным делом, и есть основания думать, что он очень заинтересован был в том, чтобы довести их до конца, прежде чем закончит свои работы собор, созванный для точного определения догм и улучшения церковной дисциплины. Каким бы ревностным католиком он ни был, но он совершенно не намерен был подчинять свои верховные права духовной власти и признать в том виде, как они были приняты, все решения собора, касавшиеся взаимоотношений государства и духовных властей. Но «чтобы подать хороший пример», он тотчас же и без всяких оговорок приказал опубликовать их в Испании, отложив на некоторое время решение вопроса, как они будут применяться [4]. Он хотел, чтобы точно так же было поступлено и в Нидерландах. Но здесь невозможно было опубликовать решения собора, не установив предварительно, каковы будут их последствия для публичного права различных провинций. 23 апреля 1564 г. Маргарита получила приказ поручить произвести соответствующее расследование, и 9 июня следующего года она передала этот вопрос на усмотрение судебных советов [5].

Так как эти искушенные в юридических тонкостях организации легистов были принципиальными защитниками неограниченной власти государя и незыблемости государства, то они не преминули найти в постановлениях собора множество рискованных новшеств [6]. Все они выдвинули свои возражения. Брабантский судебный совет заявил, что постановления «урезывают права его величества и что их нельзя ввести

---

[1] *Miraeus*, Opera diplomatica, t. I, p. 238.

[2] *G. Cardon*, La fondation de l'Université de Douai, Paris 1892, p. 166.

[3] *Gachard*, Correspondance de Marguerite d'Autriche, duchesse de Parme, t. III, p. 61.

[4] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 328.

[5] *Gachard*, Correspondance de Marguerite d'Autriche..., t. III, p. 368, 370.

[6] *Le Plat*, Monumenta ad historiam Concilii Tridentini spectantia, t. VII, I part, Louvain, 1787. Ср. также хранящийся в Парижской национальной библиотеке французский манускрипт № 9021 советника Винана, содержащий интересное собрание документов о введении постановлений собора в Нидерландах.

в свободном государстве без соответствующих изменений». Он предлагал передать их на рассмотрение национального собора, который пересмотрит их и постановления которого папа обяжется принять. Значительная часть привилегированного духовенства в свою очередь явно обнаруживала недовольство реформой, ухудшавшей его положение. Лувенский университет тоже чинил препятствия. Наконец общественное мнение, возмущенное уже в достаточной мере созданием новых епископств, проявляло явно враждебные настроения. Брабантцы заявляли, что, опубликовав постановления собора, король нарушит таким образом конституцию и освободит их тем самым от присяги в верности. В Антверпене городской совет открыто высказался за оказание сопротивления [1]. Государственный совет поспешил воспользоваться этим недовольством, чтобы нанести удар Филиппу II. Он уверял правительницу, что нельзя добиться принятия постановлений собора, «не вызвав серьезного столкновения со штатами, вассалами, городами и подданными Нидерландов; он запугивал ее, ссылаясь на «недоброжелателей», которые только и ждут этого случая, чтобы «сделать таким образом предметом своих нападок также и то, что было основной целью данного собора, а именно статьи, касающиеся христианского вероучения» [2]. Напуганная этими предупреждениями, Маргарита не решалась прямо и точно опубликовать постановления, присланные ей из Мадрида и датированные 30 июля 1564 г. [3]. Что касается короля, то он, как всегда, колебался. 3 февраля 1565 г. он еще ничего не решил [4], и его колебания придавали оппозиции еще больше смелости. Представление по этому поводу брабантских городов от 12 января предлагало ни более ни менее, как созвать генеральные штаты, чтобы запросить их совета [5].

В конце концов прибегли к компромиссу. 11 июля 1565 г. правительница приказала епископам опубликовать постановления собора, «сохраняя при этом в силе права его величества, которые отнюдь не будут урезаны... разумеется, не с целью какого-либо противоречия постановлениям названного собора, а лишь для того, чтобы еще лучше провести их в жизнь, применяя их к особенностям и своеобразным условиям каждой отдельной страны и провинции» [6]. Таким образом, успокаивая, с одной стороны, религиозные сомнения на-

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. I, p. 315.
[2] *Gachard*, Correspondance de Marguerite d'Autriche..., t. III, p. 527.
[3] Ibid., p. 394.
[4] Ibid., p. 564.
[5] Французский манускрипт № 9021 Парижской национальной библиотеки, fol. 103.
[6] «Placcaeten van Vlaenderen», t. III, p. 1357.

рода и сохраняя во всей ее силе королевскую власть, с другой стороны, для нидерландского духовенства вводили такую реформу церковной дисциплины, которая вновь усиливала влияние католической церкви. Именно это и было в действительности единственной целью, которой добивалось правительство. 24 июля оно предписало судебным советам оказывать епископам посильную помощь при применении этих постановлений и в случае надобности заставлять применять их [1]. Католическая реставрация происходила таким образом с помощью государства, но последнее при этом не допускало никакого вмешательства церкви в свои прерогативы. Наоборот, король держал под своей опекой нидерландскую церковь как благодаря признанному за ним папой праву назначать епископов, так и путем вмешательства в выборы аббатов монастырей [2] и, наконец, путем оставления за собой права опубликования решений духовных властей, которое он стремился присвоить себе. Возведение Гранвеллы в сан архиепископа мехельнского свидетельствовало о том, что Филипп стремился так же подчинить своему контролю нидерландскую церковь, как и тамошнее управление. Спустя некоторое время герцог Альба обращался с ней свысока и довольно бесцеремонным образом, постоянно при каждом случае напоминая ей о том, что она должна повиноваться своему повелителю. Лишь под давлением единодушных протестов он отказался в 1570 г. от посылки в качестве королевского комиссара одного советника большого мехельнского совета для участия в совещаниях первого мехельнского синода [3]. Впрочем, это подчинение государю, так неопровержимо доказывавшему — как Филипп II — свое полное право на звание «католического» короля, нисколько не тяготило церкви. Наоборот, это оказывало ей неоценимую помощь в смысле усиления ее в борьбе с ересью.

Новые епископы были тщательно отобраны из числа самых образованных нидерландских теологов. Все они отличались незапятнанной ортодоксальностью и пламенной преданностью постановлениям Тридентского собора. Некоторые из них, как Франциск Соний, Корнелий Янсений, Антоний Гаве, принимали участие в работах собора. Часть их, например Петр Курций из Брюгге и Мартин Ритовый из Ипра, были раньше, как и Соний, профессорами лувенского университета. Большинство из них при Карле V были инквизиторами. Но это были скорее ученые и канонисты, чем люди дела, и при тогдашних тяжелых обстоятельствах, при нали-

[1] «Placcaeten van Vlaenderen», t. II, p. 49.
[2] *Claessens*, Revue Catholique, t. XLVII, 1879, p. 127; *De Schrevel*, Rémi Drieux, Bruges 1896, p. 596; ср. *Marx*, Studien..., p. 371.
[3] См. выше, стр. 137.

чии недовольства среди духовенства и общественного возбуждения они не решались и не могли решиться действовать энергично. К тому же отъезд Гранвеллы в 1564 г. лишил их вождя как раз тогда, когда они больше всего нуждались в помощи и в указании пути, на который надо стать. Затем вскоре после этого кальвинистское восстание 1566 г., восстание Голландии и Зеландии и общее восстание Нидерландов парализовали их окончательно. Рекезенс постоянно указывал королю на их бездействие. Он признавал их добрую волю, но «у них нехватало смелости провести в жизнь хотя бы какие-нибудь решения, касавшиеся религиозных дел» [1]. Они не прилагали никаких усилий к розыску и наказанию еретиков [2]. Из решений, принятых синодами 1570 и 1574 гг. в связи с постановлениями Тридентского собора, большая часть осталась мертвой догмой [3]. За исключением валлонских провинций, где положение было относительно благополучным, едва ли еще где-нибудь приступили к созданию семинарий и к организации религиозного образования. Священники из страха, чтобы не вопили об инквизиции, не вели учета посещавших службы и исповедывавшихся. «Они знали о числе являвшихся к причастию в приходах по числу расходуемых ими гостий, а не на основании личного знания их» [4]. К тому же деспотизм штатгальтеров Филиппа дискредитировал дело, которому они стремились помочь. Герцог Альба сделал епископов ненавистными народу. И тем не менее они не переставали призывать штаттальтеров к милосердию, рискуя быть обвиненными в Мадриде в недостаточности религиозного рвения и в умеренности. Среди них были и такие, которые не скрывали своего отчаяния и доходили даже до того, что ставили перед собой вопрос, не лучше ли жить под владычеством еретиков, чем под владычеством испанцев [5].

Кальвинисты, придя к власти в большинстве городов Фландрии и Брабанта, положили конец католической реформе прежде, чем она успела сделать хоть что-нибудь кроме возбуждения всеобщего недовольства [6]. Протестанты арестовывали и изгоняли епископов, разгоняли католических священников и общины духовных орденов, продавали с молотка имущества монастырей, разрушали храмы, уничтожали иконы, украшавшие церкви, и превращали церкви в кальви-

---

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. III, p. 306.
[2] Ibid., p. 350.
[3] Ibid., p. 307; ср. *De Schrevel*, Rémi Drieux, p. 414.
[4] Ibid., p. 306.
[5] См. выше, стр. 171.
[6] *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. III, p. 587; *De Ram*, Synodicon Belgicum, t. I, p. 206.

нистские храмы, конюшни или склады. Непрерывные переходы войск через фландрскую равнину вряд ли были причиной бо́льших разрушений. В 1600 г. в диоцезе Брюгге из 130 сельских церквей едва ли больше 30 было в хорошем состоянии, от других же, разрушенных и разграбленных, остались одни лишь обвалившиеся стены [1]. Когда в 1604 г. епископ Иоанн Мирей принял антверпенский диоцез, то в руках одного священника было до 7 приходов, а в 1610 г. синод данного диоцеза констатировал, что «ob sacerdotum raritatem» (вследствие недостатка в священниках) он вынужден допускать к священническому званию молодых людей «minus instructi in theologia» (менее сведущих в богословии) [2].

Бентивольо жаловался на общую нужду в деньгах католических священников во фламандских округах и на бедность диоцезов. В 1613 г. во многих местах для богослужения не было других церковных чаш, кроме оловянных [3].

Однако материальный ущерб был больше морального. Большинство населения, как мы видели, сохранило верность католической религии, и благодаря совместным усилиям папы и брюссельского правительства католическая церковь вскоре оправилась и стала еще более могущественной, чем когда-либо. Во время правления Фарнезе нунций Бономи, принимавший участие в 1586 г. в провинциальном синоде Камбрэ, привез ему из Рима советы и настояния восстановить церковную дисциплину. Епископы вернули себе свои разрушенные дворцы. Повсюду приступлено было к ремонту церковных зданий, а в 1587 г. Филипп приказал впредь до изыскания необходимых денежных средств использовать частично для этого дела десятины [4].

В правление эрцгерцогской четы произошло окончательное завершение реформ, которые сначала были отложены, а затем прерваны событиями XVI в., и Бельгия, отвоеванная у протестантизма испанскими войсками, стала одной из самых правоверных католических стран Европы. В 1595 г. в Брюсселе учреждена была специальная нунциатура [5], а в 1600 г. при Ватикане было учреждено бельгийское посоль-

---

[1] «Annalectes pour servir à l'Histoire Écclésiastique», t. III, p. 272.

[2] *De Ram*, Synodicon Belgicum, t. III, p. XXXII, 135. В 1598 г. римскую курию просили разрешить допускать к занятию духовных должностей обращенных сыновей еретиков. *A. Pasture*, «Annuaire de l'Université catholique de Louvain», 1908, p. 344.

[3] *De Ram*, Synodicon Belgicum, t. III, p. 192.

[4] «Placcaeten van Vlaenderen», t. II, p. 91; ср. Ibid., t. II, p. 37 (год 1613).

[5] *R. Maere*, Les origines de la nonciature de Flandre, «Revue d'Histoire Ecclésiastique», t. VII, 1906, p. 565 etc.

ство [1]. Программа Тридентского собора теперь была осуществлена повсюду и проведена во всех пунктах. Открывшийся 26 июня 1607 г. третий мехельнский синод продолжал работу синодов 1570 и 1574 гг. [2], а правительственный указ, изданный 31 августа 1608 г., предписывал соблюдение почти всех его решений, касавшихся гражданского общества [3].

Шестидесятый денье из епископских доходов шел на содержание семинарий, созданию которых помешала реформация или которые были ею разрушены. Антверпенская семинария открылась в 1604 г.; сент-омерская поместилась в 1605 г. в огромном здании в центре города; гентская семинария устроилась в бывшей школе «братьев общей жизни». В 1613 г. они функционировали вполне удовлетворительно, за исключением Гента, Брюгге, Ипра и Буа-ле-Дюка, где организация их не была еще закончена.

Провозглашенная в 1586 г. в архиепископстве Камбрэ церковная реформа была введена также и во фламандских диоцезах, изменив в них коренным образом нравы, вплоть до внешнего облика духовенства. Всем духовным лицам запрещено было заниматься торговлей, сельским хозяйством или каким-нибудь другим занятием; они должны были впредь воздерживаться от службы в богатых домах, не посещать кабачков, не заниматься ни хирургией, ни медициной, не отпускать бороду, не одеваться в цветные одежды, не носить золотых колец и т. д. Совершение таинств и произнесение проповедей были строжайшим образом регламентированы. В целях строгого применения таинства покаяния священникам предписано было устроить в церквах исповедальни, а для удовлетворения новых требований канонического права вести списки крещений, браков и смертей. Что касается монашеских орденов, то им предписывался строго замкнутый образ жизни; были уничтожены все привычки, противоречившие обету бедности, и монахи обязаны были посещать лекции по теологии.

Одновременно с попытками восстановить достоинство духовенства и поднять уровень его образования и его рвение старались также усилить уважение верующих к святыням и к религиозным церемониям. Церковь перестала быть, как в средние века, своего рода общественным домом, в котором

---

[1] *V. L. Goemans*, Het belgisch gezantschap te Rome onder de regeering der aartshertogen Albrecht en Isabella, «Bijdragen tot de geschiedenis van het hertogdom Brabant», t. VII, 1907, p. 3 etc.

[2] *De Ram*, Synodicon Belgicum, t. I, p. 365.

[3] *Brants*, Ordonnances d'Albert et d'Isabelle, t. I, Bruxelles 1909, p. 390; ср. также аналогичное распоряжение в 1587 г., касающееся Камбрэского собора от 1586 г. «Placcaeten van Vlaenderen», II c. 88.

народ собирался по всякому поводу и в котором он бесцеремонно находился вместе с богом: она стала теперь лишь местом для молитвы и религиозного поклонения. Было не только запрещено предаваться пустым разговорам, суетным развлечениям, ведению практических дел внутри церкви, но и вне ее следовало воздерживаться из уважения к ней во время церковной службы от посещения кабачков и не нарушать богослужения криками и песнями[1].

Но большинство предписаний касалось религиозного воспитания и в частности воспитания детей. После ужасного удара, нанесенного реформацией, поняли, насколько важно привить юным душам католическое благочестие и внедрить в их умы важнейшие религиозные догматы. Уже первый мехельнский синод принял по этому поводу ряд мероприятий, которые из-за политических и религиозных беспорядков не успели почти нигде принести плодов. В 1570 г. епископ Рурмонда Линдан жаловался на религиозное невежество верующих, «между тем как нет почти нигде ни одного человека, который не знал бы народных сказок или песен»[2]. 20 лет спустя его антверпенский коллега Торренций выразил лишь единодушное мнение всех епископов, заявив, что «главной и даже единственной основой возрождения религии является катехизис»[3]. В связи с этим синод 1607 г. позаботился об издании катехизиса специально для Бельгии, где до этого пользовались лишь катехизисом Канизия, написанным специально для Германии. Иезуит Людовик Макеблиде тотчас же взялся за дело. В 1609 г. в Антерпене появился первый мехельнский катехизис[4].

Все обучение в воскресных школах сводилось почти исключительно к объяснению и зазубриванию его, а также к заучиванию ежедневных молитв; кроме того учили немножко читать и писать. Эти школы функционировали по воскресеньям во всех приходах и предназначались для бедных детей, которые были заняты в будни и не посещали других школ. Отчет епископа Торренция о положении его диоцеза в 1591 г. показывает, какое большое значение им придавалось, и в то же время дает очень ясное представление об их деятельности[5]. В Антверпене они в числе 6 или 7 находились в это время под руководством 4 суперинтендантов, двух духовных лиц, назначавшихся епископом, и двух свет-

[1] *Th. Gousset*, Les actes de la province ecclésiastique de Reims, t. III, Reims 1844, p. 542 etc. *De Ram*, Synodicon Belgicum, t. I, p. 365 etc.
[2] *De Ram*, Synodicon Belgicum, t. I, p. 63.
[3] «Annalectes pour servir à l'Histoire Ecclésiastique», t. XV, p. 386.
[4] *De Ram*, Synodicon Belgicum, t. I, p. 381.
[5] «Annalectes pour servir à l'Histoire Ecclésiastique», t. XV, p. 387 etc.

ских людей, избиравшихся городским советом из числа самых почтенных граждан города. К началу уроков причетники (ministri) собирали детей из разных кварталов города и отводили их в школы, где девочки и мальчики обучались отдельно друг от друга. Посещение этих школ было обязательным до 16 лет, и родители или опекуны обязаны были добросовестно помогать этому. Как мы видим, гражданские власти оказывали в этом деле помощь духовным властям. Таким образом эрцгерцогская чета лишь подтвердила уже существовавший обычай, когда она указом 1608 г. вменила в обязанность всем гражданским чиновникам помогать епископам в создании воскресных школ и в изыскании необходимых для этой цели денежных средств [1]. Впрочем, бедность учеников была лучшей гарантией их прилежания. В 1610 г. антверпенский синод объявил катехизис обязательным для всех детей с 6 до 15 лет под угрозой лишения родителей помощи религиозных благотворительных учреждений [2]. В 1622 г. гентский епископ Антоний Триест потребовал от «попечителей бедных» принятия аналогичных мер [3]. Раздача одежды и наград самым прилежным ученикам также немало содействовала привлечению в воскресные школы множества оборванных малолетних ремесленных учеников и юных бродяг [4].

Но и остальные школы тоже были строжайшим образом подчинены надзору епископов. Никто не мог преподавать в них, не представив предварительно доказательств своего правоверия [5]. Все школьные учебники и книги должны были быть одобрены духовными властями, которые изымали из обращения не только сочинения, подозрительные по излагавшимся в них учениям, но и тех авторов, которые могли испортить молодежь per gentilitatem aut turpes amores [6] (язычеством или гнусной эротикой).

Католическая церковь добивалась такого же контроля, как и над образованием, — и по тем же соображениям — так же и над общественной благотворительностью. Государственные власти поддерживали и эти ее притязания и помогли ей и здесь одержать победу. Местные власти, добровольно пришедшие на помощь епископам в деле организации школ, гораздо менее склонны были мириться с их вмешательством в

---

[1] *Brants*, Ordonnances..., t. I, p. 393; ср. также указ Изабеллы от 1630; *De Ram*, Synodicon Belgicum, t, IV, p. 158.

[2] *De Ram*, Synodicon Belgicum, t. III, p. 119.

[3] Ibid., t. IV, p. 285.

[4] Ibid., p. 161.

[5] *Brants*, Ordonnances..., t. I, p. 391; *De Ram*, Synodicon Belgicum, t. IV, p. 284.

[6] *De Ram*, Synodicon Belgicum, t. I, p. 121.

дела благотворительных учреждений. Но распоряжением от 1606 г., а затем еще более решительным указом 1608 г. установлено было, что впредь при представлении отчетов всех учреждений подобного рода должен был присутствовать представитель епископа[1]. Несмотря на сопротивление некоторых городов — вроде Брюсселя и Буа-ле-Дюка — и колебания брабантского совета, правительство стояло твердо на своем, и им пришлось уступить[2]

III

Сила и глубина католических настроений в Бельгии с самого начала XVII в. была бы непонятна, если не принять во внимание, наряду с официальной деятельностью епископов, роли самочинного вмешательства духовных орденов. Среди последних, как и во всех других странах, сохранивших верность католической церкви, особое место заняли иезуиты. Но нигде пожалуй это неутомимое воинство Рима не сражалось со столь беззаветной храбростью за контрреформацию и не пользовалось подобным влиянием. Оно с энтузиазмом вмешалось в великую религиозную борьбу, развернувшуюся на нидерландской почве. Оно превратило эту страну, которой со всех сторон угрожали ереси, в подлинное духовное поле битвы. Оно сделало Бельгию базой для армии миссионеров, которую оно направляло на штурм протестантизма в Англию и в Голландию. Его воинственная деятельность развернулась здесь в обстановке непрерывных передвижений войск и грома сражений. Именно интернационалистские устремления иезуитов привлекли их в эти провинции, устои которых потрясены были колебаниями европейской политики и на которые одинаково пристально обращены были взоры как друзей, так и врагов католической церкви и габсбургского дома.

Сначала случай привел сюда иезуитов, и их первые шаги были скромны и весьма трудны по сравнению с той ролью, которую им предстояло сыграть в дальнейшем[3]. В 1542 г. объявление Франциском I войны Карлу V заставило нескольких учившихся в Париже испанских иезуитов покинуть Францию и искать себе прибежища в Нидерландах. Их было всего 8, и в том числе Рибаденейра, Страда и Эмилий

---

[1] *Brants*, Ordonnances. . . ., t. I, p. 193, 285.

[2] *De Ram*, Synodicon Belgicum, t. I, p. 424 etc.

[3] *J. Delplace*, L'établissement de la Compagnie de Jésus dans les Pays-Bas et la mission du P. Ribadeneira à Bruxelles en 1556, «Précis Historiques», 1886, p. 330 etc., 1887, p. 245 etc. К этому надо прибавить изложение «Imago primi saeculi Societatis Jesu», Anvers 1640, p. 723 etc.

Лойола, племянник основателя ордена. Они, разумеется, направились в лувенский университет. Капеллан Корнелий Висгавен[1] принял их в свой дом, и через очень короткое время их необычный религиозный пыл снискал им расположение канцлера университета Руарда Таппера и благочестивого аббата из Лисси Людовика Блуа. Население тоже заинтересовалось этими иностранцами, как только они начали, еще продолжая посещение лекций, проповедовать в городских церквах. Несмотря на то, что из-за своего незнания фламандского и французского они вынуждены были говорить на латинском языке, их искренность, убежденность, решительность, новизна их речей и своеобразное красноречие поражали и покоряли их слушателей. После того как «отец» Лефевр[2] во время своего кратковременного пребывания в Лувене организовал небольшую группу, к ним вскоре прибавились новые питомцы. В 1547 г. их насчитывалось уже 19 человек; в этом же году иезуиты раздобыли себе общий дом, который может считаться первым учреждением ордена в Бельгии[3].

Благодаря своим успехам новые пришельцы, разумеется, создали себе врагов. Обеспокоенный их независимым поведением и бурной деятельностью университет очень скоро стал относиться к ним крайне недоверчиво. Правительница Мария Венгерская, предубежденная против них, отказала им в праве приобретать имущества. Один из их первых ректоров, Адриан Адриани, был брошен в тюрьму по доносу одного магистра лувенского университета. Но то самое пламенное апостольское рвение, которое сделало иезуитов ненавистными для большинства духовенства, обеспечило им поддержку тех, кто предвидел, какой силой они окажутся впоследствии на службе у католической церкви. Как только Адриани был выпущен на свободу, Петр Курций, будущий епископ Брюгге, назначил его духовником церкви св. Петра в Лувене. Необычайная слава, которую он почти тотчас же завоевал себе здесь, в особенности у исповедовавшихся женщин, еще более усилила недоброжелательство к иезуитам. Но к этому времени орден успел уже пустить глубокие корни в стране. Зная об их первых успехах, Лойола послал в 1552—1553 г. двух своих учеников положить основание новой резиденции в Турнэ. В 1553 г. Вильгельм из Пуатье, канцлер льежского епископа, пытался привлечь иезуитов в области, лежащие на берегах Мааса[4]. Но враждебность к ним росла с

[1] *H. Vanderspeeten*, Corneille Wishaven, premier Jésuite belge, «Précis Historiques», 1862, p. 457 etc.

[2] Он положил начало ордену иезуитов в Германии.

[3] *Hansen*, Rheinische Akten zur Geschichte des Jesuiten-Ordens, S. 73.

[4] Ibid., S. 240.

каждым днем. Непризнание иезуитами никаких других властей, кроме своих начальников, внушало опасения епископам и властям предержащим. Их суровый образ жизни и их непреклонное благочестие слишком резко противоречили свободным нравам, царившим в католической церкви, чтобы не вызывать раздражения. Их влияние на верующих привело к обвинениям их в том, что они заманивают к себе молодых людей и отвлекают женщин от хозяйственных обязанностей, изобретая всякого рода новые религиозные обряды. В Нимвегене они были изгнаны в 1565 г. городским советом [1]. Они становились все более подозрительными правительнице, и старый Виглиус упрекал их в том, что «они нарушают спокойствие государства» [2].

Словом, до конца царствования Карла V они внушали опасения и являлись предметом почти всеобщих жалоб. Но тотчас же после вступления на престол Филиппа II Лойола послал в Брюссель отца Рибаденейру, чтобы добиться официального разрешения для ордена обосноваться в бельгийских провинциях. Оно было получено не без труда. Виглиус и даже Гранвелла [3] внушали королю всяческие страхи, указывая на недовольство народа и на неодобрительное отношение епископов и священников. Испанским советникам короля Рюи Гомесу и графу де Ферия удалось наконец сломить его нерешительность. 15 августа 1566 г. он разрешил иезуитам обосноваться в Нидерландах с условием, что они будут заниматься пастырскими делами лишь с согласия епископских властей и не будут приобретать имуществ без особого разрешения. С этого момента положение ордена в бургундских провинциях было обеспечено. Временно резиденции, которые он имел здесь, были присоединены к рейнской провинции ордена. Создание бельгийской или фландрской провинции последовало лишь 24 сентября 1564 г.

В первые годы после данного Филиппом разрешения поселиться в Бельгии общество Иисуса делало сравнительно слабые успехи. Маргарита Пармская опасалась проявлять к нему хотя бы малейшее расположение несомненно из страха, как бы не задеть общественное мнение. Можно было ожидать, что ее преемник проявит более благосклонное отношение к

---

[1] Ibid., S. 254.

[2] *Piot*, Correspondance de Granvelle, t. IV, p. 155. Согласно письму Рибаденейры, которое хранится в Римском государственном архиве («Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 5-me série, t. II, 1892, p. 160) и копия которого была мне любезно предоставлена г-ном библиотекарем А. Файеном, иезуитов особенно упрекали в чрезмерном прозелитизме.

[3] Впрочем, начиная с 1561 г., Гранвелла стал одним из покровителей ордена. *Hansen*, Rheinische Akten..., S. 396.

ним, но вышло как раз наоборот. Для герцога Альбы слишком тождественны были интересы католицизма и интересы Испании, чтобы он обнаружил симпатии к ордену, всецело зависевшему лишь от папской власти. Независимое поведение иезуитов внушало ему большие опасения при организации государственной церкви, которая была возложена на него Филиппом II, и он выказывал по отношению к ним холодность, граничившую с антипатией[1]. Таким образом общество могло рассчитывать до 1574 г. лишь на помощь благожелательных частных покровителей. Льежский епископ Роберт Бергский не раз вступался за него[2]. Он оказал ордену большую помощь в создании иезуитской школы в Лувене, первой из организованых обществом в Бельгии. В 1560 г. велась—впрочем безуспешная—кампания за передачу иезуитам одного из воспитательных домов университета[3]. В некоторых городах городские власти или отдельные богачи добровольно приходили им на помощь. В 1561 г. эшевены Буа-ле-Дюка затеяли переговоры о создании школы[4]; эшевены Турнэ оказывали им с 1562 г. денежную помощь[5]; в Антверпене в 1573 г. один испанский купец, Фернандо Фриас, купил великолепный дворец семьи Схетс и передал его в их распоряжение[6]; в Дуэ и Сент-Омере открылись в 1568 г. большие иезуитские школы. То же происходило в Льежской области. Иезуиты имели с 1564 г. одну школу в Динане и предполагали построить еще одну в Гюи[7]. Епископ Жерар Гросбекский оказывал им всяческую помощь; он прилагал усилия к тому, чтобы открыть им доступ в свою «столицу», и во время протестантских беспорядков в 1566 г. тотчас же призвал их на помощь[8].

Но уже до этого они с энтузиазмом вмешались в борьбу с кальвинизмом, все более смелая пропаганда которого, казалось, совершенно парализовала нидерландское духовенство. Их можно было встретить в самых опасных местах. Они проповедовали в Брюгге, в Генте, в Антверпене, и эти добровольные борцы за веру приводили в восторг не только своим кра-

---

[1] «Imago primi saeculi», p. 745. Кроме того он был крайне недоволен иезуитами за то, что они проповедовали против однопроцентного налога. *Piot*, Correspondance de Granvelle, t. IV, p. 155.

[2] *Hansen*, Rheinische Akten..., S. 326.

[3] Ibid., S. 358.

[4] Ibid., S. 395.

[5] *Ph. de Hurges*, Mémoires d'échevin de Tournai, p. 219 «Mémoire de la Société Historique de Tournai», t. V, 1855, p. 219.

[6] «Imago primi saeculi», p. 745.

[7] *L. Lahaye*, Cartulaire de la commune de Dinant, t. IV, Namur 1891, p. 34.

[8] См. выше, стр. 391.

сноречием и благочестием, но также и тем, что они отказывались от всякого вознаграждения за услуги, оказывавшиеся ими католической церкви[1]. Как и протестантские проповедники, с которыми они боролись, они великолепно владели пером и словом. Адриани издавал в 1568 г. в Генте небольшие популярные брошюры, посвященные защите правой веры и опровержению ереси. Чем больше они делали, тем больше им хотелось еще сделать, и мощный одушевлявший их корпоративный дух побуждал их вербовать все новых приверженцев для своего ордена и изыскивать для него новые денежные ресурсы. К великому огорчению монастырей и религиозных учреждений, пользовавшихся поддержкой верующих, вскоре все пожертвования и дарения стали предпочтительно отдаваться иезуитам. Рост их богатства сделался предметом зависти. Морильон обвинял их в том, что «они противозаконно нарушают чужие права всюду, где они могут», а духовник герцога Альбы отмечал, что «первые их шаги отличаются большой мягкостью, поскольку они только проповедуют и наставляют молодежь, но что в дальнейшем они налагают свою руку на все, в том числе и на имущества»[2].

С прибытием в Брюссель Рекезенса, заведомого друга иезуитского ордена, последнему удалось наконец добиться поддержки правительства и одновременно заставить своих противников замолчать. Рекезенс поражен был бездействием большинства духовенства и крайне незначительным числом хороших проповедников в Нидерландах, и потому он хотел использовать рвение ордена «прежде чем, — как он писал королю, — и его не охватила апатия». Он предлагал передать ордену конфискованные дома принца Оранского и графа Гогстратена, так как «никто не захочет купить их, если пустить их в продажу»[3]. Он просил Филиппа II прислать ему испанских иезуитов для службы в качестве священников в армии. Он потребовал от городов, чтобы они помогли ему в этом деле, и вскоре мог поздравить себя с достигнутыми результатами. В Мастрихте и в Антверпене в 1573—1574 гг. были созданы новые иезуитские школы, в Брюгге — в 1575 г. В школе в Дуэ в 1574 г. было, как говорят, свыше 700 учеников[4]. В Антверпене «отцы не только все время проповедуют на фламандском и испанском языках в своей церкви, но кро-

---

[1] *M. Van Vaernewyck*, Van die beroerlijke tijden, t. II, p. 122; t. IV, p. 28; *Ph. van Campene*, Dagboek, p. 90, 107, 124-126, 147, 199, 225, 247; ср. *De Schrevel*, Annales de la Société d'Émulation de Bruges, 1896, p. 330.

[2] *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. III, p. 604.

[3] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. III, p. 21

[4] Ibidem.

ме того дают от пяти до шести уроков и имеют около трехсот учеников из высших классов городского населения»[1].

События, разыгравшиеся после смерти штатгальтера, положили конец этим успехам. Расположение, которым иезуиты пользовались при Рекезенсе, сделало их мишенью для нападок патриотов. Кальвинисты считали их самыми опасными своими противниками, и потому враги испанского режима и католицизма тотчас же начали ожесточенный поход против ордена в виде издания множества брошюр и всякого рода нападок. Ему приписывали продолжение войны, неудачу переговоров в Бреде, его подозревали даже в подготовке Варфоломеевской ночи в бельгийских провинциях[2]. Но этот взрыв ненависти не испугал иезуитов. Несмотря на советы епископов, иезуиты категорически отказались присягнуть Гентскому примирению. Этим воспользовались, чтобы изгнать их из всех городов, где власть была в руках оранжистской партии. Их школа и их церковь в Антверпене были переданы в распоряжение кальвинистской общины.

Но в результате этих преследований их престиж и влияние лишь усилились после победы католицизма. В 1584 г. Филипп II отменил все ограничения, содержавшиеся в указе 1556 г., касавшемся их поселения[3]. Александр Фарнезе стал для них еще более преданным, а, главное, еще более сильным покровителем, чем Рекезенс. Вместе с генералом ордена, отцом Аквавива, таким же итальянцем, как и он, он помог «отцу» Оливье Манару реорганизовать в несколько лет бельгийскую провинцию ордена. Города призывали к себе иезуитов со всех концов. В Лувене и Антверпене обуреваемые католическим рвением городские власти обратились к ним за советом о том, какие принять меры для поощрения религиозных чувств. Общее снижение цен на недвижимости в разоренных и опустошенных войной городах дало иезуитам возможность легко приобрести дома и сады как для расширения своих прежних помещений, так и для создания новых учреждений[4]. Только за время правления герцога Пармского были созданы школы в Куртрэ (1583—1588), Ипре (1585), Генте (1592), Валансьене (1592), Лилле (1592). В 1586 г. бельгийская провинция ордена имела не менее девяти школ, четыре

---

[1] *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. III, p. 351.

[2] *Piot*, Correspondance de Granvelle, t. V, p. 331.

[3] «Placcaeten van Vlaenderen», t. III, p. 43. Согласно заключению Большого мехельнского совета, представленному Фарнезе 20 апреля 1583 г., указ 1584 г. все же ограничивал в некоторых пунктах юридические и финансовые привилегии, предоставленные папами обществу Иисуса. *Gachard*, Analectes..., p. 373.

[4] «Analectes pour servir à l'Histoire Écclésiastique», t. XIX, p. 43, 44, 58

миссионерских дома и один дом для послушников, в которых находилось в общем 253 иезуита, из коих 35 были вновь вступившими в орден [1].

Рост ордена, приостановленный на время после смерти Фарнезе, начался с новой силой во время правления Альберта и Изабеллы. Иезуитские школы были созданы поочередно в Монсе (1598), Аррасе (1600), Берг-Сен-Виноке (1600), Люксембурге (1603), Брюсселе (1604), Буа-ле-Дюке (1609), Намюре (1610), Рурмонде (1611), Гесдене (1613), Мехельне (1613), Эре (1614), Лиэре (1615), Касселе (1617), Мобеже (1619), Дюнкирхене (1620), Алосте (1620), Гале (1621), Армантьере (1622), Бетюне (1622), Нивелле (1624), Белелле (1625) и Ате (1628). Около 1625 г. иезуитский орден достиг в Бельгии таких размеров, которых он с тех пор не мог уже почти превзойти. Рост числа его членов шел одновременно с ростом числа его учреждений. Достигнув в 1595 г. 420, число членов его оставалось примерно все на том же уровне вплоть до начала правления эрцгерцогской четы: в 1596 г. их было 441, в 1597 г. 445. Но уже в 1611 г. число членов его поднялось до 788 [2], а через 15 лет в 1626 г. удвоилось, достигнув 1574 чел. [3]. Если сравнить эту цифру с численностью иезуитов в это время в крупных европейских государствах, то нетрудно убедиться, что иезуиты нигде не были относительно так многочисленны, как в католических Нидерландах. В самом деле, во Франции было в это время только 2 156 иезуитов, в Германии 2 283 и даже в Испании всего 2 962.

В 1612 г. бельгийская провинция ордена, которая уже в 1564 г. была отделена от рейнской провинции ордена, стала так велика, что ее пришлось разделить на две части. При разделении ее на округа не считались ни с административными, ни с политическими границами. Так как орден иезуитов призван был действовать на массы, то он поделил весь свой состав в соответствии с языковой границей, разделяющей страну на две почти равные части. Вся фламандская часть как Нидерландов, так и Льежского духовного княжества составила фландро-бельгийскую провинцию ордена, между тем как галло-бельгийская провинция охватила всю валлонскую часть, к которой присоединены были немецкие округа Люксембурга. В 1626 г. фландро-бельгийская провинция ордена насчитывала 801 члена, 16 школ, 4 резиденции, 1 монашеский дом, 1 пансион в Антверпене, а также дом для

[1] Отчет провинциала ордена в 1586 г. «Archives jésuitiques», хранящиеся в Брюссельском общегосударственном архиве, № 990.

[2] Цифры заимствованы из отчетов провинциалов, хранящихся в Брюссельском государственном архиве.

[3] «Imago primi saeculi», p. 238.

послушников в Мехельне; галло-бельгийская же провинция имела 773 члена, 18 школ, 2 резиденции и 1 дом для послушников в Турнэ [1].

Влияние иезуитов в Бельгии, как и в других католических странах, объяснялось главным образом их педагогической деятельностью. Их великолепные педагогические методы, их заботы о воспитании и о физическом развитии, их дружеское и мягкое обращение с учениками, чистота и привлекательный вид их школ, столь отличный от мрачных и вредных для здоровья школ, распространенных до этого, — все это заставляло считать их образцовыми педагогами. Даже протестанты поражались их искусному умению приспособлять гуманистические теории эпохи Возрождения к уровню понимания и нуждам их учеников [2]. Последние, принадлежавшие большей частью к дворянству и состоятельной буржуазии, находили у «отцов» лучше, чем где бы то ни было, необходимый арсенал литературных знаний, нужный и светскому человеку и представителю свободных профессий. Между тем образование было бесплатным, и школы широко открывали свои двери детям из народа, которых иезуиты отбирали по их природным способностям. Словом, духовная аристократия находила себе здесь место рядом с социальной [3]. Последняя приобретала отпечаток иезуитского ордена, между тем как первая давала ему постоянный приток свежих сил, так что при помощи их обеих он обеспечивал или закреплял за собой самую избранную часть молодежи.

Слава ордена вскоре так укрепилась, что ему нечего было больше заботиться о будущем. Общественные власти и отдельные семьи со всех сторон просили его о создании новых учреждений. Он не нуждался больше в покровительстве правительства; с него достаточно было, чтобы не чинили препятствий его успехам. Иезуиты не искали теперь, как когда-то, какой-либо возможности обосноваться в стране, наоборот, они ставили теперь свои условия и требовали гаран-

[1] «Imago primi saeculi», p. 241.

[2] «Hoc tamen eos meritissimo elogio non defraudabor, solos pacne dignos videri qui juventutem doceant» (Однако нельзя отказать им в вполне заслуженной похвале, что они едва ли не одни достойны обучать молодежь). *A. van Buchel*, Diarium, éd. G. Brom и L. A. van Langeraad, Amsterdam 1907, p. 99; ср. интересные учебные программы школ в Брюгге и Динане, опубликованные *De Schrevel*, Annales de la Société d'Émulation de Bruges, 1896, p. 350.

[3] «Nec facile aliquem admittunt, nisi perspecto prius ingenio aut magnae parentelae favore». (Они нелегко допускают учащихся, если только нет налицо выдающихся способностей или влиятельного родства). *A. van Buchel*, loc. cit. Рекезенс заявил в 1575 г., что 300 антверпенских учеников иезуитов принадлежали к самому высшему классу городского населения. *Gachard*, Correspondance de Philippe II, t. III, p. 351.

тий, прежде чем создавать школы, уверенные в том, что им не придется долго ждать получения их[1]. Чтобы привлечь их в какой-нибудь город, местные власти не только передавали им здания или земельные участки, но взимали в их пользу налоги или принимали участие в расходах по постройке их монастырей и церквей[2]. В то время как многочисленные светские школы, созданные гуманистами эпохи Возрождения, все больше пустели, иезуитские школы буквально наводнены были учениками[3]. В 1582 г. льежская школа насчитывала 400 учеников[4], а сент-омерская в 1586 г. имела 500 учеников[5]. Самая цветущая школа в Дуэ насчитывала в 1600 г. 400 учеников по гуманитарным наукам, 600 по философии и 100 по теологии[6]. Эшевены старались избавить иезуитов от конкурентов, которые могли бы помешать им, защищали их от жалоб белого духовенства; иезуиты же в свою очередь, чтобы еще более поощрить их благосклонность, решительно поддерживали право городских властей на организацию образования[7]. Даже там, где не было иезуитских школ, их брали за образец. Так, в 1621 г. Ламберта Круа, создательница школы в Ре, выразила желание, чтобы образование было поставлено в ней так, «как у отцов иезуитов»[8].

Одновременно с посвящением в науки учившуюся в иезуитских школах молодежь приучали к новым формам благочестия, введенным иезуитами. Их ученики обязаны были ежедневно посещать богослужение, исповедываться и часто причащаться. В 1573 г. иезуиты открыли в Дуэ отделение конгрегации св. Марии, возникшей в Риме в 1563 г.[9]. Ячейки ее вскоре образовались во всех иезуитских школах, откуда с помощью бывших учеников они перенесены были затем, с начала XVII в., в среду городского населения. Члены конгре-

[1] *De Potter*, Petit cartulaire de Gand, p. 132.

[2] Примеры этого для Брюгге — *Priem*, Inventaire des Archives de la Flandre Occidentale, 2-ème série, t. IV, p. 174, 180, 189, 210; для Гента — *V. van der Haeghen*, Inventaire des Archives de la ville de Gand, p. 21, etc.; для Мехельна — *Gaillard*, Mémoriaux du Grand Conseil, t. II, p. 108; для Оденарда — *Van Lerberghe* et *Ronsse*, Audenaerdsche Mengelingen, t. IV, p. 112; для Намюра — *Lahaye*, Correspondance du procureur général de Namur, p. 222; для Ипра — «Annales de la Société 'dEmulation de Bruges», 1903, p. 53; для Люксембурга — *Duhr*, Geschichte der Jesuiten in den Länbern deutscher Zunge, t. I, p. 418 и т. д.

[3] В Аррасе, например, светская городская школа, основанная в 1561 г. и находившаяся под руководством Антуана Мейера, племянника историка, перешла опять к иезуитам. *A. Guesnon*, La surprise d'Arras, p. 10—11.

[4] *A. Poncelet*, La Compagnie de Jésus en Belgique, Bruxelles 1908; p. 18.

[5] «Analectes pour servir à l'Histoire Ecclésiastique», t. XIX, p. 51.

[6] *A. Poncelet*, op. cit., p. 17.

[7] *V. van der Haeghen*, Inventaire des Archives de Gand, p. 48.

[8] «Analectes pour servir à l'Histoire Ecclésiastique», t. VIII, p. 101.

[9] *A. Poncelet*, La Compagnie de Jésus en Belgique, p. 26.

гации были объединены в союзы или гильдии [1], группировавшиеся в виде духовных братств около каждой школы. Наряду с союзом учеников существовали еще союзы молодых людей, союзы взрослых и союзы маленьких детей. В 1626 г. они охватывали во фландро-бельгийской провинции ордена не менее 13 727 чел. [2]. Влияние членов этой конгрегации было тем сильнее, что они принадлежали преимущественно к высшим классам общества. Благодаря своему энтузиазму они популяризировали все применявшиеся иезуитами методы для поощрения католического рвения: 9-дневные молитвы по обету, приношения по обету, поклонения чудотворным иконам, исповеди. Последние в особенности укрепляли влияние иезуитов над людьми. Они ввели в обычай частые исповеди, которые были мало популярны и не приняты до их прибытия [3]. Исповедовавшиеся толпами устремлялись к ним. В Антверпене церковь орденского дома имела в 1626 г. не менее 26 духовников, и этого было недостаточно. К этому же времени иезуиты могли похвастаться тем, что в той же церкви ежегодно причащалось 24 тыс. чел. [4]. Иезуиты развивали не менее усиленную деятельность в деле проповеди, чем в раздаче причастий. Достаточно принять во внимание, что орден мог похвалиться тем, что в начале XVII в. в течение одного только года членами его произнесено было 15 206 проповедей во фландро-бельгийской провинции ордена [5].

Несмотря на такое обилие работы, у иезуитов все же оставалось время для преподавания катехизиса. Они умудрялись привлекать на эти уроки детей всякого рода новшествами и увеселениями, приноровленными к детскому возрасту. Между учениками устраивались соревнования; лучший из учеников получал титул «императора катехизиса»; ответы и вопросы перелагались на музыку и распевались хором [6]. Эти искусные приемы иезуитов имели большой успех. Их уроки катехизиса так же усиленно посещались, как и их школы. В некоторых городах под их руководством было до 30 школ. Здесь они привлекали на помощь себе также и светских людей. Братство св. Карла Борромея, учрежденное ими в 1618 г., вменяло в обязанность своим членам заниматься воскресными школами [7]. Наконец, они впервые ввели в Турнэ в 1645 г.

[1] Они обычно носили во Фландрии название «gulden» или «gilden».
[2] «Imago primi saeculi», p. 774.
[3] Ibid., p. 783.
[4] Ibid., p. 785.
[5] Ibid., p. 781.
[6] *A. Poncelet*, La Compagnie de Jésus en Belgique, p. 23.
[7] *C. Caapliez*, L'école dominicale de Valenciennes au XVI siècle, Valenciennes, 1883; *G. Marc*, Institution et économie de l'école dominicale de Valenciennes, «Bulletin d'études de la Province de Cambrai», 1910, p. 256 etc.

торжественную церемонию первого коллективного причащения детей [1].

Наряду с помощью, оказывавшейся иезуитами белому духовенству, — или если угодно с их конкуренцией с ним — иезуиты занимались делами, бывшими исключительно в их ведении. Благодаря организованной в 1587 г. Александром Фарнезе и оплачивавшейся правительством «полевой миссии» (missio castrensis) иезуитов они заботились о спасении солдатских душ [2]; благодаря своей «морской миссии» (missio navalis), установленной Изабеллой в 1623 г. по просьбе Спинолы, они занимались тем же делом на борту каперских судов Дюнкирхена [3]. Наконец, целью их «голландской миссии» (missio hollandica), созданной в 1592 г. и одобренной Климентом VIII, было поддержание католической веры в Соединенных провинциях, куда иезуиты тайно перебирались каждый год с риском расплатиться за это своей свободой [4]. Действительно, протестанты с полным основанием видели в них своих самых опасных врагов и считали их способными на все. Именно иезуитов они считали в 1595 г. зачинщиками покушения на жизнь Морица Нассаускогo, совершенного Петром Панненом [5]. После всего этого вряд ли нужно еще указывать на все остальные их многочисленные занятия — вроде борьбы с эпидемиями, их миссионерской деятельности в Китае, в Ост- и Вест-Индии, в Америке, чтобы оправдать гордый девиз бельгийских иезуитов: «В нашем ордене нет стариков» [6].

Между тем мы не дали бы законченного представления о роли иезуитов, если бы не указали также на их постоянное вмешательство во все проявления общественной жизни. Действительно, для них отнюдь недостаточно было обучать, проповедовать, раздавать причастие, сопровождать в сражениях солдат и матросов, но, следуя принципу быть «всем для всех», они вмешивались ad majorem Dei gloriam во все частные дела, так же как и во все общественные, утверждая свою власть, а тем самым и власть католической церкви благодаря тому, что они делались необходимыми «для всех людей, повсюду и во всякое время» [7]. Они стали советниками множества буржуазных и дворянских семей. Они мирили супругов, помогали детям выбирать себе призвание, старались поме-

---

[1] *A. Poncelet*, La Compagnie de Jésus en Belgique, p. 25.
[2] «Imago ...», p. 804.
[3] Ibid., p. 817.
[4] Ibid., p. 797.
[5] Ibid., p. 831.
[6] Ibid., p. 826.
[7] «Omnium hominum, locorum, temporum, horarum sumus, omnibus omnia facti, ut omnes Christo lucri faciamus». Ibid., p. 767.

шать дуэлям[1], способствовали заключению браков и заботились об оформлении фактических браков. Городские власти советовались с ними и действовали по их указаниям. Как только они обосновались в Генте, провинциальные штаты Зеландии констатировали удвоение строгостей по отношению к кальвинистам[2]. Фарнезе, эрцгерцог Эрнст, Спинола оказывали им полнейшее доверие. Эрцгерцог Альберт считал честью самому закладывать первый камень при постройке их церквей, допустил многих из них в свое ближайшее окружение, находился с некоторыми из них в оживленной переписке, а полученные ими от Альберта дарения оценивались в 100 тыс. дукатов[3]. То же благосклонное отношение встретил орден, разумеется, и со стороны Изабеллы и кардинала-инфанта. Впоследствии дон Франсиско де Мело и эрцгерцог Леопольд решительно поддерживали его в его борьбе с янсенистами.

В благодарность за все эти милости бельгийские иезуиты были безгранично преданы габсбургскому дому. Даже когда епископы готовы были отступить от него, иезуиты оставались непоколебимо верны ему[4]. Они старались развить в своих учениках династические чувства; многие из театральных пьес, которые были ими написаны для своих учеников и которые последние разыгрывали во время раздачи наград, посвящены были прославлению побед католического короля над его врагами[5]. Независимо от специфических причин, связывавших их с монархией, они защищали ее также и по убеждению. В работах иезуита Лессия «De Justitia et jure» (1621) и иезуита Скрибани «Politico Christianus» (1624) за католическим королем признавалась власть, ограниченная только соблюдением религиозной морали и уважением к католической церкви. Лессий приводил даже политические соображения в защиту религии, которая, как он заявлял, представляет собой элемент порядка и господства, необходимый для сохра-

---

[1] *Gilliodts van Severen*, Un drame judiciaire..., etc., «Annales de la Société d'Emulation», 1911, p. 9. Обычай дуэлей введен был в Бельгии испанскими и итальянскими войсками. *Gachard*, «Bulletin de l'Académie Royale en Belgique», 2-ème série, t. XXXVIII, 1874, p. 202. Уже в 1567 г. был издан указ против дуэлей. *Poullet*, Correspondance de Granvelle, t. III, p. 41. Вслед за этим последовали новые указы в 1589, 1596, 1610 и 1636 гг.

[2] *F. de Potter*, Petit Cartulaire de Gand, p. 147.

[3] «Imago primi saeculi», p. 888.

[4] См. выше, стр. 376 — 377.

[5] 1647 г. они представляли в Генте пьесу «Marie, la puissante guerrière de la maison d'Autriche» (*F. van der Haeghen*, «Bibliographie Gantoise, t. II, p. 138). В Лувене в 1645 г. трагедия под названием «Perfidia gallica cujus insigne documentum Guido..., Dampetra comes Flandriae» была направлена против Франции.

нения общества[1]. Таким образом успехи иезуитов неизбежно должны были итти на пользу неограниченной государственной власти. В своих школах они воспитывали молодых людей из высших классов в духе благочестия и законопослушания. Вместе с последними остатками кальвинизма и свободомыслия они истребляли все следы республиканских учений XVI в., оставшиеся еще в некоторых умах. У их учеников преданность королю была столь же совершенной, как и их правоверие, и их подчинение абсолютистскому государству было столь же добровольным, как и их подчинение католической церкви. Поэтому нет ничего удивительного, что когда в дальнейшем вспыхнула борьба иезуитов с янсенистами, правительство безоговорочно стало на сторону иезуитов. Оно не могло отступиться от столь ценного союзника. Политические соображения повелевали ему поддерживать иезуитов в области теологии и оказывать им помощь в борьбе с учением «Augustinus» и с догматом о спасении людей благодатью.

С начала XVII в. государство и господствующие классы стали слишком открыто покровительствовать иезуитам, так что их противникам из светского общества ничего больше не оставалось, как молчать. Но их гегемония вызвала против них довольно сильное оппозиционное движение среди духовенства. Иезуиты жаловались, что их обвиняют в скупости, корыстолюбии, честолюбии и что всякого рода клеветой пытаются отвадить от них все растущее число исповедующихся[2]. Если бы не противодействие Спинолы, их «полевая миссия» была бы провалена[3]. Епископы и священники не без зависти смотрели на их успехи и очень встревожены были тем, что иезуиты с каждым годом все больше вмешивались в дела духовного ведомства[4]. В Генте в 1643 г. епископ Триест пытался отстранить их от преподавания катехизиса и заменить их приходскими священниками[5]. Многие представители высшего духовенства осуждали слишком светский характер иезуитских школ, в которых придавалось преувеличенное значение танцам и музыке[6]. Мехельнский архиепископ Яков Бонен относился к ним явно враждебно и выписал из Франции с целью помешать их успехам много ораторианцев. Лувенский университет в 1566, 1588 и 1594 гг. был упорно против того, чтобы предоставить им возможность

---

[1] *F. Strowski*, Pascal et son temps, Paris, 1907, p. 209.
[2] «Imago primi saeculi», p. 852.
[3] Ibid., p. 810.
[4] *De Ram*, Synodicon Belgicum, t. I, p. 470, 476, 501, 513, 530.
[5] *V. van der Haeghen*, Inventaire des Archives de Gand, p. 48.
[6] *De Ram*, loc. cit., p. 544.

организовать публичные лекции по философии[1]. Решение папы в пользу университета в 1596 г. не прекратило столкновений. В 1624 и 1626 гг. пришлось отправить в Испанию Корнелия Янсения, чтобы добиться у короля формального запрещения иезуитским школам давать академические степени.

При этих столкновениях дело шло вовсе не об университетских привилегиях, а о чем-то совершенно ином. В 1570 г. иезуит отец Беллармин во время своего пребывания в Бельгии боролся с учением блаженного Августина, защищавшимся Михаилом Байем. Несмотря на то, что учение это было осуждено папой в 1567 г., оно тем не менее имело многочисленных сторонников на факультетах Лувена и Дуэ, и это очень тревожило всех тех, кого поражало сходство между ним и протестантским догматом о предопределении[2]. Иезуит Лессий посвятил почти всю жизнь борьбе с этими предтечами янсенизма, и именно с целью открыть доступ в университет его теории о свободе воли иезуиты и стремились проникнуть в него. Во всяком случае путем основания «музея Беллармина» иезуиты создали себе исследовательско-пропагандистский центр, откуда они могли наблюдать за университетом. Впрочем с начала XVII в. интенсивная духовная деятельность иезуитов все более отодвигала на задний план деятельность университета. После смерти Юста Липсия Лувен не имел больше ни одного ученого с европейским именем. Его факультеты, точно так же как и факультеты Дуэ, были не чем иным, как обыкновенными теологическими, юридическими и медицинскими школами. Наука развивалась уже не в них, а в иезуитских школах и резиденциях. Они не только поставляли наиболее выдающихся теологов, на сочинениях которых воспитывалось теперь духовенство[3], но среди них встречались и математики

---

[1] *Valerius Andreas*, Fasti academici, p. 372 — 387.

[2] В 1588 г. Торренций писал по этому поводу из Антверпена следующие характерные слова: «Nec quid liberum tollentibus arbitrium commode respondere possim invenio, si Lovaniensium opinioni locus esse debeat. Ipsis haud dubia sua constat ratio; verum ego et plurimi mecum boni non tam subtiles sumus ingenio, ut haec assequamur» (Я не вижу, какое подходящее возражение можно было бы сделать тем, кто отрицает свободу воли, если принять учение лувенских богословов. Они несомненно понимают свои рассуждения; но я и многие добрые люди вместе со мной не отличаемся столь тонким умом, чтобы их постигнуть), «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 3-ème série, t. XI, 1870, p. 219.

[3] Третий антверпенский синод в 1610 г. постановил, что священники должны иметь в своих библиотеках кроме катехизиса Канизия еще следующие книги: «Catholicum Stapletoni», sermones Costeri ejusque libellos sodalitatis et de controversiis horum temporum, Lessii consultatio nupera quae religio sit capessenda, directorium Polanci ejusque libellus ob frequenti commu-

вроде Эгильона и Григория из Сен-Винсента, филологи вроде Андрея Шотта и эрудиты вроде Болланда, Геншена и Папеброша. Из их среды вышла самая крупная историческая работа XVII в. — собрание «Acta Sanctorum». Разнообразие дарований членов иезуитского ордена сказалось даже в области искусства: среди них оказались такие художники, как Даниель Сегерс и такие замечательные архитекторы, как Гюиссенс.

Таким образом иезуиты наложили свой отпечаток на самые высокие проявления духовной деятельности Бельгии XVII в. Они были здесь более многочисленны, чем где бы то ни было, и оказали здесь более глубокое воздействие на население, чем где-либо. В обстановке экономического упадка и вялости общественного мнения они сумели привлечь к себе самые сильные и энергичные умы, указав им цели и руководящие идеи для практической деятельности. Благодаря своей борьбе против ереси, благодаря возвеличению католичества путем своей просветительной, проповеднической и миссионерской деятельности они привлекли на свою сторону самую лучшую, избранную часть молодежи. И потому нетрудно понять, что в 1640 г., т. е. тогда, когда иезуитский орден насчитывал первые 100 лет своего существования, авторами сочинения «Imago primi saeculi», в котором нашли себе столь гордое выражение их подвиги и победы, были именно бельгийские иезуиты.

IV

Вокруг общества Иисуса, являвшегося самым могущественным орудием и самым высоким проявлением католического возрождения, группировалось множество религиозных орденов, которые с конца XVI в. широко распространились по всей стране. Большинство из них продолжало следовать той идее деятельного благочестия и проповеди в народе, которая введена была миноритами в средние века. Но они сумели приспособить ее к современной жизни, к изменившимся требованиям буржуазного общества, к текущим нуждам религии. Поэтому все они обосновались в центрах социального движения, т. е. в городах. С их помощью самое строгое правоверие и благочестие, печать которого иезуиты, с своей стороны, наложили на дворянство и буржуазию, про-

nione» (Католикон Степльтона, проповеди Костера и его книжки о братстве и о разногласиях наших времен, недавно вышедшее рассуждение Лессия о том, какую религию следует избрать, указатель Поланка и его книжку о частом причащении), т. е. все сочинения иезуитов. *De Ram*, Synodicon Belgicum, t. III, p. 135.

никли в самые низкие и самые бедные слои городского населения. О многих из них, в частности о капуцинах и францисканцах, можно было без преувеличения сказать, что они были иезуитами бедных. Они занимались не только преподаванием, исповедыванием, устройством религиозных процессий и девятидневных или сорокачасовых молитв по обету, но кроме того они навещали также узников, ухаживали за больными, помещали в больницы душевнобольных и обучали детей из народа. Среди них были такие, которые брали на себя даже исполнение некоторых общественных обязанностей, как например капуцины, на которых в некоторых городах лежала забота о тушении пожаров[1].

В этой огромной монашеской армии, созданной католическим рвением, женщины были не менее многочисленны, чем мужчины. Наряду со старыми монастырями бегинок, монастыри кармелиток, бригиттинок, аннунциаток, урсулинок, францисканок и кларисс являлись рассадниками женского благочестия, пробуждавшими в женщинах еще более пламенный мистицизм и вдохновлявшими их на все новые дела. Все общество — без различия пола, призвания и общественного положения — было проникнуто и пропитано религиозным духом. Высокое уважение, глубокое влияние на умы и щедрые дары, которые в свое время возрождение наук доставляло гуманистам, стали теперь в результате католического возрождения — и пожалуй даже в более широких размерах — уделом монастырей.

Разумеется, пример в этом отношении дан был двором. Эрцгерцогская чета призвала из Италии босоногих кармелитов, а из Испании кармелиток, которых она буквально осыпала изъявлениями своего глубочайшего уважения. Когда одна из приближенных св. Терезы, «мать» Анна Бартелеми, прибыла в Бельгию, инфанта поспешила в Монс навстречу ей, чтобы ее приветствовать, а когда доверенный св. Терезы, «отец» Иероним Грациан, проезжал через Нидерланды, он был принят в брюссельском дворце[2]. В 1623 г. Изабелла приказала привезти в Гент в своих собственных каретах аннунциаток, которые собирались поселиться в этом городе[3]. Вместе с Альбертом она посещала монастыри, закладывала первый камень их церквей, посылала им раки для хранения реликвий и другие вещи для украшения алтарей, поручала их попечению эшевенов, предоставляла им денежные средства из

[1] *Gobert*, Les rues de Liège, t. I, 202; *Rembry — Barth*, Histoire de Ménin, t. I, Bruges 1881, p. 285.

[2] *M. de Villermont*, Le duc et la duchesse de Bournonville, Bruxelles 1904, p. 97 etc.

[3] *F. De Potter*, Second cartulaire de Gand, p. 283.

государственной казны или делала им пожертвования из своей собственной шкатулки. Самые знатные вельможи — по убеждению ли или из желания угодить государю — состязались между собой в щедрости по отношению к религиозным орденам. Считалось модным делать им приношения. Исключительным расположением эрцгерцогской четы пользовались в особенности кармелиты. Под влиянием Анны Бартелеми столько представительниц высшей знати постриглось в монахини, что в конце концов многие матери семейств стали бояться показывать ей своих дочерей [1]. Монахини ордена св. Клары, прибывшие в Бельгию в начале XVII в., снискали себе вскоре же здесь такие симпатии, что 16 придворных дам Изабеллы дали обет о вступлении в их монастырь. Ламберта Круа вступила в орден урсулинок. В 1626 г. Флоран Берлемон и его жена Маргарита Лален основали монастырь Берлемон, где августинки занимались воспитанием девушек [2]. Брат герцога Арсхота, Карл Аренберг, граф Севегемский, вступил в орден капуцинов и отказался променять свою шерстяную монашескую рясу на пурпурную кардинальскую мантию. Настроения дворянства нашли себе отклик и среди городского населения. Один итальянский купец поселил в 1614 г. в Антверпене францисканцев; многие купцы и рантье содействовали распространению в городах религиозных и благотворительных учреждений и поддерживали их. Вмешательство городских властей приводило к еще лучшим результатам. В 1617 г. эшевены Брюгге ассигновали 12 тыс. ливров на постройку церкви капуцинов. В 1619 г. эшевены округа Брюгге оказали денежную помощь капуцинам Остенде и аннунциатам Брюгге. Словом, мы могли бы продолжать до бесконечности, если бы захотели перечислять подобного рода факты, имевшие место в истории каждого города.

Подобно тому как эмиграция нидерландских протестантов в прошлом веке явилась толчком к появлению в Англии ряда новых отраслей промышленности, точно так же в результате выселения из Англии во время царствования Елизаветы английских и ирландских католиков и без того уже очень значительное количество бельгийских монастырей чрезвычайно увеличилось за счет иностранных орденов. Будущий кардинал Вильям Аллан основал в 1568 г. в Дуэ английскую семинарию; в 1592 английские иезуиты обосновались в Сент-Омере и вскоре после этого создали резиденцию в Ват-

[1] *M. de Villermont*, Le duc et la duchesse de Bournonville..., p. 98.

[2] Многие францисканские монастыри были созданы дворянами, например монастыри Флорана, Барбансона, Бастоня, Варемма, Вервье, Трех дев и т. д. *J. Grob*, Publications de la Section Historique de l'Institut de Luxembourg, t. LIV, 1909, p. 93 etc.

тене, а в 1613 г. иезуитскую школу в Льеже. В 1607 г. сенваастский аббат воздвиг на свои средства церковь для английских бенедиктинок в Дуэ; в 1613 г. по предложению эрцгерцога Альберта английские францисканцы были приняты в том же городе. В Антверпене в начале XVII в. находились одна ирландская школа и один монастырь английских монахинь ордена святой Терезы; в Лувене одна ирландская семинария; в Брюсселе — один монастырь английских бенедиктинок. Последние находились также в Камбрэ и в Дюнкирхене, в Ипре же устроились ирландские бенедиктинки. В Дуэ находились шотландские иезуиты и «ирландские приории», в Гравелинге — клариссы и т. д.[1]

К сожалению мы не располагаем почти никакими данными относительно численности и богатств орденов, которыми во время правления Альберта и Изабеллы наводнена была Бельгия. В Лувене с 1597 по 1631 г. население монастырей и университетских школ с 1600 чел. поднялось до 2 180 чел.[2]. В Ипре в 1689 г. из числа 13 247 жителей города было свыше 535 монахов и монахинь и 93 чел. белого духовенства[3]. Можно считать лишь очень приблизительными подсчеты Грамея, исчислявшего в 1622 г. число монахов в Бельгии в 60 тыс. чел., которых он распределял между 88 школьными домами, 240 мужскими и женскими монастырями и 135 аббатствами. Согласно этому же автору католическая церковь располагала к этому времени $^3/_4$ всей земельной площади в области Камбрэ, половиной земельной площади в Намюрском графстве, $^1/_3$ в Генегау, $^1/_4$ в графстве Артуа, $^1/_8$ в Брабанте и $^1/_{10}$ во Фландрии[4].

Во всяком случае не подлежит никакому сомнению, что к концу 1625 г. имущества католической церкви достигли таких размеров, что это стало вызывать тревогу населения и даже правительства. При основании всякого нового мона-

---

[1] *Husenbeth*, Notices of the english colleges and convents established on the continent after the dissolution of the religions houses in England (Norwich, 1849); *C. J. Destombes*, Mémoire sur les séminaires et collèges anglais fondés à la fin du XVI siècle dans le Nord de la France, Cambrai 1854; *J. J. Proost*, Les réfugiés anglais et irlandais en Belgique à la suite de la réforme religieuse sous Elisabeth et Jacques I-er «Messager des Sciences Historiques», 1865, p. 276 etc.; *L. Dancoisne*, Histoire des établissements réligieux britanniques fondés à Douai, Douai, 1880; *P. Nolan*, The Irish Dames of Ypres, Dublin 1909.

[2] *J. Cuvelier*, La population de Louvain aux XVI-e et XVII-e siècles, «Annales de la Société archélogique de Bruxelles», t. XXII, 1908, p. 351.

[3] Перепись населения в Ипрском архиве.

[4] Грамэй приводит эти несомненно преувеличенные данные с целью установить коэфициент, который могли бы дать бельгийские монахи армии, организованной против ислама. См. Gramaye, «Africa illustrata», Tournai 1622, p. 113 etc.

стыря требовалось разрешение короля, но фактически большей частью обходились без него. В 1630 г. был издан приказ, возобновленный через 6 лет и повелевавший прекратить это злоупотребление «ввиду широкого распространения во всех частях страны духовных орденов, которые являются чересчур большим бременем для наших подданных» [1]. Другой указ в 1658 г. напоминал, что следует «считать законом и государственным распоряжением постановление, коим не разрешается, да и никогда раньше не разрешалось строить какие бы то ни было монастыри без разрешения государя» [2]. В своих предписаниях кардиналу-инфанту Филипп IV указывал на очень большое число монахов, приезжающих из Франции с целью противозаконно обосноваться в бельгийских провинциях, на непрерывное увеличение числа монастырей, «которые теснят друг друга и умирают, как деревья в саду, где их чересчур много» [3]. В 1638 г. запрещено было дарить неотчуждаемые имущества в пользу церквей и кроме того последним предписано было сообщить государству обо всех церковных приобретениях за последние 30 лет [4].

Эти мероприятия соответствовали желаниям широких кругов населения. В 1629 г. жители Лувена жаловались на то, что духовные общины их города присваивают себе столько земельных участков, что вскоре их совершенно нехватит для горожан [5]. Гент, имевший в 1628 г. уже 20 женских монастырей, заявлял о своем нежелании принимать новые ордена [6]. В Льежской области жители округа между Самброй и Маасом выступили против поселения бригиттинок на их территории, которая, как они заявляли, и так уже чересчур наводнена нищенствующими орденами [7]. В 1633 г. генеральные штаты от имени страны заявили протест против роста неотчуждаемых имуществ [8]. Наконец дело дошло до того, что сами же монастыри, по крайней мере нищенствующих орденов, старались помешать созданию новых общин из страха, как бы не уменьшились пожертвования, которыми они жили [9].

[1] «Placcaeten van Brabant», t. III, p. 172.
[2] Ibid., p. 174.
[3] *J. Cuvelier*, Population de Louvain, op. cit., p. 352.
[4] «Placcaeten van Brabant», t. III, p. 173.
[5] *Архив г. Лувена*, собрание «Cuypers», I, fol 160°.
[6] *V. van der Haeghen*, Inventaire des Archives de la ville de Gand, p. 278.
[7] *Bormans*, Conclusions capitulaires du Chapitre de Saint-Lambert, p. 525.
[8] *Gachard*, Actes des Etats Généraux de 1632, t. II, p. 164, 165.
[9] *De Schrevel*, Etablissement et débuts des Carmes—Déchaussés à Bruges, Bruges 1910; *J. Grob*, Recueil d'actes et documents concernant les Frères-Mineurs dans l'ancien duché de Luxembourg, «Publications de la Section historique de l'Institut de Luxembourg», t. LIV, 1909, p. 199, 208; t. LVI, 1909, p. 257, 273.

Чересчур большое число монахов и монахинь было небезопасно и для самой католической церкви. Множество людей вступало в духовные ордена лишь для того, чтобы приобрести таким образом спокойное и обеспеченное существование [1]. В этом можно убедиться, если принять во внимание, что пострижение в монахи особенно часто происходило в периоды экономического упадка страны. Несомненно, что благодаря этому в число монашествующего духовенства попадало множество людей, не имевших к этому никакого внутреннего призвания и чрезвычайно мало интересовавшихся церковной дисциплиной. В 1631 г. епископы вынуждены были констатировать, что многие женские монастыри не соблюдали строго предписанной им замкнутости [2]. Они обвиняли в 1645 г. капуцинов и францисканцев-реколлектов в том, что они злоупотребляют сборами пожертвований, играют с крестьянами в карты, пьют вместе с ними и устраивают сорокачасовые молитвы и религиозные процессии без разрешения епископа [3]. Многие монахи несомненно заменяли благочестие внешними проявлениями его. Несколько позднее (1672 г.) Морильон констатировал, что жители Нидерландов «склонны к ханжеству и даже суеверию» [4].

Двор эрцгерцогской четы с своей стороны сильно содействовал внедрению в страну тех форм благочестия, путем которых южный католицизм старался способствовать разжиганию религиозного чувства. Правда, национальный характер бельгийцев противился тем драматическим церемониям, к которым склонны были в своем мрачном благочестии испанцы, устраивавшие иногда в первое время правления Альберта и Изабеллы процессии самобичующихся, а также кающихся грешников, буквально падавших под тяжестью гигантских крестов, которые они несли на себе, и проповеди охваченных экстазом монахов, окровавленные лбы которых украшены были терновыми венками [5]. Но пример эрцгерцогской четы вызвал вскоре подражание среди дворянства, а затем и среди широких масс населения. Альберт и Изабелла ежедневно проводили несколько часов в молитве и ежегодно отправлялись для девятидневных молитв по обету в собор божьей матери в Монтэгю, базилика которого, построенная на их средства, стала вскоре одной из самых знамени-

---

[1] *V. van der Haeghen*, Inventaire des Archives de Gand, p. 65.
[2] *De Ram*, Synodicon Belgicum, t. I, p. 515.
[3] Ibid., p. 545, 547.
[4] *U. Berlière*, Mabillon et la Belgique, «Revue Mabillon», t. IV, 1908, p. 22.
[5] *Rodriguez-Villa*, Correspondencia de la infanta archiduquesa doña Isabel Clara Eugenia con el duque de Lerma, p. 37; ср. *Thonissen*, «Biographie nationale», t. I, col. 402.

тых святынь страны. В «чистый четверг» они мыли ноги беднякам в дворцовой часовне [1]. Когда рака с мощами св. Альберта прибыла из Реймса, эрцгерцог сам нес ее на своих плечах по улицам Монса до церкви кармелиток [2]. С неослабевающим интересом следил он за миссией Грамея, взявшегося собрать в Голландии и Германии реликвии, уцелевшие при разгроме церквей; Альберт позволял ему вымогать у себя значительные денежные суммы, приказывал встречать колокольным звоном и торжественными процессиями иногда очень подозрительные мощи, которые его малощепетильный эмиссар посылал запакованными в ящиках из-под сыра [3].

Своим пламенным благочестием Изабелла превосходила своего мужа. Она доказала это уже с первого момента своего прибытия в Люксембург, когда она, к величайшему изумлению вельмож из ее свиты, оставшихся в седле, вышла из коляски преклонить колени перед крестом процессии, явившейся приветствовать ее [4]. Рубенс считал ее святой. Она не могла начать писать письма, не поставив сначала на бумаге изображения креста [5]. Если молодой испанский принц бывал болен, она посылала ему чудотворных порошков [6]. Со времени своего вдовства она показывалась на люди лишь в облачении францисканской монахини, до изнеможения ходила с религиозными процессиями и предавалась в тиши уединения продолжительным молитвам, спала в эти ночи на голом полу и блюла строжайший пост. Ее ничто так глубоко не радовало, как успехи религии в Бельгии. Она наивно верила всему, что ей рассказывали по этому поводу. Так, в 1603 г. она писала герцогу Лерме, что в предписанных для юбилейного года религиозных церемониях принимало участие 1 830 тыс. чел. [7].

Впрочем ей достаточно было оглянуться кругом, чтобы увидеть множество признаков народного благочестия. Иконы божьей матери в Гале и Сихеме привлекали к себе паломников почти в таком же огромном количестве, как и икона божьей матери в Монтэгю. В 1615 г. во время чумы жители

---

[1] Документ 16136—16137 в Брюссельской королевской библиотеке, т. 21.

[2] *Vinchant*, Annales du Hainaut, t. V, p. 358 etc.

[3] Я заимствую эти подробности из интересной коллекции документов, которая собрана была профессором Ш. Дювивье по поводу миссии Грамея, и с которыми он любезно разрешил мне познакомиться. Относительно этой миссии ср. также *Schoengen*, Neerlandica in belgische Archieven, «Nederlandsch, Archievenblad», t. XVII, 1908—1909, p. 211.

[4] *Rodriguez-Villa*, Correspondencia de la infanta archiduquesa doña Isabel Clara Eugenia con el duque de Lerma, p. 332.

[5] Ibid., p. V.

[6] Ibid., p. 217.

[7] Ibid., p. 86.

Монса попросили дать им на время из Гента мощи святого Макария и прислали одного аббата в залог возвращения их [1]. В 1634 г. городское управление Лилля посвятило город пресвятой деве Марии, чтобы возблагодарить ее за помощь, оказанную городу в борьбе с ересью [2]. Сельские местности покрылись часовнями, голгофами и изображениями крестного пути Христа. Все слои населения смешивались в толпе, приходившей помолиться, преклонив колена перед чудотворными алтарями, высившимися во всем блеске их новых и пышных украшений, возложенных на них по обету. Проповеди, предписанные для юбилейного года, религиозные церемонии и девятидневные молитвы заменяли светские развлечения, устраивавшиеся некогда «камерами реторики». Разыгрывавшиеся в иезуитских школах трагедии почти всецело заменили театральные представления. Литература занималась почти исключительно назидательными сюжетами, и даже старый Юст Липсий взялся за перо, чтобы прославить в латинских стихах Diva Virgo Hallensis. Редко можно было встретить семью, среди членов которой не было хотя бы одного монаха В то время как население городов оставалось неизменным или уменьшалось, население монастырей бегинок, этих духовных городов, выросших внутри светских городов, непрерывно возрастало. Но и среди городского населения было множество «благочестивых дев», «kwezels» (молельщиц), «сестер-прядильщиц», которые добровольно отдавали все свои силы заботам о содержании и украшении церквей, обучению катехизису, уходу за больными и погребению покойников. Как и в средние века, мистицизм доходил иногда до крайних пределов. Аскеты и реформаторы вроде Жанны Делелоэ, Сервация Лерюэля и Иоанна Берхманса напоминали Марию Уаньи и Ламберта Косноязычного XII и XIII вв. и подобно им еще при жизни приобрели славу святых. Одновременно и светская жизнь прониклась тем деятельным и мягким благочестием, законченным образцом которого до наших дней является «Введение в благочестивую жизнь» св. Франциска Сальского. Гильберт Мазий, епископ Буа-ле-Дюка (1594—1614), был одним из друзей Франциска и пропагандистом его идей. В 1630 г. синод мехельнского архиепископства постановил перевести для священников на латинский язык важнейшие сочинения этого женевского епископа [3].

---

[1] *Philippe de Hurges*, Voyage à Liège et à Maestricht, éd. H. Michelant, Liège 1872, p. 15.
[2] *A. de Saint-Léger*, Lille au moyen âge, Lille 1908, p. 10.
[3] *De Ram*, Synodicon Belgicum..., t. I, p. 510.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО[1]

I

Несмотря на общность исходного пункта, развитие государственных учреждений католических Нидерландов и Соединенных провинций с конца XVI в. шло совершенно различными путями. Противоречия между ними, как нетрудно заметить с первого же взгляда, сводились к противоречию между двумя принципами, существовавшими рядом, но не объединявшимися в конституции бургундского государства, а именно между принципом верховной власти государя и принципом территориальной независимости.

От первого принципа в Нидерландской республике, разумеется, ничего не осталось. После крушения неудачной попытки Вильгельма Оранского спасти с помощью герцога Анжуйского по крайней мере внешнюю видимость монархической власти Утрехтская уния представляла собой лишь союз независимых провинций. Правда, единство действий было здесь обеспечено благодаря собранию генеральных штатов, непрерывно заседавших с 1593 г., и благодаря некоторым центральным учреждениям, созданным по образцу аналогичных учреждений Бургундского государства, например, «Raad van Staat», «Ontvanger Generaal» и «Rekenkamer» (государственный совет, генеральный приемщик, счетная палата).

Правда также, что сыновья Вильгельма Оранского в качестве «stadhouders» (штатгальтеров) большинства провинций, в качестве членов государственного совета, главнокомандую-

[1] Читатель увидит, что данная глава не ставит себе целью дать даже самого суммарного описания государственных учреждений Бельгии в XVII в.; задача ее заключается только в том, чтобы бегло указать, какова была цель важнейших изменений, которым они подверглись в это время.

щих сухопутными и морскими силами страны пользовались влиянием, которое при Морице и в особенности при Фридрихе-Генрихе очень походило на власть государя. И тем не менее бесспорно, что каждая из 7 провинций унии составляла в правовом отношении особое государство. Каждая из них пользовалась в собрании генеральных штатов одинаковым правом голоса, и единогласие, требовавшееся при решении всякого вопроса, в соединении с обязательным наказом депутатам, являлось лучшей гарантией против политического партикуляризма. «Общность» держалась по существу исключительно свободным соглашением членов союза, преимуществами, которые она им давала, и помощью, которую она им обеспечивала. Но через сколько кризисов, испытаний и конфликтов пришлось ей пройти! В этом союзе, казалось, было так мало порядка, его действия были так затруднены, что иностранцы все время ждали его распадения, которое произойдет либо стихийно, либо вследствие насильственного переворота принца Оранского. По мнению испанцев, союз держался только войной, и многие из них были убеждены, что 12-летнее перемирие приведет к окончательному развалу его из-за внутренних неурядиц. В конечном счете только Голландия благодаря своей экономической мощи, благодаря энергии и предприимчивому духу своего населения, благодаря его кальвинистскому рвению, его национальной гордости и уверенности в себе самом спасла унию и обеспечила ей место среди великих европейских держав. Несравненно более богатая и более населенная, чем другие союзные провинции, она сумела подчинить их своей гегемонии и в опасные моменты сумела сохранить их связь друг с другом. Она спасла своей силой слабость всего объединения. Благодаря ей принцип независимости отдельных территорий не развился до своих крайних пределов и не вверг в конце концов весь союз в бездну хаоса.

В католических Нидерландах, наоборот, слабость народа сопутствовала порядку и правильному функционированию государственных учреждений. Монархический принцип явился здесь гарантией единства, недоставшего Нидерландской республике. Хотя теоретически провинции продолжали составлять отдельные государства, но фактически их принадлежность одному и тому же государю и их одинаковое подчинение центральному правительству оставляли за ними лишь видимость их прошлой независимости. Власть государя настолько же полностью утвердилась у них, насколько она полностью исчезла у их северных соседей.

В действительности они отнюдь не добровольно примирились с этим положением. Когда в 1579 г. валлонские провин-

ции снова вернулись под власть Филиппа II, они стремились, как мы видели, лишь к восстановлению католицизма, но отнюдь не к реставрации абсолютизма. Аррасский договор ограничивал, в связи с этим, насколько только было возможно, права государя за счет расширения прав страны [1]. Валлонские провинции возвращались назад под высокую руку короля, но они хотели видеть его бессильным и безоружным. Место, отводившееся ему в конституции, предоставляло ему не больше власти, чем имел эрцгерцог Матвей под контролем генеральных штатов или чем та власть, которой должен был пользоваться герцог Анжуйский согласно статьям Плессилетурского договора.

Но если даже предположить вопреки очевидности, что король склонен был скромно держаться в рамках, отведенных ему его подданными, то он не мог больше довольствоваться ими с того момента, как они обратились к нему за помощью. Еще не прошло 3 лет с момента подписания мирного договора, как католики, оказавшись не в состоянии справиться с протестантскими провинциями, попросили Фарнезе призвать назад испанские войска [2]. После того как таким образом было уничтожено самое важное из аррасских условий, все остальные статьи договора вскоре также должны были подвергнуться той же участи. Если некоторые наивные люди могли хоть одну минуту думать, что, передавая вооруженную силу королю и его штатгальтерам, они не передавали вместе с тем в их руки и власть, то они вскоре были жестоко разочарованы. К тому же Аррасский договор не простирался на Фландрию и Брабант. А после того как и эти провинции были отвоеваны назад, не осталось больше ничего от мирного договора, который Фарнезе впрочем никогда бы и не заключил, если бы он рассчитывал на его долговечность.

Религиозные побуждения, приведшие к восстановлению монархии, явились также причиной ее быстрых успехов. При наличии воинствующего кальвинизма в северных провинциях сохранение католической церкви явно зависело от силы королевской власти. Вернувшись наконец опять на свои прежние места, епископы не только по долгу совести обнаруживали безграничную преданность по отношению к государю: будучи обязаны ему своим назначением, они неизбежно находились в полнейшей зависимости от него. Политические выгоды, которых Гранвелла ждал уже в 1559 г. от создания

[1] См. выше, стр. 262 — 63.
[2] См. выше, стр. 290.

новых диоцезов[1] и осуществление которых так задержалось из-за раздиравшей страну гражданской войны, сказались теперь со всей силой. Король мог теперь рассчитывать в штатах всех провинций на почтительную преданность духовного сословия. Чем сильнее укреплялась епископская власть над духовенством, тем больше представители последнего привыкали рассматривать пожелания государя как его приказания. С конца XVI в. больше уже не существовало той фрондирующей независимости, которую аббаты так часто позволяли себе при Карле V и которая при Филиппе II даже толкнула многих из них в объятия революции.

Что касается дворянства и городского населения, то они не делали больше никаких попыток защитить политическую систему, которая по их настоянию была закреплена Аррасским миром. Правда, в течение всей первой половины XVII в. они продолжали считать ее своим идеалом, и мы видели, что генеральные штаты 1600 и 1632 гг. делали робкие попытки вернуться к ней. Но это были безнадежные попытки, лишенные всякого значения. Ибо как могла хоть в какой бы то ни было мере противиться воле государя та самая Бельгия, которая благодаря непрерывному присутствию королевских армий походила скорее на военный лагерь? Жалкий крах дворянского заговора 1630 г. раскрыл глаза даже самым легковерным людям. Чтобы заставить короля уважать национальную независимость, нужна была бы революция. Она могла произойти лишь при участии народных масс, но руководящие классы сохранили слишком гнетущее воспоминание о господстве кальвинистских демократий в XVI в. и с ужасом отшатывались от подобной перспективы. Поэтому они примирились с таким положением вещей, которое по крайней мере гарантировало им их общественное положение. Растущее влияние католицизма и иезуитов привело даже в конце концов к тому, что они искренно примирились с ним[2]. Они свыклись с тем, чтобы считать управление делом государя. Они не думали больше о том, чтобы делить его с ним, и самое большее позволяли себе время от времени обращаться к нему с почтительными просьбами.

Впрочем надо заметить, что переход от старого, бургундского, к новому, испанскому, режиму облегчен был искусными действиями Александра Фарнезе. Аррасский договор не был разорван, он попросту сам собой потерял силу. Члены высшей знати, заседавшие в государственном совете, продолжали питать иллюзию, что они играют политическую роль.

---

[1] См. выше, стр. 63—64.
[2] См. выше, стр. 458.

Герцог тщательно избегал окружать себя испанскими министрами, и этого было достаточно, чтобы общественное мнение склонилось в его пользу. Но в действительности он правил так, как хотел. Он вершил правительственные дела совместно с тайным советом, состоявшим из юристов вроде Ришардо, Памеле и Ассонлевилля, но в особенности вместе со своими итальянскими приближенными Козимо Мази и Паоло Риньяльди, и переписывался с мадридским двором. Он конечно избегал созыва генеральных штатов. На беду военные нужды заставляли его мириться с вмешательством военных властей во все области гражданского управления. Комендапты крепостей присвоили себе обязанности, принадлежавшие до тех пор провинциальным правителям. Взимание налогов ускользало от контроля финансового совета. Все делалось для армии, которую король снабжал далеко не в достаточной мере, так что традиционная система управления вскоре пришла в полное расстройство.

Грубое обращение графа Фуэнтеса еще более усилило неурядицы[1]. Чтобы положить конец хаосу во всех областях управления, эрцгерцог Эрнст уже в 1595 г. прибегнул к советам собрания, состоявшего из рыцарей ордена Золотого руна и членов государственного и тайного советов. Оно поспешило предложить ему вернуться к бургундской системе управления, т. е. восстановить правительственные советы в их прежних полномочиях, ввести опять в действие прерогативы провинциальных правителей и заместить опять все должности туземными чиновниками, «которые будут вести все дела на языке данной страны». Оно позволило себе даже намекнуть на настоятельную необходимость созыва генеральных штатов. Оно напомнило «о договоре примирения с валлонскими провинциями, возобновленном и обещанном его величеством», и рассыпалось в торжественных похвалах совершенствам прежней конституции по сравнению с бедствиями настоящего времени. «Благодаря ей, — заявляло оно, — в провинциях так усилились благочестие и вера в бога, любовь и повиновение их государям, мир и согласие между ними, несмотря на то, что они говорили на различных языках; так увеличилось обилие всяких благ и водворилось такое спокойствие, что казалось, будто благословения небес суждены были им в бо́льшей мере, чем всем остальным частям света; благодаря хорошему управлению, правосудию и благоустройству другие короли, монархи и государственные деятели при-

[1] *Gachard*, Les Bibliothèques de Madrid et de l'Escurial, p. 70.

сзжали, чтобы полюбоваться этим поразительным ведением дел и поучиться этой форме правления и образу жизни»[1].

Испания очень остерегалась предоставить опять стране такую политическую систему управления, первым следствием которой было бы восстановление национальной независимости. Конституция, введенная при Альберте и Изабелле и сохранившаяся в своих существеннейших пунктах и после них, представляла собой лишь видимость старой бургундской конституции. Все важнейшие части государственного здания подверглись радикальному изменению, остался только один фасад. Сохранился федеративный характер государства и вместе с ним территориальная независимость каждой провинции. Но центральное управление зависело исключительно от государя. И его полномочия были столь широки, что в действительности ему принадлежала почти вся полнота политической власти.

Бельгию начала XVII в. можно охарактеризовать как абсолютную монархию, ограниченную лишь правами провинций на местное самоуправление. Верховная власть наталкивалась здесь только на обычное право и традиции, укоренившиеся вследствие долгого пользования ими и представлявшие ряд местных особенностей. Хотя эти многочисленные попытки сопротивления, несмотря на свою разрозненность и изолированность, были все же стеснительны, но тем не менее они, разумеется, не были опасны. В случае необходимости всегда можно было прибегнуть к силе, чтобы справиться с ними. Перестав созывать генеральные штаты, государь избавился от единственного центрального оппозиционного органа, с помощью которого страна могла ставить препятствия его воле, держаться с ним как равная с равным и заставлять его в конце концов волей-неволей приходить к соглашению с народом.

Подобное соглашение было теперь тем более невозможным, что государь был не только неограниченным монархом, но и иностранцем. Все его ближайшие советники были в основной массе испанцами или по крайней мере испанизировались. При Альберте и Изабелле важнейшие вопросы общей политики передавались на разрешение кабинета «хунты», в котором заседали Спинола, граф д'Ановер, духовник Фра Иниго де Бризуэла, Хуан де Виллела, Хуан Мансисидор, Педро де Сан Хуан и т. д. За исключением председателя тайного совета бельгийские министры не имели права поднимать голос в собрании. Государственный совет был лишь парадным учреждением, созданным для удовлетворения выс-

[1] *Gachard*, Actes des États Généraux de 1600, p. 439.

шего дворянства [1]. Последнему предоставили кроме того некоторые дипломатические посты, некоторые почетные должности и выполнение некоторых чрезвычайных поручений. Самых влиятельных представителей его награждали цепью ордена Золотого руна; путем наград (mercedes) обеспечивали себе или покупали его повиновение и его верность, но его тщательно лишали всякого политического влияния. Даже при дворе оно было вытеснено испанцами [2].

Дворец эрцгерцогской четы действительно гораздо больше походил на мадридский дворец, чем на дворец бургундских герцогов. При нем находились майордом (mayordomo mayor), камер-юнкеры и придворные дамы. Духовники Альберта и Изабеллы были испанцами, так же как и их капелланы и проповедники. Среди камергеров и среди придворных дам испанцы тоже были на первом месте. Внешний вид здесь вполне соответствовал действительности. Было очевидно, что государь являлся в стране лишь представителем Испании. После смерти Альберта Изабелла, опекаемая и руководимая Бедмаром и Айтоной, играла лишь роль парадной фигуры, а последующие наместники должны были исключительно выполнять приказы из Мадрида. Правда, кардинал-инфант принадлежал еще к королевской семье, но в дальнейшем перестали соблюдать обещание, закрепленное в Аррасском договоре, передавать управление бельгийскими провинциями лишь принцу королевской крови. Начиная с 1641 г. все наместники, за исключением дон Жуана и эрцгерцога Леопольда, выбирались из среды испанской знати. Словом, вернулись опять к тому, что было во времена Альбы и Рекезенса.

С течением времени подчиненное положение католических Нидерландов обнаруживалось все яснее. Когда Филипп II в 1558 г. создал в Мадриде совет Фландрии, состоявший, по крайней мере частично, из бельгийских министров и занимавшийся решением важнейших дел, касавшихся про-

---

[1] Автор «Considérations sur le gouvernement des Pays-Bas», éd. Robaulx de Soumoy, t. II, Bruxelles 1872, p. 68, заявляет, что с государственным советом совещались лишь «по поводу обычных и незначительных дел». Кроме того, он был окончательно скомпрометирован дворянским заговором. К концу правления Изабеллы он насчитывал только двух членов.

[2] Ср. бюджет двора в 1612 г. (в списке № 1837, т. 37 и сл. собрания документов счетных палат в Брюссельском общегосударственном архиве). Обоими самыми высокими придворными сановниками — la dama de onor — инфанты и mayordomo mayor — были графиня де ла Фера и арагонский адмирал дон Франсиско де Мендоса. Из восьми остальных гофмейстеров трое были испанцами. Среди 25 придворных дам инфанты было 12 испанок; из 23 камергеров 5 были испанцами, а из 15 камер-юнкеров 9 принадлежало к той же нации. Кроме того, следует отметить, что счета из личной кассы эрцгерцогской четы, приводимые в вышеуказанном, а также и в следующем списках, написаны по-испански.

винций, то за последними все же признавалось в пределах общей монархии некоторое особое политическое место[1]. При Альберте и Изабелле оно походило даже на независимость. Но после них оно очень скоро исчезло. Уже в конце царствования Филиппа III совет Фландрии стал лишь тенью того, чем он был вначале: его функции перешли к королевскому совету. Он стал лишь почетным пристанищем для отставных чиновников, в особенности для бывших нидерландских штатгальтеров. Его важнейшей задачей было давать советы по поводу раздачи дворянских титулов и наград.

С другой стороны, создание в самом Брюсселе секретариата по управлению делами страны и по военным делам (Secretarias de Estado y guerra del gobierno de Flandes), возникновение которого восходило к временам герцога Альбы, но который оформился окончательно лишь при эрцгерцоге Эрнсте, изъяло из-под всякого контроля страны организацию военного дела, а также сношения с Мадридом и иностранными державами. Статс-секретарь, он же секретарь по военным делам, который всегда был испанцем и назначался королем, являлся фактическим представителем монарха в католических Нидерландах. Он не только обязан был помогать генеральному наместнику, но должен был также следить за его поведением. Он был доверенным лицом мадридского кабинета, обсуждал с ним от имени наместника все важнейшие дела. Его переписка на испанском, а не на «бургундском» языке не подлежала контролю со стороны бельгийских министров или правительственных советов. Хотя статс-секретарь и был иностранцем в бельгийских провинциях, где его почти не знали, так как он официально не играл никакой роли, тем не менее он был самым главным лицом в государственном аппарате. Никакие архивные данные не представляют такой ценности для знакомства с бельгийской политикой Испании XVII в., как совокупность оставленных им бумаг[2].

Благодаря своей военной власти Испания окончательно

---

[1] *Lonchay*, «Bulletin de la Comm. royale d'Histoire», t. LXXVI, 1907, p. XLVII, etc. Он был ликвидирован в 1598 г. во время передачи Нидерландов эрцгерцогской чете и восстановлен в 1628 г.

[2] До сих пор не существует еще монографии о секретариате по управлению делами страны и по военным делам. Данные по этому поводу имеются в предисловии Гальяра к «Общему описанию архивных фондов секретариата по управлению делами страны и по военным делам», напечатанному в т. I, «Inventaires sommaires des archives des anciens gouvernements des Pays-Bas» (Bruxelles 1906). Во время правления эрцгерцогской четы был лишь один испанский военный секретарь, так как армия находилась под властью короля. Но после смерти Альберта Филипп IV послал в Брюссель одного из своих секретарей, которого он назначил на должность статс-секретаря и секретаря по военным делам.

обеспечила себе господство над Бельгией. От национальных войск, которым на основании Аррасского договора должна была быть полностью передана оборона страны, во время правления Альберта и Изабеллы осталось лишь несколько отрядов милиции под командованием некоторых представителей высшей знати [1], общая численность которых сводилась к 1 800 чел. Что касается армии, то она во времена эрцгерцогской четы так же полностью находилась в руках короля, как это было и при герцоге Альбе. Она повиновалась только его приказам, и хотя ее основная роль состояла в том, чтобы сражаться против внешнего врага, но не подлежало сомнению, что при малейшей попытке восстания она снова обратится против провинций. Вся ее внутренняя организация, за которой следил секретарь по государственным и военным делам, была сверху донизу чисто испанской. Ее офицеры не только получали содержание от короля, но армия имела кроме того еще особое избиравшееся из ее среды управление по распределению денежных средств, получавшихся ею из Испании: («junta de hazienda», «veedor», «contador», «pagador»). Впрочем, эти суммы покрывали лишь часть ее расходов. Остальную часть их должна была покрывать Бельгия, и эта часть, по мере истощения королевской казны, становилась все более значительной. На содержание войск и крепостей расходовались не только «регулярные субсидии», но страна должна была постоянно давать авансы кассе «exercito» (войска), причем она лишена была всякой возможности контролировать их назначение, так как эта касса подлежала компетенции лишь военных властей [2].

Государство, лишенное руководства своей внешней политикой и своими вооруженными силами, не является независимым государством; между тем таково было положение Бельгии с конца XVI в. [3] Правда, во всех абсолютных монархиях народ вверяет государю свои судьбы и предоставляет

---

[1] Привилегии их были восстановлены в 1597 и 1632 гг. «Placcaeten van Brabant», t. I, p. 232, 254. В 1635 и в 1639 гг. всему дворянству предписано было вступить в армию. Ibid., t. II, p. 360.

[2] Относительно военной организации см. прекрасное изложение *H. Lonchay*, La rivalité de la France et de l'Espagne, p. 33 etc.

[3] Овербюри (*Th. Overbury*, Observations in his travels upon the State of the XVII provinces... (1626), вполне справедливо отмечает: «There is no Spaniard of the counsell of State, nor governor of any province, but of the counsell of warre, which is only active: there they only are and have in their hands all the strong towns and castles of those provinces of which the governors have but only the title» (Испанцев нет среди членов государственного совета и среди правителей провинций, но им принадлежит военный совет, который один представляет действительную силу. Там только одни испанцы, и в их руках находятся укрепленные города и замки в тех провинциях, где правители пользуются только титулом).

ему решать вопросы войны и мира. Но при этом он убежден, что *его* король чувствует свое единение с народом, и, отождествляя себя с королем, с доверием подчиняется его власти. Но этого совершенно не было в католических Нидерландах. Здесь противоречие интересов, обычаев и взглядов между народом и иностранным государем, призванным по династическим соображениям управлять бургундским наследством, достигало крайних мыслимых пределов. По долгу национальных королей Испании Филипп II и его преемники вынуждены были пожертвовать в интересах Испании своими северными провинциями, навязав им зависимость, с которой провинции покорно примирились, после того как они безуспешно пытались избавиться от нее.

Впрочем, испанские государи удовольствовались тем, что лишили бельгийские провинции возможности вмешиваться в свою политику; они благоразумно остерегались вызывать в них новые волнения путем вмешательства в их внутреннее управление. Филипп II далек был от того, чтобы вернуться к плану, о котором он одно время думал, а именно, превратить Нидерланды в централизованное королевство. Наоборот, назначив им особых государей, он предоставил им к концу своего царствования такую степень независимости, которая только совместима была с общими интересами его монархии. При Альберте и Изабелле, как и после них, внутреннее управление было сосредоточено исключительно в руках местных людей. С первого взгляда могло даже показаться, что центральные учреждения остались в том виде, как они были созданы Карлом V. Но при ближайшем рассмотрении можно было заметить, что путем постоянных изменений система управления все явственнее становилась на путь абсолютизма.

Из трех правительственных советов, как мы уже видели, государственный совет потерял всякую власть. Он был создан, чтобы приобщить страну в лице влиятельнейших представителей высшей знати к руководству общей правительственной политикой, но с того момента, как все внешнеполитические дела решались исключительно мадридским двором, он продолжал существовать лишь для формы. Он подвергся таким образом общей участи с Аррасским договором, так заботливо закрепившим в своих статьях его сохранение и расширение его полномочий: вместо того чтобы ликвидировать его, удовольствовались тем, что обрекли его на полнейшее бессилие.

Зато тайный совет, составленный из юристов и являвшийся простым орудием верховной власти, стал важнейшим звеном государственного аппарата. Председатель его был премьер-министром государя во внутренних делах; начиная с Ришардо до Пекия, от Пекия до Розе и от Розе до

Говина председатели его всегда старались подчинить конституцию страны чисто монархическим принципам. Достаточно напомнить о поведении Ришардо на собрании генеральных штатов 1598 и 1600 гг., а также о поведении Розе на собрании 1632 г.[1]. По мнению юристов тайного совета, вся власть исходила от государства, представленного государем и воплощенного в нем. Государь должен был следить за тем, чтобы не умалить неограниченную власть, носителем и орудием которой он был. Он не должен был ни делить ее со своими подданными, ни мешать применению ее под видом уважения к обычным правам или привилегиям, которые являются не чем иным, как злоупотреблениями, несовместимыми с нормальной деятельностью «республики». Единству верховной власти должны соответствовать порядок и правильное функционирование государственных учреждений. Таким образом централизация развивалась параллельно с монархической системой, и тайный совет старался одинаково расширить и ту и другую. Уже в самом начале правления Альберта и Изабеллы он неустанно старался подчинить себе всю судебную власть.

«Большой мехельнский совет» тщетно пытался противодействовать вмешательству в его дела тайного совета, стараясь сохранить за собой полномочия, которые, по его мнению, неотделимы были от высокого звания и независимости судебной корпорации. Его борьба с юристами государя напоминает борьбу французских парламентов с успехами монархии, и борьба эта, как и во Франции, закончилась поражением. Провинциальные советы привыкли во всех трудных вопросах обращаться за указаниями к тайному совету, который в форме «декретов» указывал, какое решение им надлежит принять. Его постоянное вмешательство в судебную процедуру уменьшило беспристрастие судов, но привело зато к установлению замечательного единообразия в судопроизводстве[2]. Тайный совет, этот бдительный блюститель государственного суверенитета, не колеблясь заставлял подчиняться себе и католическую церковь. По его мнению, — а в этом пункте все высшее судебное сословие вполне разделяло его точку зрения — только один государь имел право в силу власти, полученной им от бога, издавать законы, а отсюда вытекало, что все распоряжения духовных властей не могли издаваться без его разрешения. В связи с этим тайный совет

[1] См. выше, стр. 325, 366 — 67, 332.

[2] По поводу вмешательства тайного совета в дела верховных судов см. *J. Simon*, Les recueils d'arrêts du Grand Conseil de Malines, «Bulletin de la Commission pour la publication des anciennes lois et ordonnances», 1908, t. XVIII, p. 201 etc.; ср. *A. Gaillard*, Le Conseil de Brabant, t. I, p. 132.

неустанно боролся за то, чтобы заставить их испрашивать разрешения[1]. В 1621—1624 гг. он решительно поддерживал фландрский совет в борьбе по этому поводу с гентским епископом; чтобы положить конец спору, понадобилось вмешательство эрцгерцогини Изабеллы, которая, ставя притязания церкви выше, чем притязания государства, разрешила спор в пользу епископа[2]. В 1627 г. тайный совет заставил совет Фландрии признать опасным для королевской власти сочинение «Monomachia» Рихарда Брунда[3].

Но особенно он старался придать национальному бельгийскому праву те единообразные нормы, введение которых началось с царствования Карла V, но которые вскоре после издания уголовных указов 1570 г. были нарушены гражданской войной. Изданное в 1531 и 1540 гг. распоряжение об унификации старинных обычных прав, к которому судебный партикуляризм отнесся с таким недоброжелательством и медлительностью[4], вошло опять в силу при эрцгерцогской чете и выполнялось строжайшим образом. Указом от 31 июля 1606 г. предписывалось приступить к нему. Одно время думали даже вернуться к мысли, высказанной в 1595 г., и заменить единым кодексом все разнообразие местных обычных прав. В течение 1611 г. комиссии из членов тайного совета, судей и юристов поручено было переработать гражданское и уголовное право всех провинций таким образом, чтобы оно во всей своей совокупности построено было на одних и тех же общих принципах. Но это было — как обнаружилось и при аналогичных попытках, делавшихся к этому же времени во Франции, — неосуществимым предприятием. Комиссия отказалась от этого после установления 47 разделов, составивших так называемый «Вечный эдикт», который признан был обязательным для всей страны 12 июля 1611 г.[5]. Этот эдикт можно считать началом унификационного движения, которое с этого времени все более внедрялось в национальное бельгийское право. Благодаря ему произведена была также кодификация большинства старинных обычных прав, приступить к которой он требовал без промедления, угрожая, что «в противном случае будет прислан комиссар, который предпримет

---

[1] *Simon*, Les recueils d'arrêts..., p. 168 etc.

[2] См. документы по поводу этого любопытного конфликта, в которых отчетливо выступает противоположность точек зрения юристов и теологов. *De Ram*, Synodicon Belgicum, t. IV, p. 302 etc.

[3] «Biographie Nationale», t. II, колонка 75. Брабантский совет с своей стороны тоже не раз вмешивался, чтобы заставить духовные власти соблюдать обязанность испрашивать разрешения. *Gaillard*, Le Conseil de Brabant, t. II, p. 89; «Placcaeten van Brabant», t. III, p. 34, 35.

[4] «Histoire de Belgique», t. III, p. 203.

[5] «Placcaeten van Vlaenderen», t. II, p. 739, 753.

необходимые шаги в этом направлении». За время с 1611 по 1632 г. тайный совет утвердил не менее 36 кодексов обычного права[1]. Далее он издал также ряд превосходных указов, как например указ от 19 июля 1603 г. о полномочиях чиновников фиска[2], общее положение об охоте от 31 августа 1613 г.[3], указы 1604 и 1612 гг. об улучшении судебной процедуры брабантского совета[4], аналогичный указ 1611 г., касавшийся суда Генегау[5], постановление 1617 г., регулировавшее лесное законодательство Люксембурга, и т. д. Все это законодательство, разработанное трудолюбивыми, добросовестными и знающими юристами, хотя и лишенное оригинальности, было тем не менее замечательным делом и являлось одним из благодетельнейших результатов правления эрцгерцогской четы. После того как оно прервано было войнами, опустошавшими страну начиная со второй трети XVII в., возобновление его последовало лишь в царствование Марии Терезы.

Положение финансовых дел так же ясно, как и судебные реформы, свидетельствовало об успехах, достигнутых монархической властью в начале XVII в.[6]. Принцип постоянного налога, натолкнувшийся при герцоге Альбе на такое упорное сопротивление, фактически восторжествовал. Со времени роспуска генеральных штатов 1600 г. ежегодная общая сумма налогов в 3 600 тыс. флоринов, принятая государем без одобрения штатов, взималась непрерывно согласно квоте, установленной для каждой провинции[7]. Правда, правительство, введя это новшество, тщательно избегало открыто подчеркивать свою победу. Оно продолжало испрашивать налоги ежегодно у каждой провинции, но в действительности это было лишь простой формальностью. Провинции вотировали налоги и, само собой разумеется, они не могли отказать в этом, ибо в противном случае это было бы равносильно покушению на самое существо верховной власти. Однако, чтобы предоставить им возможность вести совершенно безопасное

---

[1] Перечень их см. *Defacqz*, Ancien droit belg., t. I, Bruxelles 1846, t. I, p. 141 etc.

[2] *V. Brants*, Ordonnances, t. I, p. 217.

[3] «Placcaeten van Vlaenderen», t. II, p. 194.

[4] *V. Brants*, Ordonnances, t. I, p. 240.

[5] *Ch. Faider*, Coutumes du Hainaut, t. I, p. 402.

[6] О постановке всего финансового дела, еще очень мало изученного, см. Brants, Albert et Isabelle, p. 109 etc.

[7] В действительности общая сумма налогов равнялась лишь 275 833 флоринам в месяц, т. е. 3 309 996 флоринов в год. О квоте для отдельных провинций см. *Gachard*, États Généraux de 1600, p. CXXIV. Позднее эта сумма была еще снижена, но доля каждой провинции в уплате ее осталась неизменной.

для правительства обсуждение, последнее испрашивало у провинций большую сумму, чем обычная квота, и затем соглашалось «снизить» ее до первоначального уровня [1].

Впрочем, постоянных, или, как выражались, регулярных налогов нехватало для покрытия государственных расходов. Их дополняли чрезвычайными налогами или «субсидиями», размеры которых зависели от обстоятельств и которые, за исключением периода 12-летнего перемирия, регулярно испрашивались у провинций. Каждая из провинций сохраняла однако за собой в данном случае право соглашаться на эти налоги или отвергать их. Брабантские штаты создавали массу затруднений, открыто борясь всегда против признания принципа, что государь может навязывать им «решением большинства» налоги, вотированные простым большинством их трех сословий. Впрочем, почти всегда в конце концов приходили к соглашению благодаря средствам «понуждения», применявшимся финансовым советом. Уничтожение какого-нибудь непопулярного мероприятия или какая-нибудь уступка, выгодная для строптивой провинции, приводили в конце концов к соглашению. Но в случае необходимости достаточно было военной демонстрации для преодоления слишком упорного сопротивления.

Имущества короны по сравнению с налогами лишь в очень незначительной части покрывали нужды государства. В конце XVI в. они были почти полностью отчуждены, и хотя эрцгерцогской чете и удалось частично восстановить их во время 12-летнего перемирия, но результаты их стараний вскоре были опять уничтожены. Начиная с 1622 г. правительство вынуждено было продавать или закладывать свои земли и свои доходы, чтобы справиться с непрерывным ростом военных расходов. Оно вынуждено было также отказаться из-за расстройства антверпенского денежного рынка и экономического упадка страны от обильных ресурсов в виде займов, получавшихся в царствование Карла V. Спинола не раз прибегал к личным займам, чтобы раздобыть средства, необходимые для продовольствия войск, и мы видели выше, что в 1632 г. Изабелла вынуждена была использовать для уплаты жалованья войскам денежные средства ломбардов [2].

---

[1] См. докладную записку Санхеса де Агиляра по поводу «Aides et subsides de la province de Malines», «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 4-ème série, t. VI, 1879, p. 288 etc. Разумеется, точка зрения провинций была не такова. Они при всяком случае подчеркивали свое право отвергать налог, но, за исключением Брабанта, никогда не использовали этого права.

[2] Нас здесь не интересуют займы, заключавшиеся испанским правительством, чтобы предоставить для содержания армии суммы, достигавшие

Положение несколько смягчали некоторые другие приемы, как например раздача многим землям сеньериальных прав и все учащавшиеся пожалования дворянских званий. Иногда прибегали даже к продаже должностей, но этот обычай, формально запрещенный «Joyeuse-Entrée», вызывал всегда решительные протесты, и на него решались лишь изредка [1].

Более действительным средством для смягчения постоянной нужды государственной казны в деньгах служили «лицензии». Введение их восходит к временам наместничества герцога Альбы. Убедившись в невозможности окончательно запретить торговлю с мятежными провинциями, герцог ввел пошлину, уплачивавшуюся при вывозе и ввозе товаров. Голландцы с своей стороны тотчас же воспользовались этим мероприятием. Оно было сначала временным, но благодаря длительности войны стало постоянным. Его можно считать началом таможенной системы как в Соединенных провинциях, так и в католических Нидерландах. В 1622 г. ежегодную общую сумму «лицензий» оценивали в 500 или 600 тыс. флоринов [2]. Впрочем, в течение долгого времени на них смотрели как на простое дополнение к налоговым средствам. Они были уничтожены после Мюнстерского мира, но так как голландцы сохранили их, то их вскоре пришлось восстановить, и с тех пор их стали постепенно превращать в орудие покровительственной таможенной системы [3].

Если учесть все обстоятельства, то всякого рода налоги, уплачивавшиеся Бельгией в течение первой половины XVII в., совсем не были так обременительны, как это может показаться с первого взгляда. Бухгалтерские книги главной кассы финансового ведомства свидетельствуют о том, что ежегодные доходы государственной казны очень редко достигали цифры в 5 млн. флоринов: как правило, они не превышали

довольно регулярно 3 млн. экю в год. С конца XVI в. подлинным банком испанских королей была генуэзская биржа. Антверпенская биржа служила лишь для учета векселей, присланных из Мадрида. *H. Lonchay*, Etude sur les emprunts des souverains belges au XVI et au XVII siècle, «Bulletin de l'Académie Royale de Belgique», Classe des Lettres, 1907, p. 923 etc.

[1] Продажа должностей была формально запрещена указами 1626 и 1649 гг. «Placcaeten van Brabant», t. I, p. 522, t. IV, p. 165. В 1658 г. Большой мехельнский совет осудил ее, как злоупотребление, которое обнаруживает тенденцию укорениться. *A. Gaillard*, Mémoriaux du Grand Conseil, t. II, p. 108; *F. de Potter*, Petit Cartulaire de Gand, p. 250.

[2] Городская булонская библиотека, манускрипт № 167, лист 159.

[3] До 1648 г. не раз пытались уничтожить их, но их приходилось все время восстанавливать как потому, что голландцы сохраняли их, так и потому, что штаты отказывались компенсировать ущерб, наносившийся государству их уничтожением. Впрочем, обход их был постоянным явлением; ср. «Considérations sur le gouvernement des Pays-Bas», t. III, p 138; *V. Gaillard*, Archives du Conseil de Flandre, p. 363.

3 млн. флоринов и держались на этом уровне в течение всех 12 лет перемирия. И тем не менее, за исключением этих 12 лет, финансовое положение было плачевным. Имевшихся в распоряжении правительства денежных средств почти никогда нехватало на покрытие его расходов. Так как выплата пенсий и «наград» ввиду полнейшего исчерпания коронных имуществ производилась за счет регулярных налогов, то они совершенно теряли свое первоначальное назначение. Далее, авансы, дававшиеся государственной казной кассе «exercito», делали невозможной правильную отчетность. Словом, налицо был финансовый хаос, жили со дня на день, предоставляя долгам расти и с тревогой ожидая, когда получатся денежные средства из Испании. Напрасно генеральные штаты 1600 г. добивались контроля над использованием налогов. Правительство не только продолжало тратить их по своему усмотрению, но из средств, взимавшихся со всей страны во время войны, ничего не попадало в пользу народа. Регулярные и чрезвычайные налоги, лицензии и всякого рода доходы одинаково уходили в бездонную пропасть военных расходов.

II

«Генеральные штаты пагубны во всякое время и во всех без исключения монархических странах»[1], — это заявление Филиппа IV может считаться политическим принципом, определявшим со времени возвращения Бельгии под власть Испании все поведение брюссельского правительства. Опыт, проделанный в 1600 г. эрцгерцогской четой, слишком плохо удался, чтобы пытаться возобновить его. Нельзя считать заседанием генеральных штатов собрание делегатов провинций, созванное в 1619 г. для изыскания способов погашения займов, заключенных в Англии во время восстания против Филиппа II[2]. И только исключительные обстоятельства заставили Изабеллу в 1632 г. еще раз прибегнуть к осужденному учреждению, которое она к тому же решила обречь на полнейшее бессилие[3].

Но если генеральные штаты исчезли, то провинциальные штаты продолжали существовать. Абсолютизм удовольствовался завоеванием центрального аппарата. Эрцгерцогская чета соблюдала присягу, принесенную ею каждой провинции,

[1] *Waddington*, La République des Provinces-Unies..., t. I, p. 182. О политических взглядах на генеральные штаты в XVII в. см. *V. Brants*, Albert et Isabelle, p. 46 etc.

[2] См. выше, стр. 364, прим. 1.

[3] См. выше, стр. 366—367.

и уважала их обычные права и привилегии, а после нее испанские короли поручали наместникам приносить от их имени ту же присягу, и они также собюдали ее[1].

Впрочем, автономия провинций во всей своей полноте сохранилась только в Брабанте. Действительно, из всех бельгийских территорий только один Брабант имел писаную конституцию — «Joyeuse-Entrée». Только в одном Брабанте права государя были строго отграничены от прав страны. Таким образом, нужен был бы настоящий переворот, чтобы уничтожить гарантии, торжественно подтверждавшиеся в начале каждого нового правления клятвой монарха, и даже сами легисты вынуждены были, к большому своему прискорбию, считаться с подобным ненормальным положением, столь противоречившим их взглядам на государство. Когда нунций Бономи в 1613 г. определил политический строй Нидерландов как сочетание монархических, аристократических и демократических принципов управления, он ошибочно распространил на всю страну наблюдение, относившееся лишь к брабантским учреждениям, с которыми ему только и удалось познакомиться.

Чтобы избавиться от опасности централизации, брабантцы делали вид, будто видят в короле лишь своего наследственного герцога. Брабантский совет непрерывно протестовал против вмешательства тайного совета в его дела[2]. Канцлер Брабанта сохранял за собой право скреплять своей подписью указы, относившиеся к герцогству. Наконец провинциальные штаты позволяли себе резко критиковать каждое требование налогов и настаивали, как и во время революции, что налоги и субсидии должны взиматься их собственными чиновниками и что они не должны давать в этом никакого отчета; «так что, — заявляла брюссельская счетная палата в 1625 г., — начиная с указанного времени верховная власть была разделена между государем и штатами, что являлось совершенно неслыханной и никогда не применявшейся вещью в государстве суверенного монарха»[3]. В глазах чистых монархистов провинциальные брабантские штаты

---

[1] Когда в 1632 г. Мария Медичи велела арестовать без суда одного из своих придворных и отказалась выпустить его на свободу, генеральные штаты заявили ей, что «даже король, если бы он находился в этой стране, не мог бы, считаясь с присягой, поступить подобным образом». *Henrard*, Marie de Médicis, p. 288.

[2] *A. Gaillard*, Le Conseil de Brabant, t. I, p. 133.

[3] *Gachard*, Inventaire des Archives des Chambres des Comptes, t. III, Bruxelles 1861, p. VI.

были «организацией, в которой не было никакого порядка, а царила путаница злоупотребления и заблуждения» [1].

Главная причина этих «заблуждений» заключалась в муниципальном устройстве брабантских городов и в частности Брюсселя. Подобно льежским цехам брюссельские «нации» также сохранили за собой право одобрения налогов. И так как они остались верными средневековой традиции и признавали законным лишь единодушно принятое решение, то достаточно было отказа одной из них, для того чтобы парализовать деятельность провинциальных штатов. Но в то время как в Льеже военная слабость епископа заставляла его мириться с этими притязаниями, в Брюсселе государь был слишком силен, чтобы уступать им. Правда, в большинстве случаев он обнаруживал терпение и соглашался вступать в переговоры [2]. Но иногда ему приходилось давать им предостерегающие уроки. Так было например в 1619 г., когда сопротивление «наций» Брюсселя взиманию налогов истощило в конце концов терпение эрцгерцога. Испанским войскам дан был тогда приказ итти на город, и этого оказалось достаточно, чтобы добиться требуемого согласия и положить конец этой «бараньей войне», этой почти комической пародии на прежние городские восстания, настолько значительна была теперь разница между военной силой государя и силами городов. [3]

Генегау тоже сохранил довольно значительную независимость. Здесь была широко представлена высшая знать, и потому с ней необходимо было обращаться бережно. «Великий бальи», всегда избиравшийся из ее среды, из чувства чести противился «умалению» прав, связанных с его долж-

---

[1] «Bref mémoire sur la forme du gouvernement des provinces obéissantes des Pays-Bas». Французский манускрипт № 12118 в Национальной парижской библиотеке.

[2] См. любопытный пример у *Brants*, Une page de l'histoire de l'impôt dans les Pays-Bas au XVII siècle, «Mélanges G. Kurth», t. I, p. 317. Однако государь утверждал, что неодобрение «наций» не может помешать принятию налогов, и он формально сохранял за собой, в случае отказа с их стороны, право взимания налогов в размерах, принятых в прежнее время, для общего блага страны». Лувенский городской архив, собрание Cuypers, VII. 6 etc.

[3] Об этом инциденте, значение которого было сильно преувеличено, см. *Henne et Wauters*, Histoire de Bruxelles, t. II, p. 24 etc.; *Gachard*, Documents inédits concernant les troubles de la Belgique sous le règne de l'empereur Charles VI, t. I, Bruxelles 1838; «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 3-ème série, t. IV, 1863, p. 555; *L. Galesloot*, Troubles de Bruxelles en 1619, Bruxelles 1868. Название «бараньи война» («guerre du gigot») происходит от народного обозначения монеты, в которой брюссельские эшевены взимали налог с каждого котла пива, к моменту беспорядков.

ностью, со стороны центрального правительства [1]. «Законы» графства, обновлявшиеся им без участия государя, не всегда проникнуты были тем духом послушания, как это желательно было бы Брюсселю. Ввиду множества жалоб пришлось отказаться от реформы суда Генегау, предписанной в 1611 г. Третье сословие, представленное в провинциальных штатах городским управлением Монса, тоже нередко обнаруживало склонность к сопротивлению. Этому положен был конец путем изменения в 1624 г. традиционного способа его пополнения, который, по мнению правительства, был слишком благоприятен для демократических элементов [2].

Все остальные провинции обнаруживали величайшую уступчивость по отношению к монарху, и их автономию всегда нетрудно было обуздать. Во Фландрию, самую крупную из них, старались вообще не назначать никакого штатгальтера, а во главе ее управления ставился председатель фландрского совета. Лимбург, Люксембург, Артуа, графство Намюрское, валлонская Фландрия и Гельдерн сохранили своих правителей. Но их полномочия были сильно ограничены, и они лишены были всякой военной власти. Комендантам крепостей были полностью изъяты из-под их власти и зависели только от командующих армией. Наконец за ними строго следили судебные советы, назначавшиеся центральным правительством. В 1604 г. граф Берлемон, являвшийся правителем Люксембурга, получил инструкции, на основании которых ему предписывалось запрашивать во всех важнейших случаях мнения членов провинциального совета, «исходя из того, что они являются нашими советниками и министрами, а не вашими» [3].

Что касается третьего сословия, то его законопослушность была обеспечена благодаря составу городских управлений, избиравшихся под контролем правительства из высших слоев городского населения. Муниципальное устройство почти везде покоилось на принципах «конституции Карла» 1540 г. Даже сами гентцы так основательно забыли о своих «привилегиях», что воздвигли на Пятницком рынке памятник Карлу V. Некоторые пережитки старой городской демократии остались

[1] «Bref mémoire»..., p. 403, прим. 1. О независимости великого бальи начиная с XVI в. см *A. Walther*, Die Anfänge Karls V, Leipzig 1911, p. 4. Правительство пыталось в 1613 г. ограничить независимость великого бальи, и в 1625 г. стоял вопрос об уничтожении его должности. *V. Brants*, Albert et Isabelle, p. 79, 80.

[2] «Gouvernement du pays d'Hainaut depuis le trépas de l'archiduc Albert», Mons 1835, p. 19 etc.

[3] *V. Brants*, Albert et Isabelle, p. 79; *E. Poullet*, Les gouverneurs de province, «Bulletin de l'Académie royale de Belgique», 1873, t. XXXV, p. 362 etc.

лишь у «наций» брабантских городов; от старых общинных вольностей осталось лишь то, что не внушало недоверия правительству. Цехи превратились лишь в промышленные корпорации, лишенные всякого права на вмешательство в политические дела и в особенности всяких военных полномочий. Право носить оружие имели лишь «военные братства» и городские части, избиравшиеся из среды состоятельных слоев городского населения. Эти состоятельные граждане тщательно заботились о том, чтобы не тревожить центральную власть, обеспечивавшую им их социальное положение. Поэтому тайный совет не преминул воспользоваться их настроениями, чтобы еще более усилить вмешательство государя в городское управление. В 1592 г. он заявил, что бальи Гента впредь должен пользоваться первым голосом в коллегии городского управления и может появляться в ней по всякому поводу, так что он должен составлять вместе с эшевенами «единую и цельную организацию, задачей которой является служение богу и его величеству и забота о благе и спокойствии названного города» [1].

Но если король обеспечил себе в провинциальных штатах повиновение третьего сословия, то тем более оно было ему обеспечено со стороны остальных двух сословий — духовенства и дворянства. Действительно, ведь он назначал членов первого и держал в своих руках дворянство путем приманки — раздачи должностей и титулов. Со стороны штатов часто раздавались жалобы, еще чаще они затевали споры по поводу требовавшихся от них налогов, но нельзя было бы привести ни одного примера конфликта между ними и центральной властью. Фландрский советник Марк Гертог был совершенно прав, утверждая в 1598 г., что они состояли из одних лишь «креатур и благонадежных подданных его величества, которые дали полнейшее доказательство своей преданности и у которых нельзя заподозрить никакой задней мысли, что они сделают или предложат что-нибудь, противоречащее служению богу и его величеству или общему благу» [2]. Впрочем, их послушание было залогом автономии, которой они пользовались. Государь неминуемо отнял бы ее у них, если бы они превратили ее в оружие против него, так что умеренность монархического строя в католических Нидерландах объяснялась умеренностью, проявлявшейся народом при использовании своих политических прав.

---

[1] «Placcaeten van Vlaenderen», t. III, p. 252.
[2] V. *Brants*, Albert et Isabelle, p. 51.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

I

На медали, выбитой в 1587 г., поразительно ярко передано изображение экономического положения Нидерландов так, как оно должно было представляться тогда ревностным кальвинистам [1]. Вокруг эмблем, символизирующих на ее лицевой стороне нищету католических районов, а на оборотной стороне благосостояние протестантских территорий, сделана двойная надпись, объявляющая первую наказанием, возложенным богом на нечестивых, а второе — наградой тем, кто остался верен ему. И действительно, к тому времени, когда Фарнезе завоевал для католической церкви Фландрию и Брабант, обе эти территории, опустошенные годами войны, являли зрелище такого полнейшего запустения, что это напоминало протестантам Соединенных провинций об ужасных бедствиях, которые Иегова, согласно ветхому завету, ниспослал на своих врагов.

На севере плотины были разрушены и морские воды вновь затопили польдеры, которые таким тяжким трудом в течение многих веков были отвоеваны у моря [2]. От портов Гоуке и Моникереде на берегах Звина в 1594 г. остались одни лишь развалины [3]. Внутри Фландрии множество заброшенных и одичавших полей поросли мхом и диким кустарником. Гентский летописец Ян ван ден Вивере рассказывает, что в 1585 г. нельзя было решиться отойти на расстояние мили от города, не рискуя подвергнуться нападению волков [4], и еще через 15 лет множество волчьих стай бродило в Фюрн-

---

[1] *G. van Loon*, Histoire métallique des XVII provinces des Pays-Bas, t. I, La Haye 1732, p. 379.

[2] *R. Blanchard*, La Flandre, Dunkerque.... 1906, p. 188.

[3] «Inventaire des Archives des Chambres des Comptes», t. V, p. 80.

[4] «Chronijcke van Gent», p. 375.

ском кастелянстве [1]. Шайки грабителей опустошали деревни, и дело дошло до того, что в 1589 г. пришлось издать приказ о том, чтобы вырубить все деревья на протяжении семисот футов вдоль дорог и рек, так как они являлись убежищем для воров и убийц [2]. Набеги голландского гарнизона из Остенде на деревни окончательно лишали их всякой безопасности. В 1604 г. фландрские провинциальные штаты писали, что «притеснения, взяточничество, непорядки и обирание бедных крестьян так велики и чрезмерны, что стон стоит и вопли о мщении возносятся к богу; они в полном отчаянии как от того, что этому не видно конца, так и от слишком мягких наказаний, которые налагаются за эти преступления» [3]. Даже в районе Гента едва ли десятая часть полей была засеяна, и в 1592 г. каждому разрешалось возделывать для себя земли, оставленные их собственниками [4].

Не лучше было положение в Брабанте. Произведенное в конце XVI в. обследование дает нам очень плачевные сведения об опустошенности страны [5]. За 20 лет число домов в Люббеке уменьшилось с 86 до 45, в Тильт-Нотр-Даме — со 177 до 39, в Гахте со 120 до 77, в Моленбеке, около Сихема, с 58 до 24, в Меерхоуте с 204 до 104 в Гауварте с 89 до 17, в Ракоуре с 52 до 19, в Дормале с 73 до 42, в Линдене с 90 до 48, в Веземале с 94 до 17 и т. д. В Линдене мэр утверждал, что деревни вообще больше не существуют, так как дома сожжены были солдатами лувенского гарнизона. В очень многих местах большинство жителей бежало или погибло от голода. Чиновники, производившие обследование, констатировали почти повсюду, что луга затоплены, заводы и мельницы разрушены, а стада истреблены. Сдававшиеся в аренду фермы не находили арендаторов, и во многих местах поля возделывались лишь беженцами, явившимися из Кампина, ибо в этой пограничной области, через которую непрерывно проходили войска, запустение было еще большим. Голландские мародеры (vrij buiters) грабили страну, и, чтобы избавиться от грабежей, жители вынуждены были платить контрибуции неприятельской армии. К этому надо прибавить поборы, взимавшиеся с них со времени смерти Фарнезе испанскими или итальянскими мятежниками, засевшими в Тирлемоне и Сихеме.

---

[1] *Gilliodts—van Severen*, Coutumes de Furnes, t. III, Bruxelles 1897, p. 418.

[2] *F. van der Haegen*, Bibliographie gantoise, t. I p. 244.

[3] Переписка фландрских провинциальных штатов, № 540, в Гентском государственном архиве.

[4] *F. van der Haeghen*, op. cit., p. 250.

[5] Знакомством с этим документом, находящимся в Лувенском городском архиве, я обязан директору архива, г-ну Кювелье.

В городах нужда была так же велика, как и в деревне. В Граммоне в 1581 г. осталась лишь четверть домов, и пять шестых населения эмигрировало[1]. В Жамблу в 1594 г. внутри черты города осталось лишь 70 населенных домов из 170, а в предместьях 26 из 157. Нужда была здесь так велика, что пришлось продать колокола и заложить даже дароносицу из приходской церкви[2]. Вздорожание предметов питания и прекращение всяких работ довели страдания бедных слоев населения до последних пределов. Ван ден Вивере ярко описывает нам, как в Генте бедняки питались несъедобными вещами, рылись в мусорных ямах, разыскивая какие-нибудь остатки пищи, и ели рыбные отбросы, выброшенные на свалочные места[3]. В городах, где стояли гарнизоны, плохо оплачивавшиеся солдаты жили на счет населения, реквизировали продукты и в зимнюю пору отапливали свои помещения мебелью и даже балками покинутых домов[4].

Валлонские провинции, которых не коснулась война, испытали на себе лишь косвенное влияние бедствий, постигших Фландрию и Брабант. Эмиграция протестантов, покинувших после победы католицизма Валансьен, Лилль, Аррас, Армантьер и переселившихся на север, разумеется, нанесла чувствительный удар их промышленности. Кроме того они жестоко страдали от расстройства антверпенского рынка и закрытия Шельды. Но все же они продолжали пользоваться относительным благосостоянием. Вмешательство Филиппа II в дела Франции в 1592 г. заставило и их испытать на себе бедствия от потоков проходящих армий и военных бунтов. Но Вервенский мир (1598 г.) вернул им вскоре спокойствие, которое в течение 40 лет не было ни разу серьезно нарушено.

Шесть лет спустя взятие Остенде дало некоторую возможность вздохнуть также и Фландрии. Враг был изгнан из твердыни, которую он занимал так долго и из которой он терроризировал графство своими разбойничьими набегами и непрерывными угрозами нашествия в самое сердце страны. Правда, четырехлетнее пребывание во Фландрии осадной армии принесло ей новые опустошения. Но Спинола использовал свою победу для того, чтобы направить свои действия на отдаленный район Исселя. В связи с этим графство перестало служить полем битвы до периода войн с Францией; в течение последующих лет воюющие стороны ограничивались тем, что брали и отнимали назад небольшие укреплен-

[1] *A. de Portemont*, Recherches sur la ville de Grammont, t. I, Gand 1870, p. 130.

[2] Ср. цит. выше документ, в Лувенском городском архиве, стр. 490, прим. 5.

[3] «Chronijcke van Gent», p. 374.

[4] *Piot*, Correspondance de Granvelle, t. VII, p. 298.

ные пункты по соседству с Шельдой, в области «Четырех ремесел» и в Ваасской области.

Тем не менее к моменту заключения 12-летнего перемирия (1609 г.) южные провинции являли собой еще очень печальное зрелище. Англичанин Овербюри, проезжавший по ним в это время, пишет, что когда он проехал Лилло, то нашел «опустошенную страну с отчаявшимся населением, которое в большей степени было недовольно своим собственным правительством, чем ожесточено было против врага, разоренное дворянство и купечество, и крестьян, обрабатывавших свои поля только для своего прокормления, без надежды улучшить свое положение, полуразрушенные города, словом, всеобщую нужду, несмотря на то, что налоги были здесь гораздо менее обременительны, чем в Соединенных провинциях» [1].

Годы спокойствия, наступившие благодаря перемирию, были энергично использованы для восстановления хозяйственной жизни страны. Но как ни осязательны были результаты, которыми увенчались труды населения и деятельность правительства, однако Бельгия не могла больше надеяться при тех условиях, в которых она находилась теперь, на возврат того удивительного благоденствия, светлое воспоминание о котором сохранилось еще в памяти стариков. Все же эти успехи свидетельствовали по крайней мере о том, что жизненная энергия народа сохранилась во всей ее силе. Это лучше всего доказывала та быстрота, с которой он взялся залечивать раны, нанесенные войной: снова возделывать поля, восстанавливать плотины, исправлять дороги и каналы, оживлять торговлю и искать новых рынков сбыта для своей промышленности. Было сделано все, что только возможно, и только в силу непоправимых обстоятельств, независимых от человеческой воли, страна не в состоянии была занять опять то место, которое она когда-то занимала в мировой экономике.

Во время закончившейся наконец войны Соединенные провинции благодаря своему военному флоту блокировали устье Шельды и прибрежные порты. Флиссинген, Миддельбург и Амстердам присвоили себе теперь торговые связи Антверпена. Этому городу, благосостояние которого было уже и без того подорвано, после завоевания его Фарнезе нанесен был смертельный удар. Иностранные банкирские дома, находившиеся здесь еще в 1584 г., поспешно переселились на

[1] *Th. Overbury*, Observations in his travels upon the state of the XVII Provinces as they stood anno 1609, the treaty of peace being then on foot, p. 9 (без места изд., 1626).

север или оказались обреченными на банкротство [1]. В 1609 г. в городе оставалось только два купца из Генуи, один из Лукки и ни одного из Флоренции; немногие сохранившие ему верность португальцы и англичане вскоре покинули его ради его счастливых соперников [2]. Для его оживления Фарнезе тщетно надеялся на поддержку Ганзы, которая сама клонилась к упадку [3]. Городские власти с своей стороны носились с безнадежным планом сделать его опять складочным местом английской суконной промышленности [4]. Но как можно было надеяться на успех теперь, когда закрытие Шельды превратило этот приморский город в «континентальный» [5]. Под сводами биржи, где некогда можно было слышать все европейские наречия, царила отпугивающая тишина; в 1648 г. сюда перенесена была библиотека города, а позднее фабрикантам разрешено было поместить здесь ткацкие станки для коврового ремесла [6]. К полуразрушенным набережным причаливали только голландские суда, чтобы выгрузить здесь зерно или нагрузить транспорты промышленных изделий, которые Бельгия, лишенная флота, не могла экспортировать сама. Соединенные провинции, закрывшие этот порт Шельды для всех остальных народов, позаботились о сохранении его для себя; он был отрезан ими от международных торговых связей, но остался центром их торговли с католическими Нидерландами.

Ничего подобного конечно не представляли себе в 1609 г. В договоре о перемирии провозглашалось просто, что между обеими частями Нидерландов восстанавливается полная свобода торговли и что население каждой из обеих частей будет пользоваться правами наибольшего благоприятствования. Но как можно было думать, что экспортеры Амстердама и моряки Зеландии добровольно согласятся как раз тогда, когда Испания вынуждена была капитулировать перед Соединенными провинциями, на отказ от драгоценных выгод, приобретенных ими благодаря войне? Восстановление свободной навигации по Шельде — разве это не равносильно было в действительности новому оживлению Антверпена к выгоде католического короля, возвращению в него купцов и фабрикантов, покинувших его и обосновавшихся на севере, и наконец со-

---

[1] *Gachard*, États Généraux de 1600, p. LVII.
[2] «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 2-ème séric, t. VIII, 1856, p. 310.
[3] Ibid., 5-ème série, t.-V, 1895, p. 65 etc.
[4] Ibid., 2-ème séric, t. VIII, 1856, p. 298.
[5] Ibid., p. 297.
[6] *F-J. van den Branden*, Geschiedenis der Stadsbibliotheek van Antwerpen, Antwerpen 1908, S. 21, 27.

зданию опасного конкурента для портов Нидерландской республики?[1] В действительности в течение 12-летнего перемирия Шельда оставалась так же плотно запертой, как это было и продолжалось в дальнейшем во время войны. Суда, направлявшиеся в Бельгию, должны были останавливаться в Зеландии и перегружать свои транспорты на внутренние суда, доставлявшие их к месту назначения. Связанных с этим задержек и лишних расходов достаточно было, чтобы помешать возрождению Антверпена. Окончание в 1621 г. перемирия вряд ли ухудшило положение, а когда согласно Мюнстерскому миру в 1648 г. провозглашено было окончательное закрытие Шельды, то этим было лишь официально закреплено то положение вещей, которое существовало все время с момента возвращения Антверпена под власть Филиппа II.

Таким образом причиной экономического упадка Бельгии, начиная с конца XVI века, было давление Соединенных провинций, а отнюдь не ослабление национальной энергии. Разумеется, во время религиозных смут множество ремесленников, капиталистов и деловых людей эмигрировало на север и значительно содействовало процветанию Голландии, достигшему таких размеров, которые вызывали в XVII в. удивление всего мира. Но последствий этой эмиграции отнюдь не следует преувеличивать. Как ни благодетельна была она для северных провинций, но она лишь ускорила, а не породила расцвет торговли и промышленности в них. Гвичардини изображает нам их в цветущем состоянии еще до начала внутренних беспорядков, и порт Амстердам не нуждался для своего развития в притоке антверпенских купцов. С другой стороны, Бельгия легко оправилась бы от последствий экономической эмиграции, если бы по окончании религиозных распрей она попрежнему являлась, как некогда, необычайно выгодным полем действий для людей, проникнутых предпринимательским духом. В непрерывно происходящей борьбе за богатство скорее всего захватываются незанятые еще места, при условии, что это хорошие места. Но именно те места, которые могли еще предложить католические провинции в конце XVI в., не в состоянии были никого соблазнить. Вернувшись опять под испанское иго, Бельгия потеряла возможность свободно распоряжаться протекавшими по ее территории реками

[1] В 1600 г. Франц ван Арсен добивался, чтобы французский король закрыл для католических провинций порт Кале, и тогда «эрцгерцог и эрцгерцогиня, лишившись подвоза предметов продовольствия, а их подданные торговых связей, вынуждены будут покупать продовольствие у нас и торговать с нами, платя нам ввозные пошлины» *J. Nouaillac*, Lettres inédites de François d'Aerssen, Paris 1908, p. 67.

и морем, омывавшим ее дюны. Несмотря на то, что она обладала превосходными естественными способами сообщения и торговли, она должна была отказаться от использования их. Успешная политика Соединенных провинций лишила ее всех преимуществ ее необычайно благоприятного географического положения, и хозяйственная энергия, направлявшаяся в течение столь продолжительного времени на нее, перенеслась теперь на Нидерландскую республику, так что католическим провинциям ничего больше не оставалось, как молча покориться своей участи.

Уже Рекезенс отлично понял, что для того чтобы справиться с Голландией, следовало подорвать основы ее существования, лишив ее доступа к морю, и эта мысль постоянно повторялась затем до середины XVII в. в отчетах и брошюрах, занимавшихся вопросом о положении южных Нидерландов [1]. Но Филипп II использовал свой флот лишь против Англии, и гибель непобедимой Армады нанесла испанскому флоту удар, лишивший Испанию надолго возможности решиться на какие-нибудь новые предприятия на севере. Правда, в царствование Филиппа III пытались по крайней мере непрерывно беспокоить торговые суда противника. Галеры, приведенные в Слейс Фредериком Спинолой, наносили серьезный ущерб судоходству Зеландии вплоть до взятия этого города Морицем Нассауским в 1604 г. Еще опаснее были в течение первой половины XVII в. дюнкирхенские пираты, являвшиеся кошмаром для судовладельцев и рыболовов Соединенных провинций. При этих условиях важнее всего было — и этого непрерывно требовала страна — создать военный флот, который способен был бы смело атаковать неприятеля и прорвать блокаду запертых им фландрских портов.

К несчастью у Испании совершенно не было таких колоссальных денежных средств, которые нужны были для осуществления подобного плана. Она ограничивалась изданием новых постановлений для адмиралтейства [2], но посылала ему всегда далеко недостаточно средств, значительная часть которых к тому же тайком тратилась на содержание сухопутной армии [3]. Вся морская сила Бельгии состояла из нескольких старых деревянных фрегатов, гнивших в доках Остенде и Дюнкирхена. Ни к чему была грамота, выданная в 1624 г. торговой фирме «Альмирантазго» и предусматривавшая создание эскадры для охраны торговли законопослушных про-

[1] «Considérations sur le gouvernement des Pays-Bas», t. III, p. 103 etc. Ср. проект создания флота в 1637 г., манускрипт № 12441—42 в Брюссельской королевской библиотеке.

[2] «Placcaeten van Vlaenderen», t. II, p. 346, 1590; p. 367, 1624.

[3] «Considérations sur le gouvernement des Pays-Bas», t. III, p. 114.

винций [1]. Напрасно генеральные штаты убеждали в 1632 г. Филиппа IV создать в Остенде Вест-индскую компанию, которая могла бы конкурировать с голландскими судами [2]; и наконец напрасно бельгийские министры и сочинители проектов неустанно направляли мадридскому двору более или менее практические предложения о создании фламандского торгового и военного флота. Не будучи в состоянии предпринять что бы то ни было, Испания пребывала в таком полнейшем бездействии, что вызывала обвинение в том, будто она не хочет допустить опять своих бельгийских подданных к морю [3]. Однако, когда возведенный в герцогское достоинство граф Оливарес реорганизовал испанский флот, монархия не колеблясь обратила его против Соединенных провинций. Но теперь было уже слишком поздно, чтобы она могла справиться с противником, которому она не внушала больше уважения, и поражение, понесенное ею в битве при дюнах (1639 г.), привело к окончательному утверждению голландского господства на Северном море. Если стоявшие на якорях в рейдах Остенде и Дюнкирхена военные суда Нидерландской республики не в состоянии были помешать фламандским каперским судам, искусно обходя отмели, смело выходить в открытое море, то все же их постоянное наблюдение за этими портами лишало последние всякой возможности вести регулярную торговлю, так что в конечном счете они оказались блокированными [4].

Будучи совершенно бессильным на море, правительство надеялось нанести чувствительный удар мятежным провинциям, заперев свои границы для их торговли. Уже герцог Альба прибегал к этому средству, и к нему неоднократно возвращались впоследствии, в частности в начале правления Альберта и Изабеллы. Но попытки эти всякий раз кончались одинаково неудачно [5], ибо борьба между Бельгией и Соединенными провинциями была неравной. Торговые сношения со всем миром позволяли Соединенным провинциям легко обходиться без одного из их рынков сбыта. Бельгия же, наоборот, не могла обходиться, не обрекая себя на голод, без зерна, покупавшегося ею у Нидерландской республики [6]. По-

---

[1] «Placcaeten van Brabant», t. III, p. 254.

[2] Gachard, Actes des États Généraux de 1632, t. II, p. 214, 230, 235, 239, 240, 247, 446; ср. «Considérations...», t. III, p. 131.

[3] «Considérations...», t. III, p. 106.

[4] Нидерландская республика держала постоянно 2 военных корабля перед Остенде, 3 — перед Ньюпортом и 18 — перед Дюнкирхеном. «Considérations...», t. III, p. 97.

[5] «Placcaeten van Brabant», t. I, p. 290, 308.

[6] Эрцгерцогиня Изабелла заявила об этом в 1606 г. См. *Rodriquez-Villa*, Correspondencia..., p. 157; ср. также *P. J. Blok*, Relazioni Veneziane, La Haye 1909, p. 190.

этому запрещения ввоза никогда не достигали цели. Герцог Альба вынужден был мириться с провозом товаров, облагая их оплатой «лицензий», которые сохранились и после него и которые надо считать началом таможенной системы в Бельгии.

Бельгийцам отлично известно было кроме того, что голландские и зеландские моряки свободно заходили в испанские порты, и это терпимое отношение к врагам причиняло им ущерб, на который они не переставали жаловаться. Их недовольство пытались смягчить в Мадриде проведением некоторых мероприятий в пользу их экспортной торговли на Пиренейском полуострове. Так, в 1603 г. им была обещана монополия на продажу всех их изделий [1], и в 1606 г. «veedor» Антонио де Хауреги был послан в Дюнкирхен для создания конторы по выдаче провозных свидетельств на товары местного производства, отправлявшиеся в Испанию с тем, чтобы их можно было отличить от голландских товаров [2]. Наконец, в 1624 г. решено было создать в Севилье под названием «Альмирантазго» своего рода привилегированную компанию, составленную из бельгийцев, проживавших в Испании и принадлежавших к торговому товариществу из Сент-Андрэ, в руках которой сосредоточена была бы торговля с законопослушными провинциями [3]. Компания, находившаяся под наблюдением королевского чиновника, должна была пользоваться правом взимать однопроцентный налог с ценности всех вывозившихся ею товаров и содержать для охраны своей торговли флот из 24 военных кораблей с экипажем в 6—7 тыс. чел. В 1628 г. возник даже план привлечь к этому предприятию Ганзу, но попытка эта не была впрочем осуществлена [4]. Вообще же Испания не проявляла никогда никакого интереса к хозяйственному возрождению католических Нидерландов. В то время как Испания вынуждена была предоставить голландцам вести торговые сношения с Ост- и Вест-Индией, она лишь в 1640 г. сняла запрет торговать с ними, введенный для бельгийцев, и эта уступка, сделанная так поздно и при подобных обстоятельствах, могла с полным правом сойти скорее за насмешку [5].

---

[1] *V. Brants*, Ordonnances..., t. I, p. 203.

[2] Ibid., p. 280; ср. аналогичные мероприятия в 1632 г. «Placcaeten van Brabant», Bd. I, S. 322.

[3] См. выше, стр. 495; ср. также *M. Huisman*, La Compagnie d'Ostende, Bruxelles 1902, p. 13.

[4] Я заимствую эти подробности из документов, любезно сообщенных мне г-ном Р. Генке, который в ближайшее время опубликует их.

[5] «Placcaeten van Brabant», t. I, p. 322.

II

Можно удивляться тому, что при этих крайне неблагоприятных обстоятельствах промышленность Бельгии не была совершенно уничтожена в конце XVI в. Как только в провинциях водворилось спокойствие, бельгийская промышленность подобно сильному и цепкому растению, прибитому бурей к земле, но не вырванному с корнем, снова оправилась, нашла в своей собственной земле источники новой силы и еще раз совершенно неожиданно пережила период блестящего расцвета. В течение всей первой половины XVII в. она играла в общем значительную роль в экономической жизни Европы. 12-летнее перемирие позволило стране опять притти в себя, снова приняться за работу и восстановить в несколько лет потери, причиненные во время смут и гражданской войны.

Если этого процветания Бельгии совершенно нельзя было сравнить с благоденствием, пережитым ею полвека назад, если оно казалось очень незначительным по сравнению с необычайным торговым расцветом в Соединенных провинциях, то тем не менее оно было по сравнению с разорением в конце XVI в. в высшей степени утешительным явлением. Оно продержалось даже в течение нескольких лет после окончания перемирия, и лишь со времени вторжений французов, которым Бельгия подверглась начиная с середины XVII в., она опять подпала под действие кризиса.

Нетрудно указать причины этого нового экономического подъема в период правления эрцгерцогской четы; это были прежде всего многовековая привычка населения к промышленному труду, дешевизна рабочих рук, естественные богатства страны (уголь и железо в валлонских областях, лен во Фландрии), отсутствие таможенных границ между различными провинциями, которые, несмотря на их местный сепаратизм, составляли в торговом отношении единое экономическое целое, и наконец старания, прилагавшиеся центральным правительством, помочь городам и провинциям в восстановлении промышленности. Возобновление враждебных действий с 1621 г. не повлекло за собой роковых последствий, которых можно было бы ожидать. Военные действия в общем били лишь по интересам пограничных областей северной Фландрии и Брабанта, в связи с чем они, чтобы избавиться от грабежей со стороны неприятеля, обязывались добровольно выплачивать ему контрибуции, позволявшие им жить в относительной безопасности. Надо кроме того принять во внимание, что с 1620 г. солдатские бунты почти совершенно прекратились и что предпринятая к этому времени либо за счет городов, либо за счет правительства постройка казарм поло-

жила конец злоупотреблениям и всякого рода беспорядкам, вызывавшимся до этого расквартировыванием войск.

Кроме того следует еще раз подчеркнуть, что валлонские провинции, лишь слегка задетые волнениями XVI в., избегли также и ужасного кризиса, порожденного во Фландрии и в Брабанте господством кальвинистов и походами Александра Фарнезе. Несмотря на эмиграцию множества рабочих во время католической реакции в 1579 г., в Валансьене, в области Турнэ, в кастелянстве Лилля, в Армантьере и в Гондскоте продолжалось производство шерстяных изделий. выделка шерстяной пряжи и производство легких сукон. Шерсть, которую нельзя было больше привозить из Брюгге или Антверпена пока эти города находились в руках мятежников, доставали из Руана. Филипп II сделал даже Сент-Омер складочным местом для шерсти в период внутренних волнений [1]. Лилль переживал в это время необычайный расцвет. Поэма, написанная в 1597 г., прославляла его богатства и оживленную деятельность и называла его «маленьким Антверпеном» [2]. Словом, валлонские области продолжали быть и в самые плохие времена XVI в. рассадником ремесленников, купцов и капиталистов, значительно содействовавших после отвоевания фламандских провинций оживлению в них промышленности. Мы видим действительно, что в начале XVII в. северные города привлекали под свои стены валлонских рабочих и предпринимателей [3].

Однако не следует преувеличивать влияния, оказанного южными провинциями на их соседей. В действительности, как только взятие Антверпена Александром Фарнезе положило конец религиозным войнам, различные отрасли промышленности начали опять процветать в тех самых местах, где они развивались в течение XVI в. Во фламандских деревнях снова широко развилось льноткачество. В Антверпене возродилась красильная промышленность. Оденард и Брюссель вернулись опять к выделке ковров, Мехельн — к литью меди, множество городов к выделке лент, тисненых кож и изготовлению игрушек. В Генегау, в графстве Намюрском и Люксембурге под благотворным влиянием общего экономического подъема стали быстро развиваться добыча угля, литье железа и обработка металлических изделий. В течение XVII в. некоторые отрасли промышленности, развитие которых только

---

[1] *Gilliodts — Van Severen*, Cartulaire du Consulat d'Espagne, Bruges, 1902, p. 526.

[2] «Annales de la Société d'Émulation pour l'étude de l'histoire de la Flandre», 2-ème série, t. XII, 1862—1863, p. 41—57.

[3] *Van den Branden*, Geschiedenis der Stadtsbibliotheek van Antwerpen, p. 20.

началось в предыдущем столетии, достигли необычайных успехов. Так было например с производством шелковых тканей, начавшимся в Антверпене и доставившим здесь работу сотням ремесленников, и в особенности с кружевной промышленностью, успехи которой со времени правления эрцгерцогской четы росли с каждый годом и изделия которой явились одним из главных предметов экспорта страны.

Взятая в целом бельгийская промышленность XVII в. является продолжением, можно даже сказать, восстановлением промышленности XVI в. Отсюда, естественно, следует, что она отличалась теми же характерными особенностями, что и последняя. Действительно, подобно ей, она развивалась под эгидой капитализма. Она держалась лишь благодаря оптовым торговцам, которые экспортировали ее изделия и без которых она не могла бы существовать. Разумеется, экономический партикуляризм не исчез. Города отнюдь не отказались от устаревших средневековых традиций. С ревнивой заботливостью они сохраняли свои цеховые организации, зорко следили за соблюдением своих промышленных монополий и старались оградить их от внешней конкуренции. В некоторых городах наблюдалось даже усиление протекционистских тенденций. Так например в Антверпене маклеры и грузчики, профессии которых были легко доступны всем в достославные годы XVI в., объединились, как только порт пришел в упадок, в привилегированные организации [1]. Разумеется, каждый город заботился лишь об интересах своих граждан. Местные власти неспособны были понять, что общее благосостояние народа неминуемо должно было оказывать влияние на благосостояние каждого из его членов. Узколобые консерваторы, они видели единственное спасение в установленном порядке, внушали себе, что «всякое новшество всегда ненавистно» [2], что оно может служить в ущерб общему благу лишь для обогащения некоторых отдельных лиц, и упорно держались за устаревший протекционизм. Их идеалом было сохранение того класса независимых ремесленников, на котором покоилось некогда могущество средневековых городов. Но они не могли или не хотели видеть, что их поведение было в конечном счете во вред городскому населению. Действительно, в результате этого в местных отраслях промышленности несколько десятков ремесленников-мастеров

---

[1] *E. Dilis*, Les courtiers anversois sous l'Ancien Régime, «Annales de l'Académie d'archéologie de Belgique», 1910, p. 334 etc.

[2] Слова гентского городского управления, обращенные к тайному совету, направившему ему на рассмотрение в 1637 г. проект организации общественных перевозок пассажиров и товарных грузов. *F. de Potter*, Petit Cartulaire de Gand, p. 222.

брали по своему усмотрению непомерные цены со всей массы городских потребителей благодаря монополии, которой они пользовались; наоборот, в отраслях промышленности, работавших на вывоз, занятые в них ремесленники, несмотря на препятствия, чинившиеся свободе производства, влачили самое жалкое существование, так как они не в состоянии были избавиться от власти купца, «который распоряжается, закупает товары и заключает сделки» [1].

Впрочем, корпоративный дух совершенно исчез у цехов, столь заботливо охранявшихся городскими властями. Хотя они и продолжали из чувства чести и из преданности старинным традициям иметь для каждого цеха свой «дом» и особую часовню в какой-нибудь церкви, но у них нельзя было встретить уже больше тех чувств товарищества и солидарности, которые составляли их силу в средние века. Между мастерами и подмастерьями произошло резкое и окончательное размежевание. Первые, сделавшись фактически наследственными по своему положению, полностью захватили в свои руки руководство цехами, подмастерья же составляли класс наемных рабочих, правда, до некоторой степени слабо защищенных от конкуренции иностранных рабочих, но строго подчиненных власти мастеров, у которых они работали. В действительности они не пользовались больше никакими правами в цеховой организации, выступавшей по отношению к ним в роли союза работодателей. Они не только не принимали никакого участия в заседаниях цеха, но не получали ничего из остатков прежних благотворительных учреждений, выгодами которых пользовались лишь мастера и их ученики [2]. Обучение должны были проходить только будущие мастера; связанные с этим расходы делали его недоступным для простых рабочих. Последние, почти всегда работая в мастерских с детства [3], получали просто свою выучку на практике. Их роль сведена была к роли простых орудий труда, и общественные власти помогали мастерам-ремесленникам устранять всякие совместные выступления и всякое единение между отдельными подмастерьями. Стачка считалась преступлением, и если рабочим удавалось где-либо создать союз подмастерьев, то это происходило без ведома властей

---

[1] *M. Vanhaeck*, Histoire de la sayetterie à Lille, t. I, Lille 1910, p. 110.
[2] Ibid., t. I, p. 189.
[3] Нередко можно было встретить работающих 6-летних детей. «Bulletin d'études de la province de Cambrai», 1910, p. 276; ср. *Vanhaeck*, op. cit. t. I, p. 40.

и в окружении глубокой тайны, придававшей их объединению характер тайного общества [1].

Таким образом цеховой строй выгоден был только меньшинству мелких хозяйчиков, которым он приносил в жертву как интересы массы потребителей, так и рабочего класса. Защита, которой пользовались эти привилегированные люди, лишь усиливала их дух исключительности. Между различными цехами велись нескончаемые споры о значении и размерах их взаимных привилегий, так что необходимо было постоянное вмешательство городских властей для примирения их путем «соглашений» и «компромиссов». Дело доходило иногда до того, что заинтересованные стороны отказывались признавать распоряжения властей, и тогда был только один способ заставить их повиноваться, а именно та угроза, к которой вынуждены были, например, прибегнуть брюссельские эшевены в 1647 г. по отношению к пивоварам, объявив, что они разрешат всякому свободно заниматься данной профессией [2]. Подобные способы в достаточной мере доказывали всю непрочность строя, державшегося лишь благодаря привилегиям, и тем не менее власть традиции была так сильна, что даже само центральное правительство неукоснительно выступало в ее пользу. Конечно, оно делало это не с целью усиления ее, но во всяком случае оно не решалось отнять у цехов преимуществ, которые они считали своими благоприобретенными правами. Как ни велики были для общественного блага невыгоды, вытекавшие отсюда, но правительство все же признало Гент ссыпным пунктом для зерна [3], а в 1590 г. опять сделало Брюгге складочным местом для шерсти, заставив таким образом занимавшиеся производством сукон районы южной Фландрии обеспечивать себя сырьем ценой ненужных и дорогих накладных расходов по перевозке [4]. Оно утверждало также патенты многих цехов. При случае оно запрещало в интересах цехов применение механических процессов, невыгодных для ручного труда. В 1664 г. оно запретило по просьбе позументщиков Брюсселя, Антверпена и Гента применение новых ткацких станков, благодаря которым один рабочий мог выполнять в день работу 16 человек [5].

---

[1] *G. des Marez*, Le compagnonnage des chapeliers bruxellois, Bruxelles, 1909.

[2] *Henne* et *Wauters*, Histoire de Bruxelles, t. II, p. 65.

[3] *G. Bigwood*, Gand et la circulation des grains en Flandre, «Vierteljahrschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte», 1906, p. 457.

[4] *Gilliodts-Van Severen*, Cartulaire du consulat d'Espagne, p. 535, 550. О последствиях см. его же Cartulaire de l'Estaple de Bruges, t, III, Bruges 1905, p. 581.

[5] «Placcaeten van Brabant», t. IV, S. 146.

При этих условиях вряд ли нужно указывать еще особо, что привилегированные ремесленники крупных городов принимали крайне незначительное участие в экономической жизни, резко несоответствовавшее тем заботам, которыми их окружали. Хотя им удалось сохранить за собой монополию на те отрасли промышленности, которые предназначались для удовлетворения потребностей внутреннего рынка, но зато они были в стороне от огромной промышленности, работавшей на экспорт. Городское производство сукон окончательно прекратилось во Фландрии в течение первых лет XVII в. В 1613 г. оно настолько упало, что Гент уступил в это время помещение суконной биржи фехтовальному братству св. Михаила. Аналогичным образом, несмотря на признание их привилегий, были «окончательно разорены» в 1643 г. ковачи меди Динана, Бувина и Намюра [1]. Исключение из общего правила составляли лишь производства предметов роскоши — вроде выделки ковров в Брюсселе и шелковых тканей в Антверпене — или такая совсем особая отрасль промышленности, как литье пушек и колоколов в Мехельне [2]. Помимо их в XVII в. была лишь еще одна единственная отрасль внутренней промышленности, сохранившаяся при городском строе в подлинно цветущем состоянии, а именно производство легких шерстяных изделий в Лилле.

Подъем, начавшийся в XVI в. под влиянием капитализма и свободы торговли, прекратился в XVII в. Почти вся промышленная деятельность, свободному развитию которой мешали городской партикуляризм и протекционизм, широко распространилась в деревнях. Только здесь труд, освобожденный от цеховой регламентации, от опеки общественных властей, от ограничений производства, от традиционной рутины, мог сообразоваться с потребностями рынка, применяться к переменам вкуса и приспосабливать свои цены к требованиям момента. Здесь промышленная деятельность не стеснена была, как в городе, союзами близоруких мелких хозяйчиков, а находилась под руководством смелых предпринимателей-коммерсантов, вывозивших ее изделия во все европейские страны. Они проникнуты были чисто капиталистическим духом. Капиталист далеко не довольствовался, как городской ремесленник, продажей по наиболее высокой цене, он знал, что богатства составляются только «если продавать большие массы товаров по дешевым ценам» [3]. И тот и другой, разумеется, стре-

[1] «Placcaeten van Brabant», Bd. IV, S. 120.

[2] *G. van Doorslaer*, L'ancienne industrie du cuivre à Malines, Malines, 1910. Сохранение этой отрасли промышленности объясняется созданием в 1631 г. в этом городе королевского завода для литья пушек.

[3] «Considérations sur le gouvernement des Pays-Bas», t. III, p. 140.

мились к богатству. Но в то время как ремесленник пытался достигнуть этого, накапливая по копейкам прибыли, извлекаемые им из его небольшой мастерской, капиталист стремился добиться этого путем крупных операций, каждая из которых должна была давать ему в результате вложенный капитал вместе с значительной прибылью. Первый занимался главным образом ручным трудом, т. е. специализировался технически в единственной области, между тем как второй являлся организатором предприятия, спекулянтом, занятым исключительно заключением сделок по покупкам и продажам. Его отличительными чертами были деловой дух и опытность в делах, подобно тому как у ремесленника такой отличительной чертой было его профессиональное искусство. Наконец, ремесленник был тесно связан с местом своего жительства, он не мог найти себе применения вне пределов города, гарантировавшего ему его положение. Капиталист — предприниматель, наоборот, избегал всякой оседлости; его местожительство в том или другом городе определялось исключительно его делами; это был чужеземец, человек, «не пускающий корней», искатель экономических приключений, одинаково чуждый городскому партикуляризму и патриотизму местной колокольни.

Но именно за это их и ненавидели городские ремесленники. Они отлично понимали, что новая экономическая система, представителями которой они являлись, угрожала разрушить их привилегии и превратить их самих «в рабочих и рабов» капитализма [1]. То, чего они боялись, они видели фактически осуществленным в деревне. Здесь не было и следа той независимости, обеспечение которой для кучки мастеров было главной задачей цехов. Деревенский рабочий полностью зависел от предпринимателя, на которого он работал. Он работал лишь на крупного скупщика либо по договору с ним и получая непосредственно от него сырье, либо добывая сам в кредит это сырье для изготовления из него изделий, спешно сбывавшихся им этим купцам. Таково было положение, которое можно было легко наблюдать в производстве шерстяных изделий, в деревенском производстве сукон в валлонской части Фландрии и в Генегау, а также в производстве льняного полотна. Шло ли дело о крестьянах, занимавшихся промышленным трудом лишь во время зимнего досуга, или о простых поденных рабочих, весь год работавших на своих ткацких станках, деревенские рабочие имели единственную возможность сбыта — капиталистам-экспортерам. То же происходило и с работницами кружевной промышленности, боль-

[1] *M. Vanhaeck*, Sayetterie de Lille, t. I, p. 85, 111.

шинство которых работало лишь на заказ, получая от торговцев необходимые им нитки и образцы, которые они неустанно копировали. Словом, все производство деревни поглощалось оптовыми складами капиталистов. Для них с утра до ночи шумели в деревнях станки, для них каждую неделю привозились в Гент для продажи на Пятницком рынке сотни кусков полотна и, наконец, благодаря им столько незначительных заходустных углов — вроде Армантьера, Гондскота, Рубэ, Туркуаня, Вервье — превратились в мануфактурные центры.

Большинство городов в XVII в. отказывалось бороться с конкуренцией деревни, превратившейся в серьезную опасность вследствие дешевизны ручного труда. Лилль был почти единственным городом, который упорно старался сохранить в нетронутом виде в своем кастелянстве монополию своих ткачей. Но правительство, к которому он обращался, не соглашалось пожертвовать для него деревенской промышленностью. Хотя оно и закрепило за ним в 1609 г. исключительное право на производство некоторых тканей высшего качества, но оно одновременно разрешило деревням выделку материй «под бархат», из смеси шелка с шерстью и бумазеи. Кроме того деревенской текстильной промышленности удалось благодаря отсутствию цеховых стеснений начать производить новые неизвестные дотоле жителям Лилля ткани, как например различные сатинеты на манер дамасских; благодаря вмешательству правительства ей удалось сохранить за собой исключительное право на это производство, несмотря на объединенное противодействие Лилля и Турнэ [1]. С этого времени от экономической независимости, которую цехи своими постановлениями всячески старались удержать за городскими ткачами-мастерами, осталось скорее одно лишь название. В действительности большинство их влачило очень жалкое, ненадежное существование. В 1603 г. они сами заявляли, что «часто бедные и честные ткачи вынуждены за отсутствием спроса на их товары закладывать свои собственные одежды, а также одежду своих жен и детей владельцам ломбардов вышеназванного города Лилля, а некоторые вынуждены даже снискивать себе пропитание милостыней; кроме того большинство указанных ткачей так нуждается, что если они не продадут своих товаров на другой же день после изготовления их, то им не на что купить ниток для выделки новых разноцветных тканей, и поэтому они обречены оставаться без

[1] *A. de Saint-Léger*, La rivalité industrielle entre la ville de Lille et le plat-pays, «Annales de l'Est et du Nord», 1906, p. 381.

работы и жить в такой нищете»[1]. Таким образом регламентация цехов не избавляла их от необходимости подчиняться тем же условиям, которым должны были подчиняться все отрасли промышленности, работавшие на экспорт. Они вынуждены были также волей-неволей обращаться к торговцам и подчиняться их требованиям.

Явление переселения промышленности из города в деревню можно было наблюдать с такой же отчетливостью в металлургической промышленности, как и в текстильной. В то время как в городах совершенно прекратилась обработка металлов, железоделательные заводы, кузницы и доменные печи, начавшие уже в XVI в. распространяться в деревнях Генегау, Намюрского графства и Льежского духовного княжества, непрерывно росли в первой половине XVII в. Со времени Вервенского мира область Шимэ покрылась железоделательными и гвоздильными заводами[2], а мастерские, занятые сверлением ружейных стволов, распространились из Льежской области в Намюрское графство[3]. Огромные леса этих областей обеспечивали необходимое топливо, а их бурные реки — необходимую движущую силу. Уже в 1625 г. было установлено, что растущие потребности промышленности вызывали сильное вздорожание лесных материалов[4]. В связи с промышленным подъемом происходил такой наплыв рабочих из соседних областей, что уже в 1624 г. многие из них, страдая от снижения заработной платы и недостатка работы, нанимались голландскими «посредниками» на работу в Швецию, где в это время началась разработка ее минеральных богатств[5].

Огромное значение приобрела добыча угля, который легко можно было вывозить по течению Самбра и Мааса во Францию и в особенности в Соединенные провинции. Приходилось строить мельницы, чтобы ускорить работу откачивающих воду насосов, значение которых увеличивалось по мере того, как работа шахт происходила все на бо́льшей глубине[6]. По-

---

[1] *M. Vanhaeck*, Sayetterie de Lille, t. I, p. 82.

[2] *E. Dony*, Denombrement de Chimay en 1616, «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 1907, p. 182; *E. Dony*, L'ancienne industrie du fer au pays de Chimay, «Mélanges G. Kurth», t. I, p. 223.

[3] *L. Lahaye*, Correspondance du procureur-général de Namur, p. 8, 10, 16, 23; «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 3-ème série, t. V, 1863, p. 153.

[4] *A. Gaillard*, Mémoriux du Grand Cosneil de Malines, t. II, p. 54.

[5] «Placcaeten van Vlaenderen», t. II, p. 580; *L. Lahaye*, Correspondance du procureur-général de Namur», p. 11; см. выше, стр. 413, прим. 2.

[6] *De Potter* et *Broeckaert*, Geschiedenis van den belgischen boerenstand, Brüssel 1881, S. 291; *Th. Gobert*, Machine de Marly et anciennes machines d'exhaure au pays de Liège, Liège 1906.

всюду шли разведки новых залежей каменного угля[1], и одновременно увеличивалось число железных и свинцовых рудников, квасцовых каменоломен и ломок мрамора.

Подобно деревенской текстильной промышленности все эти минеральные или металлургические производства тоже носили явно выраженный капиталистический характер. Действительно, они ведь требовали огромных расходов по оборудованию, а также большого числа рабочих; надо кроме того заметить, что всякая установка по использованию воды, всякая разведка копей требовали уплаты регалий правительству и часто очень обременительной ежегодной арендной платы. В 1632 г. считали, правда с некоторым преувеличением, что каменноугольные копи в окрестностях Мастрихта приносили ежегодно правительству 300 тыс. ливров[2].

Разумеется, не следует думать, что заводчики валлонских областей были крупными предпринимателями Большинство их было выходцами из рядов состоятельной буржуазии, и мы знаем также, что они очень часто искали себе компаньонов для создания своих предприятий[3]. В одном почти только гвоздильном производстве можно было встретить небольшую семейную мастерскую, руководимую главой семьи, которому помогали его жена и дети. Но даже и эти мелкие предприниматели находились под властью капитала. Железные брусья, которые они обрабатывали, доставлялись им купцами, по отношению к которым они занимали в точности такое же положение, как и деревенские ткачи Фландрии по отношению к предпринимателям, от которых они получали сырье. Кроме того эти оптовые торговцы обеспечивали сбыт продуктов металлургической и минеральной промышленности. Многие из них были также пайщиками по эксплоатации заводов или в предприятиях добывающей промышленности[4].

Так как предприниматели-капиталисты были заинтере-

---

[1] *L. Lahaye*, Correspondance du procureur-général de Namur, p. 30, 31; «Inventaire des Archives de département du Nord», t. II, p. 313.

[2] *M. G. de Boer*, Die Friedensunterhandlungen zwischen Spanien und den Niederlanden in den Jahren 1632 und 1633, S. 33.

[3] «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 3-ème série, t. V, 1863, p. 150, 153, 154, 155, 156, 159, 172. Мастера-штейгеры и работавшие у них углекопы тоже были иногда пайщиками. Мы встречаем также среди них представителей крупной знати вроде например графини Берлемон и герцога Арсхота (p. 176).

[4] В 1595 г. квасцовые каменоломни во Флемаль-Оте эксплоатировались группой капиталистов, среди которых находился известный финансист Курций, разбогатевший на военных поставках испанской армии. (*L. Jeunehomme*, Mon village [Flémalle-Haute], p. 35, Bruxelles 1908). Этот же Курций был несколько позднее одним из участников организации по осушению многих каменноугольных копей. *Schuermans*, Bulletin de l'Institut archéologique liègeois, t. XV, 1880, p. 132 etc.

сованы в низких ценах производства, то они вводили различные усовершенствования. Последние были особенно многочисленны в XVII в. в металлургической промышленности, составляя особенно резкий контраст по сравнению с традиционной рутинной техникой городских цехов. Уже в 1616 г. вальцевание железа производилось в Льежской области по неизвестному больше нигде механическому способу [1]. Далее, в 1627 г. одно изобретение, примененное в производстве пистолетов, увеличило сбыт льежской оружейной промышленности [2]. В 1608 и 1620 гг. в Намюрском графстве введены были немецкие и английские способы в производстве медных и оружейных изделий [3].

Инициативный дух предпринимателей проявлялся также в создании ряда новых отраслей промышленности во всех частях страны. Стекловаренные заводы были созданы в Генте Антверпене, Льеже, Гепегау и в Намюрском графстве. Бумажная промышленность разместилась в области Гюи. Производство железных горшков, быстро вытеснивших прежнюю медную посуду, распространилось в Льежской области. Немецкие рабочие, поселившиеся в Намюрском графстве, насадили здесь гончарный промысел [4]. Производство жести тоже было заимствовано из Германии [5]. Повсюду открывались мыловареные заводы, поташные фабрики и винокуренные заводы. Начавшееся распространяться употребление табака вызвало появление многочисленных фабрик по изготовлению трубок [6].

Новые отрасли промышленности не ограничивались только распространением в деревне. Наоборот, многие предприятия открывались в городах. Цехи не заинтересованы были в вытеснении их из городов, так как им нечего было бояться какой бы то ни было конкуренции со стороны заводов, занимавшихся такими специальными производствами, которых они совершенно не знали. Таким образом в устаревшей городской

---

[1] «Bulletin de L'Institut archéologique liègeois», t. XVIII, 1885, p. 415.

[2] «Placcaeten van Brabant», t. II, p. 184.

[3] «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 3-ème série, t. V, 1863, p. 143, 155; ср. *S. Bormans*, Inventaire de la Chambre des finances des évêques de Liège, p. 46; *F. van der Haeghen*, Bibliographie gantoise, t. I, p. 352; «Inventaire des Archives du departement du Nord», t. II, p. 347.

[4] «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 3-ème série, t. V, 1863, p. 174, 175.

[5] В 1630 г. старший инженер Петер Мейбом и его компаньоны получили на 10 лет монополию на производство «белой жести», «изобретения, о котором до сих пор неизвестно было в законопослушных (королю) провинциях». «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 3-ème série, t. V, 1863, p. 168.

[6] *L. Lahaye*, Correspondance du procureur-général de Namur, p. 229; *De Potter*, Petit Cartulaire de Gand, p. 203.

экономике была пробита брешь. Область традиционных отраслей промышленности полностью осталась попрежнему в руках цехов, но наряду с ними стали развиваться фабричное капиталистическое производство и свободный труд. Две противоположные формы хозяйственной эксплоатации противостояли теперь друг другу в стенах городов. Современная организация производства развивалась здесь параллельно со средневековой, не проникая однако в нее. В то время как цехи продолжали ограничивать производство своих членов, предписывать им количество и качество их орудий труда, капиталисты начали уже создавать настоящие фабрики, т. е. предприятия, где как сырье, так и служащие для обработки его средства производства принадлежали хозяину предприятия. Действительно, настоящими фабриками были стекольные заводы, шелкопрядильные фабрики и фабрики по выделке бархата и дамасских тканей и т. д., созданию которых благоприятствовали многие города всякого рода привилегиями, вроде освобождения от налогов, выдачи субсидий и т. д. [1]. В городах находились также оптовые склады предпринимателей, на которых работали деревенские ткачи. Аппретура, требовавшаяся для готовых кусков шерстяных тканей, — окраска, валяние, беление — производилась в мастерских, принадлежавших либо предпринимателям, либо самим торговцам, так что последние приобретали таким образом характер предпринимателей и приближались к фабрикантам.

Правительство, подобно областям и городам, всячески старалось поощрить успехи отечественной промышленности. Во время 12-летнего перемирия Альберт и Изабелла приказали изучить, каким путем возможно восстановить производство сукон [2] и устранить причины непорядков, от которых страдало денежное обращение [3]. Они пытались установить денежный курс и помешать отливу драгоценных металлов за границу. Вдохновившись планами, развивавшимися Оливье де Серром, они старались насадить во Фландрии культуру тутового дерева с целью поднять производство шелковых тканей [4]. Они запретили вывоз льняной и шерстяной пряжи в

[1] См. документ, на основании которого Л. Лефебюр из Туркуаня получил разрешение на постройку в Генте около 1634 г. фабрики дамасских тканей. *De Potter*, Petit cartulaire de Gand p. 353. О стекловаренных заводах ср. данные, собранные Фолиеном. *Fl. Pholien*, La verrerie au pays de Liège, Liége 1899, p. 68 etc.

[2] *Deschamps de Pas*, Enquête industrielle sur l'état de la manufacture dans les Pays-Bas au commencement du XVII siècle, «Mémoires de l'Académie d'Arras», t. XXXV, 1863, p. 303 etc.

[3] *V. Brants*, La politique monétaire aux Pays-Bas sous Albert et Isabelle, «Revue Belge de Numismatique», 1909.

[4] *V. Brants*, Ordonnances, t. I, p. 323.

интересах развития отечественной текстильной промышленности [1]. В 1618 г. они запретили ввоз французских шелковых изделий [2]. Однако всеобщее недовольство населения различными мероприятиями, направленными к повышению цен на предметы продовольствия, помешало государству решительно стать на путь протекционизма [3]. Вместо этого оно пыталось путем всяких льгот привлечь в страну новые отрасли промышленности [4]. Кроме того оно старалось также путем создания новых путей сообщения с заграницей смягчить гибельные последствия закрытия Шельды и блокады бельгийских портов. Уже в 1581 г. Александр Фарнезе весьма благосклонно отнесся к проекту пфальцграфа Георга Ганса о соединении каналом Рейна и Шельды [5]. Во время правления Изабеллы опять вернулись к этому плану и начали даже работы, которые однако вскоре были прекращены из-за противодействия льежцев и в особенности голландцев, а также из-за расстройства государственных финансов [6]. Провинциальные штаты с своей стороны производили множество работ по прорытию или углублению многочисленных водных путей. Штаты Фландрии предприняли в 1614 г. углубление канала из Брюгге в Гент, одобрив в следующем году субсидию в 200 тыс. ливров на проведение этих работ [7]. С 1635 по 1639 г. шли работы по сооружению канала из Брюгге в Ипр [8]. Примерно в это же время велись работы по исправлению русла Дандры [9],

---

[1] *V. Brants*, Ordonnances, t. I, p. 95; «Placcaeten van Brabant», t. I, p. 403; *Gachard*, Inventaire des Archives des Chambres des Comptes,, t. III, p. 102. Об аналогичных мероприятиях в конце XVI в. см. «Placcaeten van Vlaenderen», t. II, p. 525, 527, 531, 536.

[2] *Pigeonneau*, Histoire du commerce de la France, t. II, Paris 1889, p. 323.

[3] В 1632 г. Филипп IV советовал кардиналу-инфанту снизить пошлины на ввозное сырье и увеличить их на ввоз готовых изделий. *Briavoinne*, Sur l'état de la population, des manufactures et du commerce dans les provinces des Pays-Bas depuis Albert et Isabelle jusqu'à la fin du siècle dernier, Bruxelles 1841, p. 31.

[4] В введении к привилегии, предоставленной в 1643 г. ковачам меди Намюрского графства, заявлялось: для государственного блага важно, чтобы туземные производства находились в более цветущем состоянии, «чем иностранные производства и производства соседних областей», так как ввоз иностранных товаров «вызывает отлив из страны лучших сортов денег». «Placcaeten van Brabant», t. IV, p. 120.

[5] *Wolfram*, Pfalzgraf Georg Hans, «Korrespondenzblatt der Deutschen Geschichtsvereine», 1908, Nn. 5—6.

[6] «Considérations sur le gouvernement des Pays-Bas», t. III, p. 153; *Gachard*, Inventaire des Archives des Chambres des Comptes, t. IV, p. 342; *Cauchie-Maere*, Recueil des instructions aux nonces de Flandre, p. 145.

[7] *Gachard*, Inventaire des Archives des Chambres des Comptes, t. III, p. 103.

[8] Ibid., t. IV, p. 343.

[9] *De Portemont*, Recherches sur Grammont, t. I, p. 7.

а в 1636 г. был план соединить Брюссель и Генегау шлюзным каналом, осуществленный лишь в XVIII в.[1]. Наконец, медленно продолжались работы по сооружению канала из Брюгге в Остенде, и только в 1665 г. гавань Брюгге была открыта для навигации.

Из всего этого ясно, что в Бельгии в первой половине XVII в. существовала еще поразительно оживленная промышленная деятельность. Однако для обеспечения благосостояния страны необходимо было, чтобы правительство в состоянии было защитить ее от ее двух могущественных соседей — Соединенных провинций и Франции. Но мы уже видели, что оно было бессильно по отношению к первому соседу и точно так же оно не в состоянии было бороться с середины XVII в. и со вторым соседом как на полях сражения, так и в экономике. Покровительственные тарифы Франции нанесли в середине XVII в. чувствительный удар бельгийской промышленности. Кроме того 30-летняя война, разорив Германию, положила конец довольно значительному вывозу в эту страну[2]. Правда, испанский рынок был всегда открыт для важнейших специальных промышленных изделий католических провинций. В частности сбыт в Испанию бельгийских полотен был настолько велик, что даже в туземной торговле различные сорта их носили испанские названия. Однако легко понять, до какой степени эта торговля с отдаленными странами тормозилась отсутствием туземного флота и как обременительны должны были быть фрахты, взимавшиеся с бельгийских предпринимателей голландскими судовладельцами, к которым они вынуждены были обращаться.

Подъем сельского хозяйства происходил одновременно с ростом промышленности и торговли и еще более содействовал прочному подъему народного благосостояния. С первой половины XVII в. господствовавшая во Фландрии и в Брабанте система сельского хозяйства считалась образцовой за границей[3]. Легкий чернозем и арендное хозяйство, повсеместно распространенные в этих краях, заставляли крестьян вести необычайно интенсивную систему хозяйства. Удобрение они легко получали по многочисленным водным путям, пересекавшим в различных направлениях страну. Это давало им возможность быстро восстанавливать плодородие почвы и снимать после легкой жатвы еще один урожай брюквы для скота[4].

---

[1] *Henne* et *Wauters*, Histoire de Bruxelles, t. II, p. 75.
[2] «Inventaire des Archives du département du Nord», t. VI, p. 100.
[3] *S. Hartlieb*, A discourse of husbandry used in Brabant and Flanders, London 1650.
[4] *Berten*, Coutume du Vieux-Bourg de Gand, Bruxelles 1903, p. 417.

Потребности отечественной промышленности стимулировали культуру льна, на который заграница также предъявляла усиленный спрос, если случалось, что производство его превышало потребности внутреннего рынка. Хмель из области Алоста считался лучшим в мире и в больших количествах экспортировался в Соединенные провинции [1]. Непрерывный рост земельной ренты привлекал капитал, поощряя осушительные работы и распашку новых земель. В 1617 г. Венцеслав Кобергер создал компанию по осушке «moeren», т. е. обширных болот, тянувшихся от Фюрна до Дюнкирхена, и уже в 1632 г. насчитывалось не менее 140 ферм на жирных наносных землях, отвоеванных у моря [2]. Наконец, благодаря свободному, беспошлинному провозу зерна из одной провинции в другую культура хлебных злаков — ржи и пшеницы — широко развилась в Артуа и в Генегау.

III

Беглый взгляд, только что брошенный нами на экономическое положение Бельгии в первой половине XVII в., в достаточной мере убедительно свидетельствует о наличии в ней значительного населения. Действительно, развитие промышленности и сельского хозяйства предполагает многочисленное население. В малонаселенной стране капиталистические предприятия не нашли бы достаточного числа рабочих рук и в частности у земледельцев не было бы стимулов к тому интенсивному труду, который заставлял их снимать с родной почвы по два урожая в год. Поэтому не подлежит сомнению, что после окончания религиозных распрей народ быстро заполнил путем усиленной рождаемости бреши, созданные эмиграцией и годами нищеты. Уже в первой четверти XVII в. население было настолько многочисленным, что приходилось привозить из Голландии значительную часть необходимого для его прокормления зерна.

К сожалению, при нынешнем состоянии наших знаний невозможно с достаточной точностью установить число жителей Бельгии. Дон Хорге де Генен в 1628 г. определял численность населения мятежных провинций в 1 300 тыс. жителей,

[1] «Placcaeten van Brabant», t. I, p. 493.

[2] *Van Lokeren*, Cartulaire de Saint-Pierre de Gand, t. II, p. 461. В 1612 г. по распоряжению эрцгерцогской четы создан был «Альбертуспольдер» («Placcaeten van Vlaenderen», t. III, p. 471); ср. ibid., p. 444 etc. много других постановлений относительно восстановления польдеров. В 1600 г. был издан приказ, предписывавший главному смотрителю над плотинами (dyckgrave) Фландрии, исправить плотины округа Брюгге. *V. Brants*, Ordonnances, t. I, p. 106. В 1615 г. произведена была распашка, «Upstal», в Генте. *Berten*, Coutume du Vieux-Bourg, t. II, p 163.

а население законопослушных провинций в 3 800 тыс.[1] Последняя цифра представляется нам очень преувеличенной. Бо́льшего доверия заслуживает другой расчет, относящийся к тому же году, определяющий общую численность населения всей Бельгии в 800 тыс. семейств, из коих 500 тыс. приходятся на долю Belgium regium[2]. Отсюда можно при всех оговорках сделать вывод, что общая численность населения выражалась цифрой в 2—$2^1/_2$ млн. жителей.

Более достоверно, что рост населения происходил особенно усиленно в деревне — явление вполне понятное, если учесть успехи сельского хозяйства и преимущественно деревенский характер крупной промышленности. Несмотря на создание в стенах города аппретурных мастерских и многочисленных фабрик, несмотря на увеличение в них числа религиозных общин, несмотря на наличие во многих из них обширных гарнизонов и, наконец, несмотря на рост числа лиц, занимавшихся свободными профессиями или несением государственной службы, число жителей большинства городов оставалось на одном и том же уровне или не достигало даже уровня XVI в. Число жителей Антверпена упало со 100 тыс. до 56 948 в 1645 г.[3] Лишь благодаря совершенно особым экономическим и политическим условиям некоторым центрам — вроде Лилля во время расцвета производства шерстяных изделий в первые годы XVII в. или Брюсселя во время правления Альберта и Изабеллы или, наконец, Льежа — удалось добиться прироста населения, который, впрочем, за исключением Льежа, был очень непродолжителен. Эти исключения только еще более подчеркивали уменьшение населения в других городах. Разумеется, упадок Антверпена отразился на них, вызвав и в них соответствующую депрессию. Торговая жизнь повсюду в них замерла. Далее, протекционизм цехов, разумеется, привел во всех этих городах к переселению довольно значительных масс рабочих в деревню. Даже цифры населения Лилля и Льежа — 32 604 жителей в 1617 г.[4] для первого и около 40 тыс. в 1650 г. для второго[5] — свидетель-

[1] «Descripcion de los Paisës Baxos». Документ в Брюссельской королевской библиотеке (собр. ван Гюльтема), № 15819.

[2] «Civilium apud Belgas bellorum inttia, progressus, finis optatus: in quam rem remedia a ferro et pace praescripta, fidei, orbis bono», p. 96 (б. м. изд., 1627).

[3] Данные, любезно сообщенные г-ном Кювелье.

[4] *A. de Saint-Léger*, Lille sous les dominations autrichienne et espagnole, Lille 1910, p. 126. В 1603 г. пришлось даже расширить город; «Inventaire des Archives du département du Nord», t. VI, p. 16.

[5] *J. Brassine*, La population de Liège en 1650, «Bulletin de l'Institut archéologique liégeois», t. XXXIII, 1903, p. 232 etc. Гент имел к этому времени такое же число жителей. *De Potter*, Gent, t. I, p. 173.

ствуют о сравнительно небольшом количестве городского населения в местах, считавшихся самыми оживленными промышленными центрами.

Зато данные, которыми мы располагаем относительно деревни, свидетельствуют о непрерывном росте числа ее жителей. В Ваасской области число жителей Сен-Никола увеличилось примерно с 2 тыс. в 1604 г. до 5 017 в 1662 г.[1]. В Брабанте население большинства деревень непрерывно росло со времени начала 12-летнего перемирия и до середины XVII в. Наконец, если сравнить роспись подоходного обложения Фландрии (Transport de Flandre) 1517 г. с росписью 1631 г.[2], то можно убедиться в общем уменьшении налоговой квоты крупных городов и в значительном увеличении доли большинства сельских местностей. В то время как налоговая квота Гента упала с 14,2 до 6,14%, Брюгге — с 14,8 до 5,0% и Ипра с 7,0 до 2,0%, доля Кастелянства Оуд-Бурга возросла с 2,8 до 6,0%, Ваасской области с 3,0 до 5,0%, области Алоста с 8,0 до 10%, касательно Ипр с 2,6 до 4,9% и Куртрэ с 5,4 до 8,17%.

Крупная роль деревни в экономическом отношении отразилась на общественном строе, где этому полностью соответствовало преобладающее влияние дворянства. Действительно, именно оно выигрывало в первую голову от роста земельной ренты. Так как оно целиком состояло из крупных и средних земельных собственников, то его влияние и сила его сопротивления росли по мере того, как поднимались цены на землю и усиливалась интенсивность земледельческого труда.

Демократическое движение, которое кальвинизм развязал в крупных городах в конце XVI в., направлялось как против дворянства, так и против католической церкви, и потому, после победы католицизма и возвращения южных провинций под власть испанского короля, дворянство заняло такое социальное положение, какого оно никогда не занимало до этого. Оно стало необходимой гарантией нового строя, сословием, которому как бы поручено было блюсти за тем, чтобы народ оставался под двойной властью — католической церкви и монархии. Щедрость, которую обнаружил король в раздаче милостей, посыпавшихся дворянству, вполне соответствовала той настойчивости, с какой оно потребовало платы за оказанные монарху услуги. Титулы, денежные награды и всякого рода милости явились вознаграждением для тех представи-

[1] *G. Willemsen*, Étude sur la démographie d'une commune du plat-pays de Flandre aux XVII et XVIII siècles, «Annales de l'Académie d'Archéologie de Belgique», 1904, p. 195.

[2] «Placcaeten van Vlaenderen», t. I, 1517, p. 543, и t. III, 1631, p. 378.

телей дворянства, которые поощряли или поддерживали переход валлонских провинций в лагерь короля, и в течение следующих лет государство постоянно открывало доступ новым семьям в ряды высшей знати. С 1602 по 1638 г. было зарегистрировано не менее 41 случая возведения земельных владений в графства, маркграфства и княжества [1], и около 1640 г. раздавались жалобы на то, что «теперь делают за один год больше дворян, чем раньше за 100 лет» [2].

Разумеется, это большое количество пожалований в дворянское звание объяснялось отчасти значительными денежными средствами, получавшимися благодаря этому государственной казной [3], но не подлежит сомнению, что оно в первую голову соответствовало определенной принципиальной линии правительства. Хотя абсолютизм все решительнее устранял дворянство от всякого участия в политике, но, с другой стороны, он отлично понимал, как хорошо можно влиять перспективой получения дворянского звания на господствующие классы населения в смысле сохранения ими верности и преданности монархии. В связи с этим бельгийское дворянство в том виде, как оно сложилось в XVII в., было по существу классом новоиспеченных дворян. Очень немногочисленны были среди него дворянские роды, принадлежавшие к дворянскому сословию на протяжении многих и многих поколений по своему рождению. Оно все время пополнялось выходцами из других классов: оно было в действительности, подобно английскому джентри того же времени, открытым общественным классом, в который могли рассчитывать попасть, если угодно будет королю, все те, которые благодаря социальному положению поднялись над общим уровнем, или те, кто посвятил себя государственной службе.

В свое время народ был разделен на различные, стоявшие рядом друг с другом классы, каждый из которых обладал своими особыми правами, своими собственными привилегиями и специальными обычаями. Буржуазия занимала под дворянством место, которое она отнюдь не собиралась оставлять. Но монархическое государство, уравняв социальные привилегии, способствовало сближению между обоими общественными классами, подготовленному уже в XVI в. эко-

---

[1] *Gachard*, Les Bibliothèques de Madrid et de l'Escurial, p. 397; ср. *Paz* et *Lonchay*, Inventaire des requêtes privées du Conseil suprême de Flandre et de Bourgogne, «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 1907, t. XXVII, p. 281 etc.

[2] «Considérations sur le gouvernement des Pays-Bas», t. II, p. 151.

[3] См. в «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 3-ème série, t. V, 1863, p. 140 etc. многочисленные документы, касающиеся очень высоких цен за возведение в дворянское звание.

номическими и моральными переменами, последовавшими за эпохой Возрождения. Со старым духом, или, если угодно, со старым сознанием сословной чести было покончено. Честолюбие выскочек отныне состояло в том, чтобы подняться до дворянства, господствующее положение которого поддерживалось монархией и пребывание в рядах которого являлось единственной окончательной гарантией всех социальных привилегий. Городские патриции, бывшие чиновники, разбогатевшие купцы — все стремились теперь добиться дворянского звания. На богатство смотрели лишь как на трамплин, необходимый для того, чтобы перескочить в дворянский класс. Сыновья фабрикантов и удачливых предпринимателей спешили избавиться от коммерческих дел своих отцов [1], покупали дворянские поместия, прибавляли к своему имени название приобретенных ими владений и заставляли обращаться к себе с титулом «мессир», пока жалованные грамоты формально или просто привычка не возводили их в ранг, которого они так страстно желали добиться [2]. Чтобы составить себе представление об этом всеобщем стремлении добиться дворянского звания, достаточно перелистать бесконечно возобновлявшиеся и никогда не достигавшие цели распоряжения относительно незаконного присвоения дворянских титулов. И однако пожалования в дворянство получались с исключительной легкостью. Часто случалось, что они давались людям, благосостояние которых было непрочно и которые вскоре оказывались не в состоянии жить сообразно требованиям того класса, в ряды которого они вступили. В 1664 г. пришлось постановить, что баронские титулы не будут впредь выдаваться, если соответствующие лица не смогут доказать наличия у них доходов по крайней мере в 6 тыс. флоринов с феодальных владений; эта сумма была доведена для графов и маркграфов до 12 тыс. флоринов и до 24 тыс. для князей и герцогов. Отчуждение феодов, приносивших эти доходы, влекло за собой утрату пожалованного титула [3].

Вряд ли можно убедительнее доказать, что новое дворянство состояло главным образом из богатых или разбогатевших людей. От его военного происхождения уцелели лишь внешние признаки — право ношения шпаги и наличие гербов. К тому же оно не пользовалось больше своими прежними при-

---

[1] Очень интересные документы см. *Vanhaeck*, Histoire de la sayetterie de Lille, t. I, p. 112.

[2] Указ от 1617 г. запрещал незаконно присваивать себе дворянское звание и гербы, угрожая денежными штрафами нотариусам, которые в составляемых ими актах будут незаконно прибавлять к имени сторон дворянский титул. «Placcaeten van Brabant», t. II, p. 414.

[3] «Placcaeten van Vlaenderen», t. III, p. 1405.

вилегиями. Оно подсудно было обыкновенным судам и почти повсюду подлежало обложению, за исключением некоторых провинций вроде графств Артуа и Намюра, где оно лишь в очень незначительных размерах было освобождено от налогов. Кроме того оно не превратилось, как во Франции, в придворное дворянство, покидавшее свои поместья, чтобы жить в столицах около государя, так как после смерти эрцгерцогской четы в Брюсселе не было больше ни двора ни государя. Как крупное, так и мелкое дворянство жило в деревне круглый год, либо во всяком случае до наступления ненастного времени, которое более богатые дворяне проводили в своих городских дворцах [1].

Таким образом дворянство не было изолировано от всего остального народа. Оно принимало непосредственное участие в управлении своими землями и в судопроизводстве, которое назначавшиеся им бальи творили от его имени в его владениях. Кроме того оно занимало всякого рода посты по месту своего жительства или в провинциях. Оно заседало в провинциальных штатах, занимало посты городских эшевенов, заполняло комиссии по распределению налогов, наблюдению за общественными работами и по управлению благотворительными учреждениями. Подобно тому как оно служило в войсках короля и поставляло ему множество чиновников, оно сосредоточивало также в своих руках все независимые посты, которые центральное правительство оставило нетронутыми. Словом, оно было в монархическом государстве XVII в. тем, чем должна была стать цензовая буржуазия в парламентских государствах XIX в. Так как оно пользовалось выгодами, связанными с устойчивостью владения землей, так как оно постоянно усиливалось благодаря притоку самых энергичных и наиболее богатых элементов нации, легко ассимилировавшихся им, и обладало как социальным влиянием, так и властью, то оно было прямо заинтересовано в сохранении существующего строя, обеспечивавшего ему столь ценные преимущества. Оно проникнуто было ярко консервативным духом. Свидетельством его огромного влияния на народ может служить необычайная приверженность народа вплоть до конца XVIII в. к аристократическому строю, в условиях которого он жил. В абсолютистском и конфессиональном государстве нового времени дворянство является верхушкой социальной

[1] Чтобы получить представление об образе жизни мелкого дворянства в XVII в., см. *J. Capelle*, La famille de Gaiffier, «Annales de la Société archéologique de Namur», t. XXVI, 1905. p. 21 etc. Интересные сведения для знакомства с повседневной жизнью вельможи XVII в. можно почерпнуть у *V. Brants*, Quelques notes des comptes d'un gentilhomme au XVII siécle, «Bulletin de l'Académie royale de Belgique», Classe des Lettres, 1904, p. 527 etc.

иерархии, подобно тому как король, с своей стороны, является верхушкой политической иерархии. Король и дворянство были двумя важнейшими факторами равновесия, установившегося с начала XVII в., после чрезмерной и новаторской жажды деятельности эпохи Возрождения.

Пребывание в рядах крупной буржуазии, как мы видели, было лишь переходной ступенью к дворянскому сословию. Надо было пройти через него, чтобы двинуться дальше. Новые богачи приобретали доступ к нему через свои состояния. Сыновья состоятельных буржуазных семей посвящали себя свободным профессиям и в особенности юридической карьере, этому рассаднику будущих чиновников, которые составили в дальнейшем дворянство мантии. Уже в середине XVII в. страна наводнена была адвокатами: наблюдалось всеобщее увлечение юридической карьерой, вследствие чего множество молодых людей пренебрегало выгодными профессиями [1]. Но по окончании гражданской войны эти имевшиеся в избытке юристы не помышляли уже больше о свержении существующего строя: их честолюбие было прежде всего направлено на вознаграждение их услуг или их дарований пожалованием дворянского звания.

Находившиеся под крупной буржуазией мелкая буржуазия и крестьяне представляли собой общественный класс, лишенный всякого участия в управлении государством и всякой надежды занять более высокое общественное положение. Впрочем, ремесленники, так же как и крестьяне, мирились с тяготевшим над ними гнетом. Ремесленники чувствовали себя защищеными аристократическими эшевенами, в руках которых отныне находилось управление городов; крестьяне же обрабатывали земли помещиков, поселившихся среди них в деревне и заинтересованных в их участи. Они довольствовались тем, что могли жить со дня на день скромными заработками со своего труда и не требовали большего. Они не помышляли ни о каких новшествах и не требовали другого места, чем то, которое они занимали по традиции и освященному обычаю.

Далее, на следующей, еще более низкой ступени общественной лестницы находился как в крупных городах, так и в деревне тот неорганизованный, состоявший из бродяг, профессиональных нищих, безработных и беспризорных детей, пролетариат, который с конца XV в. составлял главную заботу общественных властей и вызвал к жизни появление благотворительных учреждений. Не подлежит ни малейшему сомнению, что ряды этого несчастного бедствовавшего обще-

[1] «Considérations sur le gouvernement des Pays-Bas», t. I, p. 55 etc.

ственного слоя сильно выросли в XVII в.: об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные указы против бродяжничества [1]. После каждого военного похода и во время всякого промышленного кризиса эта масса пополнялась новыми элементами — дезертирами, ранеными солдатами, рабочими, лишенными средств к существованию. Уже в первой половине XVII в. провинции и города вынуждены были принять меры, чтобы справиться с этой опасностью. Провинциальные штаты Генегау проектировали в 1617 г. создание смирительного дома, где должны были содержаться и выполнять определенные работы лица, лишенные средств к существованию [2]; через несколько лет город Гент создал с этой целью «Rasphuis», являвшийся наполовину тюрьмой, наполовину мастерской [3]. Целью других учреждений было собрать бедных детей и сирот и обучить их ремеслу: таковы были например школа Богарда в Брюгге, в Генте — Blauwe school (1623), школа Blauwe meisjes (1623), Kulderschool (1628) и многочисленные другие аналогичные учреждения во всех городах страны. К этому надо прибавить множество частных бесплатных столовых и учреждений, о которых свидетельствуют до наших дней сохранившиеся в церквах, избежавших капитальных переделок, многочисленные надгробные надписи на памятниках дворян и патрициев, в которых проявляется классовый дух, сознающий свои обязанности и стремящийся доказать это на деле [4].

Из всех благотворительных учреждений того времени самыми интересными и самыми новыми были ломбарды. Первый шаг в этом направлении был сделан правительством. Ссудные кассы, создание которых в большинстве крупных городов предоставлено было так называемым ломбардским обществам [5], взимали с заемщиков от 33 до 42% [6]. Уже Маргарита Пармская подумывала о том, как устранить эту эксплоатацию нищеты. Она хотела ввести в Нидерландах существовавшие в Италии «Monti di Pieta», в которых бедняки получали беспроцентные ссуды. В 1560 г. она рекомендовала антверпенскому

---

[1] «Placcaeten van Brabant», t. II, p. 446, 448, 453, 459 и сл., 463. Время от времени король приказывал посылать бродяг в Испанию, где их использовали в качестве гребцов на галерах или включали в состав «терций»; *L. Lahaye*, Correspondance..., p. 234.

[2] *L. Devillers*, Inventaire des Archives des Etats du Hainaut, t. II, Mons 1902, p. 33.

[3] *F. De Potter*, Gent, t. IV, p. 568.

[4] С этой точки зрения особый интерес представляют эпитафии церкви в Сент-Омере.

[5] *F. Morel*, Les Lombards dans la Flandre française et le Hainaut Lille 1908.

[6] В Динане этот процент равнялся 43⅓. *L. Lahaye*, Cartulaire de Dinant, t. V, Namur 1899, p. 4.

городскому управлению создать banco del refugio[1]. К этой мысли вернулись во время правления Александра Фарнезе. Сильвестр Скарини представил герцогу проект[2], который был им одобрен и который он приказал в 1588 г. ввести в Генте, чтобы «облегчить положение бедной общины»[3]. Примерно в это же время Левин Торенций пытался осуществить аналогичный план в Льеже[4]. Иезуиты, с своей стороны, высказались в пользу этого новшества[5]. Оно было введено во время правления эрцгерцогской четы. В 1618 г. ссудные кассы были ликвидированы, и Венцеслав Кобергер получил пост генерал-интенданта ломбардов[6]. Необходимые денежные фонды были предоставлены аббатствами и монастырями бегинок взамен выпуска пожизненных рент из расчета $6^1/_4\%$[7]. Так как ломбарды вынуждены были таким образом выплачивать проценты по вложенным в них капиталам, то они не могли давать беспроцентных ссуд. Во всяком случае они брали только 15% с предоставлявшихся ими сумм. Несмотря на сомнения, которые внушала некоторым теологам выдача ссуд под проценты, учреждения эти пользовались необычайным успехом. С 1618 по 1633 г. ломбарды появились в Брюсселе, Антверпене, Генте, Мехельне, Аррасе, Турнэ, Монсе, Валансьене, Камбрэ, Брюгге, Лилле, Дуэ, Куртрэ и Берге[8]. Льежский епископ ввел их в 1622 г. в своей столице, откуда они вскоре проникли в Гюи, Сен-Трон и Тонгр.

К несчастью они не оправдали возлагавшихся на них надежд. Вложенный в них капитал оказался недостаточным, и Кобергер прибегнул для увеличения денежных фондов к рискованным операциям. Его обвиняли в том, что он частич-

---

[1] «Fascio», № 1634 Фарнезевского архива в Неаполе. Данные, любезно сообщенные мне г-ном Л. ван дер Эссеном.

[2] Discours sur l'érection des Monts de Piété avec déclaration des oeuvres de charité qui en proviendront, Douai 1585.

[3] *De Potter*, Petit cartulaire de Gand, p. 102. В 1586 г. тайный совет обязал город Мехельн создать ломбард. *Gaillard*, Memoriaux du Grand Conseil, t. I, p. 259.

[4] «Bulletin de la Commission royale d'Histoire», 3-ème série, t. VI, 1864. p. 467.

[5] *Lessius*, De jure et justicia, p. 248. В новом издании этой работы (1626 г.) имеется дополнение о ломбардах.

[6] «Placcaeten van Brabant», t. III, p. 175, 179.

[7] Я заимствую эти, а также и дальнейшие подробности у *P. de Decker*, Etudes historiques et critiques sur les Monts de Piété en Belgique, Bruxelles 1884. Ср. *Cauchie-Maere*, Recueil des instructions générales. aux nonces de Flandre, p. 164 etc.

[8] Ломбарды в Брюгге, Ипре и Лилле были созданы до указа 1618 г. Там выдавались беспроцентные ссуды. Капитал, предоставленный епископом Триестом гентскому ломбарду, также дал возможность выдавать беспроцентные ссуды.

но использовал капиталы ломбардов для осушки болот — moeren — и повидимому в этом обвинении была немалая доля истины [1]. К тому же нужда правительства в деньгах заставила и его тоже занимать ломбардные фонды, предназначавшиеся для облегчения положения бедняков. Инфанта Изабелла заложила в ломбардах свои драгоценности в обеспечение взятых ею авансов, достигавших 566 514 флоринов. Эти огромные изъятия из кассы, которая и без того была уже недостаточно обеспечена деньгами, привели к самым плачевным результатам. Ломбарды с этого времени влачили самое жалкое существование. Продажа драгоценностей инфанты в 1643 г. принесла огромный дефицит, который никогда не удалось покрыть. Ввиду столь неблагоприятных обстоятельств постепенно изменился и самый характер ломбардов. Их упрекали в XVIII в. в том, что они превратились в ссудные банки, работавшие в интересах рантье, денежными фондами которых они оперировали. Из благотворительных учреждений, какими они были вначале, они превратились в простые кредитные учреждения. Тем не менее они оказали в первые годы своего существования очень существенные услуги. Считают, что со времени их создания и до 1649 г., они взамен залоговых сумм в 18 230 637 пустили в обращение 130 403 151 флоринов.

[1] Де Декер (*De Decker*, Etudes sur les Monts de Piété, p. 126) пытается оправдать Кобергера, но данные, сообщаемые им о его ведении дел, доказывают, что оно было во всяком случае очень неосторожным.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

КУЛЬТУРА

I

Великий кризис XVI в. явился большим потрясением для гуманистов, приведшим в замешательство их ряды. Действительно, ничто так не противоречило религиозной исключительности, как идеал эпохи Возрождения, так, как его понимал и сформулировал Эразм. Сторонники античной мудрости, веротерпимости и христианства, совместимого со свободой мысли и с наукой, оказались вскоре вовлеченными в поток религиозных страстей. Окруженные людьми, боровшимися за свою веру, они не могли оставаться нейтральными. Волей-неволей они вынуждены были стать либо на сторону католической церкви, либо на сторону реформации. В качестве новаторов и патриотов большинство из них высказалось в пользу той партии, которая стремилась очистить догматы и защитить страну от иностранцев. Они примыкали, по крайней мере на словах, к кальвинизму, и победа католической реакции в южных провинциях заставила эмигрировать в Голландию Симона Стевина, Юста Липсия, Петра Планция и многих других ученых. Но не все гуманисты покинули Бельгию. Среди них были и такие, которые мечтали о примирении наиболее выдающихся философских учений античности с омоложенным и очищенным на основе решений Тридентского собора католицизмом. Разве чтение ван Гельмонтом Сенеки и Эпиктета чуть не побудило его в молодости сделаться капуцином? Другие охотно готовы были признать победу католической церкви, лишь бы она дала им возможность продолжать их научные исследования или их литературные работы.

Но действительности суждено было жестоко разрушить эти иллюзии. Католическая церковь и государство потребовали теперь не только внешнего повиновения, но и полного

духовного согласия с ними. Торжествующее правоверие предписывало свои законы искусству и науке и полностью подчинило их себе, заставив их служить своим целям. Возрождение мечтало о miles christianus; теперь речь шла лишь о miles catholicus. Поэтому всякая умственная деятельность, проявлявшаяся вне рамок католицизма, неминуемо считалась подозрительной. Гуманисты, относившиеся равнодушно к догматам, считались подозрительными и опасными «вольнодумцами». В борьбе с ересью католическая церковь, подобно армии, стоящей перед лицом врага, требовала от своих единоверцев самой строгой дисциплины. Она не позволяла никому из них уходить из строя и сохраняла исключительно за собой руководство войсками, которые она вела на священную войну. Свободу мысли, необычайный избыток сил, духовное богатство и отвагу эпохи Возрождения она заменила вскоре величественным единством и строгим единообразием. Принцип порядка и авторитета утвердился в ней еще больше, чем в монархическом государстве. Как церковь, так и государство, поддерживавшие друг друга в деле управления обществом, обнаруживали больше недоверия к вольнодумству, чем к политической свободе.

Карл V ограничивался преследованием ереси как преступления против божеской и человеческой верховной власти, но не чинил никаких препятствий успехам гуманизма. Однако такое положение не могло долго продолжаться. Было более чем очевидно, что при все усиливавшихся разногласиях между обеими религиями не оставалось больше места ни для научной свободы ни для веротерпимости. Они были одинаково подозрительны как протестантам, так и католикам, и если первые наносили им менее чувствительные удары, чем вторые, то объяснялось это просто менее разработанным уставом их церквей, меньшей суровостью их догматов и большим числом их сект.

В царствование Филиппа II в Нидерландах проведены были первые полицейские мероприятия в умственной жизни, имевшие целью защиту ортодоксии. Именно такой характер носило изданное в 1570 г. запрещение студентам учиться в заграничных университетах[1]. Оба национальных университета должны были отныне пользоваться исключительным правом распространения среди них науки, и государство строго следило за тем, чтобы ни одно подозрительное учение не проникло в предметы преподавания. В 1568 г. герцог Альба по приказанию короля писал ректору лувенского университета,

[1] «Placcaeten van Vlaenderen», t. II. p. I. Запрещение было вновь подтверждено указами 1582 и 1587 гг. Ibid., S. 3,5.

запрашивая у него, «как ведет себя и выполняет ли каждый профессор... свой долг так, как надлежит» [1]. Полученный им ответ должен был полностью удовлетворить его. Он доказывал, что в вопросе религиозных разногласиях лувенский университет, отвергнув учения, которые Эразм и его друзья пытались насадить в нем 40 лет назад, стал теперь одним из самых прочных оплотов контрреформации. При теологическом факультете была создана кафедра катехизиса; здесь читался специальный курс, посвященный опровержению еретиков, а на юридическом факультете Иоанн Молиней собственной властью заменил комментирование «Decretum Gratiani» комментированием решений Тридентского собора. Наконец, философский факультет в свою очередь ввел во всех своих коллегиях лекции по религии.

Вспыхнувшая вскоре после этого гражданская война дезорганизовала университетскую жизнь, рассеяв в разные стороны учителей и учеников. Но уже в начале XVII в. одной из главных забот правительства было восстановить университет и навязать ему в то же время устав, который навсегда предохранил бы его от проникновения ереси. Новые статуты, предписанные ему правительством в 1617 г. и согласованные с папой Павлом V, отнимали у университета автономию, которой он до того пользовался [2]. Факультетам была предписана официальная программа; исчезла свобода научных занятий и вместе с ней исчезло и свободное развитие научно-исследовательской мысли. Факультеты превратились в профессиональные школы. «Школа трех языков» отказалась от своих эразмовских традиций. Она прекратила изучение высшей филологии, и преподавание древних языков было отныне приспособлено к практическим нуждам или должно было играть роль пустых литературных побрякушек.

Стареющий и вновь вернувшийся в лоно католицизма Юст Липсий привлек, правда, с 1592 г. последний раз к лувенскому университету всеобщее внимание, придав ему особый блеск, являвшийся как бы последней вспышкой угасавшего ренессанса. Несмотря на свое обращение, Липсий все же принадлежал к поколению гуманистов. Он не хотел становиться на сторону какого-нибудь учения, какой-нибудь партии. Он взял себе девизом следующие слова Сенеки: «Non me cuiquam mancipavi, nullius nomen fero» [3].(Я никому себя не

---

[1] H. *van der Linden*, l'Université de Louvain et le duc d'Albe, «Bulletin de la Commission royale d'Histoire, 1908, p. 10.

[2] Они были изданы на основании произведенного в 1617 г. обследования (ревизии университета) *V. Brants*, La faculté de droit de l'Université de Louvain à travers 5 siècles, Louvain 1906, p. 19.

[3] *F. Strowski*, Pascal et son temps, p. 62.

продал в рабство и не ношу ничьего имени). Как раз в тот момент, когда томисты хотели сделать свое учение классической философии лувенского университета [1], он решительно выступил против того, чтобы эта школа требовала для себя научной монополии. Хотя он и был эклектиком в теории, но его личные симпатии склонялись к стоицизму. Его главным филологическим сочинением было издание историка-стоика Тацита, последние же свои годы он посвятил изучению и комментированию Сенеки. Его стоицизм в том виде, как он был им формулирован в его «Manuductio ad philosophiam stoicam» (1604), оказавшем столь глубокое влияние на его современников, естественно, примыкал к христианству и именно благодаря своему сочетанию античной мудрости с христианской моралью является последним проявлением эпохи Возрождения, восходящим к традициям Эразма. Но и у многих других стоиков, твердость характера не была у Липсия на такой же высоте, как его ум и талант. Он отлично понимал, что его взгляды шли в разрез со взглядами тех кругов, среди которых он жил, и должны были вызывать в них возмущение. Его известность и — надо прибавить также — его религиозное отречение заставили простить их ему. Этот ученик Зенона и Эпиктета прославлял в стихах иконы богоматери в Гале и Монтегю и вопреки всякой очевидности отрекался от авторства написанных им в молодости протестантских сочинений. Этот защитник прав личности и свободы совести включил в свою «Политику» главу, в которой он признавал обязанностью государства преследование еретиков [2]. Эти противоречия, доставившие ему свободу преподавания, доказывают в то же время, как сомнительна она была. Со смертью Юста Липсия изучение античности в лувенском университете сохранилось лишь по названию. Ею интересовались не с точки зрения изучения идей древности, в ней искали скорее образцов красноречия. Эриций Путеан, преемник Липсия, был только остроумным оратором, который в поисках оригинальности старался блеснуть бессодержательным эпикурейством, так как последнее давало обильную пищу для пустой декламации и общих мест, лишенных в такой же мере искреннего убеждения, как и глубины [3].

Разумеется, Лувен и Дуэ долгое время еще имели выда-

[1] *V. Brants*, La création de la chaire de théologie scolastique et la nomination de Malderus à l'Université de Louvain, «Annalectes pour servir à l'Histoire Ecclésiastique» t. XXXIV, p. 46 etc.; *H. de Jongh*, Substitution de la somme de Saint-Thomas aux sentences de Pierre Lombard dans l'enseignement de la théologie à Louvain en 1596. Ibid., t. XXXV, p. 470 etc.

[2] В издании 1502 г. См. *F. Van der Haeghen, Arnold et van den Berghe*, Bibliographie lipsienne, t. II, Gand 1886, p. 351.

[3] *Th. Simar*, Étude sur Erycius Puteanus, (1574—1646), Louvain 1909.

ющихся преподавателей. Но как могли эти преподаватели, при тех условиях, в которых они находились, позволить себе хотя бы малейшую смелость? Опека, тяготевшая над факультетами, связывала их по рукам и по ногам, делала их косными и привела под конец к тому, что на них преподавалась только официальная наука. Уже в начале XVIII в. Гейнзий констатировал первые признаки упадка высшего образования в Лувене. Блестящая слава, которой столько времени пользовался университет, быстро померкла. В то время как Лейден, его кальвинистский соперник, привлекал со всех концов Европы профессоров и студентов, Лувен комплектовал свои кадры исключительно из своих же бельгийских провинций. К тому же он прилагал огромные усилия, чтобы удержать за собой хотя бы этот ограниченный круг лиц. Так, он старался запретить иезуитам преподавать философию[1] и помешал созданию в Льеже конкурирующего университета. Только один теологический факультет сохранял еще кое-какую независимость. Здесь еще не совсем угас дух Байя. Ярким проявлением его было издание в 1640 г. «Augustinus», развязавшее последнюю идейную борьбу, которая до конца XVIII в. волновала страну. За пределами университета обстановка была еще более неблагоприятна для свободного развития научной деятельности. Цензура, осуществлявшаяся государством и церковью над всей духовной деятельностью, система инквизиции, применявшаяся к книгопечатанию и книжному делу, парализовала всякую духовную инициативу, расходившуюся со строго католическим духом. Всякое научное исследование вскоре прекратилось ввиду той осторожности, которую приходилось соблюдать при этом. Известно, как поплатился ван Гельмонт за опубликование в 1617 г. наблюдений, сделанных им над животным магнетизмом. Иезуит Роберти написал на него донос епископскому суду в Мехельне, обвиняя его в ереси; он вынужден был принести торжественное отречение, и лишь через 2 года после его смерти его родным удалось добиться его реабилитации.

Однако было бы ошибочно думать, что эрцгерцогская чета была принципиально враждебна науке и распространению высшего образования. Она была иного мнения, чем юрист Перес, полагавший, что невежество народа полезно для государственной власти[2]. Она наоборот, осыпала писателей, уче-

[1] «Placcaeten van Brabant», Bd. III, S. 84.

[2] «Ingeniorum et scientiarum mediocritas, sed cum sinceritate conjuncta, reipublicae stabilitas est». (Посредственность способностей и знаний, но соединенная с искренностью, есть основа устойчивости государства). Perez, Jus publicum, p. 313 (Амстердам, 1657). Автор был с 1619 г. профессором лувенского университета и умер в 1672 г.

ных и артистов доказательствами своего благоволения[1]. Но приступить к исследованию важнейших вопросов, которые как в области религии, так и философии и истории будят человеческую любознательность, было слишком рискованным для науки, несмотря на доброжелательство правительства, и она стала медленно хиреть в тех тесных рамках, в которые она была зажата. Правда, историческая наука давала еще в первой половине XVII в. довольно значительную научную продукцию, но при ближайшем знакомстве с ней можно убедиться, что она свидетельствует о характерной робости. Тщетно Ришардо и Пекий добивались, чтобы историки занялись вопросами новейшей истории[2]: они предпочитали благоразумно отворачиваться от них. Ван дер Гар, Бургунд и Понт Этер довели изложение нидерландских войн до конца XVI в. или даже до начала 12-летнего перемирия, но они не имели продолжателей. Все историки обратились к прошлому. Они отгородились от настоящего изучением древнего периода национальной истории. Это были издатели источников вроде Мирея, исследователи древностей вроде Мальбранка, составители описания печатей вроде Вредия, исследователи манускриптов или археологи вроде Сандера. Как бы преданы они ни были новому режиму, но они чувствовали, что могли бы говорить о нем лишь с величайшей осторожностью. Ни один из них не решался выйти за пределы средневековой истории. Они предоставили итальянцу Бентивольо изобразить картину правления Альберта и Изабеллы, современниками которого они были.

Надо кроме того отметить, что почти все они принадлежали к католическому духовенству. И это тоже чрезвычайно характерно. В строго конфессиональном государстве XVII в. католическая церковь поглощала все духовные силы народа. Ее победа придала ей веру в себя и оптимизм, необходимые для развития научной деятельности. Она чувствовала себя совершенно свободно, не испытывала никаких стеснений в рамках ортодоксии, которые светский человек постоянно боялся перешагнуть. Так как она была тесно связана с государством, то ей нечего было бояться его. И, наконец, она была кроме того защищена от цензуры, так как она осуществляла ее сама. Поэтому в Бельгии XVII в. она опять заняла в умственной жизни почти такое же положение, как и в средние века. Да и как мог-

---

[1] *J. Finot*, Les subventions accordées aux littérateurs, aux savants et aux artistes par le gouvernement des Pays-Bas au XVII siècle, «Annales du comité flamand de France», t. XIX, 1891.

[2] См. по этому поводу письмо Мирея в «Messager des Sciences Historiques», 1849, p. 444.

ла она, руководя всем просвещением страны, не руководить одновременно и высшим образованием?

Литературная деятельность католического духовенства не была одинаково оживленной во всех организациях этой огромной корпорации. Ее нельзя правильно оценить, если не отметить с самого же начала, что вся она была проникнута влиянием иезуитов и что именно в недрах иезуитского ордена она нашла свое высшее выражение. Незачем возвращаться к тому, что мы уже говорили по этому поводу. Подобно тому как иезуиты были главными воспитателями католических Нидерландов, точно так же они стояли там во главе литературного и научного движения. У Возрождения, с принципами которого они вели столь решительную борьбу, они тем не менее заимствовали его внешний блеск и его методы. В своих школах они объясняли своим ученикам языческих авторов, а в своем грандиозном предприятии «Acta Sanctorum» они применяли научную критику источников священной истории, которую они очистили от наслоения легенд, с тем чтобы затем предоставить заниматься ею в очищенном и углубленном виде католическим ученым. Не было таких отраслей знания, которые остались бы незатронутыми ими: Лессий занимался моралью и правом, Скрибаний — экономическими вопросами, болландисты — историей, Эгильон — физикой, Григорий Сен-Венсан и его ученики Сараза, Айнском, Гезий, Таке — математикой. И это были лишь вожди подлинной армии теологов, полемистов, педагогов, риторов, грамматиков и всякого рода других ученых! Литературная продукция бельгийских иезуитов с 1600 и примерно до 1650 г. может действительно повергнуть в изумление. Ее плодовитость напоминает плодовитость гуманистов XVI в., и она объясняется в общем теми же причинами. Воодушевление идеалами Возрождения, так же как и воодушевление идеалами католицизма, должно было породить как там, так и тут, одинаковое пламенное рвение и одинаковую жажду действовать и обращать.

На фоне необычайной плодовитости иезуитов еще ярче выделяется крайне жалкая скудость светской литературы. Но нет ничего более понятного, чем упадок фламандской и французской литературы в Бельгии после окончания религиозных волнений XVI в. Ведь светским людям было отныне запрещено заниматься главным, волновавшим тогда всех вопросом, а именно религиозным. Область веры была для них закрыта, точно так же как и область политики. Кальвинисты и республиканцы, в течение стольких лет наводнявшие страну потоком брошюр, «апологий» и манифестов, среди которых еще до сих пор выделяются сочинения Марникса, перекочевали теперь в Голландию. Именно здесь — в обстановке рели-

гиозных разногласий и политических споров, расцвета торговли и национальной гордости, поощряемой победами и благосостоянием, — нидерландская литература переживала теперь, при ближайшем участии протестантских эмигрантов из Бельгии, начало своего золотого века. На юге, наоборот, воцарилось глубокое молчание. Народ предоставил духовное руководство собой католической церкви, а светское руководство монархическому государству. Он примирился со своей участью: у него не было больше желания, чтобы голос его был услышан. Правда, в среде духовенства сохранился живой интерес к умственной деятельности. Но именно благодаря этому светская литература была окончательно задавлена, ибо церковь пользовалась исключительно латинским языком, и это еще более упрочивало и усиливало пренебрежительное отношение к народному языку, созданное приверженцами Эразма и гуманистами. Только одна латынь, которая была столь же универсальной, как религия и разум, казалась достойной величия мысли. В 1653 г. Гейлинкс высокомерно заявил, что фламандский язык должен ограничиваться только «кухней и пивной» [1]. Таким образом национальные языки были изгнаны из серьезной литературы. Последняя однако не только почти целиком поглощена была католической церковью, но она, если можно так выразиться, облеклась еще в римские одежды. Она осталась верна научным традициям XVI в., и светские люди, посвятившие себя ей, т. е. университетские профессора или высшие гражданские чиновники, покорно мирились с установившимся обычаем.

После того как совершился разрыв между серьезной литературой и народными языками, на долю последних осталась одна лишь область занимательной литературы и назидательных популярных изданий. Но даже и эти жанры благодаря условиям, в которые они были поставлены, вскоре неминуемо должны были утратить свою свежую непосредственность и творческое воодушевление. «Камеры реторики», эти литературные клубы, сделавшиеся в XVI в. центрами смелого, свободного слова и здорового, грубоватого веселья фламандских писателей, считались теперь опасными как с точки зрения религии, так и с точки зрения правов. Против них опять были приняты меры, примененные Маргаритой Пармской во время первого кальвинистского восстания. Указом 1593 г. предписывалось не допускать возобновления их деятельности во Фландрии, «так как их представления являются оскорблением для невинных ушей» [2]. В 1601 г. другим

[1] Questiones quodlibeticae, Anvers 1653 p. 53.
[2] «Placcaeten van Vlaenderen», t. III, p. 76.

указом предписано было подвергать цензуре все театральные пьесы, чтобы не допустить легкомысленного трактования священных сюжетов [1]. Распущенность нравов «камер» была осуждена Изабеллой в 1631 г. и гентским епископом Триестом в 1650 г. [2]

Тем не менее не удалось совершенно искоренить эти «камеры». Наоборот, число их оставалось довольно значительным в XVII в. Но их репертуар не внушал уже действительно никому никаких опасений. В крайнем случае очень щепетильных в нравственном отношении людей шокировала вульгарность их Kluchtspelen, которыми интересовались только простой народ и мелкая буржуазия. Они ничего не знали о новых направлениях, которые драматическое искусство приняло в Голландии, ибо религиозный разрыв, происшедший между севером и югом Нидерландов, сделал невозможным всякое духовное общение между ними. Этим объясняется устаревший архаический стиль в прозябавшей фламандской литературе. До 1670 г., как и в средние века, писались лишь пьесы о страстях господних и религиозные мистерии [3]. Однако среди авторов встречались также некоторые утонченные от природы и оригинальные умы, острые и проницательные наблюдатели народных нравов, которые, несмотря на свое пристрастие к грубоватым шуткам, проявляли вкус к высокому и тонкому юмору. К ним принадлежал например Вильгельм Ожье, талант которого несомненно развился бы, если бы он жил в менее душной и затхлой атмосфере и среди более понимающей и более требовательной публики, чем та, которой он должен был довольствоваться в Антверпене XVII в.

Правда, время от времени в Бельгию приезжали труппы иностранных актеров, совершавшие турнэ по стране и знакомившие ее с более высоким драматическим искусством, чем грубоватые шутовские приемы Kluchtspelen. Но и в эту область вмешивались духовные власти, эти блюстители чистоты нравов. Гентский епископ советовал в 1611 г. городскому управлению не давать разрешения играть в городе труппе английских комедиантов, игравших в Геверле у герцога Аренберга [4]. Он возражал также в 1670 г. против спектакля, кото-

---

[1] *V. Brants*, Ordonnances, t. I, p. 146.

[2] *De Ram*, Synodicon Belgicum, t. IV, p. 166, 185.

[3] *H. J. A. Ruys*, Duytkens ende Willemynkens pelgrimage, Utrecht 1910, S. 41.

[4] *D. De Potter*, Petit cartulaire de Gand, p. 175. Аналогичное вмешательство со стороны епископа Турнэ имело место в 1610 г. *Ph. de Hurges*, Mémoires d'eschevin de Tournai, «Mémoires de la Société Historique de Tournai», t. V, 1855, p. 265.

рый хотели дать французские актеры [1]. Словом, театр — все равно национальный или иностранный — был поставлен под контроль суровой цензуры, и «почтенные люди» должны были довольствоваться за неимением лучшего трагедиями, которые ученики иезуитов периодически ставили в своих школах в день раздачи наград или по большим ежегодным праздникам [2]. В тот момент, когда на подмостках Франции появились первые пьесы Корнеля, в Бельгии серьезное драматическое искусство сводилось к школьной драматургии, писавшейся учителями-монахами для детей.

Влияние церкви на светскую литературу проводилось не только через драму. Разве поэзия не была для католической религии лучшим способом назидания и обращения инаковерующих? В связи с этим появляется совершенно новый тип писателя, священника-поэта, проповедующего в стихах о радостях божественной любви, о мерзости порока и ереси, стремящегося склонить души к мистицизму, «приправляя блюда вкусным соусом и посыпая их сахаром». Это был по существу тот же прием, какой применял Франциск Сальский, оживлявший священное красноречие красотами своего цветистого стиля, «совершенно так, как подают для возбуждения аппетита шампиньоны». Но Франциск Сальский писал главным образом для высшего общества, а через 20 лет иезуит Пуартэ (1605—1674 гг.), отдавший служению вере все воодушевление, всю силу и чистосердечие своего фламандского темперамента, обращался, наоборот, к простому народу и городскому населению. Несмотря на погрешности против хорошего вкуса, его сочинения в смысле оригинальности и живости принадлежат к лучшему из того, что было в нидерландской литературе того времени. Они так же поднимались над банальностью, пошлостью и скучным однообразием, свойственным произведениям благочестивой поэзии того времени, как сочинения Марникса превосходили общий уровень писаний памфлетистов XVI в. [3].

Но если, несмотря на наличие нескольких крупных произведений, фламандская литература XVII в. была уже на пороге упадка, который обнаружился совершенно ясно после

[1] *De Potter*, op. cit., p. 255.

[2] *De Béthune*, Le théâtre dans les anciens collèges de Belgique, «Mélanges G. Kurth», t. II, p. 251 etc.; *De Béthune*, Contribution à l'histoire du théâtre dans les anciens collèges de Belgique, spécialement à Courtrai, «Mémoires du Cercle Historique de Courtrai», t. III, 1910; *F. van der Haeghen*, Bibliographie gantoise, t. II, p. 31, 33, 34, 35; *D. D. Brouwers*, Les fêtes publiques à Dinant, Namur 1909, p. 62; *L. Lefebyre*, Le théâtre des Jésuites et des Augustins dans leurs collèges de Lille du XVI au XVIII siècle. «Annales de l'Est et du Nord», t. III, 1907, p. 1 etc.

[3] *H. J. A. Ruys*, Duytkens ende Willemynkens pelgrimage, p. 41 etc.

смерти Пуартэ, то по сравнению с нею французская литература производила впечатление еще более безжизненной. Это может показаться на первый взгляд странным, так как употребление французского языка сделало в тот период новые значительные успехи. И не потому, что он проник глубже в гущу народных масс или занял более важное место в административном аппарате страны. У мелкой буржуазии, занимавшейся своим ремеслом, сидя на одном и том же месте во Фландрии, не было нужды изучать французский язык, и вряд ли нужно особо отмечать, что он не преподавался детям бедняков в воскресных школах. Кроме того во фламандских областях общинные управления, провинциальные штаты и судебные коллегии вели свои заседания и переписку на фламандском языке [1]. Судопроизводство велось на фламандском языке; нотариусы писали здесь свои протоколы тоже на фламандском языке [2], и наконец все постановления и указы издавались здесь на фламандском языке. Французский был лишь официальным языком центрального правительства, Большого мехельнского совета, счетных палат, которые впрочем не имели никакого соприкосновения с народом. Что касается армии, то она пользовалась французским лишь поскольку не применялся испанский. Наконец во второй половине XVII в. король не порвал еще с традицией назначать во фламандские диоцезы лишь епископов фламандского происхождения [3].

Однако так как французский был языком центрального правительства, то естественно, что знание его требовалось от всех тех, кто хотел занять государственную должность [4]. Но в особенности значительные непрерывные успехи он делал среди дворянства и в силу этого среди всех разбогатевших семей, стремившихся добиться дворянского звания. Установленная в государстве социальная иерархия предназна-

---

[1] Брабантский совет объявил в 1651 г. выговор брюссельскому городскому управлению, приславшему ему отчет на французском языке. *A. Gaillard*, Histoire du Conseil de Brabant, t. II, p. 85.

[2] За исключением случаев, когда стороны хотели, чтобы протоколы составлялись на французском языке.

[3] См. по этому поводу любопытную докладную записку «четырех членов Фландрии», поданную герцогу Вилла-Гермоза в «Annales de la Société Historique de la ville d'Ypres», t. VI, 1873, p. 223.

[4] В 1663 г. в прошении, обращенном к сен-тронскому городскому управлению, говорилось о необходимости знать французский язык, чтобы иметь возможность получить высокий пост. *G. Simenon*, L'instruction populaire à Saint-Trond pendant l'Ancien Régime, «Bulletin de la Société scientifique et littéraire du Limbourg», t. XXIII, 1905, p. 176. Об обучении французскому в Термонде в это же время см. *J. Broeckaert*, Dendermondensia. Annales du Cercle archéologique de Termonde 1893, p. 376.

чала французскому роль языка аристократии. Он принадлежал теперь подобно шпаге и гербам к числу отличительных признаков дворянина. К тому же расцвет французской литературы и культуры со времени царствования Генриха IV значительно содействовал распространению знания французского языка. Далее, в то время как религиозный разрыв привел к духовному размежеванию между Бельгией и Голландией и в связи с этим обрек фламандский на роль провинциального языка, католической Франции нетрудно было оказывать свое влияние на католические Нидерланды. Однако она не пользовалась в них популярностью. Ее опять стали считать исконным врагом, в особенности с 1637 г. В том же положении, как и Янсений, ставший более чем наполовину французом и написавший все же против Франции свое сочинение «Mars Gallicus», находилось множество его современников. Но как могли они противостоять многовековому влиянию, которое оказывала эта страна? Даже такие истинно испанские по своим обычаям и взглядам государи, как Альберт и Изабелла, вынуждены были проявлять уважение к традиции и допускать, чтобы при их дворе говорили на языке Генриха IV. Кроме того, разве этот язык не был родным языком валлонского дворянства, оказавшего такую большую помощь в деле возвращения назад южных Нидерландов под власть Филиппа II и в лоно истинно католической веры? Но главное, не считался ли он официально «бургундским языком» и не служил ли он в качестве такового для подчеркивания перед Испанией независимости страны? [1].

Таким образом как раз в разгар борьбы между бурбонской и габсбургской династиями дворянство и примыкавшая к нему богатая буржуазия во фламандских частях Бельгии окончательно склонились в пользу французского языка [2]. Сверций жаловался в 1620 г. на презрение, выказывавшееся его соотечественниками их родному языку [3]. Популярность французского языка непрерывно росла по мере усиления значения аристократии. Особое желание изучить его проявляли женщины. Это объяснялось тем, что школы урсулинок, прибывших из Франции, вскоре сумели привлечь

[1] См. выше, стр. 333. Ср. *G. Kurth*, Notre nom national, Bruxelles, 1910, p. 16.

[2] Приведем несколько примеров. В Брюсселе в 1638 г. иезуиты проповедовали три раза в неделю на фламандском и два раза на французском языке. В Куртрэ примерно в это же время на проповедях на французском языке присутствовали «totius urbis honestiores» (виднейшие граждане города). *Waldack*, Historia Provinciae Flandro-Belgicae Societatis Jesu, p. IX, 24. В Антверпене в XVII в. существовала «Gallica sodalitas», «Imago primi saeculi», p. 774.

[3] Rerum Belgicarum, «Annales», Frankfurt, 1620, p. 2.

к себе всех молодых девушек из буржуазных семей [1]. И хотя во фламандских провинциях все продолжали говорить на фламандском языке, но на нем больше не читали и, находясь в хорошем обществе, старались изъясняться непременно по-французски. Некоторые «снобы» даже до того офранцузились, что делали вид, будто не понимают родного языка [2]. Если в частных библиотеках наряду с книгами благочестивого содержания или специальными сочинениями попадались и кое-какие беллетристические произведения, то это были французские [3]. Наконец в суде адвокаты ссылались на французское право, на французских юристов, на французские законы [4].

Однако это офранцужение господствующих классов не получило выражения в какой бы то ни было литературной деятельности, которая действительно заслуживала бы названия псевдофранцузской. Немногие литературно-бесформенные мемуары [5] и несколько вымученных и скучных творений иезуитов, капуцинов или священников, писавших для высшего общества — вроде например «Трелей благочестивого жаворонка» («La pieuse alouette avec son tirelire») иезуита де ла Шоссе, «Магдалины» («La Magdeleine») капуцина Реми, «Удела христианского рыцаря» («Apanages d'un chevalier chrétien») иезуита Мартина — достаточно красноречиво свидетельствуют об уровне французской литературы в Бельгии в первой половине XVII в. О некоторых наивных попытках привить в Бельгии вкусы французской академии или дух отеля Рамбулье или изысканного искусства итальянской литературы свидетельствует «Поэтическая скамья» («Le Banc poétique») барона Кэнси в конце XVII в., «Флемальская академия» («Académie de Flémalle»), основанная около 1641 г. французским священником Брегиэ де ла Круа, «Триумфаль-

---

[1] *V. van der Haeghen*, Inventaire des Archives de Gand, p. 295.

[2] Отец-иезуит Буурс в своем сочинении (*Bouhours*, Les entretiens d'Ariste et d'Eugène, p. 37) заявляет следующее: «В стране, в которой мы находимся, лица знатного происхождения делают его (т. е. французский) настолько предметом особого своего изучения, что совершенно пренебрегают своим родным языком и вменяют себе в заслугу, что они никогда не обучались ему. Брюссельские дамы проявляют не меньший интерес к нашим книгам, чем к нашим модам; даже простой народ, при всей его неотесанности, разделяет в этом отношении вкусы порядочных людей; он научается нашему языку почти так же быстро, как и своему собственному». Знакомству с этим местом из сочинения о. Буурса я обязан г-ну Когену.

[3] *A. De Poorter*, Een inventaris van 1632, в журн. «Biekorf», 1905.

[4] См. предисловие Ансельмо к первому тому «Placcaeten van Brabant».

[5] Как например «Mémoires guerriers» принца Карла Александра Круа (Антверпен 1642), или мемуары графа Мерод-Оньи (Монс 1840).

ный кружок мадемуазель Виньякур» («Triomphante bande de M-lle de Vignacourt») в Генегау [1] и наконец в самом сердце Фландрии, в замке Ронселе созданный Андрианом Госпицием Адорном [2] «Суд по любовным делам короля Лендра» («Cour d'amour du roi de Lindre»).

По сути дела эта скудость и эта незрелость не могли никого удивить, ибо все препятствовало дворянству принимать участие в литературной жизни или хотя бы даже тому, чтобы оно было подходящим читательским кругом для настоящих писателей. Так как оно было отстранено от участия в важных государственных делах, то оно не оказывало влияния на политическое руководство страны и совершенно перестало интересоваться им. Оно сплотилось на несколько лет вокруг двора Альберта и Изабеллы, но какое глубокое влияние мог оказать этот двор, сгруппировавшийся вокруг иностранных государей? В полную противоположность парижскому двору он в действительности не имел никакого влияния. Он способен был ввести в заблуждение пышными празднествами [3], но это не могло скрыть того факта, что он не имел решительно никакого значения. К тому же он распался тотчас же после смерти эрцгерцогской четы, и окружавшие его придворные вернулись в глушь своих провинций продолжать свое спокойное и монотонное существование, посвященное отчасти заботам о своих хозяйствах, отчасти же о делах местного управления. У них не было там почти никаких других развлечений кроме охоты. Почти все они довольствовались литературными познаниями, приобретенными в каких-нибудь иезуитских школах. Наиболее любознательные дополняли их путешествиями в Италию и многие из них коллекционировали по возвращении древности, картины и монеты. Они прочитывали или пробегали научные сочинения, но при той духовной спячке, в которую они были погружены, литература была — и не могла не быть для них — лишь освежающим отдохновением, светским и благородным препровождением времени, предлогом для галантных собраний и средством понравиться дамам.

II

С конца средних веков в Нидерландах сделалось установленным правилом, что изобразительные искусства всегда

[1] «Annales du cercle archéologique de Mons» t. V, 1864, p. 173.

[2] *T. de Limbourg-Stirum*, La cour du roi de Lindre, «Messager des Sciences Historiques», 1892, p. 17 etc.

[3] *E. Gossart*, L'auberge des princes en exil, «Anecdotes de la cour de Bruxelles au XVII siècle» Bruxelles 1905, p. 37 etc.; *Gossart*, Un divertissement à la cour des archiducs, «Belgique artistique et littéraire», octobre», 1909.

играли в них несравненно более блестящую роль, чем наука. Это наблюдалось как в бургундский период, так и в эпоху Возрождения, и XVII век не был в этом отношении исключением. Наоборот, никогда контраст этот не был так разителен. Достаточно обратить свои взоры к Рубенсу, чтобы кроме него ничего не видеть. Это такое ослепительное явление, перед которым все остальное его окружающее отступает на задний план.

И тем не менее, как ни разителен на первый взгляд этот контраст, но между литературой и искусством того времени есть нечто общее в их характерных чертах. Над ними одинаково господствовало влияние католической церкви, ибо они были тесно связаны с победой контрреформации и католицизма.

Нетрудно понять, почему им суждены были столь различные судьбы, хотя они подчинены были одному и тому же руководству. Причину этого следует искать в самой природе их. Идея и форма, легко отделяющиеся в литературных произведениях, наоборот, неразрывно связаны в творениях изобразительных искусств. В них невозможно оторвать чувство, вдохновившее артиста, от способов его выражения. Сюжет картины является лишь предлогом, благоприятным случаем выразить путем рисунка, колорита и освещения некий идеал красоты, некую концепцию о человеке или природе. Философские и религиозные взгляды художника не проецируются на его полотна. В них выражается самая сущность его личности на немом и универсальном языке форм и красок.

Нетрудно понять, какие последствия это имело для отношения католической церкви к Ренессансу. В то время как она присвоила себе стиль, язык и методы гуманистов, отбросив однако их мировоззрение, она вынуждена была, наоборот, принять художников такими, какими они были, и меры, принятые ею по отношению к ним, не стеснили ни в чем существенном их свободы или творческой фантазии. Словом, если ей удалось задушить дух Ренессанса в литературе, то она не могла сделать того же в области изобразительных искусств. Архитекторы, художники и скульпторы, которых она призывала строить или украшать свои храмы, непосредственно примыкали к своим предшественникам и продолжали их традиции.

Впрочем, доверяя им заботу об украшении своих святынь, католическая церковь требовала от них уважения к своим догматам и к своей морали. Уже в 1570 г. профессор лувенского университета Иоанн Молан сформулировал в

РУБЕНС
(автопортрет)

своем сочинении «De picturis et imaginibus sacris»[1] своего рода программу христианского искусства в духе решений Тридентского собора. Задачей его было полностью подчинить украшение церквей требованиям теологии и разума. Он не только изгонял из них нагие фигуры и нескромные картины, но прежде всего старался изгнать из них ту глубокую поэзию, то изображение трогательных и изящных легенд, которые были порождением наивной веры прошлых веков. Совершенно справедливо эту книгу назвали «длинным обвинительным актом против средневекового искусства». И действительно, Молан ничего не понимал ни в символизме, ни в поэзии, ни в столь глубоком и простодушном благочестии

[1] Первое издание ее вышло в Лувене в 1570 г., второе — в 1594 г. *E. Mâle*, L'art religieux de la fin du moyen âge, Paris 1908, p. 534 etc.

братьев ван Эйк и их преемников. Он не желал допускать соприкосновения человека с божественными делами. Небо не должно было больше открываться и общаться с землей, оно должно было отделиться от земли в величественной недоступности. Художник должен был отныне строго сообразоваться с текстами священного писания. Ему запрещалось впредь изображать святого Иосифа стариком, ставить в вазу рядом с пресвятой девой Марией лилию, которую архангел Гавриил должен был нести в руке при благовещении, изображать богоматерь падающей в обморок при виде распятого Христа. Мягкий и непринужденный мистицизм, издавна вдохновлявший национальную живопись, не находил никакого снисхождения у непреклонного теолога. Он осуждал его как покушение на величие религии и отсылал художников своей страны к более уважающим достоинства святых людей итальянским образцам, которые он впрочем знал лишь по своим разговорам с иезуитом Иоанном Гравием.

Но к чему сводился этот вывод, как не к тому, чтобы заставить художников по соображениям ортодоксии и церковной дисциплины стать на тот путь, на который они уже сами добровольно стали в начале века? Таким образом в тот самый момент, когда католицизм порывал с философией и мировоззрением Ренессанса, он одновременно — впадая в явное противоречие — становился в области искусства на службу именно этому Ренессансу. Действительно, в конце XVI в. итальянизм и Ренессанс совпадали, так что тот, кто рекомендовал первый, действовал в интересах второго. Таким образом ортодоксия, вместо того чтобы заставить искусство сойти с истинного пути, подобно тому как ей удалось это сделать по отношению к литературному движению, в силу именно соображений дисциплины, которой она хотела его подчинить, еще более склонила его к той цели, к которой он сам стремился. Когда Молан писал свое сочинение, он повидимому не подозревал, что средневековая традиция была давно уже оставлена в мастерских художников и что здесь торжествовал уже итальянизм. Михаил Кокси и Франц Флорис, эти фламандские Рафаэль и Микель Анджело, были его современниками. Брейгель был почти единственным художником, шедшим еще против течения.

Таким образом итальянское влияние, к которому тяготели мода и господствовавшие вкусы, достигло благодаря католической реставрации своего апогея. Последняя создала для изящных искусств одновременно во всех областях такое широкое поле деятельности, какого они давно уже не имели. Она открыла новый период сооружения крупных церковных зданий. Никогда еще со времен герцогов бургундских в Бель-

гии не было такого огромного строительства, как в период правления Альберта и Изабеллы и в течение следующих 15 лет. Рядом с огромными готическими соборами, последним образцом которых была законченная в 1582 г. Сен-Вальтрудская церковь в Монсе, в церквах, строившихся теперь повсюду в городах, победил стиль барокко. В то время как творения светской архитектуры, как например Nieuwerk в Ипре, восточный фасад гентской ратуши, здание суда в Фюрне, суконные ряды в Турнэ, все еще оставались верны своеобразному классицизму, с которым более или менее счастливо сочетались изящество и легкость брабантской школы, церковные сооружения строились непосредственно по римским образцам.

Наиболее яркое выражение эти новые тенденции нашли себе в особенности в многочисленных церквах, строившихся иезуитами, где они утвердились прочнее всего. Новизна их внешнего вида заставляла даже некоторое время полагать, будто существует особый, «иезуитский стиль». Но на самом деле иезуиты не изобрели ничего нового [1]. Они ограничились заимствованием того стиля, с которым эпигоны Микель Анджело как раз тогда познакомили Италию, т. е. стиля барокко, в котором все приносилось в жертву изысканному выражению, в котором чувство преобладало над разумом и который своей формой выражения и своими пышными украшениями как нельзя более подходил для прославления торжествующего самосознания победоносной католической церкви. Уже в 1583 г. иезуиты применили этот стиль при сооружении их церкви в Дуэ, архитектурные планы которой, присланные из Рима, были составлены по образцу тамошней церкви Иисуса. Это был первый подобного рода памятник, воздвигнутый на бельгийской почве, и иезуиты повидимому даже опасались, чтобы его новизна не вызвала слишком сильного недоумения. Спектакль, поставленный по почину иезуитов их учениками в день закладки здания, использован был также для объяснения публике основных идей, которыми руководились при постройке собора [2]. Впрочем, они были очень далеки от того, чтобы проводить их повсюду. Было немало таких церквей, при постройке которых иезуиты за отсутствием денег или по крайней мере по соображениям экономии заимствовали очень простой стиль бельгийских церквей, ограничиваясь применением пышного барокко лишь к фасаду и порталу. Но повсюду, где они были в состоянии, они видоизменили традиционные формы церковной архитектуры сообразно новым

[1] *J. Braun*, Die belgischen Jesuitenkirchen, Freiburg, 1907.
[2] Ibid., S. 117.

принципам, сделавшимся теперь ортодоксальным направлением в искусстве. Церковь не должна была больше быть отныне широко открытым молитвенным домом, с бесчисленным количеством больших и маленьких часовен, отрадным убежищем для мистического благочестия. Она скорее должна была стать пиршественной залой, блистающей красками и позолотой, где перед глазами всех возвышались алтарь всемогущего и престол, с которого возвещалось его слово. Искусство воздействовало здесь одновременно на воображение и чувства, еще более подчеркивая божественное величие и помогая проповеди делать свое дело. Статуи говорили, действовали, спорили, угрожали, благословляли. Это были как бы миссионеры, апологеты, духовники, обращавшиеся с наставлениями к народу, чтобы укрепить его в его вере и предохранить от ереси. Среди дымящихся курений ладана виднелись в золоченых рамах огромные живописные изображения, прославлявшие муки святых или какие-нибудь эпизоды из священной истории. Снаружи же поднимался к небу отливавший красновато-желтым блеском каменный фасад новой церкви, которая с ее колоннами, ее завитушками, ее обелисками, ее выдающимися карнизами, поддерживавшими полыхавшие пламенем урны, с ее нишами, служившими прикрытием для колоссальных статуй, похожа была на триумфальную арку.

Впрочем не следует думать, что нидерландские церкви в стиле барокко были простыми копиями итальянских церквей. Наоборот, они обладали характерными отличительными особенностями. Под влиянием национального вкуса иностранный стиль видоизменился, приспособился к обстановке и в таком виде утвердился на новой родине. Он сохранял в большинстве случаев в качестве остова зданий общее расположение готических церквей. Но в то же время он отличался богатством, причудливостью и живописностью своих украшений. Уже давно было замечено, что он прежде всего стремился к красочным эффектам, что он придавал больше значения живописным элементам, чем конструктивным. В нем легко было распознать пристрастие брабантской школы к пышной орнаментике.

Интересно отметить, что иезуиты не довольствовались только введением стиля барокко в Бельгии. Многие из них выделялись также как архитекторы. Построенные Генрихом Геймакером (1559—1623) и Жаном Блоком (1583—1656) церкви ордена в Турнэ и в Монсе не представляли еще ничего замечательного. Но зато Франциск Эгийон (1566—1617), Петер Гюиссенс (1577—1637) и Вильгельм Гесий (1601—1690) были подлинными художниками. Церкви св. Лупа в Намюре,

св. Вальпургии в Брюгге, св. Петра в Генте сохранили нам еще до настоящих дней образцы изящного и разностороннего таланта Гюиссенса; нам известно также, что это именно он вместе с Эгийоном составил планы и построил знаменитую церковь иезуитов в Антверпене, ослепительная роскошь которой вызывала даже опасения у генерала ордена [1]. Что касается Гесия, то он был автором плана церкви иезуитов в Лувене, подвергшегося впрочем позднее довольно значительным изменениям.

Но еще более выдающимся и более замечательным явлением по сравнению с этими монахами-архитекторами был брюсселец Жак Франкар (1577—1651), благодаря сочинению которого «Livre d'architecture», изданному в 1616 г., новые принципы стиля барокко нашли себе окончательное признание в Бельгии. Фасад брюссельского храма августинцев полностью оправдывает его славу и благоволение, которым он пользовался у Альберта и Изабеллы. Самое замечательное его творение, построенная в 1606—1620 гг. иезуитская церковь в Брюсселе, к сожалению не сохранилась. Она считалась в свое время шедевром и послужила отцу Гюиссенсу образцом при сооружении зданий, воздвигнутых им в Брюгге и Намюре. Франкар, как и его современник Венцеслав Кобергер, начал свою карьеру с живописи, и несомненно ей он обязан был тем особым своеобразием своих творений, которое обеспечило им выдающееся влияние и которое так сильно содействовало освобождению бельгийской архитектуры от итальянского влияния. Его преемник Лука Фейдерб из Мехельна (1617—1697) завершил эту эволюцию; стиль барокко достиг у него той силы и того богатства выражения, которые получили наиболее яркое проявление в бегинской церкви в Брюсселе (1657—1676) и в мехельнской церкви богоматери (1663—1678). Но это объясняется тем, что Фейдерб был учеником Рубенса и одним из бесчисленных орудий этого гения-властителя, который мало-помалу сумел наложить свой отпечаток на все художественное творчество страны.

Рубенсу был 31 год, когда он в 1608 г. вернулся в Антверпен из Италии, где он получил свое художественное образование. Он пользовался почетной славой, и в следующем году Альберт и Изабелла назначили его своим придворным художником с окладом в 500 флоринов. Это было как раз тогда, когда началось 12-летнее перемирие. Повсюду спешили

[1] *Донне (F. Donnet*, L'architecte de l'église des Jésuites à Anvers, «Bulletin des Commissions royales d'Art et d'Archéologie», 1910, p. 25 etc.) полагает, что Рубенс принимал руководящее участие в работах по украшению этого здания.

воспользоваться этой длительной передышкой, чтобы украсить церкви или вернуть им их былой блеск. Художественные мастерские были буквально завалены заказами, открывалось неограниченное поле деятельности. Рубенс устремился навстречу этой работе и в 1612 г. проявил себя в своем «Снятии с креста» лучшим художником своего времени.

В наши задачи не входит давать здесь жизнеописание этого исключительно обаятельного художника, этого поэта силы и краски, который, перенеся под небо севера увядшую живопись Италии, сумел вдохнуть ей здесь новые силы и преобразить ее своим могучим дарованием. Укажем лишь вкратце, чем он связан был с общей культурой эпохи, которую он запечатлел в своих творениях.

Прежде всего это был человек культуры Ренессанса. Он обладал ее универсальной многосторонностью, ее жаждой знаний и ее страстным преклонением перед античностью. Он был одновременно художником, архитектором, нумизматом, археологом, филологом, и, как у многих выдающихся итальянцев XVI в., художник сочетался в нем с человеком действия. Несмотря на свою колоссальную работу, он находил время для успешного выполнения в Англии и в Голландии сложных дипломатических поручений. Хотя он был убежденным католиком, но религиозное чувство никогда не принимало у него формы того чрезмерного ригоризма мысли и нравов, который получил столь широкое распространение у его современников. Он любил жизнь здоровой и сильной любовью; он принимал ее такой, как она есть со всеми ее обязанностями, но и со всеми ее радостями. Его кисть, так прекрасно изобразившая самые возвышенные и патетические сцены из евангелия и так величественно воспроизводившая историю святых и мучеников, находила также немалое удовольствие в изображении сияющей красоты нагого женского тела в золотистом обрамлении белокурых шелковистых волос, в сверкании журчащих вод или в темной рамке роскошных мехов. Его совершенно справедливо называли самым совершенным художником контрреформации, так как он был величайшим из художников, отдавших свои силы служению католической церкви. Но его никак нельзя отнести к числу исключительно религиозных художников. Если он, с одной стороны, находясь всего на расстоянии нескольких лье от выбеленных белой известкой голландских кальвинистских храмов, украшал церковь иезуитов в Антверпене своими непревзойденными творениями и непрерывно создавал для алтарей множество картин, которые во всех больших храмах Бельгии прославляли победу католицизма над ересью, то, с другой стороны, когда ему приходилось рас-

писывать стены Люксембургского дворца историей Марии Медичи, он покрывал их насквозь языческими изображениями. Его универсальный гений легко приспособлялся ко всем запросам современного ему общества, точно так же как он распространялся на все виды искусства. Его ученики были почти столь же многочисленны, как и его шедевры, и столь же отличны друг от друга, как его природные дарования. Это были замечательные художники, как ван Дейк, Иорданс, Снайдерс, Корнелиус де Вос, Тенирс. Но к числу их принадлежали также и архитекторы вроде Фейдерба и граверы вроде Сутмана и Востермана. Его отпечаток лежал на всем бельгийском искусстве, и казалось, что оно вышло из его мастерской. После смерти Рубенса оно не дало больше ни одного крупного имени. Вызванное к жизни Рубенсом, оно пресеклось вместе с его учениками; последовавшее за ними поколение лишь повторяло их.

И нельзя не установить знаменательного совпадения между этим столь стремительным, но и столь кратковременным расцветом антверпенской школы искусства и между историей самой Бельгии в XVII в. Действительно, ведь полное развитие творческого гения Рубенса падает именно на блестящий период правления Альберта и Изабеллы, когда брюссельский двор в союзе с католической церковью и испанской монархией был еще одним из самых оживленных и космополитических политических центров Европы. Однако великому художнику суждено было не только пользоваться покровительством эрцгерцогской четы и Спинолы, любить их и разделять их честолюбивые помыслы. Ему суждено было также благодаря своей долгой жизни увидеть полное крушение всех их надежд, увидеть свою родину, вынужденной делить судьбы клонившейся к упадку испанской монархии, отданной во власть иностранных правителей, неспособных защитить ее, увидеть, как она, недовольная и в то же время смирившаяся, постепенно впадала в то оцепенение, следствием которого было полное притупление национальной энергии, а в связи с этим и затухание последних искр художественного творчества.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ *

А

«Августин...» Богословское сочинение епископа ипрского Янсения (см. «Янсенизм») «Августин, или учение святого Августина о здоровьи человеческой души, ее недугах, исцелении...» (Augustinus sive doctrina sancti Augustini de humana natura, sanitate, aegritudine, medicina etc...). Папа Урбан VIII под влиянием иезуитов запретил чтение этой книги буллою «In eminenti», изданной в 1642 г.

Алькабала кастильская. Алькабала была впервые введена в 1431 г. в качестве чрезвычайного налога, взимавшегося на военные расходы, вызванные борьбой с маврами. Впоследствии этот налог был узаконен и применялся в царствование Изабеллы, Карла и Филиппа II.

Этот налог предусматривал 1%-ное прямое обложение всех недвижимых имуществ, 5%-ное обложение недвижимости при актах купли-продажи и перехода недвижимости из рук в руки и 10%-ное обложение при купле-продаже движимого имущества. Последнее было особенно тяжелым бременем, стеснившим развитие торговли и затруднившим сбыт предметов ремесленного производства.

Амбуазский эдикт. Мирный договор, подписанный 19 марта 1563 г. По условиям договора исповедание протестантской религии запрещалось в Париже, но разрешалось в некоторых городах и в пределах частных владений феодалов — сторонников протестантизма.

Анабаптисты. Сектантское движение, широко распространившееся в XVI в. *А.* сочетали религиозно-мистические представления с радикальными требованиями социального и политического порядка. Отвергая внешний культ, таинства и авторитет отцов церкви, они противопоставляли этому св. писание и внутреннее религиозное откровение. Анабаптистов называли также «перекрещенцами», так как, вступая в секту, они принимали вторичное крещение. Требуя неограниченной свободы совести, они отстаивали свободу воли, значение добрых дел, веру в милость божию и необходимость возврата к апостольской церкви. Среди многочисленных отдельных сект (в XVI в. насчитывалось до 40 анабаптистских сект) выделялось крайнее крыло, объединявшее наиболее радикальные элементы из среды городской и сельской бедноты. Сторонники этого течения выступали с требованием полного общественного равенства, уничтожения имущественных и сословных различий, считая, что всякое неравенство противоречит божественному откровению. Они восставали против частной собственности и государства, отвергая присягу, суд, военную службу, подчинение закону. Анабаптистские проповедники предрекали наступление «царства божьего», царства праведных, где не будет ни розни, ни властей, ни неправедно нажитого богатства. Некоторые проповедники открыто призывали к революции. В Германии движение приняло революционный характер в текстильном центре

* Толковый словарь и указатели составлены А. Эпштейном.

XVI в. — городе Цвиккау (цвиккаусские пророки) и в городе Мюнстере, где была создана знаменитая Мюнстерская коммуна.

В Нидерландах движение зародилось рано и приняло, ввиду остро сложившихся классовых противоречий, революционный характер. Протестанты и кальвинисты требовали по отношению к анабаптистам применения суровых репрессий. Когда на поддержку Мюнстерской коммуны из Нидерландов устремились толпы ремесленников-анабаптистов, эта неорганизованная масса была окружена и перебита войсками графа Гогстратена.

Арминиане, или «ремонстранты». Последователи Арминия — Якоба Гарманцен (род. в 1560 г.), кальвинистского богослова. *А.* в противовес гомаристам (см.) представляли умеренное крыло в кальвинизме. Они отвергали учение о предвечном избрании и были склонны к большей мягкости в отношении к другим исповеданиям. *А.* относились отрицательно к монархии, и их учение находило себе последователей среди республиканско-аристократических элементов общества.

Учение арминиан было осуждено национальным синодом в Дордрехте (см. Гомаристы).

Арраский мир. См. «Бургундское государство».

Артевельде, ван, Якоб (1290—1345). Сын богатого фландрского суконщика. Выдающийся политический деятель и оратор, сторонник тесного союза с Англией, *А.* стал во главе городской партии, возмущенной политикой графа Людовика II Фландрского, склонявшегося вместе с дворянской партией к союзу с Францией.

А. привлек на свою сторону города Гент, Брюгге и Ипр. Воспользовавшись поддержкой англичан, начавших против Франции войну за обладание Фландрией (превратившуюся затем в «Столетнюю войну»), *А.* изгоняет французские войска из Фландрии и оказывает на море военную поддержку Англии, с которой были связаны интересы фландрского купечества.

А. был заподозрен в желании превратить Фландрию в наследственное владение английского королевского дома и убит 24 июля 1345 г. во время народного восстания.

Аугсбургский религиозный мир. Заключен в 1555 г. По условиям этого мира, за князьями сохранялись все их территориальные приобретения, в том числе и секуляризованные владения церкви. Был провозглашен принцип «Cujus regio, eius religio» («Чье правление, того и вера»), в силу которого каждому князю предоставлялось право устанавливать в своих владениях исповедание той или иной религии (католицизма или лютеранства).

На территории всей империи лютеране ограждались от притеснений за веру, но веротерпимость не распространялась на кальвинистов и последователей Цвингли, а также и на другие религиозные учения и секты. Епископам и священникам предоставлялось право отказаться от католицизма, но в этом случае они должны были возвратить церковное имущество (в частности земли) церкви («reservatum ecclesiasticum»).

Аугсбургское исповедание (Confessio Augustana) (стр. 97). Составлено в июне 1530 г. виттенбергскими протестантскими богословами по заданию курфюрста Иоанна Саксонского для представления на Аугсбургский религиозный сейм (см.) Карлу V.

Окончательная редакция текста исповедания была установлена Меланхтоном в гор. Аугсбурге. *А. И.,* одобренное всеми государственными чинами империи, представляло проект соглашения по религиозно-догматическим вопросам, на основе которого мыслилось примирение между католиками и лютеранами. Положения, признаваемые обеими сторонами, выдвинуты на первый план, спорные вопросы, по возможности, отодвинуты на задний план. Разногласия формулированы крайне осторожно и

мягко. *А. И.* не встретило поддержки у Карла V. Компромисс между лютеранами и католиками не состоялся.

Тем не менее *А. И.* сыграло существенную роль, так как оно было превращено в основу лютеранского исповедания.

Б

Бегинки. Орден монахинь, ставивший своей задачей призрение покинутых жен и детей, уход за больными, воспитание детей.

Орден возник в XII в. в Нидерландах и затем получил широкое распространение во Франции, Германии, Италии и Швейцарии.

Бригитты. Монашеский орден, названный именем шведской святой Бригитты (родилась около 1303 г., умерла в Риме в 1373 г., канонизирована в 1391 г.). Орден *Б.* допускал совместное пребывание в одном и том же монастыре мужчин и женщин, для которых лишь отводились различные помещения. Устав *Б.* предусматривал суровый режим.

Брюггская заутреня. В начале XIV в. французский король Филипп IV Красивый ввел свои войска во Фландрию, воспользовавшись той борьбой, которая велась между дворянами и городским нобилитетом, с одной стороны, и фландрскими купцами и ремесленниками, с другой стороны.

Захват Гента и Брюгге французскими войсками повлек за собой тяжкий финансовый гнет, вызвавший восстание 1302 г. Горожане Брюгге предприняли ночное нападение на французский гарнизон, во время которого было убито около 1 300 рыцарей и до 2 000 солдат. Это событие известно под именем «Брюггской заутрени».

Бургундское государство. Французское герцогство Бургундия (Bourgogne) находилось в Северо-восточной Франции (охватывало территорию от Шалона до Шатильона). Бургундский герцог Филипп Смелый, женившись на единственной дочери Людовика III, графа Фландрского, с 1363 г. присоединяет Фландрию и Франш-Контэ. Бургундский герцог Филипп Добрый (1437—1467), воспользовавшись ослаблением Франции, вызванным Столетней войной, оказывает поддержку Англии и присоединяет к своим владениям: Геннегау, Лимбург, Намюр, Брабант, Люксембург, Голландию и Зеландию. Сын и преемник Филиппа Доброго Карл Смелый (1467—1477) увеличил свои владения покупкой Гельдерна и Зютфена и стремился превратить свое герцогство в независимое королевство. Против него образовалась коалиция, в которую вошли Англия, Франция, Швейцария.

В начавшейся вслед за этим войне военный перевес оказался на стороне противников Карла Смелого, располагавших пехотой, вооруженной огнестрельным оружием. В 1477 г. бургундские войска потерпели страшное поражение на обледенелых полях Нанси. В этой битве пал Карл Смелый. Его обширные владения достались его единственной дочери Марии Бургундской. Представители Нидерландских провинций, собравшиеся на сейме в Генте, решили отстоять независимость страны, оградить ее от притязаний Людовика XI и сохранить династические права за Марией Бургундской.

Гентский сейм заставил Марию Бургундскую «даровать» так называемую «Великую привилегию» (см.), формулирующую ряд конституционных гарантий в интересах провинций. В августе 1477 г. Мария Бургундская вышла замуж за эрцгерцога Максимилиана I. С этого момента бургундские владения переходят к дому Габсбургов. По условиям Аррасского мира, заключенного в 1482 г., Бургундия (в тесном смысле слова, т. е. первоначальная территория Бургундского герцогства) была признана составной частью Франции, Нидерландские же провинции — наследствен-

ными землями Габсбургов. Это положение впоследствии подтверждено условиями Като-камбрезийского мирного договора 1559 г. (см.).

Бургундский округ. Один из 10 округов, на которые императором Максимилианом I в 1512 г. была разделена Германская империя. В состав округа входили графство Бургундское (Франш-Контэ) и 17 Нидерландских провинций.

В

Варфоломеевская ночь. Кровавое истребление гугенотов, происшедшее в ночь с 23-го на 24 августа 1572 г. в Париже.

После Сен-Жерменского договора (8 августа 1570 г.) и попытки скрепить мир между враждующими сторонами браком Генриха Наваррского с Маргаритой Валуа (сестрой короля), непримиримые элементы католической партии стремятся уничтожить все возможности для соглашения и перейти к истреблению своих противников. После неудачного покушения на жизнь адмирала Колиньи (22 августа) было решено организовать резню гугенотов, в большом количестве съехавшихся в Париж по случаю ожидавшегося бракосочетания (см. выше). В ночь накануне дня св. Варфоломея колокол церкви Сен-Жермен подал сигнал к резне, первой жертвой которой сделался Колиньи. Вслед за истреблением гугенотов в Париже последовала резня в Мо, Труа, Орлеане, Руане, Бурже, Лионе, Тулузе, Бордо и других центрах. Карл IX заявил парламенту, что избиение гугенотов последовало по его личному приказанию.

Васси. Городок на реке Блезе во Франции, 1 марта 1562 г. в этом городке произошло столкновение между гугенотами, собравшимися на богослужение, и проезжавшей мимо свитой герцога Гиза. Избиение гугенотов в Васси послужило сигналом, вслед за которым разгорелась ожесточенная религиозно-политическая борьба («Религиозные войны»).

Великая привилегия — см. Привилегия великая.

Vindiciae contra tyrannos. «Иск к тиранам». Памфлет, вышедший около 1577 г. Автор скрыл свое имя под псевдонимом Iunius Brutus. Существует предположение, что автором его был Филипп Дюплесси Морнэ (см. указатель соб. имен). Памфлет выдвигает идею народного суверенитета и отстаивает право народа на восстание против «тирана».

Восельское перемирие. Заключено во время одной из войн между Францией и Германской империей. Подписано 16 февраля 1556 г. французским королем Генрихом II и новым (в тот же год вступившим на престол) испанским королем Филиппом II. Позднее папа Павел IV, поддерживавший французов, освободил Генриха II от восельской клятвы.

Г

Гомаристы. Последователи Франца Гомара (1563—1641), лейденского кальвинистского богослова. Гомаристы — непримиримые сторонники учения о предопределении, не допускавшие никаких уступок в этом вопросе. В борьбе с арминианами (см.) гомаристы добились осуждения своих противников на Дордрехтском синоде (1618—1619).

Ж

Joyeuse Entrée (дословно — «радостный въезд»). Старинные привилегии Брабанта и Лимбурга, подтверждаемые герцогами при торжественном въезде в свою резиденцию. Впервые вольности Брабанта были

утверждены в 1356 г., после чего каждый новый герцог, принимая это звание, выполнял традиционную церемонию въезда и подтверждения местных вольностей.

З

Золотого руна орден. Основан в Брюгге бургундским герцогом Филиппом Добрым в ознаменование своего брака с Изабеллой Португальской. Первоначально число членов ордена было ограничено 25 представителями высшей знати. Позднее принадлежность к ордену стала признаком аристократического происхождения для бургундских и нидерландских феодалов, домогавшихся чести сделаться членами ордена. Сами герцоги Бургундские, а затем государи из дома Габсбургов были гроссмейстерами ордена. Отличием ордена являлась золотая цепь с фигурой агнца, символом смирения, подобающего рыцарям ордена, и символом национального богатства Нидерландов (шерсть).

К

Камеры риторики. Ассоциации горожан, посвящавших свой досуг поэзии, театру и музыке. Риторические общества были занесены в начале XV в. из Франции. Риторы (Rederykers) вносили в свои литературные занятия элемент политики, и уже при Филиппе Добром их стихи и сатиры, осмеивавшие произвол бургундских властей, вызвали запрещение риторических обществ.

Искоренить их, однако, не удалось. Филипп Красивый (сын Марии Бургундской) сам вступил в члены одного из подобных обществ. В XVI в. риторические организации были широко распространены. Они имелись даже в деревнях. Общества имели свои уставы. Их президенты шутливо назывались королями, князьями, капитанами, архидиаконами и т. п. У каждого общества имелся свой казначей, шут и знаменосец для публичных процессий, а также свой герб. Влияние риторов — певцов, стихотворцев, музыкальных импровизаторов — было настолько значительным, что Филипп Красивый созвал в 1493 г. съезд риторов в Мехельне, где все общества были учтены и подчинены общему контролю одного высшего риторического общества, называвшегося «Обществом Иисуса с бальзамином». Бесхитростная поэзия риторов и зрелища, организуемые ими, сыграли значительную роль в деле реформации и подготовки политической оппозиции. Фарсы, сатиры и куплеты, сочиненные риторами, высмеивали пороки духовенства и пользовались большой популярностью в массах.

Капитул. Капитулом первоначально называлась коллегия лиц, состоящих при епископе и его кафедре.

Начиная с VIII в. стали возникать *кафедральные капитулы,* представлявшие собою общежитие клириков кафедральной церкви. Члены этих кафедральных капитулов стали называться канониками. Наряду с кафедральными появились также и *коллегиальные* капитулы, т. е. общежития клириков обычных церквей (не-кафедральных).

Общежитие как бытовой институт постепенно отмирает, но капитул сохраняется в качестве организации, объединяющей клириков данной категории.

Членам кафедрального капитула принадлежит существенная роль в управлении диоцезом, им же принадлежит и право выбора епископов. С течением времени звание каноников превращается в статью дохода для представителей знати. Зачастую каноник живет вдали от места

своего служения, препоручая выполнение своих священнических функций викарию.

Кармелиты. Монашеский орден, ведущий начало от Бертольда Калабрийского, основавшего около 1156 г. общину отшельников на горе Кармиле, где он и умер в 1187 году. Устав К. составлен в 1209 и утвержден папой Григорием III в 1224 г. Каждый кармелит живет в отдельной келье, не ест мяса, днем и ночью чередует молитву с ручным трудом и положенное уставом время проводит в совершенном молчании. В 1274 г. папа Иннокентий IV смягчил устав К. и принял их в число нищенствующих орденов. Это повлекло за собой раскол ордена. Более умеренные приняли новый устав — их стали называть «конвентуалами» (отличительный признак — обувь), — тогда как непримиримые сторонники аскетической традиции сохранили прежний устав и получили название босоногих (они не носили обуви), или «обсервантов».

Като-Камбрезийский мирный договор. Като-Камбрези — город на реке Селль, притоке Шельды. В 1559 г. здесь заключен мир между Францией, с одной стороны, и Испанией и Англией, с другой стороны. По условиям этого мира, Генрих II и Филипп II вернули друг другу свои завоевания, сделанные за время с 1552 г. Франция возвращала 198 укрепленных пунктов и все герцогство Савойю, в котором была восстановлена власть Филибера. Англия уступала Франции Кале, с тем чтобы через 8 лет этот город был либо возвращен, либо за него была внесена денежная компенсация в 50 000 крон. Территория герцогства Бургундского (без Нидерландских провинций) оставлялась за Францией.

Клариссы. Женский монашеский орден. Наряду с миноритами и терциариями считается «вторым орденом» св. Франциска. Основательница ордена Клара (1193—1253) родом из Ассиз. Суровые вначале правила устава, были впоследствии смягчены Бонавентурой и затем папой Урбаном IV.

Изменение устава Урбаном IV вызвало раскол ордена. Более аскетические элементы сохранили старый устав и прежнее название (их называли также сестрами «ордена смирения»).

Менее строгие члены ордена получили название «урбанисток». Они сосредоточили свою деятельность на работе в учреждениях воспитательного и благотворительного характера. В этом виде орден сохранился в Бельгии до наших дней.

Конституция 1540 г. Карла V. После неудавшегося восстания город Гент был сурово наказан императором Карлом V.

В 1540 г. Карл V, вступив в Гент во главе сильного войска, опубликовал указ, которым (наряду с тяжким штрафом и перечнем репрессий) учреждались новые конституционные порядки. Впредь все должностные лица должны были назначаться самим императором, а число цехов уменьшилось наполовину, и они при этом лишились всякой политической власти и всякого самоуправления.

«Concessio Carolina». Под этим именем известны две конституционных грамоты. Одна из них была дана провинциям герцогом Бургундским Карлом Смелым, вторая же является конституцией 1540 г., установленной Карлом V для города Гента (см. выше).

Консульта (стр. 49). Совет при правительнице Нидерландов Маргарите Пармской, в состав которого входили кардиналы Гранвелла, Виглиус и Берлемон.

Коррехидор (стр. 136). Коррехидором в Испании называлось должностное лицо, назначаемое королем для заведывания судебными и административными делами какого-либо города.

Л

Лепанто Бухта на Адриатическом побережье Балканского полуострова. В 1571 г. морские силы Турции понесли здесь жестокое поражение, нанесенное испанским и венецианским флотами, находившимися под командой дон Жуана Австрийского.

М

Монархомахи. Монархомахи — борцы против монархии. *М.* являлись сторонниками теории, оправдывавшей восстание и рассматривавшей покушение на государя как «тираноубийство».

В качестве монархомахов выступают публицисты и политические деятели второй половины XVI в. во Франции, Нидерландах, Испании, Германии, Шотландии, горячо оспаривавшие притязания абсолютной монархии.

Среди монархомахов выдвигались просвещенные представители феодальной аристократии, защищавшие ссылками на свободу старые сословные и корпоративные права и привилегии, сокрушаемые победоносным ростом абсолютизма.

К монархомахам примыкают оппозиционные элементы кальвинистской и даже католической буржуазии (из парламентских кругов во Франции). Тенденции феодального сепаратизма и партикуляризма часто сочетаются у монархомахов с принципами кальвинизма, дающего религиозное оправдание этим тенденциям.

К монархомахам относятся также некоторые иезуиты, в том числе знаменитый Мариана. Монархомахи являются предшественниками теории естественного права и конституционалистов XVII—XVIII вв.

О

Официалы. Официалами в католической церкви назывались должностные лица, выполнявшие в епархии функции церковно-судебной власти при содействии «официалата» (консистории, коллегии капоников).

Тридентский собор узаконил для официалов сан архидиаконов.

П

Плакаты. Так назывались в Нидерландах императорские указы.

Плакат от 25 сентября 1550 г. Плакат, подписанный императором Карлом V, получил имя «Кровавого указа». Плакат запрещал читать, хранить и распространять еретические произведения Лютера, Кальвина и других реформаторов. Запрещалось в домашнем кругу читать библию, а также рассуждать о темных и малопонятных местах священных текстов. Заподозренные в ереси и те, кто оказывал им приют или покровительство, подлежали наказанию: мужчины — казни, женщины — погребению заживо. Судьям воспрещалось смягчать суровость наказания и возбуждать какие-либо ходатайства о помиловании.

Доносчикам была обещана половина имущества изобличенных ими еретиков, если таковое не превышало по своей стоимости 100 фламандских фунтов, и 10% всего превышавшего эту сумму.

Польдеры. Низменные поля на голландском побережье, огражденные от моря плотинами.

Пребенда. Источник дохода, который получали духовные лица в виде земельных владений, домов и пр. Еще законодательством Карла Великого было установлено, что каждая церковь должна владеть участком земли, доходы с которой поступают в пользу причта. Пребендой пользовались не только клирики, но и подростки, подготовляемые к замещению церковных должностей. Тридентский собор понизил возраст лиц, имеющих право на пребенду, до 14 лет.

Привилегия великая Марии Бургундской, — «Groot privilegie». Дана Марией Бургундской в 1477 г. по требованию Гентского сейма. Великая привилегия возвращает и подтверждает старые вольности: «Большой совет» и «Верховный суд Голландии» восстанавливаются. В «Верховный суд» поступают апелляции на решения низших инстанций. За гражданами провинций и городов обеспечивается право не подлежать иному суду, кроме своего местного. Города всех Нидерландских провинций имеют право созывать сеймы, как бы часто и в каком бы месте им ни заблагорассудилось собраться. Никакие налоги не могут быть установлены без согласия провинциальных штатов. Ни сама герцогиня, ни ее потомки не могут начинать наступательной или оборонительной войны без согласия провинциальных штатов. Если война начинается не на законном основании, то штаты не обязаны содействовать ее продолжению и ведению. Указы герцогини имеют силу только в том случае, если они не нарушают привилегий страны. Во всех официальных документах должен употребляться фламандский язык. Все должности в провинциях должны быть замещены коренными нидерландцами. Никто не имеет права чеканить монету или повышать и понижать ее ценность без согласия штатов. Города не обязаны содействовать сбору тех государственных налогов, которые ими не вотированы.

Государь обязан лично являться (в заседание штатов) для заявления о своей нужде в деньгах. Аналогичные привилегии были даны и другим провинциям помимо Голландии.

Впоследствии все конституционные гарантии, декларированные Марией Бургундской, были нарушены. Уже Филипп Красивый в 1494 г. поклялся соблюдать только те льготы, которые были дарованы Филиппом и Карлом Бургундскими и их предками, и объявлял недействительными все привилегии, приобретенные после смерти Карла Смелого.

Р

Рамбулье отель. Так назывался дом маркизы Екатерины Рамбулье, получившей хорошее образование и сумевшей создать весьма популярный литературный салон. Отель Рамбулье был средоточием наиболее одаренных людей своего времени. Расцвет салона относится к периоду 1624—1648 гг. События эпохи Фронды лишили салон его прежнего блеска. В салоне *Р.* появлялись Корнель, Боссюэт, Ларошфуко, мадам Лафайет и др.

С

Сакраментарии. Отрицали пресуществление и подвергались за это жестоким преследованиям. Учение сакраментариев зародилось в Швейцарии и достигло там широкого распространения.

Сапли (Senlis). Мир, заключенный 23 мая 1493 г. между королем Франции Карлом VIII и императором Максимилианом, по условиям которого к владениям Максимилиана отходили Франш-Контэ (графство Бургундия) и графство Артуа.

Т

Тридентский собор. Тридентский (Триентский) собор неоднократно созывался: в 1545 г. папой Павлом III, в 1551 г. папой Юлием III, наконец, в январе 1562 г. он был созван в третий раз, в момент, когда после Аугсбургского религиозного мира идея компромисса между католицизмом и протестантизмом была уже дискредитирована. 4 декабря 1563 г. собор был закрыт. Пий IV 26 января 1564 г. утвердил его постановления. Постановления собора распадаются на «Decreta» и «Canones». «Декреты» представляют перечень догматов католической веры, сохраненных без каких-либо изменений и санкционированных собором в качестве незыблемой истины. «Каноны» осуждают положения протестантских исповеданий как положения еретические. В числе важнейших решений собора было принято, что авторитет папы выше авторитетов соборов (в разрез с решением Базельского собора). Епископам надлежит пребывать в своих епархиях, их власть усиливается. Рекомендованы семинарии как средство воспитать в католическом духе юношество.

Тридентский собор важен как попытка восстановить мощь и авторитет католической церкви, как исходный этап контрреформации.

У

Урсулинки. Женский монашеский орден, основанный в 1537 г. Сначала он представлял организацию, объединявшую вдов и девушек, не дававших монашеского обета. В 1572 г. папа Григорий XII превратил урсулинок в настоящий монашеский орден, принявший «правила св. Августина».

Ш

Шмалькальденский союз. После Аугсбургского сейма протестантские чины (лютеранские и цвинглианские), не удовлетворенные решением сейма, в ответ на угрозы императора и требования вернуться в лоно католицизма, объединились в так называемый Шмалькальденский союз в конце 1530 г.

Шпейерская имперская судебная палата. В 1495 г. Вормский сейм, основываясь на своем постановлении о земском мире, воспретил частные войны. Все споры между отдельными владетелями должны были решаться имперским судом, состоявшим из 16 советников под председательством имперского судьи. Глава суда должен был принадлежать к высшей знати, восемь советников — к рыцарскому сословию, восемь остальных избирались из юрисконсультов, докторов и лиценциатов права. Император назначал непосредственно только президента, советников же он избирал из списка кандидатов, предлагаемых ему сеймом.

Ч

Члены Фландрии. Старинный, установившийся еще в XIV в. термин, обозначавший три важнейших города графства Фландрии: Брюгге, Гент и Ипр. В XVI в. иногда применялся термин: 4 члена Фландрии. При этом подразумевался 4-й город — Лилль.

Э

Эскуриал. Дворец Филиппа II, самый большой по размерам дворец в Европе. Построен в ознаменование побед испанского оружия в 38 *км*

к северо-востоку от Мадрида в 1563 г. (строился до 1584 г.) архитектором Моннегро, де-Толедо и Эррера. Эскуриал отличается мрачным обликом, голыми стенами, монастырскими дворами, симметрически расположёнными лабиринтами и представляет собою наполовину крепость, наполовину монастырь.

Эшевены. Термин происходит от слова «Скабины». Скабины при Карле Великом были судебными заседателями. Позднее скабины превращаются в заседателей вотчинного суда. Самый термин видоизменился, превратившись на французской территории в «эшевенов», на германской — в «шеффенов». После коммунальных революций термин приобретает новое значение. *Э.* начинают называть членов городского совета. В этом значении термин *Э.* получает широкое распространение во Франции и в Нидерландах, в частности в графствах Артуа и Фландрии.

Я

Янсенизм. Богословское учение середины XVII в. Его родоначальником является Янсений (1585—1638), с 1630 г. профессор богословия в Лувене, с 1636 г. — епископ ипрский. Янсений в своих религиозно-философских работах выступал противником философии Аристотеля. Янсений учил, что человеческая природа порочна, свободы воли нет, спасение человека зависит не от дел, а от искупляющей силы божественной благодати. Спасутся, по учению Янсения, те, кто предопределен к спасению. Янсенизм нашел себе последователей во Франции, в самом Париже центром янсенизма являлся Port Royal, сторонниками янсенизма были видные богословы и представители аристократии. Против янсенизма повели решительную борьбу иезуиты. Под влиянием иезуитов папа Урбан VIII в 1642 г. запретил чтение главного произведения Янсения «Августин» (см.).

Некоторыми янсенистами была после этого предпринята попытка реставрировать отдельные положения Янсения и примирить их с католической догматикой. В 1653 г. эта попытка была осуждена буллой папы Иннокентия X.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

Аксель — город в зеландской части Фландрии — 301.
Алкала — город в 33 *км* к северо-востоку от Мадрида — 137.
Алькмар — город в Западной Фрисландии — 150, 161.
Алост — город в Восточной Фландрии — 182, 183, 242, 453, 512, 514.
Амерсфорт — город в Утрехтском епископстве — 159.
Амстердам — город в Голландии — 120, 150, 159, 230, 492, 493, 494.
Амьен — город в Северной Франции на р. Сомме — 318.
Алжир — 53.
Англия — 29, 35, 44, 77, 82, 89, 90, 103, 120, 124, 132, 145, 147, 154, 163, 172, 200, 203, 209, 231, 237, 240, 241, 299, 300, 302, 307, 318, 336, 337, 341, 343, 345, 350, 351, 447, 463, 484, 542.
Антверпен — город на реке Шельде в Брабанте — 58, 62, 66, 68, 78, 81, 83, 90, 102, 108, 109, 112, 117, 118, 120, 129, 136, 142, 143, 155, 156, 169, 180, 183, 190, 192, 193, 195, 207, 217, 222, 229, 230, 236, 253, 259, 260, 267, 268, 269, 271, 273, 289, 291, 293, 295, 296, 297, 298, 308, 310, 322, 329, 340, 368, 369, 370, 374, 380, 384, 391, 423, 428, 429, 431, 433, 436, 437, 438, 440, 445, 450, 451, 452, 453, 456, 464, 492, 493, 499, 500, 502, 503, 508, 513, 520, 530.
Армантьер — город в Южной Фландрии, близ Лилля, — 54, 83, 103, 108, 248, 377, 396, 491, 499.
Аррас — город в Артуа — 39, 61, 249, 250, 251, 252, 257, 258, 269, 272, 306, 318, 374, 375, 436, 437, 453, 491, 520.
Артуа — графство — 35, 54, 81, 102, 103, 134, 142, 147, 190, 225, 235, 245, 248, 249, 250, 251, 252, 257, 258, 259, 262, 270, 284, 290, 329, 358, 369, 464, 487, 512, 517.
Арсхот — город близ Лувена в Брабанте — 230.
Аффлигем — аббатство около Алоста — 437.

Б

Бельгия — 261, 284, 310, 325, 328, 339, 340, 343, 345, 348, 349, 350, 354, 356, 360, 369, 370, 371, 372, 377, 378, 383, 385, 386, 396, 400, 409, 415, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 431, 443, 445, 447, 448, 460, 461, 463, 464, 467, 472, 474, 477, 483, 492, 494, 495, 496, 497, 498, 511, 512, 513, 527, 528, 529, 530, 531, 533, 534, 540, 541, 542, 543.
Берг-оп-Зом — город в северо-западной части Брабанта — 290, 291, 335, 350, 351, 382, 430.
Бетюн — город в Артуа — 250, 251, 377, 453.
Боргерхут — предместье Антверпена — 148, 260.

Брабант — провинция — 37, 38, 62, 64, 66, 67, 71, 81, 134, 142, 144, 207, 224, 225, 230, 250, 259, 268, 271, 274, 284, 291, 295, 299, 301, 329, 357, 360, 369, 378, 385, 399, 430, 442, 464, 471, 485, 489, 490, 491, 498, 499, 511, 514.
Бреда — город в Северном Брабанте — 55, 56, 68, 96, 173, 178, 186, 194, 219, 259, 304, 351, 369, 372, 373, 374, 375, 380, 381, 430.
Бриль — город на острове Ворнс — 144, 145, 147, 237, 392.
Брюгге — город во Фландрии — 62, 64, 80, 144, 145, 190, 242, 271, 291, 292, 293, 303, 334, 376, 378, 397, 428, 436, 438, 443, 444, 450, 451, 463, 499, 502, 510, 511, 514, 519, 520, 541.
Брюссель — главный город Брабанта — 27, 35, 39, 47, 67, 72, 73, 91, 98, 104, 107, 110, 111, 113, 116, 120, 124, 129, 130, 133, 135, 140, 142, 144, 150, 162, 165, 169, 176, 178, 179, 182, 183, 189, 190, 192, 195, 203, 204, 207, 208, 209, 213, 214, 215, 216, 220, 222, 226, 228, 229, 230, 232, 239, 242, 249, 255, 267, 268, 269, 270, 271, 274, 276, 291, 292, 293, 306, 309, 310, 317, 324, 325, 326, 328, 329, 330, 332, 344, 348, 354, 357, 363, 367, 371, 373, 376, 379, 386, 416, 425, 431, 432, 443, 451, 453, 464, 476, 486, 487, 499, 502, 503, 513, 517, 520.
Буа-ле-Дюк — город в Северном Брабанте — 119, 179, 270, 285, 296, 302, 352, 357, 360, 374, 380, 381, 382, 387, 436, 437, 438, 444, 450, 453.
Бургундия — Бургундское государство — 27, 28, 29, 41, 43, 48, 50, 67, 73, 123, 153, 191, 260, 264, 319, 321, 342, 370, 386, 469.

В

Ваасская область — 291, 302, 514.
Валансьен — город в графстве Валансьен — 36, 68, 71, 78, 81, 82, 84, 85, 86, 97, 102, 104, 108, 112, 117, 118, 120, 149, 179, 190, 225, 243, 248, 249, 250, 252, 264, 329, 392, 431, 452, 491, 499, 520.
Вальхерен — остров в Зеландии — 118, 300.
Вена — 27, 43.
Венеция — 52, 265, 356.
Вервье — город в Льежском епископстве, центр шерстеобрабатывающей промышленности — 391, 395, 396, 505.
Вест-Индия — 341, 348, 383, 426, 457, 496, 497.
Вестфалия — область в Германии — 386, 407.
Виллебрукский канал — у города Вилебрука, близ Мехельна — 216.

Г

Гаага — город в юго-западной части Голландии — 366, 367, 431.
Гарлем — город в Голландии — 62, 150, 159, 161, 162, 164, 298, 437.
Гельдерн — провинция — 29, 55, 101, 159, 180, 259, 284, 299, 301, 302, 303, 304, 329, 334, 348, 369, 372, 374, 375, 382, 385, 487.
Генегау — провинция — 62, 76, 81, 102, 135, 142, 144, 150, 180, 190, 225, 230, 234, 235, 245, 249, 256, 257, 258, 259, 260, 262, 270, 284, 290, 329, 357, 360, 363, 365, 369, 376, 378, 385, 427, 464, 481, 486, 499, 504, 508, 511, 512, 519, 535.
Гент — город во Фландрии — 39, 62, 66, 104, 109, 112, 192, 194, 222, 228, 232, 239, 240, 242, 244, 246, 252, 256, 268, 269, 271, 272, 291, 292, 293, 303, 322, 334, 360, 376, 378, 417, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 436, 444, 450, 458, 459, 462, 465, 488, 490, 491, 502, 503, 505, 508, 510, 514, 519, 520, 541.
Германия — 29, 30, 67, 69, 97, 115, 116, 117, 124, 131, 132, 134, 146, 150, 154, 159, 168, 173, 276, 281, 284, 303, 330, 343, 348, 352, 359, 379, 386, 390, 406, 418, 453, 467, 508, 511.
Гертрейденберг — город в Южной Голландии, близ границы Брабанта — 54, 304.

Голландия — провинция — 38, 54, 55, 81, 104, 109, 143, 144, 146, 149, 150, 151, 153, 154, 157, 158, 159, 163, 168, 171, 172, 175, 184, 188, 190, 191, 192, 194, 195, 196, 197, 198, 204, 205, 206, 207, 209, 219, 220, 224, 225, 230, 231, 237, 240, 241, 244, 245, 248, 249, 252, 254, 259, 260, 267, 271, 278, 279, 291, 294, 297, 299, 304, 307, 319, 320, 325, 330, 343, 348, 350, 351, 352, 374, 383, 404, 406, 428, 429, 430, 442, 447, 467, 494, 495, 512, 530.
Гондсхоте — город во Фландрии, близ Дюнкирхена — 81, 83, 108, 499.
Горкум — город в Голландии — 150, 159.
Гравелин — приморский город на границе Фландрии и Артуа — 84, 254, 258, 370, 371, 377, 464.
Гронинген — город в провинции того же названия — 62, 309, 310, 437.
Гронинген — провинция — 190, 225, 259.
Гюльст — город в северо-восточной части Фландрии — 242, 291, 305, 317, 372, 375, 377, 382.

Д

Далем — город в герцогстве Лимбургском — 132, 135, 354, 377, 382.
Девентер — город в провинции Оверисель — 62, 302, 305, 437, 438.
Дилленбург — город близ Нассау — 146, 151.
Дист — город в Брабанте к северо-востоку от Лувена — 150, 230, 291.
Дуэ — город в Южной Фландрии — 43, 137, 144, 251, 258, 259, 260, 262, 270, 308, 329, 369, 424, 438, 450, 451, 455, 460, 464, 520, 525, 539.
Дюнкирхен — приморский город в Западной Фландрии — 289, 290, 291, 303, 334, 377, 453, 457, 464, 495, 496, 497, 512.
Дюрен — город в Гельдерне — 53, 160.

Ж

Жамблу — город на юге Брабанта — 229, 230, 231, 234, 240, 250, 253, 255, 260, 491.
Женева — 75, 77, 80, 96, 97, 103, 246.

З

Зеландия — провинция — 55, 81, 109, 146, 149, 150, 151, 153, 154, 161, 163, 168, 171, 175, 184, 188, 190, 191, 192, 194, 195, 196, 197, 198, 204, 205, 206, 207, 209, 219, 220, 224, 225, 230, 231, 237, 240, 244, 245, 249, 259, 260, 267, 271, 278, 279, 294, 297, 299, 304, 307, 320, 325, 334, 351, 352, 353, 428, 430, 442, 493.
Зейдерзее — залив — 146, 161, 299.
Зириксее — область в Зеландии — 150, 175, 182, 183.
Зютфен — город в Гельдерне, центр области того же наименования — 159, 291, 297, 302, 305.
Зютфен — область в Гельдерне — 340.

И

Ипр — город во Фландрии — 62, 108, 242, 255, 271, 291, 293, 430, 436, 444, 452, 514, 539.
Испания — 27, 28, 30, 32, 35, 36, 38, 39, 44, 48, 49, 119, 123, 124, 125, 138, 144, 153, 158, 162, 163, 175, 176, 184, 209, 218, 230, 242, 250, 251, 254, 257, 260, 262, 264, 265, 266, 267, 270, 272, 274, 276, 279, 280, 283, 292, 298, 299, 303, 308, 310, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 324, 331, 333, 336, 339, 341, 342, 343, 347, 349, 350, 351, 355, 359, 360, 363, 370, 372, 375, 378, 380, 383, 384, 400, 401, 404, 415, 418, 427, 439, 453, 460, 476, 477, 479, 484, 493, 495, 497, 511, 533.

К

Камбрэ — город в епископстве Камбрэ — 61, 170, 282, 287, 290, 311, 322, 370, 381, 403, 436, 437, 443, 444, 464, 520.

Кельн — город в Германии на Рейне, архиепископская резиденция — 61, 63, 119, 132, 264, 391.

Куртрэ — город во Фландрии к востоку от Ипра — 242, 255, 285, 452, 514, 520.

Л

Ла Рошель — город во Франции, крепость гугенотов — 145, 146.

Лейден — город в Голландии — 168, 171, 298, 423.

Лепанто — бухта на Адриатическом побережье Балканского полуострова, место победы испанского флота над турецким в 1571 г. — 181, 199.

Лилль — город в Южной Фландрии — 76, 78, 81, 102, 141, 143, 144, 228, 249, 250, 252, 258, 262, 270, 365, 369, 452, 468, 491, 499, 503, 505, 513, 520.

Лимбург — герцогство — 62, 190, 362, 369, 385, 387, 390, 427, 431, 487.

Лимбург — город — 230, 354, 373.

Лиссабон — столица Португалии — 155, 425.

Лондон — 78, 89, 282, 288.

Лотарингия — 63, 120, 128.

Лувен — город в Брабанте — 62, 80, 137, 142, 150, 230, 267, 329, 373, 424, 434, 448, 450, 460, 464, 465, 525.

Льеж — город в епископстве того же наименования — 134, 170, 191, 259, 279, 362, 394, 395, 398, 399, 400, 402, 403, 405, 410, 412, 414, 415, 418, 419, 420, 486, 513.

Льеж — епископство — 29, 61, 62, 79, 81, 101, 385, 386, 388, 389, 391, 396, 399, 427, 506, 508.

Люксембург — провинция — 36, 56, 62, 81, 102, 228, 245, 326, 329, 370, 372, 379, 385, 387, 453, 467, 481, 487, 499.

М

Маас — река — 134, 147, 156, 169, 190, 228, 284, 299, 301, 329, 346, 374, 382, 395, 403, 406, 412, 418, 448, 465, 506.

Мадрид — 27, 43, 50, 64, 65, 67, 71, 72, 91, 92, 93, 106, 135, 136, 144, 168, 182, 184, 200, 203, 306, 340, 350, 354, 358, 364, 368, 375, 377, 437, 439, 440, 442, 443, 475, 476, 496.

Маастрихт — город в герцогстве Лимбургском — 62, 104, 120, 221, 230, 253, 260, 262, 267, 284, 354, 366, 372, 380, 382, 390, 391, 401, 412, 413, 417, 431, 451, 507.

Менен — город во Фландрии — 242, 255, 261, 262, 377.

Мехельн — город в Брабанте — 42, 62, 63, 112, 143, 150, 158, 159, 180, 190, 209, 225, 264, 267, 270, 285, 297, 329, 369, 437, 438, 441, 454, 499, 503, 520.

Миддельбург — город на острове Вальхерен в Зеландии — 62, 150, 157, 161, 168, 184, 437, 492.

Милан — 38, 171, 425.

Монс — город в графстве Валансьен — 111, 149, 150, 151, 158, 236, 259, 453, 468, 487, 520, 540.

Н

Намюр — город в графстве Намюр — 62, 94, 209, 213, 214, 218, 228, 236, 267, 285, 363, 370, 372, 400, 453, 503, 541.

Намюр — графство — 81, 102, 190, 245, 329, 369, 385, 387, 436, 487, 499, 506, 508, 517.
Неаполь — 38, 46, 50, 52, 171, 425.
Нивель — город на юге Брабанта — 179, 230.
Нимвеген — город в Гельдерне — 159, 301, 303, 304, 305, 391.
Норвич — город в Англии — 78, 89.
Ньюпорт — приморский город во Фландрии — 303, 335, 336, 337, 428.

О

Овериссель — провинция — 190, 225, 259, 340.
Оденард — город во Фландрии — 45, 81, 104, 108, 242, 271, 288, 499.
Оранское княжество — 56, 57.
Орши — город в Южной Фландрии — 144, 190, 262, 329, 369.
Остенде — приморский город во Фландрии — 334, 335, 337, 491, 496, 511.
Ост-Индия — 341, 348, 426, 457, 497.

П

Париж — 36, 147, 164, 259, 291, 304, 346, 447.
Парма — город в Италии — 47, 373.
Пикардия — 135, 310, 311, 373.
Плесси — замок во Франции — 278, 279, 281.
Пфальц — область в Германии — 132, 237, 241, 350, 391.
Пьяченца — город в Италии — 47, 69.

Р

Реймс — город в Северной Франции — 61, 63.
Роттердам — город в Голландии — 148, 150.
Рурмонд — город в устье Рура в Гельдерне — 62, 150, 354, 373, 436, 445, 453.

С

Савойя — 40, 128.
Сандвич — город в Англии — 78, 89.
Сас-ван-Гент — город в зеландской части Фландрии — 291, 303, 377.
Сен-Васт — аббатство в Аррасе — 262.
Сен-Кантен — город в Северной Франции, на Сомме — 36, 54, 91.
Сент-Омер — город в Артуа — 62, 250, 251, 374, 436, 450, 463.
Сен-Трон — город в Брабанте — 105, 391, 405, 520.
Слейс — приморский город в Северной Фландрии — 302, 303, 495.
Спа — 98, 209, 306, 391, 395.
Страсбург — 76. 77, 145.
Схонговен — город в Зеландии — 150, 175.

Т

Термонд — город в Восточной Фландрии на Шельде — 115, 150, 179, 242, 261, 289, 292.
Тернейзенский канал — соединяет Гент с морем — 61, 240.
Теруан — город в Артуа — 61, 62.
Тионвиль — город в Люксембурге — 38, 372, 375, 376.
Тирлемон — город в Брабанте — 230, 310, 373.
Турнэ — город во Фландрии — 61, 68, 71, 76, 77, 78, 80, 81, 82, 84, 86, 97, 102, 104, 109, 112, 117, 131, 143, 225, 243, 249, 250, 252, 268, 273, 287, 288, 292, 293, 431, 433, 436, 437, 438, 454, 456, 490, 505, 520, 539, 540.
Турнэ-Турнези — область во Фландрии — 190, 225, 248, 273, 329, 369.

У

Утрехт — город в епископстве Утрехтском — 55, 61, 63, 149, 190, 225, 259, 279, 299, 437.

Ф

Фландрия — провинция — 54, 81, 102, 103, 104, 112, 114, 141, 142, 144, 145, 162, 190, 225, 235, 242, 245, 250, 256, 259, 268, 271, 273, 274, 294, 299, 300, 303, 324, 329, 357, 363, 369, 376, 377, 378, 385, 396, 399, 442, 464, 471, 475, 480, 487, 489, 491, 498, 499, 502, 503, 504, 507, 509, 510, 511, 529, 532.
Фландрия Нижняя — 71, 82, 86, 97, 104, 108, 131.
Флиссинген — город на острове Вальхерен в Зеландии — 43, 120, 148, 149, 183, 184, 240, 298, 302, 303, 334, 492.
Франция — 29, 35, 47, 55, 65, 68, 69, 75, 80, 82, 85, 86, 103, 120, 124, 135, 144, 145, 151, 158, 163, 172, 175, 184, 216, 231, 232, 249, 258, 270, 276, 278, 279, 288, 294, 299, 305, 307, 310, 318, 319, 328, 333, 336, 341, 342, 343, 351, 352, 353, 362, 364, 370, 371, 372, 376, 378, 380, 385, 409, 411, 412, 414, 415, 417, 424, 447, 453, 459, 465, 478, 479, 480, 491, 506, 511, 517, 531, 533.
Франшимон — замок близ Спа — 390, 391, 392, 395.
Франш-Контэ — область во Франции к югу от Лотарингии — 50, 120, 128, 362, 381.
Фрисландия — провинция — 53, 101, 109, 132, 149, 150, 159, 190, 259, 291, 299, 300, 352.
Фюрн — город в Западной Фландрии — 291, 489, 512, 539.

Ш

Шельда — река — 155, 156, 184, 193, 207, 291, 296, 298, 299, 334, 369, 372, 380, 382, 384, 491, 492, 493, 510.
Шпейер — город в Германии — 386, 399.

Э

Эмден — город в Германии к востоку от Гронингена — 90, 118, 119, 132, 147, 237.
Энкгейзен — город в Западной Фрисландии — 150, 152, 161.

Ю

Юлих — город в герцогстве того же наименования — 346, 347, 348, 350

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

А

Авила де Санчо — испанский полководец, родился в 1490 г.—169, 171, 183, 192, 193.

Адольф Нассауский — см. Нассауский Адольф.

Альба, герцог де Толедо Фернандо Альварес — родился в 1508 г., с 1567 до 1573 г. правитель Нидерландов — 72, 119, 120, 123, 124, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 140, 141, 142, 144, 146, 147, 149, 150, 151, 153, 156, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 166, 167, 170, 172, 173, 179, 191, 200, 231, 237, 238, 249, 263, 275, 285, 299, 307, 383, 384, 392, 394, 441, 442, 450, 451, 475, 476, 477, 481, 483, 496, 497, 523.

Альберт, эрцгерцог Австрийский — племянник и зять Филиппа II, родился в 1559 г., правитель Нидерландов с 1596 до 1621 г. (год смерти) — 43, 311, 315, 316, 318, 319, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 328, 329, 330, 331, 333, 335, 336, 337, 338, 339, 341, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 424, 425, 426, 453, 458, 462, 464, 466, 467, 474, 475, 477, 478, 479, 496, 509, 513, 527, 535, 539, 541, 543.

Альборнос — секретарь герцога Альбы — 135, 138.

Андрей Австрийский — кардинал, временный наместник Нидерландов с 1598 по 1599 г. — 325, 329.

Анжуйский Франциск Валуа, герцог, брат французского короля, претендент на престол Нидерландов — 203, 208, 209, 232, 233, 234, 235, 236, 256, 257, 258, 259, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 287, 288, 291, 293, 294, 311, 402, 403, 469, 471.

Айтона де Монсада, дон Франсиско, — посол Филиппа IV в Брюсселе и фактический правитель Нидерландов с 1629 г. — 358, 360, 364, 366, 368, 369, 413, 475.

Аремберг Иоанн, граф — сторонник испанского владычества — 60, 70, 128, 132, 298, 328.

Армантерос Томас — секретарь Маргариты Пармской — 68, 69, 72, 73, 88.

Арсен Корнелий, ван — пенсионарий Брюсселя — 269.

Арсхот Карл, принц Шимэ, герцог де Круа — см. Шимэ.

Арсхот Филипп д'Аренберг, герцог — 363, 364, 367, 368.

Арсхот Филипп, герцог де Круа — 171, 177, 179, 183, 189, 190, 192, 217, 221, 222, 223, 233, 236, 250, 254, 265.

Артевельде Якоб, ван (1290—1345) — вождь фландрского народного восстания против французов, занявших Фландрию, — 214, 242.

д'Ассонлевиль Кристоф — член тайного совета — 89, 178, 189, 208, 473.

Б

Бедмар — см. Куэва.

Беза Теодор — кальвинистский теолог — 80, 185.

Бентивольо — кардинал, папский нунций в Брюсселе—344, 355, 443, 527.
Берг Долен, Адриан II, граф — один из адмиралов гезов — 147, 248.
Берг, ван ден, Вильгельм — шурин принца Оранского — 150, 159.
Берг де *Генрих*, граф — генералиссимус Испании — 340, 352, 360, 362, 363, 364, 411, 416.
Берг Жан де Глим, маркиз — один из представителей дворянской оппозиции режиму Гранвеллы — 31, 60, 66, 72, 84, 85, 91, 94, 101, 131.
Бергенский Роберт — епископ льежский — 387, 388, 393, 450.
Берлемон Карл, барон — глава финансового ведомства при Маргарите Пармской — 49, 53, 68, 70, 87, 100, 105, 113, 128, 138, 177, 179, 189, 208, 328, 487.
Бломберг Барбара — мать дон Жуана Австрийского — 199.
Блуайер Генрих — бургомистр Брюсселя — 189, 204.
Бонен Якоб — архиепископ мехельнский — 360, 369, 376, 377, 378, 381, 459.
Бредероде Генрих, барон — 60, 99, 116, 117, 118, 131, 391.
Брей Гвидо — кальвинистский проповедник — 77, 78, 96, 97, 117, 118.
Брейгель Петер — художник — 538.
Брюлли Петр — кальвинистский проповедник — 77.
Бусси Жан, граф — правитель Голландии — 31, 147, 161, 205, 217.
Бюрен Нассауский, Филипп-Вильгельм, граф — сын принца Оранского — 206.
Бюрен Максимилиан, граф — полководец Карла V — 58.

В

Варгас — член совета по делам о беспорядках — 129, 183.
Веласкес Диего Сильва — испанский художник — 351.
Виглиус — председатель тайного совета при Маргарите Пармской — 38, 49, 52, 60, 67, 79, 87, 88, 90, 91, 93, 138, 140, 177, 179, 180, 189, 190, 449.
Виллье Пьер—священник принца Оранского — 132, 133, 157, 219, 234, 243, 248, 251, 277.
Вителли Кьяпино — итальянский военный инженер — 128.

Г

Габсбурги — 47, 49, 50, 304, 346.
Гавре де Круа Карл Филипп — политический деятель и генерал в армии Генеральных штатов — 192, 205, 226, 267, 328, 329.
Гез Вильгельм, барон — 189, 205, 229, 253, 255, 286.
Гембизе Ян (1513—1584) — один из вождей Гентской коммуны — 239, 240, 246, 252, 261, 291, 417.
Генрих II — король Франции (1547—1559) — 34, 35.
Генрих III — король Франции — (1575—1588) — 230, 288, 291, 294, 297, 300, 304.
Генрих IV Наварский — король Франции (1589—1610) — 294, 304, 305, 309, 310, 318, 319, 341, 342, 345, 346, 351, 533.
Генрих VII Тюдор — король Англии (1485—1509) — 89.
Генрих VIII Тюдор — король Англии (1509—1547) — 77.
Генрих Нассауский — см. Нассауский Генрих.
Георг Австрийский — епископ льежский — 29, 80.
Гиз Франсуа, герцог — глава католической партии во Франции — 38, 67, 85.
Глажон Ставеле Филипп — член государственного совета при Маргарите Пармской — 31, 53.
Гогстратен — Лален, Антуан II, граф — 37, 59, 60, 66, 99, 112, 115, 116, 118, 131.

Гоппер Иоахим, министр Филиппа II — 138, 168, 173, 200.
Горн Монморанси Филипп де, граф — адмирал и политический деятель, казнен одновременно с гр. Эгмонтом — 67, 70, 72, 87, 94, 106, 112, 115, 116, 118, 129, 131, 133, 179, 255, 363, 394.
Гранвелла Перено, Антоний (1517—1580) — главный советник Маргариты Пармской — 31, 34, 37, 39, 44, 45, 49, 80, 82, 86, 87, 88, 90, 95, 100, 103, 113, 123, 145, 163, 201, 274, 403, 437, 441, 471.
Густав II Адольф — король Швеции (1611—1632) — 365.

Д

Датен — кальвинист (пастор) — 157, 241, 243, 246, 261, 272.
Дель Рио — юрист, член совета по делам о беспорядках — 129, 138, 189.
Дейк Антон, ван — фламандский художник (1599—1641) — 349, 543.
Долен — см. Берг Адриан.
Дрейк Фрэнсис — английский моряк и пират — 303.
Дэвисон Уильям — английский посол — 214.
Дрие Реми — епископ Брюгге — 67.
Дюжон Франсуа — кальвинистский священник — 158.
Дюмулен Шарль — парижский юрист — 67.
Дюплесси Морнэ — французский публицист, кальвинист, сторонник принца Оранского — 157, 185, 234, 243, 246, 248, 276.

Е

Елизавета Тюдор — королева Англии (1558—1603) — 78, 89, 90, 135, 140, 154, 163, 184, 200, 209, 226, 228, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 261, 276, 280, 282, 288, 300, 302, 318, 330, 341, 463.

Ж

Жерар Балтазар — убийца принца Вильгельма Оранского (Вильгельма Молчаливого) — 293, 393.
Жерар Гросбекский — епископ льежский — 79, 80, 134, 205, 388, 389, 390, 391, 393, 394, 399, 401, 402, 404, 450.
Жуан Австрийский — сын Карла V, родился в 1547 году, с 1576 по 1578 г. правитель Нидерландов — 52, 181, 182, 189, 194, 199, 200, 201, 202, 203, 205, 206, 207, 208, 209, 213, 214, 215, 218, 219, 220, 221, 224, 226, 228, 229, 231, 236, 238, 250, 251, 253, 254, 262, 267, 282, 284, 308, 400, 401, 475.

И

Изабелла — дочь Филиппа II, супруга эрцгерцога Альберта, родилась в 1566 г., с 1599 до 1633 г. (год смерти) правительница Нидерландов — 43, 304, 309, 321, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 333, 334, 337, 339, 341, 344, 351, 356, 360, 361, 363, 364, 365, 366, 424, 425, 453, 457, 462, 464, 466, 474, 475, 477, 478, 479, 482, 484, 496, 509, 510, 513, 520, 527, 530, 535, 539, 541, 543.
Иоанн-Казимир — пфальцграф—218, 228, 232, 235, 236, 246, 252, 253, 261.
Иоган Нассауский — см. Нассауский Иоган.

К

Кальвин Жан — знаменитый реформатор, родился в 1509 г., умер в 1564 г. — 75, 76, 80, 81, 162.
Карл V Габсбург — родился в 1500 г. в Генте, с 1517 г. король Испании, с 1520 по 1555 г. германский император — 27, 35, 40, 41, 46, 48,

52, 58, 64, 88, 89, 102, 123, 124, 126, 153, 159, 166, 170, 191, 200, 208, 222, 263, 272, 274, 288, 293, 326, 357, 386, 388, 389, 390, 394, 400, 432, 436, 438, 441, 472, 479, 480, 482, 487, 523.

Карл I — герцог Лотарингский — 48.

Карл Смелый — герцог Бургундии (1464—1477) — 29, 55, 61, 386, 401, 418.

Карл XI — король Франции (1560—1574) — 145.

Карлос, дон — сын Филиппа II и Марии Португальской — 40, 275, 282.

Касембродт — гуманист, секретарь гр. Эгмонта — 98.

Кассандер Георгий — богослов, сторонник веротерпимости — 59, 79, 95, 113, 114, 219, 266.

Кастель Родриго, дон Мануэль де Мура, маркиз — 377, 381.

Климент VIII — папа (1592—1605) — 457.

Колиньи де Шатильон Гаспар — французский адмирал, один из вождей гугенотов, родился в 1517 г., убит во время Варфоломеевской ночи в 1572 г. — 36, 86, 97, 99, 144, 145, 146, 150, 151, 372.

Кондэ Людовик I Бурбон (1530—1569) — один из вождей гугенотской знати во Франции — 97, 145.

Куленбург, граф — 99, 100.

Курций Петр — епископ Брюгге — 64, 441, 448.

Куэва Бедмар, Алонзо, де ла — кардинал, посол Филиппа IV при дворе эрцгерцога Альберта и Изабеллы с 1618 до 1629 г. — 356, 357, 358.

Л

Лален Антуан — см. Гогстратен.

Лален Георг, сир Рененбург — 267, 285.

Лален Филипп, граф, — политический деятель и генерал-лейтенант в армии Генеральных штатов — 192, 205, 208, 217, 229, 232, 233, 234, 236, 255, 257, 258, 259, 276.

Ла Мотт — валлонский офицер, сражался в армии дона Фадрика, позже комендант Гравелина — 254, 258, 291.

Лануа Филипп — 118.

Ла-Ну Франсуа — французский генерал, кальвинист, сторонник принца Оранского — 149, 157, 248, 271, 276.

Ла-Рюэль Себастьян — бургомистр Льежа — 411, 412, 415, 416.

Ле-Дюк Амбруаз — один из вождей морских гезов — 252, 257.

Ловенин — лувенский профессор и дипломат — 172, 225, 226.

Леопольд-Вильгельм, эрцгерцог Австрийский — сын императора Фердинанда II, с 1647 г. правитель Нидерландов — 379, 458, 475.

Лестер Ричард Дедли, граф — фаворит Елизаветы Английской — 300, 301, 304.

Липсий Юст (1547—1606) — филолог — 468, 522, 524, 525.

Лисвельт, ван Тьерри — брюссельский адвокат — 204, 226, 235, 249.

Лойола Эмиль — племянник Игнатия Лойолы — 448.

Лопе-де-Вега (1562—1635) — крупнейший драматический поэт Испании — 351.

Людовик Нассауский — см. Нассауский Людовик.

Людовик XI — король Франции (1461—1483) — 278, 410, 418.

Людовик XIII — король Франции (1610—1643) — 346, 350, 362, 369, 370, 377, 410, 411, 415.

Людовик XIV — король Франции (1643—1714) — 381.

Люмэ Марк Вильгельм, де ла — один из вождей морских гезов — 148, 149, 157, 159, 228, 392.

Лютер — германский реформатор — 75, 80, 96, 162.

Мазарини, кардинал — первый министр Франции (1602—1661) — 376, 378, 380, 381.

Максимилиан I, император — родился в 1459 г., с 1486 г. римский король, с 1493 г. император, умер в 1519 г. — 55, 61, 152, 190, 278, 386.

Максимилиан II, император — родился в 1527 г., император с 1564 по 1576 г. — 68, 132, 154, 173, 315.

Манрик Хуан — советник Филиппа II — 34.

Мансфельд Карл, граф — 300, 301, 303, 304, 306, 309, 310.

Мансфельд Петр-Эрнст, граф — советник Маргариты Пармской — 60, 99, 105, 113, 115, 116, 119, 135, 178, 179, 183, 189, 229, 230, 286, 298, 306, 308.

Мансфельд Эрнст, де — 300, 350.

Мансисидор Хуан — испанский полководец — 341, 343.

Маргарита Австрийская — правительница Нидерландов — 45, 49, 58, 62, 124, 177, 326.

Маргарита Валуа — французская королева (она же Маргарита Наваррская) — 209, 232, 395, 400.

Маргарита Пармская — дочь Карла V, родилась в 1522 г., с 1559 до 1567 г. правительница Нидерландов — 40, 44, 45, 50, 64, 80, 82, 86, 87, 93, 94, 100, 101, 102, 104, 107, 110, 115, 116, 119, 120, 124, 128, 136, 179, 206, 285, 388, 391, 439, 440, 449, 519, 529, 531.

Мария Бургундская — герцогиня, дочь Карла Смелого — 29, 196.

Мария Венгерская — с 1530 до 1555 г. правительница Нидерландов — 30, 31, 40, 45, 49, 52, 124, 208, 272, 326, 386, 448.

Мария Тюдор (Кровавая) — королева Англии, жена Филиппа II — 29, 44, 54, 78, 85.

Мария Стюарт — родилась в 1542 г., с 1558 г. королева Англии, казнена в 1587 г. — 200, 203.

Марникс Жан, сир Тулузский — 80, 98, 118.

Марникс Филипп — политический соратник принца Оранского — 80, 98, 118, 131, 152, 155, 157, 172, 188, 195, 204, 225, 231, 234, 235, 248, 251, 277, 295, 297, 528.

Матвей, эрцгерцог Австрийский, — правитель Нидерландов — 221, 222, 223, 224, 226, 228, 229, 231, 233, 234, 236, 250, 260, 262, 268, 269, 272, 280, 281, 286, 402, 471.

Мегем, граф Круа — 60, 105, 106, 107, 113, 118.

Медина Чели, герцог — 155, 161.

Медина Сидонья, герцог испанский — адмирал — 303.

Медичи Александр — первый муж Маргариты Пармской — 46.

Медичи Екатерина — королева Франции — 65, 280.

Медичи Мария — королева Франции — 361, 485, 543.

Мелен Роберт, де — маркиз Рубэ, бывший виконт Гентский — 134, 205, 253, 286, 287.

Мендоза Бернардино — советник Филиппа II — 34.

Мендоза Франсиско, де — адмирал Арагона — 325, 335, 337, 475.

Мело дон Франсиско — испанский полководец в период 1642—1644 гг. — 375, 376, 377, 381, 458.

Метсий — епископ в Буа-ле-Дюк — 137.

Мишле — французский историк XIX в. — 126.

Молан Иоанн — ученый — 536, 537, 538.

Мондрагон Кристоф, де — испанский полковник — 157, 284, 291, 302, 311.

Монморанси, де — коннетабль Франции — 36, 67.

Монтекукули Раймон, граф — испанский полководец — 352.

Монтиньи Флоран, барон — сторонник дворянской оппозиции, посланный для переговоров к Филиппу II и убитый в тюрьме по приказанию последнего — 60, 67, 69, 79, 101, 125, 129, 131, 136.
Монтиньи Эммануил-Филибер Лален, де — 229, 253, 255, 256, 257, 258, 261, 262, 285, 291.
Морильон Максимилиан — викарий Гранвеллы — 98, 104, 107, 143, 148, 157, 393, 450, 466.
Мориц Нассауский — см. Нассауский Мориц.
Мулар Матье — епископ Арраса — 250, 257, 258, 272, 333.

Н

Нассауский Адольф — брат Вильгельма Оранского — 132, 133.
Нассауский Вильгельм-Людвиг, граф — 301.
Нассауский Генрих — брат Вильгельма Оранского — 169.
Нассауский Генрих, граф — генерал Карла V — 275.
Нассауский Иоган — брат Вильгельма Оранского — 219, 260.
Нассауский Людовик — брат Вильгельма Оранского — 96, 99, 103, 106, 117, 131, 134, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 154, 168, 169.
Нассауский Мориц, принц Оранский — сын Вильгельма Оранского (Вильгельма Молчаливого), полководец, затем штатгальтер 5 провинций (1567—1625) — 292, 300, 3 1, 302, 304, 305, 308, 309, 310, 311, 318, 329, 334, 335, 340, 341, 347, 348, 350, 351, 352, 381, 413, 457, 470, 495.
Нассауский Фридрих-Генрих, принц Оранский — выдающийся полководец — 300, 352, 353, 360, 362, 365, 373, 374, 375, 378, 380, 381, 412, 415, 431, 470.
Нуаркарм, Жан — 228.
Нуаркарм сир Филипп — один из приближенных Маргариты Пармской — 105, 113, 117, 118, 392.

О

Оливарес, герцог — министр Филиппа IV, руководитель испанской политики — 349, 350, 358, 376.
Ольденбарневельт Ян, ван — великий пенсионарий Голландии — 319, 336.
Оранский, принц, Вильгельм Молчаливый — родился в 1533 г., убит в 1584 г. — 28, 31, 36, 41, 42, 48, 54, 60, 65, 74, 87, 94, 95, 96, 97, 99, 105, 106, 112, 114, 116, 118, 131, 132, 133, 134, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 158, 160, 164, 168, 172, 173, 183, 184, 185, 188, 189, 193, 194, 196, 197, 201, 203, 208, 209, 213, 216, 217, 219, 220, 221, 225, 226, 228, 232, 233, 234, 235, 236, 238, 242, 243, 246, 248, 250, 251, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 260, 261, 266, 269, 271, 272, 274, 275, 276, 277, 279, 282, 283, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 300, 332, 342, 391, 423, 451, 469.
Оттон I — император (962—973) — 63.

П

Павел III — папа (1534—1549) — 47.
Павел IV — папа (1555—1559) — 47, 62, 439.
Пикколомини Октавио — генерал испанской службы — 373, 374, 375, 377.
Пий V — папа (1566—1572) — 124, 524.

Р

Рассенгин Максимилиан, барон — правитель Лилля — 141, 164, 178, 222.
Рекезенс дон Луи — правитель Нидерландов с 1573 до 1576 г. (год

смерти) — 157, 162, 163, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 177, 178, 186, 200, 231, 238, 249, 254, 299, 307, 400, 442, 451, 452, 475, 495.
Ренар Симон — член государственного совета — 31, 69.
Рененбург Георг — см. Лален Георг.
Рибаданейра — иезуит — 447, 449.
Ритовий Мартин — епископ ипрский — 64, 222, 441.
Рихове Франц — один из вождей Гентской коммуны — 222, 239, 240, 246, 251, 252, 256, 261, 292, 417.
Ришардо Жан — председатель тайного совета — 286, 287, 306, 318, 324, 325, 332, 337, 341, 343, 473, 478, 479, 527.
Ришелье, кардинал — с 1624 по 1642 первый министр Франции — 360, 361, 362, 369, 380, 381, 414, 415.
Роберт Бергенский — см. Бергенский Роберт.
Робеспьер Максимилиан — один из вождей Французской буржуазной революции — 127.
Рода — член совета по делам о беспорядках — 129, 178, 179, 180, 182, 190, 192, 194.
Розе Петер — председатель тайного совета — 364, 366, 367, 370, 378, 379, 478, 479.
Ромеро Юлиан — испанский офицер — 127, 168, 179, 182, 183.
Рубенс Петр — знаменитый живописец и дипломат — 351, 353, 365, 423, 467, 536, 541, 542, 543.
Рубэ, маркиз — см. Мелен.
Рудольф II — император (1576—1612) — 231, 277, 282, 315, 330, 343.

С

Савойский Томас, принц — 372, 373.
Савойский Эммануил-Филибер, принц—правитель Нидерландов с 1555 до 1559 г. — 31, 32, 34, 35, 36, 37, 40, 329.
Сасбу Арнольд — адвокат, канцлер Гельдерна — 178, 189, 190, 226.
Сенека — римский философ-стоик, современник Нерона — 522, 524, 525.
Сент-Андрэ Жак — маршал Франции, один из основателей католической лиги — 67.
Сонний Франсуа — епископ в Буа-ле-Дюк, а затем в Антверпене — 64, 137, 441.
Спинола Амброзий — советник эрцгерцога Альберта — 338, 339, 340, 341, 343, 344, 345, 347, 351, 383, 458, 459, 474, 491, 543.
Спинола Фредерик — адмирал, брат Амброзия — 334, 338, 351, 543.
Стрален Антон — бургомистр Антверпена, казнен герцогом Альба — 37, 129, 133.

Т

Таксис Жан-Батист — генерал — 291, 301, 304.
Таксис Жан-Батист — дипломат — 309, 310.
Таффен Жак — один из агентов принца Оранского — 213, 243, 248.
Терм — маршал Франции — 39.
Тилли — германский полководец, командующий императорскими войсками в начале Тридцатилетней войны — 300, 368, 369, 411.
Торренций Левин, — великий викарий Льежского епископства, теолог — 387, 393, 403, 428, 445.

Ф

Фадрико, дон — сын герцога Альбы — 149, 150, 159, 161, 254.
Фарнезе Александр, герцог Пармский — сын Маргариты Пармской,

родился в 1545 г., с 1578 до 1592 г. (год смерти) правитель Нидерландов — 47, 230, 247, 258, 260, 262, 263, 267, 273, 274, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 290, 291, 293, 294, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 404, 428, 443, 452, 453, 457, 458, 471, 472, 489, 490, 492, 493, 499, 510.

Фердинанд I Австрийский — брат Карла V, император (1555—1564) — 27, 29, 48, 54.

Фердинанд II — император (1619—1637) — 351, 353, 379.

Фердинанд Баварский — с 1612 г. епископ льежский — 408, 409, 412, 416, 417, 418, 419, 420.

Фернандо де-Толедо, дон, — побочный сын герцога Альбы — 128, 138.

Филипп Добрый — герцог Бургундский (1437—1467) — 28, 68, 140, 153, 186, 278, 386.

Филипп IV Красивый — король Франции (1285—1314) — 61.

Филипп Красивый, эрцгерцог Австрийский, герцог Бургундский, король Кастильский — сын Марии Бургундской и императора Максимилиана I, родился в 1478 г., умер в 1506 г., отец Карла V — 39, 55.

Филипп II — король Испании (1555—1598) — 27—44, 47—74, 79, 82, 85, 90, 91, 93, 103, 105, 110, 115, 119, 120, 123, 125, 126, 132, 135, 141, 144, 147, 152, 153, 160, 163, 164, 165, 166, 168, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 177, 178, 184, 191, 192, 200, 204, 214, 218, 221, 230, 231, 235, 236, 238, 259, 261, 262, 264, 265, 273, 274, 275, 276, 280, 281, 282, 284, 285, 290, 300, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 310, 315, 316, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 326, 328, 332, 336, 342, 343, 382, 384.

Филипп III — король Испании (1598—1621) — 330, 333, 337, 338, 341, 342, 347, 348, 349, 354, 425, 495.

Филипп IV — король Испании (1621—1665) — 350, 351, 352, 355, 356, 361, 363, 367, 368, 369, 370, 376, 377, 379, 425, 465, 496.

Фридрих V — пфальцграф, богемский король — 347.

Фридрих-Генрих Нассауский — см. Нассауский Фридрих-Генрих.

Фуэнтес де Асеведо Педро Энрикес — фактический правитель Нидерландов при эрцгерцоге Эрнсте Австрийском — 306, 308, 309, 311, 368, 473.

Х

Хауреги Хуан — покушался в марте 1582 г. на принца Оранского — 277, 289.

Христиан II — король Дании — 48.

Христина Лотарингская, герцогиня — 48, 206.

Ш

Шампанэ Фредерик, сир — правитель Антверпена — 192, 205, 209, 225, 226, 253, 254, 255, 306.

Шимэ Карл де Круа, принц, герцог Арсхот — 291, 298, 303, 328, 329, 362, 435.

Шьевр Гильом — советник Филиппа Красивого (Бургундского) — 58, 126, 163.

Э

Эбергард Маркский — епископ льежский — 386, 389, 395, 399.

Эгмонт Ламораль, граф — представитель дворянской оппозиции, казнен герцогом Альбой — 31, 36, 38, 41, 53—58, 60, 65, 67, 70, 71, 87, 91, 94, 99, 102, 105, 106, 110, 114, 115, 116, 117, 129, 131, 133, 179, 255, 363, 394.

Эгмонт Филипп — сын Ламораля — 192, 217, 229, 253, 255, 264, 268, 298, 304, 328, 329, 361, 376.

Эпиктет — философ, основоположник стоицизма — 522, 525.

Эпинуа де Мелен Вильгельм, принц, — 361, 363, 364.

Эпинуа де Мелен Петр, принц — 258, 267, 287.
Эразм Роттердамский — знаменитый гуманист — 51, 59, 95, 266, 438, 522, 524, 525, 529.
Эрассо — советник Филиппа II — 138.
Эрнст Баварский — епископ кельнский и льежский — 301, 304, 402, 403, 404, 405, 406, 408, 413.
Эрнст, эрцгерцог Австрийский — правитель Нидерландов с 1592 до 1596 г. — 308, 309, 310, 311, 316, 458, 473, 476.
Эсковедо Педро — секретарь дон Жуана Австрийского — 182, 203.

Ю

Юниус де Жонг — политический деятель, приближенный принца Оранского — 157, 186, 234, 247.
Юлий II — папа (1503—1513) — 47.

Я

Яков I — король Англии (1603—1625) — 337, 345.
Янсений Корнелий — епископ Гента — 137, 370, 441, 460, 533.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Е. А. Косминский, Анри Пиренн — историк Бельгии (вступительная статья) 5

Начало восстания против Филиппа II

Глава первая. Филипп II в Нидерландах 27
Глава вторая. Маргарита Пармская и Гранвелла. Новые епископства 45
Глава третья. Кальвинисты и гезы 74

Испанский режим

Глава четвертая. Герцог Альба 123
Глава пятая. Борьба с мятежниками до Гентского примирения . . 152
Глава шестая. Гентское примирение 177
Глава седьмая. Дон Жуан Австрийский 199

Религиозная война

Глава восьмая. Политика оранжистов 213
Глава девятая. Религиозный мир 237
Глава десятая. Примирение валлонских провинций с Испанией . . 247
Глава одиннадцатая. Распад Нидерландов 266

От прибытия эрцгерцога Альберта до Мюнстерского мира

Глава двенадцатая. Уступка Нидерландов 315
Глава тринадцатая. Правление эрцгерцогской четы 326
Глава четырнадцатая. До смерти Изабеллы 349
Глава пятнадцатая. До Мюнстерского мира 368
Глава шестнадцатая. Льежская область 385

Культура католических Нидерландов

Введение 423
Глава семнадцатая. Положение религиозных дел 427
Глава восемнадцатая. Государственное устройство 469
Глава девятнадцатая. Экономическое и социальное положение . . 489
Глава двадцатая. Культура 522

Приложения

Толковый словарь 547
Указатель географических названий 557
Указатель собственных имен 563

Редактор *Н. Рубинштейн* Техред *В. Морозов.*

Сдано в набор 15/IX — 36 г. Подписано к печати 7/III—37 г. Формат 62 × 94 1/16. 35 3/4 печ. л. 39 744 зн. в печ. л. Огиз № 1791. Зак. № 961. Тираж 10.000 экз. Уполномоченный Главлита Б—26115
Цена книги 8 р. 60 к. Переплет 1 р. 25 к.

2-тип. ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» «Печатный Двор» им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

НИДЕРЛАНДЫ
1559-1609 гг.
МАСШТАБ
45 0 45 90 135 км
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
Соединенные провинции Нидерландов
Владения, оставшиеся за Испанией после 1609 года
Государственные границы
Границы провинций
МОРЕ
Ейст
Боркум
Роттемерог
Схирмонниког
Амеланд
Терсхелинг
Флиланд
Эйерланд
Тессель
Эмден
Дельфзейль
Леварден
Гронинген
Гарлинген
Больсвард
Гейлигерле
Акрюм
Ассен
Гельдер
Волфега
Диверен
Кейндер
Стенвейк
Меппель
Нуфорден
Петтен
Медемблик
Энкгейзен
Фолленгофе
Алькмар
Горн
Эрк
Схокланд
Гассельт
Вейк
Кампен
Зволле
Эльбург
Гарлем
Амстердам
Мейден
Гардервейк
Девентер
Гоор
Энсхеде
Катвейк
Нейкерк
Тет-Лоо
Амерсфорт
Лейден
Зютфен
Гаага
Утрехт
Аргейм
Дельфт
Боркуло
Тренло
Вост Ворне
Зап Ворне
Схоувен
Южн Ворне
Брилль
Дордрехт
Неленборг
Зевенар
Дутинхем
Тиль
Валь
Рейн
Нимвеген
Равенштейн
Мок
Кейк
Брауверсхавен
Гертруйденберг
Герцогенбош
Бокстель
Вальхерен
Миддельбург
Флиссинген
Стенберген
Бреда
Розендаль
Берг оп Зом
Тильбург
Гельмонд
Гельдерн
Дуйсбург
Эйндгофен
Венло
Бланкенберг
Слейс
Арденбург
Аксель
Зандфлит
Тернгоут
Антверпен
Хель
Гамонт
Остенде
Брюгге
Сен Никола
Лир
Герентальс
Пер
Торн
Рурмонд
Ньюпорт
Гент
Дендермонде
Дюнкирхен
Дюксмейден
Дейнце
Гейст
Масейк
Новый Штат
Гравелин
Калэ
Мехельн
Алост
Дист
Лувен
Тасселт
Рекгейм
Герцогенрат
Юлих
Кельн
Поперинг
Кассель
Ипр
Куртрэ
Оденард
Менен
Ренэ
Граммон
Брюссель
Тирлемон
Мастрихт
Строн
Валькенбург
Сент-Омер
Варнетон
Вервик
Лоз
Тонгр
Ахен
Армантьер
Энгиен
Ат
Вавр
Визе
Дальгем
Гинегат
Бетюн
Лилль
Турне
Нивель
Женапп
Жамблу
Льеж
Шьевр
Суаньи
Намюр
Гои
Лимбург
Лан
Орши
Шарлеруа
Спримонт
Дуэ
Монс
Анденн
Мальмеди
Гебден
Шатлэ
Ставело
Валансьенн
Пюэн
Бувин
Динан
Дюрбэ
Сент-Вит
Аррас
Бушен
Ле Кенуа
Мобеж
Ларош
Дулен
Бопом
Камбрэ
Филиппвиль
Рошфор
Уффализ
Прюм
Мариенбург
Като-Камбрези
Шимэ
Кюкен
Сен-Юбер
Клерфэ
Дудельдорф
Бастонь
Битбург
Ревэн
Оршимон
Вильтц
Дикирх
Амьен
Сомма
Эш
Эхтернах
Сен-Кантен
Вервен
Булльон
Шини
Гревенмахер
Трир
Гам
Эталь
Арлон
Нуайон
Иваа
Виртон
Люксембург
Лонгви
Ремих
Компьен
Суассон
Эн
Диденгофен
Реймс
Мец
Уазь
Маас
Саар
Мозель
от Гринича
2
3
4
5
6
7
50
51
52
53